КОЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

Центр Гуманитарных Проблем Баренц региона
Кольского Научного Центра РАН

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОЛЬСКОМ НАУЧНОМ ЦЕНТРЕ РАН:
история и основные направления

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«КОЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»
ЦЕНТР ГУМАНИТАРНЫХ ПРОБЛЕМ БАРЕНЦ РЕГИОНА

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОЛЬСКОМ НАУЧНОМ ЦЕНТРЕ РАН:

история и основные направления

Апатиты
Издательство Кольского научного центра
2023

УДК 930
ББК 63.3
Г94

Печатается по решению Редакционного совета по книжным изданиям ФИЦ КНЦ РАН.

Монография подготовлена по теме НИР № FMEZ-2022-0028
«Социокультурное и научно-техническое развитие северо-западной части
Арктической зоны РФ в XIX–XXI вв.: исторический и антропологический ракурсы».

Публикуется при финансовой поддержке акционерного общества
«Северо-Западная фосфорная компания».

Рецензенты:
д-р ист. наук И. Ю. Винокурова;
канд. ист. наук Е. А. Орехова

Г94 **Гуманитарные исследования в Кольском научном центре РАН:** история и основные направления / под общей редакцией И. А. Разумовой. Апатиты : Изд-во Кольского научного центра, 2023. — 516 с.: ил. + вклейка: [36 с.: ил.].

ISBN 978-5-91137-501-0

Коллективная монография посвящена истории становления и развития гуманитарных исследований и создания нового академического подразделения в Кольском научном центре РАН на рубеже XX и XXI вв. Научный профиль Центра гуманитарных проблем составили антропология, этнография, этнология и отечественная история в областях истории арктических исследований и академической науки, истории образования, социальной истории семьи, истории культуры.

В главах издания представлены основные направления исследований ЦГП КНЦ РАН: изучение коренного и старожильческого населения Кольского полуострова, процессы формирования постоянного населения и городской культуры, вопросы самоидентификации жителей Севера, этнокультурные взаимодействия в регионе, история институтов науки и образования, история и культура семей.

Авторы: д-р ист. наук И. А. Разумова (предисловие, главы 1–4, 8, послесловие), канд. ист. наук О. В. Змеева (глава 5), канд. ист. наук О. В. Шабалина (глава 6), канд. ист. наук К. С. Казакова (глава 7), канд. ист. наук Е. В. Бусырева (глава 9), канд. ист. наук О. А. Сулейманова (глава 10). Издание включает полную библиографию трудов ЦГП КНЦ РАН и иллюстративный раздел.

Для историков, антропологов, этнографов, обществоведов.

© Разумова И. А., общая редакция,
научная редакция, составление, 2023
© Разумова И. А., Бусырева Е. В., Змеева О. В.,
Казакова К. С., Сулейманова О. А.,
Шабалина О. В., 2023
© Травин И. А., оформление иллюстраций, 2023
© Бодрова О. А., составление библиографии, 2023
© ЦГП КНЦ РАН, 2023
© ФИЦ КНЦ РАН, 2023

ISBN 978-5-91137-501-0
doi:10.37614/978.5.91137.501.0

Дорогие друзья!

Вашему вниманию представлена монография, подготовленная коллективом авторов Центра гуманитарных проблем Баренц региона — филиала Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук». Книга представляет собой концентрированное изложение основных результатов многолетних исследований учёными Центра важнейшей социогуманитарной проблематики Кольского Заполярья XIX–XXI веков. В монографии нашли отражение и научную интерпретацию многочисленные факты, явления и процессы новой и новейшей истории Северо-Западной части российской Арктики. Теоретическую и методологическую основу выполненных авторским коллективом исследований формирует система подходов, принятых на вооружение антропологией, этнографией, этнологией и исторической наукой. Это позволяет по-новому, научно обоснованно и более глубоко оценить факты нашей недавней истории и объясняющий их появление контекст, выявить и проанализировать исторические причины многих сегодняшних социально-экономических процессов, характерных для регионов Северо-Запада России.

Помимо исторического и социокультурного ракурса, издание раскрывает ретроспективу становления и развития гуманитарных исследований в Кольском научном центре РАН с середины 1980-х гг. до сегодняшних дней. Бурный рост социально-экономической проблематики на рубеже XX и XXI вв. и последовавший всплеск интенсивности и остроты общественного дискурса не могли оставить в стороне научное сообщество. Создание исследовательской группы в составе трёх специалистов — этнографа Н. Н. Гуцол, историка А. Г. Саморуковой и организатора Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Е. Я. Пации, положившее начало истории Центра, было продиктовано требованиями времени. Авторы книги рассказывают об эволюции поначалу небольшого исследовательского коллектива и развитии Центра как о форме ответа сообщества учёных Заполярья на усложняющуюся социально-экономическую и социокультурную действительность.

Книга «Гуманитарные исследования в Кольском научном центре РАН: история и основные направления» очень своевременна. С одной стороны, она выходит в свет в год 300-летия Российской академии наук, что обусловливает внутреннюю потребность в подведении промежуточных итогов и исследовательской рефлексии, несмотря на то,

что авторы не ставят себе напрямую таких задач. Во-вторых, события двух последних лет привели к самой масштабной со времён Великой Отечественной войны встряске российского национального самосознания. В этом контексте исторические и историко-культурные исследования новой и новейшей истории нашей страны исключительно важны для формирования научно обоснованного видения места и миссии России в изменяющемся мире, исторической и культурной самоидентификации наших граждан, укрепления и развития патриотизма и государственности.

Монография, безусловно, будет интересна самому широкому кругу читателей — и профессиональным исследователям, работающим в социогуманитарной сфере, и всем тем, кто просто интересуется историей и культурой Кольского Заполярья. Богатый и интересный фактологический материал, простота и доступность изложения, «человечность» исследуемых тем дают изданию право претендовать на высокую читательскую оценку. Приятного чтения!

С глубоким уважением к авторам и читателям,

В. В. Дядик, канд. экон. наук,
первый заместитель генерального директора
Федерального исследовательского центра
«Кольский научный центр Российской академии наук»,
и. о. директора Центра гуманитарных проблем КНЦ РАН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие…….. 10
Глава 1. История научной организации……. 14
Музей Географического общества СССР в составе академического центра..... 14
Международный центр науки, культуры и образования……... 17
Создание и структура МЦНКО……..……..... 17
Международное сотрудничество и проекты…… 21
Несколько слов о кадровом составе…….. 27
Центр гуманитарных проблем…….. 30
От МЦНКО — к Центру гуманитарных проблем Баренц региона…. 30
Стратегии организации……... 37
В содружестве с университетом…… 42
Вехи истории…….…….…….... 47
Глава 2. Изучение коренного населения Кольского полуострова….. 54
«Саамский фактор» в развитии региона и гуманитарных исследований…….…….…… 54
Первое научное направление: «вызов» времени…….. 54
В Институте экономических проблем……..... 56
В МЦНКО: первые проекты……..…… 61
Саамы в социальной структуре Мурманской области: этноэкономический и этнополитический аспекты…….. 63
История и культура восточных саамов……... 68
Регистрация и картографирование памятников культуры саамов-скольтов…… 68
Ловозеро: переселённые группы кольских саамов…….…… 76
Историческое развитие систем жизнеобеспечения саамов в XVIII–XX веках…….. 81
Саамский фольклор…..……..... 86
Глава 3. Изучение старожильческой культуры. Поморы……... 91
«Периферийное» направление……. 91
Полевые исследования…….... 95
Поморские сёла в начале XXI века…….. 99
Чаваньга……..... 99
Териберка……. 104
История семьи на фоне поморской культуры……. 109

Глава 4. Антропология заполярного города……..…….... 114
Север и северяне: идентификация пространства и общности……... 114
Городское население и северная идентичность……... 114
Северяне-«мурманчане»: ключевые идентификаторы…… 119
Городской фольклор……..… 125
Образ жизни……. 126
Определение родины: территориальная и локальная самоидентификация молодёжи…….…….. 130
Заполярный город: история и память…….. 134
Полевые исследования…… 134
Литературные источники……..……. 138
Городской музей……..……..…….. 141
Устная история……..... 143
Исторические образы городов и посёлков……..…….... 145
Промышленные города Кольского полуострова…….…..... 145
Рабочие посёлки……..... 156
Глава 5. Миграции и межкультурные взаимодействия в Кольском Заполярье в XX–XXI веках…….. 161
Миграционная ситуация на Кольском полуострове на рубеже XX–XXI веков…… 161
Этническая миграция и социокультурная динамика…….……. 163
Представления северян о мигрантах с Кавказа……... 163
Динамика этнического стереотипа……..……..... 169
Аккультурация и культурная дистанция: коренное и «пришлое» население……..... 171
Представления о коренном населении…….. 171
Образ лопаря в научно-популярных работах участников естественнонаучных экспедиций……..…….…..... 173
Миграционное поведение жителей Мурманской области……..... 175
Стратегии студенческой молодёжи…..……..... 175
Миграционные установки и сценарии: опыт «старожилов»…….... 179
Мотивы переезда и практики адаптации: опыт мигрантов-кавказцев..…… 184
Этнические мигранты и принимающая среда……..... 186
Этнические сообщества и отношение принимающей среды…….. 186
Сети поддержки мигрантов: взгляд принимающего населения…….. 188
«Толерантность/интолерантность»: поколенческие различия…… 190

Этнические группы Мурманской области и их взаимодействие..... 191
Советские граждане: опыт адаптации……... 191
Мигрант и женщина: особенности взаимодействия…… 193
Кавказцы на Кольском Севере: миграционный опыт…….. 193
Адаптация мигрантов в малом городе: опыт азербайджанцев….. 198
Беженцы и социокультурная динамика в регионе……..... 201
Украинские беженцы в региональных СМИ (2014–2015 гг.)…… 201
«Транзитная» миграция в устных интерпретациях и освещении СМИ (2015–2016 гг.)…… 209
Этническая история Кольского Севера: динамика культурных границ…… 210
Глава 6. Исследования истории научного освоения и изучения Европейской Арктики, в том числе Кольского полуострова..……... 217
Историографические аспекты……..... 217
Институциональное развитие академической науки на Кольском Севере……... 222
Историография и источники……..……. 222
Поэтапная смена институциональных форм академической науки в 1930–1980-е годы……... 225
Формы взаимодействия академической науки и властных структур…..... 229
Специфика развития академических научных исследований в постсоветский период…….…….... 232
Роль науки в формировании инновационного потенциала Кольского Севера..... 234
Основные аспекты и источники исследования……. 234
Взаимодействие науки и власти на примере развития регионального научного центра в Заполярье…….……... 237
Кадровая политика и международное сотрудничество в Кольском филиале АН СССР……..... 240
Векторы развития российской научно-технической политики и международного научно-технического сотрудничества на Кольском Севере в 2000-е годы…… 242
Локальные исследования роли науки в процессах социального развития северных и арктических территорий……. 244
Опыт советской и зарубежной науки в экономическом и социальном развитии арктических территорий…….. 246
Актуальность и источники исследования……..... 246
Накопление опыта организации и управления наукой в регионе в советский период: особенности формирования приоритетных научных направлений…… 250

Этапы и формы развития взаимодействия науки и производства в советский период……..... 253
История развития материально-технической базы академического научного центра в Заполярье в 1929–1985 годах…… 255
Особенности и основные этапы становления в России первых научных центров полярного земледелия……..... 257
Теоретические и практические аспекты формирования научной политики в странах Северной Европы……... 260
Формирование региональной социальной политики Мурманской области в начале XXI века…….....…..... 263
История научно-технологического обеспечения цивилизационного освоения и развития Кольского Севера……..... 264
Роль государственных и партийных органов в истории организации научного обеспечения Хибинского горно-промышленного комплекса…… 266
Вклад академической науки в развитие производительных сил региона……... 268
Научное обеспечение развития полярного земледелия в 1920–1930-е годы…….. 269
Публикационная и источниковедческая деятельность ЦГП КНЦ РАН по темам истории научного изучения и промышленного освоения Арктики и Субарктики……..... 271
Глава 7. Школы Кольского Севера в XX веке: социальный вектор развития……... 277
Школьная образовательная среда в архивных материалах и устной истории…… 277
Школа 1930–1940-х годов: формирование учительского состава и трудности военного времени……..... 286
Сельская школа в контексте этнической культуры…… 301
Глава 8. Семья в истории и культуре Кольского Севера…… 309
Формирование направления и некоторые методологические основания…… 309
Культура семей в источниках и историографии Кольского Севера…….. 313
Семейно-исторические знания молодёжи…..... 316
Семья и родство в процессе адаптации северян……. 321
Родство, брак, семья как институты культурной преемственности…… 326
Представления о наследственности и структура наследственных групп..... 326
Семья как институт профессиональной социализации…… 329
Интерпретации и модели брака……..…… 333
Репродуктивное поведение современных семей…….. 340
Ритуалы прощания……..……. 344
Семейное поминовение……... 351

Глава 9. Изучение кольских семей с финским и немецким родословием……..... 356
Семьи с финской родословной на Кольском Севере до 1930-х годов……... 356
Вынужденные переселения как основа семейной истории и этничности……..... 372
Коммеморативные практики в семьях с финскими и немецкими корнями…… 385
Глава 10. Вещь в трансляции семейных и этнических традиций….. 395
Материально-предметный мир семьи……..... 395
Семейные вещи и память: социально-антропологический подход…… 396
Домашняя жилая среда и история повседневности……..... 405
Вещь в процессе миграций…… 412
Переезд и вещевое поведение……..……... 412
Вещи на новом месте…….……..... 418
Вещь в процессе трансформации этнических традиций…… 422
Материальная культура кольских саамов в частном городском быту и общественном экспонировании……. 422
Образы материальной культуры саамов в виртуальном пространстве……..... 428
Бренд-сувенир и «профанация» саамской культуры…… 431
Послесловие……... 437
Список сокращений……..... 439
ЦГП КНЦ РАН. Список трудов…… 443

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2024 г. Центру гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН исполнится 20 лет, а ещё через год — тридцатилетие его предтечи — научно-вспомогательного подразделения КНЦ РАН Международного центра науки, культуры и образования в Баренц/Евро-Арктическом регионе. Настоящая монография не ориентировалась специально на «круглые» даты, но их приближение — хороший дополнительный повод для того, чтобы предпринять некий обзор сделанного примерно за четверть века. Авторский коллектив не намеревался подводить хоть и промежуточные, но «итоги». Скорее, это попытка осмыслить опыт становления небольшой научной организации и её роль в составе Федерального исследовательского центра, который является, по ставшему привычным перифрастическому имени, «форпостом отечественной академической науки в русском Заполярье». Шаг к созданию ЦГП, сделанный в своё время руководителями Кольского научного центра РАН, сейчас, с некоторой временной дистанции, представляется весьма рискованным. Безусловно, сами организаторы это понимали. В отличие от ряда других региональных комплексных научных учреждений, например, Карельского или Коми научных центров РАН, Кольский научный центр никогда не имел в своём составе ни институтов, ни отделов или иных обособленных подразделений истории, литературы, языка, философии или прочих гуманитарных наук. Обществоведческое подразделение — Институт экономических проблем был создан позже остальных. Естественно, что именно он, будучи ещё Отделом, «приютил» у себя Музей-архив истории изучения и освоения Европейского Севера России, а вместе с ним и трёх специалистов — этнографа Н. Н. Гуцол, историка А. Г. Саморукову и «гуманитария широкого профиля» Е. Я. Пацию. В дальнейшем целый ряд факторов способствовал тому, что вначале появилось научно-вспомогательное, а затем обособленное научное подразделение. Оно называется «гуманитарным», потому что, в свою очередь, является комплексным. Научный коллектив на сегодняшний день составляют сотрудники нескольких исторических специальностей, среди них два филолога по базовому образованию.

Одним из оснований «риска» создания ЦГП была необходимость адаптировать гуманитариев и сферу их исследований к крупной научной организации, у которой исключительно естественнонаучная направленность. С актуальностью изучения истории, этнографии и региональных социально-культурных процессов вопросов не возникало. Однако нельзя

сказать, что гуманитарии всегда находили полное понимание среди «принимающего большинства» учёных иного профиля. Действительно, не только по методологии, объекту, предмету изучения, но и по способу представления результатов гуманитарные науки обладают отличиями от наук естественных.

В одной из статей в «Вестнике Российской академии наук» академик В. А. Тишков перечислил отличительные особенности гуманитарных наук. К отличиям, в частности, относятся «необходимость и самостоятельная значимость не только вывода, но и самого описания», следовательно, и «специфика научного продукта»[1]. Это означает, что для гуманитария предпочтительнее написать монографию, чем статью по строгим формальным лекалам, регламентирующим не только объём, но и структуру текста, рубрикацию и даже язык описания результатов. Наряду с монографиями первостепенное значение для историков, антропологов, этнографов, филологов имеют публикации материалов: архивных документов, письменных источников, словарей, фотографий, аудиозаписей бесед с информантами, устных рассказов и даже собственных наблюдений, зафиксированных в полевых дневниках. Научность публикаций обеспечивается соответствующим аппаратом: аналитической статьей, профильными комментариями (историческими, биографическими, лингвистическими), справочной информацией, словарями и прочими результатами работы составителей. В гуманитарных исследованиях большой объём занимает не только полевая, но также архивная и текстологическая работа. Комментарий к тексту может значительно превосходить в объёме сам опубликованный текст, а для составления маленькой словарной статьи требуется столько же времени, сколько для проведения масштабного исследования.

Научные гуманитарные знания обращены «не только к узкому профессиональному сообществу, но и к более широкой аудитории, ибо историю и литературу хотят знать многие, это необходимая часть культурного багажа современного человека, его идентичности»[2]. Наконец, очень важной особенностью является национально-культурная укоренённость гуманитарного знания: «В отличие от естественных наук, для которых характерны общемировые тематики и тенденции развития (не существует отдельных российской, французской, немецкой химии или биологии), гуманитарные науки имеют более явную страновую специфику с точки зрения приоритетов и решаемых задач»[3]. Это, конечно же, не исключает универсальности человека и социально-культурных

[1] См.: Тишков В. А. Гуманитарные науки в России // Вестн. РАН. 2018. Т. 88, № 10. С. 878.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 879.

явлений. Например, социальная антропология как гуманитарная дисциплина сосредоточена на проблеме соотношения универсального и культурно-специфического в жизни людей разных эпох, стран и цивилизаций, а также современников, живущих по соседству.

На вопрос о том, насколько оправданным был опыт создания ЦГП КНЦ РАН, отчасти способна ответить настоящая монография. Во всяком случае, коллектив авторов на это надеется. В девяти главах из десяти представлены основные направления исследований, которые проводились и продолжают выполняться сотрудниками Центра. Исследования имеют этнологический, антропологический и исторический профиль, что видно по постановке проблем, объектно-предметным областям, выбору методологии и методик. В центре внимания социально-культурные общности (этнические, поселенческие, семейно-родственные), институты (наука, образование, семья) и актуальные для страны и региона историко-культурные процессы. Главы монографии, за единственным исключением, написаны сотрудниками, которые были ответственными исполнителями разделов тем, руководили проектами. Источниками служили отчёты о научно-исследовательской работе и научно-организационной деятельности, публикации сотрудников и коллег, архивные документы. По разным причинам результаты не всех исследований ЦГП находили отражение в публикациях, в таких случаях о них рассказывается более подробно.

Авторы: И. А. Разумова (главы 1–4, 8, предисловие, послесловие), О. В. Змеева (глава 5), О. В. Шабалина (глава 6), К. С. Казакова (глава 7), Е. В. Бусырева (глава 9), О. А. Сулейманова (глава 10).

Иллюстративный раздел подготовлен И. А. Травиным. Список трудов составлен О. А. Бодровой. Научно-техническая работа выполнена старшим лаборантом В. В. Стрельниковым.

Благодарности

Авторский коллектив от лица всех сотрудников Центра гуманитарных проблем КНЦ РАН выражает глубочайшую благодарность Валентину Петровичу Петрову, бессменному руководителю Центра на протяжении ровно четверти века. Именно его стараниями наш коллектив создавался, рос профессионально, работал увлечённо и поверил в свои возможности. Мы благодарны за поддержку В. В. Дядику, который в настоящее время возглавляет ЦГП и способствует спокойной научной работе.

Авторы глубоко признательны акционерному обществу «Северо-Западная фосфорная компания», оказавшему финансовую поддержку для публикации монографии.

Отдельная благодарность Наталье Николаевне Гуцол, которая откликнулась на просьбу о заочной консультации и написала о своей работе в МЦНКО и ЦГП, об изучении культуры саамов, экспедициях и международном научном сотрудничестве в 1990-е — начале 2000-х гг.

Её труд вложен в главу 1. Спасибо всем коллегам — сотрудникам Центра в недавнем прошлом, внёсшим большой вклад в исследования и публикации: Антонине Григорьевне Саморуковой, Елене Ивановне Макаровой, заведующей научным архивом КНЦ, Светлане Николаевне Виноградовой, Жанне Эдуардовне Каспарьян, аспирантам. Мы признательны преподавателям Кольского филиала Петрозаводского государственного университета Нине Николаевне Измоденовой, Элине Сергеевне Клюкиной, Галине Владимировне Костиной, Сергею Александровичу Дюжилову за плодотворное сотрудничество в годы существования этого высшего учебного заведения и студентам гуманитарного факультета, благодаря которым удалось собрать обширный массовый материал о жителях городов и посёлков Кольского полуострова.

Монография, как и все прочие работы Центра гуманитарных проблем КНЦ РАН, не состоялась бы без отзывчивых работников Государственного архива Мурманской области Национального архива Республики Карелия, ГАМО в городе Кировске и Кировского историко-краеведческого музея.

Наша признательность членам Учёного совета ЦГП КНЦ РАН и Редакционного совета по книжным изданиям КНЦ РАН, обсудившим работу и рекомендовавшим её к печати. Благодарим уважаемых рецензентов — д-ра ист. наук, ведущего научного сотрудника ИЯЛИ КНЦ РАН Ирину Юрьевну Винокурову и канд. ист. наук, заведующую сектором отдела истории края Мурманского областного краеведческого музея Екатерину Александровну Орехову, взявших на себя труд по прочтению и оценке монографии и приславших компетентные и доброжелательные рецензии.

Со дня основания ЦГП стабильность его работы обеспечивают заместитель директора по общим вопросам Евгений Иванович Усачев, без которого никакие высокие технологии не были бы в помощь гуманитариям, и Виктория Викторовна Старикова, принимающая на себя в дополнение к обязанностям главного бухгалтера много разных общественных забот. Без них историки и антропологи, с опасением относящиеся к технике, цифрам и делопроизводственным документам, не достигли бы научных результатов. Большое им спасибо, мы очень это ценим.

И, конечно, благодарим близких за то, что они готовы мириться со своими порой испорченными отпусками, с нашим удивительным режимом дня и погружённостью в источники в ущерб домашним занятиям.

Светлая память Евгении Яковлевне Пации, Роману Александровичу Кравченко-Бережному, Владимиру Дмитриевичу Токареву, Дмитрию Александровичу Федотову, с которыми нам посчастливилось работать и общаться.

ГЛАВА 1
ИСТОРИЯ НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Музей Географического общества СССР в составе академического центра

Центр гуманитарных проблем Кольского научного центра РАН, несмотря на относительно небольшой возраст, имеет не только свою историю, но и историографию[1].

Созданию гуманитарного научного подразделения в региональном академическом научном центре предшествовали и способствовали как внутренние обстоятельства, так и известные социально-экономические и политические процессы, происходившие в стране во второй половине 1980-х — 1990-х гг. У него была предыстория, которой можно считать историю общественного музея исторического профиля, созданного в 1974 г. под эгидой Северного отделения Географического общества СССР. Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера был рождён усилиями учёных-энтузиастов и в своей жизни претерпел административные преобразования и территориальные перемещения[2].

---

[1] Разумова И. А. Петров В. П. Становление и развитие гуманитарного направления исследований в Кольском научном центре РАН // Вестн. Кольского научного центра РАН. 2012. № 4. С. 37–45; Виноградова С. Н. Саамские исследования в МЦНКО и ЦГП КНЦ РАН: история становления и основные результаты пятнадцати лет работы // Труды Кольского научного центра РАН. 2012. Гуманитарные исследования. Вып. 3. С. 87–100; Виноградова С. Н., Саморукова А. Г. К 20-летию Центра гуманитарных проблем Баренц региона КНЦ РАН: история становления и развития // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 5. 2014. № 2 (21). С. 196–209.

[2] Об истории создания и деятельности Музея-Архива см.: Шабалина О. В. Материалы Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера МЦНКО КНЦ РАН как источники по истории науки // Музеи РАН: альм. М.: Науч. мир, 2000. С. 187–200; Пация Е. Я., Петров В. П. Научно-исследовательская и просветительская деятельность музея «Истории изучения и освоения Европейского Севера России» // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. Апатиты: КНЦ РАН, 2004. С. 159–166; Петров В. П., Пация Е. Я., Шабалина О. В. История организации и создания Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН (1970–2012) // Вестн. Кольского научного центра РАН. 2012. № 4. С. 24–36; Шабалина О. В., Пация Е. Я. Персональный фонд академика А.Е. Ферсмана Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера // Вестн. Кольского научного центра РАН. 2013. № 4. С. 4–8; Шабалина О. В. Страницы истории этнографических исследований Кольского полуострова. Из фондов Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской Академии наук. Апатиты: Изд-во Кольского науч. центра РАН, 2022. С. 10–26 и другие публикации.

Когда в середине 1980-х гг. негосударственные общества лишились источников финансирования, то культурно-просветительское учреждение и его сотрудники, оказавшиеся в сложной ситуации, по ходатайству президента Географического общества были приняты под «покровительство» Кольского филиала АН СССР. Фонды Музея-Архива были переданы в региональный академический центр[1]. Десятью годами ранее руководство и сотрудники институтов Кольского филиала Академии наук всесторонне способствовали созданию Музея-Архива, понимая его главную миссию. Деятельность Музея по изначальной идее была направлена на сохранение истории арктических исследований.

Как справедливо писали О. В. Шабалина и Е. Я. Пация, «парадокс заключается в том, что Музей-Архив был задуман как исторический, а в структуре тогда ещё Кольского филиала Академии наук СССР не было ни одного гуманитарного подразделения и, более того, отсутствовали всякие предпосылки для его организации. Вузовская наука Мурманской области “в одиночестве” пыталась заполнить гуманитарные “лакуны”»[2]. В процессе создания Музея разнообразная деятельность по формированию фондов, информационной и организационной поддержке сплотила вокруг него, помимо членов Географического общества, широкий круг заинтересованных людей. В работе по созданию музея участвовали руководители академического центра, включая председателя Президиума КФАН СССР Г. И. Горбунова, сотрудники Геологического и других институтов, члены семей учёных, ранее работавших на Кольском полуострове. К собиранию экспонатов и документов были привлечены иногородние специалисты — этнографы, археологи, языковеды научных учреждений Северо-Запада (Санкт-Петербурга, Карельского филиала АН СССР), журналисты, музейщики, краеведы. Следует отметить особую роль Евгении Яковлевны Пации, которая, как никто другой, умела расположить к себе людей, долгие годы поддерживать рабочие и дружеские отношения в научной и широкой культурной среде, с общественностью и администрациями всех уровней, с самыми разными людьми.

---

[1] Петров В. П., Пация Е. Я., Шабалина О. В. История организации и создания Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера // Вестн. Кольского научного центра РАН. 2012. № 4. С. 32.

[2] См.: Шабалина О. В., Пация Е. Я. Персональный фонд академика А. Е. Ферсмана Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера // Вестн. Кольского научного центра РАН. 2013. № 4. С. 4. Вузовская наука Мурманской области в 1970–1980-е гг., если не считать Мурманское высшее инженерно-морское училище (с 1992 г. — Мурманская государственная академия рыбопромыслового флота, с 1996 г. — Мурманский государственный технической университет), не имевшее гуманитарных кафедр, была представлена одним высшим учебным заведением — Мурманским государственным педагогическим институтом, в 2002 г. переименованном в университет.

В силу специфики Кольского научного центра основное место в его работе отводилось естественнонаучным направлениям. Отдел экономических исследований (с 1986 г. — Институт экономических проблем) был единственным общественно-научным подразделением Центра, в котором изучались отдельные аспекты развития территорий проживания коренного населения. Исследования осуществлялись в контексте более широких задач — проблем воспроизводства населения и трудовых ресурсов региона, разработки вопросов социального развития и повышения уровня жизни населения Мурманской области. Сотрудники Северного филиала ГО СССР были приняты на работу в академическое учреждение и составили в нём исследовательскую группу, которой было поручено заниматься социально-экономическими аспектами жизни коренного саамского населения. В неё входили сотрудники Музея Е. Я. Пация, А. Г. Саморукова, мл. науч. сотр. Н. Н. Гуцол и лаборант Н. Ильина. С середины 1980-х гг. эта группа работала в секторе социальных проблем Отдела экономических исследований КНЦ РАН, а с 1986 до 1995 гг. — в Отделе региональных проблем развития и размещения производительных сил Института экономических проблем КНЦ РАН. Заведующим отделом в тот период был канд. экон. наук Е. Е. Лазарев.

Включение Музея в состав Кольского научного центра послужило важным и своевременным стимулом развития научного направления, связанного с изучением всего многообразия исторических, современных социально-экономических и этнокультурных процессов среди коренных малочисленных народов Кольского полуострова. «В 1990 г. в Институте начали разрабатываться проблемы перехода к рынку северных регионов с сырьевой специализацией. Институтом экономики совместно с организацией промышленного производства Сибирского отделения РАН была разработана “Концепция Российской программы развития районов Севера на 15–20 лет”. Был обоснован переход от индустриальной модели развития Севера РФ, закрепляющей сырьевой статус территорий Севера, к новой модели его устойчивого развития. Такой подход обусловил повышенное внимание к социальной проблематике <…>. Большое внимание уделялось обоснованию подходов к развитию коренных народов Севера (вклад в развитие этого направления внесли к.э.н. Е. Е. Лазарев, к.и.н. Н. Н. Гуцол, Е. Я. Пация)»[1], — отметила в обзорной статье о социальных исследованиях в ИЭП КНЦ РАН канд. экон. наук Л. А. Рябова, которая и в те годы, и впоследствии, когда гуманитарный центр стал самостоятельным подразделением, принимала участие в научных проектах этносоциальной направленности в МЦНКО КНЦ РАН.

[1] См.: Рябова Л. А. Социальные исследования на Севере и в Арктике Института экономических проблем им. Г.П. Лузина КНЦ РАН: вчера, сегодня, завтра // Вестн. Кольского научного центра РАН. 2011. № 4. С. 17–18.

Для коллектива Музея вторая половина 1980-х гг. стала стартовым моментом в формулировании новых задач и в формировании самостоятельного научного направления.

Этому способствовали как внутренние обстоятельства, так и новые социальные и политические процессы в стране и за её пределами. К первым следует отнести расширение функций Музея и включение сотрудников в работу научного подразделения КНЦ в связи с происходящими трансформациями. Не последнюю роль сыграл и профессиональный рост группы, когда наряду с Евгенией Яковлевной Пацией, музейным работником, этнографом по интересам и журналистом по образованию, и историком Антониной Григорьевной Саморуковой начала работать специалист-этнограф, канд. ист. наук Наталья Николаевна Гуцол. Кроме того, большое значение имела поддержка научного сообщества ИЭП КНЦ во главе с директором, д-ром экон. наук Г. П. Лузиным, это способствовало интеграции этнографической тематики в научные программы Института. Исследования этнографического профиля были большей частью сосредоточены на «социально-экономическом положении» кольских саамов[1].

Международный центр науки, культуры и образования

Создание и структура МЦНКО

Для создания нового подразделения при Президиуме Кольского научного центра были основания внешнего и внутреннего порядка. В течение 1990-х гг. значительно расширялись сферы, практика и формы международного сотрудничества КНЦ РАН, как и других академических организаций. «В связи с подписанием Российской Федерацией в 1993 году Киркенесской декларации о международном сотрудничестве Кольский научный центр был активно включён в разработку и реализацию серии проектов в области науки, культуры и высшего образования»[2]. Возникла необходимость объединить и координировать деятельность отдельных институтов, обеспечивать её информационное сопровождение. Для повышения эффективности международных научных связей и с целью развития гуманитарных исследований постановлением Президиума КНЦ от 13 июня 1995 г. в качестве самостоятельного научно-вспомогательного подразделения был организован Международный центр науки, культуры и образования в Баренц/Евро-Арктическом регионе (МЦНКО) КНЦ РАН. Этот факт

[1] Об исследованиях этого и последующего времени см. в главе 2.

[2] См.: Петров В. П., Пация Е. Я., Шабалина О. В. История организации и создания Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера. 2012. С. 32.

знаменует начало нового этапа историко-этнографических исследований в академическом центре.

Само научное направление ещё не было самостоятельным и как-либо оформленным в институциональном отношении, приоритеты определялись постепенно. МЦНКО был, прежде всего, научно-просветительской организацией, одновременно обеспечивающей внешние коммуникации. В его состав вошли ранее существовавшие подразделения: Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера России; группа изучения истории и этнографии малых народов Севера Института экономических проблем; группа международных связей КНЦ. Инициаторами образования МЦНКО были заместитель председателя Президиума КНЦ РАН, д-р геол.-минерал. наук Валентин Петрович Петров и учёный секретарь КНЦ РАН, канд. геол.-минерал. наук Анатолий Николаевич Виноградов. Прагматические основания для создания нового подразделения, которое было призвано привлекать инвесторов, очевидны, но, по всей видимости, у руководства было также понимание, что, по возможности надо расширять профиль академических исследований. Региональный центр Российской академии наук не мог быть лишён целых научных областей, к тому же столь важных как изучение истории и культуры населения региона и истории арктических исследований.

При этом время для развития научных исследований, особенно фундаментальных, было самое неподходящее. С начала 1990-х гг. отечественная наука претерпевала глубокие институциональные преобразования, в результате которых сокращалось её финансирование, закрывались исследовательские институты и целые научные области. Наблюдалась ориентация на западные образцы организации науки, знание превращалось в товар, а науковедческие исследования, показывавшие объективную затратность производства знаний, во внимание не принимались. «Наука была выведена из числа стратегических приоритетов государства и была приравнена к “иным статьям экономии бюджета”»[1]. В результате «Россия оказалась одной из немногих стран, если не единственной, которая в сжатый исторический период смогла столь скоротечно и расточительно распорядиться своим научно-кадровым потенциалом, накопленным ею же ценою огромных усилий в прежние десятилетия»[2]. С 1992 г. рост Кольского научного центра, «неуклонно продолжавшийся с 1930 г., включая

[1] См.: Гиндилис Н. Л. От советской к российской Академии наук: конец 80-х — 90-е годы // Науковедческие исследования: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2014. С. 129.

[2] См.: Аллахвердян А. Г., Агамова Н. С. Российская наука в постсоветский период: от кадрового обвала к численной стабилизации // Наука та наукознавство. 2005. № 1. С. 51. По обоснованным расчётами данным авторов статьи, численность исследователей России с 1990 по 2003 гг. снизилась в 2,4 раза, по другим — в 3 раза.

и военные годы, прекратился. Начался трудный период болезненных структурных реорганизаций и сокращения штатной численности»[1]. Руководство Центра и институтов старалось сохранить его научное ядро и качественный состав сотрудников. Штатная численность крупнейшего комплексного научного учреждения Академии наук к 2005 г. сократилась более чем на 50 % по сравнению с 1990 г., при этом численность научных сотрудников уменьшилась на 19 %, а число докторов наук выросло в 2,5 раза.

Сложилась ситуация, при которой проведение научных исследований стало зависеть от зарубежных организаций, обществ, фондов. Отчасти положение спасало то, что были созданы российские государственные фонды, которые на конкурсной основе поддерживали отечественную науку, прежде всего, Российский фонд фундаментальных исследований (создан в 1992 г.), а для гуманитарных специальностей — Российский гуманитарный научный фонд (создан в 1994 г.). Для того чтобы использовать эту возможность, необходим был известный «научный капитал»: коллектив исследователей, имевший задел в виде опубликованных трудов и ранее полученных результатов, а также организационные основания.

Таким образом, если рассматривать сугубо научную составляющую истории организации, можно утверждать, что существование МЦНКО стало необходимым переходным этапом в формировании нового направления академических исследований в КНЦ РАН. Справедливо отметили С. Н. Виноградова и А. Г. Саморукова, что «Кольский научный центр РАН относится к тем немногим научным организациям, которые в это непростое время смогли не только выжить, сохранить кадровое ядро, но и сформировать новые структурные подразделения, инициировать актуальные научные исследования, занять по ряду направлений лидирующие позиции на мировом уровне. Создание научного центра гуманитарной направленности в такой сложный период является тому подтверждением и одним из звеньев в процессе развития КНЦ РАН»[2].

---

[1] См.: Учёные Кольского научного центра. 1930–2010. Апатиты: КНЦ РАН, 2010. С. 12. В рамках дальнейшей «оптимизации» структуры РАН «в 2006–2008 гг. проведено 20 %-ное сокращение нормативной численности пропорционально по всем категориям работающих. На этом этапе произошло сокращение численности научных сотрудников более чем на 140 единиц. Потеря тем более ощутимая, что многие числящиеся доктора и кандидаты наук были вынуждены работать не на полные ставки» (Там же, с. 12).

[2] См.: Виноградова С. Н., Саморукова А. Г. К 20-летию Центра гуманитарных проблем Баренц региона КНЦ РАН: история становления и развития // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 5. 2014. № 2 (21). С. 198.

В 1995–1996 гг. осуществлялась организационная и техническая подготовка к работе МЦНКО. Для него было выделено двухэтажное здание в Академгородке, бывший детский сад. Оно было отремонтировано, и на первом этаже разместился Музей-Архив.

1997 г. — важная веха в истории МЦНКО. Организация получила статус юридического лица. Центр и Музей начали работать в своём новом здании. Евгения Яковлевна Пация называла это событие «вторым рождением» музея, так как он получил «качественно иные экспозиционные возможности, а с обновлённым коллективом — научно-исследовательский потенциал. В структуру Музея-Архива, которая носила комплексный характер, к тому моменту вошли четыре выставочных зала, фонды, библиотека»[1].

В структуре МЦНКО было несколько подразделений. Сектор истории и этнографии состоял из группы по изучению коренных народов Севера и региональных проблем национальной политики и Музея истории изучения и освоения Европейского Севера. Сектор социологии и политологии — второе научное подразделение. Дисциплинарные области не были разграничены определённо. Исследовательская группа, которая состояла из Н. Н. Гуцол, Е. Я. Пации и А. Г. Саморуковой, продолжала работать в русле тематики, начатой в предыдущие годы, вместе с коллегами из Института экономических проблем, а также разрабатывала новые проекты. Предшествующая работа группы в составе экономического института сказалась на комплексном подходе и выборе методик. С одной стороны, исследования фокусировались на истории и этнографии изучаемых общностей, с другой стороны, на социально-экономических и политических проблемах. При этом базовое образование членов группы, в конечном счёте, определяло профиль исследований.

Важным и естественным условием развития этнографического направления было наличие у исполнителей проектов соответствующего научного багажа и опыта полевой работы. Не последнюю роль играли контакты в научной среде в России и за рубежом, а также среди саамов и коми Мурманской области.

Центр пополнялся научными кадрами различной научно-профессиональной специализации. В 1996 г. в группу вошла С. Н. Виноградова. Для будущей диссертации на соискание учёной степени кандидата экономических наук она избрала тему «Формирование политики северного региона на рынке труда в отношении коренных малочисленных народов (на примере Мурманской области)». С 1998 г. в Музее-Архиве начала работать О. В. Шабалина, специализировавшаяся по историческим наукам

[1] См.: Петров В. П., Пация Е. Я., Шабалина О. В. История организации и создания Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера. С. 32.

в области архиво- и документоведения. Она приступила к разработке темы «Архивные документы по истории угольной промышленности в Европейской Арктике (архипелаг Шпицберген) во второй половине XIX века по 1941 год». Это создавало перспективу для формирования ещё одного исторического направления — изучение истории развития горнодобывающей и горноперерабатывающей промышленности в Евро-Арктическом регионе России. Оно было включено в планы научно-исследовательской работы в 2001 г. Особое внимание в этой работе отводилось историческим, архивоведческим и краеведческим аспектам в изучении переломных моментов истории Русского Севера, связанных с периодами интенсивного индустриального освоения региона в XIX–XX вв.

Международное сотрудничество и проекты

Научная деятельность МЦНКО осуществлялась почти исключительно по совместным с зарубежными коллегами проектами с участием сотрудников других подразделений КНЦ РАН. Так, по договору гражданско-правового характера работали в Центре главный учёный секретарь и начальник Отдела международного сотрудничества КНЦ РАН А. Н. Виноградов, ст. науч. сотр., заведующая отделом социальной политики на Севере ИЭП КНЦ РАН Л. А. Рябова.

Отдельным видом работы было установление контактов с потенциальными зарубежными партнёрами, проведение рабочих встреч, обсуждений, согласований, написание проектных заявок. Особенностью проектной и исследовательской деятельности второй половины 1990-х гг. была её практическая направленность на политические и социально-экономические аспекты. В первые годы существования МЦНКО на тематике сказывались не только предложения зарубежных партнеров, но также увлечённость социально-политическими вопросами и встречный спрос на экспертную деятельность со стороны административных органов. То и другое было знаком времени.

В секторе истории и этнографии, согласно отчёту за 1997 г., работа проводилась по следующим направлениям[1]: 1) «Устойчивое развитие региона и проблемы социально-экономического развития коренных народов Мурманской области»; 2) «Концепция и правовая основа региональной национальной экономики»; 3) «Исследования, направленные на сохранение историко-культурного и природного наследия коренных народов Мурманской области».

[1] Отчёт МЦНКО о научно-организационной деятельности за 1997 год. Апатиты, 1997.

В этом же году была написана глава «Коренные народы: защита прав и улучшение условий жизни» в Концепцию по устойчивому развитию Мурманской области и Российской части региона Баренцева моря (Н. Н. Гуцол); начата работа по подготовке региональной концепции о правовом статусе коренных малочисленных народов Севера, статусе территорий традиционного природопользования Мурманской области; подготовлены поправки к проекту Устава Мурманской области, касающиеся коренных народов региона (Н. Н. Гуцол); проводилась работа по написанию проекта Закона «Об основах регионального регулирования, возрождения и социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера и других этнических групп, ведущих традиционный образ жизни, Мурманской области» (В. П. Петров, Е. Я. Пация). Тогда же был написан и проходил согласования российско-норвежский проект «Регистрация и картографирование памятников культуры саамов-скольтов Северной Норвегии, Финляндии и России» (Н. Н. Гуцол), начато выполнение рассчитанного на полгода российско-норвежского проекта по изучению архивных материалов по истории и культуре восточных саамов, хранящихся в Норвегии, Финляндии и России (ответственный исполнитель Н. Н. Гуцол, исполнители Е. Я. Пация, А. Г. Саморукова, О. В. Шабалина).

Сотрудники МЦНКО участвовали в подготовке и проведении международной конференции «Саамская история, охрана культурных памятников и возрождение саамской культуры» Нейдене (Норвегия).

Учитывая малочисленность состава специалистов, среди которых были два историка и один этнограф, кандидат наук, два сектора через год были объединены в сектор этнографии и региональных проблем национальной политики, а Музей истории изучения и освоения Европейского Севера был выделен в отдельное подразделение. Основной объём собственно научной деятельности возлагался на Н. Н. Гуцол, выполнявшую обязанности заместителя директора по научно-исследовательской работе. Интересы международного научного сообщества, административный запрос и компетенции коллектива сотрудников сошлись в одном «фокусе» — на изучении коренного малочисленного народа Мурманской области. Так формировалось первое научное направление будущего гуманитарного центра (ход, логика, результаты «саамских» исследований рассматриваются в главе 2).

К другим подразделениям МЦНКО относились кафедра иностранных языков, которая занималась подготовкой аспирантов и соискателей Кольского научного центра к сдаче кандидатского экзамена, а также повышением языковой компетенции сотрудников и, по необходимости, переводческой работой, и сектор информационного обслуживания.

Структура Центра в значительной степени формировалась под проекты, которые выполнялись исследователями, и она должна была быть достаточно гибкой, как и подбор кадров. Так, сектор информационного обслуживания отвечал не только за техническое обеспечение, но и за международные связи. С 1996 г. сектором заведовала С. Н. Виноградова, ранее работавшая инженером-программистом. В 2005 г. она окончила аспирантуру в ИЭП КНЦ РАН и была назначена учёным секретарем уже новой организации — ЦГП КНЦ РАН.

Самым долгосрочным проектом в истории МЦНКО–ЦГП руководил Р. А. Кравченко-Бережной. Начиная с 1996 г. проект «Анализ отображения трансформаций социума в средствах массовой информации» выполнялся в течение десяти лет по ежегодно возобновлявшемуся контракту с Экологическим центром Сванховд (Норвегия). Работа заключалась в аннотировании на английском языке публикаций местной и центральной прессы по широкой тематике: вопросы экономики, политики, охраны окружающей среды, здравоохранения и образования; события культурной и общественной жизни в Мурманской области. В 2001 г. в связи с актуальностью темы и высоким качеством исполнения по предложению заказчика обзоры публикаций (дайджесты) стали охватывать более широкую территорию российского Северо-Запада, включая Архангельскую область, республики Карелия и Коми, Ненецкий автономный округ. Они направлялись электронной почтой в Экологический центр дважды в месяц, а оттуда распространялись по многочисленным адресам и заявкам в ряд стран. В аналитическом обзоре публикаций по Мурманской области за 1997–2003 гг. Р. А. Кравченко-Бережной и М. Л. Нахшина отмечали: «По вполне понятным причинам норвежские партнёры проявляют повышенный интерес к радиационной безопасности и загрязнению окружающей среды, в первую очередь на Кольском полуострове, вблизи своих границ и в Баренцевом море <…>. Повышенный интерес проявляется западным партнёром к теме углеводородного сырья — разведке, добыче, транспортировке — и связанным с нею вопросам охраны окружающей среды»[1]. Выявлялись тенденции в изменении актуальности освещения проблем региона местной прессой. Например, пик актуальности экологической темы пришёлся на 1997 г., интерес к саамской теме был относительно постоянным и волнообразным, а по теме инвестиций наблюдались содержательные изменения: «если в период с 1997 по 2001 гг.

[1] См.: Кравченко-Бережной Р. А., Нахшина М. Л. Реферирование пресс-публикаций, относящихся к российской части Баренцева региона: опыт анализа тенденций в актуальности ряда тематик // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. Апатиты: КНЦ РАН, 2004. С. 157.

преобладали иностранные инвестиции в различные сферы российской экономики, то начиная примерно с 2002 г. увеличивается количество вложений с российской стороны в отечественные предприятия»[1]. Проект подошёл к завершению по мере сокращения финансирования во второй половине 2000-х гг.

Центр гендерных исследований. В 1997 г. на волне международного интереса к гендерной проблематике по инициативе группы женщин-исследователей КНЦ РАН, Лапландского университета (Рованиеми, Финляндия) и Саамского колледжа (Финляндия) при МЦНКО на правах общественной организации был создан Кольский центр гендерных исследований. Его основной задачей было развитие научных исследований по проблемам феминологии и гендерных отношений, равноправия, изучение социально-экономического статуса женщин, развитие образования в этой области. В работе организации участвовали и проводили исследования Н. Н. Гуцол, Л. А. Рябова, А. Г. Саморукова, С. Н. Виноградова, О. В. Шабалина. Гендерная тематика получала финансовую поддержку в рамках различных международных проектов ЮНЕСКО, Центрального Европейского университета (Венгрия), Министерства юстиции и Министерства по делам детей и семьи Норвегии, Гендерного института при Лондонской школе экономики и др. Контакты осуществлялись через сеть женщин-исследователей Femina-Borealis. Это предоставляло возможность участвовать в международных семинарах и конференциях в Норвегии, Исландии, Голландии и Латвии, в разных городах России, проводить эмпирические исследования, научно-методическую работу. Центр гендерных исследований осуществлял координационную деятельность по международному проекту «Развитие сети кризисных центров в Российской части Баренцева региона, 1999–2003» и был региональным представителем информационной сети «Эмилия» — базы данных женских исследовательских центров и проектов стран Балтии и Северо-Запада России.

Не все результаты исследований опубликованы, не все источники публикаций доступны, часть результатов излагалась в докладах на научных мероприятиях, но полную информацию о них содержат ежегодные отчёты о научно-организационной деятельности МЦНКО за 1999–2003 гг. Научно-исследовательскую работу Центр гендерных исследований проводил по трём основным направлениям: «Саамская община: гендерные аспекты», исполнители Н. Н. Гуцол, С. Н. Виноградова; «Жизненные стратегии женщин на Севере» — в рамках проекта ЮНЕСКО «MOST-управление социальными трансформациями», ответственный исполнитель Л. А. Рябова

[1] Кравченко-Бережной Р. А., Нахшина М. Л. Реферирование пресс-публикаций, относящихся к российской части Баренцева региона: опыт анализа тенденций в актуальности ряда тематик. 2004. С. 158.

(ИЭП КНЦ РАН); «Женщины в науке»[1], ответственный исполнитель О. В. Шабалина. Гендерной проблематикой в образовании и научно-методической работой также занималась А. Г. Саморукова, разрабатывая программно-методические материалы для преподавания гендерной социологии в вузе.

Цели и темы конкретных эмпирических гендерных исследований были достаточно разнообразны. Диапазон задач был широкий: от изучения положения женщин на региональном рынке труда (исполнитель С. Н. Виноградова, научный руководитель Л. А. Рябова), жизненных планов и профессионального самоопределения выпускниц Кольского филиала ПетрГУ (исполнитель А. Г. Саморукова)[2] до создания социально-психологического портрета российской женщины, которая имеет постоянного друга-иностранца, — по пилотному проекту «Социальные процессы в приграничных территориях», инициированному Министерством юстиции и Министерством по делам детей и семьи Норвегии. В ситуации более доступного перемещения людей через государственные границы норвежская сторона была обеспокоена последним обстоятельством. В соответствии с поставленной задачей сотрудникам МЦНКО надо было подготовить и провести на территории России (в частности, в Мурманске) интервьюирование российских женщин, имеющих партнёров мужчин-иностранцев[3]. Результаты работы, согласно которым российская женщина — «не алчная хищница, желающая во что бы то ни стало уехать за границу, а, как правило, человек с не очень простой судьбой», были представлены в докладе на рабочей встрече в феврале 2002 г. в г. Альта, публиковались в журнале Университета Осло, и в норвежской прессе.

Изучение проблем социальной поддержки инвалидов. С начала 2000-х в МЦНКО выполнялись практически ориентированные исследования систем социальной поддержки инвалидов в России и странах Скандинавии. В работу были вовлечены руководители КНЦ и МЦНКО — В. П. Петров и А. Н. Виноградов, при необходимости — другие сотрудники, а основным исполнителем темы была Ж. Э. Каспарьян, работавшая в МЦНКО с 1997 г., выполняя организационные функции по международным связям и работу

---

[1] Шабалина О. В. Проблема участия женщин в процессе формирования науки региона (на основе материалов Научного архива КНЦ РАН) // Природопользование в Евро-Арктическом регионе: опыт XX века и перспективы // Труды Междунар. конф., посвящённой 70-летию Кольского научного центра РАН (Апатиты, 2–4 ноября 2000 г.) / под ред. акад. В. Т. Калинникова. Апатиты: КНЦ РАН, 2001. С. 561–574.

[2] Оба исследования выполнялись в 2003 г. уже по научной теме МЦНКО.

[3] Отчёт МЦНКО о научно-исследовательской и научно-организационной деятельности за 2002 г. Апатиты, 2002. С. 15–17.

переводчика. Для неё тема «Совершенствование региональной социально-экономической политики в отношении населения с инвалидностью» стала диссертационной. Первое исследование выполнялось в 2001–2003 гг. по запросу и при поддержке общественной организации Красного Креста Королевства Норвегии. Изучалась система социальной защиты инвалидов в Мурманской области, разрабатывались рекомендации программы благотворительной помощи людям с инвалидностью в регионе и проект создания Центра реабилитации инвалидов на базе Кировского психоневрологического интерната.

Социальная острота и актуальность проблемы стали ещё более очевидны, когда в процессе изучения выяснилось, что в процентном отношении «инвалидизация» населения в Мурманской области выше, чем во многих других регионах России. Такую ситуацию исследователи связывали «с негативной динамикой общей заболеваемости, ростом уровня травматизма, общей тенденцией населения Мурманской обл. к старению, а также проявлением феномена “накопленной” инвалидности, то есть постепенного ухудшения здоровья жителей области, связанного с периодом реформирования экономической и социальной системы России»[1]. Исполнители темы были убеждены в том, что для совершенствования системы социальной поддержки инвалидов полезен опыт сопредельных Скандинавских стран. Изучались концептуальные подходы к проблеме инвалидности, разные системы социальной интеграции людей с ограниченными возможностями. Работа по теме, начатая в МЦНКО, продолжилась в Центре гуманитарных проблем и проводилась преимущественно по инициативным проектам.

Исследования были поддержаны не только зарубежными фондами, но и Российским гуманитарным научным фондом. В 2003–2004 гг. работы выполнялись по проекту РГНФ «Сравнительный анализ региональных систем социальной поддержки и реабилитации инвалидов в Мурманской области и губернии Финнмарк (Норвегия) и оценка перспектив развития системы социализации людей с ограниченной трудоспособностью в Евро-Арктическом регионе»; в 2004–2005 гг. — по проекту “Analysis of children with special needs care system in Murmansk region”, поддержанному неправительственной организацией «Норвежская народная помощь» (NPA); в 2006–2007 гг. — по проекту РГНФ «Анализ региональной системы социальной поддержки и реабилитации детей-инвалидов в Мурманской области и перспективы гармонизации системы социализации детей

[1] См.: Каспарьян Ж. Э., Соковников С. В. Воздушные замки федерального законотворчества и зыбкие почвы региональной действительности в контексте проблемы социальной поддержки инвалидов на Севере России // Человек в социокультурном пространстве: Европейский Север России. Апатиты: КНЦ РАН, 2005. С. 138.

с ограниченными возможностями в Баренц регионе»; в 2009–2010 гг. — по проекту РГНФ «Разработка средств анализа, мониторинга и прогнозирования динамики инвалидности в Мурманской области с целью повышения эффективности региональной демографической и социально-экономической политики».

Основные результаты исследований касались аспектов[1]: государственной политики в отношении людей с ограниченными возможностями; системы их социальной защиты в разных государствах (с акцентом на сопоставлении российского и норвежского опыта); медико-демографических и социально-экономических особенностей инвалидности в Мурманской области; политики, направленной на социальную интеграцию людей с ограниченными возможностями; повышения эффективности функционирования региональной системы их социальной защиты; подходов и методов в управлении данной сферой общественной жизни. Итогом стала опубликованная в 2010 г. коллективная монография[2].

Несколько слов о кадровом составе

На протяжении всего времени существования МЦНКО немногочисленной организации удавалось совмещать несколько функций: международных научных коммуникаций (она же экономическая), просветительской и научно-исследовательской. В ней не было и не могло быть чёткой и развитой горизонтальной дифференциации: специализации в деятельности подразделений, функций работников, технологий и т. д. Абсолютное большинство сотрудников выполняли и исследовательскую, и просветительскую, и научно-организационную работу разного вида, занимались проектной деятельностью. Такому типу организационной структуры обычно соответствует высокий уровень сплочённости коллектива. Работая в МЦНКО, большая часть сотрудников повышали (в ряде случаев

[1] Виноградов А. Н., Каспарьян Ж. Э. Социальная политика в отношении инвалидов в Баренц-регионе: гармония целей и дисгармония практики // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. Апатиты: КНЦ РАН, 2004. С. 166–180; Виноградов А. Н., Каспарьян Ж. Э., Петров В. П. Опыт Центра гуманитарных проблем в исследовании региональных аспектов проблемы инвалидизации // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации. Апатиты: КНЦ РАН, 2008. С. 5–15; Каспарьян Ж. Э. Перспективы трудоустройства людей с инвалидностью в Мурманской области // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история. Апатиты: КНЦ РАН, 2009. С. 136–143 и др.

[2] Проблема инвалидности населения: состояние и пути решения (на примере Мурманской области) / Ж. Э. Каспарьян [и др.]. Апатиты: КНЦ РАН, 2010. 146 с.

меняли) профессиональную квалификацию, а кто-то имел возможность реализовать свои способности и интересы в смежной или совсем иной области. Лучший тому пример — Евгения Яковлевна Пация, которая, будучи журналистом с университетским образованием (то есть фактически филологом) и музейным работником по роду занятий и призванию, стала не только полевым этнографом, но и исследователем[1]. В то же время она реализовалась в своей первоначальной профессии как автор просветительских публикаций и составитель научно-популярных изданий, а также в постоянном сотрудничестве со СМИ. Безусловный интерес к общественно-политической истории и социальным проблемам отличал директора Центра Валентина Петровича Петрова и Анатолия Николаевича Виноградова, оба — геологи по специальности, администраторы по виду деятельности и академики РАЕН. За рамками организационной работы они участвовали в реализации проектов по социальной проблематике, а В. П. Петров начал изучать социальную историю науки советского периода.

Одна из ярких личностей не только в истории МЦНКО–ЦГП, но и Кольского научного центра РАН — Роман Александрович Кравченко-Бережной (1926–2011). Учёный-физик, он работал в академическом центре с 1955 г., был создателем лаборатории физических методов исследования минералов в Геологическом институте КФАН СССР и её заведующим, а после 1988 г. занимался научно-организационной деятельностью по международному научно-техническому сотрудничеству[2], во многом потому, что хорошо знал европейские языки. В 1995 г. Р. А. Кравченко-Бережной начал работать в должности главного специалиста в МЦНКО, а затем в Центре гуманитарных проблем (до выхода на пенсию в 2008 г.). Роман Александрович был широко образован, знал и любил литературу, писал сам и мог считаться гуманитарием по призванию[3]. Его известности также способствовали биографические обстоятельства, описанные в его

[1] Шабалина О. В. «Я — музейный работник, я выработала в себе это призвание» (к юбилею Евгении Яковлевны Пации) // Вестн. Кольского научного центра РАН. 2020. № 2 (12). С. 58–68.

[2] Кравченко-Бережной Роман Александрович // Учёные Кольского научного центра. 2010. С. 238.

[3] О литературном творчестве Р. А. Кравченко-Бережного и общественно-культурном значении его произведений см.: Разумова И. А. Книга Р. А. Кравченко-Бережного как исторический источник и авторский текст // Учёные зап. Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 6. С. 32–39; Разумова И. А. Литературное наследие Р. А. Кравченко-Бережного: историко-культурное значение и общественный резонанс // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 19. 2020. № 6 (11). С. 103–117.

документальных книгах[1]. Подростком на оккупированной территории Западной Украины он тайно вёл дневник, который впоследствии был использован на Нюрнбергском процессе среди свидетельств, обвиняющих нацизм. Фронтовик, войну он закончил в Германии и ещё несколько лет служил там военным переводчиком. По окончании университета, только что защитив дипломную работу, в 1955 г. получил приглашение работать в Кольском филиале АН СССР от А. В. Сидоренко, будущего министра геологии и академика, и И. В. Белькова, впоследствии ставшего директором Геологического института КФАН СССР.

Во многом благодаря Р. А. Кравченко-Бережному в МЦНКО и позже в Центре гуманитарных проблем создавался особый культурный микроклимат и поддерживался достойный интеллектуальный уровень общения. Под его руководством в разные годы работали стажёры-исследователи М. Л. Нахшина, А. А. Еремеева, старшие лаборанты И. В. Куккер, Н. П. Исаева, у него часто консультировались другие сотрудники. Научная молодёжь имела возможность совершенствоваться в знании английского (при желании и другого) языка, в технике перевода, приобрести опыт работы с текстами и общаться с человеком высокой культуры.

Деятельности коллектива способствовало и то, что в составе небольшой организации были представители всех поколений: обладающего опытом, «среднего работающего» и молодёжи. Первыми, кто пришли прямо с вузовской скамьи работать в МЦНКО, были выпускницы гуманитарного факультета Кольского филиала ПетрГУ, окончившие университет в 2002 г. по специальности «история и английский язык», — М. Нахшина и А. Еремеева.

Важнейшим фактором слаженной работы и коллегиально-дружеских взаимоотношений в коллективе был стиль управления в МЦНКО–ЦГП, отличавший его руководителя. Будучи заинтересованным в развитии исторического направления исследований, В. П. Петров старался вникнуть в существо проблем разных гуманитарных наук, в историческую и обществоведческую литературу, чем постепенно опровергал стереотип о высокомерно-ироничном отношении учёных-естественников к «противоестественным» наукам. Не переставая быть весьма требовательным руководителем, он никогда не прибегал к методам «жёсткого администрирования». Главными принципами В. П. Петрова как руководителя были установка на «понимание» и доверие к специалистам,

[1] Кравченко-Бережной Р. А. Мой XX век (Стоп-кадры). Апатиты: б. и., 1998. 263 с.; Victims, Victors: From Nazi Occupation to the Conquest of Germany as Seen by a Red Army Soldier. Kravchenko-Berezhnoĭ R. A.; Glantz, David M. Bedford, Pennsylvania: Aberjona Press, 2007. 293 p.; Кравченко-Бережной Р. А. Между белым и красным: Стоп-кадры моего XX века. СПб.: Гамас, 2008. 423 с.

их знаниям в своих областях, главным методом — коллегиальное обсуждение (со всем коллективом или избирательно — со специалистами). При этом учитывались личность, способности и возможности каждого сотрудника, перед которым ставились те или иные задачи. Такой стиль управления соответствовал, в первую очередь, научному профилю организации. Для исследовательских коллективов, производящих «штучный культурный продукт», как известно, характерны децентрализация, высокий уровень самоконтроля сотрудников, их профессиональной мотивированности и ориентации на трудовую деятельность.

Центр гуманитарных проблем

От МЦНКО — к Центру гуманитарных проблем Баренц региона

К 2001 г. стало очевидным расширение научной тематики МЦНКО, успешное развитие этнографических саамоведческих исследований, прояснилась перспектива в изучении истории научно-промышленного освоения Кольского полуострова. Результаты проведённых исследований и имевшиеся исторические и этнографические материалы были более чем достаточны для того, чтобы составить надёжный фундамент для развития МЦНКО и преобразования его из научно-вспомогательного в научное академическое подразделение. При этом коллектив постепенно пополнялся кадрами, что также было одной из предпосылок реорганизации.

Новые возможности предоставляла ситуация, которая складывалась в Российской академии наук. Значительное сокращение фундаментальных исследований из-за уменьшения финансирования науки вызвало в 2001 г. идею сформировать программу приоритетных научных направлений, которая позволила бы на конкурсной основе финансово поддерживать фундаментальную науку. В том же году Президиум РАН сформировал первый перечень программ.

2002–2003 гг. стали переходным периодом в истории Центра. В декабре 2001 г. Президиум КНЦ РАН принял решение о целесообразности создания на базе МЦНКО и Научного архива КНЦ РАН Отдела истории и этнографии. Началась подготовка к интеграции тематики Центра в академические научные направления. Намеченные структурные изменения не удалось осуществить в полном объёме из-за организационных трудностей, в том числе связанных с очередной «оптимизацией» РАН и с проблемами материально-финансового обеспечения. Внутренней проблемой Центра была кадровая. Несмотря на то, что в количественном отношении штат увеличивался, ощущался недостаток кадров высшей квалификации. По состоянию на 1 декабря 2001 г. в Центре работали десять научных сотрудников, включая директора и двух лаборантов-

исследователей. Кроме того, семь человек работали по совместительству и один — по договору об оказании услуг[1]. В штате был один доктор наук (В. П. Петров) и два кандидата наук, из них только Н. Н. Гуцол имела научную степень по историческим наукам (07.00.07 «Этнография, этнология, антропология»). В 2002 г. число работающих на постоянной основе увеличилось на два человека, а по совместительству и на контрактной основе в течение года привлекались уже девять специалистов высшей квалификации[2], в том числе д-р ист. наук И. А. Разумова (на тот момент приглашённый профессор гуманитарных кафедр Кольского филиала ПетрГУ) и д-р филос. наук Д. Г. Егоров (тогда вед. науч. сотр. Института экономических проблем КНЦ РАН). Наталья Николаевна Гуцол работала ведущим научным сотрудником МЦНКО (с исполнением обязанностей заместителя директора по научной работе) и ведущим научным сотрудником ЦГП КНЦ РАН до конца 2005 г.

В 2002 г. в связи с расширением тематики и объёма историко-социологических и этнографических исследований был сформирован научно-методический совет Международного центра, в который вошли: д-р геол.-минерал. наук, заслуженный деятель науки РФ В. П. Петров, д-р ист. наук И. А. Разумова, д-р филос. наук Д. Г. Егоров, канд. ист. наук Н. Н. Гуцол, канд. ист. наук Е. И. Макарова, канд. физ.-мат. наук Р. А. Кравченко-Бережной, канд. геол.-минерал. наук А. Н. Виноградов, канд. геол.-минерал. наук, заслуженный геолог РФ Е. А. Каменев, зав. музеем Е. Я. Пация.

В течение года на заседаниях совета рассматривались, в частности, приоритетные направления гуманитарных наук, по которым Центр может вести фундаментальные исследования. Научная тематика была согласована с направлениями исторических наук: 6.1.3. Человек в различные исторические эпохи; 6.1.4. Археологические и этнографические исследования; 6.1.6. История России и стран СНГ[3].

Поскольку появились перспективы развития организации, были пересмотрены основные задания и сформированы три комплексные темы. В них были включены в качестве переходящих незавершённые к концу 2001 г. проекты и новые разделы (проекты), по которым предполагался поиск финансовой поддержки из российских и международных фондов.

---

[1] Отчёт МЦНКО о научно-исследовательской и научно-организационной деятельности за 2001 г. Апатиты, 2001. С. 12.

[2] Отчёт МЦНКО о научно-исследовательской и научно-организационной деятельности за 2002 г. Апатиты, 2002. С. 13.

[3] Там же. С. 4. В рассматриваемый период планирование ориентировалось на Приоритетные направления развития науки и техники, утверждённые Правительственной комиссией по научно-технической политике 21 июля 1996 г. (№ 2727п-П8).

Тема 1. «История становления и основные черты субарктических социумов, базирующихся на традиционной системе неразрушающего природопользования (на примере Мурманского региона)».

Тема 2. «История формирования индустриальной цивилизации в Субарктике (на примере Баренц региона в XX в.)».

Тема 3. «История трансформации субарктического социума в условиях глобальной информатизации и международной кооперации в освоении Арктики».

В формулировках, которые на сегодняшний день выглядят слишком «глобальными», были учтены главные тенденции времени, общественные потребности, ключевые проблемы и использовалась терминология, характерная для разных областей социально-гуманитарного знания и официального дискурса. Несмотря на то, что приоритетные направления были определены и относились к историческим наукам, общие формулировки не указывали на конкретный научный профиль, предполагая «междисциплинарность». Исследования Центра на время планирования тем объективно выполнялись в русле нескольких гуманитарных наук, не говоря уже об узких дисциплинах, а кадровые перспективы не были вполне ясными. Это заставляло учитывать самые разные возможности, которые надо было прогнозировать, согласно научно-исследовательским целям. Дисциплинарный потенциал составляли этнография, архиво- и музееведение, история науки, регионоведение, социология, политология. Не выходя за рамки «общегуманитарной» сферы, выполняемые проекты, тем не менее, касались различных предметов, включая современные вопросы экологического менеджмента, социализации инвалидов, социальной политики.

Три темы оформились при совмещении нескольких критериев. В первую, историко-этнографическую, объединялись исследования по истории и культуре аборигенного и старожильческого населения. Предполагалось расширить этнографический объект, включив в него, кроме саамов, переселенцев коми и совместные коми-саамские поселения, а также поморские села на Кольском полуострове (соответственно планировались три раздела темы). Вторая тема, социально-историческая, также содержала три раздела. В задачи входило изучение, во-первых, истории арктических исследований, во-вторых, процессов урбанизации в связи с горнопромышленным освоением Кольского полуострова в советский период, в-третьих, становления научной и образовательной инфраструктуры региона. Разделы третьей темы объединялись понятиями социальных трансформаций, международного сотрудничества, социализации и адаптации. Они представляли собой темы актуальных продолжавшихся совместных проектов с акцентированной прагматикой.

Основные научные результаты в 2002 г. были получены по разделу «История и культура восточных саамов» (научный руководитель Н. Н. Гуцол)

темы 1 в связи с завершением международного российско-норвежско-финляндского проекта, осуществлявшегося в несколько этапов с 1996 г. Были обобщены полученные данные по истории групп саамов Кольского полуострова, регистрации и картографированию сохранившихся памятников саамской культуры, интервьюированию жителей бывших саамских погостов — Мотовского, Сонгельского, Нотозерского. Результаты имели большое значение для сравнительных историко-этнографических исследований, истории поселений, реконструкции культурного наследия коренного населения Мурманской области. По другим разделам темы, посвящённым переселенцам коми (ответственный исполнитель А. А. Еремеева) и истории поморских поселений (ответственный исполнитель А. Г. Саморукова), работа была начата в III квартале, поэтому ограничивалась обзорами источников и историографическими аспектами темы. В дальнейшем оба раздела продолжены не были, исполнители переключились на выполнение других тем. Изучение ижемских коми оставалось на перспективу, а культура поморских поселений изучалась в иных аспектах[1].

Также осуществлялся первый этап работы, связанный с архивным поиском и комплектованием источников, по двум разделам второй темы (научный руководитель А. Н. Виноградов): «Эпоха героических экспедиций (XVIII — начало XX века) — накопление базы знаний о природе и ресурсном потенциале Евро-Арктического региона» (ответственный исполнитель канд. ист. наук Е. И. Макарова, заведующая Научным архивом КНЦ РАН) и «Эпоха урбанизации: История формирования горно-промышленных районов в Мурманской области и на архипелаге Шпицберген» (ответственный исполнитель О. В. Шабалина). Наиболее результативной была историко-архивная работа О. В. Шабалиной, связанная с документами по Шпицбергену.

Тема 3 (научный руководитель д-р геол.-минерал. наук В. П. Петров) включала аналитический раздел о социальных проблемах в отражении региональных СМИ (ответственный исполнитель канд. физ.-мат. наук Р. А. Кравченко-Бережной), исследования по проектам о переселённых группах саамов села Ловозеро (научный руководитель канд. ист. наук Н. Н. Гуцол, ответственный исполнитель С. Н. Виноградова), по гендерной проблематике (ответственный исполнитель канд. экон. наук Л. А. Рябова, исполнитель С. Н. Виноградова), о системах социализации инвалидов (ответственный исполнитель д-р геол.-минерал. наук В. П. Петров) и несколько поисковых тем, которые впоследствии включились в виде частных аспектов в другие темы или не получили продолжения[2].

---

[1] См. главу 3 данной монографии.

[2] Отчёт МЦНКО о научно-исследовательской и научно-организационной деятельности за 2002 г. Апатиты, 2002.

В 2003 г. по результатам работы тематика корректировалась в части формулировок, содержательного наполнения и состава разделов, исполнителей и, что особенно важно, в направлении фокусирования проблематики. Прежде всего, это относится к условно «этнографической» теме, которая получила более чёткое название «Этнокультурные процессы на Кольском полуострове в советский постсоветский период» (научный руководитель д-р ист. наук И. А. Разумова; исполнители — Е. Я. Пация, А. А. Еремеева, М. Л. Нахшина). В ней были разделы «Структура, факторы формирования и механизмы трансформации этнолокального самосознания: терские поморы» (М. Л. Нахшина), «Переселенцы-коми на Кольском полуострове как субъект межэтнических взаимодействий» (Е. Я. Пация, А. А. Еремеева). Впоследствии исследование самосознания поморов, осмысливаемого уже в контексте новых антропологических концепций локальной идентификации и «присвоения» пространства, станет темой М. Л. Нахшиной на длительный период. В 2003 г. раздел об этнокультурных процессах в среде саамского населения села Ловозера «Современные особенности переселённых групп саамов и проблемы этнокультурной адаптации» (научный руководитель канд. ист. наук Н. Н. Гуцол, исполнители С. Н. Виноградова и А. Г. Саморукова) был перенесён в тему о социальных трансформациях и выполнялся при поддержке гранта РГНФ. В то же время содержание темы было расширено за счёт небольших разделов «Миграционные стратегии и локальное самосознание молодёжи Кольского Севера» и «Семейная историко-культурная память как фактор формирования этнокультурной идентичности и гражданского самосознания: устная история семей Кольского Севера» (ответственный исполнитель И. А. Разумова). Это переводило этнографическую тематику в иную плоскость, расширяя как объектную, так и дисциплинарную область исследований. Изучение урбанизации на Кольском полуострове согласовывалось с интересами антропологических и собственно этнографических исследований.

В российских гуманитарных науках 1990-х — начала 2000-х гг. происходили значительные методологические сдвиги, в том числе поиски новых концептуальных оснований истории и этнографии как науки о «народах». С бурным развитием социальной истории, истории ментальностей, «микроистории», биографических исследований и т.д. и освоения гуманитариями новых для них методов, прежде всего социологических, происходили институциализация исторической и социальной антропологии, культурантропологии. Вместе с тем проблематизировалось понятие «этноса» как «природной» общности. Этнографию все больше интересовали вопросы этнической идентификации как динамичного процесса и идентичности как свойства, формирующего общности. Дополнительным внешним импульсом стало исчезновение в 2002 г. графы «национальность»

в российских паспортах. Национальная принадлежность стала обозначать только гражданство, а не совокупность культурных особенностей и «происхождение». Одновременно развивалось направление, которое ещё в советское время называлось «этнографией города». Изучение урбанистических сообществ как специфических в культурном отношении оставляло «этническому» лишь свою особую нишу. Часть этнографов стали называть себя социальными антропологами (в том числе под влиянием интернационального научного словоупотребления), часть филологов и фольклористов стали культур-антропологами, освоив ряд новых для себя методик, не выходя за рамки своей области знания. В Мурманской области давно сформировалась сильная школа историков-регионоведов, однако, во-первых, городам региона, за исключением Мурманска, уделялось мало внимания, во-вторых, даже «традиционные» этнографические исследования коренного и старожильческого населения были эпизодическими или осуществлялись учёными, приезжавшими «в поле». Социально-культурные процессы в городской среде требовали изучения. Достаточно было наблюдений и пилотных исследований, чтобы увидеть культурный разрыв между абсолютным городским большинством жителей региона и анклавами сельского коренного и старожильческого населения.

В Кольском научном центре не было обществоведов и гуманитариев, поэтому эти тенденции не могли учитываться при первичном формировании тематики исследований гуманитарного центра. И воспринимались они не без труда. Требовались вердикты экспертов. Руководство КНЦ РАН проявило полное понимание проблемы. В 2001–2003 гг., благодаря Председателю Президиума КНЦ акад. В. Т. Калинникову и его заместителю В. П. Петрову установились контакты с Отделением историко-филологических наук РАН. Когда в 2002 г. был объявлен конкурс проектов по Программам фундаментальных исследований Президиума и отделений РАН, проект МЦНКО «Ловозеро. История формирования и современные особенности жизни переселённых групп саамов» (координатор проекта В. П. Петров, научный руководитель Н. Н. Гуцол) был включён программу фундаментальных исследований ОИФН РАН «Историко-культурная эволюция, современное положение и перспективы устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», а тема «Этнокультурные процессы на Кольском полуострове в советский и постсоветский период» (научный руководитель И. А. Разумова) поддержана в рамках интеграционного проекта по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии». Кроме того, в 2002–2003 гг. исследования сотрудников МЦНКО были поддержаны тремя грантами РГНФ и было подано ещё шесть заявок в РФФИ и РГНФ.

Российская Академия Наук
КОЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

ВЫПИСКА

из протокола заседания Президиума Центра

От 27 мая 2004 г. № 2 *г. Апатиты*

1. Об образовании филиала КНЦ РАН:
Центра гуманитарных проблем Баренц региона КНЦ РАН (ЦГПБ КНЦ РАН)
(Петров В.П., Селин В.С., Путилов В.А. Виноградов А.Н., Калинников В.Т.)

Президиум Центра констатирует: предложение о создании Центра гуманитарных проблем направлено на реализацию постановления Президиума КНЦ РАН от 19.06.03., поддержанного Бюро Отделения истории РАН и вице-президентом РАН академиком Г.А.Месяцем.

Президиум ЦЕНТРА ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Образовать в составе КНЦ РАН обособленное научное подразделение - филиал КНЦ РАН: Центр гуманитарных проблем Баренц региона КНЦ РАН (ЦГП - филиал КНЦ РАН), имеющий отдельный баланс, входящий в общий баланс Кольского научного центра РАН, и внести соответствующие изменения в Устав КНЦ РАН.
2. Утвердить на должность директора-организатора филиала КНЦ РАН - Центр гуманитарных проблем Баренц региона заместителя председателя Президиума КНЦ РАН доктора геолого-минералогических наук Петрова Валентина Петровича.
3. Утвердить Положение о Центре гуманитарных проблем Баренц региона - филиале Кольского научного центра РАН (ЦГП - филиал КНЦ РАН) (приложение 1).
4. Просить Отделение историко-филологических наук РАН взять на себя научно-методическое руководство Центром гуманитарных проблем Баренц региона при Президиуме КНЦ РАН.

Председатель Президиума Центра, академик В.Т.Калинников

Гл. ученый секретарь Центра А.Н.Виноградов

Рис. 1. Выписка из протокола заседания Президиума Центра об образовании филиала КНЦ РАН

В 2002 г. сотрудники Музея подготовили первое книжное издание Центра — иллюстрированное учебное пособие по саамскому рукоделию[1]. По соображениям корректности авторство было отдано информантам, которые плодотворно сотрудничали с Е. Я. Пацией и Музеем на протяжении ряда лет. Книга выдержала два издания (второе — в 2008 г.). Росло число и научных публикаций. Качественный скачок произошёл в 2003 г., когда показатель вырос больше, чем вдвое (16 против 6 в предыдущем году)[2].

Важную роль сыграл кадровый фактор. В 2003 г. в структуру организации было добавлено недостающее звено: в Центре на постоянной основе стала работать И. А. Разумова, доктор наук по исторической специальности «этнография, этнология, антропология». Это обстоятельство сказалось на формулировке тематики, научных коммуникациях, подготовке специалистов и имело значение для профилирования и нового статуса Центра.

Решением Президиума КНЦ РАН от 27 мая 2004 г. в соответствии с программой реструктуризации РАН и по согласованию с Президиумом РАН научно-вспомогательное подразделение «Международный центр науки, культуры и образования в Баренц/Евро-Арктическом регионе (МЦНКО КНЦ РАН) было реструктурировано в научное подразделение гуманитарного профиля «Филиал Кольского научного центра РАН — Центр гуманитарных проблем Баренц региона»[3]. Директором-организатором был назначен В. П. Петров. В 2008 г. «Филиал Кольского научного центра РАН — Центр гуманитарных проблем Баренц региона» был переименован в «Центр гуманитарных проблем Баренц региона учреждения Российской академии наук Кольского научного центра РАН»[4] (рис. 1).

Стратегии организации

По характеру деятельности и структуре Центр гуманитарных проблем был во многом преемственной организацией. Преобразование из научно-вспомогательного подразделения в научное происходило постепенно, как и адаптация к изменениям со стороны самих сотрудников и отчасти — руководства. Само название, во-первых, сохранило связь с Баренцевым/Евро-Арктическим регионом как территорией международного

---

[1] Мечкина Е. И., Мозалевская Е. А. Саамское рукоделие (на саамском и русском языках): учеб. пособие / ред. кол.: Е. Я. Пация, О. В. Шабалина, Е. И. Усачев; Музей МЦНКО КНЦ РАН. Апатиты, 2002. 150 с.

[2] Отчёт МЦНКО о научно-исследовательской и научно-организационной деятельности за 2003 г. Апатиты, 2003. С. 29.

[3] Постановление Президиума КНЦ РАН от 27 мая 2004 г. № 2.

[4] Согласно новой редакции Устава Кольского научного центра РАН, утверждённой постановлением Президиума РАН от 18 ноября 2008 г. № 595.

сотрудничества[1], во-вторых, указывало, скорее, на социальное назначение учреждения («гуманитарные проблемы»), чем на научный профиль. Обе задачи сохраняли актуальность для Центра, но на первое место теперь выступала исследовательская работа. Функции сотрудников, регламентация деятельности, оценка результатов и т. п. полностью подчинялись академическим нормам. И если виды работы по существу не менялись, то известная корректировка стратегии организации была неизбежна.

Основные направления и результаты исследований, кадровый состав научных сотрудников соответствовали профилю Отделения историко-филологических наук РАН. На планы и программы ОИФН РАН ориентировалась научная работа Центра. Исторические науки, как фундаментальные, не имеют широкого круга «заказчиков» («потребителей»), практическое «внедрение» их результатов даже в систему образования отсрочено иногда на длительную перспективу. Для развития научной организации стратегически важны связи с другими такими же организациями. Особенно большое значение это имеет для региональных учреждений науки, поскольку у них выше шансы замкнуться на интересах ближайших «потребительских» инстанций. В то же время и эти интересы нельзя оставлять без внимания. Достижение баланса представляет очень сложную задачу.

Не менее сложной была задача поддержания целостности самого Центра в определённых границах дисциплинарных полей — как условия существования научной организации. Необходимо было завершить формирование научного профиля учреждения (исторического и антропологического) в чётких границах, обеспечив его кадрами, и не утратить при этом междисциплинарных связей, которые способствуют содержательной ёмкости исследований, совершенствованию инструментария, нестандартной постановке проблем, поиску новых ракурсов в их освещении. Открытая стратегия Гуманитарного центра по отношению к другим подразделениям, институтам Кольского научного центра была безусловной. Особенно это касалось Научного архива и Института экономических проблем как обществоведческого научного подразделения и отчасти «родительской» для МЦНКО организации. Сотрудники ИЭП участвовали не только в проектах Центра, но и в подготовке специалистов (кандидатов экономических наук С. Н. Виноградовой и Ж. Э. Каспарьян). Вместе с тем проведение экономических исследований, у которых своя методология, проблематика и т. д., — прерогатива соответствующего института и научного сообщества, и результативны только такие

[1] Топоним «Баренц-регион» был использован в официальном названии в виде кальки, утратив при этом необходимый по нормам русского языка дефис, что несколько беспокоило сотрудников-филологов.

исследования, которые проводятся в рамках методологически определённых междисциплинарных полей. Так, успешным был опыт историко-экономических исследований в ЦГП в 2019–2020 гг., когда изучалось развитие систем жизнеобеспечения саамов в XVIII–XX вв.[1]. Исполнителями раздела темы были специалисты высокой квалификации — д-р экон. наук М. В. Иванова и канд. ист. наук О. В. Шабалина.

На этапе становления ЦГП определение приоритетных тем, планирование работ, необходимость обоснования методологии исследований создавали известное внутреннее напряжение. Противоречие во многом разрешилось за счёт распределения дисциплин по секторам. На год создания в ЦГП был лишь сектор этнографии и региональных проблем национальной политики. В 2005 г. научно-исследовательских секторов стало два: сектор исторической и социальной антропологии (руководитель д-р ист. наук И. А. Разумова) и сектор социокультурных процессов (руководитель канд. экон. наук С. Н. Виноградова). Кроме того, в отдельный сектор был выделен Музей истории изучения и освоения Европейского Севера (руководитель Е. Я. Пация), ещё одно подразделение составила группа международных связей (руководитель канд. физ.-мат. наук Р. А. Кравченко-Бережной). С развитием тематики и приоритетных задач состав секторов частично менялся. Без изменений оставался сектор исторический и социальной антропологии. В 2014–2015 гг. вторым стал сектор истории науки и социокультурных процессов (руководитель д-р геол.-минерал. наук В. П. Петров) в связи с тем, что значительное место в исследованиях ЦГП заняла тема по истории науки на материале регионального академического центра. «Музейный» сектор получил название сектора изучения и сохранения научного наследия (руководитель Е. Я. Пация), так как активизировалась работа по анализу и публикации архивных материалов. При небольшой численности работников Центра было сложным распределение функциональных обязанностей. Большая нагрузка ложилась на сотрудников Музея-Архива, которые должны были заниматься как музейной работой, включая проведение экскурсий, так и научной. О. В. Шабалина, защитив кандидатскую диссертацию, выполняла значительный объём работ по темам НИР и дополнительные обязанности хранителя фондов. Е. Я. Пация, занимаясь в основном музеем, отдавала много сил просветительской деятельности, при проведении исследований нередко брала на себя работу с информантами, источниками, сбор полевого материала.

Вспомогательные подразделения также менялись в связи с необходимыми функциями. На разных этапах в структуре ЦГП были образовательные подразделения (Кафедра этнологии и североведения,

[1] См. в главе 2.

Научно-образовательный центр) в соответствии с руководящими инициативами и возможностями ЦГП в осуществлении научными организациями образовательной деятельности. Структура менялась в зависимости от обновляющихся требований, предъявляемых к научным организациям. В 2016 г. с целью обеспечения информационно-технического сопровождения научно-исследовательских работ был создан сектор формирования и хранения архивных цифровых материалов (до 2019 г. им руководил А. Д. Токарев, а затем И. А. Травин). На сегодняшний день в структуре ЦГП КНЦ РАН[1] сектор исторической и социальной антропологии, сектор истории и социально-культурных процессов, сектор изучения и сохранения научного наследия, а также сектор формирования цифровой информации, именно на него возложены большие обязанности по оцифровке и сканированию архивных материалов и печатных источников, а также научно-техническая работа разного вида — всем этим занимаются старшие лаборанты из числа молодёжи.

Сектор исторической и социальной антропологии сформирован из специалистов по профилю «этнология, антропология и этнография», сектор истории и социально-культурных процессов составляют сотрудники, специализирующиеся по отечественной истории и другим историческим дисциплинам.

Структура в целом сохраняется, но после 2018 г. разделение на два исследовательских сектора стало иметь меньше значения, так как в результате очередных «оптимизационных» мероприятий Центр вместо двух соответствующих антропологическому и историческому профилям тем стал выполнять одну, объединившую разные аспекты этнологических, антропологических, исторических (по разным периодам) исследований.

Работа МЦНКО, созданного при Президиуме КНЦ РАН, осуществлялась при непосредственном участии представителей администрации академического центра, что очень поддерживало гуманитариев в организационном плане и отчасти оберегало от недооценки их труда учёными-естественниками. МЦНКО работал в тесном контакте с Институтом экономических проблем и Научным архивом КНЦ РАН. Во внешних коммуникациях преобладало сотрудничество с зарубежными коллегами из финляндских университетов городов Оулу и Турку, Лапландского университета (Рованиеми, Финляндия), Университета Умео (Швеция), Университета Тромсё (Норвегия), Института северных саамов (Каутокейно, Норвегия). Работе этнографов способствовали связи с международными организациями и обществами, в том числе действующими в Мурманской области: Ассоциацией кольских саамов, Общественной организацией саамов Мурманской области, Национальным

[1] См.: Об утверждении структуры ЦГП КНЦ РАН: приказ от 25 апреля 2018 г. № 12.

культурным Центром с. Ловозеро и другими. В полевых исследованиях участвовали коллеги из Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург), Института этнологии и антропологии РАН (Москва). Особенностью научных связей была их преимущественная ориентированность на «саамскую» проблематику. Занимаясь проблемами социальной сферы, МЦНКО сотрудничал с Администрацией г. Апатиты, Администрацией Мурманской области и Областной Думой. Активности контактов с международными и региональными организациями и проектной деятельности соответствовало обилие конференций, семинаров и рабочих встреч разного уровня и по разнообразной тематике, в которых участвовали сотрудники МЦНКО и которые проводились на его базе. С созданием ЦГП многие контакты сохранялись и укреплялись, другие заканчивались вместе с проектами. Например, некоторые организации-партнёры имели экологический или медико-биологический профиль, по таким проектам историкам работать было сложно.

С созданием ЦГП как научного подразделения сотрудничество с внешними организациями переориентировалось. Приоритетными стали связи с российскими научно-образовательными учреждениями, академическими институтами, при этом международное сотрудничество оставалось в числе важных задач. До недавнего времени продуктивный научный диалог поддерживался с коллегами-антропологами Арктического университета Норвегии (Университет Тромсё), Лапландского университета в Рованиеми (Финляндия), Университета Йоэнсуу (с 2010 г. — Восточно-Финляндский университет), некоторыми другими организациями. Основная форма научной коммуникации — участие в международных исследовательских и издательских проектах, конференциях, в открытых обсуждениях научных проблем на страницах журнальных форумов.

В разные годы с неодинаковой интенсивностью, но стабильно поддерживались и продолжаются научные контакты ЦГП с Отделением историко-филологических наук РАН и «головными» организациями — Институтом этнологии и антропологии РАН в Москве (в первую очередь, с Отделом Севера и Сибири) и Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН в Санкт-Петербурге; а также с Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Институтом языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и Петрозаводским государственным университетом, Институтом языка, литературы и истории Коми научного центра РАН, с Российским государственным гуманитарным университетом (Институтом высших гуманитарных исследований им. Е. М. Мелетинского и Учебно-научным центром типологии и семиотики фольклора), Санкт-Петербургским государственным университетом (историческим факультетом, с 2014 г. — Институт истории), Европейским университетом в Санкт-Петербурге (факультетом антропологии), Северным Арктическим федеральным

университетом имени М.В. Ломоносова (факультетом социально-гуманитарных наук, Центром изучения традиционной культуры Европейского Севера), Мурманским государственным педагогическим (гуманитарным, затем арктическим) университетом и рядом других научных и образовательных организаций.

В содружестве с университетом

С основания Центра гуманитарных проблем его научная и образовательная деятельность были неразрывно связаны с гуманитарным факультетом Кольского филиала Петрозаводского государственного университета. Филиал был открыт в городе Апатиты 26 октября 1994 г. решением Государственного комитета Российской Федерации по высшему образованию в интересах развития в регионе классического университетского образования. Это был первый и на сегодняшний день последний классический университет в Мурманской области, поскольку существование его закончилось в 2016 г.

Гуманитарные кафедры философии и социологии[1], истории, филологии открылись в конце 1990-х и в 2000-е развивались активно. Благодаря усилиям педагогов и декана гуманитарного факультета Евгения Александровича Вайнштейна эти кафедры выпускали очень хорошо подготовленных специалистов и сыграли первостепенную роль том числе и в подготовке кадров для гуманитарного центра. Талантливым и эрудированным педагогом был безвременно ушедший Дмитрий Александрович Федотов, который одно время заведовал кафедрой философии и социологии. Как заметила одна из его бывших учениц, он не только образовывал студентов, но во многом формировал их личности, научное мировоззрение. С 2004 по 2008 гг. в Апатитах работал созданный по инициативе Д. А. Федотова Центр независимых социологических исследований. С первых проектов этой общественной организации, нацеленных на изучение миграционных установок и представлений современной молодёжи о родине, началось собственно научное сотрудничество преподавателей, студентов и исследователей МЦНКО. В отсутствие в Апатитах необходимой специальной обществоведческой и исторической литературы заведующие кафедрами и преподаватели самостоятельно привозили её целыми стопками из Петербурга, Москвы, Петрозаводска. На кафедре философии и социологии была библиотечка новейшей

[1] Кафедра философии и социологии ПетрГУ была первой в области, которая готовила социологов. Через несколько лет такая кафедра открылась в МГПУ–МАГУ.

и классической отечественной и зарубежной социологической литературы, которой мог свободно пользоваться любой студент.

В отношении профессорско-преподавательских кадров гуманитарный факультет оказался в самом сложном положении, так как преподаватели головного вуза, если и приезжали из Петрозаводска, то старались вычитать лекционный курс в предельно сжатые сроки. На других факультетах преподавание в значительной степени обеспечивалось учёными Кольского научного центра РАН. Образование гуманитарного центра в Апатитах создало благоприятные условия для укрепления состава кафедр. Со своей стороны, вузовские преподаватели философии, истории, социологии, филологических дисциплин создавали необходимую для молодого гуманитарного академического центра профессиональную среду. Это были педагоги высокой квалификации из Апатитов и регулярно приезжавшие приглашённые специалисты, причем далёко не только из Петрозаводска. Использовались личные профессиональные контакты руководителей вуза, факультета, кафедр, и это приносило хорошие плоды.

В начале 2000-х гг. в качестве приглашённых специалистов кафедры филологии[1] читал лекции по древнерусской литературе проф. А. В. Пигин из Петрозаводска, приезжала преподавать историю русской классической литературы профессор Санкт-Петербургского университета Е. В. Душечкина, теоретический курс вёл д-р филол. наук Ю. В. Доманский из Тверского государственного университета (сейчас профессор Института филологии и истории РГГУ); этнографию историкам, социальную антропологию социологам, фольклористику филологам преподавала д-р ист. наук И. А. Разумова (с 2003/2004 учебного года уже как постоянный совместитель, работающий в ЦГП КНЦ РАН). Очень повезло студентам-социологам: несколько основных дисциплин преподавала приглашенная из Перми канд. филос. наук, доцент Нина Николаевна Измоденова — представитель одной из самых видных российских научных социологических школ. С 2004 г. она тоже переехала в Апатиты и стала постоянным преподавателем, а затем заведовала кафедрой философии и социологии. Она приучала студентов всегда быть в курсе актуальных проблем социальной жизни, читать как можно больше специальной научной литературы, прививала аналитические навыки. Н. Н. Измоденова была членом учёного совета ЦГП КНЦ РАН, нелицеприятным рецензентом многих работ сотрудников Центра, у неё учились студенты О. В. Змеева, А. С. Бородина (Давыдова), О. А. Сулейманова — сейчас старшие научные сотрудники ЦГП.

[1] Она оказалась в самом бедственном положении из-за отъезда двух ведущих преподавателей.

Ряд специальных дисциплин преподавали на гуманитарном факультете санкт-петербургские педагоги высшей школы и исследователи: канд. искусствоведения М. Л. Лурье (курс социолингвистики), канд. филол. наук А. В. Тарабукина (курсы социологии религии и социологии города). Как полевые этнографы они участвовали в летних экспедициях со студентами исторического отделения на Терский берег; в одной из экспедиций принимал участие проф. В. В. Головин (ныне директор ИРЛИ РАН). Живое общение с учёными разных гуманитарных специальностей очень способствовало общекультурному развитию студентов.

Первой из сотрудников МЦНКО–ЦГП начала преподавательскую работу на гуманитарном факультете Антонина Григорьевна Саморукова. В 2002 г. по договору с факультетом она разработала и прочитала на базе Музея истории изучения и освоения Европейского Севера теоретический курс «Основы музееведения» и руководила музейно-фондовой и музейно-экскурсионной практикой для студентов 2-го и 3-го курсов по специальности «История». А. Г. Саморукова разработала учебное пособие по музееведению для студентов исторического отделения. Кроме музееведения, в дальнейшем она преподавала историю первобытного общества, историю средних веков, читала курсы «История Кольского Севера», «История и культура кольских саамов», «История науки на Кольском Севере», а на социологическом отделении дисциплину «Социология гендерных отношений».

Почти все сотрудники ЦГП в разные годы преподавали в КФ ПетрГУ. О. А. Бодрова начала профессиональный путь как преподаватель кафедры филологии. И. А. Разумову в 2001 г. в Апатиты впервые пригласил именно университет; впоследствии, работая в КНЦ, она преподавала на всех кафедрах гуманитарного факультета, в том числе дисциплину «Семьеведение» будущим социальным работникам. Основными были курсы по кафедре философии и социологии: социальная антропология, этносоциология, социология семьи, социология культуры. Когда для кафедры философии и социологии наступили не лучшие времена, она стала утрачивать самостоятельность и преподавателей, свою alma mater очень поддержали бывшие выпускники: будучи уже кандидатами наук, О. В. Змеева, О. А. Сулейманова, А. С. Давыдова взяли на себя преподавание нескольких дисциплин о методах социологических исследований.

Сотрудники Центра из года в год руководили курсовыми и дипломными работами студентов, учебными практиками, все были рецензентами дипломных работ. Например, только в 2005 г. студенты под руководством И. А. Разумовой защитили 11 дипломных проектов, под руководством А. Г. Саморуковой 6 дипломных и 13 курсовых проектов. А. Г. Саморукова руководила практикой по музееведению на историческом отделении, И. А. Разумова — фольклорной практикой на филологическом отделении, она же вместе с О. В. Шабалиной и М. Л. Нахшиной — этнографической практикой на историческом отделении, социологической

практикой руководили О. В. Шабалина, К. С. Казакова, Е. Я. Пация, И. А. Разумова.

В 2005 г. по соглашению с гуманитарным факультетом Кольского филиала Петрозаводского университета на базе ЦГП была создана интеграционная кафедра этнологии и североведения[1] (руководитель — проф. В. П. Петров, преподаватели С. Н. Виноградова, И. А. Разумова, и А. Г. Саморукова). Для работы со студентами была оборудована аудитория и читальный зал библиотеки. Учащимся предоставлялась возможность повысить уровень знаний, приобрести навыки научной работы. На кафедре был организован постоянно действующий методологический семинар, прежде всего для старшекурсников. Инициатива могла исходить от самих обучающихся. Хороший пример, когда группа из нескольких студентов-историков обратилась к И. А. Разумовой с просьбой прочитать им лекции о древнерусской литературе — предмету, отсутствующему в учебных планах исторической специальности.

В результате очередных организационных нововведений в научно-образовательной сфере в 2014 г. по соглашению с Кольским филиалом Петрозаводского государственного университета кафедра этнологии и североведения была реорганизована в действующий на базе ЦГП КНЦ РАН Научно-образовательный центр гуманитарных проблем Севера и Арктики (НОЦ). Однако в это время уже отчётливо проявились негативные тенденции в высшем образовании, связанные с отсутствием перспектив для гуманитарных специальностей, особенно в региональных вузах. В 2016 г. Кольский филиал Петрозаводского университета перестал существовать, а с ним и гуманитарный факультет. Полноценного сотрудничества с Мурманским университетом, который сначала перестал быть педагогическим, а затем гуманитарным, не получилось, хотя конструктивные профессиональные контакты с историками, социологами, филологами областного центра продолжали поддерживаться. Устойчивее всего оказалось сотрудничество с кафедрой истории МАГУ.

Одним из главных результатов образовательной деятельности ЦГП стало активное вовлечение студентов в работу Центра. Закрепляя и углубляя профессиональные знания и навыки, студенты участвовали в собирании фольклорно-этнографического, устно-исторического, письменного материала, проводили интервьюирование, сбор данных с использованием других «качественных» социо- и антропологических методов. Они занимались расшифровкой (транскрибированием) полевых аудиозаписей. Способные и увлечённые студенты под руководством преподавателей и специалистов ЦГП выполняли исследования, результаты которых были достойны публикации и использования в научной работе.

[1] Протокол заседания Президиума КНЦ РАН от 18 февраля 2005 г. № 2.

В 2009 г. один из выпусков научно-практического альманаха «Наука и бизнес на Мурмане» был посвящён социально-антропологическим и социально-экономическим аспектам жизни городов Заполярья. Две трети авторов статей (14 из 21) были студентами социологического отделения КФ ПетрГУ. Они представили результаты своих исследований, большей частью проведённых по время практики по социальной антропологии[1]. Статьи некоторых студентов были опубликованы в изданиях КНЦ РАН: сборниках трудов ЦГП (2004–2009) и научном журнале «Труды Кольского научного центра РАН» (серия «Гуманитарные исследования»).

Сотрудничество распространялось на совместные научные проекты. При кафедре философии и социологии была создана под руководством Н. Н. Измоденовой Лаборатория социологии, в которой выполнялись исследования по заявкам внешних организаций. В 2007 г. на базе ЦГП в сотрудничестве с Лабораторией разрабатывался проект «Семейные ресурсы и институты социального сопровождения семьи на Кольском Севере» при поддержке Департамента экономического и социального развития Администрации Мурманской области. Ответственными исполнителями были доцент КФ ПетрГУ, канд. социол. наук Э. С. Клюкина и д-р ист. наук И. А. Разумова, исполнителями — О. В. Змеева (ЦГП КНЦ РАН) и студентка отделения социологии Е. И. Скрябина. В 2009–2011 гг. сотрудники ЦГП работали по проекту «Региональная история в письменных и устных репрезентациях: формирование традиции и взаимодействие культурных кодов», поддержанному по Программе ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей». Исследования выполняли И. А. Разумова, Е. В. Бусырева, О. В. Змеева, А. С. Давыдова, аспирантка Т. С. Лукина. Руководила проектом канд. филол. наук, заведующая кафедрой филологии КФ ПетрГУ Г. В. Костина, работавшая в ЦГП по контракту.

Таким образом, совместная работа академического учреждения и гуманитарного факультета осуществлялась к обоюдной пользе и в интересах, как научных, так и образовательных. Тесное сотрудничество позволяло учёным КНЦ оперативно включать результаты текущих исследований в образовательный процесс, в программы преподаваемых дисциплин. Данные, полученные в ходе работ, легли в основу целого ряда специальных образовательных курсов для студентов гуманитарного факультета Кольского филиала Петрозаводского университета. Со своей стороны, будущие историки и обществоведы включались в практическую научную

[1] Наука и бизнес на Мурмане: науч.-практ. альм. Мурманск: Кн. изд-во, 2009. № 2 (69). 76 с.

деятельность, что способствовало разработке академических тем и проектов. Сейчас можно только сожалеть о том, что годы этой успешной плодотворной работы остались в прошлом.

Вехи истории

История научной организации имеет свои размерности. Событиями в жизни молодого подразделения становятся все начинания, которые знаменовали его развитие в новом статусе, ступени профессионального роста сотрудников, структурные и важные кадровые изменения, в первую очередь то, что принято обозначать как «научные достижения».

Тематика исследований. Время (биография) научного коллектива размечается выполненными темами исследований. Первая научно-исследовательская тема, которая получила государственную регистрацию[1], выполнялась с 2005 г. и была завершена в 2007 г.

С 2008 по 2018 гг. в ЦГП КНЦ РАН выполнялись одновременно две темы: по антропологии и истории науки. Исследования по каждому направлению были преемственно связаны по проблематике и аспектам изучения. В 2018 г. обе темы преждевременно (по отношению к планам работы) были завершены, поскольку в соответствии с новыми организационными тенденциями подлежали объединению в одну тему. Такое, отчасти искусственное, междисциплинарное объединение усложнило труд составителей отчётов и экспертов, однако не нарушило логику исследований в рамках каждого направления. Тема, которая завершается в настоящее время, на основании высокой экспертной оценки 2021 г. заслуживала продолжения, поэтому сроки её выполнения стали самыми длительными. По мере развития тем расширялись их хронологические рамки, отодвигая нижнюю границу всё далее в ретроспективу. Условная траектория развития, в первую очередь, антропологической темы, начавшись с новейших социально-антропологических сюжетов, продвигалась в направлении исторической антропологии, которая во многом проясняет современные процессы и их обновляющиеся смыслы.

Хронологически история исследований ЦГП выглядит следующим образом:

2005–2007 гг.

«Этнокультурные процессы на Кольском Севере в XX — начале XXI вв. и в исторической ретроспективе», № регистрации 01.2.006 08221, руководитель д-р ист. наук И. А. Разумова.

---

[1] Этнокультурные процессы на Кольском Севере в XX — начале XXI вв. и в исторической ретроспективе: отчёт о НИР (заключ.) / исполн.: Разумова И. А., Шабалина О. В., Виноградова С. Н., Пация Е. Я., Саморукова А. Г. Апатиты, 2007.

2008–2010 гг.

«Этапы становления академической науки и её роль в цивилизационном развитии российского сектора Евро-Арктического/ Баренц региона», № регистрации 0120.0 804421, руководитель д-р геол.-минерал. наук В. П. Петров.

«Этнокультурные факторы социальной динамики на Крайнем Севере в XX–XXI вв. (Кольский Север)», № регистрации 0120.0 804422, руководитель д-р ист. наук И. А. Разумова.

2011–2013 гг.

«Доминанты исторического развития и роль науки в формировании инновационного потенциала Кольского Севера», № регистрации 0120.1 153388, руководитель д-р геол.-минерал. наук В. П. Петров.

«Человек в контексте советской и постсоветской локальной истории: Кольский Север», № регистрации 0120.1 153387, руководитель д-р ист. наук И. А. Разумова.

2014–2016 гг.

«Изучение исторического опыта и процессов институционализации науки для обоснования геополитических и социокультурных императивов устойчивого развития Евро-Арктического региона». Регистрационный номер: АААА-Б17-217020370003-3, руководитель д-р геол.-минерал. наук В. П. Петров.

«Этнический и религиозный факторы социокультурного развития Кольского Севера в XX — начале XXI вв.». Регистрационный номер: НИОКТР АААА-Б17-217020770267-5, руководитель д-р ист. наук И. А. Разумова.

2017–2018 гг.

«История науки и научно-технологического обеспечения цивилизационного освоения и развития Евро-Арктического региона России». Регистрационный номер: НИОКТР АААА-А17-117020110068-3, руководитель д-р геол.-минерал. наук В. П. Петров.

«Историко-культурные факторы развития арктической территории: Мурманская область». Регистрационный номер: АААА-А17-117020110069-0, руководитель д-р ист. наук И. А. Разумова.

2019 — [2021; 2022] — 2023

«Социокультурное и научно-техническое развитие Северо-западной части Арктической зоны РФ в XIX–XXI вв.: исторический и антропологический ракурсы». FMEZ-2022-0028, № НИОКТР АААА-А19-119043090033-5, руководители д-р геол.-минерал. наук В. П. Петров, д-р ист. наук И. А. Разумова.

Публикаторская деятельность. Жизнь ЦГП была насыщена инициальными событиями в 2004 и 2005 гг. В 2004-м вышел в свет первый сборник трудов, подготовленный в Центре под редакцией В. П. Петрова и И. А. Разумовой и названный так же, как и первая научная тема:

«Этнокультурные процессы на Кольском Севере»[1]. Кроме сотрудников ЦГП в составе авторов были заслуженный геолог РФ, учёный и краевед Е. А. Каменев, заведующий кафедрой истории КФ ПетрГУ С. А. Дюжилов, преподаватель МАГУ Ю. П. Третьякова и аспирантка ЕУ СПБ, выпускница отделения социологии КФ ПетрГУ А. Симановская. В дальнейшем состав авторов расширялся, но этот выпуск ценен именно тем, что был первым из продолжившихся изданий Гуманитарного центра. Сборники выходили ежегодно до 2009 г. Их сменило периодическое издание — самостоятельная серия «Гуманитарные исследования» научного журнала «Труды КНЦ РАН». Она выходила с 2010 до 2022 гг., после чего журнал изменил формат, преобразовавшись в серию Трудов Кольского научного центра «Естественные и гуманитарные науки». Пока выпускались сборники, основной объём организационной и редакторской работы возлагался на обоих редакторов. Когда Труды начали выходить с периодичностью два раза в год, редакционная нагрузка увеличилась. Росло и число иногородних авторов, как «именитых», так и научной молодёжи. Начиная со второго выпуска журнала организационно-редакторские функции вначале распределялись между И. А. Разумовой (как главным редактором), О. А. Бодровой и К. С. Казаковой, а затем попеременно за выпуски стали отвечать К. С. Казакова и И. А. Разумова, работу выпускающего редактора неоднократно выполняла О. А. Сулейманова.

Для немногочисленного коллектива событием был выход каждой монографии. Первой была хоть и небольшая по объёму, но достаточно содержательная коллективная монография Н. Н. Гуцол, С. Н. Виноградовой и А. Г. Саморуковой о переселённых группах саамов[2]. Впоследствии выход из печати монографий, коллективных, соавторских и индивидуальных, стал более привычным, но не менее значительным фактом научной жизни гуманитарного центра. В настоящее время авторами монографий и книжных изданий являются все сотрудники ЦГП, за исключением аспирантов.

Просветительская публикаторская деятельность началась ещё в МЦНКО, когда в 2003 г. Е. Я. Пация при поддержке Саамского культурного фонда подготовила двуязычное учебное пособие «Саамское рукоделие»[3]. Впоследствии она продолжила практику совместной с носителями языка и культуры подготовки двуязычных изданий в виде

---

[1] Этнокультурные процессы на Кольском Севере: сб. ст. / МЦНКО КНЦ РАН. Апатиты: КНЦ РАН, 2004. 194 с.

[2] Гуцол Н. Н., Виноградова С. Н., Саморукова А. Г. Переселённые группы кольских саамов. Апатиты: КНЦ РАН, 2007. 86 с.

[3] Мечкина Е. И., Мозолевская А. Е. Саамское рукоделие: метод. пособие / отв. ред Е. Я. Пация. Апатиты: КНЦ РАН, 2003. 112 с.

сборника фольклорной паремиологии одной саамской семьи[1]. В 2019 г. Е. Я. Пация выпустила книгу «Кольское застолье» — результат многолетних полевых этнографических исследований пищевых практик населения Кольского полуострова[2], а в 2022 г. вышла из печати последняя книга автора, художественная — «Саамские сказки Кольской Лапландии»[3]. Евгения Яковлевна возвратилась к давней теме своего творчества — саамским сказкам, которые когда-то сделали её одним из любимых авторов детей и взрослых не только в Мурманском крае, но и во всей стране. Книга литературно обработанных Е. Я. Пацией народных сказок «Семилетний стрелок из лука» вошла в историю русской детской литературы[4].

Безусловным событием стал выход в свет в 2008 г. иллюстрированного «презентационного» издания «Художники — участники арктических экспедиций на Крайний Север», созданного по материалам коллекции Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера[5].

В 2020 г. предпринята научная публикация книги заслуженного геолога России Е. А. Каменева «Имена на карте»[6]. Автор показал историю изучения и освоения минеральных богатств Хибинского ареала Кольского полуострова через биографии исследователей и путешественников, которые не только оставили имена на карте Хибин и в названиях минералов, но и внесли вклад в становление новых населённых пунктов, прежде всего, Хибиногорска (Кировска). Книга Е. А. Каменева представляет особый вид историко-краеведческой литературы: она основана на разнообразных, часто редких, источниках, составлена в соответствии с оригинальным авторским замыслом: Е. А. Каменев выстроил текст согласно собственному видению логики книги А. Е. Ферсмана «Наш апатит». Краеведческая

---

[1] Мечкина Е. И. Фольклорные традиции в культуре саамской семьи. Апатиты: КНЦ РАН, РАН, 2010. 54 с.

[2] Пация Е. Я. Кольское застолье. СПб.: Геликон Плюс, 2020. 246 с.

[3] Саамские сказки Кольской Лапландии / авт.-сост. Е. Я. Пация. Мурманск: РУСМА, 2022. 134 с.

[4] Семилетний стрелок из лука: Саамские сказки / обраб. для детей Е. Пация. Мурманск: Кн. изд-во, 1990. 112 с. См. также: Саамские сказки / ред. Г. Керт; сост. Е. Пация. Мурманск: Кн. изд-во, 1980. 32 с.; Бодрова О. А. «Саамские сказки» 1980 года: о структуре сборника, жанровых и сюжетных особенностях саамского прозаического фольклора, его собирателях и о двух известных исследователях // Труды Кольского научного центра РАН. Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 19–28.

[5] Художники-участники экспедиций на Крайний Север = Artists-participants of the expedition to the Far North: из собрания Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Кольского научного центра РАН / сост., ст., коммент.: Е. Я. Пация, О. В. Шабалина. СПб.: ГАМАС, 2008. 207 с.

[6] Каменев Е. А. Имена на карте / науч. ред., коммент, вступ. ст. О. В. Змеевой; биогр. справка и послесл. Е. Е. Каменевой. М.: Наука, 2020. 207 с.

и просветительская книга содержит обширные данные об истории, этнографии, географии и топонимии Хибин, становлении академической науки в регионе. Издание было подготовлено О. В. Змеевой: выполнена работа по библиографическому поиску, комментированию принципов работы автора с текстами источников, уточнению исторической информации. Книга получила вступительную статью, качественный научный аппарат, включивший обширные комментарии к тексту, сведения о персоналиях, список литературы и источников, список сокращений, что позволило отнести её не только к научно-популярным, но также и к научным изданиям.

Образовательная деятельность и профессиональный рост. Жизненно важным для научной организации событием было открытие в 2005 г. в КНЦ РАН на базе Центра гуманитарных проблем аспирантуры по специальности «Этнография, этнология, антропология» (07.00.07). Инициативу Кольского научного центра поддержало Отделение историко-филологических наук РАН. Первыми в аспирантуру были приняты А. С. Бородина, выпускница гуманитарного факультета КФ ПетрГУ (очное обучение) и О. А. Бодрова, преподаватель кафедры филологии КФ ПетрГУ (заочное обучение). Научным руководителем была назначена д-р ист. наук И. А. Разумова. В 2006 г. аспирантами стали выпускники социологического отделения университета О. В. Змеева (которая с 2004 г., ещё студенткой, работала в Центре лаборантом) и Н. Н. Минкин, в 2007 г. — Т. С. Лукина и О. А. Сулейманова.

Всего за годы существования аспирантуры в ней обучались не менее 20 человек, включая тех, кто оформлял соискательство. Результаты были очень разные. Многие не закончили обучение, не уложившись в сроки, когда были исчерпаны материальные возможности; кто-то осознал своё призвание в качестве учителей, другие просто не справились требованиями к научной работе или оставили учёбу по семейным обстоятельствам. При этом несколько человек из ушедших успешно учились и проводили исследования, например, аспирантки Л. А. Барабанова, Т. С. Лукина и соискатель Е. В. Васильева собрали ценный материал по разным аспектам современной городской обрядовой культуры, подготовили и опубликовали статьи. Результаты их работы были включены в отчёты о научно-исследовательской работе ЦГП по темам государственных заданий и проектам Программ фундаментальных исследований РАН. На начальном этапе своих диссертационных исследований, не уложившись в отведённое время, прекратили аспирантскую подготовку Я. В. Обухов и О. А. Зайцев, оба некоторое время работали в ЦГП старшими лаборантами, занимались темами, связанными с религиозной жизнью на Кольском Севере и успели опубликовать свои первые результаты.

Почти все кандидатские диссертации были подготовлены в русле основной тематики НИР. Первой в 2005 г. защитила диссертацию

О. В. Шабалина. Работа по исторической специальности «Документалистика, документоведение, архивоведение», посвящённая архивным источникам о развитии угольной промышленности на архипелаге Шпицберген, была выполнена и защищена во Всероссийском научно-исследовательском институте документоведения и архивного дела. В настоящее время Ольга Вячеславовна Шабалина ведущий научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН. В 2006 г. диссертацию по специальности «Региональная экономика» защитила по окончании аспирантуры в ИЭП КНЦ РАН С. Н. Виноградова. Позже, в 2010 г., по той же специальности и там же защитилась Ж. Э. Каспарьян. Светлана Николаевна Виноградова с 2005 по 2014 гг. работала в ЦГП учёным секретарем, в 2015–2022 гг. эту должность занимала Жанна Эдуардовна Каспарьян.

Первые две защиты аспирантов-этнографов Кольского научного центра состоялись в один день, в конце декабря 2009 г., в диссертационном совете МАЭ РАН (Кунсткамера). Это был достаточно редкий случай: обе диссертантки выполнили работы в строго отведённые сроки и представили их в Совет. Тема О. В. Змеевой — «Этнические мигранты на Кольском Севере в конце XX — начале XXI века», тема О. А. Бодровой — «Саамы в русской этнографической литературе второй половины XIX — начала XX веков». Защита диссертаций прошла очень успешно. Этот результат был показательным, он окончательно убедил в том, что Центр гуманитарных проблем сформировался как научное подразделение академического центра, работает эффективно и слаженно. В настоящее время Ольга Васильевна Змеева старший научный сотрудник Центра, туда же на работу в 2012 г. перешла Ольга Александровна Бодрова, сейчас она также старший научный сотрудник, и. о. учёного секретаря ЦГП КНЦ РАН.

Диссертацию «Студенчество Санкт-Петербургского университета в первой половине XIX в.» по специальности «Отечественная история» в 2011 г. столь же успешно защитила в диссертационном совете Санкт-Петербургского университета К. С. Казакова. Таким образом, штат сотрудников пополнялся научными кадрами высокой квалификации. Сейчас Ксения Сергеевна Казакова — старший научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН, член редакционного совета КНЦ РАН.

Все сотрудники, защитившие диссертации, подготовили на их основе и опубликовали монографии[1]. Ещё две диссертации, выполненные в ЦГП КНЦ РАН, были защищены в 2016 г. Намечалась своего рода

[1] Змеева О. В. «Новый дом» вдали от Родины: этнические мигранты на Кольском Севере. Апатиты: КНЦ РАН, 2011. 95 с.; Бодрова О. А. В поисках отражения: Саамы Кольского севера в русской этнографической литературе второй половины XIX — начала XX вв. Апатиты: КНЦ РАН, 2014. 168 с.; Жуковская Т. Н., Казакова К. С. Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века. М.: Новый Хронограф, 2018. 576 с.

«традиция»: работы А. С. Давыдовой «Строительство православных храмов на Кольском севере в конце XX — начале XXI вв.: представления и практики» и О. А. Сулеймановой «Семейные вещи в процессе переезда: на примере городских семей Кольского Севера» защищались в диссертационном совете МАЭ РАН в один день, незадолго до нового, 2017 г. Вскоре, 17 января 2017 г., в диссертационном совете Удмуртского государственного университета в Ижевске, куда поступают большей частью этнографические работы по финноугроведению, состоялась защита диссертации Е. В. Бусыревой «Сохранение и трансформация этничности в финских семьях на Кольском Севере: 60-е годы XIX в. — начало XXI в.». Не была нарушена и традиция преобразовывать в монографию дополненные материалы и результаты диссертационных исследований[1]. Олеся Анатольевна Сулейманова, Алена Сергеевна Давыдова и Елена Владиславовна Бусырева работают в ЦГП КНЦ РАН, с 2023 г. — старшие научные сотрудники.

В 2016 г., вследствие очередных инноваций в системе поствузовского образования, в ЦГП КНЦ РАН были разработаны и благополучно прошли аккредитацию две образовательных программы высшего образования «по направлению подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре по укрупнённой группе специальностей 46.06.01 «Исторические науки и археология» направленностей 07.06.01 — Отечественная история и 07.00.07 — Этнография, этнология и антропология»[2]. Научное руководство осуществляют О. В. Шабалина, И. А. Разумова, О. В. Змеева, К. С. Казакова. В 2022 г. были приняты на учёбу два аспиранта по специальности «Отечественная история». В настоящее время работают над диссертациями старшие лаборанты ЦГП Л. А. Тарова (специальность «Этнология, антропология, этнография») и Е. О. Сушко (специальность «Отечественная история»). Это позволяет надеяться, что у Центра гуманитарных проблем КНЦ РАН есть перспективы.

---

[1] Бусырева Е. В. Судьбы финнов Мурманского региона: семейная история и культура. Апатиты: Изд-во Кольского науч. центра РАН, 2019. 176 с.; Сулейманова О. А. Мигранты и вещи: опыт переезда и материально-бытовая адаптация городских семей Кольского Севера. М.: Наука, 2021. 191 с.; Давыдова А. С., Ляпинская А. А. Строительство и жизнь православных храмов в устной и письменной истории заполярного города. Мурманск: Русма, 2020. 360 с.

[2] Лицензия Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 22 февраля 2018 г. № 2721. Согласно номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются учёные степени, утверждённой приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118, специальности (профили подготовки) 5.6.4 «Этнология, антропология и этнография» и 5.6.1 «Отечественная история».

ГЛАВА 2
ИЗУЧЕНИЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

«Саамский фактор» в развитии региона и гуманитарных исследований

Первое научное направление: «вызов» времени

Саамоведение стало первым научным направлением этнологических исследований, которое начало формироваться в КНЦ РАН с середины 1980-х гг. Время бурных перемен, всесторонняя и многообразная реакция локальных сообществ на происходившие трансформации требовали внимания ученых. Возрастало не только фундаментальное, но и прикладное значение этносоциальных исследований. Они вполне вписывались в тематику Института экономических проблем.

С 1986 г. наряду с музейной работой, связанной с изучением истории и культуры саамов, коми, ненцев, поморов Кольского полуострова, начался систематический сбор данных о социально-экономическом положении, демографической ситуации и этнокультурных процессах среди коренного населения Мурманской области.

Важнейшим из внешних факторов, повлиявших на успешное продвижение этноориентированных исследований в региональном академическом центре, стала общественная острота этнополитических и этноэкономических проблем перестроечного и постперестроечного времени. В частности, наблюдался рост этнического самосознания саамов, их социальной и политической активности. Выразителем этих процессов стала саамская интеллигенция, предпринимавшая значительные усилия для сохранения традиционной культуры и природопользования. В 1989 г. была создана Ассоциации кольских саамов, а в 1990 г. на Первом съезде коренных малочисленных народов Севера России, Сибири и Дальнего Востока было принято решение о создании Ассоциации всех малочисленных народов Севера, куда вошёл представитель кольских саамов. В это же время были сняты ограничения на въезд в село Ловозеро и Ловозерский район и установились постоянные контакты кольских саамов с саамами Скандинавии. В 1992 г. российские саамы в качестве равноправных членов были приняты в Союз саамов Скандинавии. Саамы всех стран, вошедших в Союз, признавались единым народом.

Кардинальные социально-экономические преобразования в стране существенно отразились на традиционном промысловом хозяйстве и оленеводстве кольских саамов и коми. Особенно острым был вопрос о способах ведения традиционного оленеводства в условиях Мурманской

области. В оленеводческих совхозах преобладали крупные по размеру стада (до 5–6 тыс. голов), что было не характерно для традиционного оленеводства саамов, но принято у коми. Время показало, что такой подход губительно влияет на пастбища, восстановление которых занимает годы. На эту проблему обращали внимание не только коренное население, но и учёные-экологи. Начавшийся переход к рыночной экономике наряду с открывающимися возможностями принёс и новые проблемы. Ещё было далеко до принятия Федерального закона, защищающего права коренного населения (принят в 1999 г.), ещё отсутствовали «Всеобщая декларация прав аборигенных народов» (принятая на 11-й Сессии ООН в 1994 г.) и Федеральный закон «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» (1996 г.). Все действующие указы и постановления того времени носили декларативный характер и не определяли пути реализации прав и гарантий коренных жителей северных регионов России.

В результате местные власти получили широкие возможности для противоречивых действий: без согласования с постоянным населением предоставлялись земли под промышленное освоение, при этом не редкими были отказы в предоставлении земельных угодий коренным жителям. Сдавались в аренду и отчуждались пастбищные и заповедные территории. В местах традиционного промысла рыбы представителями некоренного населения создавались коммерческие предприятия, росло браконьерство. Механизмов же строгого контроля за подобными действиями, а также за целевым и адресным использованием средств в поддержку малочисленных народов Севера не существовало, как и механизмов, обеспечивающих возмещение причиненного экологического ущерба.

Необходимость сохранения территорий традиционного природопользования, создание благоприятных условий для развития оленеводства и рыболовства как основы жизнедеятельности коренных народов Кольского полуострова была очевидной и насущной. Единственно возможным способом решения этой задачи представлялось законодательное закрепление и охрана территорий традиционного природопользования, а также законодательное обеспечение прав и гарантий коренным народам на сохранение их культурной самобытности и традиционной среды обитания. В Мурманской области это имело особое значение, так как люди, жизнь которых связана с традиционными отраслями производства, были представлены несколькими этническими группами (саамы, коми, ненцы, поморы). Как следствие обострилась проблема определения статуса кольских коми и поморов, которые не были включены в категорию малочисленных народов Севера России. В то же время на региональном уровне высказывались опасения в связи с ростом самосознания саамов и тенденцией к самоопределению в ситуации, когда значительно усилилась

культурная и экономическая поддержка зарубежными саамами кольских саамов. По мнению исследователей, актуализация «саамского фактора» развития перестроечных процессов диссонировала с пассивной реакцией кольских коми на новые социально-политические изменения.

В Институте экономических проблем

Первое большое многолетнее этнологическое исследование «Занятость и уровень жизни саамов» (ответственный исполнитель науч. сотр. Е. Я. Пация) стало частью проекта «Исследование занятости и уровня жизни населения Мурманской области в новых условиях»[1]. Для изучения занятости коренного населения Мурманской области была проделана работа по сбору объективной первичной информации в Ловозерском и Кольском районах. Ввиду относительной малочисленности исследуемой группы населения (1800 чел.) собирались сведения обо всех саамах, проживающих во всех посёлках этих районов. В качестве источника первичного материала использовались похозяйственные книги поселковых советов, позволившие получить данные о составе семей, возрасте, образовании, месте работы, занимаемой должности, занимаемой жилой площади. Проводилось интервьюирование и экспертный опрос саамского населения «Саамы о саамах» в селе Ловозеро. На основании полученных данных было сформировано представление о текущей социально-экономической ситуации и тенденциях её развития, обозначены основные болевые точки в жизни локальных групп.

Многие сведения, полученные в ходе исследований, были впервые представлены научной общественности. Исполнители проекта констатировали, что проблемы, назревшие в среде, в первую очередь, ловозерских саамов, явились результатом непродуманной политики укрупнения оленеводческих хозяйств и переселения большой группы людей в Ловозеро. Вызванный этим широкий спектр проблем затрагивал, прежде всего, экономику: изменение способов ведения оленеводства, оплаты труда, сокращение рабочих мест в традиционном хозяйстве, утрата промысловых территорий, значительно возросшая конкуренция с мигрантами за промысел рыбы, сбор дикоросов, охоту, рост браконьерства.

---

[1] Исследование занятости и уровень жизни населения Мурманской области в новых условиях занятости: отчёт о НИР (заключ.) / Лазарев Е. Е. 1990. П. 4; Пация Е. Я. Занятость и уровень жизни саамов // НА КНЦ РАН. Ф. 9. Оп. 2. Ед. хр. 76; Лазарев Е. Е., Пация Е. Я., Ватонина Л. А. Социальные аспекты жизнедеятельности саамов на Кольском Севере // Экономические и социальные аспекты использования производительных сил Кольского региона. Апатиты: КНЦ АН СССР, 1991. С. 47–54.

Касалось это и социальной сферы. Так, у переселённых групп проблема с жильём оставалась одной из самых животрепещущих на протяжении десятилетий.

Сосредоточение саамов в Ловозере и расселение отдельных семей по городам и посёлкам Мурманской области привели к тому, что на Кольском полуострове не осталось населённых пунктов с преимущественно саамским населением. Закономерными следствиями были языковая ассимиляция саамов (переход на русский язык с утратой родного языка), рост числа смешанных браков. Оленеводство из образа жизни превратилось в сферу занятости, что сказалось на функционировании саамской семьи. Все большее число детей получало образование в школе-интернате в отрыве от семьи, на полном государственном обеспечении. Согласно статистическим данным 1980-х гг., собранным по Ловозерскому району, более 60 % оленеводов не состояли в браке. С 1968 по 1988 гг. рост смертности от несчастных случаев среди саамов составил 33 %, что в 1,5 раза выше, чем среди русского населения, и в 2,7 раза выше, чем у коми. Мужчины среднего возраста составляли 81 % погибших. Основные причины смертности и несчастных случаев были связаны с употреблением алкоголя. В целом, по заключению исследователей, самый низкий уровень жизни у саамов был в селе Ловозеро («саамской столице»).

Наряду с этим обращали на себя внимание тенденции культурного развития кольских саамов, однозначно оценённые исполнителями проекта как положительные. К ним относились кропотливая работа учёных и местной интеллигенции по возрождению саамской письменности, принятию нового саамского алфавита и издание саамского букваря, подготовленного саамской учительницей А. А. Антоновой. В 1985 г. началось изучение саамского языка в школе-интернате Ловозера, на Ловозерском радио появились передачи на саамском языке. Активно возрождались обрядовые и песенные традиции, создавались фольклорные коллективы, работал кружок «Юный оленевод», в Мурманском книжном издательстве были изданы поэтические сборники саамских поэтов Аскольда Бажанова и Октябрины Вороновой. Уже в первые годы перестройки саамы оказались одной из наиболее активных социальных групп населения как на местном уровне, так и в целом в Мурманской области. В условиях конкурентной борьбы саамы добились того, что три человека из их числа были выбраны в органы местного самоуправления.

Это был первый проект, нацеленный на освещение и анализ разнообразных материалов, отражающих картину жизни отдельной этнической группы в период социально-экономических и политических трансформаций. Полученные данные были впервые представлены на международных конференциях и обсуждались учёными как внутри страны, так и за рубежом.

Начавшийся в рамках проекта постоянный мониторинг социально-экономических, этнокультурных процессов и уровня жизни коренного населения Мурманской области позволил максимально использовать имеющиеся материалы для их практического применения. В 1990 г. Институт экономических проблем совместно с Сибирским отделением РАН разработал «Концепцию Российской программы развития районов Севера на 15–20 лет», обосновавшую переход к новой модели устойчивого развития северных регионов России, где большое внимание уделялось определению подходов к устойчивому развитию коренных народов Севера. Вкладом в разработку этой Концепции стали также работы канд. экон. наук Е. Е. Лазарева, канд. ист. наук Н. Н. Гуцол и Е. Я. Пации.

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. на фоне перестроечных процессов, стремления к открытости Советского (Российского) государства активизировались международные, трансграничные контакты коренного населения Кольского полуострова. Международные связи стали играть существенную роль и в научной жизни. Общий этнографический интерес российских и зарубежных учёных и открывшиеся возможности для проведения научных исследований по обе стороны границы стимулировали разработку совместных проектов. Группа сотрудников Кольского научного центра, научное руководство которой осуществляла канд. ист. наук Н. Н. Гуцол, получила эту возможность в 1991 г., и уже летом 1992 г. были проведены первые совместные полевые работы в Ловозерском районе.

Проект «Финноугорское население Кольского Севера в 1970-х — начале 1990-х гг.» получил совместное финансирование Финской и Российской академий наук при поддержке Консульства Финляндии в Мурманске. В проекте участвовали профессор Университета Оулу антрополог Юкка Пеннанен и его студент Илпо Сойни, аспирант-антрополог Университета Турку Хелена Руотсала. С российской стороны в нём были заняты известный этнограф, специалист по кольским саамам канд. ист. наук Т. В. Лукъянченко, работавшая в Институте этнологии и антропологии РАН в Москве, от Кольского научного центра — Н. Н. Гуцол и науч. сотр. Е. Я. Пация. Выполнение проекта включало три полевых сезона (1992, 1993 и 1994 гг.) в сёлах Ловозерского района Мурманской области — Ловозере, Краснощелье, Каневке, а также работу в музеях и архивах в России и Финляндии, работу Н. Н. Гуцол в Университете Оулу в 1994 г., участие в международных встречах и конференциях в 1992 и 1994 гг.

Это был первый и очень ценный во всех отношениях опыт. Совместная работа проходила непосредственно в поле. Многочисленные многочасовые интервью и фотофиксация сочетались с наблюдением за хозяйственной деятельностью и бытом саамов и коми Ловозерского района. В это трудное для российской науки время проведение

столь масштабных и продолжительных полевых исследований было проблематично в финансовом отношении. Международный проект сделал это возможным. Плохое состояние инфраструктуры в посёлках, особенно в отдалённых, сложная логистика, дорогой местный транспорт, временами и погодные условия, затруднявшие переезды, всё же не помешали сотрудничеству с финскими коллегами ни в поле, ни в кабинетах научных институтов и университетов.

Одной из поставленных перед собой коллективом исследователей задач была максимально точная и всесторонняя фиксация современных процессов в среде финно-угорского населения Мурманской области на фоне изменений в экономике и социальной сфере в регионе целом. Для понимания актуальных проблем важными представлялись реакция местных законодательных и исполнительных органов на происходящие изменения и влияние на характер их протекания.

Приоритетной же задачей стало изучение трансформаций в традиционном хозяйстве саамов и коми на примере двух основных оленеводческих хозяйств области: совхоз «Тундра», расположенный в селе Ловозеро, и совхоз «Память Ленина» с центральной усадьбой в селе Краснощелье. Было исследовано, как реформирование государственных оленеводческих хозяйств, начатое в 1992 г., повлияло на их экономику. В лучшем положении находилось хозяйство «Тундра», заключившее долгосрочное соглашение на закупку оленины со шведской компанией, предоставившей, в свою очередь, новые технологии для забоя и первичной обработки оленины. Хозяйство «Память Ленина», полностью находясь в отдалённых районах области, испытывало трудности в налаживании стабильной экономической деятельности из-за неразвитого транспортного сообщения, отсутствия собственных забойных пунктов.

С острыми проблемами в то время столкнулась и вторая по значимости отрасль традиционный экономики — рыболовство, особенно лов лососёвых. Эта отрасль издревле была наиболее доходной частью саамской экономики, которая пережила в прошлом серьёзный кризис, связанный с приходом коми и переходом к товарному оленеводству. Новый кризис был связан с постепенной ликвидацией совхозных рыболоведческих бригад. Сёмужий лов стал важным источником доходов для представителей некоренного населения Кольского полуострова, а места лова стали предметом торга и спекуляций.

Полевые исследования наглядно продемонстрировали наличие транспортных и энергетических проблем в регионе, развал системы снабжения отдалённых посёлков и оленеводческих бригад, безработицу среди коренного и некоренного населения, разрушение социальной инфраструктуры и сокращение медицинских услуг, отток учителей из отдалённых посёлков — как факторов роста браконьерства, преступности, пьянства и других негативных явлений.

По интервью с представителями местного населения вырисовывалась более благополучная картина жизни и хозяйствования в 1970–1980-х гг. в сёлах Краснощелье и Каневка. Среди жителей там преобладали коми, составлявшие более 70 % от числа проживающих. Однако не этнический фактор определял уровень жизни посёлков, а централизованное государственное снабжение, дотации на местные авиаперевозки, обеспечивавшие посёлки строительными материалами, необходимыми продуктами, топливом. В те годы здесь строились дома, клубы, школы. Малая авиация активно использовалась в оленеводстве. Большинство саамов проживало в Ловозере, где их доля в общей численности населения составляла 20 %. Для них жилищно-бытовые условия оставались серьёзной проблемой, в некоторой степени разрешившейся к середине 1980-х гг.

В проекте, осуществлявшемся этнографами и антропологами, безусловно, важное место отводилось фиксации современного состояния и сохранения этнокультурных традиций в оленеводстве и домашнем быту у коми-ижемцев и саамов. Этнографический интерес представляло также взаимовлияние культур этих народов, вынужденных, в силу исторических обстоятельств, делить природную среду обитания и промыслово-хозяйственную нишу. Больше всего было заметно влияние культуры коми на саамскую в оленеводстве. Изменение его характера и структуры стад привело к переходу саамов к видам транспорта и элементам одежды, характерным для оленеводов коми. Кроме того, в условиях отдалённых посёлков, где большинство составляли коми, саамы в общении переходили на язык коми или общий для них русский язык.

Работа по проекту в Ловозерском районе пришлась на время, когда особую остроту приобретали экологические проблемы. Они становились основанием для беспокойства у местного населения, предметом изучения и обсуждения в научной среде. Казалось бы, наблюдалось некоторое улучшение экологической обстановки в районе, связанное с остановкой ряда производств. Вместе с тем другой стороной этого процесса было ослабление системы контроля над деятельностью экологически вредных промышленных и военных объектов. Это повышало экологические риски, в то время как в новых условиях экологическая ситуация и состояние окружающей среды оставались важнейшими факторами устойчивого развития малых этнических коллективов и их традиционного хозяйства[1].

[1] Gutsol N., Patsia E. Yhteis kunnallisen politiikkan yleispiirteet Lovozeron piirikunnassa 1990 — luvulle tultaessa // Pennanen J. Without the reindeer the nation will vanish: Jos ei ole poropaimenia, kansa häämiä. Koulan poronhoitajien sosiokultuurinen adapt. 20 vuosisadalla. Jyväskylä: SKS Suomalaisen kirjall. seuran toimituksia, 2000. No. 779. S. 70–74.

Проект завершился в 1995 г., что совпало с созданием в структуре Кольского научного центра РАН нового научно-вспомогательного подразделения — Международного центра по развитию науки, культуры и образования в Баренц/Евро-Арктическом регионе.

В МЦНКО: первые проекты

Ядром нового Центра стал Музей истории изучения и освоения Европейского Севера и неразрывно связанная с ним немногочисленная группа научных сотрудников: руководитель группы канд. ист. наук Н. Н. Гуцол, научные сотрудники Е. Я. Пация, А. Г. Саморукова. В 1996 г. в группу гуманитариев вошла С. Н. Виноградова, математик по базовому образованию, впоследствии защитившая кандидатскую диссертацию по региональной экономике. История и проблематика саамских исследований в МЦНКО и затем в ЦГП КНЦ РАН с середины 1990-х до 2015 гг. ёмко освещены в статьях С. Н. Виноградовой[1].

Коллектив продолжил исследования широкого круга проблем коренных малочисленных народов Кольского полуострова. Очень важным и естественным условием развития исследований в этом направлении было наличие у группы существенного научного багажа, опыта полевой работы. Не последнюю роль играли разносторонние контакты в научной среде в России и за рубежом. Обмен опытом с зарубежными коллегами и финансовая поддержка из-за рубежа обеспечили возможность реализации в МЦНКО КНЦ РАН на первых этапах его становления исследований в рамках крупных международных проектов.

К 1997 г. сформировались и в дальнейшем успешно развивались три основных направления: 1) проблемы социально-экономического развития коренных народов Мурманской области; 2) основы региональной политики в отношении коренных народов Севера; 3) сохранение историко-культурного и природного наследия коренных народов Мурманской области.

К этому времени за годы работы среди саамов и коми Мурманской области у учёных сложились партнёрские и даже дружеские отношения с представителями коренного населения. Их значение в исследовательском процессе трудно переоценить. Они определяли уровень доверия, откровенности и правдивости информации, готовности в любой момент оказать необходимую помощь.

---

[1] Виноградова С. Н. Саамские исследования в МЦНКО и ЦГП КНЦ РАН: история становления и основные результаты пятнадцати лет работы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 2. 2012. № 1 (12). С. 87–101; Виноградова С. Н. Коренные народы Севера в исследованиях МЦНКО и ЦГП КНЦ РАН // Вестн. Кольского научного центра РАН. 2012. № 4 (11). С. 3–7.

Здесь следует отметить особую роль Евгении Яковлевны Пации, которая, как никто другой, умела расположить к себе людей, долгие годы поддерживать рабочие и дружеские отношения с представителями районных администраций, с активными представителями коми-ижемцев и саамов. Всё это послужило и в дальнейшем серьёзной опорой в работе. Кроме того, Музей и в новой структуре не терял своего основного назначения, оставался центром притяжения заинтересованных людей — этнографов и археологов, историков, краеведов, экологов, журналистов.

Одним из первых научных проектов, с которым группа пришла в МЦНКО, был проект с Департаментом истории экономики и Центром региональных исследований Университета Умео, Швеция. Проект предусматривал работу канд. ист. наук Н. Н. Гуцол в Департаменте истории экономики Университета Умеа в качестве приглашённого специалиста и совместную деятельность, связанную с публикацией коллективной монографии “Euro-Arctic Curtains”[1].

Задачей проекта ставилось выявление многообразных по характеру барьеров, которые встают на пути успешного строительства моста между Востоком и Западом, осмысления их особенностей для достижения большего взаимопонимания между отдельными людьми, предприятиями, государственными структурами по обе стороны границы. Осознание культурных разногласий и концентрация на стратегиях преодоления имеющихся препятствий рассматривались как важный потенциал развития при том, что история знает длительные периоды успешного взаимодействия в различных областях и активной торговли на Европейском Севере. Вплоть до 1917 г. сохранялся имидж мирной и конструктивной общей истории в Баренц-регионе, в противовес доминировавшему мнению и интерпретации отношений в целом между Востоком и Западом.

После развала Советского Союза активизировались различные формы трансграничного сотрудничества. Актуальными стали проблемы достижения устойчивого развития в Евро-Арктическом регионе, необходимо было переосмыслить и переоценить подходы к решению экономических, культурных, социальных, политических, экологических проблем.

Результатом успешного сотрудничества середины 1990-х гг. между Кольским научным центром и Университетом Умео стала статья Н. Н. Гуцол и проф. Йоргена Бйорклунда «Арктические барьеры внутри»[2], в ней

---

[1] Euro-Arctic Curtains. Cerum Northern Studies / Jan Åke Dellenbrant and Ulf Wiberg (eds.); Umeå University. Umeå: Cerum, 1997. 207 p.

[2] Gutsol N., Bjorklund J. Arctic Barriers Within: Colonization and Industrialization of the Kola Peninsula around 1900 // Euro-Arctic Curtains / Jan Ake Dellenbrant and Ulf Wiberg (eds.). Umea: Cerum, 1997. P. 7–35.

представлены два различных направления экономической политики царской России на Севере на рубеже XIX–XX вв., имевших общую цель: укрепление экономических и политических позиций России на Севере Европы. Проанализированы два основных блока вопросов. Первый связан с социальными и этнокультурными последствиями колонизационной политики на Кольском Севере и с поиском ответа на вопрос: когда и почему появились барьеры между большинством и меньшинством населения? Второй блок связан с развитием лесозаготовительной отрасли, развитием на её основе транснациональных предприятий. Авторы попытались ответить на вопрос: не является ли этот исторический опыт путём для достижения большей проницаемости, прозрачности границ?

Колонизация и индустриализация рубежа XIX–XX вв. впервые принесла новые технологии, новые экономические и социальные правила в экологически и социально сбалансированные сообщества коренного населения Кольского полуострова, нарушив экономические основы системы их традиционного хозяйства и повлекшие за собой серьёзные конфликты и негативные последствия. Наиболее болезненным результатом для саамов стала утрата их исключительного права в сфере традиционного хозяйства: лове лососёвых, лове рыбы во внутренний озёрах и оленеводстве. Если на последнее повлиял приход коми-ижемцев со своей системой продуктивного оленеводства, то на рыболовстве отразилась колонизация Мурманского побережья и ранее Терского берега Кольского полуострова. Меры царского правительства по увеличению постоянного населения на Кольском полуострове стали одной из причин переселения саамов из прибрежных во внутренние районы полуострова. Большой приток колонистов ускорил ассимиляционные процессы среди саамов. Прокладка железной дороги из Санкт-Петербурга на Мурманское побережье, проведение телеграфа, развитие лесной промышленности сопровождались отъёмом пастбищных угодий.

Изучение этого небольшого специфического вопроса показало наличие общих черт в государственных стратегиях освоения Севера в начале XX в. и в 1990-е гг. (время перехода к новым рыночным отношениям), а также их кардинальное отличие от аборигенных методов и принципов использования природных ресурсов.

Саамы в социальной структуре Мурманской области: этноэкономический и этнополитический аспекты

Работы по мониторингу состояния саамского общества, изменений в традиционной экономике, развитию коммерческих предприятий в традиционных отраслях, деятельность новых общественных организаций оставались в сфере внимания учёных МЦНКО. Существенным вкладом

в изучение этой проблематики стала работа в рамках международного проекта “Conflict and cooperation in the North. State-Sami Relations”, который осуществлялся при поддержке Северного культурного фонда и Сети коренных народов, Арктического центра Лапландского университета, Министерства местного управления и регионального развития (Норвегия), Финской академии наук и Шведского института международных отношений.

Задачей проекта ставилось исследование преемственности и изменений в отношениях государственных структур и саамских общин в Скандинавских странах и России. Были освещены возникающие конфликты и опыт кооперации по решению вопросов, связанных с правом на землю, автономией, идентичностью, — принципиальные вопросы межэтнических отношений. Наиболее ценным вкладом стало изучение современного опыта взаимоотношений государств и сообществ саамов, их сравнение с предшествовавшими периодами.

Для российской стороны, представленной сотрудниками КНЦ РАН, это была совместная деятельность Института экономических проблем (канд. экон. наук Л. А. Рябова) и МЦНКО (канд. ист. наук Н. Н. Гуцол).

Согласно отчёту МЦНКО за 2000 г., задачами проекта было «изучение положения саамского меньшинства в современной социальной структуре региона; места его традиционной экономики в рамках регионального индустриального развития», а также «анализ внутренних и внешних факторов, влияющих на формирование этнической идентичности саамов, исследование их социальной и политической активности и степени и формы их участия в принятии решений на местном и региональном уровне»[1]. Таким образом, по цели и задачам проект был не просто междисциплинарным, поскольку соединял экономический, этно- и политологический подходы, но и предполагал очень много аспектов для того, чтобы быть реализованным за два года, а потому был перспективным. По его завершении работа продолжалась в рамках плановой научно-исследовательской тематики и при грантовой поддержке государственных научных фондов.

На основе собранных и обработанных новых статистических данных и публикаций, касающихся социально-экономического положения саамов Мурманской области, результатов экспедиций, а также опираясь на интервью с представителями областной администрации, органов местного самоуправления, общественными деятелями и саамской интеллигенцией, были сделаны выводы о том, что в 1990-е гг. в ходе рыночных реформ положение кольских саамов изменилось во многих отношениях.

---

[1] См.: Отчёт МЦНКО о научно-исследовательской и научно-организационной деятельности за 2000 г. Апатиты, 2000. С. 5.

Несмотря на общность проблем коренных народов по всему Северу, опыт кольских саамов имеет свои особенности. К ним следует отнести низкую занятость трудоспособного саамского населения в жизненно важной отрасли традиционной экономики — оленеводстве, деградацию инфраструктуры национальных поселений, связанную отчасти со слабым влиянием местной власти и оленеводческих предприятий на развитие поселений[1]. Проблемам трудовой занятости и социальной незащищённости саамского населения были посвящены специальные работы С. Н. Виноградовой[2]. В частности, отмечалось, что оленеводство, хотя и «являет собой очень незначительный сектор в экономике Мурманской области», не должно быть оставлено без внимания, так как «оно по-прежнему продолжает оставаться отраслью, определяющей всю жизненную стратегию аборигенных коллективов»[3]. Среди причин назывались «отсутствие научного обеспечения отрасли, снижение производственной и технологической дисциплины, а главное, последствия изменения формы собственности в 1992 г. в оленеводстве с государственной на частную»[4], а улучшение положения дел признавалось возможным лишь «при условии изменения отношения к этим проблемам на уровне региона, признания важности сохранения природно-ресурсного потенциала области для её жителей, осознания того, что общество, выбирая индустриальный путь развития, не должно пренебрегать интересами конкретного человека и, тем более, целых этнических сообществ»[5].

Проблемы, которые возникают в процессе принудительной модернизации традиционного образа жизни и связаны с использованием жизнеобеспечивающих ресурсов, были рассмотрены сквозь призму конфликтов интересов коренного народа «с интересами социальных групп, находящихся в большинстве либо обладающих такими преимуществами, как власть, финансовые ресурсы, опыт действий в условиях глобального

---

[1] Gutsol N., Riabova L. Kola saami and regional development // Conflict and cooperation in the north / Umea University. 2002. P. 313–343; Гуцол Н. Н., Рябова Л. А., Виноградова С. Н. Современное положение кольских саамов как результат социально-экономических трансформаций 1990-х годов // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. Апатиты: КНЦ РАН, 2004. С. 22–38.

[2] Виноградова С. Н. Саамы Кольского полуострова как одна из наиболее социально уязвимых групп населения: проблемы занятости // Север и рынок. 2004. № 1 (12). С. 10–16; Виноградова С. Н. Проблемы занятости кольских саамов в условиях регионального рынка труда // Человек в социокультурном пространстве: Европейский Север России. Апатиты: КНЦ РАН, 2005. С. 115–133.

[3] См.: Виноградова С. Н. Саамы Кольского полуострова как одна из наиболее социально уязвимых групп населения. 2005. С. 13.

[4] Там же. С. 14.

[5] Там же. С. 15.

рынка и т. д.»[1]. Было отмечено, что традиционная экономика испытывает давление доминирующих отраслей экономики. Одним из центральных конфликтов для коренного населения области является невозможность осуществления контроля над местными ресурсами. Этот вопрос непосредственно связан с правом коренного населения области на территории традиционного природопользования и на находящиеся на этих землях природные ресурсы. Однако не всегда эти права, даже закреплённые и защищённые законодательно, соблюдаются. Учитывая приоритет индустриального развития Российской Федерации, проекты по разработке природных ресурсов Севера будут оставаться в планах развития области, что не исключает возможности повторения конфликтов вокруг природных ресурсов. Было также отмечено, что одной из важнейших задач регионального развития является стабилизация и обеспечение устойчивого роста производства отраслей традиционного хозяйства.

Одним из возможных путей разрешения сложившейся ситуации представлялось развитие частного оленеводства и рыболовства в виде родовых и территориально-соседских общин. Проблемам и перспективам общин коренных малочисленных народов Севера на материале Мурманской области, где в середине 2000-х гг. они активно создавались, было уделено особое внимание в исследованиях. Важна была точка зрения самого саамского населения, поэтому было проведено анкетирование представителей 11 объединений, действующих на территории Мурманской области. Опрошенные назвали в качестве главных проблем экономические трудности, отсутствие законодательной базы, защищающей интересы коренного населения в отношении доступа к природным ресурсам, и поддержки региональной власти. При этом отсутствие подходящих территорий, экологические проблемы или нежелание коренного населения заниматься традиционным хозяйством не были признаны влияющими на ситуацию[2].

Характерной особенностью развития общины кольских саамов в изучаемый период была их политическая активность, вносящая значительный вклад в общественную жизнь регионального сообщества, однако недостаточно заметная на официальной политической сцене региона. Формирование продуманных политических стратегий, которые учитывают интересы коренного населения, диверсификация экономики региона, сбалансированное развитие традиционного и технократического

---

[1] См.: Гуцол Н. Н., Рябова Л. А., Виноградова С. Н. Современное положение кольских саамов как результат социально-экономических трансформаций 1990-х годов. 2004. С. 23.

[2] Виноградова С. Н. Общины коренных малочисленных народов Севера на территории Мурманской области: проблемы и перспективы // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации. Апатиты: КНЦ РАН, 2008. С. 15–24.

типов природопользования могли бы стать условием гармонизации интересов меньшинства и доминирующего большинства в регионе.

В конце 1990-х гг. в России и в Мурманской области в том числе возникали конфликты между добывающими западными корпорациями и коренными жителями в условиях несформированной законодательной базы, регулирующей взаимоотношения хозяйствующих субъектов и местных сообществ. В такой ситуации местная общественность предпринимала инициативные действия. В статье С. Н. Виноградовой, посвящённой правовым проблемам жизни саамов, описан случай, когда шведская компания «Болиден», заручившись поддержкой администрации Мурманской области, намеревалась вести открытым способом добычу золота на Кольском полуострове, в том числе в зоне оленьих пастбищ. Вопрос не был согласован с коренным населением. Несмотря на отсутствие опыта по защите своих интересов и нормативной базы, позволяющей коренному населению предъявлять права на данные территории, представители кольских саамов и коми-ижемцев заявили открытый протест. Были проведены акции, подготовлены документы с требованиями коренных народов, направлены обращения губернатору и в администрацию Мурманской области. Действия не дали желаемых результатов, и представители коренных народов были вынуждены обратиться за международной помощью. Действия Союза саамов и поддержка саамов в Скандинавии помогли добиться того, что компания «Болиден» отказалась от данного проекта[1].

На этом фоне логичным было обращение к анализу правовых аспектов жизни сообществ традиционного типа хозяйства и культуры. Исследователи были убеждены в том, что будущее коренных народов зависит от государственной и региональной политики, регулирующей в том числе механизмы взаимодействия хозяйствующих субъектов и коренных народов. В частности, актуальным представлялся вопрос о правовых основах проведения этнологической экспертизы при планировании хозяйственной деятельности на территориях проживания коренных народов Севера России, который важен и с практической точки зрения, и с научной[2]. Этнополитические аспекты, в том числе с анализом международного опыта и в сопоставлении материалов по разным регионам России, рассматривались в исследовании С. Н. Виноградовой. Результаты были обобщены в серии статей и в итоговой монографии «Коренные малочисленные народы Севера: социально-экономические аспекты

[1] Виноградова С. Н. К вопросу о реализации прав коренных малочисленных народов Севера на территории Мурманской области // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI в. Апатиты: КНЦ РАН, 2007. С. 59–60.

[2] См., напр.: Новикова Н. И. Охотники и нефтяники: Исследование по юридической антропологии. М.: Наука, 2014. 407 с.

государственной политики»[1]. Актуальная для рубежа веков ситуация по данным Мурманской области виделась так: «Аборигенные сообщества всё больше осознают собственные исторические права на территории и доступ к ресурсам, но их действия по отстаиванию этих прав носят пока стихийный, слабо организованный характер. Одновременно с этим доминирующее большинство населения российского Севера не готово признать особые права малочисленных и «малоцивилизованных» сообществ, включая их способность к самостоятельному развитию и самоуправлению. В такой ситуации будущее коренных народов напрямую зависит от выбора государственной политики в отношении коренных малочисленных народов»[2].

История и культура восточных саамов

Регистрация и картографирование памятников культуры саамов-скольтов

Проект по изучению истории и культуры этнографической группы восточных саамов, или саамов-скольтов, был предложен в 1996 г. в Осло на заседании Рабочей группы по охране культурного наследия, проводимом под эгидой Норвежско-Российской смешанной комиссии по охране окружающей среды. В соответствии с Протоколом этого заседания была начата работа по программе «Изучение потребностей и возможностей сотрудничества в целях сохранения культуры коренных народов Севера». В том же году в рамках Программы был разработан проект по регистрации и картографированию памятников культуры саамов-скольтов в России, Финляндии и Норвегии. Авторы идеи — Аудхильд Сканке и канд. ист. наук Н. Н. Гуцол

Работа осуществлялась с 1997 по 2001 гг. в форме совместного проекта Саамского парламента (Саметингет), Саамского совета по охране памятников культуры и Кольского научного центра. На разных этапах проекта в нём принимали участие Национальный культурный центр с. Ловозеро (Россия), Музей восточных саамов и Экологический центр Сванховд (Норвегия), восточные саамы из России и Норвегии, а также учёные из Университета Тромсё (Норвегия), Института истории материальной культуры (Санкт-Петербург, Россия) и МЦНКО КНЦ РАН.

---

[1] Виноградова С. Н. Коренные малочисленные народы Севера: социально-экономические аспекты государственной политики. Апатиты: КНЦ РАН, 2012. 139 с.

[2] Виноградова С. Н. К вопросу о реализации прав коренных малочисленных народов Севера на территории Мурманской области. 2007. С. 65.

Существуют различия в идентификации и наименованиях обследуемой группы, связанные с тем, что учёные отдают преимущество разным признакам общности (территории, диалектам, этнической истории, вероисповеданию и др.). Исполнители проекта остановились на обозначении «скольты» (принятом в западной традиции), или «восточные саамы». К ним относятся саамы бывших Нявдемского, Пазрецкого, Печенгского, Сонгельского, Нотозерского и Мотовского погостов. Прежде всего во внимание было принято их языковое родство, особенности культуры и общность исторического прошлого. Численность саамов данной группы на Кольском полуострове не установлена; известно, что большинство скольтов проживает в Финляндии (на момент проведения исследования около 500 человек) и Норвегии.

По источникам и историко-культурным исследованиям отечественных и зарубежных учёных известны сведения о саамах-скольтах, их традиционном образе жизни и занятиях с XVI в. На этнической истории значительно сказались пограничные размежевания начала XIX и начала XX вв., две мировые войны и политико-экономические преобразования советского времени. «Переплетённые воедино факторы исторического, культурного этнического, географического и, наконец, временно́го характера обозначили актуальность и своевременность исследований, направленных на углубление и расширение фундаментальных знаний об особенностях формирования, развития своеобразной этнографической группы саамов-скольтов, изучение миграционных процессов и этнокультурных контактов на стыке границ трёх стран: России, Финляндии и Норвегии», — это обоснование актуальности проекта его исполнителями, дополненное необходимостью «срочной фиксации всех сохранившихся материальных памятников культуры народа, исконные территории которого были подвергнуты и продолжают подвергаться разрушению как в экологическом, так и в историко-культурном отношении»[1], звучит вполне современно.

Основная задача проекта состояла в проведении регистрации, документировании и исследовании памятников в исторических местах поселений и хозяйственной деятельности восточных саамов на норвежской и российской стороне. Постановка такой задачи была обусловлена неотложной потребностью в мониторинге, фиксации, консервации и научном изучении памятников культуры саамов-скольтов в Северной Норвегии и прилегающих к границе районах Мурманской области

[1] См.: Гуцол Н. Н., Виноградова С. Н., Саморукова А. Г. Современное состояние памятников культуры восточных саамов (по материалам полевых исследований МЦНКО КНЦ РАН // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. Апатиты: КНЦ РАН, 2004. С. 138.

Российской Федерации. Особую актуальность проекту придавал тот факт, что данная группа саамов, в силу драматичности её исторического прошлого, оказалась в основном за пределами мест традиционного проживания. Традиционные поселения, пастбища, родовые рыболовные и охотничьи угодья, культовые места и захоронения оказались расположены в пределах трёх государств — России, Финляндии и Норвегии. Большинство из них на территории России оказались недоступны в силу своего приграничного положения. Десятилетия спустя после переселения (последнего) этой группы саамов, благодаря международному сотрудничеству и данному проекту, у саамов появилась возможность посетить родные места, промысловые угодья, могилы предков и принять непосредственное участие в научных исследованиях.

Проект представлял собой археологическое и историко-этнографическое исследование. Он состоял из трёх самостоятельных частей, включавших проведение конференций в начале (Нейден, Норвегия) и после завершения проекта (Апатиты, Россия).

Другой частью большого проекта стал договор между МЦНКО и Центром по исследованию окружающей среды в Сванховде об изучении архивных материалов по истории и культуре восточных саамов, хранящихся в Норвегии, России и Финляндии. Ответственным исполнителем архивного проекта была Н. Н. Гуцол, исполнителями — А. Г. Саморукова и О. В. Шабалина. В рамках проекта были исследованы архивные документы Государственного архива Мурманской области, Архива Санкт-Петербургского отделения Института истории РАН, Филиала Государственного архива Мурманской области, г. Кировск. Исследователи обнаружили и проанализировали 60 документов, относящихся к периоду с 1868 по 1921 гг., связанных с деятельностью Печенгского монастыря, дела по Кольско-Лопарской волости и саамам Пазрецкого и Печенгского погостов. Был также изучен рукописный архив Национального музея Финляндии, Хельсинки, в частности, полевые дневники Самули Паулахарью, записанные во время путешествия по Кольскому полуострову и посещения Сонгельского и Нотозерского погостов в 1914 г. Просмотрены коллекции фотоотпечатков по Кольскому полуострову, сделанные исследователями в конце XIX — начале XX вв. По результатам архивного поиска была создана база данных обнаруженных документов.

Третьей частью проекта стало проведение собственно регистрации, документирования и анализа памятников восточно-саамской культуры. Это была наиболее продолжительная, обширная по охвату территории, наиболее сложная в организационном плане, финансово затратная и очень сложная в плане логистики часть проекта. Большая часть полевых работ проводилась в приграничной полосе на территории России, что требовало специальных согласований с военными, подчас корректировки планов и работы в сопровождении пограничников.

Третья часть проекта также включала интервьюирование восточных саамов в России, Финляндии и Норвегии в 1997–1998 гг. Ответственным исполнителем работ на территории Норвегии и Финляндии была Хонна Хавас, на территории России полевыми исследованиями руководила Н. Н. Гуцол, исполнителем была Е. Я. Пация.

В августе 1998 г. проводились совместные полевые работы. С российской стороны в экспедицию входили Н. Н. Гуцол — руководитель отряда, участники — С. Н. Виноградова и Е. Я. Пация, с норвежской стороны руководителем отряда была Хонна Хавас, участники — аспирантка Эдель Берг и Хартвиг Биркели (Университет Тромсё).

В работе помогал проводник из местных саамов А. И. Герасимов. Базовым лагерем был выбран пос. Вехнетуломский. Из разработанных предварительно десяти маршрутов в этот сезон были отработаны восемь в двух районах традиционных мест проживания нотозерских и сонгельских саамов. Были обнаружены, зарегистрированы и описаны около 150 объектов, связанных с жизнедеятельностью саамов, все они картографированы. Найденные предметы саамского быта: весло, детали кережи, берестяные поплавки — пополнили экспозицию Музея истории изучения и освоения Европейского Севера[1].

В августе 1999 г. были проведены совместные полевые работы на территории Норвегии и России. К группе учёных МЦНКО, руководимой Н. Н. Гуцол, в том сезоне присоединились археологи из Санкт-Петербурга: канд. ист. наук В. Я. Шумкин (Институт материальной культуры) и студент истфака Санкт-Петербургского университета А. И. Мурашкин. Кроме того, по традиции с российской стороны в работе принимали участие саамы: А. И. Герасимов и саамская студентка исторического факультета Университета Патриса Лумумбы. Большую поддержку группе во время работы в Печенгском районе на территории Государственного заповедника «Пасвик» оказала директор заповедника О. А. Макарова. Норвежскую сторону представляли: профессор департамента археологии Университета Тромсё Бйорнар Олсен, студентка университета Оса Сергард и археолог из Карашьока Хартвиг Биркели.

Одна из возглавляемых Е. Я. Пацией групп обследовала традиционные летне-осенние поселения нотозерских саамов на озёрах Верхний Колн, Кошкъявр, Лумболка, Колозеро. Было зарегистрировано и картографировано 52 объекта.

На территории Норвегии работы велись в долине реки Паз, между населённым пунктом Сванвик на севере и фермой Ноатун, на юге.

---

[1] Сотрудничество в области охраны памятников культуры под эгидой Норвежско-Российской комиссии по охране окружающей среды: [отчёт: Интервьюирование и регистрации 1997–1998. Памятники культуры в восточно-саамских погостах]. [Киркенес, 2000]. 90 с.

На российской стороне работы велись в Печенгском районе на территории заповедника «Пасвик» в районе пос. Борисоглебский и г. Никель. В результате было обследовано и зарегистрировано 130 объектов культового, хозяйственного, бытового назначения на 15 промысловых весенне-осенних и зимних поселениях пазрецких саамов. В настоящее время эти территории разделены государственными границами, большая часть объектов на территории Мурманской области была обследована учёными впервые после 1920-х гг. Пять поселений на оз. Нилиярви, Хеюхенярви и на островах Тилисаари и Скольтехолмен пополнили реестр памятников культуры саамов на территории заповедника «Пасвик»[1].

В 2000 г. проект осуществлялся научными сотрудниками МЦНКО в сотрудничестве с Университетом Тромсё (Норвегия) и МАЭ РАН (Санкт-Петербург) при финансовой поддержке Министерства по охране окружающей среды Норвегии.

Задачами третьего полевого сезона в августе 2000 г. были археологические раскопки на поселении Лингмо на реке Паз в Норвегии, датируемом XVIII–XIX вв., а также дополнительное интервьюирование и регистрация памятников в Норвегии и в Печенгском и Кольском районах Мурманской области. В полевых исследованиях принимали участие четыре российских, один финский и три норвежских исследователя. За проведение работ на норвежской стороне отвечал профессор Университета Тромсё Бйорнар Олсен. Ему помогали в проведении раскопок студент из Финляндии, студентка из Университета Тромсё Эдель Берг и археолог из Карашьока Хартвиг Биркели. С российской стороны в эту группу была приглашена сотрудница Музея антропологии и этнографии РАН из Санкт-Петербурга И. Д. Ткаченко.

За проведение работ на российской стороне отвечала Н. Н. Гуцол. В группу входили С. Н. Виноградова, Е. Я. Пация и директор Национального культурного центра с. Ловозеро Л. П. Авдеева. Отличительная особенность полевого сезона 2000 г. заключалась в одновременном проведении работ на территории Кольского полуострова и в Норвегии. Работало две группы. Первая группа, состоявшая только из российских участников, в течение трёх недель находилась на российской территории. По завершении этих работ участники экспедиции присоединились ко второй международной группе, проводившей археологические раскопки в заповеднике Пасвик на территории Норвегии[2]. Российские учёные занимались дополнительным сбором информации о местах традиционного проживания пазрецких

[1] Отчёт МЦНКО о научно-исследовательской и научно-организационной деятельности за 1999 г. Апатиты, 1999. С. 5–6.

[2] Отчёт МЦНКО о научно-исследовательской и научно-организационной деятельности за 2000 г. Апатиты, 2000. С. 3–4.

саамов и интервьюированием, а также регистрацией и картографированием традиционных поселений пазрецких саамов на территории Норвегии в районах Эльгриген и оз. Маркино. Запланированное обследование традиционных летне-осенних поселений на о. Меникка, озёр Хейскаари и Мерсаари не состоялось в связи с тем, что руководство Никельского погранотряда не разрешило проведение полевых работ в приграничной зоне за линией инженерных сооружений. Полевые работы в 2000 г. совпали с трагическими событиями в Баренцевом море, поэтому пришлось менять планы и продолжить работу на норвежской стороне.

После завершения проекта в 2001 г. в Апатитах была проведена международная конференция «Восточные саамы: прошлое и будущее». В ней приняли участие большинство руководителей и исполнителей проекта, благодаря которым он состоялся, среди них В. Веденин, директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (Москва), Даг Миклебуст, директор департамента Директората культурного наследия (Норвегия), В. П. Петров, директор МЦНКО КНЦ РАН. Конференция собрала 70 человек из трёх стран. Присутствовали представители Правительства Мурманской области, а также потомки исследуемой группы саамов-скольтов, которые участвовали в проекте, оценивали его результаты и получили возможность посетить места жизни своих предков. В работу конференции особый колорит внесло участие фольклорных коллективов с. Ловозеро и проведение выставки изделий традиционных народных промыслов саамов[1].

В результате выполнения проекта были выявлены памятники традиционной культуры саамов-скольтов, живших на территории, принадлежащей в прошлом саамам Нотозерского, Сонгельского, Мотовского, Пазрецкого и Печенгского погостов, определены точное местоположение памятников, степень их сохранности, описаны традиционное назначение, утилитарные и религиозные представления, связанные с каждым из обнаруженных и зафиксированных объектов.

«Проект, несомненно, можно считать успешным, несмотря на трудности работы в приграничной полосе на территории России. Не будет преувеличением сказать, что действительное значение проекта в силу своего междисциплинарного научного характера, международного по составу участников и прикладного по ряду своих задач выходит за рамки конкретных научных достижений. К ним следует отнести фиксацию и картографирование ранее известных и новых, обнаруженных в ходе работ памятников культуры восточных саамов. Особенно следует отметить важность полученной устной информации о памятниках

[1] Отчёт МЦНКО о научно-исследовательской и научно-организационной деятельности за 2001 г. Апатиты, 2001. С. 6.

на территории России и их регистрации и картографировании, проводимой здесь впервые»[1].

В течение трёх лет были зарегистрированы на российской территории, описаны, сфотографированы и нанесены на карту 65 объектов материальной и духовной культуры саамов, а именно: зимние постоянные поселения, весенне-летние и осенние промысловые угодья, кладбища и отдельные захоронения, а также разнообразные объекты культового, хозяйственного и бытового назначения. Многие объекты были обследованы впервые, как на территории Мурманской области, так и в Норвегии.

Из всех обследованных в Мурманской области поселений лучшую сохранность обнаружили «старый зимний погост нотозерских саамов Раутсийд, который располагался на 69-м километре автодороги от г. Колы к погранпосту Лотта, на берегу оз. Раут, и зимний погост пазрецких саамов Шуонийок, расположенный над водопадом на р. Шуонийок и в 10 км от пос. Никель» который «был последним погостом пазрецких саамов на российской территории»[2]. Самыми характерными объектами на зимних поселениях были «остатки домов (туп), наружных печей для выпечки хлеба, хозяйственных ям, наземных хозяйственных построек и амбаров на сваях»[3]. На сезонных промысловых стоянках, помимо остатков строений, обнаружены ледники, наружные печи для выпечки хлеба, место изготовления лодок и другое. Из объектов, связанных с хозяйственной деятельностью, исследователи отметили единственный на обследованной территории полуразрушенный кораль, который «был расположен на р. Улите, приблизительно в 1 км от неё, на небольшом болоте»[4], а также ловчие ямы и метки на дереве, выполнявшие различные функции. Обнаружены саамские кладбища, расположение и организация которых обладали региональной и, по предположению исследователей, этнической спецификой. «Только на обследованной территории бывшего Нотозерского погоста было зарегистрировано три кладбища: на Старом Падуне, на Анисозере, на Печозере»[5].

В целом, полученные данные позволили дополнить знания о хозяйственном укладе и связанных с ним атрибутах материальной культуры, а также о духовных представлениях саамов-скольтов. В то же

---

[1] Из текста письма, присланного в июне 2023 г. Н. Н. Гуцол в ответ на просьбу поделиться воспоминаниями и информацией об этнологической работе в МЦНКО.

[2] См.: Гуцол Н. Н., Виноградова С. Н., Саморукова А. Г. Современное состояние памятников культуры восточных саамов (по материалам полевых исследований МЦНКО КНЦ РАН. Апатиты, 2004. С. 132.

[3] Там же. С. 133.

[4] Там же. С. 136.

[5] Там же. С. 137.

время анализ сохранности исследованных объектов на российской стороне показал большую степень их разрушения, отсутствие контроля за их состоянием ввиду недоступности памятников или отсутствия знания о них. Многие памятники культуры оказались безвозвратно утрачены.

Не только результативности, но и гуманитарному значению работы способствовало использование этнографической методики, при которой участниками исследования становятся представители изучаемой группы населения. Непосредственное участие восточных саамов в подготовке и осуществлении проекта — его характерное и органичное свойство.

Одним из основных методов исследования было глубокое интервьюирование. Были опрошены 20 информантов: 11 представителей семей нотозерских, 6 — мотовских, 2 — сонгельских и 1 — пазрецких саамов. Особое внимание в ходе интервью уделялось сезонным миграциям, формам хозяйственной деятельности саамов и их сезонным поселениям. Наиболее подробно информанты описали летние, зимние, осенние поселения, места рыбной ловли, охоты, пастбищных угодий. Глубина социальной памяти информантов, определяемая возрастом, ограничивалась концом XIX — началом XX вв. Интервьюирование представителей семей нотозерских и мотовских саамов помогло установить границы распространения памятников культуры этих групп. Данные нашли подтверждение в литературе и архивных документах, наиболее ранние из которых датируются XVI–XVII вв. При этом в отчётах отмечалась неполнота и фрагментарность полученных историко-этнографических сведений как следствие того, что «информанты являются последними носителями достоверной информации о традиционном укладе жизни саамов, ибо на их поколение выпали испытания периода репрессий, укрупнения хозяйств и перевод на оседлость, затопление традиционных промысловых угодий из-за индустриализации и электрификации»; по этим причинам и в результате миграций «большинство традиционных мест промысла саамов-скольтов в настоящее время не используется непосредственно теми семьями, которым эти промысловые угодья принадлежали. Уже многие десятилетия потомки семей саамов-скольтов не занимаются профессионально теми видами хозяйства, которыми занимались их предки. Чёткой привязки к семейным территориям современный промысел саамов-скольтов не имеет. Однако память о родовых местах еще жива»[1].

[1] См.: Гуцол Н. Н. Отчёт об интервьюировании по памятникам культуры Нотозерского и Мотовского погостов, проведённом в 1997 году // Сотрудничество в области охраны памятников культуры под эгидой Норвежско-российской комиссии по охране окружающей среды: [отчёт: Интервьюирование и регистрации 1997–1998. Памятники культуры в восточно-саамских погостах]. [Киркенес, 2000]. С. 57–58.

Семейные истории, собранные в ходе интервьюирования, значительно расширили знания о своеобразии материальной и духовной культуры, особенностях хозяйствования и миграций семейных коллективов восточных саамов в XX в. Они же позволили сделать вывод о сохранении этнической идентичности групп восточных саамов, укреплению которой могла способствовать совместная с исследователями работа по проекту. Сам факт фиксации и описания реально существующих памятников культуры был призван изменить представление об утрате этнической памяти и этнических корней, а также материальных культурных ценностей саамами западной части Кольского полуострова.

Ловозеро: переселённые группы кольских саамов

В период работы над российско-норвежским проектом по регистрации и картографированию памятников культуры саамов-скольтов и проведения интервью, непосредственного наблюдения за жизнью и настроением различных групп саамов возникла идея нового проекта об истории формирования и особенностях жизни саамов с. Ловозеро. Данный замысел был поддержан Общественной организацией саамов Мурманской области (ООСМО). Доклад «Ловозеро. История формирования и современные особенности жизни переселённых групп саамов» был представлен на международной конференции в декабре 2000 г.

Задуманный проект был выполнен в рамках фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии», ответственный исполнитель Н. Н. Гуцол, исполнители — С. Н. Виноградова и А. Г. Саморукова. Работа осуществлялась совместно с Общественной организацией саамов Мурманской области и Национальным культурным центром с. Ловозеро. В 2004–2006 гг. исследования выполнялись также по плановой теме НИР «Этнокультурные процессы на Кольском Севере в XX — начале XXI веков и в исторической ретроспективе» по разделу «Переселённые группы саамов: исторические судьбы, социально-демографические трансформации, проблемы этнокультурной адаптации (на примере с. Ловозеро)» (научный руководитель — канд. ист. наук Н. Н. Гуцол, ответственный исполнитель — канд. экон. наук С. Н. Виноградова). Это было комплексное историко-этнографическое и социологическое исследование, завершившееся публикацией монографии «Переселённые группы кольских саамов»[1].

Проведению работ способствовало то, что к тому времени уже установилось многолетнее сотрудничество исследователей Кольского научного центра и представителей кольских саамов. Также поддержку оказало

[1] Гуцол Н. Н., Виноградова С. Н., Саморукова А. Г. Переселённые группы кольских саамов. Апатиты: КНЦ РАН, 2007. 86 с.

и коллегиальное взаимодействие с Татьяной Васильевной Лукьянченко, видным учёным-саамоведом из Института этнологии и антропологии РАН, кандидатом исторических наук, Почётным членом Саамского культурного общества Финляндии и Ассоциации финляндских этнологов. Обладая обширными знаниями по саамской культуре и полевыми материалами, она была не только наставником, но и партнёром по полевой работе.

Целью исследования было изучение современного экономического, социального состояния переселённых групп саамов, сохранение их культурного наследия и локальной идентичности. Объектом исследования стали группы кольских саамов из сёл Воронье, Кильдин-Чудзьявр, Варзино, переселённые в прошлом столетии в с. Ловозеро. Переселение трёх локальных групп: чудзъяврских (кильдинских), вороненских и варзинских (семиостровских) саамов — одно из самых драматических событий в жизни кольских саамов, которое было следствием процесса коллективизации, смены экономических приоритетов государства, стратегического значения территории и её ресурсов. Событию предшествовал более чем тридцатилетний период становления и развития оленеводческих хозяйств, чему сопутствовали глубокие хозяйственно-культурные изменения.

В рамках проекта предусматривалось следующее: проведение этнографических исследований (включающих полевую работу в местах традиционных промыслов ловозерских саамов), углублённых интервью (включая фотофиксацию и картографирование объектов), экспертных опросов; сбор и обработка статистической информации. Большой блок работ был связан с изучением архивных материалов, касающихся процесса переселения саамов из посёлков Кильдин, Воронье, Чудзьявр, Варзино, процессов реорганизации хозяйственной деятельности совхозов.

На материале архивных документов, историко-этнографических данных, воспоминаний участников рассматриваемых процессов показано своеобразие отдельных групп кольских саамов и разрушительное воздействие предпринятого переселения «на хорошо адаптированную гибкую базисную модель хозяйства и культуру саамов». Кроме того, авторы попытались «дать оценку современному состоянию саамского общества и последствиям переселений»[1]. На примере трёх саамских погостов в работе была рассмотрена трансформация разных сторон жизни этих сообществ, ставшая следствием социальной и экономической политики Советского государства.

В целом, работа была ориентирована на актуальные проблемы коренного населения. По убеждению исполнителей темы, авторов монографии,

[1] См.: Гуцол Н. Н., Виноградова С. Н., Саморукова А. Г. Переселённые группы кольских саамов. 2007. С. 2.

«научный интерес приобретает не столько сам факт переселений, сколько последствия этих акций для людей»[1]. Значительное внимание было уделено анализу тех аспектов вынужденных переселений, которые оказали наибольшее воздействие на систему традиционного природопользования.

Переселения кольских саамов 1930–1960-х гг. стали губительными для их традиционной хозяйственной, социальной и территориальной организации, ключевым компонентом которой являлся погост.

Оформившаяся к настоящему времени картина расселения кольских саамов далека от традиционной. В результате местом их компактного проживания стало с. Ловозеро. Таким образом, современная локальная общность саамов Ловозера образовалась на основе местной группы ловозерских саамов и переселённых сюда групп, имевших исторические корни в других саамских погостах Кольского полуострова, и её формирование завершилось сравнительно недавно — в конце 1960-х. Сложившаяся общность не является гомогенной, что находит своё отражение в сохранении идентификации на уровне локальных групп и глубокой эмоциональной связи с утраченным в результате переселений местом проживания.

В историческом аспекте проект был нацелен на изучение социально-экономических и культурных трансформаций у данных групп, послуживших формированию/утрате общих и отличающих их от остальных представителей саамов с. Ловозеро культурных свойств. Изучение социальных настроений, жизненных стратегий и ценностных систем этих групп, выявление их статуса в социальной структуре ловозерских саамов, их влияния на современные экономические, политические и этнокультурные процессы на местном уровне входило в задачи исследования. Обративший на себя внимание феномен устойчивости культурной идентификации исследуемых этнографических групп стал также предметом обсуждения в работе. Выявилось наличие локальной идентификации информантов с исходными поселенческими культурами, что проявилось в создании родовых общин и землячеств (варзинских, кильдинских и вороненских саамов), которые объединяли жителей существовавших в прошлом погостов и их потомков. Они сохраняли информацию о родовых местах, памятниках, традициях. Исследователи акцентировали важность этого обстоятельства «для консолидации немногочисленного этнического коллектива кольских саамов и возрождения их своеобразной культуры»[2].

После монографического исследования Ловозера и его жителей тема отдельных локальных общностей на уровне погостов была продолжена.

---

[1] См.: Гуцол Н. Н., Виноградова С. Н., Саморукова А. Г. Переселённые группы кольских саамов. С. 7.

[2] Там же. С. 66.

В рамках российско-американского проекта «Применение интерактивной оценки и моделирование устойчивого развития для арктических водосборов» изучалась традиционная модель освоения бассейна оз. Имандра коренными жителями Кольского полуострова. Проект осуществлялся при финансовой поддержке Американского национального научного фонда. С российской стороны в нём принимали участие Институт экономических проблем, Институт проблем промышленной экологии Севера и МЦНКО КНЦ РАН. С американской стороны в этой части проекта участвовали профессор Департамента антропологии и социологии Элизабеттаунского колледжа, г. Элизабеттаун, Пенсильвания, с российской стороны исполнителями были Н. Н. Гуцол, С. Н Виноградова и А. А. Еремеева.

Раздел проекта, в котором принимали участие сотрудники МЦНКО, был посвящён анализу этнокультурных и социально-экономических трансформаций, происходивших на протяжении прошлого столетия в жизни бабинских и экостровских саамов, населявших бассейн оз. Имандра. Были рассмотрены традиционные модели саамских поселений погостов, их промысловые территории и пастбищные угодья в западной части Кольского полуострова, и, помимо того, сделана оценка территорий традиционного природопользования исследованных групп саамов посредством интеграции традиционных экологических знаний и современных технологий. Работа продолжалась три года. Были проведены полевые исследования, включавшие интервьюирование, а также архивный поиск. В течение трёх полевых выездов исследования проводились в Апатитско-Кировском и Ковдорском районах и Мончегорске. Результаты изложены в трёх статьях, опубликованных в зарубежных научных изданиях[1].

Погост рассматривался как родственная и социально-экономическая структура саамского общества. Исследованы два саамских погоста — Экостровский и Бабинский, в силу своего расположения имеющие географическую привязку к оз. Имандра. Изучение использования его бассейна коренным населением в доиндустриальный период было одной из задач проекта. Благодаря информации, полученной в ходе проведённого в 2004–2005 гг. интервьюирования, из архивных материалов и литературных

[1] Wheelersburg R. P., Gutsol N. Babinski and Ekostrovski: Saami Pogosty in the Western Kola Peninsula, Russia from 1880 to 1940 // Arctic Anthropology, 2008, Vol. 45, No. 1, p. 79–97; Wheelersburg R. P., Gutsol N. Traditional Saami reindeer herding village resource territories on the Western Kola Peninsula Russia // Polar Records. Cambridge University Press, 2010. Vol. 46, Issue 3. P. 222–232; Wheelersburg R. P., Gutsol N., Bromley L. Integrating traditional ecological knowledge and Western science to assess the current state of pre-collectivized Sami resource territories on the Western Kola Peninsula // Rivers to cross: Sami land use and the human dimension / Edited by Peter Sköld and Krister Stoor. Umea University, 2012.

источников, удалось подтвердить и установить места нахождения погостов в различные периоды времени, расположение их сезонных поселений, промысловых угодий и пастбищ и проследить преемственность модели, существовавшей вплоть до 1920–1930-х гг. Путём применения разнообразных данных, дополненных использованием географической информационной системы (GIS), нам удалось нанести на карту приблизительные границы промысловых угодий бабинских, масельгских и экостровских саамов в 1930-х гг., расположение поселений бабинских и экостровских саамов. Предоставленная информантами подробная генеалогия семей помогла проследить социальные и экономические связи между семьями оленеводов. В результате удалось реконструировать и дать развёрнутые описания промысловых владений отдельных семей, сопроводив их характеристикой родственных связей и наследственных прав на промысловые угодья.

С научной точки зрения значение исследований, посвящённых отдельным погостам, поселениям, состоит в том, что их результаты, как и материалы аналогичных по подходу этнологических работ 1990-х (и более позднего времени), помогли прояснить объективные закономерности социально-культурного развития коренных малочисленных народов в известный трансформационный период, а также вопросы методологии их изучения. В частности, чётко обозначалась связь между депрессивной (деструктивной) социально-экономической ситуацией, в которой находилось коренное саамское население, приверженное традиционному образу жизни и хозяйствования, с одной стороны, и высокой культурной активностью саамов, указывающей на усиление их этнической самоидентификации, с другой. Методологически важно, что сама логика изучения общностей, определяемых по этническому признаку, приводила к необходимости изменить если не объект, то, по крайней мере, единицы обследования. Этнологический фокус неизбежно смещался от этнических групп к поселенческим, среди которых, по сути, не оставалось моноэтнических.

Это было оправдано миграционной, этноидентификационной, демографической динамикой, связанной с историей освоения территорий[1]. Проблема этнической идентификации представлялась всё более сложной как в теоретическом, так и в научно-практическом отношении, особенно после 2002 г., когда была отменена её фиксация в российских паспортах.

Саамоведческие исследования, начинавшиеся в ИЭП КНЦ РАН и сформировавшиеся как направление на этапе МЦНКО, в концептуальном отношении опирались на понимание индигенности (в данном случае — саамов Кольского полуострова) как свойства уникальности сообщества,

[1] См., например, Вахтин Н. Б., Головко Е. Б., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М.: Новое изд-во, 2004. 292 с.

которое является основанием для предоставления бóльших прав «коренным» жителям в сравнении с «некоренными». Обозревая в 2020 г. главные тенденции развития отечественной этнологии в контексте мировой науки, акад. В. А. Тишков отметил: «коренному» происхождению «придаётся универсальный статус на уровне ООН и других международных организаций», что, с одной стороны, стимулирует «претензии на уникальность и самость», «требования от государства соответствующих компенсаций, выдвигаемые самими “аборигенами”», с другой стороны, вызывает лавину «исследований, публикаций, правительственных и межправительственных решений, конструирующих индигенность»[1]. Общественная позиция исследователей, ратующих за улучшение качества жизни сельского населения с традиционными жизнеобеспечивающими занятиями на территории, подвергшейся промышленной экспансии, заслуживает только уважения, но на сегодня антропология (этнология) приходит к пониманию, что этноцентризм в экономических и политических вопросах — это «серьёзный общественно-политический вызов»[2].

Историческое развитие систем жизнеобеспечения саамов в XVIII–XX веках

Исследования этноэкономических процессов у аборигенного населения Кольского полуострова продолжились в Центре гуманитарных проблем в конце 2010-х гг. Они осуществлялись на основе историко-антропологического и этноэкономического подходов и со значительным углублением временных рамок.

Цель заключалась в том, чтобы выявить адаптационные практики коренного населения Кольского полуострова, формировавшиеся под воздействием экономических и политических трансформаций и определить характер влияния формальных и неформальных институтов, оказавших экзо- и эндогенное влияние на функционирование системы жизнеобеспечения и хозяйственное поведение аборигенного населения. С 2019 г. работа осуществлялась в качестве раздела темы государственного задания «Социокультурное и научно-техническое развитие северо-западной части Арктической зоны РФ в XIX–XXI в.: исторический и антропологический ракурсы». Успешной разработке темы способствовало сотрудничество специалистов: экономиста, д-ра экон. наук М. В. Ивановой (ответственный исполнитель), историка-архивиста, канд. ист. наук О. В. Шабалиной и этнографа, канд. ист. наук О. А. Бодровой (исполнители).

---

[1] См.: Тишков В. А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 72–137.

[2] Там же. С. 89.

Результаты были представлены, помимо статей, в коллективных монографиях[1] Института этнологии и антропологии РАН «Прибыль не ради прибыли: Экономические практики коренных народов Севера России в условиях рынка» и Центра гуманитарных проблем КНЦ РАН «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов».

Историческая направленность исследования, временной диапазон которого включал источники XVIII в., определила основной метод: поиск и анализ архивных и опубликованных источников с привлечением данных статистики и топонимии.

Согласно подходу исследователей, появление дополнительных или сопутствующих (не «традиционных») видов экономической деятельности коренного населения рассматривалось как часть длительного и во многом основанного на традиционных моделях поведения процесса адаптации саамов к изменяющейся среде в широком её понимании.

Высокоинформативные источники XVIII–XIX вв. показали, как в экономике Кольского полуострова сложилась историческая ситуация, при которой саамы начали заниматься извозом и содержанием почтовых станций, став основным субъектом перевозок на территории. Определяются основные факторы, которые этому способствовали. Прежде всего, это особенности традиционного оленеводческого хозяйства и организации пространства, «которое объединяло места постоянного (зимнего) и временного (сезонного) проживания, а также маршруты перекочевок, родовые угодья, промысловые территории», наличие чёткой локации погостов с границами по естественным географическим ориентирам, привычка к длительным переходам при отсутствии дорог, а также «особая память» лопарей (по выражению В. В. Чарнолуского) — «исключительное знание местности и способность распознавать путь»[2]. В результате на протяжении всего рассматриваемого периода при полном отсутствии дорог организация перевозок и доставка почты («держание» почтовых станций) на малолюдной

---

[1] Иванова М. В., Шабалина О. В. Экономика саамов Кольского полуострова в XIX в.: домохозяйство, социальная справедливость, новые практики // Прибыль не ради прибыли? Экономические практики коренных народов Севера России в условиях рынка: монография / коллектив авторов; отв. ред. Е. А. Пивнева; Ин-т этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 318–355; [Бодрова О. А.] Саамы Экостровского погоста в 1900–1930 годах: территория расселения, хозяйственные промыслы, переход к оседлости // Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов: монография / коллектив авторов; под общ. ред. О. В. Змеевой. М.: Наука, 2022. С. 134–176.

[2] См.: Иванова М. В., Шабалина О. В. Извоз и содержание почтовых станций как вид экономической деятельности коренного населения Кольского полуострова (саамов) в XIX в. // Труды Кольского научного центра РАН. 2019. Т. 10, № 2 (16). С. 44.

территории стали постоянно сопутствовать основной хозяйственной деятельности саамов. «Гужевой (олений) транспорт в сочетании с водным транспортом создали коммуникационное пространство развития всех сфер жизнедеятельности на данной территории в XVIII–XIX вв.», то есть системы «прямых и обратных связей, которые отражались на состоянии общественно-экономического развития региона в указанный период»[1].

Саамы Кольского полуострова были также рассмотрены как участники процесса торговли в XIX в. Судя по историческим источникам, саамам не были свойственны материальная заинтересованность, стремление к получению прибыли. Они обеспечивали себя сами за счёт природных ресурсов, веками хозяйствуя традиционными способами, при этом погосты имели промысловую специализацию, зависевшую от естественной среды места расположения. Продукты, которые не производило домохозяйство, «были предметом обмена и торга с другими субъектами регионального и внешнего рынков», причём торговые отношения имели в основном меновой характер; лишь ограниченный ассортимент товаров обменивался на деньги. Основной предмет торговли — сёмга, которая и в позапрошлом веке играла роль региональной валюты.

В силу полукочевого образа жизни участие самих саамов в ярмарочной торговле было затруднено и они имели дело со скупщиками. Оба субъекта торговых операций осознавали необходимость заключать не самые выгодные сделки, так как в региональных социально-исторических и природно-климатических условиях были высокие экономические риски. «Наличие серьёзных культурных различий между участниками сделки оказывало большое влияние на сложившиеся неформальные (нематериальные) институты торговых операций между коренным населением и скупщиками», и прежде всего, они влияли на динамику формирования институтов прав собственности, что сказывалось «на долгосрочной истории экономического развития территории»[2].

Традиционная хозяйственная деятельность и экономическое поведение регулировались неформальными институтами, определявшими правила оленепользования, употребления и хранения продуктов, бережного отношения к земле в широком её понимании. Нормам соответствовали механизмы контроля. На примере кольских саамов показано, что традиционный хозяйственный уклад имел понятийно-нравственные основания, ядро которых составляли представления о социальной

---

[1] См.: Иванова М. В., Шабалина О. В. Извоз и содержание почтовых станций как вид экономической деятельности коренного населения Кольского полуострова (саамов) в XIX в. 2019. С. 51.

[2] См.: Иванова М. В., Шабалина О. В. Особенности торговой деятельности саамов на территории Кольского полуострова в XIX веке // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 17. 2019. № 7 (10). С. 54–68.

справедливости в экономике домохозяйств. Критериями социальной справедливости были строгое равенство в распределении, продуктивность и принципы удовлетворения потребностей.

Согласно источникам, «при условии законного способа отстаивания своих представлений о социальной справедливости саамами Кольско-Лопарской волости в 1870–1871 годах в процессе разрешения владельческих конфликтов декларативная справедливость была на стороне истцов, а не на стороне колонистов с их переселенческими привилегиями»[1], то есть была возможность воспроизводства традиционной экономической модели. Воспроизводству несправедливых экономических отношений способствовали «колонизационные усилия церкви и “нового” населения из более южных районов страны, которое создавало постоянные поселения, занимало промысловые территории, принадлежащие коренному населению»; «усиление административного и фискального контроля (саамы долгое время облагались данью со стороны нескольких государств)» и «неизбежность включения в рыночные отношения». Налицо конфликт интересов, и одну его сторону представляло «полукочевое коренное население, общество рыболовов, охотников и собирателей, в котором отсутствуют погоня за ростом добываемых продуктов и сама идея такого поведения», другую сторону — «колонизационные процессы на Кольском полуострове, вынуждающие коренное население (саамов) постоянно адаптироваться к новым условиям»[2].

Многовариантность процесса перехода саамов от традиционного образа жизни к модернизированному на рубеже XIX и XX вв. отразило исследование истории промысловой деятельности экостровских саамов, выполненное О. А. Бодровой[3]. Оно продолжило традицию изучения локальных аборигенных сообществ Кольского Севера на материале группы саамов, которая оказалась исследована менее всех других.

Близость к почтовому тракту и станциям являлась особенностью расположения погоста, поэтому ямской извозный промысел рано стал привычным занятием жителей его селений. Уже в 1860–1880-х гг., как следует из данных исторических источников, именно извоз «стал занимать первое место среди второстепенных промыслов саамского населения по доходности»[4]. При этом основными традиционными промыслами экостровских саамов были рыболовство и охота, приносившая

---

[1] См.: Иванова М. В., Шабалина О. В. Экономические аспекты социальной справедливости в практиках традиционных домохозяйств Кольского полуострова // Учёные зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2020. Т. 42, № 2. С. 79.

[2] Там же. С. 85–86.

[3] См.: Бодрова О. А. Традиционные и новые промыслы экостровских саамов при переходе к оседлости в XIX — начале XX вв. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. Т. 13, № 2. С. 7–20.

[4] Там же. С. 12.

немалую прибыль. Это позволяет предполагать их более активную в сравнении с другими саамскими группами вовлечённость в торговые отношения. Оленей же они держали «только для семейных и ямских нужд»[1].

Саамы всех погостов, расселённых на побережье Имандры (Экостровского, Бабинского и Масельгского), от прочих отличали частые контакты с русскими, установившиеся в XIX в., задолго до железнодорожной колонизации края. В частности, они общались с многими путешественниками, исследователями Кольского полуострова, были у них проводниками, переводчиками. Благодаря хозяйственному комплексу, который включал традиционные промыслы наряду с транспортными функциями и одновременно содержанием станций, требовавшим оседлости, у экостровских саамов сформировались особый образ жизни и тип мобильности.

В целом, совокупность сходных хозяйственных и культурных черт экостровских, бабинских и масельгских саамов, общность исторического пути их развития и адаптации к меняющимся социально-экономическим обстоятельствам, наряду с географической близостью, позволяет их «отнести к отдельной, “имандрской”, локальной группе»[2].

В соответствии с историко-антропологическим подходом в качестве одного из возможных исследовательских ракурсов была выбрана история конкретной саамской семьи и биография одного из её представителей, очевидно самого известного в региональной и отечественной истории — выходца из экостровских саамов Калины Архипова (1863–1937)[3]. Его имя и образ «как проводника первых исследователей Кольского Севера (В. Визе, В. Рамзая, К. Висконта, Г. Рихтера, Б. Попова, А. Ферсмана, В. Чарнолуского), у которого они черпали бесценные сведения о географии края и саамском фольклоре», закреплены в исторических источниках, этнографической литературе, всевозможных справочных изданиях[4]. Культурная репутация К. И. Архипова включает наделение его символическим статусом «первонасельника» будущего города Мончегорска. Его биография, воссозданная на основе документов, «является отчётливой иллюстрацией полукочевого быта кольских саамов конца XIX в. — 1930-х гг., имандрской группы»[5] со всеми её хозяйственно-культурными особенностями.

---

[1] См.: Бодрова О. А. Традиционные и новые промыслы экостровских саамов при переходе к оседлости в XIX — начале XX вв. 2022. С. 9.

[2] Там же. С. 8.

[3] Бодрова О. А. Традиционные промыслы, миграции и переход к оседлости коренного населения Кольского полуострова на примере истории саамской семьи К. Архипова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 17. 2019. № 7 (10). С. 69–83.

[4] Там же. С. 74.

[5] Там же. С. 80.

Саамский фольклор

Изучение саамского фольклора не входило в основные задачи исследований ЦГП, но интерес к этой теме был закономерен. И не только потому, что фольклор — неотъемлемая часть традиционного быта и духовной культуры — является предметом и фольклористики, и этнографии. Знатоком саамского фольклора была Е. Я. Пация, хорошо знакомая с представителями саамской среды. Кроме того, в числе сотрудников Центра стали работать два филолога по базовому образованию (вначале И. А. Разумова, позже О. А. Бодрова). По инициативе Е. Я. Пации началась подготовка к публикации сборника саамского фольклора разных жанров: сказочно-мифологической прозы и паремиологии. В 2004–2005 гг. подраздел «Саамский фольклор: подготовка сборника текстов» был включён в плановую научную тему. Выявлялись и отбирались тексты для публикации, выполнялось их этнографическое комментирование, изучались современные подходы к возможной унификации текстов, различающихся по способу фиксации, наличию/отсутствию литературной обработки, разрабатывались эдиционные принципы и т. д.

В силу разных причин, прежде всего связанных с многозадачностью общей темы и большой нагрузкой ответственного исполнителя Е. Я. Пации, руководившей Музеем, издание осталось неосуществлённым. Вместе с тем параллельно проводилась работа по составлению двуязычного научно-популярного сборника саамского фольклора «Пословицы, поговорки, крылатые слова», в процессе которой в поле зрения исследователей оказалось собрание саамских паремий одной семьи. Оно принадлежало педагогу Екатерине Ивановне Мечкиной, происходящей из кильдинских саамов, одинаково свободно владеющей саамским и русским языками. Так появилась книга «Фольклорные традиции в культуре саамской семьи»[1]. Составителями были Е. Я. Пация и Е. И. Мечкина. Они совместно выполнили текстологическую работу и при этом распределили роли: авторство отдано Е. И. Мечкиной, которая собрала и прокомментировала ценный материал, а составителем и автором вступительной статьи об истории и традициях семьи Сверловых (родительской для автора) — Мечкиных выступила Е. Я. Пация. Несмотря на малый объём, книга имела не только просветительское, но и научное значение. Во-первых, это было первое двуязычное издание саамской паремиологии, во-вторых, был создан ценный источник по семейной культуре саамов и истории семьи. А социальная история семьи и семейная культура постепенно включались в круг научных приоритетов МЦНКО–ЦГП КНЦ РАН. В 2008 г.

[1] Мечкина Е. И. Фольклорные традиции в культуре саамской семьи. Апатиты: КНЦ РАН, 2010. 54 с.

Е. Я. Пация и И. А. Разумова подготовили обзорную аналитическую статью об основных этнографических источниках, исследованиях и проблемах изучения института семьи кольских саамов. Работа выполнялась по заказу ИЯЛИ Коми научного центра УрО РАН как раздел для энциклопедии «Российская семья»[1].

В книгу Е. И. Мечкиной вошли пословицы, поговорки, приметы и другие устойчивые высказывания, употреблявшиеся в одной саамской семье на протяжении XX в. Дословный русский перевод «дополнен объяснением смысла тех выражений, значение которых может быть сложным для восприятия в связи с собой спецификой северной жизни»[2]. Краткое, часто образное объяснение по-русски давала носитель саамского языка. «Центр гуманитарных проблем КНЦ РАН взял на себя довольно сложную задачу содействия сохранению памятников саамской духовной культуры, — писал в предисловии В. П. Петров. — Первый опыт оказался удачным: в 2003 году мы выпустили методическое пособие на двух языках “Саамское рукоделие”. При содействии Правительства Мурманской области в 2008 году было выпущено второе издание, исправленное и дополненное цветными иллюстрациями. Сборник “Фольклорные традиции в культуре саамской семьи” является уже третьим изданием на двух языках. Таким образом, мы способствуем сохранению саамского языка и даём возможность, по письменным источникам, расширять знания о его культуре нашим соотечественникам, не владеющим саамским языком. Тем самым позволяем духовному наследию этого народа обрести своё достойное место в общечеловеческой культуре»[3].

Памятники устного народного творчества саамов собирались и были известны, в том числе в русской науке и культурной среде, с середины XIX в. При этом до настоящего времени существует немало проблем их изучения. Основная сложность состоит в том, что фольклорные произведения исполнялись (рассказывались) на каком-либо саамском диалекте, а записаны были с помощью переводчика на другом, в частности, русском языке. Перевод, даже выполненный самим рассказчиком, всегда вызывает сомнение в содержательной и смысловой эквивалентности текстов, в том числе саамского и русского. При публикации перевод в той или иной степени подвергался литературной обработке, тем более что среди собирателей фактически не было фольклористов-профессионалов. Это вызывает вопросы в отношении аутентичности текстов (исключением являются публикации саамского фольклора, выполненные во второй

---

[1] Пация Е. Я., Разумова И. А. Саамская семья (кольские саамы) // Российская семья: энцикл. М.: Изд-во Рос. гос. социал. ун-та, 2008. С. 311–326.

[2] Там же. С. 2.

[3] Там же. С. 3.

половине XX в. Г. М. Кертом и П. М. Зайковым — петрозаводскими лингвистами). К началу XX в. живая прозаическая традиция постепенно ушла из бытования вместе с саамским языком. У кольских саамов сохранялась только традиция песенных жанров, в частности, йойков (ёйг), которые представляют собой песни-импровизации, исполняемые по случаю; есть даже потомственные исполнители. Что касается народной прозы, которая по самой речевой природе наименее стабильна, то здесь по мере процесса языковой ассимиляции всё более чётко выявляется проблема инокультурных заимствований на разных уровнях содержания, жанрово-видовой принадлежности и формальных особенностей фольклорных произведений. В такой культурной ситуации сохранять и популяризировать саамский фольклор возможно в первую очередь путём публикации его обработок для детей.

Эти проблемы были рассмотрены в ходе исследования саамского прозаического фольклора, предпринятого О. А. Бодровой в 2014–2016 гг. по проекту «Локализация саамских преданий на территории Кольского полуострова», получившему финансовую поддержку РГНФ. Изучались жанровая природа и основной сюжетно-мотивный фонд сказок, преданий, мифологических рассказов, записанных в разное время у кольских саамов. При этом было принято во внимание то, что используемый в русской фольклористике терминологический аппарат и критерии разграничения, применяемые для жанровой идентификации, не подходят для определения жанров саамского фольклора, что составляет ещё одну фольклористическую проблему[1].

Отдельно изучался вопрос о локализации в текстах несказочных нарративов, определяемых как саамские. Подтверждается благодаря привязке к географическим объектам достоверность событий рассказчиком. Исследователь может определить территориальное распространение (ареал бытования) сюжета и любых фольклорных реалий, время и место их генезиса, а также траекторию миграции в соответствии с культурными контактами территориальных групп саамов. Предположительно, что чем шире ареал распространения сюжета, тем больше вероятность его трансформации из местного предания в мифологический рассказ.

Изучение распространения ряда сюжетов саамской фольклорной прозы позволило заключить, что есть смысл вернуться на новом уровне к географо-историческому методу, ассоциируемому в фольклористике

[1] Бодрова О. А. Фольклорные сказки и предания кольских саамов в трудах российских исследователей 19–20 вв. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (21). С. 89–108; Бодрова О. А. Проблемы изучения фольклора кольских саамов // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 3. 2016. С. 116–122.

с «финской школой» начала XX в. Использование метода локализации помогло тематически классифицировать и типологизировать саамские фольклорные нарративы для изучения основных тематических циклов, характерных для каждого ареала, истории бытования сюжетов и т. д.

Локальные типы сюжетов распределяются на восточные, центральные, южно-западные и северо-западные, которые «в общих чертах соответствуют территориальному делению саамов Кольского полуострова на терских (населявших побережье Терского моря и примыкающие районы рек Поноя и Иоканги), кильдинских (живших вдоль Мурманского побережья и в срединной части Кольского полуострова), аккальских (говоривших на диалекте Аккала, занимавших район озёр Имандра и Нотозеро), и сколтов (обитавших западнее реки Колы, в пограничных землях России, Финляндии, Норвегии)»[1]. Группы устных рассказов кольских саамов объединяет культ сейдов, который отражён в сюжетных и несюжетных нарративах. При этом «для каждой группы были характерны свои тематические циклы и сюжеты, которые могли мигрировать в соседние районы»[2]. Географический принцип полезен как для исследований, так и для составления фольклорных сборников.

* * *

В обзорной статье 2012 г., посвящённой саамским исследованиям в МЦНКО и ЦГП КНЦ РАН, С. Н. Виноградова посетовала на то, что после создания ЦГП в связи с ориентацией научной работы на приоритетные направления фундаментальных исследований ОИФН РАН «саамская» проблематика перестала быть приоритетной в тематике Центра и осуществлялась только по проектам[3]. Время показало, что это не совсем так. В действительности изучение культуры саамов на этапе существования МЦНКО было, по существу, единственным научно обоснованным этнологическим направлением, которое продолжилось уже на новом уровне, с учётом нового понимания природы «этнических общностей» и с появлением других ракурсов изучения межкультурных коммуникаций. Современный фокус «саамских» исследований, помимо этноэкономических, составили вопросы взаимной рецепции этнокультур, в том числе на территориях проживания коренных малочисленных народов Севера. Например, интерес вызывали этнографические описания аборигенных народов, выполненные представителями других культур, прежде всего,

---

[1] См.: Бодрова О. А., Разумова И. А. Локализация устных нарративов саамского фольклора (к вопросу о географическом принципе составления указателя саамских фольклорных сюжетов) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 8. 2015. № 7 (33). 2015. С. 137.

[2] Там же. С. 137.

[3] Виноградова С. Н. Саамские исследования в МЦНКО и ЦГП КНЦ РАН: история становления и основные результаты пятнадцати лет работы. 2012. С. 89.

этнографами прошлого. Этой проблеме были посвящены диссертация, а затем монография[1] О. А. Бодровой. Рассматривалась русская этнографическая литература XIX в., благодаря которой сформировалась традиция описания саамов, во многом оперирующая стереотипами.

В развитие направления и в связи с разработкой конструктивистской методологии изучения этнической культуры, концепциями «репрезентативной культуры», «социальной памяти» и другими проблематика сместилась «от изучения традиционной культуры в сторону описания социокультурных процессов, происходящих в этнических сообществах в контексте урбанизации и глобализации. Модернизация традиционной культуры кольских саамов привела к ряду проблем. Одной из основных является проблема этнической идентичности саамского населения на фоне возрастающей востребованности этнической культуры саамов как коренного народа Кольского полуострова.

В медийном пространстве, в политических и культурно-массовых практиках (ре)конструируются и репрезентируются элементы, образы и символы саамской этнической культуры, что, с одной стороны, является частью региональной политики по сохранению культурного наследия и самобытных традиций области, с другой стороны, активно используется в целях брендирования территории, для которой саамы — исторический и культурный символ, специфический маркер региона»[2]. Такая ситуация, характерная для современного существования этнокультур, в условиях новых технологий межкультурных коммуникаций и тиражирования культурного продукта порождает как широкие возможности, так и социально-культурные конфликты[3]. Изучение этого спектра проблем в настоящее время создало в ЦГП КНЦ РАН новое перспективное направление исследований[4].

---

[1] Бодрова О. А. В поисках отражения: Саамы Кольского Севера в русской этнографической литературе второй половины XIX — начала XX вв. Апатиты : КНЦ РАН, 2014. 160 с.

[2] См.: Бодрова О. А., Разумова И. А. О современных технологиях репрезентации и сохранения этнической культуры кольских саамов // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 172.

[3] Подробнее см. в главе 10.

[4] См., например: Бодрова О. А. Саамские этнокультурные артефакты в региональной туристской и культурно-массовой деятельности (на материале Мурманской области) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 54–63; Сулейманова О. А. «Саамский сувенир» как этнотовар и бренд Мурманской области: к постановке проблемы // Труды Кольского научного центра. Гуманитарные исследования. 2022. Т. 1, № 1. С. 21–31; Тарова (Кузнецова) Л. А. Изучение саамского сегмента российского Интернета в контексте проблематики киберэтнографии // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 84–97. Подробнее см. в главе 10.

ГЛАВА 3
ИЗУЧЕНИЕ СТАРОЖИЛЬЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ. ПОМОРЫ

«Периферийное» направление

Изучение старожильческой сельской культуры не относилось к приоритетным направлениям Гуманитарного центра. Основным объектом этнографических исследований с самого начала был коренной народ — саамы. Во-первых, проблемы и права коренных малочисленных народов находились и до сих пор находятся в центре общественного внимания на международном уровне, во-вторых, заинтересованность зарубежных коллег в расширении географии изучения групп саамов способствовала научному сотрудничеству и, главное, привлечению финансовых средств на этапе становления историко-культурных исследований в КНЦ РАН. В-третьих, в 1990-е гг. обострились все социально-экономические проблемы коренных народов России, вызвав при этом волну «этнического возрождения», которая захватила и аборигенное население Кольского полуострова. Наконец, «классическая» этнография сосредоточена именно на народах традиционного типа культуры, а именно эта дисциплинарная сфера соответствовала научному профилю сотрудников и Музея истории изучения и освоения Европейского Севера России.

В дальнейшем, когда тематика ЦГП расширилась, фокус переместился на «городское большинство», с которым связаны магистральные процессы социально-культурного развития региона в XX в. Исследования города и урбанистической культуры занимали всё больше места в российских гуманитарных и общественных науках, были злободневны, сопровождались разработкой новых методов, привлекали научную молодёжь. Таким образом, и на этом этапе задачи изучения истории и культуры кольских поморов, казалось бы, оттеснялись на периферию. Тем не менее, 2003–2008 гг. были временем, когда изучение поморских сёл занимало достойное место в этнографической работе Центра. Оно осуществлялось по общей теме «Этнокультурные процессы на Кольском Севере в XX — начале XXI вв. и в исторической ретроспективе», завершённой в 2007 г., и по проекту «Современные локальные сообщества Кольского Севера на этапе трансформаций Российского общества: социокультурные факторы стабилизации» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН (2006–2008).

Изучение культуры поморов, прежде всего расселённых по берегам Белого моря, а также вдоль крупных рек Архангельского Севера и побережья Баренцева моря, осуществлялось со второй половины XIX в. продуктивно, но неравномерно. Первенство принадлежало собирателям народной словесности. К настоящему времени лучше всего исследованы

история, традиционное хозяйство, бытовая и ритуально-праздничная культура населения Беломорья: Зимнего, Летнего, Поморского (от реки Онеги до Кеми), Карельского (от Кеми до Кандалакшской губы) берегов. При всей неповторимости локальных культурных конфигураций поморы объединены комплексом сходных хозяйственно-культурных черт и тем, что признают себя русскими, но значительно отличающимися от традиционно земледельческого народа. Какая бы этнолокальная группа поморов ни становилась объектом внимания, она всегда рассматривается в контексте общих культурных свойств. Активно изучаются локальные очаги традиционной поморской культуры в Архангельской области. Многолетние исследования на ближайшем к Кольскому полуострову Карельском берегу (Беломорский, Кемский, Лоухский районы Карелии) проводили фольклористы Карельского филиала АН СССР в 1950–1980-е гг. Большой вклад в изучение поморов Русского Севера внесли ленинградские (санкт-петербургские) этнографы. До сегодняшнего дня самыми цитируемыми во всех научных и популярных публикациях остаются труды Т. А. Бернштам, несмотря на то, что её первая монография опубликована четыре десятилетия назад[1]. Под редакцией Т. А. Бернштам издавались сборники работ, в которых обсуждались проблемы идентификации этнолокальных групп Русского Севера, очень актуальные для изучения поморов[2].

Среди немногочисленных научных исследований, посвящённых историко-культурному наследию кольских поморов, выделяются труды фольклористов и лингвистов. Что касается устных традиций поморов Кандалакшского и Терского берегов (и одноимённых районов Мурманской области), то лучше всего исследована их народно-песенная культура. Здесь работали в экспедициях ленинградские и петрозаводские специалисты: в 1930-е гг. фольклорист Н. П. Колпакова, в 1960–1970-е гг. этнографы-музыковеды В. А. Лапин, Ю. Е. Красовская, фольклорист И. М. Колесницкая. С конца 1950-х гг. на Кандалакшском и Терском берегу записывал фольклор Д. М. Балашов, в 1961–1968 гг. он работал в Институте литературы, языка и истории Карельского филиала АН СССР. В попытке найти остатки эпической традиции, которая к тому времени уже исчезла, исследователи обнаружили хорошую сохранность прозаического и песенного фольклора. Результатом были знаменитые научные собрания сказок и свадебных

[1] Бернштам Т. А. Поморы: формирование групп и система хозяйства. Л.: Наука, 1978. 176 с.; Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в.: этногр. очерки. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. 233 с.; Бернштам Т. А. Народная культура Поморья / авт. вступ. ст. В. А. Лапин. М.: ОГИ, 2009. 427 с.

[2] См., например: Русский Север: к проблеме локальных групп / ред.-сост. Т. А. Бернштам. СПб.: МАЭ РАН, 1995. 317 с.

песен[1], причём книга, озаглавленная как «Сказки», по факту содержит и тексты мифологической прозы. Благодаря Д. М. Балашову устная терско-поморская традиция стала известна и в фольклористике, и в широкой читательской среде. Полевые записи экспедиций под его руководством находятся частично в ИРЛИ (Пушкинский Дом, Санкт-Петербург), частично Научном архиве ИЯЛИ КарНЦ РАН (Петрозаводск)[2]. Заслуга диалектологического изучения терских поморов принадлежит лингвисту И. С. Меркурьеву[3]. Он собрал и опубликовал, в основном в изданиях краеведческой и учебно-методической направленности, ценные диалектные данные и в качестве материала фольклорные тексты[4].

Несмотря на то, что сотрудники Центра гуманитарных проблем КНЦ РАН Е. Я. Пация и И. А. Разумова имели опыт собирания, публикации и анализа фольклора, сама область знания по ряду причин не могла занять заметного места в исследованиях МЦНКО–ЦГП. Во-первых, не хватало аргументов, чтобы обосновать в академическом центре естественнонаучного профиля «актуальность» и «практическое значение» таких исследований для региона; во-вторых, возникла бы проблема кадрового обеспечения, поскольку у немногочисленного коллектива было много других задач. При всем том, понимая историческую ценность памятников устной народной культуры, особенно для области с «пришлым» населением, сотрудники всё-таки предприняли некоторые шаги по сбору информации и записи текстов. В частности, был выполнен обзор материалов по русскому фольклору Кольского Севера, публиковавшихся в русскоязычных изданиях в период с 1800 по 2000 гг. Анализ показал преимущественно информационный характер публикаций: это сведения об экспедициях, описания полевых сборов. Отдельные тексты включались в издания историко-краеведческого,

---

[1] Балашов Д. М. Сказочники и сказочная традиция на Терском берегу // Сказки Терского берега Белого моря / изд. подгот. Д. М. Балашов. Л.: Наука. 1970. С. 7–31; Балашов Д. М., Красовская Ю. Е. Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л.: Музыка, 1969. 168 с.

[2] Шибанова Н. Л. Опись рукописных коллекций фольклорных материалов, собранных Д. М. Балашовым, хранящихся в Архиве Карельского научного центра РАН // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2008. Т. 33. С. 425–475.

[3] Иван Севастьянович Меркурьев (1924–2001) заведовал кафедрой русского языка Мурманского государственного педагогического института (1956–1975), преподавал в ленинградских (санкт-петербургских) вузах, профессор кафедры русского языка Ленинградского государственного областного университета имени А.С. Пушкина (1994–2001).

[4] Меркурьев И. С. Живая речь Кольских поморов. Мурманск: Кн. изд-во, 1979. 184 с.; Меркурьев И. С. Пословицы и поговорки Поморья. СПб.: [б. и.], 1997. 153 с.; Меркурьев И. С. Устное народное творчество поморов Мурманской области: хрестоматия: [учеб. пособие]. СПб.: [б. и.], 2000. 218 с.

публицистического и беллетризованного характера в качестве иллюстраций. Вместе с тем выявилось значение кольских материалов для обобщающих работ последней трети XX в. по русскому фольклору и этнографии поморов.

Немалая коллекция записей традиционного фольклора старожильческого русского населения Кольского Севера была сосредоточена в Мурманском педагогическом университете, который более или менее регулярно организовывал студенческие экспедиции по области, этому способствовала фольклорная практика. Собиранием фольклора Терского берега занималась доцент университета, филолог С. А. Антошина. Однако в научных публикациях и исследованиях эти материалы представлены крайне незначительно или обзорно, в перечнях. Есть публикации в виде методических рекомендаций для студентов или самодеятельных фольклорных групп. Песенный фольклор сёл Терского берега и репертуар народных коллективов, исполняющих аутентичные тексты, собирали также в Кольском филиале ПетрГУ. Коллекцию аудиозаписей песенного фольклора Поморья (около 15 часов аудиозаписи) передала в МЦНКО старший преподаватель, кандидат культурологии О. Ф. Хлабыстина.

На следующем этапе необходимы были не выборочное, а сплошное транскрибирование, систематизация, цифровизация и аналитическая ревизия всех имеющихся материалов. По опыту, такие задачи, как собирание и обработка, решаются с привлечением подготовленных студентов, но слишком коротким оказался век кафедры филологии в г. Апатиты, и «реорганизация» вузов области, по сути, воспрепятствовала преемственности гуманитарных исследований, в особенности филологических (возможно, за одним исключением — языка аборигенного народа).

Продуктивный период бытования «классического» фольклора завершился, в полевых условиях возможно было лишь собирание вторичных сведений о его функционировании и использовании. Однако традиция рассказывания живёт столько же, сколько и родной язык. Не только в любой экспедиции, но и в стационарной работе можно записать фольклорные сюжеты, бытующие в том или ином сообществе. Е. Я. Пация и И. А. Разумова в ходе полевой работы в Терском районе (пос. Умба, деревни Кузомень и Чаваньга) в 2004 г. записывали тексты «классических» прозаических жанров: предания (исторические, топонимические) и семейно-генеалогические, легенды, мифологические рассказы, — а также паремии, прозвища, приметы и другое. В дальнейшем по мере необходимости эти тексты использовались при изучении истории и культуры семей, поселений.

«Поморская тема» занимает определённое место в работе культурно-просветительских организаций Мурманской области, прежде всего в качестве «музейной истории». В музеях имеются достойные коллекции предметов поморского быта. Самый известный, в том числе

за пределами региона, — специализированный Музей истории, культуры и быта терских поморов в селе Умба, который административно является отделом Мурманского областного историко-краеведческого музея. В «головном» музее в Мурманске находится стационарная экспозиция, посвящённая старинному поморскому быту. Много уникальных предметов экспонируется в муниципальном Музее истории города Кандалакша. На этом фоне не теряются и ценные поморские экспонаты Музея истории изучения и освоения Европейского Севера России в Центре гуманитарных проблем КНЦ РАН в г. Апатиты.

Полевые исследования

Острые дискуссии 1990–2000-х гг. по проблемам самосознания поморского населения в связи с попытками использовать его в политических целях требовали изучения текущей ситуации. Несмотря на то, что этнополитический «поморский вопрос» не был актуален для Мурманской области, в отличие от Архангельской, проблема представлялась важной. Современные этнокультурные процессы, происходящие в поселениях кольских поморов, не изучались до начала 2000-х, в 2003 г. в тематику научных исследований МЦНКО был включён раздел «Терские поморы: структура, факторы формирования и механизмы трансформации этнолокального самосознания». Ответственным исполнителем была мл. науч. сотр. М. Л. Нахшина.

В задачи исследования входило изучение процесса, показателей и факторов локальной идентификации сельских жителей Терского района Мурманской области: особенностей осмысления «своего» пространства, знаний и представлений об истории поселений, характеристик сельских сообществ, семейной истории и традиций, деятельности культурных институтов. По мере разработки темы определились три основных направления: концептуализация пространства (этим аспектом занималась М. Л. Нахшина), история поселений и их социальная среда (исполнители Е. Я. Пация и И. А. Разумова). Изучение основывалось на полевых исследованиях.

После подготовительной работы с источниками в июне 2003 г. состоялась экспедиция на Терский берег с посещением поморских сёл Умба и Варзуга. Во время экспедиции проводилось интервьюирование местных жителей и анализ сельских библиотечных ресурсов поморской тематики. По наблюдениям, интервью и беседам с жителями определились сфера функционирования термина «помор» наряду с другими локальными обозначениями, основные принципы разграничения жителей на «своих» и «чужих» в обследованных населённых пунктах, вариативность показателей такого разграничения и его специфика у жителей Умбы и Варзуги. Это

позволило сделать предварительные выводы об основных этнолокальных дифференцирующих признаках, с точки зрения жителей. В статье М. Л. Нахшиной, написанной сразу по результатам экспедиции, отмечалось, что реакция информантов на вопрос о содержании понятия «помор» оказалась «весьма неожиданной. Не всегда, но довольно часто звучал ответ, что термин “поморы” — книжный, научный, как бы навязанный местным жителям. “Мы-то здесь не считаем: помор, не помор. Это только по книгам считают...”»[1]. Подтверждалось мнение Т. А. Бернштам о том, что название «помор» «прочнее всего закрепилось за тем населением, которое наиболее активно занималось промыслами на Мурманском побережье»[2], то есть за жителями Поморского и Карельского берегов Белого моря. На сельчан Терского Берега оно распространилось значительно позже и больше внешними авторами и средствами массовой информации. Значительно актуальнее были неофициальные прозвища: как общее для всех терчан «рокона́» (по рыбацкой одежде), так и отдельные по деревням. При этом разделение на «своих» и «других», «поморов» и «не поморов» по-разному проводилось в Умбе и Варзуге, так как сказался историко-демографический фактор.

При всей субъективности и вариативности территориальной идентификации главными основаниями для отнесения к поморам жители считали «говор», рождение (или проживание) на Терском берегу, у моря, и отдельные черты характера: чистоплотность, доброту, гостеприимство.

Исследование ясно показало, что, при изучении «поморской» культуры и идентичности необходимо исходить из сосуществования двух культур — официальной и неофициальной («внешней» и «внутренней» точек зрения). В каждой из них существуют свои атрибуты, этнолокальная символика, свой дискурс о поморской культуре и «истинном поморе». Этот вывод подтвердило и проиллюстрировало исследование пресс-публикаций о сёлах Терского берега, выполненное в ЦГП в 2006 г. Были проанализированы публикации в региональных и федеральных печатных СМИ в 1969–2006 гг. (19 наименований газет и журналов). Во-первых, анализ показал, что терско-поморские культурные черты по-разному представлены в официальной прессе на федеральном и региональном уровнях, центральные СМИ отмечают лишь «самые главные символические историко-этнографические атрибуты терской культуры, в первую очередь — поморские кресты». Во-вторых, стало очевидно, что Терский берег в целом и каждый населённый пункт «имеют свое “лицо”, или образ

[1] См.: Нахшина М. В. Поморы Терского берега: перспективы историко-культурного исследования // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. Апатиты: КНЦ РАН, 2004. С. 43.

[2] Там же. С. 43.

в пресс-публикациях, причем есть определённые слагаемые этого образа: пространственные временные, событийные, персонологические, культурные. В каждом отдельном случае перед нами особая конфигурация этих элементов»[1].

В 2004–2005 гг. сотрудники Центра осуществили несколько выездов в Терский район с посещением поморских населённых пунктов Умба, Варзуга, Кузомень, Чаваньга и ряда других. Экспедиция с наибольшим числом участников состоялась в июне-июле 2004 гг. благодаря сотрудничеству Кольского научного центра РАН и Кольского филиала ПетрГУ. Студенты исторического отделения должны были проходить этнографическую практику, что совпадало с научными интересами академического гуманитарного центра. Преподавателем этнографии в университете (и руководителем полевой практики) была И. А. Разумова. Полевыми исследованиями в населённых пунктах Терского района в МЦНКО занималась недавняя выпускница исторического отделения КФ ПетрГУ М. Л. Нахшина. Студентам предоставили выбор: проходить практику в полевых или стационарных условиях — в Музее-Архиве истории изучения и освоения Европейского Севера. Кураторство от Музея-Архива осуществляла О. В. Шабалина.

Таким образом, академическое учреждение обеспечивало научно-методическое руководство этнографической практикой, место проведения, предоставляло технические средства — диктофоны, фотоаппараты, персональные компьютеры и программное обеспечение для архивации данных. Университет предоставлял транспорт и место размещения полевого отряда в пос. Умба — дом (стационарную базу КФ ПетрГУ) со всеми удобствами, откуда участники могли выезжать в другие населённые пункты Терского района. Благодаря таким условиям была возможность использовать в полевой обстановке весь комплекс технических средств, поэтому значительная часть материала, зафиксированного с помощью аудио- и цифровой фототехники, сразу переводилась в электронную форму. Первичная расшифровка также осуществлялась на месте, когда позволяло время.

Задачи практики были как научными, так и ознакомительными, поскольку для большинства городских студентов это был первый опыт знакомства на месте с культурой Поморья. В экспедиции участвовали сотрудники МЦНКО И. А. Разумова (руководитель) и М. Л. Нахшина, одиннадцать студентов исторического отделения, которые проходили

---

[1] См.: Минкин Н. Н. Терский берег Белого моря в зеркале прессы // Северяне. Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. Апатиты: КНЦ РАН, 2006. С. 112–113. Работа была выполнена аспирантом Н. Н. Минкиным (научный руководитель И. А. Разумова).

практику, а также две студентки отделения социологии (О. Змеева и Э. Зверева) — по личной инициативе. Достижению научных и образовательных целей способствовало участие в полевом отряде на волонтёрских началах двух санкт-петербургских специалистов — канд. филол. наук А. В. Тарабукиной, приглашённого преподавателя гуманитарного факультета КФ ПетрГУ, и А. А. Литягина — преподавателя гуманитарных дисциплин Академической гимназии Санкт-Петербургского университета.

В пос. Умба участники экспедиции посетили Музей поморской культуры и быта, Центр народных ремёсел, Дом культуры, библиотеку. Студенты познакомились с музейными экспозициями, выставками, народными ремёслами, формами работы с мастерами и деятельностью каждой культурно-просветительской организации, с литературой по истории и традиционному быту населения Терского берега Белого моря. Сотрудники всех учреждений проводили беседы с молодёжью, давали интервью, консультировали. Группа студентов посетила церковь, провели интервью со священником, беседовали с верующими. В дальнейшем практиканты посещали эти организации индивидуально, в зависимости от конкретной цели. У каждого была возможность реализовать свои способности и этнографический интерес. Например, студенты С. Попов и В. Петров обследовали старое островное кладбище Умбы и собрали материал об этом культурном объекте, их увлекала идея отыскать следы старообрядческой культуры; студентка А. Стафоркина целенаправленно изучала работу Дома культуры и сценарии массовых мероприятий, а В. Михалкевич проявила себя как собиратель устной истории, с ней с удовольствием и доверительно беседовали старейшие жители посёлка. Ежевечерне устраивались коллективные обсуждения результатов дня, преподаватели рассказывали о своём опыте полевой работы и научных темах, к которым возникал общий интерес. А. В. Тарабукина, как редкий специалист по культуре прихрамовой среды, дополнительно обучала студентов работе в этой среде и прочитала несколько лекций, посвящённых православной религиозной культуре.

Был осуществлен однодневный выезд в село Варзуга, где участники знакомились с культурным пространством села, общались с жителями, посетили церковь. Состоялась беседа с настоятелем Успенского прихода села Варзуга отцом Митрофаном (А. В. Баданиным)[1]. Двое студентов выезжали с И. А. Разумовой и М. Л. Нахшиной на «Тоню Тетрина» А. В. Комарова, которая является функционирующей тоней и одновременно экскурсионным объектом, и один студент — в деревню Погост, где были выполнены полевые записи. В итоге не всесторонне, но во многих

[1] В настоящее время глава Мурманской митрополии, митрополит Мурманский и Мончегорский Митрофан.

аспектах было обследовано социально-культурное пространство посёлка Умба. Собран ценный материал по устной истории посёлка, что следовало отнести к основным результатам экспедиции, а также информация о деятельности культурных учреждений, презентациях поморской культуры, религиозно-конфессиональной ситуации, семейной истории. Проинтервьюировано не менее 100 жителей разного возраста и социального статуса, сделаны аудиозаписи, отснят фотоматериал.

Сходной по организации и результатам была этнографическая практика 2005 г., с коллективным выездом в Варзугу и групповой поездкой (два студента и два преподавателя) на «Тоню Тетрина», интересную в функциональном аспекте и в качестве образца самопрезентации поморской культуры, её «брендовой» символики. На этот раз вместе с группой студентов-историков работали И. А. Разумова, А. В. Тарабукина, преподаватель Кольского филиала ПетрГУ О. В. Хлабыстина и санкт-петербургский фольклорист, кандидат искусствоведения М. Л. Лурье (приглашённый преподаватель КФ ПетрГУ).

В ходе работы были сделаны этнографические описания, зафиксирован сценарный материал учреждений культуры, записаны локальные предания, семейно-биографические тексты, мемораты, проанализированы тексты местной прессы, обследовано несколько семейных архивов, собраны воспоминания о Великой Отечественной войне, выявлены мнения и оценки жителей, касающиеся прошлого и будущего поселений Терского района. Для последующего изучения наибольшую ценность представляли материалы о восприятии и трансляции традиционной поморской культуры, об истории поселений в послевоенный и постсоветский периоды, социально-экономической истории, истории семей. Материал составлял ресурс для последующих историко-этнографических и социологических исследований.

Поморские сёла в начале XXI века

Чаваньга

В октябре 2004 г. состоялась экспедиция в Терский район в составе И. А. Разумовой, Е. Я. Пации, И. А. Травина. В течение нескольких дней участники работали в Умбе, но главным местом обследования стало село Чаваньга. Цель заключалась в том, чтобы на основе наблюдений, интервью и бесед с жителями приблизиться к пониманию того, как осмысливают, оценивают и переживают терчане прошлое села, современную ситуацию, свои возможности и перспективы, то есть «выяснить, насколько и каким образом адаптируются жители побережья, потомки коренных поморов,

к изменяющимся социально-экономическим условиям»[1]. Кроме того, динамика миграционной и социально-культурной ситуации требовала ускорить работу по выявлению и музеефикации памятников материальной и духовной культуры субстратного русского населения территории.

Очередные экономические инициативы, способы эксплуатации Беломорского побережья закономерно влекли за собой прогнозируемые и непрогнозируемые последствия. В первую очередь дестабилизировались сложившиеся системы жизнеобеспечения, включая хозяйственный, экологический, соционормативный, этнокультурный, социально-психологический компоненты. Изучение и сохранение традиционного культурного наследия в кризисных условиях напрямую связано с перспективами развития региона, сохранения социально-культурной среды обитания человека, его адаптации к переменам.

Отправной точкой антропологического исследования всегда является наблюдаемая ситуация. В Чаваньге обращали на себя внимание чистота и порядок на улице, приусадебных участках и в домах, налаженный быт, наличие у жителей современной бытовой техники, видео. При этом в дневное время отсутствовало электричество, которое возобновлялось с 17 часов до полуночи. Жители не считали это большой проблемой, в отличие от основной проблемы — транспортной. До 1990-х гг. было морское сообщение в летний период (зимой использовался оленный транспорт или трактор). В настоящем изредка использовалась колхозная яхта для сообщения с Умбой. Один раз в неделю должен был летать АН-2, но по факту это происходило нерегулярно. Местные жители утверждали, что этот самолёт остался один на Мурманскую область, и они не рассчитывали на улучшение ситуации, отмечая, что надёжнее всего традиционные способы передвижения: пешком и на лыжах. Самую большую сложность представляли перевозка грузов и необходимость транспортировки больного. Летчик был едва ли не самой заметной личностью. При этом отношение к транспортной проблеме было разным. Коренные и адаптированные жители не сетовали на отсутствие дороги, так как считали, что это обеспечивает защиту от «чужих». Согласно альтернативной точке зрения, только дорога и развитие туризма перспективны, а семьи коренных жителей должны переселиться, рыболовство же вполне может быть вахтовым.

Транспортная проблема во многом определяла социальную ситуацию. Дифференцированная стоимость билета на самолёт в зависимости от наличия регистрации («прописки») повлияла на социальную

[1] См.: Разумова И. А., Пация Е. Я. Поморское село: снова на переломе времён // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI в. Апатиты: КНЦ РАН, 2007. С. 42.

стратификацию и стала неблагоприятным не только социально-экономическим, но и морально-психологическим фактором. Обесценились прежние формальные и неформальные статусы: уроженца (коренного жителя, помора), труженика, имеющего большой стаж работы и проживания, заслуги перед земляками и т. п. Ситуация чётко показала, что регистрация, «призванная быть средством, во-первых, административного контроля» и, «во-вторых, закрепления людей на определённой территории, фактически служит лишь условной выгоде транспортных предприятий» и административному манипулированию людьми. В стабилизации населения на Терском берегу администрация явно не проявляла заинтересованности. Жители приспосабливались к ситуации, «используя то обстоятельство, что места регистрации и проживания находятся в отношениях неполного соответствия»[1].

Трудовую занятость в Чаваньге обеспечивает рыболовецкий колхоз «Беломорский рыбак». Устная история его деятельности, естественно, не совпадала с той официальной, которую сегодня можно найти на интернет-сайтах. Колхоз был то более, то менее успешен. Лучшими жители признавали 1960–1970-е гг. Советское, и перестроечное время они противопоставляли через наличие/отсутствие (разрушение) чего-либо: были коровы — «вырезали»; растили капусту, которая первое место на выставках занимала, — сейчас нет овощеводства; была пекарня — её не стало, а есть проблемы с хлебом; была гидростанция — устарела и сломали; было электричество на улицах — теперь экономят и т. д. Обращало на себя внимание, что и о советском, и о постсоветском времени жители села говорили сдержанно и в меру критично. Основных моделей времени было две: 1) при колхозах было неплохо, а сейчас положение бедственное; 2) и при колхозах было плохо, и сейчас не лучше. Представители среднего и младшего поколения (от 28 до 45 лет) склонялись к нейтральным оценкам. Складывалось впечатление, что на способ выживания сельчан ничто не влияет.

Отношение к руководству основывалось на понимании антагонизма интересов власти и жителей и на признании прав и силы власти, которую представляет колхозное начальство. Оно находится в Мурманске, лишь эксплуатируя колхозный статус, приносящий дивиденды. На колхозных судах не работают колхозники. Все руководители хозяйства происходили из южных регионов России и за глаза именовались «подсолнечниками». В пореформенный период главным «приватизатором» стал первый руководитель колхоза, которому принадлежали сейнеры, лодки, квоты. Население, по документам колхозники, имели заработную плату ниже

[1] См.: Разумова И. А., Пация Е. Я. Поморское село: снова на переломе времён. 2007. С. 45.

прожиточного минимума. Выход находился в браконьерстве. При этом оценка главного руководителя была двойственна. Экономически выгодное положение среди односельчан занимали «новые предприниматели», которые начинали осваивать туристический бизнес, и владелец вездехода — в силу большой востребованности и дороговизны услуг по перевозке. В оценках результатов социально-экономических перемен преобладали настроения безнадёжности, фатализма.

Судя по автобиографическим текстам, продукты рыболовства и зверобойного промысла позволяли людям жить более или менее благополучно даже в самые кризисные периоды, включая годы войны. Очевидно, что сохранение поморских сёл в их живом, а не музейном виде зависит только от возможностей лова. В этом отношении все запреты и практикуемые формы лицензирования и квотирования объективно способствуют затуханию всякой хозяйственной деятельности и выезду населения с территории предков. По крайней мере, именно так воспринимали ситуацию сами жители. Все официальные изменения в правилах лова они связывали с корыстью начальства (большей частью, местного уровня), претензиями на территорию или с недомыслием. Рыболовы убеждены, что их экономически намеренно «выживают» с берега.

По разным статистическим данным, на момент исследования в Чаваньге было порядка 80 жителей. Из них зимой в селе оставалось около 40 человек, а летом, по свидетельству чаваньжан, число могло доходить до нескольких сотен, так как воссоединялись семьи. В малокомплектной школе у единственной учительницы обучались четыре ученика. Наблюдался переход к сезонному образу жизни: значительная часть чаванжан на зиму или учебный год перебиралась в районный центр Умбу, в Кандалакшу, реже — в другие города области. Такой алгоритм сопряжён как с преимуществами, так и с недостатками. Определились три основных категории «сезонных» жителей: одни сожалели о том, что пришлось уехать из родного места, и негативно оценивали данное обстоятельство как вынужденное; другие считали, что улучшили своё экономическое и социальное положение в сравнении с «бесперспективностью» колхозной деревенской жизни; третьи старались представить такую форму существования оптимальной (меньшинство информантов). В качестве основных мотивов окончательного переезда фигурировали распад колхозного хозяйства, невозможность заработать, невозможность дать детям полноценное образование и обеспечить достойную жизнь.

Сезонность проживания получала дополнительное обоснование в периодическом воссоединении семей при неизбежности раздельного проживания: зимой в город перебираются старики, которые летом предпочитают жить в родном деревенском доме; по окончании учебного года соединяются малые семьи, так как школьники выезжают на учёбу,

часто с матерями. В предшествующие периоды дети поморов также учились в школах более крупных сёл или жили в интернате, но в настоящее время родители стараются детей в интернаты не отправлять. При этом в отношении собственного «интернатского» детства и отрочества мнения информантов значительно разошлись. Многие считали, что пребывание в интернате способствовало обретению друзей, самостоятельности, привычке к коллективизму. В тех случаях, когда из села на зимний период (или учебный год) уезжает вся семья, дом закрывают. Проблема сохранности дома при этом связывалась не с возможным воровством односельчан (такой вопрос даже не рассматривался), но с посягательством на собственность со стороны «хозяина» колхоза. В случаях такого посягательства владельцы домов проявляли настойчивость в отстаивании своих прав. Особую социально незащищённую категорию составляли жители, для которых не только приобретение квартиры в райцентре, но даже обучение детей с отрывом от дома является недоступной роскошью.

Природа и рыбные богатства Терского берега привлекали всё больше приезжих и туристов. Сёмужные реки используются для спортивной рыбалки, но этот отдых доступен только очень богатым людям, большинство которых москвичи. Отношение к разным категориям приезжих в селе было неоднозначное. Грань между «своими» и «чужими» проходила, прежде всего, по признаку родовой принадлежности. Некоторые потомки коренных чаваньжан, по-видимому, и сейчас приезжают в родной дом только для того, чтобы «заработать на туристах».

Очевидна неопределённость разделения статусов «местных» и «приезжих». К «дачникам» (само слово не очень употребительно), которые обзаводятся домами, и к тем, кого ещё было принято называть «новыми русскими», отношение критическое. Как и всякие временщики, они наносят урон селу, портят его внешний вид и нарушают порядок. С временными отдыхающими связаны истории о неадекватном поведении. Сходным образом, с иронией, рассказывали и об участниках фольклорно-этнографических и экологических экспедиций. «Туристы», которые посещают сёла Терского берега с экскурсионными, спортивными и рекреационными целями, интересуясь природой и рыбалкой, у местных жителей не вызывали негативных эмоций, поскольку позволяли заработать и подтверждали престиж села. Расценки на услуги высокие, так как сориентированы на «москвичей». Критические суждения о развитии туризма основывались на сравнении уровней жизни и объёмов капиталовложений в туризм с выплатами колхозникам.

Культурная жизнь в селе поддерживалась благодаря небольшой группе молодёжи основного работающего поколения 25–40 лет

(учительница, библиотекарь, молодые рыбаки), они организовывали мероприятия, праздники, заинтересованно рассказывали о своей работе. Клуб был разрушен, но библиотека находилась в хорошем состоянии, книги сельчане читали, библиотекарь встречала каждый самолёт. Профессионально занятые молодые люди либо не намеревались уезжать, либо оценивали эту потенциальную ситуацию как вынужденную.

В Чаваньге фактически нет поколения «хранителей традиций». Однако вместе с основным жизнеобеспечивающим занятием сохраняется рыболовная культура: используются традиционные способы лова и снасти, устойчив быт на тонях. На территории поселения ряд объектов представляет этнографический интерес — поморские качели, колодец, несколько типичных поморских домов, которым 100–120 лет. У жителей сохраняются старинные предметы текстиля, интерьера, утвари, встретились профессиональные реликвии предков-мореплавателей. Жива традиция именования женщин по имени мужа («Фиса Яшиха»), местных прозвищ — личных и коллективных для жителей отдельных поселений. Чаваньжане меньше, чем жители Умбы, но осознали, что их местность является объектом фольклорно-этнографического интереса. В отличие от Умбы и Варзуги, туристического паломничества туда нет, тем не менее есть любители старины, журналисты и исследователи, которых труднодоступность не пугает.

Териберка

В июле 2008 г. сотрудники ЦГП КНЦ РАН Е. Я. Пация, И. А. Разумова и аспирантка О. В. Змеева по приглашению санкт-петербургских коллег приняли участие в экспедиции на Баренцев берег в посёлок Териберка Кольского района Мурманской области. Целью конкретного полевого исследования были ознакомление с современной социально-культурной средой поморского поселения, известного по письменным источникам, и сбор устных источников по локальной истории.

В настоящее время местное старожильческое население в посёлке почти отсутствует. Жители представляют, в основном, второе-третье поколение переселенцев из северных (Вологодской, Архангельской) и центральных районов России, преимущественно из сельской местности. Генеалогически к поморам относятся отдельные потомки выходцев из карельского Беломорья. При этом все представители старшего поколения считали себя укоренёнными. Многие семьи переселенцев естественно восприняли традиции поморской культуры и быта, поддерживают их в той мере, в которой рыболовство продолжает оставаться основой жизнеобеспечения отдельных семей. В целом, семейно-генеалогическое знание информантов характеризовалось небольшой

глубиной (до третьего поколения) — ниже, чем по другим местам Мурманской области, где проводились исследования. Однако уровень актуальных семейно-родственных связей, по рассказам и наблюдениям, следовало признать высоким. Родственная сеть определяет возможности социально-экономической поддержки жителей, границы мобильности, выбор места получения образования детьми и его профиля и многое другое. Этнический фактор для поселения не актуален, отчасти в силу пограничного статуса Териберки. Население этнически толерантно, органичной его частью являются семьи переселённых саамов, преимущественно смешанные и ассимилированные.

История Териберки как промыслового становища, первые упоминания о котором относятся к XVI в., и постоянного русского поморского поселения (с конца 1860-х гг.) является предметом исключительно экспертного знания, которым владеют только учителя и любители-краеведы. Признанным экспертом в Териберке считалась учитель-историк, краевед О. В. Морозкина, которая в 2005 г. ушла из жизни. О ней с уважением и сожалением вспоминал каждый, с кем беседовали участники экспедиции. Актуальная социально-историческая память жителей углублялась до конца 1930-х гг. и Великой Отечественной войны. Событийный ряд в устной истории не был отчётливо выражен. В ней присутствовали единичные драматические факты, например, гибель четырёх рыбаков во время войны. Социально-экономические изменения, которые обычно создают историческую событийность, были связаны с изменениями статуса посёлка, его переподчинениями[1], перераспределением функций между ним и пос. Лодейное, открытием и закрытием производства (рыбзавода, судоремонтных мастерских), периодами развития и упадка колхоза. Вторая половина 1950-х — начало 1960-х гг. справедливо признавались временем расцвета: в посёлке было многопрофильное хозяйство, развивалась инфраструктура, и у него был статус районного центра. По статистике, именно в 1959 г. в Териберке была наибольшая численность населения. Большим ударом для жителей стала ликвидация колхоза «Мурманец» в результате политики «укрупнения» хозяйств, когда не стало звероводческой фермы, оленьего стада (переданного в Ловозеро), рыбзавода. В начале 1980-х в результате строительства Териберской ГЭС ушло сёмужье стадо, а с ним и надежды на создание в посёлке Лодейное (административной части Териберки) сёмужьего завода.

В отличие от большинства других локальных традиций, в устной истории Териберки выраженное членение времени на «советское» и «постсоветское» не проявилось. Можно лишь предположить, что в течение

[1] Териберка до 1960 г. была районным центром, затем была подчинена Североморску.

советского времени Териберка пережила слишком много ощутимых «трансформаций», связанных с административными и экономическими сдвигами, чтобы сразу воспринять перелом начала 1990-х гг., сказались инерционные процессы. Как бы то ни было, в конце XX в. существовал колхоз «Мурман», у него было несколько судов, сохранялось животноводство. Несмотря на то, что отток населения во второй половине 1990-х гг. стал значительным, условным рубежом представляется начало 2000-х гг. Кроме относительного материального благосостояния, аргументацией положительной оценки предшествующего периода служат высокий культурный уровень посёлка, «интересная жизнь», качество социальных связей, характер застройки, в которой соседствовали старинное «поморское» и «современное», а также личные и хозяйственно-административные качества отдельных местных руководителей. Териберку окончательно «добили» её подчинение в 2006 г. Кольскому району вместо Североморска и смена руководства, одним из первых действий которого было закрытие Териберской средней школы. Именно этот кризисный этап застали участники экспедиции.

Современная ситуация эсхатологически описывалась и оценивалась всеми информантами, независимо от возраста. За себя говорили отсутствие работы, затруднённость лова рыбы, полное разрушение инфраструктуры посёлка и уничтожение жилого фонда, неясность перспектив, недоверие к администрации и промышленным компаниям. Острой критике подвергалась жителями ситуация со здравоохранением: отсутствие врачей-специалистов и недостаток персонала, низкая квалификация врачей; неудобства, связанные с поездками в больницу райцентра (Колу), острое положение с лекарствами из-за отсутствия в посёлке аптеки. Положение дел с медициной резко контрастировало с ситуацией в торговле: были открыты новые винные магазины, в том числе ночные. Это очень возмущало, особенно женщин. Но более всего сказалось на социальном самочувствии жителей закрытие средней школы, у которой была очень высокая культурная репутация. В сохранности начальной школы териберчане также начинали сомневаться, будучи убеждены в её абсолютной необходимости. Несмотря на то, что к 2008 г. решился вопрос с транспортировкой детей в школу пос. Лодейное, по всем оценкам, она не выдерживала сравнения с териберской школой. Сам посёлок Лодейное, который посетили участники экспедиции, когда-то «был вполне преуспевающим рабочим посёлком», а в 2008 г. производил «впечатление удручающее, прежде всего, руинами бывших общественных зданий и общим запустением. Впрочем, от прежней Териберки тоже остались одни фотографии. На них отчётливо видно, как пространство посёлка

с его широкими улицами, крепкими поморскими домами и вполне современными двухэтажными зданиями тяготеет к одному центру — высокому каменному зданию школы»[1].

Деятельность средней школы была многофункциональной и, согласно общественному мнению, определяла культурный уровень посёлка и его жителей. Высоко оценивались качество преподавания с учётом современных требований, уровень учителей, организация учебного и свободного времени детей, отношение педагогического коллектива к ученикам, организация и комфортность школьного пространства, материальное обеспечение, разнообразие внеучебной деятельности. Для жителей история Териберки — это во многом история школы, которая была создана в начале 1930-х. Тогда в Мурманском крае форсировались вопросы школьного строительства и увеличивались расходы на образование, оно рассматривалось как важнейшая политическая задача[2]. Перед войной школа стала средней, а в течение нескольких послевоенных лет много сил и средств было вложено в её восстановление. Ни один из информантов, рассказывавших об истории посёлка, не обошёл вниманием школу, без дополнительных вопросов интервьюера. Например, многие разграничивали «период, когда школа была деревянной, и время “новой школы” (после 1959 г.)», а также уточняли, что «в послевоенные десятилетия в Териберке работали начальная школа, средняя школа, вечерняя школа, интернат и даже музыкальная школа»[3].

Среди учеников есть те, кто прославили Териберку далеко за пределами посёлка, в их числе погибший на войне поэт и журналист Константин Баёв, в память о котором на здании школы была установлена мемориальная доска. Участники экспедиции видели, что к этой доске продолжали приносить цветы. Уже в наши дни Интернет изобилует эмоциональными текстами туристов, на которых производят сильное впечатление руины большого каменного здания бывшей школы, по-прежнему выделяющегося изо всех построек Териберки. Примерно так и столь же символично[4] постройка смотрелась в 2008 г. Здание было под замком, но антропологам удалось осмотреть школу благодаря

---

[1] См.: Змеева О. В., Казакова К. С. История одной сельской школы как индикатор социально-экономических перемен в стране // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации / под ред. В. П. Петрова, И. А. Разумовой. Апатиты: КНЦ РАН, 2008. С. 53.

[2] Там же. С. 46.

[3] Там же. С. 52.

[4] Пользователи сети характеризуют объект как «школа имени Левиафана», «призрак советского образования», «жуть и безысходность» и т. п.

«экскурсионной» помощи двух бывших пожилых учительниц. Они специально приезжали в Териберку и размещались в небольшом помещении при школе, проводя лето в том месте, которому отдали жизнь. Красочная надпись в вестибюле сообщала, что первая школа в Териберке была открыта в 1888 г. В бывших классах сохранялись предметы мебели и даже оргтехники. Стены фойе и коридоров расписаны в ярких, праздничных тонах картинами природы, иллюстрациями к сказкам, северным орнаментом — работа местной художницы Анастасии Владимировны Дмитриевой. В кабинетах оставались развешанные на стенах стенды, портреты писателей и учёных, в беспорядке наглядные пособия, карты, детали физических приборов, стопки работ учеников, методических материалов, на стеллажах журналы и везде — книги и учебники. В школе была хорошая библиотека. В 1970 г. она насчитывала 11,5 тысяч книг[1] и после этого значительно пополнялась. Завершая статью об истории териберской школы, авторы, историк К. С. Казакова и антрополог О. В. Змеева, справедливо подчеркнули, что «самый верный способ дестабилизировать население посёлка, региона, страны и т. д. — закрыть учебные заведения. Даже если постараться избежать оценок, принять как данность необходимость ликвидации малокомплектных школ, не задаваться “вечным” вопросом, много это или мало — 25 детей», то «все-таки надо признать, что библиотека, запертая в разрушающемся здании школы, не должна быть символом настоящего времени»[2].

Центром культурной жизни Териберки был и остаётся Дом культуры. Репутация села и сегодня связана с деятельностью Териберского поморского народного хора, организованного в 1935 г., и созданного при нём детского коллектива «Поморочка». И жители Териберки, и все, кому приходилось слышать и видеть оба коллектива, высоко ценят их творчество. Долгие годы хором руководила заслуженный деятель культуры Российской Федерации Мария Степановна Селезнева, уроженка Карельского Поморья, замечательная исполнительница и знаток песенной традиции. Она ушла из жизни через два года после того, как сотрудники ЦГП КНЦ РАН встречались и беседовали с ней и с её коллегой и преемницей Ольгой Николаевной Николаевой. Образ заброшенной Териберки стал тогда более светлым благодаря знакомству с прошлым и настоящим хора, Дома культуры и с людьми, которые вопреки всем обстоятельствам поддерживают традиции народной культуры Поморья — уникального в фольклорно-этнографическом отношении региона России.

---

[1] Змеева О. В., Казакова К. С. История одной сельской школы как индикатор социально-экономических перемен в стране. 2008. С. 48.

[2] Там же. С. 58.

История семьи на фоне поморской культуры

В 2011 г. в Апатитах состоялось знакомство сотрудников ЦГП с жительницей Кандалакши Галиной Федоровной Белошицкой, педагогом по образованию, представительницей поморской династии Жидких. Галина Федоровна написала историю своего рода и располагала домашним архивом, который она собирала вместе с родственниками — сёстрами и племянником, краеведом Д. С. Лоскутовым. Узнав, что в Кольском научном центре изучают историю семей, она предложила заинтересованным исследователям познакомиться с её сочинением, обсудить его и подготовить, по возможности, к публикации.

«История семьи Жидких поморского села Кандалакша» была написана по личным воспоминаниям, документам семейного архива и устным семейным преданиям. Переданный автором машинописный текст включал отдельные рукописные вставки, и это свидетельствовало о том, что работа над семейной историей продолжается, хотя на титульном листе была указана дата написания: 2003–2006. Текст дополнялся ярким иллюстративным материалом: копиями фотографий, рисунками автора. Чуть позже выяснилось, что, наряду с повествовательным («книжным»), существует еще один вариант семейной хроники, который Г. Ф. Белошицкая назвала альбомом. Это папка с файлами-страницами, расположенными по хронологии, на которых помещены фотоматериалы с комментирующими подписями и копии документов. Большинство страниц были красиво оформлены, в соответствии с альбомной традицией. Из этого документального собрания автор поместила часть материала в письменную «Историю семьи».

История рода была написана очень интересно, живым языком, безукоризненным в литературном отношении, с отсылками к историческим источникам. Автор обращалась к историко-краеведческой литературе, делала выписки, искала сведения в документах государственных архивов Мурманской и Архангельской областей. В этом ей помогала землячка, историк-архивист В. И. Конева. Содержание семейно-родовой хроники было настолько насыщено историческим и этнографическим материалом, что сразу стало понятно общекультурное значение произведения, первоначально созданного для близкого круга читателей, а также его ценность как исторического источника. Первые документы о предках Жидких как жителях Кандалакши относятся к XVIII в. Устная история семьи удержала ценную биографическую информацию середины XIX в. о прародителе Филиппе Жидких, владельце рыболовного судна, захваченного во время Крымской войны, его пленении англичанами, возвращении на родину и гибели в море. Еще один пример — история про деда мемуаристки, который по молитве и обету выжил в Русско-

японской войне, но обет свой не выполнил и со следующей войны, Первой мировой, не вернулся.

Многие потомки рода продолжают жить в Кандалакше, поэтому история родственного клана неотделима от истории поселения. Г. Ф. Белошицкую и её близких можно считать историками и этнографами, в первую очередь, села Кандалакша. Это старая часть современного города, с которой связана жизнь семьи Жидких. Сейчас она называется Нижней Кандалакшей, сохраняет сельский вид и ассоциируется с традиционным образом жизни. В «Истории семьи Жидких» история Кандалакши и семейная история слиты воедино. Через семейные драматические и бытовые обстоятельства показана жизнь прифронтовой Кандалакши[1]. Особенно насыщено и событиями, и описаниями быта повествование о конце 1940–1950-х гг. Это было время отрочества и юности автора, и оно совпало с переходным этапом жизни Кандалакши, которая, получив статус города в 1938 г., именно в послевоенные годы развивалась как городское поселение. Между тем укоренённые семьи сохраняли многие традиционные поморские черты бытового уклада вплоть до начала 1980-х, когда с расширением строительства порта, принудительным сносом старых домов и свёртыванием промысловой деятельности поморское село фактически перестало существовать.

Приобретая «городские» профессии и меняя образ жизни, коренные кандалакшане продолжали считать основой жизнеобеспечения то, что давали море и подсобное хозяйство. Об этом времени автор писала по собственным впечатлениям. Сочетая свойства генеалогической хроники и свободного мемуарного повествования, «История семьи Жидких» включает элементы этнографических очерков, в которых описываются различные стороны промыслового и семейного быта. Например, описан и изображён в виде схемы поморский дом, в котором одновременно проживало несколько родственных семей, постепенно отделявшихся друг от друга; подробно описаны способы лова сельди, сёмги, которые с детства были освоены мемуаристкой. В тексте объясняются значения поморских бытовых реалий, слов. Повествование Г. Ф. Белошицкой может рассматриваться как пример «интерпретации первого порядка»[2], так как оно представляет записанный опыт, в котором все значения действий, предметов, отношений, слов находятся в рамках описываемой культуры.

---

[1] Разумова И. А. История войны в поморской семейной хронике // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен: материалы Пятой Междунар. науч. конф. Российской ассоциации исследователей женской истории и Ин-та этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (4–7 октября 2012 г., Тверь). М., 2012. Т. 2. С. 366–369.

[2] В интерпретативной антропологии — объяснение культурных феноменов самим носителем культуры.

Вместе с тем это опыт отрефлексированный, и сама его фиксация имеет определённую цель[1].

Если рассматривать «Историю семьи Жидких» как исторический источник, следует признать его многофункциональность. Текст содержит обильную этнографическую информацию. Он представляет большой интерес с точки зрения истории повседневности и социальной истории — семьи, родственных групп, локальной и поселенческой общностей. Проясняется механизм глобального процесса превращения села в город на примере одного населённого пункта, одной родственной общности и на протяжении жизни человека. Показана структура отношений — семейно-родственных, соседских, поселенческих в их динамике, что представляет интерес с социологической точки зрения.

В процессе подготовки книги, общения с автором и знакомства с семейным архивом открывались новые возможности. Г. Ф. Белошицкая показывала старую и новую Кандалакшу, знакомя с её природным и культурным ландшафтом, их изменениями. Среди записей были тексты песен, которые исполнялись в домашнем кругу, и описания игр и развлечений кандалакшских детей 1940–1950-х гг. Было решено включить их в книгу. Составители выполнили работу по комментированию текстов, которая потребовала справочно-библиографического поиска и сравнительного анализа источников. В издание были включены историко-этнографический комментарий и комментарии к песням и играм. Возможность дополнительных исследований в 2011 г. предоставил проект «Семейно-родственные общности как агенты культурных инноваций» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Анализ песенного репертуара семьи показал, что в нём присутствуют как фольклорные, так и авторские песни — при всей условности границы между ними, когда речь идёт о живом бытовании, причём преобладали образцы современного для тех лет городского фольклора. Они в своё время звучали по радио, в кинофильмах, публиковались в массовых песенниках, но нередко воспринимались как «народные». Большую часть репертуара семьи Жидких составляли песни-баллады, старинные фольклорные и современные. При комментировании учитывались все издания, в которых имелись сведения об источниках песен. Что касается игр и развлечений, они все относились к зимнему периоду («Катание на керёже», «Лыжи», «Коньки», «Взятие сопки» и др.). Обращение к этнографическим источникам показало, что аналоги игр были широко распространены в разных местностях и у разных народов, но здесь бытовали «в кандалакшском варианте». Ценность в том,

[1] Разумова И. А. «Чтобы потомки знали…». Письменная хроника поморской семьи как этнографический источник // Живая старина. 2013. № 4. С. 18–21.

что записи Г. Ф. Белошицкой содержали «собственно мемуарный компонент»: упоминались «конкретные жители села, локальные наименования» и «связанные с детскими играми происшествия». Кроме того, в описаниях отмечались внешний вид детей, одежда, используемые предметы и автор как педагог «почти в каждом случае заостряет внимание на воспитательных и развивающих функциях игр»[1]. В результате «даже такой небольшой по объёму материал ярко демонстрирует изобретательность детей, локальные особенности игровой деятельности, позволяет воссоздать детскую повседневность жителей Поморья середины XX в.»[2].

Особое место в книге занял словарь поморской и этнографической лексики, которая использовалась в тексте «Истории семьи Жидких». В помощь исследователям были словари поморских говоров, в отдельных случаях к словарным толкованиям добавлялись пояснения Г. Ф. Белошицкой. По мнению составителей, «такой словарь может представлять языковедческий интерес. Он показывает современный уровень органичного и целевого использования данной лексики в локальной и индивидуальной письменной речи, конкретном тексте. Кроме того, словарь преследует образовательные цели. Многие реалии поморской жизни и сельского быта в целом, а значит, и соответствующие обозначения в настоящее время относятся к сфере истории, ими владеют узкий круг носителей культуры и специалистов»[3].

Книга увидела свет в 2013 г. Процесс работы над ней окончательно убедил в том, что «“малые традиции” постоянно выдвигают из своей среды тех, кто осознаёт собственную культуру как “наследие”, соотносит её с “большой” культурой и делает частью общенационального достояния»[4], и не только результаты, но и сама деятельность членов семей по сохранению знания и памяти родственных и локальных общностей достойна пристального внимания. Более того, в рецензии д-ра ист. наук П. В. Федорова на книгу была даже высказана мысль, что «изучение семейной памяти и личных архивов северян — актуальная задача гуманитарной науки в условиях демографических вызовов и угроз, стоящих сегодня перед всем российским обществом и Русским Севером в особенности»[5].

---

[1] См.: Змеева О. В. Игры и развлечения поморских детей (по рукописным записям середины XX в.) // Живая старина. 2013. № 4. С. 22.

[2] Там же. С. 24.

[3] См.: Разумова И. А., Змеева О. В. Культурное наследие поморской семьи — часть национальной традиции // История семьи Жидких на фоне поморской культуры. Исследование и публикация по материалам Г. Ф. Белошицкой. Апатиты: КНЦ РАН, 2013. С. 10.

[4] Там же. С. 6.

[5] См.: Федоров П. В. Вклад в историческое познание Кольского Севера // Арктика и Север. 2014. № 17. С. 185.

* * *

Как известно, старожильческое население Мурманской области — это не только русские поморы, но и ижемские коми, карелы, немногочисленные ненцы и потомки колонистов Мурмана разной этнокультурной принадлежности, прежде всего финны.

Первоначально в «масштабных» планах этнографов Кольского научного центра было также изучение их истории и культурных особенностей. Например, в 2004 г. разрабатывался проект «Карелы на Кольском полуострове в XX — начале XXI вв.: этнотрансформационные процессы и историко-культурная память семей», направленный на изучение карельского населения Кольского Севера, его исторических судеб, вовлечённости в этнические процессы, динамики этнического самосознания и современной культурной ситуации. Карельское население Кольского полуострова ранее не изучалось, и намерение восполнить этот пробел было естественным, если учитывать темпы интегративных и ассимиляционных этнических процессов второй половины XX в. При ограниченном количестве прямых документальных источников возрастало значение источников устных. К концу XX в. уже были заброшены, но ещё не стёрты в памяти современников поселения Инга, Муна, Дедкова ламбина, Вильмоламбина, Мунозеро, Канозеро, Пончеозеро, Колвица. По источникам и свидетельству старожилов, в 1950-х гг. они были населены почти исключительно карелами, впоследствии большая часть кольских карелов стали жителями Кировска и Апатитов. Территория между Умбой и Кировско-Апатитским ареалом с этнографической точки зрения не изучена. В 2004 г. начиналась работа с источниками, были выполнены первые сборы устной информации в Терском районе. Они позволили предположить, что, по крайней мере, часть карелов Кольского полуострова могли представлять собой этнографическую (этнолокальную) группу или несколько небольших групп. К сожалению, этот проект остался нереализованным, как и планы по изучению старожильческого коми-ижемского населения Мурманской области. Время, актуальная проблематика и кадровые возможности корректируют задачи исследований, но не лишают их перспективы, особенно когда речь о культурных традициях.

ГЛАВА 4
АНТРОПОЛОГИЯ ЗАПОЛЯРНОГО ГОРОДА

Север и северяне: идентификация пространства и общности

Городское население и северная идентичность

Изучение локальной идентичности и процессов культурной адаптации городского населения, то есть представителей абсолютного большинства жителей Мурманской области, стало одним из главных направлений разработки темы «Этнокультурные процессы на Кольском Севере в XX — начале XXI вв. и в исторической ретроспективе», которая выполнялась с 2003 г. Научное руководство темой осуществляла И. А. Разумова, ответственными исполнителями и исполнителями разделов о городской культуре на разных этапах работы были науч. сотр. Е. Я. Пация, мл. науч. сотр. О. В. Шабалина, мл. науч. сотр. М. Л. Нахшина, О. В. Змеева, К. С. Казакова, И. А. Травин, А. А. Еремеева, А. С. Бородина (Давыдова), О. А. Сулейманова. Заметим, что некоторые исполнители начали работать по теме, будучи аспирантами и даже студентами (О. Змеева, О. Сулейманова).

Кроме того, проекты по отдельным проблемам, связанным с культурной идентификацией населения региона и поселенческих общностей, получали грантовую поддержку. Проект «Северный индустриальный город в эпоху трансформаций российского общества: социально-антропологические аспекты» выполнялся по гранту РФФИ № 05-06-97503 в 2005–2006 гг. (руководитель проекта И. А. Разумова, координатор О. В. Шабалина). Раздел об адаптации горожан Мурманской области к условиям Заполярья содержал проект «Современные локальные сообщества Кольского Севера на этапе трансформаций Российского общества: социокультурные факторы стабилизации» в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (2006–2008 гг., руководитель И. А. Разумова, исполнители С. Н. Виноградова, О. В. Шабалина).

Исследования по городской этнографии и антропологии Мурманской области к началу работы по новой тематике полностью отсутствовали, у некоторых городов ещё не было письменной истории. Между тем территория Кольского полуострова по характеру её заселения и освоения представлялась едва ли не идеальным объектом для изучения урбанизационного «скачка» в XX в., технологий его осуществления, осмысления преобразований, становления городской культуры. С историко-культурной точки зрения были очень важными вопросы, в целом связанные

с процессом включения Кольского Севера («Мурманского края») в пространство русской культуры, не только в ранние периоды колонизации, но, прежде всего, на этапах его интенсивного промышленного развития в XX в., когда постепенно формировался цельный образ территории. Он не был бы возможен без относительно стабильного регионального сообщества, его внешней идентификации и самоопределения.

Формальным идентификатором общности является обозначение, которым обычно пользуются при характеристике места, сообщества и типичной личности. Такими обозначениями служат в первую очередь «северяне», «мурманчане», территория часто называется также «Заполярье». На сегодняшний день обозначения человека и общности, основанные на лексеме «Арктика», не прижились хотя бы потому, что им сопротивляется русский язык. Собственно, урбанонимические названия жителей: «кировчане», «апатитчане» (в речи, скорее, «кировские», «апатитские») и другие, — в естественных ситуациях используются во внутрирегиональном диалоге.

Процесс адаптации — это одновременно и процесс культуротворчества, поскольку «регионы, сформировавшиеся относительно поздно и в результате миграции неоднородного в этническом отношении населения, отличаются тем, как поддерживаются и развиваются принесённые из “метрополий” традиции и как создаются новые — путём синтеза, трансформации и осложнения новациями принесённых разнорегиональных культурных феноменов»[1]. Предмет многолетних исследований составили культурная адаптация новосёлов разного времени к новому для них месту жительства и индикаторы данного процесса. В первую очередь учитывалась роль субъективной составляющей переселений, которая особенно важна в случае добровольной миграции. Помимо мотивов, установок и прочих элементов миграционного поведения, она включает отношение к территориям убытия и прибытия, которое основывается на знаниях, опыте или образах и стереотипах. Восприятие переселенцами новых территорий, отношение к месту является одним из необходимых условий социальных трансформаций и определяет культурный облик новых поселенческих сообществ, что подтверждали данные социально-антропологических и устно-исторических исследований, проводившихся несколькими годами ранее в Приладожской Карелии и на некоторых других территориях России[2].

Собирание материала осуществлялось с помощью комплексной методики. Основу составили истории переезда и обустройства на новом

---

[1] См.: Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. С. 152.

[2] Moving in the USSR. Western anomalies and Northern wilderness / Ed. by Pekka Hakamies. Finnish Literature Society. Studia Fennica Historica 10. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2005. 161 s.

месте, полученные в результате устного и письменного интервьюирования и опросов городских жителей, а также опубликованные в книжных и периодических изданиях. Они дополнялись данными опросов, записями спонтанных рассказов и высказываний. Начальной текстовой базой были систематические записи по специальному вопроснику (свыше 100 информантов), затем работа продолжалась в течение ряда лет. Главным объектом исследования стали горожане, переехавшие на Кольский Север в основном в 1960–1980-е гг., в меньшем числе — люди, переехавшие до или позже этого времени, и их прямые потомки. В целом, материалы репрезентативны в отношении русских и русскоязычных смешанных семей, мигрировавших на Кольский полуостров в 1930–1980-е гг. Их анализ прояснил общее и специфическое в формировании локальной идентичности русского населения западной части Крайнего Севера, механизмы адаптации к микросреде, в том числе создаваемой ими самими в процессе научно-промышленного освоения Кольского полуострова.

В развитие темы для выяснения основных категорий, в которых осмысливаются и представляются территория и её жители, и образов, в которых они воплощаются, был значительно расширен круг источников. В него вошли краеведческие сочинения, прозаические и поэтические художественные произведения, преимущественно самодеятельных авторов, рекламно-информационные издания. Большое внимание уделялось региональным малотиражным изданиям, на определённом этапе стали активно использоваться интернет-ресурсы. Таким образом, источники и конструировались в процессе исследования, полевой работы, а также отыскивались в том числе в архивах, районных библиотеках с их последующей систематизацией.

Собирательская работа проходила в городах Апатиты, Кировск, Мончегорск, Оленегорск, Снежногорск, Полярный, Кандалакша, Полярные Зори, Ковдор, а также в посёлках городского типа или с неопределённым статусом. Поскольку материал требовался массовый, а аспекты изучения постоянно добавлялись, небольшому коллективу сотрудников было бы трудно справиться без помощи подготовленных студентов старших курсов социологического отделения Кольского филиала ПетрГУ, а также без поддержки библиотекарей, архивистов, школьных учителей, краеведов. В итоге был собран массив текстов в виде аудио- и рукописных записей, самозаписей респондентов (письменных интервью), копий печатных источников. Для анализа использовался комплекс текстологических методов, соответствующих жанрово-видовым свойствам источников.

Основными аспектами проблемы, которые рассматривались, скорее, синхронно, чем поэтапно, были: а) осмысление и оценка жизни на Крайнем Севере сквозь призму биографического опыта переселенцев;

б) социально-культурные идентификаторы общности «северян»; в) символика Севера и её рецепция в культуре конкретных городов и образе «северянина»; г) социальная («историческая») память городских сообществ и историко-культурный облик промышленных городов, созданных в советский период.

Все находившиеся в распоряжении исследователей тексты могли рассматриваться только в контекстах того времени, когда они были записаны или созданы и напечатаны. Автобиографические и семейно-биографические рассказы отражали социальное самочувствие людей на протяжении последних советских десятилетий, в период реформ и большей частью в первое десятилетие XXI в. Учитывался и временной промежуток между событием приезда на Кольский полуостров и рассказом о нём.

Об адаптации переселенцев к Крайнему Северу как о массовом процессе нужно говорить в прошедшем времени. Этот процесс имел два основных вектора — территориальный и социальный. Значительную часть миграционных потоков составляло недавнее сельское население, которое не видело перспектив в жизни в деревне. У многих горожан переезд был сопряжён с изменением семейного положения или вызван им (вступление в брак, отделение от родителей), со сменой профессии. Приезжавшие по распределению выпускники учебных заведений начинали профессиональную деятельность. Большинство приезжих свидетельствовали, что повысили социальный и экономический статус. Это сказалось на положительном отношении к новому месту. По-другому адаптировались к жизни на севере те, кого высылали принудительно. У них перемещение было связано с социальной стигматизацией, и оценка места пребывания зависела, в первую очередь, от правового статуса. На первом этапе исследования отбирались тексты информантов, переезд которых на север был добровольным или, по крайней мере, нормативным, с принятием «договорных» обстоятельств (по направлению на работу, по месту работы супруга и т. п.). В таких случаях отношение к территории в большей степени служит показателем успешности или неуспешности «жизненного проекта». Характеристика места связана с биографическим опытом и оценкой прожитых лет и зависит от того, как соотносятся мотивы переезда с современным состоянием жизни. Переехавшие по направлениям были склонны рассматривать поселение на Севере фаталистически. У добровольных переселенцев преобладали экономические мотивы: высокие заработки и получение жилья. Социально-психологические мотивы объединялись потребностью в независимости и самореализации. Немало людей из прибывших на Кольский полуостров в доперестроечное время признавали себя «романтиками Севера», подчеркивая, что это не идеологическая формула, а некогда реальное их самоощущение.

Отправная точка адаптации — это удивление от несоответствия реальности исходным полуфантастическим представлениям о севере. Приезжие неожиданно обнаруживали на Крайнем Севере, во-первых, наличие растительности, во-вторых, «цивилизацию», а не только «чудеса» в виде полярного сияния, полярных дня и ночи.

Основной способ рационализации привыкания к Северу — противопоставление «суровой» природы солидарному сообществу людей по признакам бесчеловечности/человечности, враждебности/дружелюбия, холода/тепла, закрытости («недоступности»)/открытости и т. д. Социальный комфорт стал предпосылкой и условием достижения физического комфорта. Наличие работы, жилья, достатка, общения определяли социальное самочувствие переселенцев. Показателями комфортности измерялась история частной и общественной жизни. Строительство предприятий и городов, обустройство жилых и производственных помещений, рост благосостояния, развитие удобной и эстетичной городской среды происходили «на глазах» и осуществлялись «своими руками» по мере взросления человека. В первую очередь так оценивали свой жизненный опыт представители рабочих специальностей (особенно строители), инженерно-технические специалисты, учёные, учителя. Северянин не столько адаптировался к месту, сколько создавал и тем самым «присваивал» его.

Главные временны́е атрибуты Кольского Севера — «современность», соотносящаяся с «цивилизованностью», и «молодость», указывающая на перспективы роста. Им соответствуют качества, присущие «северянину»: активность, трудоспособность, предрасположенность к спорту, мобильность. В собирательном образе северянина они противоречиво сочетаются со спокойствием и медлительностью («замороженностью» — экстраполяция особенностей климата на характер человека).

Государственные инициативы по переселению северян поддерживают представление, что человек здесь живёт до тех пор, пока молод, работает и здоров. При этом бытует убеждение, что Север помогает сохранить работоспособность, здоровье и даже внешний вид вопреки возрасту, учит ценить жизнь во всех её проявлениях и считать материальные блага не целью, а средством. В биографии переселенцев время Севера — это время становления, духовного развития, самореализации и достижения всестороннего благополучия. Изменения, произошедшие с Севером в настоящем времени (2000-е гг.), воспринимались болезненно и оценивались формулой «обидно за север». В целом, большинство добровольных переселенцев повысили социальный и экономический статус, что положительно сказалось на адаптации к месту. Для подавляющего большинства основное значение имели обретение новых социальных связей и позитивно оцениваемые результаты

коллективной деятельности по строительству городов (создание собственной социокультуры)[1].

Северяне-«мурманчане»: ключевые идентификаторы

На протяжении 2005–2008 гг. предпринимались отдельные исследования ряда концептов — показателей территориальной и социально-культурной идентификации Кольского Севера и северян.

«Экстремальность». Для российского национального самосознания характерна социальная, экономическая, ценностная стратификация пространства, основанная на противопоставлениях «севера» и «юга», «центра» и «периферии», «столицы» и «провинции» и некоторых других базовых оппозициях. Полуостровное положение Кольского Севера, отделённого от «материка» ещё и символической границей Северного полярного круга, способствует восприятию данной территории как относительно автономной, противопоставленной всем южнее расположенным территориям и находящейся в зоне «экстремальности» («край земли»).

«Экстремальность» зональных условий определила специфическую идентичность «нового северянина». То, что для автохтонов и старожилов естественная среда обитания, извне воспринимается как «другой мир», и человек должен не только противостоять ему, но и уметь с ним сосуществовать. Идентичность жителя севера основывается на свойствах, которые, во-первых, концентрируются вокруг оппозиции «севера» и «юга» (а это все территории южнее полярного круга), во-вторых, связаны с «пограничным» существованием. В отличие от «южан» (или «материковых», «среднеполосных» людей), северяне способны жить там, где обычный человек не может. Образ северянина в самых разных воплощениях — это, по существу, мифологический образ борца, созидателя, обладающего способностями чуть выше естественных человеческих. Недостаткам внешнего физического существования соответствует, компенсируя их, полнота внутренней жизни («духовность») Севера и его жителей. Это ещё один их устойчивый идентификатор[2].

---

[1] Разумова И. А. Северный «миграционный текст» постсоветской России // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. Апатиты: КНЦ РАН, 2004. С. 5–21; Разумова И. А. «Север» — категория времени // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. Апатиты: КНЦ РАН, 2006. С. 5–14; Разумова И. А. Миграционный опыт и формирование локальной идентичности жителей Кольского Севера // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков; Отд-ние ист.-филол. наук РАН. М., 2010. С. 290–298.

[2] Разумова И. А. «Экстремальность» как фактор локальной идентичности жителей Кольского Севера // Живущие на Севере: Вызов экстремальной среде. Мурманск: Изд-во МГПУ, 2005. С. 91–95.

«Свобода». Север как территория и социальное пространство устойчиво наделяется смыслами, вкладываемыми в многозначное понятие «свободы», совокупность которых считается важным социальным и этническим идентификатором[1]. В рассмотренных текстах из обширного спектра значений, имеющихся у «свободы» в русском языке, отсутствует только одно — связанное с досугом (свободное время). Противоречие, заложенное в самом концепте, применительно к российскому Северу состоит в том, что он заселялся несвободными людьми: ссыльными, заключёнными, спецпоселенцами. В то же время не только добровольные, но отчасти и вынужденные переселенцы сообразно обстоятельствам нередко осмысливали заполярный край и отдельные поселения как «приют», «убежище», то есть реализовалось значение «свободы от» чего-то. Это касается случаев, когда добровольный переезд являлся способом эскапизма, а насильственное переселение на Кольский полуостров избавляло от худшего. Добровольная миграция, в конечном счёте, нацелена на достижение большей свободы от «притеснений» и «стеснений», будь то «колхозное рабство», жилищные условия, родительская опека, материальная зависимость или самодурство начальства.

Возможности, предоставляемые Севером, чаще всего связаны с лёгкостью (свободой) найти работу и реализовать себя, а также со свободой передвижений и лёгкостью коммуникаций. Выявилось также большое значение семантики «открытости»/«закрытости», которая коррелирует со значениями свободы/несвободы. С одной стороны, «первооткрыватели» и их «открытия» представляют основу современной истории Кольского полуострова. Один из символов края — незамерзающий (с «открытой» водой) порт. С другой стороны, полная свобода возможна только при наличии известной автономии и обозначенности границ. Поэтому столь важен в региональной истории тот факт, что отдельные участки государственной границы в Мурманской области так и не удалось перейти противнику во время Второй мировой войны. В соответствии с этой же диалектической логикой, свобода полнее ощущается в «закрытых» городах, о чем убедительно свидетельствует сравнение текстов интервью, с одной стороны, с жителями Снежногорска, Полярного, с другой стороны, с представителями городов обычного статуса. Открытость северного сообщества ассоциируется с этническим многообразием жителей — представителей разных регионов и культур, а также с отсутствием жёстких социальных иерархий. В отношении поведения людей и состояния культуры «свобода» противопоставлена «традиции». По распространённому мнению, «южные» и «среднеполосные» люди отличаются «стереотипным

[1] См., напр.: Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 211–256.

мышлением» и тем, что он «куркули». Смыслы соотносятся с понятиями жёсткости и закрытости, противоречащими «свободе». Наконец, свобода связана со способами физического существования человека, в частности, с активным образом жизни.

Обратная сторона свободы состоит в том, что малый северный город представляется, особенно молодёжи, «тесным», сковывающим инициативу, «патриархальным» по типу отношений. Жители малых индустриальных городов осознают серьёзную зависимость не только от северного климата, но экономическую несвободу от градообразующих предприятий, статусную зависимость от областного центра и столицы. Многозначность свободы и несвободы специфически реализуется в контексте взаимоотношений провинции и столицы, города и деревни, что в известной степени актуально и для северян[1].

«Цивилизованность» и *«провинциальность».* Обсуждая «основные тенденции в конструировании северного пространства в активно дебатируемых в последнее время теоретических и политических концепциях», социальный антрополог А. Штаммлер-Госсман отметила, что «категоризация, основанная на принципах удалённости и сурового климата, затрудняет восприятие северных регионов в европейской части страны с её развитой транспортной и промышленной инфраструктурой, близостью к экономическим, а также политическим и культурным центрам, как “аутентичных” северных регионов. Потому Мурманский регион, урбанизированный, самый заселённый во всей Арктике, легче ассоциируется с Заполярьем, чем с Крайним Севером»[2]. И по уровню научно-технического развития, и в культурно-типологическом отношении российские «севера́» различны. В частности, Архангельский Север, позиционирует себя как «центр» северно-русской культуры, понимаемой как традиционная сельская (крестьянская). При изучении городской культуры на российском Севере принимаются во внимание почти исключительно старинные города, которые вызывают исторические и этнографические ассоциации. В Мурманской области к ним могут относиться только Кола (город-спутник Мурманска) и Кандалакша (до конца 1930-х гг. не город). Между тем города, даже небольшие и молодые, стараются утвердить своё культурное значение, причём в последние годы по преимуществу сознательно, противопоставляя своё культурное значение социально-экономическому положению. Город объединяется на основе сознания своей культурной целостности и самобытности. Это проявляется

[1] Разумова И. А. «Свобода» как один из ключевых определителей Севера // Живущие на Севере: опыт и прогнозы. Мурманск: Изд-во МГПУ, 2008. С. 5–12.

[2] См.: Штаммлер-Госсман А. «Северные измерения» России: концепция пространства // Региональное сообщество в период социальных трансформаций Кольский Север, XX–XXI вв. Апатиты: КНЦ РАН, 2007. С. 9–10.

в активизации спонтанной и организованной общественной, в том числе краеведческой, деятельности. Не только малые города, имеющие статус не выше районного центра, но и областные, и центры автономий, по российским меркам «периферийны», а если добавить культурный смысл, то «провинциальны»[1].

Феномен русской провинции стал активно изучаться во второй половине 1990-х, преимущественно на материале литературной и устной словесности. В частности, в 1997–2001 гг. выполнялся международный проект Совета по мировой культуре РАН «Провинциальный текст русской культуры» (под руководством Т. В. Цивьян и А. В. Белоусова)[2]. При этом выяснилось, что культура провинциальных (в безоценочном значении слова) городов северо-западной (и не только) части Крайнего Севера России до того момента оставалась вне поля зрения во всех отношениях. Причины — неосвоенность их «большой» литературой и отсутствие социальных, исторических, этнографических исследований, которые могли бы включить русскую городскую культуру Кольского Севера в национальное культурное пространство. Это стало одной из задач изучения культуры городов Мурманской области в гуманитарном академическом центре.

Материал составили данные опросов, дополненные текстами письменных и устных источников, которые содержали, с одной стороны, высказывания самих северян, с другой стороны, мнения о них жителей других регионов.

Статус северян на условной шкале «цивилизованности», согласно результатам, достаточно высокий и ассоциируется с наличием городской инфраструктуры, высокотехнологичных производств, уровнем образования, науки. У городов и жителей Мурманской области тесные связи с «центром», в первую очередь с «культурной столицей». Преимущества у «столицы Заполярья» — Мурманска, у Мончегорска, спланированного ленинградскими архитекторами, и у Апатитов, благодаря размещению в нём Кольского научного центра РАН (а на момент исследования и Кольского филиала Петрозаводского университета — следствие репутации образовательного учреждения на Северо-Западе России).

Большей частью по самооценке, хотя и не только, северные жители почти «столичны», тогда как «южные» и «среднеполосные» (представители обеих столиц в эти категории не входят) провинциальны, отличаются

---

[1] В строго научном культурологическом понимании «провинцией» обозначаются именно городские поселения, а не деревни, сёла или исторически, например, усадьбы и проч.

[2] Русская провинция: миф — текст — реальность / сост. А. Ф. Белоусов, Т. В. Цивьян. М.; СПб.: Тема, 2000. 491 с.; Провинция как реальность и объект осмысления / сост. А. Ф. Белоусов, М. В. Строганов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 228 с. и др.

непросвещённостью даже в отношении культурных достопримечательностей своих городов. Городское культурное строительство и условия, в которых оно осуществлялось, определили особенности личности северного человека и сообщества. Первые места в характеристике того и другого занимают социальная солидарность, преодолевающая этнические и прочие барьеры, и нестяжательство. Этническая толерантность, бесконфликтность, соблюдение взаимных обязательств указывают на «культурность». «Северная» сдержанность эмоционально-телесных реакций положительно коррелирует, с одной стороны, с мифо-ритуальными образцами статусного поведения, с другой — с «интеллигентностью» как цивилизационной нормой.

В итоге составился перечень свойств «северян» в оппозиции к другим локальным типам (табл. 1).

Таблица 1

Социокультурные идентификаторы северян-«мурманчан»

Локальные типы	
Северяне	«Южане» (реже — «среднеполосные»)
Признаки	
Жизнь в экстремальных природных условиях, кризисной зоне (ссыльное место, край земли)	Жизнь в благоприятной природной среде, нормативной зоне
Модернизированность, созидание технологически развитой среды	Консервативность (технологическое отставание)
Мобильность (вертикальная и горизонтальная)	Стабильность, укоренённость
Солидарность	Индивидуализм
Равенство	Жесткая социальная иерархия, непотизм
Солидарность	Индивидуализм
Равенство	Жёсткая социальная иерархия, непотизм
Приоритет дружбы	Приоритет родства
Малая семья	Расширенная семья, домохозяйство
Открытое общество (дом)	Закрытое общество (этническая, клановая замкнутость, дом за забором)
Толерантность (социальная, этническая и проч.)	Ксенофобия
Нестяжательство, бескорыстие	Меркантилизм

Окончание таблицы 1

Локальные типы	
Северяне	«Южане» (реже — «среднеполосные»)
Интеллектуализм	Генерализованное мышление
Просвещённость (образованность и широта интересов)	Непросвещённость (следствие коррумпированности сферы образования)
Профессионализм (следствие хорошего образования)	Непрофессионализм (здравоохранения, образования, технологической сферы)
Духовные приоритеты	Материальные, витальные приоритеты
Творчество, инновативность, смешение обычаев	Традиционализм, сохранение обычаев, рутинные практики
Сдержанность (имплицитность эмоций), этикетность	Темпераментность (эксплицитность эмоций), самоуверенность, житейская хватка
Сила и «подлинность» чувств	Поверхностность, «изворотливость»
Труд как ценность	Рекреация как ценность
Возможности самовыражения, личностного роста	Нормативные пределы или ограничения развития личности
Сила личности, бесстрашие	Субпассионарность
Сохранение физической формы, молодость	Нормативное, быстрое старение
Экономические возможности (ретроспективно)	Бедность (ретроспективно)

Представляется идеальное общество, основанное на равенстве и взаимопомощи, которое вполне «традиционное» и вместе с тем «открытое». Северная солидарность может интерпретироваться как признак и высокой социальной культуры («цивилизованного» общества), и «патриархальности» или «провинциальности». Малые размеры городов, невысокий административный статус, окраинное положение дают основание для второй интерпретации.

Жители северных индустриальных городов не лишены провинциальных фобий, но они осмысливают и мотивируют «провинциальность» по-своему. В провинции всегда чего-то не хватает, в первую очередь социальных связей и культурных объектов. Объяснение находится в специфике экстремальной урбанизации. Недостаточность провинциальной жизни — это «недоцивилизованность», которая иногда оправдывается молодостью

городов, а чаще всего — внезапным и «неестественным» прекращением их роста. Города, в которых «всё было», превратились в провинциальные в годы перестройки. К устойчивым же признакам провинциальности относятся тишина, спокойствие, уют, близость к природе, «теплота» социальных связей, всегда оцениваемые положительно[1].

Городской фольклор

В изучении городской словесности совпадают интересы социальной антропологии, этнографии, фольклористики, истории культуры, и этот аспект органично включился в тематику ЦГП. Устные тексты, циркулирующие в городской среде и связанные с разными сторонами жизни горожан, — это один из важнейших показателей сформированной идентичности общности. По существу, исследования по антропологии заполярного города начались с небольшой коллекции городского фольклора, первые записи которого были сделаны в 2001 г. в Апатитах[2].

В случае малых индустриальных городов исследователь имеет дело с локальной культурой новейшего времени и с «неклассическими» формами фольклорно-речевых практик, включая интернет-коммуникацию. В городской устной культуре формируются новые традиции, основываясь на устойчивых жанровых образцах. Легче всего выявляется локальная специфика на содержательном уровне устной прозы с установкой на достоверность — в силу самой природы жанров. Исследование убедило в том, что относительно молодые локальные сообщества, если они интегрированные, имеют и свой исторический фольклор.

Фольклорные тексты записывались в городах Мурманской области — Апатитах, Кировске, Кандалакше, Мончегорске, Снежногорске, Полярных Зорях и других особенно активно в 2001–2006 гг. сотрудниками МЦНКО (ЦГП), студентами филологического отделения КФ ПетрГУ в рамках фольклорных практик и несколькими студентами-социологами, которые выбрали культуру тех или иных социальных групп в качестве темы дипломных проектов. Был предпринят общий обзор и пожанровый анализ имеющихся нарративных текстов, содержательно связанных с историей городов, их топографией и с культурными практиками горожан.

---

[1] Разумова И. А. «Мурманчане» или «северяне»? (Параметры социокультурной идентификации жителей Кольского Севера) // Модель мира коренных малочисленных народов Арктического региона: динамика взаимодействия языка и культуры в условиях глобализации и регионализации: материалы междунар. науч.-практ. семинара 29–31 октября 2012 г. Мурманск: Изд-во МГГУ, 2013. С. 70–79.

[2] Разумова И. А. Про академика Ферсмана, «обманный камень» и «лунный пейзаж»: современный фольклор заполярного города // Живая старина. 2004. № 1. С. 16–19.

Выяснилось, что в городах Мурманской области бытуют все известные разновидности традиционной устной прозы: предания, мемораты, легенды, мифологические рассказы, слухи, анекдоты. Тексты исторического содержания воспроизводятся в ситуациях, когда нужно представить свой город, местность приезжим. В них значительна группа этиологических мотивов, связанных с «происхождением» и строительством городов, их названий, личностями первопроходцев, первостроителей и т. п. У каждого города и микроареала есть свои устойчивые сюжеты, знаковые объекты и личности. С Кировском и его строительством связано много страшных историй фольклорного происхождения, бытуют рассказы о гибели людей в горах из-за снежных лавин и суровых условий жизни. С этим же городом в большей степени связан и смеховой фольклор. В северном городском фольклоре широко бытует специфический жанр, который можно соотнести с традиционной небылицей и отчасти — с анекдотом. Это рассказы о том, как северянин укрепляет жителей других регионов в их вере в аномальные условия жизни на севере, а персонажи «не-северяне» проявляют свойства фольклорных глупцов. Рассказывание таких историй служит самоутверждению жителей Крайнего Севера и демонстрирует не только их территориальную принадлежность, но исключительность.

В большой степени фольклор региона и микроареалов зависит от уровней культурного влияния тех или иных социальных групп и видов деятельности, которая, свою очередь, зависит от наличия природных, технологических, исторических объектов, заметных личностей. Например, в Кировско-Апатитском районе устная традиция связана с Хибинскими горами и, соответственно, с туризмом, спортом, природными объектами. «Хибинский» фольклор включает этиологические предания, мифологические рассказы, песни, ритуальные тексты, приметы и проч. Носителями традиции, в первую очередь, являются сообщества туристов, представителей «экстремальных» профессий и видов спорта, но сфера бытования текстов расширена. На бытовании религиозного фольклора (прежде всего, локальных легенд) сказываются религиозно-конфессиональная ситуация в конкретном городе, наличие прихрамовой среды. Фольклор субкультур, включая молодёжные объединения, студенчество, творческие, научные и другие сообщества, вполне продуктивен в силу развития различных форм профессиональной активности и спонтанной культурной деятельности в городах. Носителями традиции являются люди разных поколений, в том числе молодёжь.

Образ жизни

Согласно одному из исходных положений, адаптация к новому месту жительства, природно-климатическим и социальным условиям Крайнего Севера сопровождается изменением поведенческих и когнитивных

моделей приезжих. Изменения касаются образа жизни, осмысления пространства и времени, бытовых привычек, праздничных и ритуальных традиций и т. д. При этом обращение к опыту аборигенного населения, связанному, в частности, со здоровьесбережением, у мигрантов отсутствовало. Это показало исследование проблемы восприятия традиционной пищи саамов переселенцами разного времени. Оно было выполнено в 2009 г. и основывалось на исторических источниках и результатах многолетних полевых наблюдений Е. Я. Пации[1].

Начиная с 1920-х гг. отношение к ценному пищевому ресурсу — оленине было не просто бесхозяйственным, но недопустимым. Переселенцы были консервативны в пищевых пристрастиях, поскольку происходили в основном из деревень, они даже не употребляли местные ягоды, благодаря которым саамы никогда не страдали цингой. Ценный продукт фактически уничтожался. Пищевая промышленность области оленину игнорировала, и её употребляли только «отдельные группы городского населения, профессионально ориентированные на контакты с коренными жителями региона и природной средой»[2], первыми стали геологи, которые творчески подходили к её приготовлению.

Стоит отметить, что «адаптация мигрантов проходила бы более продуктивно, будь у них возможность приобрести определённые знания о традициях аборигенного населения по вопросам питания в данной географической среде»[3].

Специальное исследование было посвящено влиянию сезонного фактора на образ жизни новых северян в процессе привыкания к месту и обстоятельствам. Действие этого фактора больше всего сказалось на организации свободного времени и рекреации.

По мнению жителей, лучшие времена года на Севере — зима и ранняя осень, а весна — самое плохое время. У горожан в советский период сформировалась сезонная поведенческая модель: было принято лето (отпуск или его часть) проводить на юге. Приемлемой была только такая компенсаторная форма организации годового цикла, которая позволяла переменить место и климат на «противоположные»: тёплые, южные, отдалённые от севера. Социально-экономические преимущества этому способствовали.

Кризис постперестроечного периода выявил различные категории северян по их адаптивности. Подавляющее большинство информантов в 2000-е гг. очень сетовали на то, что потеряли возможность ездить

---

[1] См.: Пация Е. Я. Традиционная саамская пища в восприятии и оценках переселенцев на Кольском полуострове // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история. Апатиты: КНЦ РАН, 2009. С. 99–112.

[2] Там же. С. 109.

[3] Там же. С. 106.

«на тёплые моря» и отправлять туда детей — из-за экономических потерь и по соображениям безопасности. Их рекреационные потребности теперь удовлетворялись только за счёт родных и друзей, живших в других регионах. Семьи, которые имели материальный резерв, начали выезжать для морского отдыха в доступные южные страны, придерживаясь привычной сезонной модели или скорректировав её, так как климат жарких стран позволял это в любое время года.

Наибольшую адаптивность проявили те, кто изменили представление о возможностях территории своего проживания. Убеждённость в том, что если социально-экономические условия жизни в регионе изменились явно в худшую сторону, то северный климат, напротив, меняется к лучшему, можно считать одним из показателей укоренённости. Север постепенно уравнивался с другими территориями и лишался своей исключительности. Заполярное лето, украшенное солнечными ночами, стало вполне приемлемым для того, чтобы проводить его на Кольском полуострове, оставив для выездов самое неприятное время весны и второй половины осени — «вползания в полярную ночь» и «выползания» из неё. По мере обживания территории горожане начали осваивать места, приемлемые для отдыха. Изначально их рекреация была связана по преимуществу с зимними видами спорта, рыбалкой и посещением осеннего леса, богатого грибами и ягодами. Позже они осознали, что есть «своё» море на южном берегу Кольского полуострова — Белое, с красивой природой и возможностью купаться, когда позволяет северное лето. Этому этапу укоренения сопутствовало развёртывание дачного строительства.

Углублённое изучение дачных практик и представлений жителей Мурманской области было вызвано внешним обстоятельством. Сотрудники ЦГП получили приглашение участвовать в международной междисциплинарной конференции, посвящённой теме русской дачи и дачным традициям в циркумбалтийском регионе в XX и XXI вв., которая состоялась осенью 2006 г., и в подготовке коллективного труда. Тема хорошо согласовалась с интересами антропологов Центра. Эмпирическое исследование в основной части было выполнено в 2006 г. М. Л. Нахшиной и И. А. Разумовой. В его задачи входило определить факторы становления данной рекреационно-хозяйственной деятельности в заполярных условиях, её мотивы, мнения жителей о функциях дачи, особенности региональных дачных практик. Основной полевой материал был собран М. Л. Нахшиной методами наблюдения, бесед, фотофиксации в дачных посёлках Кировско-Апатитского района. Его дополнили данные наблюдений дачной жизни в сопредельных регионах и тексты интервью с горожанами, имеющими и не имеющими дач.

Дачная деятельность городского населения Мурманской области — часть общего процесса российской субурбанизации, активизировавшегося в связи кризисными явлениями в экономике. На региональном уровне вместе с тем проявляются особенности развития дачного хозяйства. Оно началось позже, чем на других территориях, по нескольким причинам. Дача воспринимается в большинстве своём мобильными и материально вполне обеспеченными жителями Крайнего Севера «как нечто привязывающее к собственности и земле лишена того престижа, какой она имеет для жителей иных регионов и, в целом, для укоренённого населения. Обзаведение земельным садово-огородным участком и/или строительство дачного дома первоначально представляются “новому северянину” бесполезными и нерентабельными ещё и потому, что здесь, во-первых, слишком холодно для отдыха, во-вторых, “ничего не растёт”»[1]. На момент исследования, по существу, наблюдалось становление дачной культуры в регионе. Одной из причин стало увеличение в его демографическом составе людей пожилого возраста, пенсионеров, которые не всегда имели силы и желание выезжать на дальние расстояния, зато имели время и потребности «быть на природе» и «работать на земле» тем более, что среди них немало было выходцев из сельской местности. Мотивы, по которым принималось решение обзавестись дачей, объединяются в две группы: экономическая необходимость и отдых на природе, — причём вторая мотивация преобладает.

Постепенно на пригородных территориях стали появляться дачные посёлки. К концу 2000-х гг. «прибрежная территория близ города Кандалакша, с которой есть регулярное транспортное сообщение, приобрела репутацию престижной зоны отдыха»[2]. Сезонный график жизни приобретал такой же вид, как у дачников во всех городах страны: с весенними и осенними заботами об урожае и с переориентацией времени отпусков. В мае и в начале осени выделялись дни для дачных работ. Вместе с тем заполярный «дачный период» по протяжённости меньше отпуска. Многие информанты говорили, что проводят на даче выходные дни, отмечают семейные торжества. Таким образом, наличие дачи не мешает ни профессиональной занятости, ни выездам в отпуск в летнее время. Единственным препятствием посещать дачу в течение достаточно длительного времени в году может послужить только необходимость больших снегоуборочных работ, многие говорят, что дачный сезон — «до первого снега». Подавляющее большинство дачников считают, что

[1] См.: Nakhshina M., Razumova I. «Дача — это просто когда дом строится, дом на земле»: дачные практики и представления северян // The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area / Eds by Natalia Baschmakoff and Mari Ristalainen. Helsinki, 2009. P. 420. (Aleksanteri Series. Vol. 3.).

[2] Там же. P. 423.

физический дачный труд должен быть не тяжёлым и ограничиваться пользой для здоровья. Суммируя точки зрения, можно заключить, что дача — не только дом и земельный участок, но также «собственный природный микромир, часть той северной природы, которая когда-то воспринималась как “суровая”, чужая и экзотическая, а теперь стала своей, привычной и эстетизированной»[1].

Если «улучшение климата» воспринималось жителями, не только дачниками, скорее, положительно, то изменение социально-экономической ситуации оценивалось, без исключений, крайне негативно. Один из аргументов был специфичен: на Севере стало «так, как везде», то есть в других регионах (плохо), а всегда было иначе (качественно лучше). Это снижало статус северянина не только в отношении благосостояния, но и как «экстремала», в том числе в его собственных глазах, свидетельствуя о завершении адаптации, в результате которой Север утрачивал свойство уникальности.

Определение родины: территориальная и локальная самоидентификация молодёжи

При изучении процессов адаптации проблема территориальной и локальной идентичности[2] молодёжи была одной из ключевых. Она содержала вопросы о том, как относятся представители молодёжи к месту своего проживания, какую роль оно играет в их самоопределении и насколько потомки недавних мигрантов воспринимают место жительства «своим», «родным» — «родиной». Исследование выполнялось в 2006–2007 гг. О. А. Сулеймановой (научный руководитель И. А. Разумова) в два этапа: выявлялась территориальная, затем локальная идентичность.

Вначале проводилось устное и письменное интервьюирование лиц в возрасте от 17 до 35 лет, проживающих в городах Кировск, Апатиты и посёлке Титан. Вариативность содержания понятия «родина» оказалась

---

[1] См.: Nakhshina M., Razumova I. «Дача — это просто когда дом строится, дом на земле»: дачные практики и представления северян. 2009. P. 437.

[2] Вопрос о содержании и соотношении этих понятий дискутировался социологами. Исполнители приняли определения, согласно которым территориальная идентичность — это осознание принадлежности к местности («родные места», «родина — в-Родине»), в т. ч. по субъективным основаниям «причастности» к ним, тогда как локальная идентичность — это осознание индивидом принадлежности к локальной группе, которая связана с определённым местом по культурно детерминированным основаниям: принадлежности к этносу (этническая территория), роду (родина предков), национально-территориальной общности и проч. См.: Сулейманова О. А. Территориальная и локальная идентичность индивида на фоне родственных связей (на примере жителей Кольского Севера) // Население Кольского в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации. Апатиты: КНЦ РАН, 2008. С. 182–184.

незначительной. Вопрос был задан в открытой форме, и многие респонденты, рассуждая, уточняли основное понятие и разграничивали родину, с одной стороны, как «своё» место в пространстве, с другой — как страну и Отечество, сопоставляли и отчасти противопоставляли их.

У всех без исключения первая ассоциация с родиной — это «своё» место, то есть малая родина. Около трети опрошенных далее начинали рассуждать о родине-России, у остальных такой ассоциации не возникло. Территориальные границы родины варьировали в пределах город, (посёлок) — край («Кольский полуостров», «Север», «Крайний Север», «Мурманская область»). У некоторых выстраивалсь иерархия: город, Кольский полуостров, Россия. Таким образом, родина — понятие многоуровневое, и Россия представляет максимально абстрагированный уровень. Это осознавали сами респонденты. Родина — категория пространственная, и ею может быть только освоенное пространство, а у них не было эмпирического опыта такого освоения, как и его компенсации за счёт знаний. Их не предоставляют ни система общего образования, ни СМИ, это было видно по интервью. Причастность к России как своему пространству осознаётся, когда идёт речь о кризисных или «статусных» для страны ситуациях, а также при обсуждении гипотетической возможности выехать за её пределы.

Эмоциональное отношение к родине связано с непосредственным опытом и стимулируется мемориальными мероприятиями, а ещё более — за счёт культурных ассоциаций, литературно-художественных и исторических. Круг таких ассоциаций у респондентов крайне ограничен, что трудно объяснить иначе, как прагматизацией современного образования, сужением круга чтения, незнанием «классики», которая аккумулирует базовые общенациональные ценности. «Большую» и «малую» родину объединяют ассоциации с привычным, повседневным, психологически комфортным существованием. Родина переживается эмоционально, у неё измерение автобиографическое: это не столько место рождения, сколько этапы социализации (впечатления ощущения, эмоции детства, юности). Часто респонденты приравнивали «родину» к «воспоминаниям». Безусловна связь понятий «родина» и «дом»: освоенный и безопасный мир и ближнее окружение — родственники и друзья (на них молодые респонденты указывали в равной степени), соседи и жители города, края. Социальные характеристики малой родины не просто значительно важнее этнических, но заменяют их. Этническое, национальное (в нашем случае чаще — «русское») возникало только при определении «большой» Родины.

Родина большей части респондентов не совпала ни с «родиной предков», ни с родиной родителей. Совпадения, когда они присутствовали, относились к региону и лишь в единичных случаях — к конкретному

городу. Знание о месте рождения родителей и их самоопределении не мешало ориентироваться на собственную родину. Подавляющее большинство респондентов осознавали себя (и были) вполне адаптированными к краю безотносительно к факту «происхождения». Нередко миграционные установки молодых расходились с установками родителей, более склонных к возвращению на «историческую родину».

Таким образом, происходило переопределение родины в границах нуклеарной семьи. Исследователи обозначили это явление как поколенческий сдвиг локальной идентификации — по аналогии с «языковым сдвигом», который происходит при переходе с материнского языка на язык доминирующей общности, что хорошо изучено этнолингвистами. Наблюдалась ситуация, когда не только «родина предков», но и родина родителей — факт истории, тогда как своя если и относится к прошлому, то к личному, а не семейно-родовому или этническому и, скорее, располагается в настоящем времени. По всей видимости, данное обстоятельство типично для жителей регионов, демографическое развитие которых сходно с Мурманской областью.

Можно лишь предположить, что аналогичное исследование, проведённое в наши дни, то есть почти двадцать лет спустя, дало бы иные результаты. В целом, изучение динамики представлений молодёжи о родине (как «малой», так и «большой») имеет большое значение для «социального заказа» сферам образования, культуры, СМИ с учётом потребностей страны и региона и такого фактора их развития, как социальное самочувствие молодёжи.

В отличие от территориальной идентификации, локальная осуществляется по известным параметрам, базируясь на осознании общности происхождения, традиций, ценностей, верований, межпоколенной преемственности. Семейное знание и память, наряду с усвоенными с детства моделями поведения, формируют не только этническую, социальную, личностную, но и локальную идентичность. Её сдвиг может произойти тогда, когда место жительства не совпадает с местом рождения индивида, его родителей с родиной предков. И возникает вопрос, в какой степени семейная память предоставляет свободу индивидуального выбора?

Целью второго этапа исследования стало определение характера влияния семейной памяти и знаний на локальную идентичность переселенцев и их потомков. На этом этапе объектом были жители тех же населённых пунктов, но уже в возрасте от 20 до 77 лет (всего 30 человек). Определилась значительная вариативность понимания «малой родины», смыслы которой далеко не всегда совпадали с «общепринятыми». Подтвердилось, что родина — это, прежде всего, факт личного прошлого, «место памяти» (П. Нора), и для его описания используются оценочные категории.

Информанты подчёркивали, что «малая родина» не обязательно связана с местом рождения.

К самым частотным значениям в ассоциативном ряду с «малой родиной»: «место становления», «место рождения», «воспоминания», «родные» («родственники»), — добавляются «мать», «друзья», «место самореализации», «место рождения родителей», «детство», «школа», «дом», «стабильность», «защита» и некоторые другие. Смысл, вкладываемый информантами в понятие «большой родины», не варьировал. Все отождествили это понятие со страной, Россией.

Анализ показал, что у некоторых информантов происходило переопределение родины в течение жизни, а также наличествуют две и даже три родины одновременно. На основе специально разработанной методики была построена некая пространственная «система координат» каждого участника исследования. В результате определились типы локальной идентификации (всего 7) в зависимости от того, как понимается «родина». Сами переселенцы оказались разделёнными на два типа в зависимости от самоопределения родины как места становления либо места жительства.

На их локальной идентификации равно сказались ориентация на место рождения и переезд в раннем возрасте, продолжительность проживания на месте прибытия и его восприятие («принятие» или «отторжение»). На первое поколение мигрантов очень влияют родственные связи и переживание пространственного удаления от родных. Дети переселенцев ориентируются, прежде всего, на место своего рождения, но также на родину родителей и предков. Они придают намного меньше значения семейно-родственным связям, поскольку живут вместе или рядом с родителями. Именно для детей мигрантов характерно наличие двух и трёх родин, что свидетельствует о территориальной и социальной адаптивности и о гибкости локальной идентификации. У внуков мигрантов родина совпадает с местом рождения и жительства, которое они считают своим. На этом фоне интересен единственный случай, когда информант признал своей родиной «родину предков».

Важность семейно-генеалогического знания признали все участники исследования, лишь двое (по одному из поколения «детей» и «внуков») затруднились ответить. Однако зависимость локальной идентичности от глубины генеалогического знания не обнаружилась и в единственном случае, когда информант знал семь поколений рода.

В среднем глубина семейно-исторического знания у самих мигрантов и их внуков составила три поколения, у детей переселенцев, на которых пришелся «идентификационный сдвиг», — четыре поколения. Все без исключения информанты знали о месте рождения и родине

родителей, многие — и о родине прародителей, и это не мешало их локальному самоопределению по месту своего собственного рождения[1].

* * *

Исследования подтвердили, что качественное существование людей на заполярной территории во многом определяется культурной репутацией края и города. Культурные идентификаторы Севера транслируются, создают традиции восприятия места, служат основой формирования сообществ «северян», жителей Крайнего Севера и конкретного города. Региональный материал показал, как специфическая социально-экономическая и ценностно ориентированная стратификация российского пространства влияет на ценностные установки и жизненные стратегии.

Результаты свидетельствовали о том, что далеко не все жители, которые экономически относительно благополучны, физически приспособлены к климатическим условиям и являются уроженцами Мурманской области, ощущают «родство» с краем. Вместе с тем даже среди мигрантов в первом поколении большинство приняли Кольский Север как «вторую родину», развитию которой они способствовали, и признали свою неразрывную связь с ним.

Заполярный город: история и память

Полевые исследования

В своих исследованиях социальные антропологи отталкиваются, прежде всего, от текущей (наблюдаемой) ситуации. Поэтому на первом этапе изучения истории городов основной источник составляли беседы с горожанами и устно-исторические материалы. Интерес представляла не только фактология, её в достаточном объёме содержали опубликованные труды историков и краеведов.

Первостепенное внимание предполагалось уделить осмыслению и самому процессу создания истории промышленных городов, которые, по «историческим» меркам, ещё молоды и при этом прошли вместе с ровесниками-старожилами сквозь самые драматические, потом

[1] Разумова И. А. «Родина — это минимум край…»: к проблеме локальной самоидентификации жителей севера // Европейский север в судьбе России. XX век (К 80-летию профессора А. А. Киселева): сб. науч ст. Мурманск: Изд-во МГПУ, 2006. С. 39–45; Разумова И. А., Сулейманова О. А. Культурная память семьи как фактор локальной идентичности жителей Кольского Севера // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI в. Апатиты: КНЦ РАН, 2007. С. 69–79; Сулейманова О. А. Территориальная и локальная идентичность индивида на фоне родственных связей. С. 181–191.

стабильные советские десятилетия, а затем пережили кризисные постсоветские годы. С одной стороны, история оформляется усилиями культуротворческих институтов и групп: профессиональных историков, краеведов, журналистов, архивистов, музейных работников, с другой — она существует в «живой традиции»: воспоминаниях, историях семей, городском фольклоре.

Полевая работа этнографа, антрополога в городской среде имеет свои особенности и связана с рядом проблем, которые неоднократно становились предметом обсуждений на всероссийском и международном уровне. В них участвовали и антропологи КНЦ РАН[1].

Во время полевых выездов исследователей и наблюдений в городах и посёлках происходили не только беседы с жителями, в каждом населённом пункте проводилась фотосъёмка объектов и мест, связанных с производственной спецификой, архитектурными и социально-пространственными особенностями. Разумеется, фиксировались все мемориальные места и объекты. Исследователи старались посетить культурно-массовые и праздничные мероприятия, особенно приуроченные к Дням городов. Наблюдались изменения городской среды. Характерно, что они редко были созидательными и очень часто — разрушительными. Например, в 2006 г. в серии фотографий И. А. Травина были запечатлены разрушения жилых и общественных знаний советской застройки в районе «25-й километр» в Кировске, производственных сооружений в Апатитах, «недостроек» города. В 2011 г. О. В. Змеевой в пос. Коашва зафиксировано пространство брошенных и разрушенных домов, в пос. Титан наблюдались некоторые инфраструктурные улучшения: строительство спортивной площадки, замена асфальтового покрытия, — и при этом окончательное разрушение здания бывшей столовой и т. д.

Уже к 2004 г. в Гуманитарном центре был собран устно-исторический материал в виде записей городского фольклора Апатитов, Кировска, Мончегорска, а также текстов, полученных методами устного и письменного интервьюирования и анкетирования. В той или иной степени

---

[1] Форум: Исследования города // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 9–210; Змеева О. В. «Полевые» ориентиры исследователя в городе: этнический и миграционный аспекты // Поле как жизнь: к 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / отв. ред. и сост. Е. А. Пивнева; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 239–250; Разумова И. А. Заметки об этнографическом поле в его пространственном и личностно-биографическом измерениях // Поле как жизнь: к 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / отв. ред. и сост. Е. А. Пивнева; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 155–166; Фольклорист на чужом поле: форум / С. Е. Никитина и др. // Фольклор: структура, типология, семиотика (РГГУ). 2020. Т. 3, № 2. С. 15–48.

накапливались данные по большинству других городов области. С 2004 г. активные полевые исследования в городах уже не прекращались. На первом этапе они были особенно результативными, потому что собиратели старались охватить сразу много аспектов городской жизни. Особенно это касалось историко-антропологической информации, так как было понимание того, что самые ценные её носители принадлежат к уходящим поколениям первопоселенцев, старожилов.

Этнографическую (антропологическую) работу в городах далеко не все, кто оценивают её со стороны, считают собственно «полевой». В данном случае в Апатитах и Кировске, по месту жительства сотрудников, она была стационарной и более многоплановой, поскольку исследователи находились в положении не сторонних, а включённых наблюдателей, не будучи ограничены временем пребывания и контактов с людьми. Осуществлялись непродолжительные командировочные выезды в Ковдор, Мончегорск, Кандалакшу, Полярные Зори, Оленегорск. Городские полевые исследования в 2006 г. проводились в Апатитах, Кировске, Полярных Зорях, Мончегорске, Оленегорске И. А. Разумовой, О. В. Шабалиной, И. А. Травиным, аспирантками О. В. Змеевой, А. С. Бородиной. Очень информированным человеком была Е. Я. Пация: и по роду профессиональной деятельности — музейной, этнографической, журналистской, — и в силу личной общительности, многообразия контактов, знания социальной среды Апатитов и Кировска. Во многих населённых пунктах, особенно в северной части области, материал собирали студенты — уроженцы и жители Снежногорска, Мурманска, Полярного и других населенных пунктов. Занимались они этим и во время практик, и как волонтёры, приезжая домой на каникулы или выходные. Важно, что многие из них были носителями, а то и «знатоками», истории и культуры своих поселений, достопримечательных мест, знаменательных фактов, известных личностей, того, чем живут и о чём рассказывают жители малого города или посёлка. Они увлечённо фотографировали отнюдь не только «достопримечательности» и красивые городские пейзажи, но самые разнообразные ландшафты и моменты жизни горожан. Студенты-социологи старших курсов проводили при необходимости массовые анкетные опросы на местах и участвовали в обработке данных. Они вызывали доверие у земляков старшего поколения, со многими были знакомы, что помогало беседовать с жителями и проводить интервьюирование. Кроме того, недавние школьники были приобщены к краеведческому знанию благодаря своим учителям.

Для собирания материала разрабатывались вопросники об истории поселений, символической топографии города и городской среде, культурных традициях разных групп населения городов и посёлков.

В результате в секторе исторической и социальной антропологии ЦГП КНЦ РАН накапливался массив данных, который поступал в виде аудиозаписей, рукописей, распечаток, копий документов, выписок из краеведческой литературы, отчётов о результатах опросов, документов личного происхождения (в частности, писем), фотографий, подборок газетных публикаций об истории городов и посёлков, описаний массовых культурных мероприятий и проч. Начали составляться описи, рукописные тексты понемногу переводились в электронный формат. К 2008 г. в собрании насчитывалось 182 единицы хранения по городским поселениям, 76 — по сельским поселениям (при всех условностях подсчёта материалов разного вида), а к 2011 г. было порядка 520 текстов различного объёма.

Материалы, прямо относящиеся к истории городов и посёлков, включали устные (больше в виде транскриптов, а также аудиозаписей) и письменные биографические и тематические интервью с представителями разных возрастных, социальных и профессиональных групп. В них отражены история создания поселения, версии происхождения названия, воспоминания о строительстве производственных объектов, развитии городской пространственной среды, история отдельных организаций, быт горожан в разные исторические периоды и другие аспекты городской жизни. Содержание касалось не только городов, преимущественно центральной и южной части Мурманской области, но и посёлков Умба, Ревда, Аллакурти, Африканда, Титан, Кукисвумчорр, Коашва, Ловозеро. Материалы анкетных опросов были направлены на изучение мнений юных горожан о будущем (Апатиты), исторических образов городов (Мурманск, Апатиты, Кировск, Мончегорск, Кандалакша, Полярные Зори, Оленегорск), представлений о «провинциальном городе» и оценок своих городов в этом отношении, описаний любимых и неприятных мест и т. д. Неплохо представлены в собрании материалы по городскому фольклору: городские предания, легенды, мифологические рассказы, анекдоты, «страшные истории», настенные граффити, результаты «наивного творчества» и т. д. Кроме того, из частных архивов поступали письма, представляющие историческую ценность фотографии (или их копии) разных периодов строительства городов области.

К сожалению, деятельность по обработке, цифровизации, архивации коллекций не стала систематической, так как не было возможности выделить для неё лаборанта при немалых объёмах работы, молодые специалисты быстро включались в выполнение самостоятельных разделов тем. Решение задачи пока откладывается на перспективу. Значительно печальнее то обстоятельство, что часть архива, которая находилась на кафедре филологии КФ ПетрГУ, при переезде в новое здание, в отсутствие преподавателей, оказалась утрачена безвозвратно.

Литературные источники

Помимо работы с полевыми материалами изучались документы архивов, прежде всего, Государственного архива Мурманской области (г. Мурманск) и его филиала в городе Кировске, Кировского историко-краеведческого музея им. С.М. Кирова. Анализировались статистические данные о численности населения городов, посёлков и сёл Мурманской области за период XX — первое десятилетие XXI вв., этнический состав, показатели уровня жизни и другая информация. В большей степени использовались опубликованные источники разного вида. К ним относилась местная пресса: областные, городские, районные газеты разных лет («Полярная правда», «Мурманский вестник», «Хибинский вестник», «Мончегорский рабочий», «Кировский рабочий», «Ковдорчанин», «Заполярная руда» и др.). Рассматривались публикации о важных для города событиях, очерки об истории городов, о культурных объектах, биографии горожан, интервью с ними, результаты опросов, в том числе о социальных проблемах, о будущем каким оно видится жителям и т. д. Большую помощь в поиске не только редких и малотиражных печатных изданий, но и рукописных, изобразительных материалов оказывали сотрудники библиотек, архивов, музеев городов области.

На специфические категории распределялись литературные источники. Основное значение при оценке их информационных возможностей имели жанровая принадлежность и время создания (публикации). В отношении исторической символики и образов заполярных городов, их эмоционального восприятия очень показательны художественно-поэтические тексты — произведения профессиональных и непрофессиональных авторов, опубликованные в региональных издательствах, а также продукты спонтанного творчества (стихи и песни), частично анонимные или неатрибутированные, которые попадали собирателям в рукописном виде или в аудиозаписи. Приоритетными же источниками были: 1) документальные очерки и рассказы о городах, производствах и людях Кольского полуострова, написанные большей частью журналистами в разные годы их пребывания в крае; 2) литературные воспоминания людей разных профессий, работавших на Крайнем Севере; 3) историко-краеведческая литература — как важный информационный ресурс и вид исторического текста.

Особенностям презентации истории северных городов в литературных источниках разной жанрово-видовой принадлежности были посвящены несколько специальных исследований, выполненных в 2005–2006 гг. Были проанализированы поэтические произведения, которые находятся вне сферы исторического источниковедения, но интересны для антрополога. В стихах о родном крае и городе находили образное воплощение определённая идеология Севера и модель времени, в рамках которой она реализуется. Стихи принадлежат самодеятельным

городским поэтам, имеют выраженную просветительскую и воспитательную направленность. В творчестве такого вида, как правило, закреплены официально признанные нормативно-ценностные образцы восприятия места, эмоционального отношения к нему, в том числе на основе исторических событий. Литераторы получают поддержку местных администраций и градообразующих предприятий. Поводом к публикации часто служит юбилейное событие в жизни города. Так, сборники стихов А. Г. Бондарева «Хибиниада» (Кировск, 2004) и Татьяны Соловьевой «Хибинская рапсодия» (Апатиты, 2004) вышли к 75-летнему юбилею ОАО «Апатит», поэма Ирины Ядринцевой «О городе Полярном, о флоте легендарном…» (Североморск, 2003) была посвящена 70-летию Краснознамённого Северного флота и 105-й годовщине со дня основания города Полярного и т. д. Поэтические тексты аккумулируют утвердившиеся на государственном уровне ценности, в том числе версии региональной истории, устойчивые сюжеты и образы, связанные с территорией и историей городов. История края воплощается в метасюжете о добывании из-под земли и создании на земле культурных благ в виде городов и гигантов индустрии через преодоление испытания Севером. Прославляются коллективная творческая деятельность и образ человека-созидателя. В модели времени присутствуют *прошлое*, или эпоха героического преодоления человеком природного и «до-цивилизационного» бытия, и *настоящее*, в котором природа и город находятся в гармоническом единстве, а организующим центром является *Предприятие* («Апатит», «Североникель»).

Саамские мотивы чаще относятся к *доисторическому прошлому* и служат знаками уникальности каждого города. Вместе с тем в произведениях 1990-х гг., прежде всего посвящённых Мончегорску, звучала актуальная тема о губительности деятельности человека для природы и его самого. Экологическая проблема, связанная с комбинатом «Североникель», совмещалась с эсхатологической идеей умирания природы и утраты человеком жизни, здоровья, нравственных ориентиров в качестве «воздаяния» за культурные блага[1].

В региональной историко-краеведческой литературе, большей частью советского времени, немало заслуживающих внимания книг

[1] Разумова И. А., Тарабукина А. В. «Миф о Севере» в стихах поэтов Кольского края // «Во глубине России…»: статьи и материалы о русской провинции: XIX Фетовские чтения (Курск, 7–9 октября 2004 г.) / под ред. Н. З. Коковиной, М. В. Строганова, А. Ф. Белоусова. Курск: Курск. гос. ун-т, 2005. С. 106–122; Еремеева А. А. Образы города Мончегорска в стихах непрофессиональных авторов // Человек в социокультурном пространстве: Европейский Север России. Апатиты: КНЦ РАН, 2005. С. 77–85; Разумова И. А. Время и пространство в поэтической летописи заполярного города (об одном жанре региональной детской литературы) // Восток — Запад: пространство русской литературы и фольклора. Волгоград: Волгоград. науч. изд-во, 2006. С. 239–246.

об истории областного центра и других городов[1], истории строительства градообразующих предприятий, благодаря которым создавались и существуют города[2]. Разнообразные по жанру краеведческие публикации служили важным источником по истории городов, учитывать свойства которого было необходимо.

Для того чтобы выяснить специфику историко-краеведческих текстов в их авторских вариантах, О. В. Шабалина выполнила нарративный анализ книг о Кировске, Кандалакше и Мончегорске, вошедших в серию «Города и районы Мурманской области» Мурманского книжного издательства. Книгу «Мончегорск» (1986) написал видный историк, доктор наук А. А. Киселев; авторами книги «Кандалакша» (1968) были Е. Ф. Разин — редактор городской газеты, один из создателей музея в Кандалакше, и Г. Г. Кузьмин — краевед, занимавшийся просветительской работой; Журналисты В. А. Михеев и В. М. Смирнов — авторы книги «Кировск» (1960). Анализ текста показал влияние профессиональных компетенций авторов на построение повествования и вместе с тем выявил ряд сходных черт. В хронотопе текстов «как нельзя лучше соотносятся время и место репрезентации истории со временем и местом, в котором авторы книг предлагают оказаться своему читателю для полноты иллюзии сюжетного соучастия»[3].

---

[1] Киселев А. А., Тулин М. Книга о Мурманске. Мурманск: Кн. изд-во, 1977. 240 с.; Неруш И. А. Города Кольского Севера: Очерк истории строительства и формирования городов на Кольском полуострове. Мурманск: Кн. изд-во, 1978. 108 с.; Апатиты: старый новый город / автор идеи и сост. В. Э. Берлин. Апатиты, 2006. 79 с.; Жданов В., Орловская Л. Североморск. Мурманск: Кн. изд-во, 1978. 160 с.; Кировск. Страницы истории / авторы-сост. В. Э. Берлин, Т. Е. Королева. СПб.: Моби Дик, 2006. 176 с.; Киселев А. А. Мончегорск // Города и районы Мурманской области. Мурманск: Кн. изд-во, 1986. 139 с.; Лукичев Ю. С. Город в красивой тундре. Мурманск: Север, 1993. 107 с.; Кузьмин Г. Г., Разин Е. Ф. Кандалакша / Города и районы Мурманской области. Мурманск: Кн. изд-во, 1968. 207 с.; Разин Е. Ф. Кандалакша / Города и районы Мурманской области. Мурманск: Кн. изд-во, 1991. 161 с.; Рыжов А. С. Быль о горняцком городе: документальное исследование. Мурманск: Север, 2004. 162 с.

[2] Кольская атомная. Репортаж о строительстве первой очереди АЭС / сост. В. С. Белоусов. Мурманск: Кн. изд-во, 1974. 125 с.; У подножия Хибин (Кировско-Апатитский промышленный район). Мурманск: Кн. изд-во, 1971. 119 с.; Киселев А. А., Краснобаев А. И., Барабанов А. В. Гигант в Хибинах: История ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции производственного объединения «Апатит» им. С.М. Кирова (1929–1979). Мурманск: Кн. изд-во, 1981. 200 с. и др.

[3] См.: Шабалина О. В. Историко-краеведческий текст как форма наррации (некоторые аспекты истории малых городов Кольского полуострова) // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. Апатиты: КНЦ РАН, 2006. С. 56.

Авторы-краеведы, особенно журналисты, выполняя просветительскую миссию, устанавливают диалог с читателем. Во всех рассмотренных нами произведениях присутствует структурно-композиционная и стилистическая стереотипия текстов. Рассказ о предыстории городов, топонимические мотивы обнаруживают фольклорную природу. Эти и другие сходные и варьирующие свойства повествований позволили заключить, что «локальная история, репрезентированная историко-краеведческими нарративами 1960–1980-х гг., распадается на внутренние сюжеты, которые подвергаются авторской селекции»[1] в соответствии и с литературными предпочтениями и, в первую очередь, со стандартами официальной советской историографии своего времени, диктовавшей оптимистичный взгляд на исторический ход вещей.

Особенности краеведческого текста связаны, прежде всего, с направленностью на широкую аудиторию и с главной целью — воспитать «любовь к родному краю», в конечном счёте локальную, гражданскую, национальную идентичность. Ещё раз обратиться к проблеме специфики краеведческих текстов побудила книга видного мурманского историка-краеведа (по его самоопределению) профессора А. А. Киселева[2]. Судя по рекомендациям историка-профессионала молодым авторам, от историка-краеведа «фактически требуются владение технологией создания научного текста и изрядное литературное дарование. В реальности краеведческие сочинения различны и могут расположиться на условной шкале между полюсами строгой научности и художественности», то есть существуют «научно-краеведческие тексты, в которых атрибуты научности присутствуют, но не в полной мере»[3]. Таким образом, предполагаются неполная верификация сведений, неизбежное упрощение, допустимость фольклоризации, риторичность и образность изложения. Это сближает «краеведческий» текст как источник исторической информации с публикациями в массовых СМИ, не снижая его просветительской ценности.

Городской музей

Экспозиции и в целом деятельность городских музеев показательны с точки зрения особенностей локальных и региональных моделей национальной истории и культуры, а также технологий, с помощью которых формируются историческое сознание и самоопределение местных

---

[1] См.: Шабалина О. В. Историко-краеведческий текст как форма наррации (некоторые аспекты истории малых городов Кольского полуострова). 2006. С. 58.

[2] Разумова И. А. Краеведческий текст в социальном поле исторической науки (размышления над книгой А. А. Киселева «Записки краеведа») // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 4. 2013. С. 5–19.

[3] См.: Разумова И. А. Краеведческий текст в социальном поле исторической науки (размышления над книгой А. А. Киселева «Записки краеведа»). 2013. С. 17.

сообществ. Музей во многом отвечает за историю города и за то, какой образ приобретает его прошлое в сознании жителей и приезжих. В той мере, в которой социальная история Мурманской области предстает как процесс советской урбанизации, история городов составляет основу национальной и региональной истории.

В социально-антропологическом отношении важно, какими культурными установками руководствуются работники музеев, которые должны обладать экспертными знаниями об истории региона и конкретного города, и как организована их работа. Для ответа на эти вопросы в 2005 г. было предпринято эмпирическое исследование нескольких региональных музеев, их экспозиций и музейных сообществ, находящихся в городах Апатиты, Мончегорск и Оленегорск.

Музеи имеют свою историю. Например, музей в Оленегорске был создан позже, чем большинство других в области, по инициативе его первого директора А. Н. Пигасовой. Работа музея долгое время была организована только на общественных началах. Позже он получил поддержку и помещение от города (где и размещался на время проведения исследования), а ещё через некоторое время претерпел выселение, пока относительно недавно под патронажем Оленегорского ГОКа не превратился в музейно-выставочный зал «У Оленьей горы».

Крупные промышленные предприятия часто выступают организаторами собственных музеев, поддерживающих их культурный статус. Экспозиции включают необходимую «историческую» часть. Таким музеем является, например, «Техническая выставка», созданная на ПО «Североникель». Профиль музеев соответствует производственному профилю города. В современных условиях музей удовлетворяет, прежде всего, имиджевые потребности градообразующего предприятия, а также культурные интересы городских сообществ, в том числе профессиональных.

Традицию музейного экспонирования истории промышленных городов Кольского Севера на основе концепции истории региона можно считать сформировавшейся. История делится на «предысторию», персонажи которой аборигены края, и «собственно историю». В музее истории Мончегорска очень представительно выглядела экспозиция, которая посвящена первопоселенцу — сааму К. Архипову. В небольшом помещении оленегорского музея для развёрнутой предыстории не было места, и центральное положение занимал стенд «Первостроители». Главная роль в музейной истории городов отведена первооткрывателям месторождений, руководителям государства и региона, принимавшим решения об освоении природных ресурсов и строительстве промышленных гигантов, а также руководителям производства, в Апатитах — видным учёным.

В организации музейных экспозиций городов центральной части Кольского полуострова стержневой является «цивилизационная» идея. В историю включены коллективные биографии основных социальных

и профессиональных групп переселенцев, которые осваивали север — геологов, учёных, организаторов производства, спецпереселенцев.

На определение субъективных факторов в работе музея было направлено проведённое тогда же исследование профессионального сообщества Музея истории города Мончегорска (эмпирический материал собран студенткой 5-го курса социологического отделения КФ ПетрГУ С. Трошиной, научный руководитель И. А. Разумова). Оно показало, как разные категории сотрудников музея понимают и оценивают функции учреждения. Выяснилось, что просвещение и воспитание воспринимаются как вторичные задачи, уступая место функциям документирования, охранительной, научно-исследовательской и информационной. Сотрудники были единодушны в негативной оценке текущих изменений в положении музеев, своего и в стране в целом, как следствия небрежения всей социокультурной сферой со стороны органов власти и управления.

Были сделаны наблюдения, касающиеся взаимоотношений между музеями: а) одного города; б) областным и городским; в) разного административного подчинения. Традиционный историко-краеведческий музей и в оценке его значения «извне», и экономически проигрывает музеям и «выставкам», работающим под эгидой промышленных компаний, — вопреки большей исторической ценности и аутентичности его экспонатов, наличию архивно-документальной базы, размерам фондов. Это противоречие сказалось на отношении к работе и на социальном самочувствии сотрудников. Обозначилась острая проблема профессионализма персонала (на период исследования в музее Мончегорска ни один сотрудник не имел музееведческого образования)[1]. Результаты таких исследований и сейчас, как двумя десятилетиями ранее, могли бы иметь большое прикладное значение при осознании роли музея в социально-культурном развитии городов и регионов.

Устная история

Особенностью истории молодых городов, возраст которых совпадает с возрастом старшего поколения жителей, является размывание так называемой «дрейфующей лакуны»[2] в социальной памяти. Знание

---

[1] Разумова И. А. Семиотические парадоксы музея индустриального города // АБ-60: сб. ст. к 60-летию А. К. Байбурина. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2007. С. 359–374. (Studia Ethnologica. Вып. 4).

[2] Понятие обосновано бельгийским антропологом Яном Вансиной для обозначения разрыва во времени между актуальной для группы исторической информацией, которая живёт в диалоговой коммуникации, и «историей», которая сохраняется в качестве универсального знания, но не является функциональной, пока в ней не возникнет острая необходимость. Условно временной разрыв между «преданием» (информацией об «истоках») и коммуникативной памятью определялся в 80 лет, сдвигаясь вслед за поколениями.

об истории места, как правило, основывается на «предании», музейных коллекциях, исторической литературе, памятниках культуры и т. д., а в рассматриваемом случае оно формируется «здесь и сейчас». Роль «предания» выполняют семейные рассказы об относительно недавнем прошлом, воспоминания о городской жизни — какой она была «раньше», по собственным впечатлениям и рассказам других очевидцев. В индивидуальной памяти немалого числа жителей городов Апатиты, Полярные Зори до сих пор присутствуют картины догородского прошлого: природного ландшафта, мест сбора грибов и ягод — там, где выросли городские кварталы. Процесс строительства и развития новых городов проецируется на персональный жизненный путь и семейную историю. Роль автобиографических рассказов в этом случае первостепенна. В целом же, сложно разделить рассказы на устно-исторические (о городе), семейно-исторические и автобиографические. Истории семей углубляют знания о формировании населения города, общности горожан. Например, история Кировска — это, прежде всего, история семей спецпереселенцев, депортированных на Север в 1920–1930-е гг. Благодаря официальной историографии рубежа XX–XXI вв. она в значительной степени повлияла на региональную историю.

При всём сходстве процессов формирования устно-исторической традиции возрастные различия между городами сказываются. Устная история Кировска-Хибиногорска, который ведёт свой отсчёт с конца 1920-х гг., очень развита в сравнении, например, с городом Полярные Зори, который строился в 1970-е гг. Поскольку информанты принадлежали к разным поколениям, в процессе исследования можно было проследить механизм формирования традиции рассказывания об истории города, формы её трансляции, а также вариативность и динамику исторических знаний и представлений. На неофициальную историю влияют, прежде всего, коммуникативные сети, информационный обмен, опосредованный местными и центральными СМИ. За период, прошедший со времени первых исследований 2003–2005 гг., получил широкое распространение «сетевой фольклор», циркулирующий в Интернете, но не исключающий его устное воспроизведение. В первой половине 2000-х гг. в большей мере ощущалось влияние местной печатной прессы и телевидения на устную городскую культуру, а также того, что мы обозначили как «краеведческий текст».

Фактор времени способствует расширению среды бытования тех или иных историй, их закреплению в речевом общении и превращению в городские мемораты. В соответствии с фольклорной повествовательной традицией происходит селекция сюжетов, они оформляются в легенды с «нестрогой достоверностью», страшные истории или городские анекдоты по мере отдаления от событий и их свидетелей. Фольклоризация местной истории свидетельствует об относительной культурной автономии поселенческих групп.

Этиологические рассказы о рождении и наименовании городов излагались по «классическим» фольклорным образцам, хотя и обнаруживали значительную вариативность. Традиционные повествовательные модели адаптируются к новой культурной ситуации — от простого наполнения более или менее актуальными реалиями до ироничного обыгрывания прототипического текста. Даже «прозрачное» имя города Апатиты получило разнообразные интерпретации. В соответствии с фольклорной традицией у города должен быть «основатель», у Апатитов (чуть реже и Кировска) он явлен в образе акад. А. Е. Ферсмана. В предыстории городов присутствуют «доисторические» персонажи, обычно это представители автохтонного населения, на Кольском полуострове — саамы, в истории Мончегорска это Калина Архипов, аналогичный персонаж есть в устной истории Кировска.

История города воплощается в устойчивых моделях времени, которые указывают на определённые типы мироощущения людей и переживание текущей ситуации. Они основываются на оценках прошлого и будущего и соответствуют линейно-восходящему («оптимистическому»), линейно-нисходящему («эсхатологическому») или циклическому типу. Предпочтения связаны и с социальными характеристиками субъекта, и с конкретным городом. В середине нулевых годов будущее Кировска оценивалось, скорее, эсхатологически, в отличие от Снежногорска или Апатитов, которые в то время верили в будущее. Так, Апатиты, благодаря развивавшемуся филиалу университета, воспринимались как город молодёжи и студентов.

Исторические образы городов и посёлков

Промышленные города Кольского полуострова

В 2006–2008 гг. на основе комплекса устных и опубликованных источников, а также данных наблюдений была выполнена серия исследований исторической и пространственной символики нескольких городов центральной и южной части Кольского полуострова. Исследования осуществлялись поэтапно, частично в рамках проекта «Современные локальные сообщества Кольского Севера на этапе трансформаций Российского общества: социокультурные факторы стабилизации» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН (2006–2008). Результаты легли в основу монографии И. А. Разумовой «Культурные ландшафты Кольского Севера»[1]. Главы книги представляли собой антропологические очерки, посвящённые пяти городам. По существу, в них воссоздавались исторические образы городов, если под историческим образом понимать

[1] Разумова И. А. Культурные ландшафты Кольского Севера: города у «Большой воды» и Хибин. СПб.: Гамас, 2009. 160 с.

некое цельное представление или систему представлений об истории, выраженное совокупностью типизированных репрезентаций. Цель заключалась не только в том, чтобы понять и показать, как формируется исторический образ конкретного города, но и выяснить, как он соотносится с биографическим опытом, социальным самочувствием жителей и с оценкой жизненных перспектив.

Кировск отличается тем, что его история наиболее драматична, мифологизирована и сюжетно разработана. Хибиногорск, в 1934 г. ставший Кировском, старше всех рассмотренных городов, первенец промышленной урбанизации, обязанный происхождением геологоразведке и разработке Хибинских месторождений («покорению недр»), научному обоснованию их государственного значения и строительству горно-обогатительного комбината. Производство и город, которые символизировали советские достижения, создавались руками «изгоев» советского общества, в чём заключалось трагическое противоречие. После распада страны они стали восприниматься одновременно как жертвы истории и герои-первостроители. Исключительно быстрые темпы строительства, роста населения и развития городской инфраструктуры (включая средние специальные учебные заведения, театр и филармонию) дали веское основание для героизации прошлого Кировска.

Место расположения города среди горного ландшафта столько же красиво и величественно, сколько опасно для человека из-за постоянной угрозы схода снежных лавин и холодного, ветреного микроклимата. Создание города в чрезвычайных природных условиях рассматривается как подвиг, прежде всего геологов-«первопроходцев», деяния которых воплощает акад. А. Е. Ферсман. Другой символический персонаж истории города, особенно для старшего поколения, — С. М. Киров. Положительной оценке его личности не помешал идеологический сдвиг 1990-х гг. Характерный для фольклорных преданий устойчивый мотив создания города по слову правителя, присутствующий в устной традиции не только Кировска, но и Апатитов, в разных вариантах ассоциирован либо с Ферсманом, либо с Кировым. В биографическом ракурсе история становления Кировска — это цепь испытаний человека кризисной повседневностью (аналогичны рассказы о военной повседневности). В рассказах старшего поколения героическое и страшное в истории города чаще всего уравновешены. У молодёжи и наименее сведущих горожан знание о том, что Кировск был «лагерем», составляло минимум исторической информированности. Семейная биография «коренного» кировчанина типична: родители (прародители) из спецпереселенцев, они своими руками создавали производство и строили город, дети получили среднее специальное или высшее образование. Социально-статусные отношения между людьми разных правовых категорий в Хибиногорске представляются

сложными[1]. Главный знак времени становления — барак. Барачный период — большой этап в жизни города, поэтому символически было воспринято жителями уничтожение «последнего» барака, многие из них сожалеют о том, что этот объект не удостоился консервации и музеефикации. Событиями в истории города являются визит Кирова, переименование Хибиногорска после его гибели, пуск комбината, начало войны, а также трагические факты гибели людей под лавинами.

По общему убеждению, лучшими в истории Кировска были 1950-е — первая половина 1960-х гг.: время стабильности, благополучия («*пока Кировск находился на ленинградском снабжении*»[2]), притока добровольных переселенцев, окончательного оформления архитектурного облика центра в виде «сталинских» зданий, до сих пор определяющих лицо Кировска. Статус социалистического города означает важность для страны градообразующего предприятия, «гиганта индустрии». В официальной историографии история предприятия представляет путь цивилизационных достижений, но в устной истории есть различные версии. Ретроспективно деятельность комбината осмысливалась в патриотическом и гуманистическом контекстах (он приносит «пользу людям»), а в настоящем времени предприятие — это власть, от которой полностью зависит город, в связи с чем перспективы жителей видятся неопределёнными. Будущее, в лучшем случае, связывалось с горами, то есть с развитием туризма, горнолыжного спорта, но не с производством. Горожане всех возрастов и приезжие высоко оценивают Кировск по эстетическим основаниям, относя к ним красоту «сталинской» застройки, компактность, уютность и, в первую очередь, горный ландшафт, благодаря которому Кировск считают одним из самых экзотических на Севере. И это город контрастов. Посёлок Кукисвумчорр («25-й километр») и местные, и иногородние воспринимают в качестве символа разрушенной социалистической цивилизации.

Мончегорск располагается на территории, которая считается исконно саамской. Саамские наименования окрестных природных объектов не составляют уникальной особенности города, но по обилию и разнообразию отличают его. В музейном, научно-историческом, поэтическом вариантах истории в роли первонасельника выступает

---

[1] В дальнейшем история, культурная идентификация, социальные взаимодействия спецпереселенцев стали предметом специального исследования при разработке вопросов истории формирования населения Кольского полуострова в XX в. См.: Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами. Взгляд историков и антропологов. М.: Наука, 2022. С. 240–325.

[2] Изменение уровня и качества снабжения служит одной из вех в истории городов, большей частью в рассказах женщин. Этот показатель свидетельствует о значении города для государства.

саам К. И. Архипов. История Мончегорска, изложенная в историко-краеведческих трудах, изучается в школах и популяризируется в городе и регионе, поэтому в устных интервью жители нередко почти дословно пересказывали фрагменты из книг А. А. Киселева и Ю. С. Лукичева, цитировали высказывания А. Е. Ферсмана. В такой ситуации устная история, если она не включена в автобиографию старожила, представляет перечень общих мест и знаковых персонажей (ими являются руководители В. И. Кондриков, М. М. Царевский, учёные, геологи).

Комбинат «Североникель» в художественно-публицистических текстах предстаёт таким же апофеозом цивилизации, как ОАО «Апатит». По мере развития производства и города в публицистических и поэтических произведениях о Мончегорске в 1970–1990-е гг. усилилась тема губительного действия техногенной среды. В самой области и за её пределами город приобрёл репутацию «страшного места» («Мончегробск»), но в середине 2000-х горожане всё чаще говорили об улучшении ситуации, эффективных очистных сооружениях комбината, восстановлении ландшафта. Опрос, проведённый 2007 г., показал, что не только мончегорцы, но многие в области считали Мончегорск самым красивым городом на Кольском полуострове. Оценка обосновывалась тем, что его проектировали в Ленинграде, который для жителей Северо-Западного региона, является эталонным городом. Периоды истории, социальные факты отражены в Мончегорске, прежде всего в архитектуре. У многих зданий своя биография и имя (домик Кондрикова, домик Кохара и др.). История тесно связана с памятниками и городской скульптурой: скульптурой Лося, памятником Покорителям Монче-тундры. В истории города первостепенное место занимает организация и оформление его пространства, внешнего облика[1], что не умаляет значения прочих исторических сюжетов, будь то история геологических открытий, производства или история повседневности разного времени. Можно было заключить, что Мончегорск-город успешно противостоит Мончегорску-производству.

Кандалакша значительно отличается от остальных индустриальных городов. История поселения возводится к «первобытным стоянкам» и даже не имеет точки отсчёта. Предположения о времени его появления варьируют в диапазоне от XI до XVI вв. Название поселения породило различные толкования — научно-лингвистические и фольклорные. При сопоставлении интерпретаций выявились исторические представления о территории, её жителях. В устной традиции сохраняется и вновь был зафиксирован фольклорный мотив основания селения двумя братьями,

[1] Еремеева А. А. Формирование городской среды и пространственного образа Мончегорска // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. Апатиты: КНЦ РАН, 2006. С. 87–95.

в краеведческой литературе о Кандалакше отмечаются и другие мотивы преданий.

Кандалакша — одно из немногих мест на Кольском Севере, связанных с традиционной русской народной культурой в её поморском варианте, выделяемом по основным занятиям населения, связанным с морем. Устойчиво представление об особом поморском характере, основа которого — чувство собственного достоинства. Потомки старинных поморских фамилий не утратили культурных традиций в семьях. Поморский уклад, связанный с рыболовческой культурой, по воспоминаниям старожилов, сохранялся в семьях ещё в послевоенные 1940–1950-е гг. Символы поморского быта и истории города — археологические древности: лабиринт рядом с первобытной стоянкой близ Кандалакши, остатки монастыря.

В период индустриализации село сначала превратилось в рабочий посёлок, затем получило статус города, войдя в 1938 г. в состав Мурманской области. Возводились промышленные объекты, росло население, однако Кандалакша не была городом ни по инфраструктуре, ни по застройке, ни по составу жителей. Важный период истории — военный[1], в городе несколько памятников, связанных с Великой Отечественной войной.

Исторический образ Кандалакши не представляется цельным, он разнопланов и распадается на отдельные сюжеты. Кандалакша — малый, но не монопрофильный город. Перевоплощение Кандалакши в город относится к 1950–1960-м гг., когда основные градообразующие объекты уже имели свою историю. Дорога — это один из главных символов Кандалакши. Традиционным, благодаря расположению поселения, занятием жителей был извоз, в начале XX в. Кандалакшу называли «воротами Лопской земли», во второй половине XX в. стали называть «воротами Мурманской области». Город ассоциируется с Мурманской железной дорогой, которая отвечала за колонизацию полуострова. Окончательно эта репутация закрепилась после того, как морская пристань переросла в порт. Он расширялся вплоть до 1990-х гг., стал «портом пяти морей» и Северного морского пути, заслужил славу «южных морских ворот Кольского полуострова». Расширение порта коренными жителями оценивалось неоднозначно, поскольку оно привело к ликвидации рыбацкого села на побережье. В период индустриализации Кандалакша прославилась как «Заполярный Днепрострой», что приравняло её к знаменитым стройкам первых пятилеток и увеличило город почти вдвое.

Основное производство — Кандалакшский алюминиевый завод (КАЗ), самое крупное из предприятий данного профиля в Северо-Западном

[1] Елисеев Г. В. Прифронтовая Кандалакша: Воспоминания секретаря горкома партии. Мурманск: Кн. изд-во, 1985. 103 с.

регионе. Он внёс большую лепту в развитие городской инфраструктуры. Металлург — одна из значимых профессий. На момент исследования будущее Кандалакши определённо не вырисовывалось. Не успев окончательно сформироваться как многопрофильный индустриальный город, она замерла. Фактически перестали работать предприятия, за исключением железной дороги и КАЗа, порт, как говорили жители, «дышит на ладан».

Во внешнем облике Кандалакши соединены черты «сельскости» и урбанизированности. Её украшение — живописный вид на долину Нивы, горы и море. Город делится на несколько частей, которые заселялись работниками производств, жители называют их не районами, а посёлками. Выше всего оценивается ими новая часть города — Нива-3, а старинная, расположенная вдоль залива, включает остатки рыбацкого села. Она имеет невысокую репутацию, несмотря на историческую ценность. По наблюдениям, Кандалакша чаще других городов области подвергается критике и самими жителями, и иногородними. Круг культурных объектов, определяющих её лицо, типичен для провинциального, города: торговый центр, вокзал, учреждение культуры и т. д. С точки зрения жителей, которая подтверждается также и литературными описаниями, главная достопримечательность — природный ландшафт, главный символ — Белое море. Почти всё, что пишут и говорят о Кандалакше, соответствует образу «классической» провинции с её амбивалентностью: ограничивая доступ к «высокой» культуре и «благам цивилизации» (основной мотив миграции молодёжи), она даёт человеку больше возможностей для здорового образа жизни, покоя, общения с природой, духовного развития. Согласно устным источникам и прессе, в культуре современной Кандалакши лучше всего развита спортивная и религиозная жизнь. Проигрывая в плане «цивилизованности», она выигрывает в природно-ландшафтном отношении и в том, что у неё есть глубокая культурная память и «корни».

Апатиты нередко воспринимаются как «продолжение» Кировска, так как их бурное развитие было обусловлено развитием производства, территориально и административно связанного с Кировском. Однако город быстро приобрёл самостоятельное значение, стал по численности вторым в области, а по значению в научной сфере — первым. У Кировска есть преимущества по части яркой истории и внешнего облика, но Апатиты имеют и свою траекторию. У города есть другие прямые предшественники — поселения, которые стали окраинами (посёлок железнодорожников), пригородами (Тик-Губа) или перестали существовать. Посёлки Молодёжный и Белореченский прилегали к городу со стороны Кировска, и, по распространённой интерпретации, Апатиты постепенно «отступали», повинуясь необходимости и отодвигаясь от производственных загрязнений. История совхоза «Индустрия» тоже включена в историю города по близости размещения и особой причастности к нему. Во всех источниках история Апатитов представлена процессом непрерывного

строительства и развития, что создаёт образ очень динамичного города. Профессия строителя, наряду с профессией геолога, является символической для Апатитов, а значение треста «Апатитстрой» сопоставимо с такими крупными градообразователями, как объединение «Апатит» или Кольский научный центр РАН. С «Апатитстроем», который свернул свою деятельность в 1990-х, связаны периоды процветания и упадка города. Прекращение строительства стало главным показателем социального неблагополучия. Современное лицо города в 2000-х гг. определяли «недострои» и разрушающиеся здания, перспективы виделись в его «достраивании».

В отличие от Кировска с драматическим «барачным прошлым», за Апатитами закрепилось обозначение «города будущего». «Старыми» здесь рано стали считаться дома не только «сталинской», но и «хрущёвской» и несколько более поздней застройки. На общественные здания «сталинской» архитектуры указывают в качестве достопримечательных, и на первом месте здание Президиума Кольского научного центра РАН.

Город делится на районы, у которых свой социальный портрет. Узловые точки пространства сориентированы на предприятия торговли и в некоторой степени — общепита, что сказывается, в частности, на названиях остановок городского транспорта. Ввод в строй новых торговых точек, их численность, состояние — одна из самых устойчивых характеристик городской среды[1]. В рассказах об истории города информанты отводили много места перечню и описанию спортивных сооружений, воспоминаниям о спортивных занятиях и достижениях горожан. По всем источникам, спортивная культура в Апатитах была развита высоко, в чём признавалась заслуга, прежде всего, «Апатитстроя». Не менее высоко оценивались культурные достижения, особенно преподавателей и выпускников художественной и музыкальной школ. По мнению части горожан, после деструктивных изменений, произошедших с культурными институтами в пореформенный период, остались и развиваются только те учреждения, которые связаны с минералогией. Остальные не вписываются в современные экономические отношения.

Основное событие городского календаря — выставка-ярмарка минералов и самоцветов «Каменный цветок». Ключевые «минералогические» символы — эвдиалит, апатит и аметист. Всё большее значение в городском культурном пространстве приобретали культовые места и объекты, прежде всего церкви. Строительство и освящение в 2008 г. на тот момент «новой» церкви воспринимались как событие в духовной жизни города и горожан.

---

[1] Зеркальная ситуация наблюдается со второй половины 2010-х гг., когда пошёл обратный отсчёт и к названию закрывающихся промтоварных и отчасти продуктовых магазинов, точек бытового обслуживания, служивших пространственными ориентирами, стало добавляться слово «бывший».

Неизменным оставался авторитет одного из главных градообразователей Апатитов — Кольского научного центра РАН. В устной истории основание научного центра — главное событие. Выдающиеся люди города — прежде всего, учёные, именами которых названы многие улицы. В образе Апатитов «интеллектуальность» — отличительная черта сообщества, связанная с функцией города. Он мыслится как более «свободный», чем Кировск, зависимый от предприятия. Наличие академического центра лишает Апатиты основного качества периферийного российского города — провинциальности. Благодаря КНЦ РАН город, как минимум, в интеллектуальном отношении автономен, воплощая привычный для российского социального пространства образ «культурной столицы» на уровне региона. В период проведения исследования в Апатитах активно развивался филиал Петрозаводского государственного университета и у города была репутация молодёжного и студенческого (в настоящем она сходит на нет).

Место, на котором расположены Апатиты, невысоко оценивается с точки зрения пригодности для физического существования человека, и виной тому уже не природный, а техногенный фактор («хвосты» и запылённость). Лучшим периодом развития города признаётся тот, когда культурный ландшафт уже был сформирован, а природный ещё не разрушен (устные рассказы старожилов о речке Жемчужной). В отличие от «экстремального» кировского текста, здесь сказываются установки на «построенный рай» и потребность в покое, созерцательности. Окрестности «присвоены» городской культурой, например, Экостровский мост, посещение которого стало неотъемлемой частью свадебного обряда. В самом городе лучшим местом, где природное и культурное соединяются, почти все информанты отнесли Академгородок. На примере Апатитов можно наблюдать, как современный город, возникший «на пустыре», гармонизировал свои отношения с природным окружением и создавал своё особое культурное пространство.

Полярные Зори — один из самых молодых городов Кольского полуострова, статус он получил в 1991 г. Его символика связана с атомной энергетикой. История строительства и деятельности КАЭС хорошо освещена в газетной периодике, очерковой литературе, специальном исследовании А. А. Киселева[1]. Ветераны строительства являются историческими личностями Полярных Зорь. Рассказ о первом строителе Н. Т. Иванове, когда-то написанный корреспондентом областной газеты, стал хрестоматийным в местной истории. Установлена мемориальная доска на доме, где он жил. На интерпретации истории города сказались

[1] Киселев А. А. Кольской атомной — 30: Страницы истории. Мурманск: Рекламная полиграфия, 2003. 309 с.

время его рождения и характер высокотехнологичного градообразующего предприятия. В 1970-е гг. победы над природой уже не вызывали общественной эйфории, возведение индустриальных объектов нуждалось в оправдании — идее единения производства и природы.

История Кольской АЭС — документальная, устная и художественно-поэтическая — опирается на события жизненного цикла предприятия: пуск реактора, ввод в строй новой очереди электростанции, юбилеи, к которым приурочены общегородские празднества, установка памятников, наименования улиц, выпуск сборников стихов и т. п. Отправное событие — пуск первого блока АЭС в конце 1972 г. (фактически же в 1973 г.) — знаменательная дата в истории КАЭС и самого города, который после этого получил своё имя — Полярные Зори.

История Полярных Зорь воспринимается как изначально городская. Образ Полярных Зорь как города красивого и современного формировался поколением, представители которого переселялись из временного и барачного жилья в новые дома. События городской истории связаны с появлением новых объектов, культурных учреждений и спортивных сооружений. Развитие Полярных Зорь представляется его старожилам не только быстрым, но и равномерным и отвечающим потребностям жителей. Как и в Апатитах, свидетельством кризисных перемен стало прекращение строительства. Реконструкция вокзала — последняя стройка, на которой чуть не оборвалась прямая линия развития города, поэтому знаменательными событиями стало возобновление этого процесса, а также строительство ледового стадиона и церкви.

До конца 1980-х гг. прослеживается устойчивая восходящая траектория развития Кольской атомной станции, после чего началась драматическая часть истории. Чернобыльская авария стала испытанием для кольских энергетиков, участвовавших в ликвидации её последствий. Исключительным стал 1993 г., ознаменованный двумя беспрецедентными кризисными событиями: страшным ураганом и попыткой остановить реактор из-за долга РАО ЕЭС России энергетикам. Все этапы истории сопровождались спорами о том, опасна ли деятельность АЭС для природы и человека. Настоящее и перспективы атомной станции и города оценивались как проблематичные, поскольку решение о строительстве новой станции было отложено, тогда как продление эксплуатации имеющихся мощностей, выработавших свой срок, опасно, но жизненно необходимо для региона.

Несмотря на молодой возраст, Полярные Зори отличаются высоким уровнем мемориальной культуры. Здесь почти нет устной традиции, но можно было наблюдать, как городское сообщество, осознающее свой высокий «интеллектуальный» статус, активно документирует и запечатлевает в памятных знаках свою недолгую историю. Об этом можно было судить:

по объектам городской среды, среди которых памятники и много мемориальных досок; по количеству, содержанию и уровню информационно-справочных материалов, издававшихся городской библиотекой[1].

Заметные различия исторических образов промышленных городов и особенности того, как пишется их история, обусловлены социально-культурными потребностями сообществ. Кировск утверждает себя как город «исторический», с глубоко драматической судьбой, и «экстремальный» по условиям, в которых человек может испытать себя. История Мончегорска делает человека заложником противостояния природы и «цивилизации» и обосновывает репутацию города как самого красивого на полуострове. Апатиты утверждаются как город науки и пытаются сбалансировать противоречия между природой и культурой. Полярные Зори активно увековечивают своё прошлое, укрепляясь в самооценке «флагмана прогресса». Кандалакша — город-посредник: она не только издавна служит транспортными «воротами», соединяющими Кольское Заполярье с «материком», но и является проводником традиционной культуры в почти полностью урбанизированном регионе.

Исследования городской истории и культуры были продолжены через несколько лет (2012–2013) с использованием такой же комплексной методики и видов источников, исполнитель — О. В. Змеева. На новом этапе работы объект изучения был расширен. Помимо ещё одного промышленного города — Оленегорска, в него были включены урбанизированные поселения другого типа, что позволило обратиться к проблеме статуса населённых пунктов.

Оленегорск, расположенный в центре Кольского полуострова (и этим примечательный), своим образованием обязан наличию природных богатств. Один из сюжетов его истории связан с датировкой «рождения». Прежде чем стать городом, Оленегорск сменил несколько статусов и имя. Официальный статус города был присвоен в 1957 г., но историографы, как и жители, считают датой рождения Оленегорска 7 августа 1949 г. В тот день начались работы по добыче железной руды и был заложен фундамент первого кирпичного двенадцатиквартирного дома. Последнее воспринималось как гарантия строительства будущего города и стало главным событием станции Оленья, упоминаемой в источниках с 1915 г. Закладка здания сопровождалась ритуальными действиями: в фундамент была заложена ёмкость с запиской о закладке «города Оленегорска».

[1] Полярнозоринский хронограф: история города и района в датах: [комплект из … брошюр] / Полярнозор. центр. город. б-ка / сост. Е. В. Филипчук; ред. О. И. Сметанина. Полярные Зори, 2006; «Памятник» от «памяти»…: информ.-библиогр. дайджест / ЦБС г. Полярные Зори; сост. Е. В. Филипчук; ред. О. И. Сметанина. Полярные Зори, 2006 и др.

Несколькими месяцами позже населённый пункт был преобразован в рабочий посёлок, а через восемь лет стал городом. В сознании жителей чётко присутствуют два статуса поселения в виде вектора *станция — город*. Их наименования не совпадали до 1980-х гг., топонимическая и статусная путаница сопровождала историю города несколько десятилетий. Историческим событием было рождение 7 ноября 1949 г. первого ребёнка, девочки, которая стала человеком-символом города, и с тех пор в его юбилейные годы публикуются статьи, посвящённые первой родившейся *оленегорочке*.

Архитектурный облик Оленегорска оформился в советский период, включая его «новую часть». Строительство производилось без планирования, центр проектировался в 1970-е. В результате город оказался рискованно расположен прямо над крупным месторождением, а вокзал и автовокзал — в отдалении от городской застройки, за железнодорожными путями. Чтобы добраться до вокзала, надо выехать за пределы города и вернуться через два кольца по автомобильной трассе. Все автомобилисты, едущие по федеральной автодороге Мурманск — Санкт-Петербург, воспринимают оленегорские «кольца» как испытание на пути. Испытанием для самого Оленегорска стали 1990-е, и не только потому что, как и многие «гиганты индустрии», Оленегорский ГОК сократил объёмы производства, что грозило опустошением города. В те же годы карьер, вследствие открытой добычи руды, угрожающе приблизился к жилым кварталам, возникла опасность обрушения. С началом 2000-х гг. проблема решилась путём изменения способа добычи, но настроения горожан не улучшились, и Оленегорск время от времени охватывают волны паники из-за неведения о перспективах разработки месторождений.

В оформлении городской среды выделяется компактный, «уютный» и эстетичный железнодорожный вокзал. Он служит предметом гордости оленегорцев и аргументом в их пользу в соперничестве с соседним Мончегорском, у которого нет не только вокзала, но и железной дороги. Другой достопримечательностью являются оленегорские незамерзающие фонтаны. Выдающийся для арктического и малого города объект появился в 1981 г., не имел аналогов, как минимум в области, по техническим особенностям и оригинальности исполнения.

В «нулевые годы» Оленегорск начал приобретать этнографические черты. Его образ скорректировали «саамские» элементы. К ним относится городская скульптура «Лопарка», которая символизирует женщину-саами и оленей, ассоциируемых с саамской культурой. В качестве этнического символа стали истолковываться, главным образом приезжими, скульптуры оленей, ранее служившие исключительно анималистическим знаком топонима и указанием на расположение станции и города около горы Оленьей. Жители не очень признали новую интерпретацию своей «визитной

карточки», хотя причины её ясны. «Саамская столица» село Ловозеро находится недалеко, дороги на него и на Оленегорск расходятся от одной развилки, и в этом отношении город был «обречён» на межкультурный диалог и принятие эмблематики коренного народа, особенно когда аборигенная культура стала коммерческим проектом. Ежегодный фестиваль саамской песни проводился в ближайшем к Ловозеру городе с 1996 г, при этом горожане не склонны относиться к Оленегорску как месту сосредоточения элементов саамской культуры, продолжая воспринимать его как промышленный (рабочий) северный город[1].

Рабочие посёлки

В целом, обзор источников показывал недостаточную изученность урбанистической культуры Мурманской области. Среди населённых пунктов были и есть привлекающие внимание исследователей (Кировск, Мурманск, Североморск, Ловозеро) и остающиеся за его пределами. Между тем в 2010-е гг. усилился интерес разработчиков международных и индивидуальных проектов (в частности, в Санкт-Петербурге, Норвегии) к городам Кольского полуострова. Многие посёлки, инфраструктура которых за советский период стала развитой на уровне городской или приближена к ней, являются «населёнными пунктами» с неопределённым статусом. Долгое время их не изучали даже социологи города и села в силу «промежуточности» положения в принятой типологии поселений. Данный пробел при разработке темы по истории и культуре городов был немного восполнен: изучалась история посёлков Титан и Коашва. В ходе архивных разысканий уточнялся поселенческий статус, были выявлены основные сферы деятельности жителей населённых пунктов в разные годы, сроки функционирования различных объектов городского хозяйства. Основной же интерес был направлен на жителей посёлков.

Посёлок Титан находится в Кировско-Апатитском районе, в пяти километрах от Кировска. В документах первое упоминание о нём как наименовании разъезда на 14-м километре железнодорожной ветки Апатитовых разработок относится к 1931 г. Согласно переписи 2002 г., численность населения, составляла 1635 человек. Материалы о поселении, устные и документальные, собирались в 2005 г., когда при поддержке РФФИ в Центре гуманитарных проблем КНЦ РАН выполнялся проект «Северный индустриальный город в эпоху трансформаций российского общества: социально-антропологические аспекты».

[1] Змеева О. В. Оленегорск в истории и памяти жителей // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2012. № 3 (13). С. 5–18; Змеева О. В. «Места памяти» г. Оленегорска // Российская наука и освоение Евро-Арктического Севера: история, перспективы: сб. материалов всерос. науч. конф. молодых учёных / отв. ред. Д. П. Беляев. Мурманск: МГГУ, 2012. С. 16–20.

Интервью с представителями старшего поколения (год рождения — 1934–1938) были нацелены на воспоминания о прошлом посёлка, на выявление знаний о его истории и воссоздании «автопортрета» Титана как поселения особого типа. Почти все информанты до переезда на север были сельскими жителями.

Осталось загадкой название поселения, хотя недостатка в версиях, включая документальные, не было. То, что название дано по месторождению сфена (титановой руды), опровергается отсутствием такого месторождения, да и вариант, что имя предложил А. Е. Ферсман, настраивая геологов на перспективу поиска, выглядит сугубо фольклорным. Ко вторичным, фольклоризованным, относится и интерпретация «титана» как котла для нагрева воды, который был установлен близ железной дороги. Название могло «маскировать» наличие спецпосёлка и зоны заключения. Наконец, оно вполне согласуется с особенностями языка периода интенсивной индустриализации, с мифологичностью и эпичностью образов, отразившихся в официальных и перифрастических наименованиях производственных «гигантов» и других объектов.

Мнения старожилов о возникновении посёлка оказались разнообразными вследствие того, что поселение изначально не было монопрофильным. В Титане действовало несколько организаций, которые занимались и самообеспечением, и обслуживанием строящегося города, существовала Мехколонна, которая использовалась автомобильной и железной дорогами. Жители Титана строили транспортные пути и выполняли сельскохозяйственные работы. Спецпереселенцы работали на руднике, заключённые — на строительстве. О присутствии заключённых знали все информанты, но время их появления они отнесли к 1950-м гг., что расходится с документальными данными. В памяти части старожилов соединились разные категории «спецконтингента» — заключённые и спецпоселенцы. Несколько человек отметили, что в районе Хибиногорска-Кировска, или даже во всей области, спецпереселенцы были «везде».

Структура деятельности и неоднородность социального состава жителей, среди которых были несвободные и несвободные, рабочие и работники сельского хозяйства, дорожники и военнослужащие, влияли на расселение и районирование Титана в зависимости от мест работы. Титан официально не считался рабочим посёлком. Поселение на начальном этапе его истории не воспринимается как цельное и территориально автономное по отношению к строившемуся городу. Это продолжение Кировска, более того, по убеждению жителей, новый город должен был располагаться именно на месте современного Титана, так как с расширением комбината именно здесь стали строить каменные дома для его работников. А город Апатиты, по их мнению, не вполне город, потому что был построен из-за «нехватки места» для Кировска.

С развитием современной каменной застройки, да и всей инфраструктуры, жизнь в Титане становилась «лучше, чем в городе». Разделение на районы прекратилось. Самыми благоприятными признаны 1950-е гг., поскольку с появлением хорошей дороги решилась транспортная проблема. Судя по публикациям, Титан всё чаще называли посёлком городского типа. У переселенцев 1970–1980-х гг. из разных частей Советского Союза трудностей с адаптацией почти не было. Находясь не в городе, но в городских условиях, они осваивали комплексный образ жизни, объединяющий черты городского и сельского. В устно-историческом времени в качестве критического рубежа совместились два противоположных по значению важных события: в 1985 г. ввод строй Третьей апатитонефелиновой обогатительной фабрики (АНОФ-3), с которой связывались перспективы Титана, и в 1991 г. распад СССР, приведший к социальной и инфраструктурной деструкции.

Административный статус Титана — один из самых неопределённых. В официальных реестрах он фигурирует как населённый пункт. Исследование показало, что и в «маргинальных» по типу населённых пунктах формировались вполне устойчивые локальные сообщества со своей историей, позицией по отношению к соседям, идентичностью, основанной на ощущении своей сопричастности к жизни посёлка[1].

Коашва — «населённый пункт» более позднего происхождения, построенный в начале 1980-х гг. на месте временной базы геологов в районе разработок Коашвинского месторождения. История Коашвы служит показательной иллюстрацией того, как полная зависимость от производственно-ресурсного фактора, с одной стороны, делает людей заложниками, не позволяя им укореняться на месте, которое они готовы обустроить, с другой — мобилизует социальные ресурсы для защиты стабильного существования человека. Посёлок близ активно разрабатываемых месторождений Олений ручей и Ньоркпахк был необходим, но даже после того, как началось его строительство по генеральному плану и в 1982 г. был сдан в эксплуатацию первый многоэтажный дом, вопрос о статусе посёлка как вахтового или стационарного обсуждался очень остро. Одно и то же обстоятельство — отдалённость и от места работы, и от города, которая создавала большие транспортные и физические проблемы, служило аргументом «за» и «против» полноценного поселения[2].

---

[1] Змеева О. В. Вперед ... к посёлку городского типа! // Северяне: проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. Апатиты: КНЦ РАН, 2006. С. 82–86; Змеева О. В. «Наш мир — это Титан» (из истории одного локального сообщества) // Texts and communities: Soviet and Post-Soviet Life in Discourse and Practice / Edited by N. Baschmakoff, P. Fryer, M. Ristolainen. Helsinki: Aleksanteri Papers, 2007. P. 159–167.

[2] Змеева О. В. «Остров в “море” тайги»: посёлок Коашва и его жители // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2013. № 4 (19). С. 51–52.

Предполагалось, что населённый пункт, находящийся в десятках километров от административного центра (Кировска), должен быть самостоятельным в отношении инфраструктуры и трудовой занятости жителей, однако достичь этого оказалось сложно. Объективную оценку принятого в начале 1980-х решения дать вряд возможно, но важны оценки и опыт тех, кто пережил вместе с посёлком его драматическую историю, которая ещё продолжается. Изучение общей ситуации и жизненных историй коашвинцев относится к 2010–2013 гг., когда после перерыва возобновлялась активная разработка месторождения Олений Ручей, а посёлок,вроде бы получал вторую жизнь. Проводились интервью с жителями Коашвы, которые оставались в ней или переселились в города области, а затем с жителями Кировска и Апатитов, высказавших своё отношение к посёлку и коашвинцам с их непростой судьбой.

Период благополучия Коашвы совпал со временем его основания и был коротким. Именно в 1980-е гг. наблюдался наибольший приток населения в Мурманскую область, которая заслужила высокую репутацию в стране в отношении общей «цивилизованности», обеспеченности людей работой, материальными и социальными благами. Жители Коашвы, среди которых было немало молодёжи, молодых семей, соглашались с «временными неудобствами», с размещением школьных классов, магазинов, библиотеки и других организаций в жилых помещениях, пока шло строительство. Острая проблема трудоустройства женщин отчасти решилась с созданием швейной фабрики (советско-норвежский проект 1989–1990 гг.).

Все, кто прибывал в Коашву, отмечали особую дружественность отношений: посёлок жил «как одна семья», препятствия преодолевались сообща. Так, в отсутствие детского сада и школы семьи объединились и создали общественный детский сад, в котором женщины поочерёдно выполняли обязанности воспитателя. Факты свидетельствовали о высокой степени доверия между жителями и о формировании в нём локальной общественной сети поддержки. При этом быстрый рост населения не нарушил системы доверительных связей, взаимопомощи, распределения общественных обязанностей, благодаря которой решались проблемы транспорта, снабжения и др. Жители умело использовали преимущества расположения своего посёлка при взаимодействии с представителями медицинских, административных и иных структур, находящихся в городе Кировске.

О формировании поселенческой общности говорит и наличие устной истории. Что касается «древностей», то «всё легендарное и саамское окружает Коашву»[1], этимология окрестных наименований и саамское кладбище позволяют предполагать наличие аборигенных

[1] Змеева О. В. «Остров в “море” тайги»: посёлок Коашва и его жители. 2013. С. 53.

временных и постоянных поселений. Историческое время спрессовано: едва успев обустроиться, жители, ещё вчера уверенные в перспективах Коашвы, оказались в критической ситуации. В связи с известными событиями строительство в Заполярье было заморожено, и в 1990-е гг. из посёлка вынуждены были уехать тысячи человек. Они и годы спустя продолжали сожалеть о далеко не добровольном переселении, оставленном доме и о «той» жизни в «том» посёлке. Многих просто выселили из их «по-европейски» отделанных квартир улучшенной планировки по причине «нерентабельности» содержания многоквартирных каменных домов.

Оставшиеся тоже оказались не в лучшем положении, впрочем, как и многие жители других промышленных городов и посёлков области. С оживлением разработки месторождений они вновь оказались не нужны. Привлечение работодателями дешёвой рабочей силы вахтовиков, не решив проблемы трудоустройства местных жителей, добавило им новые. Временные рабочие, по убеждению постоянного населения, нарушали привычный ритм жизни, не соблюдали нормы поведения, этики, способствовали росту криминала[1]. Коашва стала пользоваться дурной славой у населения близлежащих городов и фактически перестала существовать, оставшись местом социальной памяти и предметом интереса отдельных туристов и журналистов, запечатлевающих на видео остатки советской цивилизации.

[1] Ситуация универсальна и аналогична такой же с этническими мигрантами: временные, но работающие поселенцы в массе своей не готовы ни ощущать себя «гостями», ни относиться к месту «по-хозяйски» и поддерживать социальный порядок.

ГЛАВА 5
МИГРАЦИИ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОЛЬСКОМ ЗАПОЛЯРЬЕ В XX–XXI ВЕКАХ

Миграционная ситуация на Кольском полуострове на рубеже XX–XXI веков

Современное население Мурманской области — полиэтническое сообщество, которое сформировалось в результате масштабных миграционных процессов XX в., прежде всего связанных с созданием транспортно-промышленной и городской инфраструктуры. За советский период накоплен значительный социально-культурный ресурсный потенциал региона. В ходе миграций и освоения территории переселенцы обрели богатый биографический опыт. В историческом знании и памяти северян закрепилось представление о последовательном, организованном, добровольно-принудительном заселении региона в соответствии с определённой миграционной политикой государства. Вместе с тем существует необходимость научного переосмысления отдельных аспектов переселений и исторических обстоятельств периода интенсивного освоения Севера в социальных и антропологических исследованиях. Заслуживает внимания, что миграционный отток жителей с северных территорий России на рубеже XX–XXI вв., в том числе из районов Крайнего Севера, продолжался десятилетия, несмотря на социальное, бытовое, финансовое благополучие северян. Долгое время он оставался одной из существенных проблем постсоветского периода.

Актуальность миграционной проблематики не только не ослабевает, но по своей остроте занимает одно из первых мест в общественной повестке. Это обусловлено постоянным приростом численности этнических мигрантов в России. Население на Кольском Севере вплоть до 1980-х гг. прибывало, но с начала 1990-х в области начался его массовый отток. В 2000-е процесс продолжался: по данным Всероссийской переписи 2010 г., численность населения составила 795,4 тыс. человек (в 2002 г. — 892,5 тыс.). Известно, что население региона на протяжении XX в. увеличивалось исключительно за счёт приезжих. Доля мигрантов в Мурманской области в начале XXI в. продолжала превышать долю уроженцев, составив 56,8 %. При значительном оттоке местного населения численность прибывших мигрантов увеличивалась. По данным Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., среди «кавказских» этнических групп в регионе возросло, например, число лезгин (840 чел. — в 2002 г., 951 чел. — в 2010 г.). Наблюдалась и новая для области тенденция — увеличение числа выходцев из Средней Азии. Число узбеков за указанный межпереписной период возросло в 3 раза (463 чел. — в 2002 г., 1122 чел. — в 2010 г.).

По данным переписей, достаточно многочисленна группа северян, не указавших национальную принадлежность (в 2002 г. таких было 10679 чел., в 2010 г. — уже 73484 чел.)[1].

Рост этнических мигрантов в общей массе приезжих, который показали результаты переписей населения 1989 и 2002 гг., мог спровоцировать напряжённую и опасную этническую ситуацию. Общее представление о Севере как территории социальной солидарности в действительности могло быть разрушено вследствие того, что актуализировались негативные этнические стереотипы, миграционное поведение приезжих стало восприниматься как опасное.

После распада Советского Союза этнические и миграционные процессы на длительное время приобрели ярко выраженный характер. Результаты исследований, которые проводились во многих регионах России и на территории бывших союзных республик в первое десятилетие XXI в., подтверждали распространённость негативных настроений у населения по поводу иммиграции приезжих с Кавказа, из Средней Азии, Китая[2]. Интенсивная этническая миграция имела и положительные, и отрицательные последствия. К позитивным результатам в масштабах страны, конечно, можно отнести приток дешёвой рабочей силы, к негативным последствиям — взаимоотношения этнических мигрантов и населения принимающей стороны. Они нередко сопровождались конфликтами, в основе которых — столкновение интересов местных жителей и этнических мигрантов, правовое и социальное неравенство между ними, а также социокультурные и ценностные различия этнических групп.

Появление термина «лицо кавказской национальности», подхваченного и широко использовавшегося в 1990-е гг. как в средствах массовой информации, так и обывателями в повседневной жизни, как известно, привело к росту кавказофобии (см. работы начала 2000-х гг.: Л. Гудкова, А. Левинсона, О. Карпенко, В. И. Дятлова, И. М. Кузнецова, О. Бредниковой, О. Паченкова, Е. Чикадзе и др.). Создание в СМИ негативного образа «ЛКН», отождествление членов кавказских этнических групп с бандитами и террористами сформировали у населения своеобразное представление о «кавказце» как типовом представителе новой постсоветской волны миграции. В результате местные жители очень часто объединяли появившихся на улицах и рынках, в том числе и в заполярных городах, разных в этническом отношении южан-торговцев, южан-ремесленников, южан-бандитов и проч. в две категории: по этническому признаку — «лицо кавказской национальности»; по переселенческому статусу — «мигранты».

---

[1] Этнический и религиозный факторы социокультурного развития Кольского Севера в XX — начале XXI вв.: отчёт о НИР. Апатиты, 2016. С. 9–10.

[2] См., например: Миграция в России 2000–2012: хрестоматия: в 3 т. / под общ. ред. И. С. Иванова; отв. ред. Ж. А. Зайончковская. М.: Спецкнига, 2013.

Уже к началу 2000-х гг. назрела необходимость социально-антропологического осмысления актуальной в тот период миграционной ситуации, изучения миграционных установок и стратегий, моделей миграционного поведения самих жителей Кольского Севера, которые стали «принимающей стороной». Важно было определить, как ретроспективно осмысливался ими имеющийся миграционный опыт, индивидуальный и семейный. Для этого следовало проанализировать мотивы и обстоятельства миграции в Мурманскую область северян-современников или представителей предшествующих поколений, чьи миграционные истории были известны потомкам, выяснить оценки последствий переезда, мнения и представления о жизни на Севере, а также изучить опыт адаптации мигрантов к условиям Крайнего Севера с учётом их собственной точки зрения.

Сотрудники ЦГП КНЦ РАН совместно с преподавателями и студентами гуманитарного факультета КФ ПетрГУ запланировали в 2003–2004 гг. комплекс историко-социальных и социально-антропологических исследований миграций. Целью было осмысление исторического опыта трудовых мигрантов и переселенцев досоветского и советского периодов, а на этой основе — анализ современных этносоциальных взаимодействий мигрантов и принимающего населения в городах Мурманской области. Актуальное миграционное поле постоянно порождало новые практики коммуникации переселенцев в их межкультурных взаимодействиях с жителями промышленных городов, что требовало незамедлительных исследований с использованием социологического и антропологического инструментария.

Этническая миграция и социокультурная динамика

Представления северян о мигрантах с Кавказа

В малых и средних городах Мурманской области в 2003–2004 гг. начался сбор массового материала об актуальных межэтнических коммуникациях, в свою очередь, он лёг в основу серии крупных социально-антропологических исследований[1], предметом которых были представления об этнических мигрантах. Выполненная О. В. Змеевой диссертационная работа, посвящённая мигрантам-«кавказцам», стала первой, в которой рассматривалась эта группа переселенцев на Крайний Север, ранее в регионе изучение новых групп мигрантов, как и принимающей их этнической среды[2], не предпринималось.

---

[1] Сбор материала осуществлялся И. А. Разумовой и О. В. Змеевой в период с 2003 по 2009 гг. Транскрипты интервью и записи информантов хранятся в собрании сектора исторической и социальной антропологии ЦГП КНЦ РАН.

[2] Диссертация выполнена в ЦГП КНЦ РАН под научным руководством д-ра ист. наук И. А. Разумовой и защищена О. В. Змеевой в МАЭ (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург) в 2009 г.

Впоследствии основные результаты этой работы были представлены автором в монографии[1].

Исследования начались под научным руководством И. А. Разумовой, которая занималась вопросами, связанными с разработкой обобщающих понятий: «семейный текст», «локальный текст», «провинциальный текст». Совокупность рассказов, высказываний, рассуждений и других текстов, которые создавались в процессе миграции и сопровождали разные её виды, И. А. Разумова назвала «миграционным текстом»[2], обратив внимание на то, что Кольский полуостров, затронутый постсоветской иммиграцией кавказских этнических групп, при общем массовом оттоке с «Северов», был ареалом активного бытования миграционного текста.

Одна из особенностей восприятия Мурманской области — отношение к региону как «замиренному пространству» или «зоне этнической бесконфликтности». Такая социально-культурная идентификация территории, по мнению автора, помогла сохранить внутреннюю этносоциальную стабильность в меняющейся миграционной ситуации на российском Севере[3].

Таким образом, Мурманская область — внешне стабильный приграничный регион, характеризующийся разнообразными и устойчивыми межэтническими контактами. Он являлся привлекательным для мигрантов, поскольку имел репутацию благополучной территории с промышленно-развитой экономической сферой и высоким уровнем этносоциальной устойчивости и безопасности.

Серия исследований, нацеленных на изучение взаимных представлений горожан и новых для региона мигрантов[4], так называемых

---

[1] Змеева О. В. «Новый дом» вдали от родины: этнические мигранты на Кольском Севере. Апатиты: КНЦ РАН, 2011. 95 с.

[2] Разумова И. А. Северный «миграционный текст» постсоветской России // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. Апатиты: КНЦ РАН, 2004. С. 7.

[3] Там же. С. 9.

[4] Разделение объекта исследования на группы «местных» и «приезжих» носило условный характер в связи со спецификой советского строительства и «молодостью» городов региона. Под местным понималось постоянное население малых городов Кольского Севера. Большинство городских жителей в начале 2000-х, как известно, сами оставались переселенцами («старожилами», или, в терминологии Л. Л. Рыбаковского, адаптированными мигрантами). Представители принимающего большинства переехали в Мурманскую область в период существования СССР, в основном в 1960–1980-е гг. К мигрантам-«кавказцам» были отнесены те группы переселенцев, которые приехали на Кольский полуостров после распада СССР, то есть после 1991 г. «Кавказцы» — квазиэтническая группа, состоящая из лиц, идентифицируемых по их связи с историко-этнографической провинцией «Кавказ и Закавказье» (по типологии Н. Н. и И. А. Чебоксаровых) и воспринимаемых в качестве цельной группы. Принадлежность к провинции как территориальному образованию осуществлялась с учётом вариативности понятия «Кавказ» (территория, включающая разные регионы либо район проживания одной этнической группы), а также места рождения, социальной памяти, этничности мигрантов, участия этнической общности в адаптации при переезде и др.

«кавказцев» (или «лиц кавказской национальности»), была начата в 2004 г. и продолжилась до 2011 г. Прежде всего, внимание было сосредоточено на выявлении этнических стереотипов представителей постоянного городского населения (местного населения, принимающего большинства) в отношении изучаемой группы мигрантов. География первых работ ограничивалась малым городом — Кировском и средним — Апатитами.

Объектом исследования стали постоянные жители в возрасте от 18 до 50 лет. Были разработаны первые опросники и анкеты для информантов. Полученные социально-антропологическими методами устного и письменного интервьюирования результаты показали совокупность стереотипных признаков, отражающих представления опрошенных о мигрантах-кавказцах, прибывших из бывших республик Советского Союза. Это первое, пилотное исследование свидетельствовало об актуальности проблемы формирования этнического стереотипа и последствий его внедрения в массовое сознание.

Пропаганда СМИ во второй половине 1990-х гг., частые упоминания в новостях о той или иной этнической группе уже к началу 2000-х способствовали созданию устойчивых негативных образов некоторых этнических культур и их представителей как маргиналов, врагов, криминалитета, террористов и т. д. Кроме того, широко распространённая терминология: «лица кавказской национальности», «кавказцы», «уроженцы Кавказа», — одним из последствий имела стереотипный образ мигранта, повторяющийся в высказываниях респондентов разных регионов России. Социологические и этнологические исследования начала 2000-х показывали, что особенно среди молодёжи закреплялись этнические стереотипы, содержащие, прежде всего, негативные характеристики приезжих.

Когда исследование «Кавказцы в представлениях жителей Кировско-Апатитского района» было продолжено[1], оно выявило неоднозначное отношение принимающего населения к новым мигрантам. Мнения и оценки горожан во многом зависели от наличия или отсутствия контактов с мигрантами. И утверждения про общие качества «приезжих с Кавказа», и изменчивые суждения, которые содержали характеристики, отличающиеся от устоявшихся представлений, включали как позитивно, так и негативно оцениваемые свойства. В этой связи перспективными для дальнейшей работы оказались совокупные представления горожан о качествах кавказцев в зависимости от места их проживания. Кавказцы разделялись, с одной стороны, на трудовых мигрантов, приехавших на Северо-Запад России, с другой — на живущих на своей родине, в качестве которой рассматривались территории не только бывших закавказских республик СССР, но и республик Северного Кавказа.

---

[1] Змеева О. В. Представления северян о «лицах кавказской национальности» (на материале Кировско-Апатитского района) // Человек в социокультурном пространстве: Европейский Север России. Апатиты: КНЦ РАН. 2005. С. 66–77.

Таким образом, при идентификации «кавказцев» игнорировались национальные границы, категория объединяла граждан и не-граждан постсоветской России. Оценки группировались вокруг показателей отношения к окружающим (распределённым по половозрастным характеристикам), склонности к той или иной деятельности (распределённой по признаку традиционная — нетрадиционная занятость), поведенческих стратегий (распределение по характеристикам — этническим, социальным, демографическим).

По мнению опрошенных, очевидным и традиционным отличием кавказца-жителя от кавказца-мигранта было отношение к окружающим: уважение к женщине и представителям старшего поколения на родине и пренебрежение к ним вдали от дома. Известная особенность горских народов сохранялась в местах выезда и не перемещалась вслед за переехавшим человеком. В период разворота плановой советской экономической системы к новому смешанному типу с доминированием рыночных отношений кавказцы, реализующие себя в сфере торговли (включая криминальные направления), воспринимались в качестве группы, которая создаёт в социальной структуре новый слой предпринимателей торговцев. Устойчивое представление о кавказцах как о капиталистах, толстосумах и нуворишах в целом соответствовало массовой традиции их восприятия и находило подтверждение, в частности, в русском фольклоре. В результате многогранный образ приезжего заменился на тип коммерсанта, наделённый наиболее яркими чертами поведения представителей этой социальной группы.

Различия поведенческих стратегий кавказца «в своём» и «не-своём» пространствах закреплялись в оценочных дихотомиях воспитанность/невоспитанность, нравственность/безнравственность, трудолюбие/леность, приличное/неприличное, правильное/неправильное, соответственно, в месте выезда или прибытия. Особый аспект нового типа отношений между местными жителями и мигрантами-торговцами — обмен взаимными представлениями. Участниками взаимодействия становились, с одной стороны, северяне, финансово обеспеченные, но не имеющие разнообразных южных продуктов и прочих товаров, с другой стороны, предприимчивые кавказцы, умеющие преодолеть этот дефицит.

Оформлению негативного образа «выходца с Кавказа» способствовали невозможность определить национальность приезжего кавказца, отсутствие или эпизодичность личных контактов с ним, с одной стороны, и негативные, часто криминальные, упоминания в СМИ о деятельности «лиц кавказской национальности», с другой. Приписывание мигрантам потенциальной опасности и враждебности создавало такую социальную дистанцию, которая ограничивала частоту непосредственных взаимодействий[1].

[1] Этнокультурные процессы на Кольском Севере в XX — начале XXI вв. и в исторической ретроспективе: отчёт о НИР. Апатиты, 2005. С. 15.

Ещё одним аспектом отношения к приезжим стало прогнозирование жителями Кировско-Апатитского района миграционных перемещений новых переселенцев. Долгосрочные перспективы северяне связывали с увеличением численности уроженцев Кавказа, распространением смешанных браков, а также с изменением миграционной политики в отношении переселенцев из бывших союзных республик. В ряде случаев такие прогнозы опирались на стереотип жителя Заполярья, в частности, на представление о сострадательности и отзывчивости северян.

Новые исследования показывали устойчивость представлений об антропологических признаках кавказцев: их внешности, умственных способностях. Опрошенные утверждали, что невозможно определить этническую принадлежность мигрантов, высказывали оценочные суждения, касающиеся их внешности. Что касается знаний, интеллекта, то выделялись не столько показатели ума или глупости, сколько их проявления в «достижениях» и стандартном поведении мигранта: деловом успехе, достатке, частоте перемещений и т. д. Информантов объединяло представление об общем, традиционно высоком интеллектуальном уровне кавказца, который в другом публичном культурном пространстве не проявляется. В месте прибытия мигрант первоначально демонстрировал стратегию конкурентного социального приспособления, отличающуюся от привычного советскому обывателю способа адаптации в малом городе («где все друг друга знают»)[1].

Направления исследований, нацеленных на изучение представлений о «кавказцах», варьировались в зависимости от динамичной ситуации и появления новых, иногда неожиданных аспектов во взаимодействии мигрантов и местных жителей. Так, в 2008–2009 гг. работа сосредоточилась на изучении системы представлений о гендерных ролях и функциях «кавказцев». Исследования выполнялись по теме НИР и по международному проекту “Ethnosexual Processes in Finland, Estonia and Russia” Университета Йоэнсуу, Финляндия (руководитель Prof. Kaja Heikkinen).

Результаты продемонстрировали гендерную специфику образа мигранта-кавказца как почти исключительно мужчины. Такое восприятие повлияло на образ кавказской женщины, которая зависит от мужчины в эмоциональном, бытовом, финансовом и других отношениях. Складывался положительный образ домохозяйки условно традиционного кавказского дома. Это женщина, которая не поехала вслед за мужем (мужчиной) в другой социальный и культурный мир и поэтому не была наделена отрицательными чертами. Представления о неизменности статуса кавказской женщины в системе брачного поведения, её несвободе, зависимости,

[1] Змеева О. В. Кто такой среднестатистический «кавказец»? // Наука и бизнес на Мурмане. 2009. № 2 (67). С. 17–21.

подчинённости мужчине и подобных свойстах поддерживали стереотип патриархальной кавказской семьи, которая держится на авторитете и ответственности мужчины[1].

Постепенно круг информантов расширялся. К сожалению, исследователь столкнулась с трудностями в формировании группы респондентов: горожане неохотно становились участниками исследования. Стереотип «страшного и злого кавказца» нередко препятствовал проведению интервью. Было принято решение использовать для подбора информантов метод «снежного кома». Он способствовал хотя и медленному, но последовательному увеличению числа опрошенных. Их группа пополнялась представителями постоянного населения разных городов Мурманской области — Полярные Зори, Кандалакша, Оленегорск. Методика работы постепенно корректировалась. Выявлялись новые аспекты в восприятии мигрантов. Так, интервью показывали, что предпринимательская активность «кавказцев» вызывала негативную реакцию местных жителей. Это выражалось в приписываемых мигрантам мотивах пребывания в Заполярье. По мнению информантов, кавказцы не стремились к социальной и культурной адаптации по причине временного проживания в северных городах, не использовали имеющееся время для того, чтобы изменить или закрепить переселенческий, профессиональный, финансовый статусы.

Одна из моделей восприятия мигрантов привычна и стереотипна: трудовые мигранты, не являющиеся гражданами России, востребованы экономической системой как дешёвая рабочая сила, избавляющая работодателя от медицинских и социальных обязательств. Другая модель предполагает лояльность по отношению к приезжим. Она обоснована тем, что южане освобождают северян от определённой трудовой деятельности, которая становится сферой занятости мигрантов. Модель реализовывалась в нескольких вариантах: 1) «самокритичный» (мигранты делают то, что северяне делать не умеют); 2) «локально дифференцированный» (труд разделялся по сферам деятельности: мигрантам — торговля; постоянным жителям — производство, наука); 3) «попустительский» (при отсутствии определённой позиции респондентов по поводу предпочитаемых мигрантами видов деятельности); 4) «сочувствующий» (всем мигрантам приписывался статус беженца, что способствовало формированию толерантных установок местных жителей в отношении трудовой адаптации переселенцев)[2].

---

[1] Zmeyeva O. “Hypersexuality” and Ethno-National Stereotyping in the Kola North: An example of Caucasian Men) // Ethnosexual processes: Realities, Stereotypes and Narratives. Aleksanteri Series. 2010. No. 6. P. 111–120.

[2] Этнокультурные факторы социальной динамики на Крайнем Севере в XX–XXI вв. (Кольский Север): отчёт о НИР. Апатиты, 2010. С. 74–75.

Полиэтничность как историческое свойство региона и его населения ещё до строительства промышленных городов, а также отсутствие здесь крупных и затяжных этнических конфликтов создавали благоприятные условия для адаптации «экзотических» мигрантов. Ещё одним фактором мирного сосуществования местных с приезжими всегда была неукоренённость жителя Заполярья — составная черта образа «старожила», особенно когда речь о горожанах.

На основе изучения этнических стереотипов была сформулирована гипотеза о влиянии региональных особенностей на формирование отношения принимающего населения к этническим мигрантам.

Динамика этнического стереотипа

Для того чтобы определить динамику этнической ситуации и выяснить влияние на неё актуальных социально-политических контекстов, было предпринято сравнительное исследование этнических стереотипов на материале массивов данных, собранных в 2004–2005 и 2009 гг. при соблюдении единства методики.

Объектом исследования были жители городов и посёлков области. Сбор материала осуществлялся с применением метода письменного интервью. Информантов просили ответить на вопросы, связанные с восприятием «кавказцев» и оценкой некоторых особенностей выходцев с Кавказа. Сравнительный анализ выполнялся по нескольким категориям. Самыми наполненными оказались: «Кавказ = Юг»; «этнические группы»; «этнические клички, прозвища»; «этнографическая экзотика»; «причины переезда на Север»; «“приезжие” — “местные”: особенности взаимодействия»; «трудовая деятельность».

Сравнительное исследование показало, что к 2009 г. использование термина «лицо кавказской национальности» стало восприниматься жителями региона как оскорбительное. Употребление этого словосочетания снизилось в 8 раз, по сравнению с 2004–2005 гг. В 2009 г. местные жители всё чаще использовали понятие «кавказцы», подразумевая не место рождения, а место, регион выезда мигранта. Снижение частоты употребления термина «лицо кавказской национальности» свидетельствовало об ослаблении негативного отношения к выходцам с Кавказа. Добавились географические определители, указывающие на регион выезда: «жители гор», «южные люди», «люди с юга», «южане», «горцы». Ассоциации с горцами и горами, с южанами и югом встречались значительно чаще, чем несколькими годами ранее. Поскольку состав признаков, определяющих группы мигрантов, увеличивался, то расширялся и круг приезжих, воспринимаемых в качестве мигрантов-«кавказцев». В частности, в эту группу респонденты включали выходцев из Средней Азии и других.

Местные жители всё чаще разграничивали группы мигрантов по этническому признаку. Первое место по количеству упоминаний заняли армяне, второе — азербайджанцы. Третью позицию в 2009 г. после армян и азербайджанцев заняли грузины, в отличие от 2004–2005 гг., когда на третьем месте были чеченцы. При этом армяне и грузины чаще упоминались в качестве своих друзей, знакомых, родственников. Азербайджанцы устойчиво ассоциировались с рыночным пространством. Группы чеченцев воспринимались в связи с конфликтами, войнами, реже — с терактами. Армяне, грузины, азербайджанцы не упоминались в связи с террористическими действиями. В 2009 г. на чеченцев, связанных с военными действиями, указывали в 13 раз реже, чем в 2004–2005 гг.

В 2009 г. чаще использовалось понятие «черные», но совершенно ушли из обращения слова «враги», «зверьё», «нерусь». Понятия «чужие», «нерусские» также не встречались. Одновременно понятие «чурка», которое традиционно использовалось по отношению к представителям Средней Азии, звучало в адрес представителей кавказских и закавказских групп. Это также свидетельствовало о том, что уже в 2000-е гг. среди жителей Мурманской области начал формироваться некий собирательный образ, объединяющий уроженцев Кавказа и Средней Азии.

Наиболее известными традициями «кавказцев», которые заслужили положительные оценки, оставались национально-кулинарные, гастрономические. Обычай «кровной мести» рассматривался северянами как явление, принадлежащее только «кавказцам» и Кавказу, он не вызывал однозначно негативного отношения, а, скорее, инициировал любопытство.

Перечень причин, которые привели «кавказцев» на Север, не изменился в мнениях принимающего большинства. Эти причины объединились в группы экономических (возможность заработка, отсутствие конкуренции), политических (нестабильная политическая обстановка), военных (война на родине, насилие, произвол), социально-культурных (бесконфликтность территории прибытия и лояльное отношение окружающих к мигрантам, спокойная обстановка, стабильный регион), семейно-родственных (наличие родственников на Севере, родственники как инициаторы переселения).

В 2009 г. в высказываниях о причинах переезда мигрантов появились новые мотивы, среди которых самыми значимыми были возможность приобрести недорогое жильё (квартиру), получить более качественное образование. Одной из причин миграции, на которую указывали информанты в 2009 г., стал переезд с целью заключения брачного союза на Севере. Вероятно, мотив женитьбы связан с одним из успешных вариантов адаптации приезжих — быстрому получению гражданства. Более частотными стали высказывания о расширенных родственных связях «кавказцев». Сам факт наличия родственников

на Севере считался определяющим для приезда людей, которые пострадали от военных и этнических конфликтов. Устойчивость ассоциации «кавказец» — рынок сохранялась, при этом прослеживалась некоторая динамика в предпочтении ведения торгового бизнеса.

В 2009 г. наблюдалась большая дифференциация торговых занятий мигрантов. Появились новые виды торговли, не распространённые ранее в малых городах области, тому яркий пример — уличная торговля традиционными блюдами (шаурма, шашлык). К торговле как виду деятельности приезжих добавилась сфера общественного питания.

Кавказ этнически воспринимался более широко, чем реальный географический. Он не ассоциировался с чётко очерченной территорией. Так, в ряде военных ассоциаций, кроме чечено-ингушской, грузино-осетинской, грузино-абхазской, повторялись упоминания о советском военном присутствии в Афганистане. Снизилось число упоминаний о терроризме и терроре, исчезли упоминания о террористических актах. Бандитизм и криминальные действия к 2009 г. оставались в списке предписываемых «кавказцам» занятий, но они перестали доминировать.

Сохранили устойчивость представления о неуважительном отношении «кавказцев» к русским. Несмотря на то, что трудовых мигрантов местные жители не рассматривали как конкурентов на производственном рынке труда, их по-прежнему объединяли в категорию людей, демонстрирующих своё превосходство. Восприятие «кавказцев» как «хозяев» (российских городов, мира и т. д.) сохранялось, но число упоминаний об этом качестве приезжих сократилось более чем в 5 раз. Кроме того, хозяйская манера поведения больше не соотносилась с «гостевым» статусом приезжих и не противопоставлялась ему. Данное обстоятельство свидетельствовало об изменении восприятия статуса трудового мигранта (от «чужого» к «другому»).

Аккультурация и культурная дистанция: коренное и «пришлое» население

Представления о коренном населении

В 2007 г. под руководством И. А. Разумовой в сотрудничестве с кафедрой философии и социологии Кольского филиала ПетрГУ выполнено социологическое исследование, объектом которого были переселенцы, прожившие в городах Кольского полуострова разное число лет (от 5 до 25), и прямые потомки мигрантов — уроженцы Крайнего Севера, носители урбанистической культуры в её российском варианте. Применяли полуформализованное интервью (опрошено 25 человек)

и анкетный опрос (опрошено 150 человек), которые проводились среди жителей городов Апатиты, Кировск, Кандалакша, Снежногорск[1].

Целью исследования было выявить знания и представления горожан о коренном населении региона, источники этих знаний и их соответствие этнографической реальности. Проведение исследования предполагало изучение историко-этнографических знаний горожан об автохтонном населении: его этнической территории, языке, элементах производственно-материальной, соционормативной и гуманитарной культуры, фактах этнической истории. Знания обнаружили определённую фрагментарность и частичное соответствие этнографической реальности. В большей степени соответствовали действительности представления переселенцев о местах проживания и традиционных занятиях кольских саамов: практически все участники опроса назвали оленеводство и рыболовство. Исследование показало, что в целом утверждения горожан свидетельствуют не столько о знании реальных бытовых практик, а, скорее, воспроизводят стереотипы, касающиеся «связи с природой» коренных жителей.

В ходе исследования выявлены основные характеристики, которые, по мнению информантов, свойственны коренному населению. Респонденты указали на следующие черты (в порядке убывания): узкий разрез глаз, невысокий рост, круглое лицо, коренастые, тёмные волосы, смуглые. В единичных случаях участники исследования отметили некоторые другие признаки, подчеркнув при этом, что саамы походят на чукчей или якутов. Основной ассоциативный ряд со словом «саамы»: «олени», «коренной народ Севера», «оленьи шкуры», «близость к природе». Добавлялись также «холод», «зима», «тундра», «север», «праздник Севера», «жизнь в некомфортных условиях».

Поскольку большинство опрошенных никогда не взаимодействовали с носителями саамской культуры, их знания об автохтонах черпались в основном из вторичных источников, чаще всего из средств массовой информации: телевидения, газет, реже из книг, лекций, экскурсий в места непосредственного проживания саамов (с. Ловозеро). Ответственность за свою неосведомлённость респонденты возлагали, прежде всего, на институт СМИ. Хотя многие замечали, что знания об автохтонах им нужны, это утверждение было признано риторическим, поскольку фактически никто не стремился такие знания получить. Более высоким был уровень знаний тех, кто непосредственно контактировал с представителями саамских семей. Вместе с тем даже наличие свойственников-саамов

[1] Исполнители — студенты гуманитарного факультета Кольского филиала ПетрГУ Т. Волкова (научный руководитель И. А. Разумова), Е. Шарова (научный руководитель Д. А. Федотов). См.: Этнокультурные процессы на Кольском Севере в XX — начале XXI вв. и в исторической ретроспективе: отчёт о НИР. Апатиты, 2007.

не всегда обеспечивало хотя бы минимальный уровень знания, тогда как опосредованные способы восприятия таких знаний (книги, уроки, фильмы и проч.) оказывались нередко вполне эффективными.

Исследование показало, что знания и представления городского большинства об автохтонном населении края согласовывались с этническими стереотипами, касающимися некоего условного «народа Севера», а его результаты свидетельствовали о культурной дистанцированности городского населения Кольского Севера от коренных жителей края, что соответствовало естественной этнокультурной сегрегации, характерной для регионов, подвергшихся «экстремальной» урбанизации в советский период.

В 2011 г. были дополнительно проанализированы представления о семейных ролях народов, являющихся субъектами этнической ситуации на Кольском Севере (исполнитель И. А. Разумова)[1]. Опираясь на результаты исследований сотрудников ЦГП КНЦ РАН, автор уделила внимание рецепции гендерных, супружеских отношений у аборигенного саамского населения представителями русской культуры в различные исторические периоды на материале этнографических письменных источников. Было обнаружено, что этническая стереотипия коррелировала с гендерной (сексуальной), а саамская культура представлена как женская. Один из выводов исследования состоял в том, что распространённое представление о женщине-саами как главе семьи сказывалось на семейном самосознании и моделях поведения в саамских семьях и на внешних оценках; оно также включалось в этнический образ народа и связано с его внешним восприятием. Саамские женщины очень самостоятельны, относительно легко выбирали и отвергали мужей или обходились без них; они более мобильны, сильнее мотивированы к получению образования и социально активнее[2], чем мужчины, а также имели «мужские» привычки (реже, чем мужчины, но употребляли алкоголь и курили)[3].

Образ лопаря в научно-популярных работах участников естественнонаучных экспедиций

В ходе изучения краеведческих и научно-популярных текстов о Кольском Севере в 2022 г. О. В. Змеевой и И. А. Разумовой выявлены новые источники по изучению саамской культуры. На материале научно-

---

[1] Этнический и религиозный факторы социокультурного развития Кольского Севера в XX — начале XXI вв.: отчёт о НИР. Апатиты, 2014.

[2] Большинство саамских общественно-культурных организаций в области возглавляют женщины.

[3] Разумова И. А. Гендерная стереотипия в контексте этнокультурной ситуации: женщины-саами в русской этнографии // Вестн. Кольского научного центра РАН. 2013. № 3. С. 50–56.

популярных работ и краеведческих заметок исследователей-естествоиспытателей Кольского полуострова 1920–1926 гг. было определено отношение учёных к коренному населению как участнику модернизационного процесса[1]. Саамы как этническая группа, не имевшая эндогамных установок, рассматривались ими не в качестве препятствия модернизации Крайнего Севера, но как участники сотрудничества, основанного на практических интересах. Несмотря на имевшиеся к началу XX в. многочисленные этнографические сведения о коренном населении Кольского полуострова, особенностями восприятия культуры саамов (лопарей) оставались стереотипизация, мифологизация и экзотизация. Стереотип саама как представителя «отсталого» народа, при всей его сохранности, пытались разрушить не только этнографы, но и учёные-естествоиспытатели[2].

С начала 1920-х гг. теряющий «племенные характеристики» лопарь рассматривался как ассимилированный, прежде всего, с русскими и знакомый с цивилизационными достижениями. Анализ материала показал, что в описаниях встреч исследователей с коренными жителями отсутствовали эпизоды конфликтов. Чаще всего саамы представали в качестве успешных проводников учёных и посредников в их общении с теми группами лопарей, которые ранее не были знакомы с приезжими.

Сопровождение учёных — главная роль саамов в деле изучения и освоения территории, утвердившаяся благодаря академику А. Е. Ферсману[3]. Саамы не воспринимались учёными как оседлые жители, поскольку аборигенов края волновала не борьба за обжитое место, а промысловые объекты. Создавался новый стереотип предприимчивого и «переимчивого» саама. Эти свойства представлялись не «традиционными этническими» и результатом не только естественной ассимиляции, но постоянного усвоения нового знания в процессе взаимного сотрудничества с учёными-«первопроходцами» Арктики.

С точки зрения исследователей, саам (а) был жертвой неразвитости дореволюционной системы образования, социального угнетения и «заброшенности» малых народов, (б) стал помощником приезжим в освоении пространства, природных препятствий, в преодолении культурных барьеров, прежде всего языкового, (в) благодаря исследователям, пропускал новые знания и возможности в мир лопарских стоянок.

---

[1] Социокультурное и научно-техническое развитие северо-западной части Арктической зоны РФ в XIX–XXI в.: исторический и антропологический ракурсы: отчёт о НИР. Апатиты, 2022.

[2] См. например: Змеева О. В., Разумова И. А. Саамское предание как «источник» по истории борьбы с лавинами в Хибинах // Учёные зап. Петрозаводского гос. ун-та. Общественные и гуманитарные науки. 2017. № 1 (162). С. 67–73.

[3] Змеева О. В. Полевой сезон геолога и практики мобильности: к истории минералогических исследований Хибинских тундр // Учёные зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2018. № 5 (174). С. 94.

Миграционное поведение жителей Мурманской области

Стратегии студенческой молодёжи

В 2005 г. Центром гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН совместно с Центром независимых социально-антропологических исследований г. Апатиты было выполнено исследование «Миграционное поведение молодёжи городов Мурманской области»[1].

В задачи входило: 1) выявить преобладающие и варьирующие типы миграционных настроений; 2) определить основные социокультурные факторы, которые влияли на эти настроения; 3) определить общий уровень и характер временных перемещений, не связанных с миграцией, среди молодёжи.

Материалом послужили тексты устных и письменных интервью (всего 78), взятых у молодых людей в возрасте от 18 до 29 лет. Это были по большей части жители городов Апатиты, Кировск и Мончегорск. Проведённое качественным методом исследование имело целью определить основные тенденции в миграционных настроениях и стратегиях молодёжи (жителей городов Мурманской области).

К основным выводам данной работы можно отнести установленный факт: большинство интервьюируемых не имело устойчивых миграционных установок. Преобладал сбалансированный текст, демонстрирующий, что решение в пользу сохранения места жительства на Севере принималось преимущественно по рациональным основаниям. Существенную роль играла оценка жилищной ситуации, экономического положения семьи, наличие работы и т. д.

Чрезвычайно важными были когнитивные факторы, связанные с представлениями о территории проживания (о своём городе или Севере в целом), с локальной самоидентификацией респондентов, с осмыслением семейно-биографических обстоятельств в каждом индивидуальном случае. Именно эти факторы часто оказывались решающими.

Анализ высказываний респондентов показал, что желание переехать в соседние государства значительно уступало стремлению к переезду в более крупный или столичный город. По данным исследования, не более 2–3 % молодых людей имели миграционные установки, направленные на «запад». Предпочитаемые страны (в порядке убывания) — Швеция или Норвегия, Германия, реже — Соединённые Штаты или Франция

---

[1] Исследование являлось одним из ряда работ, выполненных по проекту ЦНСИс «Координаты социального самочувствия молодежи: стереотипы и реалии» (2005 г.). Проект поддержан Комитетом по делам молодёжи Администрации Мурманской области. Исполнителями указанного подпроекта были: от ЦГП КНЦ РАН И. А. Разумова, от ЦНСИс Д. А. Федотов.

(как правило, при наличии там друзей или родственников). Полностью игнорировались восточные и южные страны. При этом большинство информантов выразили желание побывать или пожить за границей (временно́й показатель — в течение нескольких лет). Многие мечтали повысить за границей профессиональный уровень и заработать денег, однако нельзя не отметить, что на первом месте среди мотивов посещения других стран оставался познавательный. В различных формулировках информанты выражали потребность в расширении собственного социального и этнокультурного пространства. Особенно характерно такое желание для жителей провинциальных городов. Большинство информантов хотели бы жить в небольшом («своём») городе, учиться в крупном центре, а «за впечатлениями» ездить в разные страны мира. Нежелание эмигрировать подавляющем большинстве случаев мотивировалось в тем, что адаптация к другой культуре болезненна.

Особое влияние на формирование «внутренних» миграционных стратегий оказало противопоставление провинции и столицы, «большого» и «малого» городов, а также двух столичных городов страны. При наличии миграционной установки информанты предпочитали Санкт-Петербург Москве. Это связано: 1) с ориентацией северо-западных территорий России на Санкт-Петербург и с репутацией города как «культурной столицы, оппозиционной административному центру; 2) с отчётливо выраженными «антимосковскими» настроениями, которые усилились в начале 2000-х гг. Несколько респондентов высказали намерение переехать в областной центр в качестве желательной перспективы. Преобладающими мотивами переезда в крупный город оказались стремление получить образование, высокооплачиваемую работу, расширить свою социальную среду и кругозор. Нежелание же уезжать в крупный город мотивировалось собственно «провинциальными» предпочтениями, которые касались образа жизни жителей малого города (спокойствие, уют, высокий уровень межличностных отношений, близость к природе и т. п.).

Проведённое исследование подтвердило, что миграционные настроения и ожидания людей основывались на восприятии пространства, и в этом отношении они регионально и поселенчески специфичны. Вариативность миграционных настроений зависела от конкретного места проживания респондентов на Кольском Севере, от представлений о том или ином городе. Так, жители Кировска более, чем Мончегорска и особенно Апатитов, склонялись к переезду. Будущее Кировска виделось респондентами в пессимистических тонах. Молодых кировчан не устраивала перспектива превращения города из промышленного в курортный и сужение сферы деятельности до обслуживающих профессий. В высказываниях респондентов из Апатитов, настроенных на переезд, будущее города символизировалось, прежде всего, прекращением строительства. Вместе

с тем, несмотря на типовые негативные высказывания в адрес города (прежде всего, касающиеся его внешнего облика), именно молодые жители Апатитов в наибольшей степени связывали с ним своё будущее. Только Апатиты из всех городов Мурманской области, кроме самого областного центра, закономерно ассоциировались с возможностью получить достойное, в том числе университетское, образование и самостоятельное поле деятельности.

Смена идеологической парадигмы и «исторической оптики» в постсоветский период сказалась на миграционном тексте молодёжи. Ранее причины переезда на Север, вызванные внешними обстоятельствами (государственной необходимостью, прямым давлением, «семейным стрессом» и т. п.), воспринимались большей частью как «неизбежное зло». Это инициировало ощущение закреплённости за местом проживания, сопряжённой со скрытой или явной агрессией по отношению к самим обстоятельствам. Уравновешивающую роль выполняли «романтические» тексты. Их смыслы сопрягались либо с идеей единства государственных («общественных») и личных интересов, либо с идеей эмансипации (инициации) молодого поколения, то есть с романтикой самостоятельности, коллективизма, преодоления испытаний, самоутверждения и т. п.

Изменившийся когнитивный контекст и переоценка прошлых социально-исторических контекстов породили иные значения. Романтический текст перестал быть актуальным. Миграционные настроения мотивировались необходимостью и возможностью компенсировать давление, оказанное на индивида (семью) в прошлом, либо исправить «заблуждения прошлого» и вернуться к некоему исходному равновесию. При формировании миграционных настроений и стратегий чрезвычайно важную роль играли историко-культурная память и идентичность локального сообщества. В целом же наблюдалась определённая трансформация миграционных настроений и актуализация того, что можно назвать чувством локальной идентичности представителей молодого поколения.

Важным стабилизирующим фактором оставался высокий уровень мобильности молодёжи Мурманской области. Среди опрошенных респондентов не оказалось ни одного, кто ни разу не выезжал за пределы региона. Большинство из них выезжали в другие регионы России и за границу по нескольку раз в год. Деловые зарубежные поездки предпринимались преимущественно в Норвегию, Швецию и Германию. С рекреационными целями выезды осуществлялись в Египет, Турцию и другие южные страны, а также на побережья Чёрного и Азовского морей. Многие из интервьюируемых имели возможность выезжать на лечение в санатории. Рекреационные и оздоровительные поездки позволяли компенсировать то обстоятельство жизни на Севере, которое единственное оценивается всеми одинаково негативно: климатические условия, вредные

для здоровья. Различной продолжительности поездки за рубеж, в Москву, Санкт-Петербург и другие города позволяли повысить образование, удовлетворить познавательные потребности. В этой связи перемена постоянного места жительства на Севере не рассматривалась.

Изучение миграционных установок среди разных групп студентов было продолжено в 2008 г. Н. Н. Измоденовой. Работа выполнялась в рамках реализации проекта РФФИ «“Северяне” и “мигранты”: переселения второй половины XX в. и современная миграционная ситуация на Кольском Севере»[1], выполнявшегося сотрудниками ЦГП КНЦ РАН и КФ ПетрГУ под руководством И. А. Разумовой.

Выявлялись миграционные стратегии у жителей региона, наличие у них устойчивых представлений о прошлом, настоящем и будущем населения Мурманской области. Информантами являлись студенты КФ ПетрГУ очной (гуманитарный факультет) и заочной формы обучения (факультеты: ИПМ — 4-й курс, экономический — 1-й и 2-й курсы, горный — 1-й и 2-й курсы).

Сбор информации проводился в форме групповых дискуссий и написания эссе. Отбор таких групп информантов был обусловлен тем, что студенты и той, и другой формы обучения представляли большинство территорий Мурманской области. Студенты-заочники — это люди, работающие, как правило, на гигантах советской индустриализации, вокруг которых и выросли города на Кольском полуострове. Большинство из них во втором или третьем поколении — северяне, имеющие трудовую биографию, семьи, детей, определённый налаженный быт, со сложившимися представлениями о социуме и своём месте в нём. Студенты дневного отделения, как правило, тоже «местные», то есть они родились и социализировались в Мурманской области.

Исследование показало, что Мурманская область воспринималась информантами не как локальная социальная общность, а как открытая система: описывались международные связи, в первую очередь со странами Баренц-региона, а также с регионами России, особенно со второй столицей России — Санкт-Петербургом. Эти связи характеризовались и как формальные, институциализированные, и как межличностные. Социологическое исследование проявило отношение респондентов к своему региону (Мурманской области в целом и своим городам) как ценности. Большинство студентов обозначили персональную и социальную идентичность с данной социальной общностью: в текстах используются

[1] Отчёт по проекту РФФИ № 08-06-98803 «“Северяне” и “мигранты”: переселения второй половины XX в. и современная миграционная ситуация на Кольском Севере» / рук. Разумова И. А., исполн.: Измоденова Н. Н. (КФ ПетрГУ), Змеева О. В., Сулейманова О. А. Апатиты, 2008.

местоимения *«мой»* и *«наш»* город[1]. Идентичность «Мы — северяне» выполняла функции сохранения единства между различными социальными и этническими группами, преодоления комплекса провинциализма и периферийности, она сохраняет север для всей страны и оставляет возможность сохранить его для будущих поколений. Недооценка данного обстоятельства означала бы не просто игнорирование «человеческого фактора», но нерациональное отношение к демографическому ресурсному потенциалу территории.

Миграционные установки и сценарии: опыт «старожилов»

В 2006–2008 гг. выполнен ряд исследований, посвященных актуальным миграционным установкам, настроениям и сценариям северян с учетом исторического фактора: опыта переселения. Цели и задачи работы заключались в том, чтобы выявить миграционные стратегии жителей Кольского Севера на основе ретроспективного осмысления ими имеющегося миграционного опыта. Работа завершалась по проекту РФФИ «”Северяне” и “мигранты”: переселения второй половины XX в. и современная миграционная ситуация на Кольском Севере»[2].

В исследованиях использовался метод биографического полуструктурированного интервью, так как он более всего подходил для понимания мотивов конкретного выбора мигрантов, миграционных настроений, установок, тактик переезда, оценок, касающихся общей и региональной социально-экономической, этнокультурной ситуаций, тех или иных территорий и т. п. В большинстве интервью речь шла не только о самом респонденте. Он описывал прошлое, включая в свои воспоминания опыт и впечатления многих других людей. Интервью являлось источником построения аргументации относительно моделей поведения людей или характера событий в прошлом. На первом этапе исследования все респонденты были распределены на две группы: собственно мигранты и их потомки, родившиеся на Севере.

Среди основных результатов работы стало выявление изменчивости представлений разных поколений мигрантов, в первую очередь

---

[1] Измоденова Н. Н. Стратегии миграционного поведения населения Мурманской области // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации. Апатиты: КНЦ РАН, 2008. С. 60–68.

[2] Отчёт по проекту РФФИ № 08-06-98803 «“Северяне” и “мигранты”: переселения второй половины XX в. и современная миграционная ситуация на Кольском Севере. Апатиты, 2008.

о «родине»[1], во вторую — о преемственности в России правового статуса бывших граждан СССР[2].

Излагая обстоятельства переезда, его мотивы, последствия, мигранты проецировали прошлое в настоящее, выражали актуальные для себя ценности, жизненные установки, оценивали прошлый миграционный опыт. Миграционные сюжеты, рассказанные респондентами в биографическом ракурсе, или рассказы о переезде на Север, как правило, реализовали общую нарративную схему: 1) исходное неравновесие (кризисная ситуация на прежнем месте жительства, нереализованные потребности); 2) переезд; 3) испытание новой территорией (трудности на новом месте); 4) преодоление испытаний, или собственно адаптация. Заметим, что момент адаптации в историях жизни присутствует всегда, даже у тех респондентов, которые в настоящее время имеют намерение уехать с Севера по тем или иным мотивам.

Переезд в биографической ретроспективе оставался переломным событием. На первом этапе принималось решение о переезде. Различия в причинах миграции связаны с различной интерпретацией респондентами биографических событий и условий жизнедеятельности. В России в условиях известной либерализации общественной жизни (с середины 1950-х гг.) возросла роль свободного выбора местожительства. Вместе с тем, помимо «прописки», сохранялась практика «распределений» на работу после окончания высших и средних учебных заведений, а также другие формы прямого или косвенного воздействия государства на миграционные практики. Большая часть респондентов, приехавших на Север в 1960–1970-е гг., переезжали «по направлениям», в подобных случаях такой приезд людей был вызван внешними обстоятельствами, но, несмотря на «вынужденность» данной формы переезда, респонденты воспринимали его, скорее, нейтрально, как должное, а иногда и как положительное событие.

Согласно мнению респондентов, первостепенное значение имело удовлетворение материальных потребностей. Среди экономических стимулов респонденты выделяли наличие работы, уровень доходов, перспективы решения жилищной проблемы. Для молодой семьи самым важным было решение жилищных вопросов. Как известно, молодая семья, приехав на Кольский Север в советское время, могла безо всяких трудностей

---

[1] См. напр.: Разумова И. А., Сулейманова О. А. Культурная память семьи как фактор локальной идентичности жителей Кольского Севера // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI века. Апатиты: КНЦ РАН, 2007. С. 69–79.

[2] Разумова И. А. «Север» — категория времени // Северяне. Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. Апатиты: КНЦ РАН, 2006. С. 5–14.

получить сначала общежитие, а потом и собственную квартиру. Большинство респондентов приехали из деревни из-за неудовлетворённости условиями жизни. Во всех названных случаях доминировал материальный прагматизм в мотивах переезда. Респонденты делали выбор в пользу переезда добровольно, однако они не всегда осознавали эту свободу и часто перекладывали ответственность за свой выбор на внешние обстоятельства. Стимулирующим условием формирования миграционных установок можно считать биографические события, происходившие в личной жизни индивида: замужество/женитьба, реже — развод. Миграционное поведение связано как с индивидами, так и с семьями, родственными группами. Оно включало не только систему поступков, но заключало в себе весь опыт существования в той же конкретной среде.

Важным фактором, оказывающим непосредственное воздействие на принятие решения о миграции, являлось наличие жизненного стандарта, сформировавшиеся особенности личности, представления о том, что является нормой. Так, несколько респондентов были убеждены, что молодая семья должна жить отдельно от родителей, и единственный выход достижения этой цели они видели в смене места жительства. Это типичные примеры того, что переезд связан с идеей эмансипации молодых людей и семей. На принятие решения о переезде влиял также символический образ территории прибытия. Большинство респондентов, по их признанию, не имели достоверной информации о будущем месте жительства. Это были лишь стереотипные и часто почти фантастические представления о Севере как о территории, непригодной для проживания в силу климатических особенностей; как о необжитом пространстве, где нет ничего, кроме камней и холода, где обитают дикие звери и проживает экзотический северный народ, который занимается разведением оленей. Респонденты, в основном приехавшие из средней полосы или южных регионов страны, отмечали, что информация о Кольском Севере оказалась во многих случаях недостоверной и преувеличенной.

Одним из показателей адаптированности мигрантов служит локальная самоидентификация. Характер протекания адаптационного процесса, особенно к природно-географическим условиям, в целом зависел от того, из каких мест и в какие места переселялись мигранты. Большинство респондентов прибыли из климатически «благоприятных» районов. Трудности адаптации они связывали в первую очередь с «холодом». На втором месте — сезонный фактор, причём отрицательно оценивались не столько полярная ночь, сколько «вход» и «выход» из неё (осень и весна). Использовались для аргументации и так называемые экологические мифы, например, о «разреженности воздуха».

Вместе с тем, в процессе освоения северной местности огромное влияние оказывали те или иные особо привлекательные — в силу отличия

от привычных для переселенцев — природные символы. Анализ интервью показал, что Крайний Север мигранты очень высоко оценивают эстетически. Эстетизированы, прежде всего, природно-ландшафтные символы края. Самые типичные из них — северное сияние, полярный день, Хибинские горы (для жителей Кировско-Апатитского района, Мончегорска) или море и скалы (для жителей северных прибрежных городов).

Что касается экономической адаптации, то практически все переселенцы утверждали, что Север предоставил им возможность комфортного материального существования. Отличия состояли в том, какой срок понадобился для этого разным категориям жителей. Для кого-то этот процесс был поэтапным (что отражается в структуре рассказов), кто-то сразу оказался в ситуации материального благополучия — в сравнении с условиями на прежнем месте жительства. Особое внимание респонденты в рассказах уделяли своей профессиональной реализации на севере. Именно данное обстоятельство служило показателем успешности переезда. С одной стороны, происходило постепенное ослабевание старых коллегиальных, соседских, дружеских и даже родственных связей, с другой стороны — процесс приспособления к новой социально-демографической среде. В результате эффективной адаптации чужой мир стал для большинства «новых северян» родным местом, местом своей семьи.

Из анализа текстов следует, что индикаторами адаптации для одних респондентов являлись наличие квартиры и работы, для других приоритетным становилась семья и близкое окружение, для третьих — самореализация и т. д. Особенности социума стали самым благоприятным фактором, который, по общему убеждению, помог преодолеть физический дискомфорт северных условий. К природе и климату надо было привыкнуть, к социуму — нет. По мнению респондентов, жители старались поддерживать друг друга в решении физических, психологических, бытовых, материальных проблем, в результате чего и сформировалось особое северное сообщество. Наивысшую оценку получают такие качества этого сообщества, как солидарность, этническая толерантность, демократичность. Этим качествам соответствовали личные: открытость, дружелюбие, культурность (выражается в уровне интеллекта, образованности, внешней сдержанности), приоритет «духовного» начала над «материальным». Все эти свойства северян аргументировались жизненными историями или логическими рассуждениями и часто противопоставлялись социальным характеристикам «среднеполосных» или «южных» (без этнических коннотаций) людей.

У определённых категорий населения, прежде всего среднего и младшего поколений, сохранялись миграционные установки и мотивы к перемене места жительства. Самый частотный мотив у представителей

всех поколений — климатические условия, «тоска» по теплу, солнцу и т. п. Эти неблагоприятные условия, по общему мнению, в доперестроечный период также компенсировались экономическими преимуществами жизни на Севере, «заботой государства», льготами. Многие северяне старшего и среднего поколений считали, что в пореформенный период они, как минимум, лишились своих преимуществ. Некоторые признавали, что не смогли адаптироваться к жизни на Севере. Совсем иные основания к переезду у молодёжи: те из них, кто хотел покинуть Север, объясняли свои намерения, во-первых, невозможностью профессиональной реализации, во-вторых, всё теми же климатическими условиями и, наконец, желанием «посмотреть мир». Самую немногочисленную группу составляли те, кто не приняли Север по тем или иным основаниям. По самым предварительным данным, среди них: 1) дети репрессированных, 2) представители молодёжи, которые либо сами являлись недавними мигрантами, либо проживали в самых непрестижных («провинциальных») городах области.

На основе таких показателей, как миграционный опыт, его оценка (адаптация) и миграционная установка, были выстроены основные миграционные сценарии респондентов:

1. Переезд — адаптированность — отсутствие миграционной установки.

2. Переезд — отсутствие адаптированности — наличие миграционной установки.

3. Переезд — неокончательная адаптированность — колеблющаяся миграционная установка (например, профессионально реализованный человек размышляет над возможностью возвратиться в те места, где остались его родные и жильё).

4. Переезд — адаптированность — наличие миграционной установки. Данный сценарий оказался наиболее интересным для анализа. Он свидетельствовал как об особых адаптивных способностях личности, так и об «инструментальном» подходе к месту жительства, при этом важной оставалась специфическая уверенность в комфортности и «старого», и нового места жительства. У этого сценария существовал и второй вариант, основанный на стратегии постоянного перемещения. Многие северяне разных поколений считали наиболее приемлемым часть года жить на севере, часть — в «тёплых» местах или на «исторической» родине. Таким образом, Север оставался в сфере «своего» расширенного пространства[1].

[1] Разумова И. А. Миграционный опыт и формирование локальной идентичности жителей Кольского Севера // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков; Отд-ние ист.-филол. наук РАН. М.: РОССПЭН, 2010. С. 290–298.

Среди мотивов переезда с Севера практически отсутствовали социальные и этнокультурные. Более того, основной барьер на пути к перемене места жительства — социальный комфорт, достигнутый на Севере. По этой причине многие из тех, кто покинул Север, не приживались в других местах, в ином социальном окружении.

Мотивы переезда и практики адаптации: опыт мигрантов-кавказцев

По данным провёденного в 2009 г. опроса городского населения и мигрантов[1], среди мотивов переезда, которые «местные» приписывали этническим мигрантам, и причин миграции, названных самими переселенцами, фигурировали связанные с возможностями предпринимательства. Местные жители утверждали, что мигранты реализуют свой предпринимательский талант — качество, которое усматривается, прежде всего, у «кавказцев» и часто обыгрывается в анекдотах.

Произошедший в 1990-е гг. спад производства, а в некоторых экономических сферах и приостановление работы целых отраслей повлияли на миграционные установки разных групп северян. Северные города, за исключением областных центров, часто ориентированы на какую-либо одну отрасль производства и, как правило, имеют статус малых или средних. В небольших по численности населения моногородах рыночное пространство, связанное с повседневной уличной торговлей, в 1990-е гг. оставалось открытым и во многом не занятым. Рыночный торговец, по всей видимости, отсутствовал как социальный тип в социокультуре советских северных индустриальных городов. Он появился в виде этнического мигранта, заполнив, таким образом, почти пустующую нишу. Именно так воспринимала ситуацию значительная часть жителей.

Мотивы переезда самих кавказцев были более разнообразными. Среди причин чаще всего встречались: распределение на работу в советский период, служба в армии (для мужчин), потребность в смене впечатлений (поездка в «экзотическое» пространство), вынужденность переезда в связи с распадом СССР, в отдельных случаях — с связи с началом военных действий (выходцы из Грузии, Абхазии, Чечни, Ингушетии, Дагестана), воссоединение семейно-родственных групп. Женщины в качестве основного назвали только один мотив — переезд вслед за супругом.

Один из распространённых мотивов — переезд к успешному («состоявшемуся») родственнику. Как правило, к моменту переезда в Мурманской области уже проживал представитель семейно-родственной группы, обычно это был уже адаптированный мужчина, который переехал

[1] Этнокультурные факторы социальной динамики на Крайнем Севере в XX–XXI вв. (Кольский Север): отчёт о НИР. Апатиты, 2010. С. 7–8.

на Север в советское время, являвшийся близким и старшим родственником главы семьи. В начальный период обустройства на новом месте наличие родственника для мигранта становилось необходимым. Без его помощи невозможно хорошо устроиться на работу, снять или приобрести жильё и т.д. Этот мотив был характерен для представителей традиционных этнических групп, что можно интерпретировать:

1) этнографически — в связи с трансформировавшимся обычаем аталычества воспитания;

2) социологически — как взаимовыгодное использование родственных мигрантских сетей.

Наряду с мотивом «переезд к родственникам» был и другой, который свидетельствовал о личных особенностях мигрантов, выражавшихся в любопытстве, склонности к смене впечатлений, желании увидеть «экзотику»: белый снег в больших количествах, северное сияние, полярный день и полярную ночь, белых медведей и т. п. Действительно, по прибытии в Заполярье острота впечатлений была велика даже у взрослых, умозрительно представлявших, что их ожидает; не говоря о детях «южан», поражённых обычными для северного жителя явлениями. То же характерно и для мигрантов из других регионов. Север уравнивал их по впечатлениям, географический фактор влиял на сближение разных групп мигрантов.

В отличие от добровольных мигрантов, руководствовавшихся при выборе места переселения несколькими мотивами, беженцы ехали на Север исключительно потому, что здесь проживали родственники, в которых они видели определённую защиту. Для этой категории мигрантов адаптационный период был более сложен. Они труднее привыкали как к климатическим условиям, так и к взаимодействиям с местными жителями.

Многие информанты-кавказцы считали своё пребывание в северных городах временным. Сохранение миграционных установок среди представителей последних волн миграции во многом связано с отличающимся от советского опытом адаптации в заполярных городах. Они изначально не были включены в социокультурное пространство российского региона. Несмотря на то, что региональный фактор оказывал существенное влияние на процессы взаимной адаптации этнических мигрантов и принимающего большинства, многие молодые мигранты постсоветского периода оставались в системе привычных, а потому социально-комфортных семейно-родственных отношений, не стремясь к развитию новых адаптационных возможностей.

С тем чтобы прояснить тактики переезда и адаптации, О. В. Змеевой был проведён ряд специальных эмпирических исследований, нацеленных на сравнение биографического опыта мигрантов постсоветского периода[1].

[1] Этнокультурные факторы социальной динамики на Крайнем Севере в XX–XXI вв. (Кольский Север): отчёт о НИР. Апатиты, 2010.

Проанализированы биографии этнических мигрантов, чьи жизненные траектории показательны с точки зрения этнокультурной адаптации человека на севере. Предметом рассмотрения стали «места памяти», под которыми подразумевались территории, связанные с индивидуальными и/или семейными биографиями. При рассмотрении маршрутов их жизни особое внимание было уделено выявлению географических точек, с которыми связаны «временные остановки» переселенцев.

Направления перемещений мигрантов были объединены в четыре группы. *Первый вариант* — переезд индивида (семьи) непосредственно из одной географической точки в другую. В рассматриваемом случае: Кавказ (Закавказье) — Мурманская область. Столичные города использовались в качестве транзитного пункта, как «место пересадки». *Второй вариант* предполагал не просто переезд из одной точки в другую, но и временное проживание в других регионах России. Схема такого переезда: Кавказ (Закавказье) — регионы РСФСР (России) — Мурманская область. Чаще всего это траектория мужчины, она связана со службой в армии, учёбой или другими событиями жизненного цикла (женитьбой, рождением детей, болезнью или смертью родственников). *Третий вариант* связан с перемещением по схеме: Кавказ (Закавказье) — Север СССР (России) — Мурманская область. Он оказался самым удачным, если судить по биографиям переселенцев, поскольку адаптация, прежде всего к северным природно-климатическим особенностям, происходила поэтапно. Наконец, *четвёртый вариант* маршрута начинался в городах России, следовал через Кавказ, а завершался на Кольском полуострове. Траектория такого переезда: города РСФСР (России) — Кавказ (Закавказье) — Мурманская область. Она характерна для переселенцев, которые родились в советский период в городах России, впоследствии были вынуждены вернуться на родину родителей (в республики Кавказа), но вследствие возникших позже различных обстоятельств, переехали в города Кольского Севера. Эти группы мигрантов не сталкивались с проблемами адаптации.

Этнические мигранты и принимающая среда

Этнические сообщества и отношение принимающей среды

В 2006 гг. сотрудники ЦГП КНЦ РАН совместно с Лабораторией социологии Кольского филиала ПетрГУ предприняли ряд локальных исследований с целью выявить тенденции межэтнических отношений. Анализ материала производился с учётом взаимных представлений, мнений и практик взаимодействия местных жителей и мигрантов. Исследовательский фокус составили субъективные аспекты восприятия межэтнических отношений. В рамках сотрудничества организаций выполнено

поисково-пилотажное социологическое исследование, направленное на изучение этнической толерантности в г. Апатиты (2006 г., исполнитель студентка А. Попова, научный руководитель доц. Н. Н. Измоденова)[1]. Анализ эмпирических данных позволил выделить комплексы проблем: а) проблемы социальной и этнической самоидентификации респондентов, частью которых являлись отношения к группам-мигрантам; б) проблемы, связанные с реальными практиками общения с представителями других этносов и их оценкой; в) установки на взаимодействия с «другими» и представления об их роли в городской общности. Степень толерантности являлась результирующей характеристикой этих практик, установок, оценок.

По данным переписей населения за 1989 и 2002 гг., национальный состав города Апатиты изменился. Во-первых, общая численность населения сократилась за тринадцать лет почти на 24 тыс. человек. Во-вторых, значительно возросло количество национальностей в городе, оно увеличилось с 12 в 1989 г. до 75 в 2002 г. Несмотря на разнообразие национального состава городского населения, русские составили 89,5 %. Таким образом, этническая гомогенность населения города повысилась по сравнению с 1989 г. (на 2,8 %)[2].

Сокращение населения происходило за счёт выезда и естественной убыли населения. Количество русских уменьшилось за лет на 19 тыс. человек. Количество украинцев и белорусов сократилось в два раза, как и карелов, евреев, татар. В то же время в полтора раза увеличилось количество саамов, появились представители народов Средней Азии и Кавказа, которых не фиксировала перепись 1989 г.: казахи, киргизы, таджики, чеченцы, аварцы, осетины, адыгейцы, цыгане и т. д. Наибольший удельный вес мигрантов принадлежал народам Кавказа.

В целом, можно констатировать, что на территории города Апатиты за межпереписной период (с 1989 по 2002 гг.) было зафиксировано сокращение численности населения, которое отразилось в уменьшении количества представителей основных (славянских) национальных групп и в росте числа представителей новых национальностей, не проживавших ранее на территории города.

Несмотря на то, что социологическое исследование носило пилотажный характер, оно позволило сформулировать ряд выводов: в городе Апатиты в 2006 г. преобладали интолерантные установки и отношения; большинство представителей русского населения испытывали различного рода фобии, повышенный уровень тревожности в связи с наплывом этнических мигрантов; интолерантность носила ярко

---

[1] Измоденова Н. Н. Толерантность-интолерантность в современном российском северном городе // Северяне. Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова. Апатиты: КНЦ РАН, 2006. С. 19–28.

[2] Там же. С. 22.

выраженный этнический и молодёжный характер. Таким образом, при общей стабильной социальной ситуации в городе и регионе был накоплен относительно высокий потенциал этнической нетерпимости. Это могло спровоцировать межэтнические конфликты. Городское население не проявляло беспокойства, связанного с потерей социального статуса из-за увеличения числа мигрантов. Вероятно, сохранению подобных оценок способствовал высокий уровень образования и высокие статусы большинства «местных» жителей.

Сети поддержки мигрантов: взгляд принимающего населения

В 2007 г. О. В. Змеева продолжила изучение отдельных аспектов, связанных с взаимодействием этнических мигрантов и принимающего населения. Выполнены исследования, посвящённые формированию социальной сети поддержки мигрантов с Кавказа. В одном из них рассматривалась проблема организации этнических сообществ в Кировско-Апатитском районе и влияние этнических объединений на идентичность «кавказцев»[1]. Сбор информации осуществлялся методом биографического интервью. Информантами стали мигранты, представители различных этносов — армяне, азербайджанцы, грузины.

Исследование подтвердило общее представление об отсутствии этнических конфликтов на территории Мурманской области. При этом информанты указывали на эпизодические противостояния с местным населением, подчёркивая их общую социальную, но не этническую природу. Отмечалась тенденция к сужению общественных коммуникативных границ при поддержании регулярного общения с представителями своих этнических групп. При этом контакты мигранта за пределами родины состояли преимущественно из его общения с представителями семейно-родственной группы. Исследование показало, что родственные отношения, для которых характерно условное разделение на близких и дальних родственников, а также их объединение в одну расширенную семью, оказались доминирующими среди мигрантов-азербайджанцев. Для армян и грузин факторы семейственности и родства ограничивались исключительно узким семейным кругом.

Особое внимание уделялось мнениям мигрантов о существовании этнических организаций разного уровня. Изо всех опрошенных только азербайджанцы отмечали наличие признаков, характерных для создания организованного этнического сообщества. Плотность семейно-родственных отношений, по мнению информантов, свидетельствовала о взаимной

[1] Змеева О. В. Диаспора — основа для сохранения этничности? // Живущие на Севере: опыт и прогнозы: сб. ст. / науч. ред. П. В. Федоров. Мурманск: Изд-во МГПУ, 2008. С. 99–103.

поддержке «своих», а также о неразделённости формальных и неформальных контактов внутри этнической группы. Респонденты также указали на то, что азербайджанцы больше поддерживали друг друга, чем представители других групп. Предположительно, такое мнение об азербайджанцах — следствие распространённого представления об особой традиционности этой этнической группы.

Представители же других национальных групп (грузины, армяне, русские) не упоминали о существовании какого-либо организованного сообщества. Создавать диаспору (со структурами, поддерживающими этническое отдельной общности) в регионе, по всей видимости, не было необходимости, поскольку при разнообразии национальных групп этническая идентичность каждой из них не размывалась.

Отдельным результатом данного исследования стало осмысление понятия «этнокультурная ситуация». Опираясь на предложенный С. М. Широкогоровым термин «этническая среда», этнокультурная ситуация рассматривалась как состояние этнической среды в определённый период времени и на определённой территории. Основные элементы этнической среды — этнические группы, проживавшие на определённой территории. Этническую среду для этноса создают другие («соседние» в рамках территории) этнические группы. В полиэтнических регионах таких этнических сред множество. Разделение этнических групп происходит не только извне, но и внутри сообщества на основе разных и очень динамичных культурно-идентифицирующих свойств, то сближающих, то разъединяющих элементы этносреды. Этнокультурная ситуация включает субъекты, формирующие этническую среду, систему идентификаторов, идентичности, виды интеракций и их последствия, которые в конечном итоге затрагивают каждого члена общества. В зависимости от числа этнических групп, проживающих на конкретной территории, выделялось и количество этнических сред. «Полиэтничность» заключается в сложных переплетениях идентичностей в рамках этнических сред, а потому в полиэтничном районе неизбежны проблемы взаимопонимания представителей разных этнических групп.

Национальный состав изучаемого региона в 2002 г. включал представителей 126 этнических групп. Из 892534 человек, составлявших население региона, 85,2 % — русские. На втором месте по численности — украинцы, на третьем — белорусы. Несмотря на доминирование славянских национальных групп, к 2002 г. (по сравнению с последней советской переписью 1989 г.) в области увеличилось количество этнических групп. Возросла доля трудовых мигрантов.

Между принимающим населением и мигрантами возможны разные варианты отношений: от растворения в этнокультурной среде до образования диаспор и борьбы за сохранение этничности. На протяжении многих десятилетий приезжавшие в Мурманскую область люди рассматривали

своё проживание на данной территории как временное. Сложились социальные практики, способствовавшие впоследствии в изменившейся социокультурной ситуации сохранению бесконфликтного сосуществования укоренившихся граждан и новых переселенцев. Многие мигранты постсоветского периода изначально не испытывали потребности закрепиться на территории Мурманской области и не создавали диаспор. Таким образом, отсутствие этнических организаций в городах области могло свидетельствовать об общей тенденции сохранения накопленного в советский период потенциала этносоциальной толерантности.

«Толерантность/интолерантность»: поколенческие различия

Для того чтобы выявить, как менялось восприятие мигрантов представителями разных возрастных групп, мы дополнительно изучали мнения жителей малых и средних городов области[1]. Исследователи исходили из распространённых представлений о социальных особенностях заполярного города. Одной из отличительных характеристик промышленных городов среди населения считалось отсутствие укоренённых жителей. Второе предположение основывалось на представлении о лояльности местных жителей (самих приезжих или их детей) в отношении к новым группам переселенцев, независимо от этнической принадлежности.

Объектом исследования выступили две группы: студенческая молодёжь (18–21), представители «родительского» поколения (старше 40). Сбор информации осуществлялся с помощью метода полуструктурированного интервью в два этапа: сначала опрашивались студенты, затем им было предложено взять интервью у родителей или других «старших», которыми, как правило, оставались близкие родственники. Изначально предполагалось, что представители старшего поколения терпимее относятся к приезжим, в том числе и к этническим мигрантам, так как они являлись, с одной стороны, преимущественно переселенцами на Север (большинство опрошенных родились в других регионах страны), с другой стороны, более опытными в социальном отношении, в отличие от молодых людей.

Анализ показал, что молодые люди отрицательно характеризовали этнических мигрантов значительно реже, чем их старшие родственники. Предположение о том, что в ситуации интервьюирования тексты взрослых могли иметь дидактический характер, то есть демонстрировать нормативное отношение, не оправдалось. Представители старшей возрастной группы, общаясь с молодыми интервьюерами (некоторые давали интервью своим

[1] Змеева О. В. «Отцы и дети»: проблема сохранения этничности и возможности адаптации «кавказцев» на Кольском Севере // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI века. Апатиты: КНЦ РАН, 2007. С. 116–121.

собственным детям), открыто выражали негативные позиции, используя в том числе резкие высказывания. Информанты «родительского поколения» акцентировали внимание на личном негативном опыте общения с так называемыми «лицами кавказской национальности». Сравнение советского времени «дружбы народов» и постсоветской этнической разобщённости укрепляло старших опрошенных в убеждении, что в стране разрушены не только экономические, промышленные, политические основы советской государственности, но и этносоциальная стабильность в целом. То же относится к Северу. Информанты противопоставляли формы и ситуации межличностных этнических контактов в советский и постсоветский периоды.

У молодых информантов также наблюдались полярные точки зрения и оценки, выражавшие как негативное, так и позитивное отношение к новым переселенцам с Кавказа. В кратких и развёрнутых характеристиках мигрантов были представлены все черты «инаковости», типичные для этнического образа (экстраобраза) чужого этноса. Большинство студентов, не имея опыта общения с «кавказцами», кроме кратковременных встреч на улице, занимали либо нейтральную позицию (с обоснованием плюсов и минусов пребывания этнических мигрантов на Кольском Севере), либо демонстрировали безразличие к сложившейся ситуации. Позиция молодых людей приобретала оборонительный характер, несмотря на то, что в целом демонстрировала «неучастие». В высказываниях присутствовала нереализованная негативность. Вместе с тем «невключённость» студентов в этнокультурную ситуацию могла свидетельствовать и о высокой степени готовности к общению с этническими мигрантами. Большинство молодых информантов, в отличие от представителей старшего поколения, не распространяли оценочные высказывания на всю этническую группу. Студенты в большей степени выражали сочувствие этническим мигрантам, особенно беженцам, беспокоясь за судьбу подрастающего поколения. Длительное пребывание в экстремальных для мигрантов-южан условиях Крайнего Севера рассматривалось студенческой молодёжью своеобразным подтверждением потребности «кавказцев» в индивидуальной и семейной адаптации к жизни в малом промышленном городе.

Этнические группы Мурманской области и их взаимодействие

Советские граждане: опыт адаптации

В 2009–2010 гг. О. В. Змеева выполнила этносоциологическое исследование[1], которое выявило установки жителей Мурманской области

[1] Этнокультурные факторы социальной динамики на Крайнем Севере в XX–XXI вв. (Кольский Север): отчёт о НИР. Апатиты, 2010.

на определённые способы взаимодействия с представителями этнических и социальных групп. Его объектом были жители малых городов Мурманской области различной этнической принадлежности. В группе респондентов были белорусы, карелы, литовцы, русские, татары, узбеки, украинцы, эстонцы. Все они себя идентифицировали не как представители этнических групп, а как представители надэтнического советского общества.

Исследование показало, что опрошенные практически не испытывали проблем с адаптацией в городах на Кольском Севере, если исключить вре́менные обстоятельства, связанные с привыканием к климатическим условиям и в отдельных случаях с приобретением и обустройством жилья. Большинство респондентов проживали в Мурманской области на момент исследования более двадцати лет — они считали себя «старожилами».

Между этническими группами, проживавшими в малых городах области, респонденты не наблюдали конфликтов, которые бы имели этнокультурные основания, но отношения с мигрантами рассматривались как потенциально напряжённые. Приезжие в большинстве своём воспринимались в виде групп «кавказцев». Именно с ними ассоциировались враждебность и агрессивность. «Кавказцы», таким образом, оставались символом иммиграционной волны на протяжении первых двух десятилетий постсоветской России. При этом отношение жителей к коренному населению Кольского полуострова[1], на которое повлияла советская идентичность, основывалось на противопоставлении села городу. Саамское население, как коренной малочисленный народ, постепенно приобретало статус этноэкономического субъекта на территориях России, Норвегии и Финляндии. Отношение мурманчан к саамам изменилось, аборигенов воспринимали как обособленную, ориентированную на этнополитические процессы социальную общность.

Таким образом, с одной стороны, культурные границы закрепились между большинством — городскими жителями и коренным населением — саамами. С другой стороны, границу определял переселенческий статус — старожилов и мигрантов.

Данная ситуация обусловлена экономическими и политическими факторами не регионального, а более высокого уровня. Представители национальных групп в малых городах Мурманской области сохраняли этническую идентичность на уровне семьи и перенимали локальную идентичность «северян». Передача культурных особенностей определялась семейно-культурной политикой, этническая культура сосредоточивалась в рамках малых, как правило, семейно-родственных групп.

---

[1] К коренным малочисленным народам Севера на Кольском полуострове относятся также ненцы, но чаще всего Мурманская область в отношении коренного населения воспринимается как территория саамов.

Мигрант и женщина: особенности взаимодействия

В 2008–2009 гг. исследование системы взаимодействий мигрантов-«кавказцев» и жителей Мурманской области продолжилось[1]. Изучались мнения и представления городских жителей об отношении трудовых мигрантов к женщинам и о поведении северянок, контактирующих с приезжими.

Исследование показало в целом традиционность представлений северян о гендерных ролях и статусах кавказцев на их родине. Поведение мигранта с Кавказа, независимо от его семейного положения, в месте прибытия было иным. В новом социальном пространстве мужчина-кавказец, по мнению северян, становился конкурентом для местных мужчин и представлял опасность для местных женщин, воспринимая последних в качестве объекта сексуального интереса. Сексуальная активность списывалась на традиционную полигамию выходцев с Кавказа. Возмущение и осуждение вызывали у горожан обоего пола поведение местных женщин, которые поддерживали интимные отношения с мигрантами. При этом сексуальные связи не вызывали удивления, если они устанавливались между этнически «родными» мужчинами и женщинами. Близкие отношения условно русских и «кавказцев» воспринимались как имеющие экономический характер. Использовалась рыночная терминология. Мужчина-«кавказец» выступал в роли покупателя, а женщина — продавца или товара.

Таким образом, возникало противоречие между представлениями об обеспеченности, финансовой самостоятельности северянок и мифом о «продажности» русских женщин кавказским мужчинам[2]. Отношения между этническими группами в результате воспринимались как образцы гендерного взаимодействия.

Мотивы потребительского отношения к местным женщинам со стороны мужчин-мигрантов связаны с желанием повысить социальный статус — перестать пребывать в роли мигранта и получить российское гражданство, с удовлетворением собственно сексуальных потребностей, с адаптацией в инокультурной среде.

Кавказцы на Кольском Севере: миграционный опыт

С учётом выявленных представлений о качествах этнических мигрантов появилась необходимость изучить мнения самих переселенцев о жителях Мурманской области и их отношение к сложившемуся образу

---

[1] Этнокультурные факторы социальной динамики на Крайнем Севере в XX–XXI вв. (Кольский Север): отчёт о НИР. Апатиты, 2010.

[2] Змеева О. В. Гендерные и сексуальные роли как средство адаптации этнических мигрантов // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации / под ред. В. П. Петрова, И. А. Разумовой. Апатиты: КНЦ РАН, 2008. С. 74.

«кавказца». Особого внимания требовала оценка уровня конфликтогенности во взаимодействиях местного населения и приезжих. Исследование под общим названием «Кавказцы на Кольском Севере: к проблеме трансформации этнической идентичности»[1] было начато ещё в 2005 г. Материал собирался методом биографического интервью. Опрашивались представители так называемого миграционного сообщества г. Апатиты, идентифицировавшие себя в качестве представителей кавказских этносов (были отобраны армянские и грузинские семьи). Воспринимавшие себя переселенцами информанты фактически являлись адаптированными горожанами, их дети выросли в северных городах региона. Первичная социализация поколения детей, вне зависимости от времени рождения (в СССР или постсоветской России), у наших информантов происходила в городах Кольского Заполярья. Таким образом, в процессе работы оформилась новая группа потенциальных информантов, пожелавших участвовать в исследовании.

Особое внимание уделялось миграционному опыту переселенцев, выбранным способам адаптации к новому месту жительства и проблеме сохранения этнической идентичности в постсоветское время (как членов семей, социализировавшихся в Советском Союзе, так и родившихся после его распада).

Представители гетероэтнических семей отмечали, что и для них самих, и для детей самоопределение превращалось в проблему. Аргументы в пользу причисления себя к большинству (имеется в виду русскоязычное полиэтническое население региона), то есть к русским, или к этническому меньшинству определяли выбор стратегии адаптации. Избранный вариант приспособления к новым условиям становился предметом оценки более широкой родственной группы.

При анализе интервью учитывались личностные параметры, повлиявшие на этническую самоидентификацию: возраст человека, семейные обстоятельства, специфические особенности, характер. Большое значение имело место рождения информантов: те, кто родились в республиках Закавказья в СССР или жили там какое-то время (распространёнными оказывались ситуации, когда родители отправляли ребёнка на родину в период летних каникул), знали армянский или грузинский язык, могли общаться на нём с окружающими. Единичными были ситуации, в которых поддерживались регулярное общение внутри родственной группы на разнообразные темы, приобщение детей к традиционной культуре, постоянная языковая поддержка родственников на этнической родине.

---

[1] Змеева О. В. Кавказцы на Кольском Севере: к проблеме трансформации этнической идентичности // Живущие на Севере: вызов экстремальной среде: сб. ст. / редколлегия: П. В. Федоров, Ю. П. Бардилева, Е. И. Михайлов. Мурманск: Изд-во МГПУ, 2005. С. 50–54.

Этническая принадлежность членов семей, отношение к сохранению культуры имели серьёзные различия в условных группах «родителей» и «детей». Дети, не знавшие этнического языка, по мнению родителей, оставались в уютном этническом пространстве — у них не было языковой адаптации, они изначально были вписаны в «местную» культуру, потому что родились на Севере или оказались в Заполярье в детском или раннем подростковом возрасте. Владение языком большинства, конечно, не освобождало детей от выбора этнической принадлежности. Однако родители специально не обучали детей материнскому языку, что привело к изменению самосознания молодого поколения. Лёгкость взаимодействия с окружающими людьми, свободное владение русским языком, возможность рассказать о культуре своей этнической группы, а также потребность в понимании культуры других этнических групп способствовали более успешной социальной адаптации детей. Дети, которые родились до 1991 г. и социализировались в 1990-е гг., с одной стороны, имели разнообразные этнические контакты в условиях укрепления этнической идентичности бывших советских граждан, с другой стороны, столкнулись с постсоветской ксенофобией, последствиями утверждения негативных образов «лиц кавказской национальности».

Дети учились в России и не желали уезжать на родину родителей. Из-за детей последние не решались покидать северные края, хотя и мечтали об этом. Вопрос о возвращении на родину, в частности в бывшие кавказские республики СССР, был причиной семейных конфликтов, так как мнения членов семьи, как правило, различались. В связи с этим обострялась проблема сохранения материнского языка в семейной группе. Информанты (выходцы из кавказских республик) могли свободно общаться на родном языке. Дети же, родившиеся на Севере, даже в моноэтнической семье не владели родным языком родителей. В отдельных случаях информанты понимали разговорную речь, но не испытывали потребности в общении на национальном языке даже в бытовом общении, отдавая предпочтение русскому языку.

Родители отмечали коммуникативные сложности в общении на русском языке. Ключевые проблемы — сохранившийся акцент и недопонимание смыслов некоторых слов и высказываний. Стремление социально адаптировать детей и отсутствие у последних сложностей в общении со сверстниками вынуждали старшее поколение отказаться от использования дома родного языка. Эта ситуация показала начало «языкового сдвига», при этом «дети» не всегда поддерживали «родителей» в отношении такой культурной политики.

Если часть мигрантов отказывалась от использования родного языка, другие, наоборот, расширяли языковое пространство, переходя к двуязычию. В обоих случаях дети практически не испытывали неудобств

в общении. Они не чувствовали себя чужими в разных языковых средах, будучи вполне адаптированными к этнической ситуации в регионе.

Таким образом, освоение русского языка мигрантами связано с рядом возрастных и гендерных различий. Молодёжь усваивала язык в общении с русскоязычными северянами. В отдельных семьях родители предпочитали говорить только на родном языке, зная в той или иной степени русский. Женщины обучались языку в быту, общаясь с соседями, мужчины старшего возраста свидетельствовали, что язык в основном осваивали в Советской армии. Очевидно, что для представителей младшего поколения стимулирующим фактором адаптации оставалась внутрисемейная культурная политика старших родственников. Как правило, родители помогали детям избежать трудностей, с которыми столкнулись сами. В результате произошли этнический, языковой и культурный сдвиги подрастающего поколения, а также трансформация идентичности у детей, более плотно включённых в культуру окружающих местных жителей, чем их родители. Дети легче меняли этничность, они манипулировали ею в зависимости от ситуации.

Выявлено, что на адаптацию мигрантов влияли некоторые региональные особенности. Информанты сравнивали ситуацию на этнической родине и на Севере, опираясь на собственные наблюдения, которые фиксировали типы отношений между представителями разных национальных групп. Ключевое отличие трудовых мигрантов, работавших на Севере, от мигрантов из крупных городов России — отсутствие заполярных этнических диаспор, по крайней мере, в первые десятилетия миграции на постсоветском пространстве. Представления о сплочённости мигрантов противоречили фактам участия национально-культурных объединений в жизни этнических групп. Объединения оценивались как фактор социальной опасности, а этнические группы исключительно как среда для расширения культурных контактов национальных групп. В результате сами мигранты представляли социокультурную адаптацию безопасной. Трудности ассоциировались с природно-климатическими условиями.

Территориальные, социально-экономические и этнокультурные различия между территориями подчёркивали все информанты. Север сравнивался с южными областями России и с этнической родиной. Сопоставление касалось конфликтов, в том числе бытовых, между группами-соседями и характеристик социально-экономического пространства. Ключевыми проблемами на родине были массовое закрытие государственных предприятий и нехватка рабочих мест. Возможность преодолеть финансовые трудности — основная причина миграции. Интерес к событиям, происходившим на этнической родине, у переселенцев сохранялся, особенно это касалось территорий, жители которых пострадали от вооружённых конфликтов. Возвратная миграция опрошенными не планировалась.

Другими важнейшими причинами миграции на Север респонденты назвали отсутствие межэтнических проблем и специфика «северного» социума. Отношения между этническими группами на условном «Юге» характеризовались переселенцами как конфликтные. Большинство контактов «кавказцев» на Севере осуществлялось в семейно-родственной группе, в том числе и на рабочем месте. В Заполярье информанты отмечали существование особого типа общения, которое отличало именно «северян», а не этнические группы.

Исследование подтвердило воздействие миграции на изменение этнической идентичности переселенцев, в частности, подрастающего поколения. Оно показало и влияние региональных особенностей на оценку этническими мигрантами этнокультурных, социальных и экономических перспектив. Интериоризация локального «миграционного текста» приводила к отказу от этнической идентичности в пользу локальной, или к ослаблению этнического фактора в личностном самоопределении.

Изучение последствий миграции в Мурманскую область для кавказцев продолжилось в 2006 г. Была расширена география исследований (включены населённые пункты с подведомственной территорией городов Кировска, Полярных Зорь, Кандалакши), также было увеличено количество информантов (в объект включены новые этнические группы: азербайджанцы, русские)[1].

При сборе информации сохранялся ранее выбранный метод биографического интервью. Учитывался полевой опыт предыдущего сезона, работа с информантами требовала преодоления препятствий уже на этапе поиска. Многие их тех, кто мог бы участвовать в исследовании, отказывались от интервью. Женщины, последовавшие за мужьями в 2000-е, категорически отказывались от разговора. Они рекомендовали вести беседу не с ними, а с их супругами. В ответ на вопрос, почему они сами не могут разговаривать, находилось объяснение в виде двух причин: 1) боязнь недопонимания смысла слов и вопроса в целом и 2) трудность составить предложение на русском языке. Женщины редко бывали в публичном пространстве, большей частью находясь в домашней обстановке. Они не имели навыков рассказывания на русском языке. Мужчины последней волны миграции, то есть прибывшие в 2004–2005 гг., тоже очень плохо разговаривали на русском языке, но они соглашались участвовать в беседе. Диалоги с ними трудно назвать полноценными интервью, они больше были похожи на стандартизированные интервью с предполагаемой системой коротких ответов.

[1] Этнокультурные процессы на Кольском Севере в XX — начале XXI вв. и в исторической ретроспективе: отчёт о НИР. Апатиты, 2006.

В результате было принято решение в 2006 г. включить в исследование тех переселенцев, которые проживали в Мурманской области на момент опроса не менее десяти лет. Далее в выборе объекта исследования непременно учитывалось мнение жителей городов. Людей спрашивали, есть ли среди их окружения (родственников, друзей или знакомых) те, кого они могли бы назвать «кавказцами», и почему. Таким образом, используя метод снежного кома в каждом населённом пункте, мы накапливали группы информантов разных национальностей. Естественно, взгляды условно местных жителей и тех, на кого они указывали как на этнических мигрантов, совпадали не во всех случаях (поэтому среди информантов-кавказцев заявлена группа русских). И наконец, мы обозначили возрастные границы: опрашивались люди, которым на момент интервью исполнилось восемнадцать лет. Анализ интервью проводился с учётом биографических особенностей информантов (места рождения, времени переезда на Север, этнической принадлежности, пола).

Результатом интервью, прежде всего, стали обширные биографические данные, которые свидетельствовали об обстоятельствах, предшествовавших переселению и сопровождавших мигранта. Кроме того, мы получили информацию о первом восприятии места, которое человек зафиксировал по прибытии. Основные причины и выбранные способы переезда позволили нам объединить информантов в группы: те, кто вынужден был переехать, то есть беженцы и вынужденные переселенцы; переселившиеся в советское время по распределению и оставшиеся на Севере; переехавшие по семейным обстоятельствам — добровольные мигранты. Также удалось установить траектории передвижения переселенцев. Группы мигрантов, которые переехали из бывших союзных республик сразу, напрямую в Мурманскую область, оказались менее приспособленными к заполярным условиям и социокультурной обстановке региона, в отличие от тех уроженцев Кавказа, которые до переезда на Кольский полуостров учились и жили, пусть и непродолжительное время, в других российских городах.

Уверенность в бесконфликтности территории и позитивный опыт межкультурных взаимодействий, который транслировался старожилами, привели к тому, что идентичность, связанная с этническими особенностями, отошла на второй план, а основой самоидентификации стало локальное самосознание.

Адаптация мигрантов в малом городе: опыт азербайджанцев

В 2014–2015 гг. И. А. Разумова и О. В. Змеева — участники работы по проекту РФФИ «Северяне-“старожилы” и северяне-“мигранты”: миграционный опыт и коммуникационные сети современных жителей Мурманской области» опубликовали результаты двух исследований,

которые проводились в 2013 г. в Мончегорске: социологическое, имевшее пилотажный характер, и социально-антропологическое. Работы были посвящены отношению жителей малого города к этническим мигрантам и адаптации одной этнической группы в моногороде[1]. Объектом исследования стали жители г. Мончегорска, предметом рассмотрения — адаптационные стратегии, коммуникативные практики взаимодействия принимающего населения и мигрантов-азербайджанцев. Мигрантами в данной работе авторы называли группу переселенцев, приехавших в арктический город не позднее 2009 г. (то есть на момент исследования период проживания в городе мигранта не должен был превышать 5 лет).

Среди групп мигрантов в качестве объекта изучения была выделена одна этническая группа — азербайджанцы. Выбор обусловлен численностью азербайджанцев в национальном составе населения Мурманской области. Среди «кавказских» народов они занимали лидирующую позицию (см. данные Всероссийских переписей населения 2002, 2010 гг.). Для реализации поставленных целей использовались методы сбора информации: анкетный опрос и метод биографического интервью. Сбор информации осуществлялся в мае и декабре 2013 г. по разработанной авторами методике студентом 5-го курса специальности «Социология» КФ ПетрГУ М. А. Лукиным. Все информанты, принявшие участие в биографическом интервью, — мужчины в возрасте от 30 до 48 лет, выходцы из моноэтнических семей, уроженцы Азербайджанской ССР, мигранты из различных населённых пунктов этой республики. Практически все состояли в браке с представительницами собственной этнической группы, и только один был женат на русской женщине. Выборочная совокупность для проведения анкетного опроса, стратифицированная по полу и возрасту, составила 2319 человек. Было опрошено 100 человек. В соответствии с социально-демографическим статусом в структуре выборки представлены следующие группы респондентов: мужчины — 44 %, женщины — 56 %.

Сопоставление с предыдущими исследованиями подтвердило гипотезу о сохранении азербайджанцами своей миграционной тактики. По крайней мере, в период с 2005 по 2013 гг. она не подверглась трансформации в двух отношениях: во-первых, азербайджанцы приезжали в Мурманскую область к друзьям и/или родственникам; во-вторых, их миграция всегда сопровождалась переездом к старшему по возрасту мужчине. Время адаптации, конечно, весьма индивидуально, но чаще всего оно ограничивалось календарным годом. Естественно, новосёл практически всегда привозил на новое место малую семью (жену и детей),

[1] Отчёт по проекту РФФИ № 14-06-98805 «“Северяне” и “мигранты”: и северяне-“мигранты”: миграционный опыт и коммуникационные сети современных жителей Мурманской области». Апатиты, 2015.

если они имелись до принятия решения о переезде. В отдельных случаях азербайджанцы перевозили родителей или других близких родственников. В результате завершался цикл переездов для одной семьи и создавалась возможность переселения новым поколениям мигрантов, при этом в регионе выезда сохранялось семейно-родственное «место памяти» и одновременно формировалось новое, в месте прибытия, как пространство социальных возможностей.

Выявлены факторы, которые влияли на успешность закрепления мигранта. Среди них особое место занимали степень родства, возраст самого приезжего и его родственника, знание и владение русским языком, место выезда мигранта (сельское или городское поселение).

Подтвердились предположения о трудностях адаптации азербайджанцев. Самой существенной проблемой мигранты считали коммуникативную. Сложности в общении они связывали с незнанием или слабым знанием русского языка. Это качество отличало молодых мигрантов от тех, кто учился в советской школе, когда русский язык шире использовался, особенно в городах Азербайджана. Из-за русского языка, по мнению мигрантов старшего поколения, сузился и круг общения молодых мигрантов[1].

Все азербайджанцы, участвовавшие в исследовании, получили среднее специальное образование на родине. Кто-то работал по специальности, но большинство — в сфере розничной торговли. Помощь на рынке им оказывали их дети подросткового возраста. Сами мигранты не претендовали на высокие должности и престижные профессии, но для детей получение высшего образования считали обязательным. «Лучшая жизнь» — общее условие переезда, которое мигрант определил не только для себя, но и для близких, в первую очередь детей. Можно предположить, что уже на этапе принятия решения о семейной миграции, потенциальный переселенец планировал образовательные перспективы собственного ребёнка с целью повысить персональный статус.

«Миграционная ситуация изменилась в течение нескольких лет: малый арктический город при возможности получения детьми образования рассматривался мигрантами как более привлекательный, чем южная родина или мегаполис. Благоприятные условия проживания, приемлемая сфера деятельности, общинные связи и семейный статус мигрантов препятствовали возвратной миграции и положительно влияли на экономическую и этносоциальную стабильность. Вместе с тем

[1] Разумова И. А., Змеева О. В. «Я решил жить здесь…»: адаптация азербайджанцев в заполярном городе в 2010-е гг. // Учёные записки Петрозавод. гос. ун-та. Общественные и гуманитарные науки. Петрозаводск, 2014. № 5 (142). С. 13–17.

за пределами рабочего пространства приезжие, особенно проживающие в общежитиях, в социально неблагополучном соседстве, продолжали общаться исключительно с представителями своей этнической группы»[1].

В результате пилотного социологического исследования были проанализированы эмоциональное отношение мончегорцев к приезжим и оценки ими поведения мирантов. Эмоции, которые указывали мончегорцы, описывая своё отношение к приезжим, объединялись в парные категории: неприязнь/симпатия; страх/спокойствие; дискомфорт/комфорт; превосходство/равенство. Исследование показало, что по всем показателям большинство респондентов придерживалось нейтральных позиций. Такое распределение ответов требовало особого внимания, поскольку невозможно предсказать поведение людей, занимающих нейтральную позицию в виртуальных ситуациях противостояния или необходимости помощи мигрантам. Это, в свою очередь, свидетельствовало о выжидательной позиции горожан. Подтвердился и ранее сделанный вывод об отсутствии конкуренции местных с мигрантами в традиционных сферах жизни города. Опыт взаимодействия местных жителей и приезжих, как правило, ограничивался сферами обслуживания и торговли. Выявлено, что чаще всего горожане встречали мигрантов на рынке, в частных магазинах, на овощных базах и т. д.

Среди всех социальных характеристик на отношение к этническим мигрантам влияли только пол и возраст респондентов. Мужчины относились к переселенцам менее терпимо, чем женщины. Представителями нетерпимого отношения и поведения являлись горожане в возрасте от 18 до 35 лет. Значительно спокойнее к мигрантам относились мончегорцы в возрасте от 36 до 50 лет. Высокий уровень толерантности отличал местных жителей в возрасте от 45 лет и старше[2].

Беженцы и социокультурная динамика в регионе

Украинские беженцы в региональных СМИ (2014–2015 гг.)

В Мурманской области к концу 2014 г. проживало 18 тысяч иностранных граждан, что на 34,7 % больше, чем в 2013 г. Стремительный рост иностранцев во многом являлся последствием трагических

---

[1] Отчёт по проекту РФФИ № 14-06-98805 «“Северяне” и “мигранты”: и северяне-“мигранты”: миграционный опыт и коммуникационные сети современных жителей Мурманской области. Апатиты, 2015. С. 26–27.

[2] Змеева О. В. Отношение жителей малого промышленного города к мигрантам // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 6. 2014. № 6 (25). С. 87–98.

февральских событий в Киеве, которые в официальном политическом дискурсе принято называть «государственным переворотом» (Евромайдан, отстранение от власти действующего президента, формирование нового правительства). Политический кризис привёл к многочисленным социальным конфликтам. Весной 2014 г. на юго-востоке Украины жители многих населённых пунктов вышли на митинги в защиту статуса русского языка, протестовали против радикальных заявлений и закона о люстрации. Присоединение Крыма к России, заявления об организации Донецкой и Луганской народных республик и впоследствии объявление их независимости в конечном итоге привели к военному конфликту на Донбассе. В июне 2014 г. в российских средствах массовой информации появилось множество публикаций о введении чрезвычайного положения, например в Ростовской области, из-за большого количества прибывших в регион беженцев. Люди, бежавшие от войны, временно проживали в лагерях для беженцев, в дальнейшем организованными группами или самостоятельно переезжали в другие регионы страны.

Жители городов Кольского Заполярья тоже принимали беженцев с Украины. Первые сведения о прибывших в Мурманскую область украинских гражданах появились в региональных газетах в июле 2014 г. В городских газетах их приезд на Север первоначально аргументировался невозможностью трудоустройства и размещения всех желающих в регионах, соседствующих с Украиной.

Украинцы занимали вторую, после русских, позицию в этническом составе населения Мурманской области. По данным переписи 2010 г., в регионе проживало 34268 украинцев. Журналисты утверждали, что именно земляки первыми откликнулись на призыв о помощи приезжавшим беженцам. Одна из самых активных инициативных групп «Спасём Донбасс» появилась в Мурманске буквально сразу после начала событий на юго-востоке Украины.

По данным УФМС по Мурманской области, только в период с января по июль 2014 г. в регион прибыло и встало на миграционный учёт 2045 граждан Украины, включая 172 ребёнка. В марте 2015 г. в одной из статей «Мурманского вестника» сообщали, что с июля 2014 г. по март 2015 г. в Мурманскую область прибыло «4850 беженцев с Украины, в т. ч. 1132 ребёнка»[1]. Средства массовой информации подробнейшим образом знакомили жителей региона с изменением численности, миграционными установками, адаптацией украинских беженцев, разъясняли приехавшим иностранным гражданам порядок получения документов, приёма на работу, приобретения жилья.

[1] Нуреева О. Север ответил помощью // Мурманский вестник. 2015. 3 марта, № 37 (5930). С. 1.

В 2014–2015 гг. О. В. Змеева и О. А. Сулейманова выполнили обзор печатной прессы Мурманской области, который показал связь интенсивности миграционных потоков и адаптационных установок украинских переселенческих групп[1]. Исследование началось с контент-анализа прессы городов Мурманской области. Материалами стали различного рода публикации, размещённые в период с 1 марта 2014 г. по 1 марта 2015 г. в региональной прессе — еженедельных газетах малых и средних городов области: «Мончегорский рабочий» (Мончегорск), «Заполярная руда» (Оленегорск), «Край Света», «Ковдорчанин» (Ковдор), «Вести Кандалакши» (Кандалакша), «Дважды Два», «Кировский рабочий», «Хибинский вестник» (Апатиты и Кировск). Без внимания не остались ежедневные газеты регионального центра («Вечерний Мурманск»), а также издание областного уровня — ежедневные выпуски «Мурманского вестника». Все публикации условно распределили следующим образом: информационные, биографические, сообщения-обращения. Сообщения первой группы содержали информацию различных городских служб и областных подразделений по вопросам законодательства РФ о труде и занятости, размещения и трудоустройства переселенцев, положения на рынке труда, наличия вакансий, проведения консультаций с беженцами. Ко второй категории сообщений относились публикации разных жанров: тексты, которые включали фрагменты интервью с гражданами, прибывшими из Украины; статьи, содержавшие биографические сведения о тех, кто непосредственно помогал беженцам; сообщения и письма в редакцию, в которых представлены персональные благодарности помощникам; автобиографические тексты, рассказывавшие об опыте переселения. Сообщения третьей группы — это объявления, которые были обращены к жителям городов и содержали призывы участвовать в акциях и других мероприятиях, нацеленных на предоставление помощи беженцам.

Был собран обширный материал, основными тематическими блоками которого являлись проблемы переезда, трудоустройства, бытовой обустроенности граждан, поддержка принимающего населения.

Анализ миграционного опыта бежавших от военных действий людей показал факторы привлекательности заполярного региона для беженцев из юго-восточных районов Украины. Наряду с семейно-родственными связями, социально-психологическими и этнокультурными обстоятельствами самыми актуальными для беженцев были административно-территориальный и политико-административный факторы. В регионе были установлены

[1] Этнический и религиозный факторы социокультурного развития Кольского Севера в XX — начале XXI вв.: отчёт о НИР. Апатиты, 2015; Отчёт по проекту РФФИ № 14-06-98805 «“Северяне” и “мигранты”: и северяне-“мигранты”: миграционный опыт и коммуникационные сети современных жителей Мурманской области. 2015. С. 10–15.

экономические и социальные льготы для беженцев, а также определены условия их пребывания на приграничной территории.

Переселение беженцев в Мурманскую область осуществлялось в два основных потока — называемых «первой» и «второй» волной, которые пришлись на летние (июль-август) и осенние (октябрь) месяцы соответственно. Разделение на «миграционные волны» сопровождалось выбором способа переезда. В газетных публикациях речь шла о двух основных способах — добровольном и организованном. Первый вариант предполагал самостоятельный переезд украинцев на Север к родственникам или друзьям, второй — формирование организованных групп в местах локализации «беженцев» и затем транспортировку в Мурманскую область при помощи МЧС. Во вторую категорию попадали специалисты, в которых нуждалась область. Прежде всего, это врачи, работники горнодобывающего производства и некоторые другие. Для их привлечения была создана выездная комиссия, члены которой непосредственно взаимодействовали с беженцами в местах их первоначального размещения. Для этих групп был организован переезд, были предложены места для первоначального обустройства. Известно, что проживание и питание украинцев, находящихся в пунктах временного размещения, оплачивалось из региональных городских бюджетов. Именно представители организованной группы беженцев практически сразу после переезда имели возможность устроиться на предприятия и в учреждения мурманских городов после разрешения юридических вопросов, оформления правового статуса и т. д. Многие переселенцы практиковали поэтапный переезд в новое место. Некоторые семьи переезжали поочерёдно: «на разведку» сначала отправляли кого-то из членов семьи, затем перебиралась вся семья.

Определились основные мотивы выбора региона беженцами. Среди доминирующих — функционирование горнодобывающей отрасли и, следовательно, возможность трудоустройства, а также наличие знакомых и родственников. В Мурманской области наиболее востребованными оказались шахтёры, рабочие строительных специальностей, медицинские работники. Об отсутствии специалистов упоминали все газеты малых городов. Областные власти совместно с центрами занятости населения активно способствовали трудоустройству прибывших переселенцев. Проводились мероприятия с целью информирования потенциальных жителей о существующих предприятиях и организациях, предоставляющих рабочие места. Центры занятости периодически публиковали в городских газетах списки требуемых специалистов. Возможность устроить детей в школу или детский сад также немаловажный стимулирующий фактор.

Анализ газетных публикаций показал, что такие проблемы, как поиск жилья и работы, не могли быть разрешены самими беженцами. Создавались специальные штабы по оказанию помощи прибывшим. В их состав вошли представители всех служб, в которые приходилось

обращаться гражданам Украины для получения статуса беженца и разрешения на работу.

Большинство прибывших размещались в городских общежитиях, принадлежащих учебным заведениям, производственным предприятиям либо муниципалитету. Часть переселенцев столкнулась с проблемой нехватки (отсутствия) жилья, многие были вынуждены снимать квартиры по рыночной стоимости или пребывать в неподготовленных для жизни помещениях.

Исследование продемонстрировало сложности употребления и частое совмещение в речи журналистов и представителей регионального правительства, в официальных заявлениях и публикациях в масс-медиа понятий «беженец», «вынужденный переселенец», «гражданин Украины», «украинец», «украинский беженец». Правовые статусы «вынужденного переселенца», «беженца» определены законодательно[1], но в региональных средствах массовой информации всех прибывших граждан с юго-востока Украины журналисты записывали в две категории: «вынужденные переселенцы» и/или «беженцы». Общим для названных групп было то, что в большей или меньшей степени они подвергались гонениям или страдали от внешней враждебности. Принципиальное различие — гражданство, которое у беженцев и вынужденных переселенцев разное. Беженец — гражданин другой страны, в данном случае, не гражданин России, а вынужденный переселенец, в отличие от беженца, мог иметь российское

[1] В Российской Федерации статус беженца, а также вынужденного переселенца определен Федеральным законом «О беженцах» (№ 4528-I от 19 февраля 1993 г.) и Законом РФ «О вынужденных переселенцах» (№ 4530-I от 19 февраля 1993 г.). «Беженец» — это «лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений» (Федеральный закон «О беженцах»). «Вынужденный переселенец» — это «гражданин Российской Федерации, покинувший место жительства вследствие совершенного в отношении его или членов его семьи насилия или преследования в иных формах либо вследствие реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также по признаку принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, ставших поводами для проведения враждебных кампаний в отношении конкретного лица или группы лиц, массовых нарушений общественного порядка» (Закон РФ «О вынужденных переселенцах»).

гражданство. В этом смысле проблема статуса граждан Украины не могла быть однозначно определена. С одной стороны, на бытовом уровне к жителям Украины относились как к своим, бывшим советским гражданам, представителям единого государства СССР, с другой стороны, на официальном уровне жители Украины — граждане отдельного государства, с третьей — многие из них в 2014–2015 гг. подавали заявление о приобретении российского гражданства. В результате на территориях обоих государств возникали правовые коллизии, связанные с положением беженцев из непризнанных ЛНР и ДНР.

Обзор региональной прессы показал актуальность проблемы определения статуса прибывавших людей с юга-востока Украины. Присвоение человеку статуса беженца было связано с выделением квот на получение разрешения на временное проживание. Лимит Мурманской области составлял 170 единиц, выделенная квота закончилась уже в июле 2014 г. Перечень категорий граждан, которые даже в отсутствие квоты могли получить разрешение на временное проживание, расширялся. Люди, чьи близкие родственники являлись гражданами России, те, кто родились в России, а потом переехали на Украину, оказывались в этих группах. С одной стороны, переселенцы массово сталкивались с проблемами получения правового статуса беженца, с другой — журналисты повсеместно использовали термины, которые указывали на не подтверждённый переселенческий статус, при этом создавая образ группы всех приезжих одной категории. И то, и другое приводило к недопониманию между гражданами Украины и представителями местного населения в повседневном взаимодействии, а также к распространению мифологических представлений о финансовых преференциях, помощи властей, системе размещения и многом другом. При этом сам факт пребывания украинцев на территории Мурманской области интерпретировался многими журналистами как начавшийся процесс адаптации новых переселенцев, новых «северян». Беженцы с Украины вполне отвечали социокультурным «традициям» Кольского Севера[1] — переселенцы были достаточно образованными, имели соответствующую специальность, которая была востребована как в промышленности, так и в сфере образования, медицины, они сохраняли мотивацию к работе в суровых условиях и т. п.

Исследование выявило стереотипные представления, связанные с новым иммиграционным потоком в Мурманскую область. С событиями на Украине, военными действиями 2014 г. на юго-востоке соседней страны ассоциировались современный экономический кризис в России

[1] Змеева О. В., Сулейманова О. А. «Север подставил плечо»: размещение и трудоустройство украинских «братьев» в Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 7. 2015. № 1 (27). С. 7–29.

и социально-экономические проблемы региона. Городские слухи об иждивенчестве прибывших не нашли подтверждения на страницах газет. Более того, со временем изменилась структура публикаций, связанных с неразрешённым финансовым вопросом. В печатных СМИ начали звучать голоса самих приезжих: появились интервью с «беженцами». Публикация конкретной жизненной истории сопровождалась персональными данными, то есть указывались имена и фамилии участника интервью и членов его семьи, благотворителей. В результате читателю сообщались достаточно полные биографические данные о приезжем: фамилия, имя, отчество, состав семьи, место проживания, место выхода, миграционный путь, наличие родственников на новом месте, некоторые детали адаптации, миграционные установки и проч.

Интервью с пострадавшим — один из способов не только описать типичную историю переселенца, но и выдать «истину» его устами. Кроме того, прямые свидетельства об отсутствии государственной финансовой помощи были призваны развенчать миф об иждивенчестве иммигрантов и одновременно стимулировать благотворительную деятельность меценатов и «неравнодушных граждан».

Биографии беженцев не являлись приоритетом для региональных изданий. Истории их жизни, представленные немногочисленными публикациями, оформлялись в типовой нарративный сюжет.

Выяснилось, что вынужденные переселенцы с Украины, оказавшиеся на территории соседней страны, решали не только правовые, экономические и жилищно-бытовые проблемы, но и переосмысливали гражданско-политическую принадлежность. На противопоставлении «северного» и «южного» основывалось содержание целого ряда публикаций, связанное с миграционным потоком беженцев и с вхождением Крыма в состав России. Сохранялось противопоставление «северян» и «южан». Термин «северяне» использовался не только с целью подтвердить локальную идентичность и противопоставить ее другим идентичностям, он выполнял также интегративную функцию, символизируя солидарность жителей области. Не случайно призывы губернатора поддержать жителей Крыма, помочь беженцам обращены именно к «северянам». Переход из одной группы («южане») в другую («северяне») достаточно сложен. Выделена категория публикаций, которые содержали благодарности жителям региона от пострадавших, в том числе письма в редакцию. В благодарностях использовались типовые характеристики Севера и северян, основанные на оппозиционных понятиях: «тепло человека» противопоставлялось «суровости северной природы»[1].

[1] Змеева О. В., Сулейманова О. А. «Украинские беженцы» в региональных СМИ (Мурманская область) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 8. 2015. № 7 (33). С. 18.

События городской и областной жизни происходили на фоне «украинской проблемы», которая была связана с вопросами размещения, трудоустройства, помощи беженцам с Украины. В ряду ритуально-праздничных мероприятий, которые создавали информационные поводы для обращения к актуальным проблемам «беженцев», выделены государственные и учебно-профессиональные праздники, дни памяти. «Украинская» проблематика присутствовала в описаниях государственных праздников в виде сведений о проведении благотворительных акций.

Тема помощи украинским беженцам занимала наибольший объём среди публикаций, посвящённых украинским событиям. Если в первые месяцы массового прибытия беженцев публиковались различные статьи, заметки, объявления об оказании помощи приезжим (в том числе призывы о помощи), выражалась благодарность местному населению от граждан Украины и т. п., то в 2015 г. публикации касались в основном темы сбора гуманитарной помощи для «соотечественников», оставшихся на Украине.

Дополнительно О. В. Змеева и О. А. Сулейманова провели исследование отношения местных жителей к прибывшим на территорию Мурманской области гражданам Украины[1]. Источниками информации стали интервью с местными жителями и переселенцами с Украины и анализ местных печатных и интернет-СМИ. Опрошено 20 человек методом полуструктурированного интервью в возрасте от 23 до 77 лет, среди которых жители городов Мурманск, Апатиты, Кировск и посёлка Кукисвумчорр. Проведён анализ газет Кировска и Апатитов: «Хибинский вестник», «Дважды Два», «Кировский рабочий», — и ежедневных газет областного центра («Вечерний Мурманск», «Мурманский вестник»). Также использовались сайты региональных телекомпаний.

Были выявлены различия, связанные с формированием «информационного образа» принимающего региона. В местных СМИ этот образ оставался положительным, в интернет-источниках обнаружены информационные блоки, отражавшие проблемы во взаимоотношениях беженцев и местных жителей.

Определены причины, по которым у местных жителей сформировалось негативное отношение к мигрантам с Украины: оно было связано с этническими стереотипами, с поддержкой «беженцев» властными структурами (государством), а именно с предоставлением им жилья, рабочих мест, оказанием социальных услуг и т. п.

Таким образом, исследование показало, что отношение жителей Мурманской области к мигрантам с Украины двойственное: с одной

[1] Отчёт по проекту РФФИ № 14-06-98805 «“Северяне” и “мигранты”: и северяне-“мигранты”: миграционный опыт и коммуникационные сети современных жителей Мурманской области. Апатиты, 2015. С. 15–16.

стороны, они сочувствовали чужой беде, с другой — выражали недовольство по поводу того, что выходцы из Украины занимали рабочие места. Ситуация обострялась слухами об «особом привилегированном положении» украинских граждан.

Изучение представлений жителей области об этнической принадлежности переселенцев, этническом составе населения городов показало, во-первых, устойчивость стереотипных представлений об этнических мигрантах, во-вторых, перенос негативного отношения к приезжим с мигрантов «кавказских и среднеазиатских волн» на мигрантов «украинской волны». Стереотипные представления касались поведенческих и моральных качеств беженцев.

«Транзитная» миграция в устных интерпретациях и освещении СМИ (2015–2016 гг.)

В 2015–2016 гг. в результате проведённого О. В. Змеевой социально-антропологического исследования, анализа региональных средств массовой информации выявлены миграционные установки участников транзитной миграции в Мурманской области[1]. Изучение этнических стереотипов и отношения к мигрантам-беженцам позволили сделать следующий шаг и рассмотреть динамику представлений о миграциях и мигрантах и особенности взаимодействия между беженцами разных миграционных волн («украинскими», «сирийскими»), с одной стороны, и представителями постоянного населения региона, с другой.

В 2015 г. миграционными службами был зафиксирован транзит 5,5 тысяч беженцев — граждан Сирии, Афганистана, Ирака, Пакистана, стран Северной Африки — через пограничные пункты Мурманской области в Норвегию и Финляндию.

По горячим следам события выполнено исследование, предмет которого включал социальные установки, этнические стереотипы, представления местного (принимающего) населения о квазиэтнической группе «африканских и сирийских беженцев». Подтвердилось, что отношение горожан к приезжим формировалось благодаря СМИ, интернет-источникам, телевизионным передачам и на основе личного опыта. Проблему создавали противоречия между официальной информацией, знаниями принимающего населения о мигрантах и непосредственным опытом взаимодействия с приезжими.

Контент-анализ письменных источников, публикаций в СМИ и сетевых сообществах населённых пунктов приграничных районов

[1] Этнический и религиозный факторы социокультурного развития Кольского Севера в XX — начале XXI вв.»: отчёт о НИР. Апатиты, 2017.

области и городов Кандалакша, Ковдор, Мурманск позволили выявить особенности использования и практического применения понятий «беженец», «сирийский беженец», «африканский беженец». В особую категорию были выделены беженцы — мигранты так называемого «сирийского» миграционного периода. Переселенцы из стран Ближнего Востока, Азии и Африки использовали Мурманскую область в качестве транзитной зоны с целью осуществить переход из стран третьего мира в мир стран с развитой экономикой.

Отношение к происходящему у жителей городов и посёлков Мурманской области было напряжённым. Транзитные мигранты вызвали недовольство, прежде всего, у населения пгт Никель, городов Мурманск, Кандалакша и Полярные Зори (частично). Именно эти населённые пункты являлись «местом пересадки» по направлению к границам России и Скандинавских стран. Непродолжительное полевое исследование в Кандалакше показало двойственное отношение населения к транзитным мигрантам. Часть жителей, особенно женщины, сочувствовали им как оказавшимся в сложной жизненной ситуации. Многие мигранты пострадали от недобросовестности и мошеннических действий перевозчиков. «Сирийская» миграционная волна оказала существенное влияние на осмысление принимающим населением и региональными властями статуса региона, безопасности приграничного пространства и стабильности этнокультурной ситуации. Актуальное событие транзитной мобильности «беженцев» повлияло на создание кратковременного эффективного экономического пространства приграничных городов.

Сравнение миграционных потоков 2014–2016 гг. и реакции на них показало, что характер презентации вопросов «транзитной миграции» отличался от того, как были представлены в печатных СМИ аспекты миграционных волн 2014–2015 гг. — «украинских». Кроме того, выходцы из Украины рассматривали регион как потенциальное место постоянного проживания, а «сирийские беженцы» использовали территорию Мурманской области исключительно в качестве тразитной для миграции в Скандинавские страны.

Этническая история Кольского Севера: динамика культурных границ

Историко-этнологическое исследование[1], направленное на изучение исторической динамики этнической ситуации на Кольском Севере (1860–2000-е гг.), началось в 2008–2009 гг. Этническая история территории

[1] Этнокультурные факторы социальной динамики на Крайнем Севере в XX–XXI вв. (Кольский Север): отчёт о НИР. Апатиты, 2010. С. 30–33.

детерминирована процессами миграции и колонизации индустриального периода. В ходе работы были выделены основные направления региональных исследований, связанные с этнокультурной ситуацией и её динамикой под влиянием миграционных процессов: изучение коренного (саамов) и старожильческого населения (поморов); исследования социальных групп (спецпереселенцы, колонисты и т. д.); исследования современного городского населения.

Изучение актуальных миграционных процессов и этнической ситуации на рубеже XX–XXI столетий показало необходимость проведения дальнейших историко-антропологических исследований отдельных этапов формирования населения Кольского полуострова в досоветский и советский периоды истории России. В Центре гуманитарных проблем впервые были собраны и систематизированы историко-экономические, социально-антропологические, мемуарно-документальные данные, касающиеся отдельных аспектов формирования населения Кольского полуострова, в частности, миграционной активности и мобильности некоренных жителей Кольского Заполярья. На материалах региональных архивов, с привлечением устных и труднодоступных опубликованных источников, проанализирована существующая периодизация истории населения региона.

Выявлены факторы[1], повлиявшие на миграционную активность и мобильность населения Кольского полуострова в 1916–1938 гг.: историко-культурный, социально-антропологический, геополитический.

В 2018–2020 гг. группой историков и антропологов из Апатитов, ЦГП КНЦ РАН (И. А. Разумова, О. В. Змеева, О. А. Бодрова, Е. В. Бусырева), Мурманска, МОИКМ (Е. А. Орехова), Петрозаводска, ИЯЛИ КарНЦ РАН (Е. Ю. Дубровская), Архангельска, САФУ (Н. В. Дранникова) выполнена серия историко-антропологических исследований. Они проводились в рамках поддержанного РФФИ научного проекта «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: миграции, мобильность, идентичность»[2] (руководитель О. В. Змеева, 2018–2020 гг.).

Объектом изучения стали разные этнические, социальные и возрастные группы, профессиональные сообщества: колонисты Мурманского берега в 1914–1930-е гг., участники строительства Мурманской железной дороги в 1915–1916 гг., жители г. Романова-на-Мурмане (Мурманска) в 1916–1920-е гг., спецпереселенцы г. Хибиногорска (Кировска) и Северного края (Архангельской области) в 1930-е гг. Были выявлены новые неопубликованные источники, которые касались миграционной активности

[1] Историко-культурные факторы развития Арктической территории: Мурманская область: отчёт о НИР. Апатиты, 2017.

[2] Отчеты по проекту РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00392 «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: миграции, мобильность, идентичность». Апатиты, 2018–2020.

и мобильности жителей Кольского полуострова в 1914–1920-е гг. Обнаружены источники частного происхождения, в которых содержится информация о спецпереселениях в центральную часть Кольского полуострова, а также материалы государственных архивов по истории колонизации Мурманского берега, миграционного опыта отдельных этнических, профессиональных, демографических групп, которые проживали на Кольском полуострове в период с 1916 по 1940 гг.[1].

Результаты выполненных сотрудниками ЦГП КНЦ РАН историко-антропологических исследований показали влияние миграционных процессов 1910–1930 гг. в регионе на создание социального пространства Кольского Севера, оформление территориальных границ старожильческого и миграционного населения Кольского полуострова, специфику межкультурного взаимодействия «новосёлов» и коренных жителей.

На примере возведения одного объекта — Мурманской железной дороги — О. В. Змеевой был выявлен и составлен перечень этнических групп, занятых в работах, определены типы взаимодействия участников строительства — военнопленные, наёмные рабочие, представители Управления и службы охраны и т. д. Выявлены этнические группы, осуществившие миграцию в населённые пункты, расположенные вдоль железной дороги на территории Кольского полуострова; установлены места оседания и условия проживания отдельных этнических групп в административном центре — городе Мурманске в период с 1917 по 1926 гг.[2]. Исследование показало, что формирование временного сообщества на участках строительства железнодорожной линии осуществлялось по правилам соблюдения условий совместного проживания, базировавшихся на этнической специфике. Концентрация разнообразных этнических групп, смешение традиций, языков, которые требовали согласованных действий

---

[1] Основные результаты исследований опубликованы в коллективной монографии: Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов / под общ. ред. О. В. Змеевой. М.: Наука, 2022. 366 с.

[2] Исследование процессов миграции и адаптации в хибинском ареале в период Гражданской войны и интервенции (1917–1920 гг.) в ЦГП КНЦ РАН продолжено аспирантом Е. О. Сушко. Актуальность его работы обусловлена дискуссионностью вопросов гражданского противостояния и деятельности союзных сил на Мурмане в изучаемый период. Продолжающее исследование заполняет пробел в исследовании Хибин периода Гражданской войны и интервенции. Комплексные публикации по вопросу влияния событий этого времени на историю хибинского ареала отсутствуют, в интерпретации исторической ситуации преобладают стереотипы восприятия территории как той, которая не была вовлечена в события 1918–1920 гг., и одной из задач исследования является их преодоление (отчёты о НИР по теме «Социокультурное и научно-техническое развитие северо-западной части Арктической зоны РФ в XIX–XXI в.: исторический и антропологический ракурсы». Апатиты, 2021–2022).

со стороны руководства, явились микроформой системы межэтнических и религиозных взаимодействий.

Проанализирована роль вынужденной миграции в Беломорско-Балтийский регион строителей Мурманской железной дороги в эпоху социальных потрясений Первой мировой войны, Российской революции 1917 г. и Гражданской войны в межкультурных взаимодействиях. Появление трудовых мигрантов создало дополнительный «фактор напряжения» в крае в обстоятельствах военного времени. Исследовано их взаимодействие с местным населением, другими категориями мигрантов. Удалось проследить влияние трудовой миграции на процессы (межэтнические и межкультурные) на Русском Севере.

Особое внимание было уделено формированию и трансформации социального пространства города Мурманска в 1920–1930-е гг. Анализ исторических очерков, воспоминаний старожилов, газетных публикаций, литературно-мемуарных произведений с использованием исследований исторического и социально-экономического профиля продемонстрировал исторические, социально-демографические, геополитические, военные и этнокультурные последствия строительства Мурманской железной дороги и нового города-порта — Романова-на-Мурмане (с 1917 г. — Мурманска). Установлены факторы, повлиявшие на оформление социального пространства города Мурманска и исторически определившие формы мобильности горожан, определена этническая, социальная, демографическая структура Мурманска в 1920-е гг., выявлено влияние административного фактора на увеличение миграционной активности отдельных профессиональных групп. В рамках исторической социологии составлен исторический профиль города, определена специфика формирования социального и городского пространства. Появление новых строительных объектов рассматривалось как один из периодов активизации миграционных процессов.

И. А. Разумовой на основе расширенного корпуса источников проанализированы автобиографии и включённые в семейные истории биографии спецпереселенцев городов Кировск, Мончегорск и Апатиты Мурманской области, всего свыше 100 текстов. Методика основывалась на интерпретативном методе с использованием контент-анализа и лингво-культурологического анализа. Выявлены семейно-биографические траектории спецпереселенцев, конкретные миграционные практики периода спецпереселений, их оценки и интерпретации; обосновано формирование исторической символической общности постоянного населения Кольского Севера («спецпереселенцы и их потомки») на основе осмысления опыта спецпереселения. Автором впервые комплексно рассмотрены проблемы идентификации «спецпереселенцев» как официальной категории населения и социально-культурной общности.

На материале воспоминаний бывших спецпереселенцев, привезённых в 1929–1930-х гг. на Кольский полуостров, и их потомков, нормативных документов, полевых данных и публикаций различной видовой принадлежности определено, что ревитализация общности «спецпереселенцы» обусловлена характером реабилитационного процесса и сменой идеологических ориентиров в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Она вызвана: а) активизацией реабилитационного процесса, б) созданием правовой категории «жертвы политических репрессий», в) деятельностью правозащитных организаций, г) включением людей, подвергшихся социально-политическим репрессиям, в открытую отечественную историю. «Спецпереселенцы», будучи включены в категорию «жертв политических репрессий», не утратили своей отличительности, рассчитывали на официальные мемориальные проекты и узаконенные материальные компенсации и находились во внутренней конфронтации как с властью, которая не выполняла ожидаемых действий, так и с той частью общества, которая не разделяла их требования.

Исследование показало, что социальному «клейму» и совокупности объективных официально-правовых и социально-экономических признаков данной категории населения сопутствовала навязанная негативная идентичность, изучать процесс формирования которой можно с учётом ограничений, связанных с количеством, видами и состоянием источников. Из совокупности качеств сформирован коллективный портрет «спецпереселенцев». Он основывался на базовых ценностях и ценностных характеристиках: «страдание» («мучение»), «жертва», «труд», «правда», «справедливость», «честность», «выносливость» и др. Религиозные, в том числе православные, коннотации, в отличие от национальных и гуманистических ценностей, в источниках не выражены. К причинам относились советская социализация большинства мемуаристов, внутренняя цензура, позиционирование общности как полиэтнической. Одним из оснований самоидентификации являлось сходство биографических траекторий («судеб»), которое обусловлено типовыми алгоритмами спецпереселений. При идентификации спецпереселенцев имели значение локальный и семейно-родственный факторы.

О. А. Бодрова впервые рассмотрела специфику перехода имандрской группы кольских саами от сезонных миграций и промыслов к оседлости и постоянной занятости, в том числе на примере семьи Калины Архипова — самого известного проводника первых исследователей районов Мончеозера, Монче-тундры, оз. Имандры (1920–1930-е гг.), названного в справочной и публицистической литературе первым оседлым саамом и основателем Мончегорска.

Одной из задач исследования было определение информационных возможностей путевых, этнографических и краеведческих очерков второй

половины XIX — первой половины XX вв. как особого вида исторических источников при изучении кольских саамов. Впервые проанализированы конкретные социокультурные и экономические особенности жизни саамов Экостровского погоста и ряда других погостов, расположенных в бассейне оз. Имандры вдоль Кольского почтового тракта. К ним отнесены разделённое хозяйство (летнее жилище в семейных промысловых угодьях и зимнее жилище в погосте или в другом месте коллективного проживания), сезонные миграции, короткий (менее одного дня) маршрут перекочёвки как специфика имандрской группы кольских саамов, типичные для всех кольских саамов традиционные промыслы (рыбная ловля, оленеводство, охота), дополнительные источники дохода, связанные с дорожно-транспортным значением оз. Имандра (работа проводниками, ямщиками, смотрителями на станции) и с лесными ресурсами (судостроение, изделия из бересты, позднее лесозаготовки) данной территории.

Исследование показало, что переход к оседлости имел, главным образом, экономические причины и был обусловлен строительством Мурманской железной дороги и появлением регулярного заработка в районах Хибин, Монче-тундры, которые в 1930-х гг. активно осваивались, колонизировались и застраивались.

* * *

Исследования миграционных процессов в Мурманской области на рубеже XX–XXI вв. не только помогли выяснить актуальную для этого времени этническую ситуацию, они продемонстрировали динамику стереотипных представлений, миграционных установок, взаимодействий и адаптационных стратегий принимающего населения, групп переселенцев, а также коренного населения. Более того, исследования подтвердили гипотезу, что взаимодействия между местными жителями и приезжими в начале XXI в. определялись сформировавшейся ещё в советский период системой восприятия северного сообщества как открытого и отзывчивого. Опыт бесконфликтного сосуществования в течение XX столетия многих этнических групп на территории Кольского полуострова воспринимался разными поколениями жителей региона как традиционный. В этой связи стереотипные, фрагментарные представления местного населения, с одной стороны, о мигрантах, с другой стороны, о коренных жителях, их культуре, специфике поведения и других свойствах, создавшие своеобразные образы указанных групп, в целом не являлись фактором, который мог бы спровоцировать этнические конфликты. Изучение миграционного опыта разных поколений переселенцев показало незначительные отличия в оценке социокультурной адаптации «старожилов» и «новосёлов». Один из результатов исследований — выявление скрытых опасений, недовольства и фактов нетерпимости в отношении отдельных переселенческих групп.

Социальные представления, миграционные установки, способы взаимодействия местных жителей и мигрантов новых волн были рассмотрены на небольшом историческом этапе. Исследования охватили всего лишь двадцатилетний период. Однако даже на протяжении такого отрезка времени удалось зафиксировать изменение этнокультурной ситуации в регионе. Более того, новые формы миграционной подвижности в 2014–2016 гг. (так называемые «украинская» и «сирийская» волны миграции) вновь показали актуальность изучения разных способов передвижения населения.

Выполнение сотрудниками Центра гуманитарных проблем КНЦ РАН совместно с коллегами и студентами из Кольского филиала ПетрГУ задач по изучению миграционного поля региона показало необходимость и возможности использования исторического и социально-антропологического подходов в комплексе. Более того, результаты исследования актуальной миграционной ситуации на полевых материалах продемонстрировали, что функционирование современного сообщества северян в ряде аспектов являлось следствием исторических обстоятельств досоветского и советского периодов в истории Кольского Заполярья.

ГЛАВА 6
ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИИ НАУЧНОГО ОСВОЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ АРКТИКИ, В ТОМ ЧИСЛЕ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Историографические аспекты

Арктическая тематика исторических исследований имеет давнюю традицию и восходит ещё к Г. Ф. Миллеру[1]. В дальнейшем к проблемам истории освоения Арктики обращались историки, этнографы, антропологи, археологи, географы, экономисты. Важную роль в становлении историографии темы сыграли труды путешественников и исследователей. Можно отметить зарубежные исследования российской науки Л. Р. Грэхема[2], П. Джозефсона[3].

Отечественные учёные рассматривали мировой, советский и российский опыт освоения и изучения Севера[4]. Рассмотрена история

---

[1] Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю, с Российской стороны учинённых: [репринт. изд. 1758 г.]. СПб.: Альфарет, 2013.

[2] Грэхем Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М.: Политиздат, 1991; Грэхем Л. Р. Очерки истории российской и советской науки. М.: Янус-К, 1998.

[3] Josephson P. R. Physics and Politics in Revolutionary Russia. Los Angeles: University of California Press, 1991; Josephson P. R. Red Atom Russia. NJ: W.H. Freeman and Co., 1999; Josephson P. R. Totalitarian Science and Technology Russia. Atlantic Highlands. NJ: Humanities Press, 1996; Josephson P. R. Lenin's Laureate: A Life in Communist Science Russia. Cambridge: MIT Press, 2010.

[4] Богораз-Тан В. Г. Новые задачи российской этнографии в полярных областях. Пг.: Гос. изд-во, 1921; Белов М. И. История открытия и освоения Северного Морского пути: в 4 т. Т. 1: Арктическое мореплавание с древнейших времён до середины XIX века. М.: Морской Транспорт, 1956. 592 с.; Белов М. И. История открытия и освоения Северного Морского пути: в 4 т. Т. 3: Советское арктическое мореплавание 1917–1932 гг. Л.: Морской Транспорт, 1959. 511 с.; Белов М. И. История открытия и освоения Северного Морского пути: в 4 т. Т. 4: Научное и хозяйственное освоение Советского Севера. 1933–1945 гг. Л.: Морской Транспорт, 1959. 616 с.; Пинхенсон Д. М. История открытия и освоения Северного Морского пути: в 4 т. Т. 2: Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. Л.: Морской Транспорт, 1962. 767 с.; Пасецкий В. М. Русские открытия и исследования в Арктике: Первая половина XIX в. Л.: Гидрометеоиздат, 1984; Агранат Г. А. Освоение Севера: мировой опыт // Итоги науки и техники: сер. Геогр. заруб. стран. Т. 15. М., 1988; Цигельницкий И. Исследования полярных областей за рубежом // Полярный круг. М., 1988; Алексеев В. П. Человек в системе арктических исследований // Памятниковедение: Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики: сб. науч. тр. М., 1990; Николаев М. Е. Роль Арктики в развитии мирового сообщества // Управление, технические и человеческие ресурсы в Арктике (Север). Новосибирск, 1996.

создания и эволюция форм деятельности Санкт-Петербургского научного центра РАН[1]. Выполнено исследование[2] научно-организационной деятельности Полярной комиссии АН в 1914–1936 гг.

Осмысление истории первого регионального академического стационара ХИГС — КБАН — КФАН СССР, организованного в арктической зоне, невозможно без анализа работ как по общей истории АН СССР, так и по истории самого научного центра. С начала 1960-х гг. в советской литературе изучение истории науки в аспекте проблем её организации выделилось в качестве самостоятельного направления[3]. Значительный интерес представляют исследования, посвящённые региональным научным центрам, в том числе Кольскому филиалу АН СССР. В публикациях конца 1970-х — первой половины 1980-х гг. освещалась связь между региональными научными центрами в системе АН СССР, политика Академии наук в области развития периферийных научных центров, которая менялась в зависимости от общегосударственных задач, поставленных перед наукой[4]. Недостатком указанных публикаций являлось то, что изменения в региональных научных центрах были представлены в общих чертах, без подробного изучения конкретных проблем.

Анализ исторической литературы, посвящённой проблемам организации научной деятельности Кольского филиала АН СССР, показывает, что конкретные вопросы формирования и развития основных научных направлений, связи с экономикой района и влияния на неё в XX в. были изучены недостаточно. Отдельные исследования по истории КФАН представляли определённый интерес, так как в них, с одной стороны,

---

[1] Санкт-Петербургский научный центр РАН (История создания и эволюция форм деятельности в 1979–2003 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.10 / Елена Александровна Иванова. М., 2004.

[2] Академия наук и исследования в Арктике: научно-организационная деятельность Полярной комиссии в 1914–1936 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.10 / Ольга Алексеевна Красникова. М., 2006.

[3] Организация научной деятельности: сб. ст. М.: Наука, 1968. 444 с.; Академия наук СССР — штаб советской науки / Г. Д. Комков [и др.]. М.: Наука, 1968. 217 с.; Организация науки / Г. М. Добров [и др.]. Киев: Наукова думка, 1970. 204 с.; Основные принципы и общие проблемы управления наукой / ред. Д. М. Гвишиани. М.: Наука, 1973. 320 с.; Организационно-правовые вопросы руководства наукой в СССР. М.: Наука, 1973. 423 с.; Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. М.: Наука, 1974. 522 с.; Лахтин Г. А. Организация советской науки: история и современность. М.: Наука, 1990. 219 с.; Дуженков В. И. Проблемы организации науки. (Региональные аспекты). М.: Наука, 1978. 264 с.

[4] Беляев Е. А., Пышкова Н. С. Формирование и развитие сети научных учреждений СССР: ист. очерк. М.: Наука, 1979. 246 с.; Кольцов А. В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров (1917–1961 гг.). Л.: Наука, 1988. 264 с.; Князев Г. А., Кольцов А. В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 159 с.

была отражена динамика развития региона, с другой — она показана как результат научной деятельности. В большинстве своём это юбилейные издания, статьи руководителей и сотрудников КФАН, в которых содержится информация о становлении и развитии основных направлений научных исследований, подводятся итоги научной деятельности[1].

Ряд работ учёных трёх северных филиалов — Кольского, Коми и Карельского филиалов АН СССР[2] — освещает вопросы координации

[1] Горбунов Г. И., Сидоренко А. В. Задачи научных исследований на Кольском полуострове // Изв. Карельского и Кольского филиалов. 1957. № 1. С. 62–71; Сидоренко А. В. Кольский филиал АН СССР и развитие производительных сил Мурманской области // Изв. Восточных филиалов АН СССР. 1957. № 8. С. 100–111; Козлов Е. К., Шамшурин Ю. А. Кольский филиал Академии наук СССР // У подножия Хибин: Кировско-Апатитский промышленный район. 1971. С. 104–114; Горбунов Г. И. Об основных направлениях исследования и перспективах развития научных учреждений Кольского филиала АН СССР // Вестн. АН СССР. 1979. № 7. С. 12–22; Калинников В. Т., Виноградов А. Н. Вехи истории: 75 лет научного сопровождения ускоренной урбанизации Мурмана (1930–2005 гг.) // Формирование основ современной стратегии природопользования в Евро-Арктическом регионе. 2005. С. 3–5; Гришин Н. Н., Крашенинников Н. Н., Суворова О. В. Флагман строительной науки на Кольском Севере (к 60-летию отдела технологии строительных материалов ИХТРЭМС КНЦ РАН) // Вестник Кольского научного центра РАН. 2012. № 4. С. 46–52; Козырев А. А., Панин В. И. Эволюция геомеханических исследований в Горном институте КНЦ РАН в период 1961–2011 гг. // Вестник Кольского научного центра РАН. 2012. № 4. С. 80–92; Исаев С. И. Краткие итоги научной и научно-организационной деятельности Полярного геофизического института и перспективы дальнейших исследований // Высокоширотные исследования в области геомагнетизма и аэрономии. М.-Л., 1965. С. 5–18; Козупеева Т. А. Основные направления работ Полярно-альпийского ботанического сада и его связи с производством // Ботанические сады — науке и народному хозяйству. Киев, 1966. С. 45–51; Бельков И. В. Важнейшие итоги работ Геологического института и задачи дальнейших исследований // Геологическое строение, развитие и рудоносность Кольского п-ова. 1968. С. 3–17; Турчанинов И. А. Развитие исследований по проблемам технологии и техники добычи и переработки полезных ископаемых // Физические условия и развитие технологии горного производства. Л.: Наука, 1973. С. 3–14; Бельков И. В. Основные итоги научной деятельности Геологического института за 20 лет и задачи дальнейших научных исследований // Проблемы докембрия Кольского полуострова. 1974. С. 5–27; Федосеев В. А. Развитие экономических исследований в Кольском филиале АН СССР // Экономические проблемы развития производительных сил Мурманской области. 1975. С. 3–10; Вопросы энергетики Кольского полуострова. Апатиты, 1975. 177 с.

[2] Горбунов Г. И., Пьявченко Н. И., Подоплетов В. П. Сотрудничество трёх северных филиалов Академии // Вестн. АН СССР. 1976. № 10. С. 24–29; Ревайкин С. А., Федосеев В. А., Саэлин С. Х. Опыт совместных экономических исследований Кольского, Карельского и Коми филиалов по разработке проблем развития и размещении производительных сил Европейского Севера СССР в долгосрочной перспективе // Изв. АН СССР. Сер. экон. 1981. № 1. С. 149–153; Калабин Г. В. Социальное развитие и социалистическое соревнование в научных коллективах // Вестн. АН СССР. 1985. № 2. С. 90–96; Самарин А. В. История Коми научного центра УрО АН СССР: становление и развитие (1944–1991 гг.). Сыктывкар, 2006. 236 с.; Асхабов А. М., Иевлев А. А. Кольский и Коми: академические взаимодействия // Геология и полезные ископаемые Кольского региона. Труды X Всерос. Ферсмановской науч. сессии. 2013. С. 13–16.

и кооперирования филиалов в 1972–1985 гг. Другая часть научных трудов посвящена проблеме взаимодействия Кольского филиала АН СССР с предприятиями региона и представляет формы и методы внедрения законченных научных исследований в производство[1].

Важной частью изучения истории науки является история сельскохозяйственной науки, в частности аграрной. Имеется литературное наследие, принадлежащее непосредственным участникам научного, в том числе сельскохозяйственного, освоения Европейского Севера, пытавшимся «по горячим следам» подвести научно-историческую основу под масштабные замыслы и планы развития производительных сил северных территорий[2]. Есть труды, посвящённые истории России, в которых уделено внимание проблемам институционализации отечественной науки, организации академических и, в частности, сельскохозяйственных опытных, учреждений страны в целом, и её регионов[3]. Проводились исследования по истории организации науки в регионе непосредственно в Филиале ГНУ ГНЦ РФ ВИР «Полярная опытная станция»[4].

---

[1] Козлов Е. К. Научные исследования ордена Ленина Кольского филиала АН СССР по проблемам, связанным с деятельностью комбината «Апатит» // Основные проблемы развития комбината «Апатит». Апатиты, 1971. Ч. 1. С. 20–28; Турчанинов И. А. Тенденции и формы взаимосвязи наук и производства на современном этапе // Проблемы деятельности учёного и научных коллективов: материалы к III Всесоюз. конф. М.-Л., 1977. Вып. 6. С. 7–12; Петров В. П., Козырев А. А., Ловчиков А. В. Роль социалистического соревнования в повышении эффективности научных разработок и их внедрения в подразделениях Кольского филиала АН СССР // Регионально-отраслевые проблемы социалистического соревнования. Л., 1983. С. 155–157.

[2] Ферсман А. Е. Полезные ископаемые Кольского полуострова. М.-Л., 1941; Оранжиреева А. М. Работа Академии наук СССР и социалистическое строительство на Кольском полуострове. 1920–1935. Апатиты: КНЦ РАН, 2008. 119 с.; Вавилов Н. И. Проблема северного земледелия: материалы Ленингр. чрезвычайной сессии Академии наук СССР 25–30/XI 1931. Л.: Изд-во АН СССР, 1931; Эйхфельд И. Г. Борьба за Крайний Север. Краткие итоги работы ПОВИР. 1923–1933. Л.: Изд-во ВИРа, 1933.

[3] Дуженков В. И. Проблемы организации науки (региональные аспекты). М.: Наука, 1978; Беляев Е. А., Пышкова Н. С. Формирование и развитие сети научных учреждений. М.: Наука, 1979; Лахтин Г. А. Организация советской науки: история и современность. М.: Наука, 1990; Юдин Б. Г. История советской науки как процесс вторичной институционализации // Философские исследования. 1993. № 3. С. 86–103.; Куликова О. Б. Проблемы институционализации в России: история и современность // Вестн. Ивановского гос. энерг. ун-та имени В.И. Ленина. Вып. 1. 2006. С. 1–5; Елина О. Ю. От царских садов до советских полей: История сельскохозяйственных опытных учреждений XVIII — 20-е гг. XX в. М., 2008; Очерки по истории агрономии / А. Л. Иванов [и др.]. М.: Россельхозакадемия, 2008.

[4] Маньков Ф. И., Гусев П. П., Знаменская М. К. Полярная опытная станция ВИРа. Мурманск, 1955. 24 с.

В силу фрагментарности изучения различных аспектов темы, некоторые вопросы остались в XX в. малоисследованными.

В рамках гуманитарного, системного, междисциплинарного подходов методология исследования базируется на общенаучных методах научного познания, методах социально-антропологических, экономических исследований, архиво- и источниковедческом, проблемно-хронологическом, сравнительном, историко-генетическом (ретроспективном) методах, осуществляемых преимущественно в рамках интерпретативной парадигмы. Активно использован метод кейс-стади (метод исследования конкретных ситуаций), проблемно-ситуационный анализ, метод исторической реконструкции, рассматривающий историю знаний как сложный диалектический процесс, биографический метод.

Теоретической базой исследования истории науки в Евро-Арктическом регионе служат в том числе положения общей теории институциональных изменений и частного подхода, считающего, что системная взаимосвязь технологических и социально-экономических укладов определяет эндогенную природу институтов[1].

Особенности инновационного развития северной (арктической) периферии рассматриваются с позиций проф. А. Н. Пилясова[2]. Институционализация науки в Евро-Арктическом регионе должна исследоваться в контексте понимания институционализации как процесса формирования научной деятельности в качестве социального института принципиально нового типа[3].

В этой связи институционализация науки в Евро-Арктическом регионе может рассматриваться:

1) как исторический процесс зарождения и установления нового социального института Академии наук СССР на региональном уровне, что позволяет раскрыть причины и условия их возникновения;

2) в качестве функционирования социального института в рамках социалистической системы в связи с процессом адаптации отдельных исследователей и научных коллективов к её нормативным требованиям, в ходе которого формируются социально-психологические механизмы, обеспечивающие стабильность и устойчивость Академии наук как государственной и общественной организации.

---

[1] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.; Иншаков О. В., Фролов Д. П. Эволюция институционализма в российской экономической мысли (IX–XXI вв.): в 4 т. Т. 1. М.: Экономистъ, 2007. 511 с.

[2] Пилясов А. Н. Контуры стратегии развития Арктической зоны России // Арктика: экология и экономика. 2011. № 1. С. 38–47.

[3] Титмонас А. К вопросу о предпосылках институционализации науки // Социологические проблемы науки. М.: Наука, 1974. С. 158–175.

Институциональное развитие академической науки на Кольском Севере

Историография и источники

В рамках темы НИР «Этапы становления академической науки и её роль в цивилизационном развитии российского сектора Евро-Арктического/Баренц региона» (№ гос. регистрации 0120.0 804421, руководитель д-р геол.-минерал. наук В. П. Петров, отв. исполнитель темы канд. ист. наук О. В. Шабалина, исполнители: канд. ист. наук Е. И. Макарова, канд. экон. наук Ж. Э. Каспарьян, канд. экон. наук С. Н. Виноградова, науч. сотр. А. Г. Саморукова, науч. сотр. Е. Я. Пация, спец. А. Д. Токарев, инж.-иссл. И. А. Травин, ст. лаборант Н. С. Гусак), в 2008–2010 гг. выполнявшейся в Центре гуманитарных проблем Баренц региона КНЦ РАН по приоритетным направлениям исследований Отделения историко-филологических наук: 9.2. «Сохранение и изучение культурного, археологического, научного наследия: выявление, систематизация, научное описание, реставрация и консервация»; 9.5 «Изучение эволюции человека, обществ и цивилизаций: человек в истории и история повседневности. Ретроспективный анализ форм и содержания взаимоотношений власти и общества», — были определены и описаны этапы становления академической науки на Кольском Севере (в российском секторе Евро-Арктического/ Баренц региона) с учётом особенностей институционального развития.

Изучение эволюционного процесса институционализации региональной академической науки, рассмотренного в историческом контексте на примере развития академического научного учреждения на Кольском полуострове, позволило выявить исторические предпосылки (факторы), определившие выбор новых институциональных форм генезиса академической науки в 1930–1980-е гг., укладывавшихся в хронологические рамки шести этапов.

Институциональное развитие академической науки на Кольском Севере на всех этапах было обусловлено, с одной стороны, потребностями регионального сообщества, с другой — спецификой каждого этапа, в том числе отражавшейся и в решениях руководства разного уровня, что позволило на первоначальном этапе обеспечить тесную связь науки и производства, а в дальнейшем развить специализированную научную базу до масштабов комплексного научного учреждения, обеспечивавшего исследования по всем важнейшим направлениям регионального развития, а также сохранить научное ядро учреждения в постсоветский период. В процессе работы по теме были описаны формы взаимодействия академической науки и властных структур на Кольском Севере.

Беспрецедентная и основополагающая роль Академии наук в жизни отечественной науки и возникшая ещё в XVIII в. традиция собирать и издавать материалы по истории и организации её исследований потенцировали многочисленные труды в области истории становления и развития академических учреждений[1]. Поэтому на начало XXI в. — это наиболее изученная часть истории науки в России[2].

В изданиях 1970–1980-х гг. превалирует изложение истории организационных аспектов научного процесса, определяемых деятельностью партийных комитетов по науке разного уровня и Правительства СССР. Особенное внимание акцентируется на региональной структуре: развитие Академий союзных республик, академических баз, научных центров и отделений на территории России и развитие плановых начал, приближение академической науки к запросам народного хозяйства и нуждам экономики[3].

В результате проведения историографического анализа было установлено, что с 1960-х гг. и до начала XXI в. в отечественной историко-научной, социологической, науковедческой литературе не было специального исследования по истории этапов становления и развития академической науки и её роли в цивилизационном развитии российского сектора Баренц Евро-Арктического региона, а также то, что отсутствует обобщающий труд по истории первого регионального стационарного

---

[1] Архив Академии наук СССР. Обозрение архивных материалов. 1933–1986: в 8 т. / под общ. ред. Г. А. Князева. М., 1986; Уставы Академии наук СССР: сб. / сост. А. А. Богданова [и др.]. М.: Наука, 1974. 207 с.

[2] Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге: в 2 т. СПб., 1870–1873; Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1885–1900. Т. 1–X; История Академии наук СССР (1724–1803) / гл. ред. К. В. Островитянов. М.-Л., 1958. Т. 1; История Академии наук СССР (1803–1917) / гл. ред. К. В. Островитянов. М.-Л. 1964. Т. 2; Князев Г. К., Кольцов А. В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М., 1964; Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР: краткий исторический очерк: в 2 т. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Наука, 1977. Т. 1. 383 с.; Т. 2. 455 с.; Кольцова В. Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР. 1926–1932 гг. / отв. ред. Б. Б. Пиотровский. Л., 1969. 279 с.

[3] Бастракова М. С. Становление советской системы организации науки. М., 1973; Есаков В. Д. Советская наука в годы первой пятилетки: основные направления государственного руководства наукой. М., 1971; 250 лет Академии наук СССР. Документы и материалы юбилейных торжеств. М., 1975; Беляев Е. А., Пышкова Н. С. Формирование и развитие сети научных учреждений СССР. М., 1979; Советская наука. Итоги и перспективы. М., 1982; Котельников В. А. Наука многонациональной советской страны // Вестн. АН СССР. 1982. № 7. С. 3–10.

учреждения Российской академии наук — Кольского научного центра РАН[1].

Углублённое изучение и анализ опыта институционализации академической науки в российском секторе БЕАР и форм её взаимодействия с властными структурами всех уровней историческими методами на основе первоисточников[2] необходимы были для определения путей сохранения и развития отечественной науки в условиях государственной инновационной политики во всех сферах общественной деятельности с учётом основных тенденций мирового развития и специфики их проявления в России в первом десятилетии XXI в.

Источники исследования. Первый этап в работе над темой был направлен на формирование источниковой базы исследования. Чтобы обозначить круг исторических источников по тематике разделов, выполнен обзор опубликованных материалов. Были изучены: сборники документов по истории АН СССР и организации советской науки, выпущенные в 1960–1990-е гг., опубликованные отчёты учреждений и отдельных исследовательских экспедиций, проводившихся на Кольском полуострове в первую половину XX в., ежегодные отчёты АН СССР за 1920–1940 гг.; труды Северной научно-промысловой экспедиции; отдельные научные публикации: книги и статьи по истории организации научных направлений, научно-популярные очерки, мемуары известных учёных и их потомков, юбилейные сборники статей, изданные научными, образовательными и общественными организациями Мурманской области в последнее десятилетие, а также периодика и интернет-публикации.

Ревизия опубликованных источников показала, что в целом доступная информация по истории становления и развития академических исследований в российском секторе Евро-Арктического/Баренц региона носит фрагментарный характер, в значительной степени содержит неточности в датировках, в отражении структуры учреждений, позволяющие делать ошибочные выводы, искажать статистику. Была выдвинута гипотеза о существовании информационно насыщенного источникового корпуса по теме работы, хранящемся в архивах государственного и ведомственного подчинения и составляющем обширную, многоаспектную, репрезентативную

---

[1] Роль Академии наук СССР в организации региональных научных центров СССР. 1917–1961 / отв. ред. Б. Б. Пиотровский. Л., 1988.

[2] Власть и наука, учёные и власть. 1880-е — начало 1920-х годов: материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 2003; Курепин А. А. Наука и власть в Ленинграде. 1917–1937 гг. СПб., 2003; Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб., 2003; Соболев В. С. Академия и власть (1918–1930) // Вестн. РАН. 1998. Т. 68, № 2. С. 176–182; Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б)-КПСС. 1922–1991 / сост. В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 1. 591 с.; Козлов Б. И. Академия наук СССР и индустриализация России: Очерк социальной истории, 1925–1963. М.: Academia, 2003. 271 с.

базу для дальнейших этапов исследования. Была выработана рациональная методика тематического поиска ретроспективной документальной информации по теме исследования на основе пофондовой классификации материалов, принятой в отечественном архивоведении. Методика предполагала осуществить поиск поэтапно на определённых иерархических уровнях архивной классификации (Государственный архивный фонд Российской Федерации — Архив — Фонд — Единица хранения (Дело)).

Применив на практике эту методику, мы изучили историю учреждений, биографий персоналий — предполагаемых фондообразователей, которые руководили процессом организации и непосредственно участвовали в становлении академической науки на Кольском Севере. Далее были выделены фондодержатели по теме исследования — архивы разного уровня. На третьем этапе архивной эвристики через изучение научно-справочного аппарата выделенных архивов были определены фонды, которые представляют собой комплексы информации, исторически сложившиеся в результате деятельности выявленных фондообразователей и отложившиеся в конкретных архивах. На этом этапе очевидны преимущества пофондовой классификации материалов, принятой в отечественных архивах, при осуществлении тематического поиска. На заключительном этапе была проведена научно-исследовательская работа по выявлению дел, сформированных из документов — носителей информации по теме исследования. Ранее выдвинутая гипотеза была подтверждена эмпирически, так как были выявлены значительные объёмы документальной информации, хранящейся в архивах РФ государственного и ведомственного подчинения и содержащей сведения об истории академической науки и её роли в цивилизационном развитии российского сектора Евро-Арктического/Баренц региона — Кольского Севера. Всего было выявлено 24 фонда. Детальному изучению были подвергнуты 19 фондов в четырёх архивах (Архив РАН, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, Государственный архив Мурманской области, Научный архив КНЦ РАН). Документы из более 500 дел были использованы в качестве источников по теме[1].

Поэтапная смена институциональных форм академической науки в 1930–1980-е годы

Изучение эволюционного процесса институционализации региональной академической науки, рассмотренного в рамках работы над темой в историческом контексте, на примере развития академического научного учреждения на Кольском полуострове (в российском секторе Евро-

[1] Саморукова А. Г. Основные комплексы источников по истории Кольского филиала АН СССР // Труды Ферсмановской науч. сессии ГИ КНЦ РАН. 2009. № 6. С. 74–77.

Арктического/Баренц региона) позволило выявить исторические предпосылки (факторы), определившие выбор новых институциональных форм генезиса академической науки в 1930–1980-е гг., укладывающихся в рамки шести хронологических этапов.

Первый этап (первая половина XVIII — начало XX вв.) — описательно-оценочный этап становления академической науки, начавшийся с первой академической экспедиции Людовика Делиль де ла Кройера в 1727–1730 гг. и завершившийся в 1930 г. организацией первого стационарного регионального учреждения Российской академии наук — Хибинской горной станции (ХИГС) АН СССР.

На выбор институциональной формы в XVIII — начале XX вв. повлиял географический фактор — территориальная удалённость северных районов от политического и экономического центра Российской империи, где была сосредоточена вся академическая научная деятельность, потенциировала изучение окраинных территорий посредством организации института членов-корреспондентов Академии наук и научно-исследовательских экспедиций.

Второй этап (1930–1934 гг.) — этап развития академической науки, который характеризуется увеличением направлений научной деятельности в регионе и необходимостью интенсификации проводимых исследований силами специалистов, приглашённых для работы в ХИГС АН СССР (с 1934 г. — Кольская база АН (КБАН) СССР).

В ходе работы над темой были выявлены исторические предпосылки к переходу на данный этап. Прежде всего, это осуществление районирования новой советской страны, предложенного акад. А. Е. Ферсманом, в рамках реализации плана ГОЭЛРО, которая потребовала обеспечения научными обоснованиями процесса экономического переустройства страны с учётом региональных особенностей выделенных районов. Далее это: формирование базы знаний о ресурсном потенциале региона, на основе материалов комплексных экспедиционных обследований; экстенсивное развитие производительных сил арктических районов СССР. Самой серьёзной предпосылкой для смены этапа и институциональной формы развития академической науки стало открытие в 1926 г. в Хибинах большого коренного месторождения апатита — сырья для фосфорных удобрений и инициация крупномасштабного горнодобывающего и обогатительного промышленного производства, что потребовало организации стационара для проведения научных исследований.

Третий этап (1934–1941 гг.) — это этап начальной структурной организации, во время которого комплектовался штат постоянных научных сотрудников КБАН СССР, создавались первые специализированные лаборатории и структурные подразделения.

Исторически сложившимися предпосылками, подготовившими переход на третий этап, были определены: необходимость укрепления связи науки с производством и организации учреждений Академии наук СССР на местах, чтобы развитие производительных сил удалённых районов страны могло осуществляться более успешно на базе системы научных учреждений, постоянно действующих на территории этих районов; необходимость применения комплексного подхода при решении проблемы использования природных богатств Кольского полуострова и реорганизации ХИГС АН СССР в комплексное научное учреждение, занимавшееся классическими комплексными исследованиями и решавшее промышленные задачи прикладного характера[1].

Четвёртый этап (1941–1944 гг.) — этап вынужденной деструктуризации, вызванной необходимостью эвакуации сотрудников и материальной базы КБАН СССР из прифронтовой зоны боевых действий Великой Отечественной войны в г. Сыктывкар Коми АССР, где на основе объединения с Северной базой АН СССР (г. Архангельск) была образована База АН СССР по изучению Севера[2] со стационарами в городах Кировск и Архангельск.

Пятый этап (1944–1949 гг.) — восстановительный этап, в ходе которого после освобождения Кольского полуострова от немецко-фашистских захватчиков (прекращения боевых действий) была вновь организована Кольская база АН СССР и возобновлены исследования по региональной тематике, что в 1949 г. привело к реорганизации КБАН в Кольский филиал АН (КФАН) СССР.

Выявленными историческими предпосылками, приведшими к изменению формы институционализации академической науки в регионе на этом этапе, стали: создание научных основ комплексных технологий добычи и переработки обнаруженных ресурсов (минеральных и биологических) Кольского региона параллельно с процессом интенсивного восстановления народного хозяйства СССР после Второй мировой войны; определение тематики научных исследований КБАН СССР, исходя

---

[1] Петров В. П. Идеи А. Е. Ферсмана о комплексном освоении Кольского Заполярья: 80 лет спустя // Труды Ферсмановской науч. сессии ГИ КНЦ РАН. 2009. № 6. С. 2–7.

[2] Макарова Е. И. Апатитско-Кировский район в годы Великой Отечественной войны: история по архивным документам // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история / Кольский научный центр РАН, Центр гуманитарных проблем Баренц региона. Апатиты: КНЦ РАН, 2009. С. 144–150; Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. Кольские учёные в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Труды Ферсмановской науч. сессии ГИ КНЦ РАН. 2010. № 7. С. 182–186.

из требований общесоюзного плана развития народного хозяйства страны, в приложении к естественно-историческим условиям Кольского полуострова с применением полевых и стационарных методов исследования; «перерастание» КБАН СССР рамок деятельности, отведённой для баз Академии наук. Новые задачи и направления деятельности обусловили необходимость создания интегрированной системы новых научных учреждений — институтов на базе разрозненных лабораторий и наращивания объёмов проводимых научно-исследовательских работ, обусловленных региональной тематикой и специализацией района в разделении труда[1].

Шестой этап (1949–1988 гг.) — этап интенсивного развития академической науки на Кольском Севере, что проявилось в количественном увеличении и качественных трансформациях структурных единиц стационарного академического регионального учреждения, основных институтов КФАН СССР. Закончился организацией в 1988 г. на базе КФАН СССР (Кольского научного центра АН СССР) — ядра научно-инновационного регионального комплекса.

Основными предпосылками создания регионального научного центра на Кольском Севере стали: создание и деятельность организационных структур (подразделений), направленных на выполнение не тем, а определённых функций. В задачи функциональных подразделений входило: обеспечение институтов Филиала научно-технической и патентной информацией, стандартами, методическими материалами и др.; постепенный переход от экстенсивного пути развития к интенсивному; создание опытно-производственной инфраструктуры, позволявшей выполнять не только исследования, но и разрабатывать технологии; усиление межотраслевых, междисциплинарных взаимодействий, активизировавших институты вступать в различные научные и научно-производственные объединения; необходимость проведения системных исследований по ключевым проблемам, определявшим современную стратегию природопользования и жизнеобеспечения в Евро-Арктическом регионе[2]; необходимость перевода экономики региона с сырьевого на инновационный путь развития.

Уровень развития научной и организационной деятельности Филиала предопределил возможность изменения статуса учреждения.

---

[1] Саморукова А. Г. Кольская база Академии наук СССР в первые послевоенные годы // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история / Кольский науч. центр РАН, Центр гуманитарных проблем Баренц региона. Апатиты: КНЦ РАН, 2009. С. 15–21.

[2] Петров В. П. К анализу исторического опыта решения проблемы рационального использования минеральных ресурсов Кольского полуострова // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история / Кольский науч. центр РАН, Центр гуманитарных проблем Баренц региона. Апатиты: КНЦ РАН, 2009. С. 5–15.

КФАН СССР решал проблемы прямых связей академических институтов и производства, доводил свои научно-технические предложения до готовности к внедрению, развивая при институтах опытные производства.

Формы взаимодействия академической науки и властных структур

Рост промышленного производства в России в XVIII в. требовал изыскания внутренних естественных ресурсов, описания производительных сил, физико-географического и экономического районирования страны. Для этого первыми лицами российской монархии были инициированы и профинансированы из казны «астрономические» («географические») и «физические» экспедиции Академии наук. После развития собственной экспедиционной деятельности морским и военным ведомствами в начале XIX в., особенно после появления в 1845 г. Русского географического общества, значение организованных Академией наук экспедиций стремительно падает. Бюрократическая структура академии и её полная финансовая зависимость от всякого рода министерств не способствовали организации желаемого количества экспедиций. Но те, которые все же смогли преодолеть все препятствия и состоялись, отправлялись преимущественно на Север, в том числе на Кольский полуостров. Последняя экспедиция XIX в. — высокоширотная градусная русско-шведская академическая экспедиция на острова Шпицбергена стала грандиозным событием своего времени. Её организация и проведение происходили под патронажем и с непосредственным участием первых лиц, правящих в России и Швеции династий.

В новом XX в. академические экспедиции на Кольский Север возобновились в 1920-х гг. и были подчинены необходимости изыскания естественно-природных ресурсов, но уже для выживания и дальнейшего самостоятельного существования Советского государства[1], экономически и политически изолированного.

В условиях форсированной модернизации производства при нехватке ресурсов, масштабном конструировании новой социально-экономической модели процессы «огосударствления» науки происходили ускоренными темпами при беспрецедентном партийном контроле.

Организация и развитие научных исследований ХИГС — КБАН — КФАН СССР неразрывно связаны с деятельностью высшего научного учреждения страны — Академии наук СССР. Научно-исследовательская

[1] Токарев А. Д., Каменев Е. А. Первая поездка А. Е. Ферсмана на Кольский полуостров в 1920 г. (о дате поездки и составе делегации) // Труды Ферсмановской науч. сессии ГИ КНЦ РАН. 2010. № 7. С. 220–222.

работа на Базе и в Филиале проводилась в полном соответствии с основными направлениями, определёнными Президиумом АН СССР[1].

Комиссии из высококвалифицированных учёных, созданные Президиумом АН СССР, знакомились с работой Базы/Филиала, вносили конкретные предложения, направленные на её совершенствование, после чего деятельность Базы/Филиала рассматривалась Президиумом. Руководящие органы Академии наук, такие как Общее собрание, Бюро отделений, также уделяли внимание проблемам Базы/Филиала. Деятельность научного учреждения регулярно обсуждалась на годичных собраниях АН СССР, сессиях Общих собраний, заседаниях Президиума.

С 1949 г. руководство сетью филиалов осуществлял Совет филиалов, после упразднения которого в 1955 г. научное руководство филиалов, в том числе и Кольского, возлагалось на отделения Академии наук. Решение ряда вопросов, таких как подготовка рекомендаций по развитию филиала, составление сводных планов исследований, созыв совещаний филиалов и др., возлагалось на Совет по координации научной деятельности академий наук союзных республик и филиалов АН СССР.

В 1961 г. произошли существенные изменения в управлении академической наукой. Семь филиалов АН СССР с их самостоятельными научно-исследовательскими учреждениями — институтами, отделами и лабораториями, в том числе и Кольский филиал, в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 3 апреля 1961 г. были переданы в ведение Государственного комитета Совмина РСФСР по координации научно-исследовательских работ[2].

Одной их основных задач Комитета являлось соединение науки с практикой народного хозяйства, и постановление о передаче в его ведение филиалов имело целью приблизить их к решению конкретных вопросов, связанных с развитием производительных сил соответствующих экономических районов. В обязанность Академии наук вменялось научное и методическое руководство. На практике это привело к тому, что было создано объединение филиалов параллельно с Академией и руководство научной работой институтов филиалов со стороны Академии ослабло. В 1963 г. все филиалы были возвращены в систему АН СССР.

Большое распространение имела практика экспертных комиссий АН СССР по комплексному обследованию деятельности Филиала. Ведущие

---

[1] Макарова Е. И., Петров В. П. Деятельность Академии наук на Кольском полуострове: к реконструкции истории промышленного освоения Евро-Арктического/Баренц региона (1920–1940 гг.) // Труды Кольского научного центра РАН. 2010. № 2 (2). С. 94–114.

[2] Петров В. П. Роль Е. К. Козлова в развитии академического научного центра на Кольском полуострове // Труды Ферсмановской науч. сессии ГИ КНЦ РАН. 2008. № 5. С. 9–12.

учёные страны анализировали качество проводимых научных исследований, их востребованность в экономике страны, помогали с определением дальнейших приоритетов. По итогам работы комиссий на заседаниях Президиума АН СССР заслушивались вопросы о состоянии и перспективах научной деятельности Кольского филиала и его учреждений. В этом ряду следует отметить проверки Филиала по линии АН СССР в 1952, 1955, 1965, 1972 и 1979 гг.

Организация и развитие научных исследований Кольского филиала были неразрывно связаны в первую очередь с поставленными перед ним региональными задачами. Развивающееся хозяйство региона потребовало решения целого комплекса проблем научным учреждением, при этом в формировании основных научных направлений деятельности и структуры Филиала немаловажным было участие органов региональной власти.

Партийные органы Мурманской области имели право контролировать деятельность академического учреждения, оказывали влияние на качество и объём проводимых научно-исследовательских работ и практическое использование их результатов. Контроль выражался в регулярных проверках Филиала представителями Мурманского обкома КПСС. Рассматривались вопросы, связанные с развитием научного учреждения, анализировалось качество проводимых научных исследований, их востребованность в народном хозяйстве, оказывалась помощь в определении приоритетов. Между Мурманским обкомом и Филиалом велась постоянная переписка по вопросам деятельности последнего. В адрес областного и городского комитетов партии поступали докладные записки, отчёты, справки.

Действенной формой связи науки и производства была организация органами местной власти совместных встреч учёных и представителей народного хозяйства области. Использованию предложений науки в народном хозяйстве способствовали систематически проводимые по инициативе Мурманского обкома КПСС научно-технические совещания по важнейшим проблемам развития производительных сил области. Кроме того, практиковались встречи руководителей научных учреждений и учёных Кольского филиала с коллективами инженерно-технических работников предприятий и организаций области. Руководители ведущих предприятий входили в состав учёных советов институтов.

С 1960-х гг. обычной практикой стало то, что экспертные комиссии Президиума АН СССР при проверке деятельности Кольского филиала, делились своими выводами с Мурманским обкомом КПСС, то есть выслушивались замечания и обращалось внимание на ту необходимую помощь, которая может быть оказана учреждениям Филиала со стороны областной партийной организации.

В источниках советского периода роль Мурманского обкома ВКП(б)/ КПСС прослеживается весьма заметно. Вместе с тем, проведённый анализ

документов позволил утверждать, что направляющая и ориентирующая на начальном этапе роль Коммунистической партии в дальнейшем менялась на контролирующую. Анализ роли местных органов власти на обозначенных этапах развития академической науки выполнялся с учётом форм взаимодействия партийных и советских органов власти и административно-управленческого аппарата КФАН СССР, к которым относятся формы управляющего и организующего воздействия[1].

Основные управленческие и организационные воздействия в данной области были направлены на устранение существовавших недостатков в деятельности научного учреждения, имевших под собой объективную основу. Например, недостатки в формировании адекватной кадровой политики учреждения были обусловлены объективным процессом формирования производительных сил региона. Взаимодействие партийных и советских органов, наделённых контролирующими, проверяющими и направляющими функциями, с филиалом АН СССР позволяло осуществлять академические исследования, результаты которых были востребованы производством Мурманской области.

Специфика развития академических научных исследований в постсоветский период

На основе анализа деятельности Кольского научного центра РАН была выявлена специфика развития академических научных исследований в постсоветский период, определены наиболее значимые факторы, в том числе глобального, национального и регионального уровней, обусловившие развитие академической науки на Кольском Севере в 1990-е гг.

В процессе работы над темой установлено, что в постсоветский период, наряду с общероссийскими тенденциями, вызванными социально-экономическими и политическими трансформациями в стране, и особенностями региона, обусловленными его географическим положением и ресурсным потенциалом, важнейшее значение для развития науки на Кольском Севере в первом десятилетии XXI в. приобретали общемировые тенденции: глобальные вызовы времени, связанные с решением проблем использования ресурсов Арктики, снижения критических значений антропогенной нагрузки на уязвимые биосистемы Севера, с разработкой новых парадигм обустройства жизни на Севере.

Также были выделены негативные и позитивные тенденции институционального развития КНЦ РАН в указанный период. Главным

[1] Саморукова А. Г., Петров В. П. К вопросу об опыте взаимодействия партийно-советских региональных властных органов и академических научных учреждений: на примере работы Кольского филиала АН СССР в 1945–1965 годах // Труды Кольского научного центра РАН. 2010. № 2 (2). С. 115–126.

результатом данного периода может быть признан тот факт, что, несмотря на трудности экономического характера, удалось сохранить структуру КНЦ РАН как ядра регионального научно-инновационного комплекса нового типа, обеспечивавшего академические исследования по наиболее актуальным направлениям развития Севера и Арктики и координацию международных исследований в Баренц-регионе. При этом основными стабилизирующими факторами в постсоветский период послужили: 1) активное развитие международного сотрудничества, прежде всего в рамках Баренцева региона; 2) интеграция в образовательную сферу научных учреждений и создание на базе КНЦ РАН ядра региональной системы непрерывного образования (школа — вуз — аспирантура); 3) сохранение на протяжении всего периода кадрового ядра научных сотрудников КНЦ РАН.

В рамках периодизации, разработанной Институтом истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, отражавшей характер изменений по вопросам кадрового обеспечения научных изысканий в России в постсоветский период, был проведён анализ изменения кадрового потенциала КНЦ РАН. Установлено, что в целом кадровое обеспечение исследований на Кольском Севере осуществлялось по общероссийскому сценарию: максимальный отток сотрудников пришёлся на этап «кадрового обвала», затем острота проблемы снизилась и к началу 2000-х гг. ситуация стабилизировалась. Однако темпы снижения численности сотрудников в КНЦ РАН были существенно меньше, чем по стране в целом, при этом на протяжении всего рассматриваемого периода удавалось сохранить научное ядро, а на этапе «кадровой стабилизации» даже обеспечить прирост численности научного персонала.

Анализ научной деятельности КНЦ РАН показал, что в указанный период произошёл существенный сдвиг фокусов исследовательских интересов от формирования общей стратегии промышленного освоения региона к созданию комплексной базы знаний о ресурсном потенциале региона и пакетов технологических решений, позволяющих в XXI в. не только увеличить сырьевой экспорт из региона, но и значительно диверсифицировать экономику Севера путём формирования наукоёмких производств. В новой социально-политической обстановке к числу приоритетных направлений стали относиться разработки надёжных систем жизнеобеспечения на Севере и способов сохранения равновесия между техно- и биосферой Крайнего Севера и Арктики, повысился интерес к гуманитарным исследованиям, существенно возросло количество международных исследований, проводимых на основе создания интернациональных исследовательских коллективов. С одной стороны, смещение фокуса исследовательских интересов КНЦ РАН было вызвано объективными процессами политических и социально-экономических трансформаций, с другой стороны, на изменение исследовательских

интересов повлияли тенденции к развитию международной интеграции в сферах экономики, политики и культуры, активно развивавшиеся в регионе в это время.

В процессе работы над темой была также сформулирована роль академической науки в социально-экономическом развитии региона: региональное развитие науки выступало составной частью общего процесса развития производительных сил. Происходил двусторонний процесс: региональное развитие науки ускоряло общее развитие региона и в то же время зависело от него. В ходе исследований по теме был введён в научный оборот ряд документов традиционного вида и изобразительных документов, являющихся объектами архивного и музейного хранения Научного архива КНЦ РАН и Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН посредством их археографических и факсимильных публикаций[1].

Роль науки в формировании инновационного потенциала Кольского Севера

Основные аспекты и источники исследования

К началу XXI в. Кольский полуостров, благодаря своему географическому положению и ресурсной базе, стал одним из наиболее экономически развитых и урбанизированных регионов Севера. К концу первого десятилетия XXI в. основу социально-экономического развития региона обеспечивали освоение имеющихся и новых видов природных ресурсов Арктики и Субарктики, а также интеллектуальный потенциал Кольского Севера.

Вместе с тем геополитические интересы Российской Федерации того времени требовали пристального внимания научной общественности к таким сложным дискуссионным вопросам, как устойчивое развитие российских арктических, субарктических зон, определение перспектив использования Северного морского пути, обоснование возможности перехода на инновационный путь регионального развития, что стимулировало дальнейшие фундаментальные и прикладные исследования. Это, с одной стороны, предполагало необходимость обобщения и осмысления

[1] Шабалина О. В. Из истории этнографических исследований В. В. Чарнолуского: рисунки и письма учёного из фондов Музея-Архива ЦГП РАН // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI века: сб. ст. / Кольский научный центр РАН. Апатиты: КНЦ РАН, 2007. С. 146–170; Макарова Е. И., Петров В. П. Стенограмма Первой Полярной конф. 1932 г.: опыт моноиздания // Отечественные архивы. 2009. № 5. С. 36–41.

исторического опыта научного изучения и освоения Кольского Севера, с другой — разработку принципов его развития, учитывавших исторические и современные доминанты. Одним из важнейших факторов развития Кольского Севера являлось присутствие крупнейшего регионального научного центра РАН, разработки которого в течение уже 80 лет к тому времени были направлены на формирование основ природопользования в Евро-Арктическом регионе.

В 2011–2013 гг. в ЦГП КНЦ РАН выполнялась НИР «Доминанты исторического развития и роль науки в формировании инновационного потенциала Кольского Севера» (№ гос. регистрации 0120.1 153388, руководитель д-р геол.-минерал. наук В. П. Петров, отв. исполнитель темы канд. ист. наук О. В. Шабалина, исполнители: канд. ист. наук Е. И. Макарова, канд. экон. наук Ж. Э. Каспарьян, канд. экон. наук С. Н. Виноградова, науч. сотр. А. Г. Саморукова, науч. сотр. Е. Я. Пация, специалист А. Д. Токарев, инж.-иссл. И. А. Травин, ст. лаборант Н. С. Гусак) по приоритетным направлениям Отделения историко-филологических наук:

9.2. «Сохранение и изучение культурного, археологического, научного наследия: выявление, систематизация, научное описание, реставрация и консервация».

9.5. «Изучение эволюции человека, обществ и цивилизаций: человек в истории и история повседневности. Ретроспективный анализ форм и содержания взаимоотношений власти и общества».

Исследования по теме были направлены на изучение исторического опыта КНЦ РАН как субъекта развития региона. Необходимость выработки современных управленческих решений на федеральном и региональном уровне, направленных на повышение эффективности науки, предполагало обращение к уникальному опыту ведущих научных учреждений, в том числе Кольского научного центра.

Одним из аспектов исследования по данной теме являлось в том числе изучение опыта международного сотрудничества академической науки в XX в. на Кольском Севере, который способствовал разработке общей концепции нового в мировой практике межнационального территориального объединения — Баренц-региона и началу исследований по формированию основ его устойчивого развития. Таким образом, особую актуальность приобретала необходимость научного осмысления накопленного исторического опыта развития форм и содержания взаимоотношений науки, власти и общества на региональном уровне. Кроме того, необходимы были исследования, направленные на оценку позитивных и негативных сторон в преемственности этих отношений, а также на выявление, изучение и сохранение культурного, научного и исторического наследия региона в целом. Углублённое изучение и анализ

накопленного опыта академической науки на Кольском Севере, а также форм и содержания её взаимодействия с властными структурами всех уровней были востребованы для определения путей сохранения и развития отечественной науки в условиях государственной инновационной политики, невозможной без оценки инновационного потенциала региона.

Исходя из специфики темы в целом, а также из возможностей для осуществления работ, в рамках данного исследования при разработке оценки инновационного потенциала Мурманской области был использован качественный подход, предполагающий выявление основных тенденций в инновационной сфере конкретного региона и их сопоставление с некими эталонными моделями или показателями. При этом анализ был произведён с учётом того, что инновационный потенциал региона рассматривается в триединстве его составляющих — ресурсной, институциональной и результирующей. Предлагаемый подход к оценке инновационного потенциала Мурманской области был применён впервые.

Выполнено исследование по истории академической науки на Кольском Севере в аспекте изучения взаимоотношений с властью и обществом и выявления её роли в цивилизационном освоении и развитии регионов Арктики и Крайнего Севера. Документально обоснован тезис о ведущей роли Академии наук в процессе индустриального освоения северных территорий. На примере функционирования КФАН СССР проанализирован советский опыт научно-организационной деятельности региональных научных организаций, в том числе определены и описаны основные формы взаимодействия с органами региональной власти; на основе анализа кадровой работы и организации международного сотрудничества показаны преимущества государственного подхода к решению вопросов управления наукой. Выявлены особенности формирования заданий научно-исследовательских работ в постсоветский период (на примере КНЦ РАН). Введён в научный оборот корпус важных источников по истории развития науки на Кольском Севере, являющихся объектами архивного и музейного хранения.

Источники исследования. На первом этапе работы над темой в результате применения процедур методики тематического поиска были выявлены значительные объёмы ранее не востребованной документальной информации, хранящейся в российских архивах государственного и ведомственного подчинения, содержащей сведения об исторической роли науки в изучении Кольского Севера и формировании инновационного потенциала региона. Определены фондодержатели по разделам темы, осуществлено выявление архивных фондов по теме (всего 58 фондов), выполнен также анализ отобранных архивных документов системы государственных и ведомственных архивов, в том числе Архива

Российской академии наук (АРАН), Государственного архива Мурманской области (ГОУ ГАМО), Государственного архива Мурманской области в г. Кировске (ГОУ КГАМО), Научного архива КНЦ РАН (НА КНЦ РАН), Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН[1].

Взаимодействие науки и власти на примере развития регионального научного центра в Заполярье

Проведён анализ взаимодействия науки и власти на примере развития регионального научного центра с момента его организации в 1930-х гг. Изучение выявленных источников позволило сделать вывод о том, что первое учреждение Академии наук на Европейском Севере — Кольский научный центр РАН, ведущий свою историю от Хибинской исследовательской горной станции, организованной акад. А. Е. Ферсманом более чем 80 лет назад, стал одним из самых ранних опытов интеграции науки и производства. В этом взаимодействии активно участвовала и третья составляющая — особый симбиоз государственной и партийной (большевистской) власти[2].

На примере развития академических исследований на Кольском Севере был документально обоснован тезис о ведущей роли Академии наук в процессе индустриального освоения северных территорий. История организации и первых десяти лет работы Хибинской исследовательской горной станции (впоследствии — Кольской базы АН СССР) вплоть до организации комплексного учреждения — Кольского филиала АН СССР свидетельствовали о тесном взаимодействии власти (государственной

---

[1] Шабалина О. В. Материалы фондов Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН как источники по истории становления и развития фундаментальной науки в Баренцевом Евро-Арктическом регионе // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 4–7 июня 2013 г.) / отв. ред. В. Ю. Афиани. М.: ФГБУН АРАН, 2013. С. 517–522; Макарова Е. И. Архивные документы в научно-просветительской деятельности Кольского научного центра РАН (1930–1940): к 130-летию академика А. Е. Ферсмана // Труды Кольского научного центра РАН. 2013. № 6 (19). С. 128–136.

[2] Петров В. П., Макарова Е. И., Токарев А. Д. Исследования Академии наук на Кольском Севере: взаимоотношения с властью, 1920–1940 гг. // Труды Ферсмановской науч. сессии ГИ КНЦ РАН. 2012. № 9. С. 33–44; Петров В. П., Макарова Е. И., Токарев А. Д. Кольский Север: к истории взаимоотношений государства и науки // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2012. № 3 (31). С. 47–56; Петров В. П., Макарова Е. И., Токарев А. Д. Академик А. Е. Ферсман и создание горно-химической промышленности на Кольском полуострове: к 130-летию со дня рождения А. Е. Ферсмана // Труды Ферсмановской науч. сессии ГИ КНЦ РАН. 2013. № 10. С. 7–12.

и региональной) и науки, активной государственной заботе об укреплении научного потенциала страны, в том числе и в таких окраинных регионах, как Кольский Север[1].

Гарантом успехов науки на Кольском Севере послужило в том числе усиление контроля за работой Кольской базы АН СССР со стороны советских и партийных органов во второй половине 1930-х гг., что объяснялось, с одной стороны, обострением внутриполитической обстановки в целом по стране и в регионе, с другой — внедрением плановых основ в деятельность Академии наук в исследуемый период.

Накануне Великой Отечественной войны Кольская база АН СССР представляла собой достаточно крупное научное учреждение Академии наук, осуществлявшее на Кольском полуострове фундаментальные научные исследования. Благодаря её деятельности Советская Россия получила научный опыт организации за короткий исторический период высокоразвитой промышленной и социальной инфраструктуры северного приполярного региона. Установка, ориентированная на гуманное, экологичное и экономически эффективное освоение Кольского Севера, с самого начала определила приоритеты организации и формы развития научных исследований в регионе.

В 1950-е гг. взаимоотношения между органами местной власти и Кольским филиалом АН СССР определялись особенностями развития Мурманской области в этот период. Большое внимание уделялось вопросам развития полярного сельского хозяйства. Не менее важными в этот период являлись проблемы изучения и освоения гидроресурсов Кольского полуострова, что побуждало региональные власти поддерживать постоянные контакты с научным учреждением.

С конца 1950-х и до середины 1960-х гг. в новых условиях хозяйствования, связанных с организацией в стране Советов народного хозяйства, отношения научных учреждений с органами региональной власти определялись содружеством с Мурманским советом народного хозяйства. Взаимодействие позволяло расширить научные исследования, направленные на изучение природных ресурсов и научное обоснование их практического использования, что, в свою очередь, способствовало экономическому развитию области.

В 1970-е гг. внимание к проблемам комплексного использования минеральных ресурсов Кольского полуострова активизировало взаимную деятельность органов местной власти, научных учреждений Кольского филиала и заинтересованных в этом предприятий области. Кроме того,

[1] Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. Академия наук в истории индустриализации северных территорий СССР (1917–1940) // Труды Кольского научного центра РАН. 2012. № 2 (9). С. 61–73.

в 1970-е гг. активное взаимодействие сторон объяснялось и тем, что всё более значимой становилась роль науки в определении проблем охраны окружающей среды, требующих в дальнейшем решения.

В процессе разработки темы НИР были определены и описаны основные формы взаимодействия с органами региональной власти в период 1950–1970-е гг. Выявлены факторы, определившие их выбор и содержание региональных мероприятий. Внимание областных органов власти в значительной степени было обращено на вопросы связи научного учреждения с производством и координации действий между промышленными предприятиями и институтами Филиала. Проблемы связи науки с практикой, внедрение достижений науки в производство требовали такой формы организации взаимоотношений, как совещания с представителями промышленных предприятий, производственниками Ковдорского ГОКа, Ёнского рудоуправления, МГРЭ. К совещаниям привлекались представители государственных органов (Государственный комитет Совета Министров СССР по науке и технике, Госплан СССР и Госплан РСФСР, ряд союзных министерств, Министерства геологии Казахской ССР), а также учёные и специалисты проектных организаций, работники партийных комитетов, хозяйственные руководители.

Было выявлено, что инициатива совместных действий в регионе исходила как от партийных и советских органов, так и от областных учреждений и общественных организаций. В разные годы и по разным вопросам инициаторами, организаторами и участниками объединённых мероприятий становились представители Мурманского областного комитета народного контроля, плановой комиссии Мурманского облисполкома, Мурманского облсовета научно-технических обществ, Мурманского территориального управления по гидрометеорологии и контролю природной среды. Активное участие в рассмотрении вопросов охраны окружающей среды принимали такие организации, как Мурманское отделение Всероссийского общества охраны природы, постоянная комиссия по охране природы Мурманского областного Совета народных депутатов, Мурманское отделение Союза журналистов.

Выполнено хронологическое описание процессов формирования заданий научно-исследовательских работ в КНЦ СССР/РАН (с момента его организации в 1988 г.) с учётом трёх основных уровней управления наукой: Академия наук СССР / Российская академия наук; органы государственного управления федерального и регионального уровней.

С момента организации в 1988 г. Кольский научный центр выполнял функции базовой организации по научному обеспечению стратегий природопользования и хозяйствования в Евро/Арктическом регионе, координировал научную деятельность, в том числе через формирование

и реализацию региональных научно-технических программ. В регионе Кольскому научному центру принадлежала функция инициатора, основного исполнителя и координатора наиболее значимых научных исследований.

Базовые направления научных исследований, служившие основой для формирования программ научно-исследовательских работ научных учреждений в рассматриваемый период, определял Президиум Академии наук при взаимодействии с органами государственного управления, которое было наиболее активным до распада СССР и значительно снизилось в 1990-е гг. Выявлены наиболее значимые документы, на основе которых формировались программы исследований Кольского научного центра. Анализ показал, что программы исследований Центра носили комплексный характер и были скоординированы с наиболее значимыми направлениями развития отечественной науки, но ориентированы, прежде всего, на решение задач регионального развития.

Кадровая политика и международное сотрудничество в Кольском филиале АН СССР

Был проанализирован советский опыт научно-организационной деятельности научных организаций на примере функционирования КФАН СССР. На основе анализа кадровой работы и организации международного сотрудничества были показаны преимущества государственного подхода к решению вопросов управления наукой[1]. Определены основные этапы кадровой политики КФАН СССР, обусловленные приоритетными задачами.

На первом этапе (1944–1957 гг.) острота кадровой проблемы была вызвана спецификой восстановления страны в целом и науки в частности и, прежде всего, недостатком научных работников[2]. Численность сотрудников не позволяла охватить все требующие скорейшего разрешения проблемы.

На втором этапе (1957–1965 гг.) особенности формирования кадровой политики были связаны с развитием комплексных исследований, что потребовало широкого развития новых направлений в науке, связанных

---

[1] Саморукова А. Г., Петров В. П. К вопросу о роли государственных и региональных властных структур в формировании кадровой политики Кольского филиала АН СССР в 1945–1957 гг. // Труды Кольского научного центра РАН. 2012. № 2 (9). С. 73–86.

[2] Петров В. П., Токарев А. Д. К истории восстановления Кольской базы АН СССР и строительства Академгородка Кольского филиала АН СССР (1944–1961) // Труды Кольского научного центра РАН. 2013. № 6 (19). С. 110–126; Саморукова А. Г. Учёные Кольского филиала АН СССР в жизни Кировска // Труды Ферсмановской науч. сессии ГИ КНЦ РАН. 2012. № 9. С. 110–112.

с организацией новых институтов. Помимо этого, на втором этапе проблема подбора кадров имела свои особенности в каждом отдельном институте.

На третьем этапе (1965–1985 гг.) особое внимание уделялось подготовке специалистов высокой квалификации по ряду ведущих и актуальных направлений исследований, прежде всего докторов наук.

Мерами по решению кадровой проблемы на различных этапах стали:

Первый этап — приглашение консультантов и совместителей, открытие собственной аспирантуры, рациональная расстановка внутренних ресурсов, перераспределение имеющегося штатного контингента с учётом первоочередных задач послевоенного восстановления народного хозяйства.

Второй этап — возвращение к практике привлечения высококвалифицированных кадров, консультантов и совместителей из головных институтов АН СССР, перемещение сотрудников Кольского филиала в соответствии с профилем образующихся институтов, активизация работы аспирантуры, подбор кадров из студентов, проходящих практику на базе Филиала;

Третий этап — принятие мер по рациональному распределению научно-производственной нагрузки наиболее перспективных специалистов: (предоставлены творческие отпуска для завершения диссертационных работ), расширение практики стажирования сотрудников в центральных НИИ.

Был проанализирован комплекс мероприятий, осуществляемых руководством Кольского филиала с целью создания условий для подготовки высококвалифицированных специалистов через аспирантуру, докторантуру, а также привлечение к сотрудничеству специалистов других научных учреждений. Рассмотрены действия по повышению квалификации научно-вспомогательного персонала[1].

Выполнены работы по исторической реконструкции процессов организации и осуществления международной деятельности в КФАН СССР. Было определено, что большинство дву- и многосторонних связей с другими странами в различных областях науки Филиал установил после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Особенно благоприятными для развития научного сотрудничества были 1960–1970-е гг., так как именно в это время происходила разрядка международной напряжённости: в 1960-е КФАН СССР активно взаимодействовал с институтами академий наук социалистических стран на многосторонней основе; в 1970-е возрос объём научных связей с капиталистическими и развивающимися странами, в основном это двусторонние контакты с национальными научными организациями стран Скандинавии, США, Франции, ФРГ и др. С начала

[1] Саморукова А. Г., Петров В. П. О работе аспирантуры Кольского филиала АН СССР в 1945–1985 гг. // Труды Кольского научного центра РАН. 2013. № 6 (19). С. 96–108.

1950-х гг. начала активно развиваться такая форма участия АН СССР, в том числе учёных и специалистов КФАН СССР, в международном научно-техническом сотрудничестве, как активная деятельность в составе международных организаций по решению различных научных проблем глобального и регионального характера[1].

На примере сотрудничества с Финляндией, отношения с которой развивались наиболее активно в 1970–1980-х гг., были выявлены основные формы международной научно-технической кооперации: совместное выполнение научно-исследовательских работ; участие в работе международных научных организаций; совместная подготовка учёными и специалистами и издание публикаций; участие в международных научных конференциях, семинарах, симпозиумах и др., а также организация, проведение их у себя; приём в КФАН СССР учёных из Финляндии; подготовка зарубежных командировок своих сотрудников (оформление выездных документов).

Векторы развития российской научно-технической политики и международного научно-технического сотрудничества на Кольском Севере 2000-е годы

Анализ базовых документов федерального уровня показал, что в конце первого десятилетия XXI в. выбор вектора развития науки и технологий в России определялся в первую очередь форматом «инновационного развития». При этом, в отличие от классического (согласно теории постиндустриального общества) подхода к определению инновации как «нововведения, обеспечивающего *качественный рост* эффективности функционирования системы и являющегося *результатом интеллектуальной деятельности* человека» (по Й. Шумпетеру), в России инновация понималась узко — главным образом как результат технической модернизации.

Одним из ключевых понятий и объектов регулирования регионального уровня в российской научно-технической политике начала века являлся «инновационный потенциал». Установлено, что к тому времени не существовало единых подходов к оценке инновационного потенциала регионов. Большинство применяемых в российской и зарубежной практике методик было основано на использовании различных интегральных показателей, которые конструировались с акцентом на результирующую составляющую, что в целом занижало значение академического сектора науки при рассмотрении вопросов регионального развития.

---

[1] Шабалина О. В. Документы фонда № 1 Научного архива КНЦ РАН как источники по истории международного научного сотрудничества // Труды Кольского научного центра РАН. 2012. № 2 (9). С. 101–110.

Был предложен новый подход к оценке инновационного потенциала региона на основе выполненных теоретических исследований:

1) выработанного обобщённого определения категории «инновационный потенциал региона»;

2) разработанной теоретической модели, рассматривающей инновационный потенциал в триединстве его составляющих — ресурсной, институциональной и результирующей.

Предложенный подход применён при оценке инновационного потенциала Мурманской области. Получен вывод о том, что инновационный потенциал региона наиболее развит в той части (*ресурсная составляющая*), где ключевую роль в его формировании играет КНЦ РАН, и отстаёт в части (*результирующая составляющая*), где роль академической науки низка в силу выполнения ею иных задач. *Институциональная составляющая* инновационного потенциала региона была развита недостаточно, что совпадало с общероссийскими тенденциями.

Также были выявлены основные векторы текущих на тот момент совместных научных исследований российских и иностранных учёных как одной из форм международного научно-технического сотрудничества на Кольском Севере:

- экокультурный — регион особо чувствителен к антропогенному воздействию при наличии большой протяжённости условной морской государственной границы, сосредоточение на его территории уникального комплекса соседствующих культур, требующего изучения и сохранения;
- комплексный — изучение как целостной системы гидро-, био-, лито- и атмосфер Кольского Севера как части арктической зоны.

Как сложности в оценке состояния и перспектив развития научного партнёрства России в рамках Баренц-региона определены:

1) несовершенство законодательной базы;

2) многообразие научных подходов и практик, а также особенности применяемых в исследованиях методов различных научных школ;

3) сложности, возникавшие во взаимоотношениях федеральных правительств с местными властями;

4) отсутствие единой на международном уровне концепции развития Севера;

5) интеграция арктической экономики в глобальную мировую экономику, управлявшаяся государствами и транснациональными корпорациями, а не региональным правительством;

6) противоречия, возникавшие в процессе исторического развития, разрешение которых требовало значимых усилий не просто политического, а геополитического и планетарного уровня. Например, противоречие между экологической ролью Арктики и значением её как кладовой ресурсов, транспортной магистралью.

Были проанализированы функции и обязанности врачей, участвовавших в экспедициях в приарктическую и арктическую зоны, в том числе на Кольский полуостров, и их роль в изучении Кольского Севера в XIX — начале XX вв. Установлено, что в ретроспективе вопросы, касающиеся различных аспектов здоровья населения Кольского полуострова, а также используемых здесь медицинских практик, сначала изучались преимущественно с точки зрения описания быта и условий жизнедеятельности промысловиков и коренных жителей. Позднее появляются работы, содержащие информацию о санитарно-гигиеническом состоянии жилищ, образе питания, народных практиках лечения заболеваний, а также некоторые врачебные заметки, касающиеся заболеваний, настигающих путешественников на приарктических территориях[1].

Анализ опубликованных источников по проблеме международного научного сотрудничества на Кольском Севере в XIX — начале XX вв. позволил считать, что первые комплексные исследования на Кольском полуострове были осуществлены экспедициями финляндских учёных (1820–1917 гг.)[2], которые достаточно интенсивно проводили геологические, ботанические, зоологические и этнографические исследования в западных районах и на побережье полуострова.

В рамках работы над темой была выполнена документальная реконструкция событий одного из наиболее «трудных» периодов в истории изучения Кольского Севера — 1936–1939 гг. Рассмотрены острые конфликтные ситуации в деятельности Кольской базы АН СССР в предвоенный период. При общей тенденции к расширению диапазона исследований и укреплению материально-технического состояния Базы во второй половине 1930-х гг., наблюдалось изменение её кадрового состава. На смену специалистам со стажем (выходцев из дворян) пришло новое поколение «сталинского отлива», что привело к локальным конфликтным ситуациям в коллективе, обусловило текучесть кадров и срыв выполнения плана НИР, а также ослабило связи с производством.

Это, в свою очередь, вызвало критику со стороны властей с последующим применением карательных функций — от увольнения опытных специалистов до применения репрессивных мер (в единичных

---

[1] Каспарьян Ж. Э. Исторические аспекты академических исследований, посвящённых вопросам состояния здоровья населения Европейского Севера России // Труды Кольского научного центра РАН. 2012. № 2 (9). С. 131–138.

[2] Шабалина О. В. Финляндские исследователи Кольского полуострова. 1820–1917 // Труды Кольского научного центра РАН. 2011. № 3 (6). С. 72–79.

случаях, в отличие от общей тенденции в стране и регионе) к ответственным руководителям[1].

В рамках локального исследования становления предприятий советской угольной промышленности на архипелаге Шпицберген в научный оборот были введены значительные комплексы исторических источников, отложившихся в Российском государственном архиве экономики, Архиве внешней политики Российской империи, Государственном архиве Мурманской области[2].

Исследованием на основе опубликованных источников по истории изучения проблем здоровья населения Кольского Севера было показано, что именно врачи — участники научных экспедиций выполнили первые описания санитарно-гигиенических условий быта и жизни местного населения, сложившихся медицинских практик, ими а также была обоснована необходимость организации системной медицинской помощи населению в целях обеспечения задач по освоению края[3].

В процессе изучения истории саамских исследований в МЦНКО и ЦГП КНЦ РАН (со второй половины 1990-х гг. до наших дней) было показано, что на протяжении всего рассматриваемого периода исследования в отношении коренного населения были направлены не только на получение новых знаний об их современном положении, истории и культуре, но и на развитие компетенций коренных сообществ, в том числе через привлечение представителей коренного населения непосредственно к выполнению работ, а также через просветительскую и музейную деятельность[4].

На примере истории сезонной станции Мурманского морского биологического института КНЦ РАН в пос. Дальние Зеленцы (с момента её организации в 1930-х гг. и до настоящего времени) было показано как её организация, дальнейшее развитие до масштабов академического института, а затем переезд в областной центр и сужение функций

---

[1] Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. «Трудные моменты» в деятельности Кольской базы АН СССР в 1936–1939 гг. // Труды Кольского научного центра РАН. 2011. № 3 (6). С. 92–113.

[2] Наука на Шпицбергене: История российских исследований / В. Г. Захаров, О. В. Шабалина, В. Ф. Старков [и др.]. СПб.: Гамас, 2009. 408 с.; Шабалина О. В. Становление предприятий советской угольной промышленности на архипелаге Шпицберген по документам РГАЭ и ГАМО // Отечественные архивы. 2010. № 6. С. 38–48.

[3] Каспарьян Ж. Э. Экспедиционные врачи и их роль в изучении и освоении Кольского Севера // Труды Кольского научного центра РАН. 2013. № 6 (19). С. 137–151.

[4]Виноградова С. Н. О некоторых особенностях устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. № 6 (37). С. 28–35.

до сезонного стационара отразились на судьбе небольшого периферийного рыбацкого поселения. Решение о создании станции в начале 1930-х гг. способствовало возникновению стационарного поселения на месте рыбацкого становища. Поэтому развитие его социальной и транспортной инфраструктуры, формирование социально-культурного облика в дальнейшем было неразрывно связано с функционированием станции (впоследствии — института) и ростом её научного значения. Переезд института и в связи с этим консервация его зданий привела к упадку и разрушению посёлка.

Проведена реконструкция исторического периода организации Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН на основе неопубликованных материалов его фондов. Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера за свою почти 40-летнюю историю прошёл путь становления от любительской деятельности активной, интересующейся историей освоения и изучения Европейского Севера научной общественности в Северном филиале ГО СССР до профессиональной работы в рамках научно-исследовательского сектора ЦГП КНЦ РАН. Обосновано, что «музей-архив» — выбранная организаторами форма функционирования системы культурно-исторической памяти являлась оптимальной для реализации научно-познавательных и культурно-просветительских целей и задач этого учреждения в системе Российской академии наук[1].

Через научные и документальные публикации в научный оборот введён корпус важных источников по истории развития науки на Кольском Севере, являющихся объектами архивного и музейного хранения.

Опыт советской и зарубежной науки в экономическом и социальном развитии арктических территорий

Актуальность и источники исследования

В 2014 г. в Российской академии наук была сформирована программа фундаментальных исследований «Поисковые фундаментальные научные исследования в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации». Целевой направленностью программы стало обоснование долгосрочных перспектив и основных направлений развития различных видов хозяйственной деятельности в Арктике, включая изучение окружающей среды и рациональное природопользование, а также создание

[1] Петров В. П., Пация Е. Я., Шабалина О. В. История организации и создания Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН (1970–2012) // Вестн. Кольского научного центра РАН. 2012. № 4 (11). С. 24–36.

теоретических и экспериментальных основ новых методов и технологий изучения и освоения Арктики.

В условиях продолжавшейся глобализации и нарастания противоречивых геоэкономических тенденций в Арктике (обретения арктической политикой функций одного из системообразующих факторов развития глобальной политико-экономической организации миропорядка) продолжали актуализироваться необходимость научного осмысления накопленного исторического опыта развития форм и содержания взаимоотношений науки, власти и общества в Евро-Арктическом регионе, проведение исследований, направленных на оценку позитивных и негативных сторон в преемственности этих отношений, включая выявление, изучение и сохранение культурного, научного и исторического наследия региона в целом.

Силами Центра гуманитарных проблем Баренц региона КНЦ РАН были осуществлены исследования по темам НИР (2008–2010 гг., 2011–2013 гг.), направленные на изучение исторического опыта Кольского научного центра РАН как субъекта развития региона. Институциональное развитие академической науки на Кольском Севере на всех этапах было обусловлено, с одной стороны, потребностями регионального сообщества, с другой — взвешенными решениями руководства, что на первоначальном позволило этапе обеспечить тесную связь науки и производства, а в дальнейшем развить специализированную научную базу до масштабов комплексного научного учреждения, обеспечивавшего исследования по всем важнейшим направлениям регионального развития, а также сохранить научное ядро учреждения в постсоветский период.

Необходимость выработки современных управленческих решений на международном, федеральном и региональном уровне, направленных на повышение эффективности науки в освоении и устойчивом развитии Евро-Арктического региона, предполагала обращение к уникальному историческому отечественному и международному опыту институционализации научно-исследовательской деятельности и научной политики в регионе. Одним из аспектов данного исследования являлось изучение опыта международного научного сотрудничества и кооперации в регионе, ставшей возможной в результате деятельности Арктического совета, Северного форума, Совета Баренцева/Евро-Арктического региона и др., происходящей на фоне высокой конкуренции между странами-участницами этих объединений за право обладать новейшими арктическими технологиями. В рамках заявленных аспектов изучение опыта и процессов институционализации науки для обоснования геополитических и социокультурных императивов устойчивого развития Евро-Арктического региона ранее не предпринималось.

В 2014–2016 гг. в процессе работы над темой НИР «Изучение исторического опыта и процессов институционализации науки для обоснования геополитических и социокультурных императивов устойчивого развития Евро-Арктического региона» (номер проекта в ИСГЗ ФАНО: № 0226-2014-0007, руководитель д-р геол.-минерал. наук В. П. Петров, ответственный исполнитель темы канд. ист. наук О. В. Шабалина, исполнители: канд. ист. наук Е. И. Макарова, канд. экон. наук Ж. Э. Каспарьян, канд. экон. наук С. Н. Виноградова, канд. ист. наук С. А. Дюжилов, научные сотрудники А. Г. Саморукова и Е. Я. Пация, зав. сектором А. Д. Токарев, инж.-иссл. И. А. Травин, ст. лаборант Н. С. Гусак) сотрудниками ЦГП КНЦ РАН предпринято исследование, теоретически основанное на положениях НИС и РИС (НИС — национальная инновационная система, РИС — региональная инновационная система) теорий, которые формировали mainstream зарубежной мысли по вопросам пространственного инновационного развития и формирования экономики знаний. В целом, предлагавшийся в данном исследовании поход к анализу арктической научной политики стран Северной Европы через изучение элементов НИС и РИС ранее не был применён.

В процессе работы по разделам темы НИР в рамках приоритетных направлений развития науки, технологии и техники РФ Программы ФНИ ГАН (187 (101). Сохранение и изучение историко-культурного наследия: выявление, систематизация, научное описание, реставрация и консервация; 190 (104). Изучение эволюции человека, обществ и цивилизаций, человек в истории и история повседневности, традиции и инновации в общественном развитии, анализ взаимоотношений власти и общества) был выявлен и проанализирован значительный корпус источников по вопросам инновационного и институционального развития научно-исследовательского сотрудничества в Баренц/Евро-Арктическом регионе, по истории институционализации науки в арктическом регионе и ретроспективы создания и развития социальной инфраструктуры Кольского Севера.

Проведён анализ следующих аспектов:

- исторический опыт институционализации науки в Евро-Арктическом регионе, основных научных направлений, работу по которым осуществлял(а) КБАН — КФАН СССР, особенностей их формирования на различных этапах и роли органов региональной власти в их выработке и координации научной деятельности;
- формы координации и кооперации научных исследований Кольского филиала АН СССР;
- история создания материально-технической базы обеспечения научно-исследовательской деятельности академического учреждения;
- формирование и эволюция сети научных учреждений на Кольском полуострове;

- теоретические основы формирования современной научной политики как ключевой фактор инновационного развития, практики развития региональных инновационных систем в Европе, роль Академий наук при формировании научной политики в странах Северной Европы, особенности современного развития науки в периферийных европейских регионах циркумполярного Севера и Арктики и опыт перехода к экономике знаний;
- современные вызовы и противоречия региональной социальной политики Мурманской области с выделением категорий угроз социальной безопасности региона.

Изучен и введён в научный оборот ряд важных источников по истории развития науки на Кольском Севере, являющихся объектами архивного и музейного хранения.

Источники исследования. В результате применения процедур методики тематического поиска была выявлена ранее не востребованная документальная информация, хранящаяся в архивах РФ государственного и ведомственного подчинения, содержащая сведения по заявленной теме. В ходе работ определены фондодержатели по разделам темы и непосредственно архивные фонды по теме, проведён анализ отобранных архивных документов региональных музеев, системы государственных и ведомственных архивов, в том числе Государственного архива Мурманской области, Научного архива КНЦ РАН, Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН.

Анализ выявленных материалов по истории организации академической науки на Кольском Севере в предвоенный период истории КБАН СССР (1939–1941), военный (1941–1944) и послевоенный период (1944–1950) восстановления Кольской базы вплоть до преобразования её в Кольский филиал позволил расширить и использовать при подготовке докладов и публикаций источниковую базу по теме.

В ходе аналитической работы с источниками был составлен и опубликован обзор «Источники по истории институционализации науки в Евро/Арктическом регионе: от ХИГС до КФАН СССР (1930–1950-е гг.)»[1].

Источниковую базу по теме существенно пополнила деловая переписка Ф. М. Терновского и акад. А. Е. Ферсмана, переданная из семейного архива в мае 2015 г. в Научный архив КНЦ РАН. В хронику истории Кольской базы АН СССР Ф. М. Терновский вошёл как самый «долгосрочный» заместитель директора КБАН СССР, надёжный помощник

[1] Макарова Е. И. Источники по истории институционализации науки в Евроарктическом регионе: от ХИГС до КФАН СССР (1930–1950-е гг.) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 7. 2015. № 1 (27). С. 110–118.

А. Е. Ферсмана[1], что во многом определило успешность научного развития Кольской науки в последующие десять лет[2]. Среди переданных документов письма, адресованные Ф. М. Терновским акад. А. Е. Ферсману, а также письма, записки-поручения на бланках, телеграммы от А. Е. Ферсмана к Ф. М. Терновскому, а также подлинники и заверенные копии огранизационно-распорядительных документов за 1940–1954 гг. Они позволили рассмотреть малоизученный период истории КНЦ с точки зрения влияния на него человеческого фактора: когда посредством деловой переписки и личных контактов Ф. М. Терновскому довелось осуществлять научно-организационное руководство Базой АН СССР по изучению Севера в г. Сыктывкаре Коми АССР в 1941–1944 гг., а затем и восстанавливать Кольскую базу АН СССР в послевоенное время на Кольском Севере под руководством акад. Д. С. Белянкина, при котором были созданы условия для её преобразования в Кольский филиал АН СССР (1949 г.).

Накопление опыта организации и управления наукой в регионе в советский период: особенности формирования приоритетных научных направлений

Рассмотрены ранние периоды формирования и эволюции сети научных учреждений на Кольском полуострове (1930–1945 гг.).

В начале 1920-х гг. на Кольском Севере появились первые советские научные организации. В годы предвоенных пятилеток в Мурманской области сложилась сеть научных стационаров (15), вызванных к жизни во многом потребностями форсированной индустриализации. Среди них ведущую роль играли Кольская база АН СССР, ПИНРО, ПОСВИР, Мурманский филиал ГЭНИИ, Лапландский и Кандалакшский заповедники.

---

[1] Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. Роль А. Е. Ферсмана в концептуальном развитии академической науки в Кольском Заполярье, 1939–1941 гг., часть 1, 1939 год // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 8. 2015. № 7 (33). С. 75–85; Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. Роль А. Е. Ферсмана в концептуальном развитии академической науки в Кольском Заполярье в 1939–1941 гг., часть 2, 1940–1941 гг. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 9. 2016. № 3 (37). С. 45–59.

[2] Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. Забытые имена в истории Кольской науки: Ф. М. Терновский (1901–1987). Геология и стратегические полезные ископаемые Кольского региона // Труды XII Всерос. (с междунар. участием) Ферсмановской науч. сессии, посвящённой 80-летию со дня рождения акад. РАН Ф. П. Митрофанова (Апатиты, 6–7 апреля 2015 г.) / ред. Ю. Л. Войтеховский. 2015. С. 26–31.

Уже к началу Великой Отечественной войны в области на институциональном уровне закладываются основы академического и отраслевого, а также намечаются контуры вузовского и заводского секторов науки, ориентированных преимущественно на выявление, изучение и освоение местного природно-ресурсного потенциала. Территориально этот процесс охватил практически всё пространство Кольского полуострова.

Несмотря на серьёзные деформации, имевшие место в региональной науке в 1930-е гг., научная и техническая интеллигенция края немало сделала для того, чтобы всего за два десятилетия превратить одну из самых отсталых окраин России в передовой индустриальный центр, административно самостоятельный и экономически перспективный.

Накопленный в 1920–1930-е гг. опыт взаимодействия власти, науки и производства на Кольском Севере во многом уникален и может быть востребован на современном этапе.

Процесс институционализация науки в 1920–1930-е гг. на Кольском Севере стал важным фактором его преобразования из «бесплодной и бесперспективной окраины» в индустриальный регион. Участие государства в развитии отечественной науки объективно способствовало созданию в Заполярье необходимых условий для развития практически всех крупных отраслей знания, концентрации научных ресурсов на основных направлениях научно-технического прогресса, повышения социально-экономической эффективности научной деятельности[1].

Проанализирован и обобщён опыт институционализации академической науки, развития научных исследований в Евро-Арктическом регионе, определены оптимальные формы функционирования науки и её взаимодействия с властью и обществом.

В процессе изучения истории создания в не освоенном ранее заполярном регионе крупного междисциплинарного научного центра выявлены основные факторы и предпосылки, определяющие специфику исторического развития академического сектора науки в северных регионах в советский период: централизованное партийно-государственное управление; монополия государства на природные ресурсы; экономическая и научно-техническая изоляция страны от остального мира; острый недостаток сырьевых ресурсов для индустриализации экономики; отсутствие необходимых научно-технических специалистов и научных кадров; обеспечение обороноспособности страны.

Было установлено, что история Кольского научного центра Академии наук второй четверти XX столетия (от ХИГС — КБАН до КФАН СССР) —

[1] Дюжилов С. А. Институционализация науки на Кольском Севере в 1920–1930-е годы: приоритеты, достижения и проблемы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 7. 2015. № 1 (27). С. 100–109.

это история не только формирования научного потенциала академической науки на Крайнем Севере, но и история накопления опыта её организации и управления[1]. Эта история хранит в архивах памяти имена первых руководителей ХИГС — КБАН СССР, посвятивших себя организации науки на Кольском Севере. Перестроив в 1937–1939 гг. работу в направлении решения задач, поставленных региональной властью и руководством Академии наук, КБАН СССР к 1940 г. практически закончила свой организационный цикл и вышла на новый уровень. В начале 1941 г. решением Исполкома Мурманского областного совета депутатов был рассмотрен вопрос об обращении в СНК СССР по реорганизации Базы в филиал АН СССР с районом деятельности — Кольский полуостров и северная часть Карело-Финской ССР. Но июнь 1941 г. начал точку отсчёта самых тяжёлых лет периода Великой Отечественной войны, и уже не «трудные моменты», а трудные годы войны, а за ними и нелёгкие годы послевоенного восстановительного периода вошли в летопись истории Кольского научного центра. Это история накопления научно-организационного опыта институционализации кольской науки в специфических условиях экономической нестабильности и послевоенной разрухи[2].

На основе документальных материалов выявлены основные факторы, оказавшие влияние на особенности формирование приоритетных научных направлений. Среди них преобладающим являлось сочетание интересов академического центра с заинтересованностью органов региональной власти в научно-технических инновациях.

В 1960–1965 гг. основные научные направления Кольского филиала АН СССР в значительной степени обусловливались проблемами созданного в 1957 г. Мурманского совнархоза и теми задачами, которые ставил перед филиалом Государственный комитет Совмина РСФСР по координации научно-исследовательских работ[3].

Научные исследования в 1970-х гг. развивались в русле уже сложившихся в 1960-х гг. четырёх главных направлений:

---

[1] Макарова Е. И., Петров В. П. Опыт институционализации науки в Евро-Арктическом регионе: от ХИГС до КФАН СССР (1930–1950) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 5. 2014. № 2 (21). С. 5–30.

[2] Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. Хроника послевоенного развития академической науки на Кольском Севере: от КБАН до КФАН СССР (1944–1949) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 10. 2016. № 8 (42). С. 14–29.

[3] Саморукова А. Г., Петров В. П. Кратковременный, но поучительный эпизод в истории Кольской академической науки (1961–1963 годы) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 10. 2016. 2016. № 8 (42). С. 30–40.

1. Изучение природных минеральных ресурсов Кольского полуострова и создание научно обоснованных технологических методов промышленного использования полезных ископаемых.

2. Исследование почвенных и растительных ресурсов Мурманской области, вопросов интродукции и акклиматизации растений, охраны окружающей среды.

3. Изучение биологической продуктивности Баренцева моря и путей его повышения.

4. Всесторонние исследования физических процессов в верхней атмосфере высоких широт и прилегающем к ним космическом пространстве.

Особенностью развития науки в 1981–1985 гг. была концентрация научных сил и ресурсов на выполнении общегосударственных целевых и научно-технических программ. Фактором, оказавшим влияние на формирование научных исследований Кольского филиала АН СССР, явилась разработка Госкомитетом по науке и технике, Госпланом СССР и АН СССР целевых комплексных программ, предусматривавших исследования и масштабную реализацию в народном хозяйстве страны наиболее крупных достижений науки.

На данном этапе развитие науки приобрело принципиально новые черты — усиление кооперации (межлабораторной, межинститутской, межрегиональных исследований трёх северных филиалов АН СССР — Кольского, Карельского и Коми — и практический переход к интеграции науки и производства[1].

Этапы и формы развития взаимодействия науки и производства в советский период

С учётом особенностей развития экономики региона изучены особенности связи науки и производства в условиях Арктики на отдельных исторических этапах:

I этап (1945 — середина 1950-х гг.) — возобновление деятельности Кольской научно-исследовательской базы в послевоенные годы и начало деятельности Кольского филиала АН СССР (после его образования в 1949 г.) по связи с народным хозяйством Мурманской области.

II этап (1957–1960-е гг.) — укрепление связи науки с производством в рамках новой системы управления промышленностью, взаимодействие с Мурманским совнархозом. Предполагалось, что в новых условиях

[1] Саморукова А. Г., Петров В. П. Социалистическое соревнование трёх северных филиалов АН СССР как опыт координации межрегиональных академических исследований // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 9. 2016. № 3 (37). С. 59–70.

хозяйствования большее внимание будет уделяться сотрудничеству совнархозов и научных учреждений, что позволит добиваться успехов в экономическом развитии районов и расширять научные исследования, направленные на изучение природных ресурсов краев и областей и научное обоснование их практического использования[1].

III этап (1970-е гг.) — расширение и углубление связей с производственными предприятиями и организациями на основе более широкой системы договоров о трудовом и творческом сотрудничестве, взаимной координации и кооперации работ.

IV этап (1980–1985 гг.) — укрепление координирующей роли Кольского филиала АН СССР в проводимых в регионе исследованиях и внедрении их в производство.

Определены и изучены основные формы взаимодействия регионального академического учреждения с местными властными структурами и промышленными предприятиями. Особое внимание было сосредоточено на взаимодействии с местными партийными и советскими органами — проводниками государственной политики на региональном уровне.

Среди положительных эффектов такого взаимодействия отмечены: помощь в решении проблем материально-технического обеспечения; содействие практической реализации результатов научных исследований (организация опытно-промышленных испытаний, создание установок, внедрение результатов); совместное продвижение на союзном уровне научно-исследовательских программ и проектов; оказание помощи в развитии материально-технической и социальной инфраструктуры; внимание к социальному статусу работника науки; помощь во взаимодействии с союзными партийными и государственными органами, Президиумом АН СССР в решении кадровых вопросов[2].

Среди негативных эффектов отмечены: вторжение в собственно научную составляющую (кадры, направления исследований, финансы, планы работ) и избыточная контролирующая функция, являющаяся усложняющим фактором развития научного коллектива, наблюдавшаяся в 1930-е гг. и до завершения «сталинского» периода, с некоторым ослаблением во время «хрущёвской оттепели». Опыт становления и развития академической

---

[1] Саморукова А. Г., Петров В. П. Опыт взаимодействия академической науки, властных хозяйственных структур Мурманской области в организации и практической реализации научных исследований (1930–1965 гг.) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 8. 2015. № 7 (33). С. 64–74.

[2] Саморукова А. Г., Петров В. П. О формировании кадрового научного потенциала Кольского филиала АН СССР в 1957–1985 годах // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 6. 2014. № 6 (25). С. 7–19.

науки в Кольском регионе свидетельствует о важной роли субъективных факторов, в частности, личных взаимоотношений руководителей научных учреждений, властных органов и промышленных предприятий.

Выявлены формы внедрения в производство законченных научно-исследовательских работ Кольского филиала АН СССР в зависимости от области исследования и характера исследуемого вопроса[1].

Одной из форм внедрения, относящейся по большей части к техническим наукам, являлась передача по выполненным темам финальных отчётов непосредственно заинтересованным производственным организациям, которые под научным руководством сотрудников Филиала разрабатывали и реализовывали необходимые организационно-технические мероприятия, обеспечивающие внедрение работы.

При внедрении результатов исследований в области геологии, биологии, экономики использовалась такая форма, как представление в производственные организации, директивные и центральные органы докладных записок, в которых обобщены практические и научные итоги проведённых Филиалом исследований, содержащих конкретные рекомендации о путях использования полученных результатов.

Кроме того, как элемент внедренческой работы появилась реклама разработок и новых продуктов[2].

История развития материально-технической базы академического научного центра в Заполярье в 1929–1985 годах

В соответствии с программой работ впервые изучена история развития материально-технической базы крупнейшего в Заполярье академического научного центра — КНЦ РАН за период с 1929 по 1985 гг. В качестве объекта исследования взято капитальное строительство — как основополагающая часть развития материально-технической базы научного центра. На основании изучения большого фактического материала выделены три основных периода капитального строительства и определены их основные черты. Отличительная особенность всего данного периода — это целенаправленное внимание государства к развитию науки в периферийных регионах страны, как необходимому условию

---

[1] Петров В. П., Саморукова А. Г., Токарев А. Д. Одно из нереализованных направлений комплексного использования полезных ископаемых Кольского полуострова — плавленые магниевые фосфаты: от идеи до опытно-промышленных испытаний // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 7. 2015. № 1 (27). С. 91–99.

[2] Саморукова А. Г. Из опыта пропаганды и популяризации научных знаний в Кольском филиале АН СССР // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 6. 2014. № 6 (25). С. 19–29.

их социально-экономического и цивилизованного подъёма. В пределах выделенных периодов изучены и определены основные факторы, способствующие и влияющие на развитие материально-технической базы научного центра на Кольском полуострове.

На начальном этапе (1929–1941 гг.), в условиях тяжёлого предвоенного времени, наряду с государственной политикой по созданию стационарных академических научных учреждений на окраинных территориях СССР, одним из основных факторов явилась поддержка местными хозяйственными организациями в деле строительства стационарной академической базы в Хибинах. Благодаря поддержке Колонизационного отдела Мурманской железной дороги и треста «Апатит» была построена Хибинская горная станция «Тиетта», которая стала основным центром по проведению научных исследований на Кольском полуострове. Была оказана помощь и Полярному ботаническому саду в ходе строительстве жилого дома и тепличного хозяйства. В этот период заложена основа материально-технической базы первого комплексного академического научного учреждения в Заполярье. Полученный опыт в дальнейшем позволил в условиях военного времени создать материально-технический фундамент для функционирования в Сыктывкаре вновь образованной Базы по изучению Севера на основе эвакуированных из Кировска и Архангельска Кольской и Северной баз АН СССР.

На втором этапе развития (1944–1961 гг.) основным фактором, который способствовал восстановлению и дальнейшему развитию Кольской базы АН СССР, явилась, наряду с государственной поддержкой, значительная роль региональных органов советской и партийной власти. Мурманский обком ВКП(б) предпринимает все усилия, чтобы с помощью комбината «Апатит» и местных советских органов обеспечить производственными зданиями и жилыми помещениями Кольскую базу АН СССР, вернувшуюся в 1944 г. из эвакуации. В результате такой целенаправленной политики было осуществлено восстановление её материально-технической базы.

Создание Кольского филиала АН СССР в 1949 г. потребовало дальнейшего развития материально-технической базы. В 1954 г. было начато строительство Академгородка в районе железнодорожной станции Апатиты. В этот период, в тяжёлых условиях послевоенного времени, наряду с целенаправленной политикой государства по восстановлению народного хозяйства, основным фактором, способствовавшим созданию материально-технической базы, была всё возрастающая роль региональных партийных органов власти и вновь созданного Мурманского совнархоза. Особенно ощутимо эта помощь проявилась после 1957 г., когда было развернуто широкомасштабное строительство Академгородка. Региональные власти осуществляли не только жёсткий контроль над ходом строительства

Академгородка, но и проводили активную политику по привлечению организаций, осуществляющих работы по проектированию, строительству и частичному обеспечению строительными материалами. Все эти меры позволили к 1961 г. заложить основы по созданию крупного академического учреждения на Кольском полуострове.

Наибольшего расцвета материально-техническая база Кольского филиала АН СССР достигла *на третьем этапе своего развития в 1962–1985 гг.* В этот период основным фактором по развитию материально-технической базы является первостепенная роль государства. Строительство ведётся на основе планового развития экономики страны, в этот процесс вовлечены крупнейшие строительные организации области. По инициативе Президиума АН СССР в г. Апатиты создаётся строительный участок «Академкольстрой», сыгравший существенную роль в деле строительства Академгородка. Для институтов Филиала построены многоэтажные лабораторные здания, создана опытно-промышленная база для апробации научных разработок и внедрения их в производство. Широкий размах получило жилищное и социально-бытовое строительство[1].

В результате целенаправленной политики государства создана материально-техническая база крупнейшего научного центра в Заполярье. К началу 1990-х гг. эпоха поступательного развития материально-технической базы академической науки на Кольском полуострове, начатая акад. А. Е. Ферсманом в далёкие 1930-е, завершилась. Наступила эпоха «ледникового периода», когда практически прекратилось финансирование капитального строительства Центра. В нынешних условиях, когда Кольский научный центр РАН стоит на грани новых структурных реформ, его многолетний исторический опыт развития и строительства за исследованный период времени[2] становится особо актуален.

Особенности и основные этапы становления в России первых научных центров полярного земледелия

Проанализирована региональная модель науки, сложившаяся в Мурманской области накануне Великой Отечественной войны. Изучены особенности и основные этапы становления в России первых научных центров полярного земледелия путём сопоставления процессов институционализации аграрной науки до революции и в советский период.

---

[1] Токарев А. Д., Петров В. П. К истории строительства Кольского филиала АН СССР в 1962–1971 годах // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 5. 2014. № 2 (21). С. 31–48.

[2] Токарев А. Д., Петров В. П. К истории строительства Кольского филиала АН СССР — Кольского научного центра РАН в 1971–1998 годы // Труды Кольского научного центра РАН. 2014. № 6 (25). С. 26–42.

Сделаны обобщения на примере Полярной опытной станции ВИРа[1]: решений проблемы ускоренной модернизации Кольского Севера в 1920–1930-е гг.; опыта взаимодействия власти, науки и производства в условиях военного времени; вклада в развитие сельскохозяйственной науки и производства Севера.

Комплексно-научное изучение растительности и почв Кольского полуострова было начато в 1920–1921 гг. путём организации экспедициями Академии наук и Северной научно-промысловой Почвенно-ботанического отряда под общим руководством проф. Н. И. Прохорова.

Исследовательские работы в этом направлении изначально носили не только теоретический, но и научно-прикладной характер. Пристальное внимание сотрудники Почвенно-ботанического отряда уделяли руководству первыми опытами устройства огородов среди железнодорожных служащих Мурманской железной дороги, что и послужило предпосылкой перехода от экспедиционных изысканий к стационарным формам и методам работы по разрешению проблемы полярного земледелия.

Благодаря инициативе и организаторской деятельности проф. Н. И. Прохорова 10 октября 1921 г. около станции Хибины Мурманской железной дороги, на берегу озера Имандры, было заложено первое на Кольском полуострове научно-показательное опытное поле. Его строительство и первые опытные работы в 1921–1923 гг. осуществлялись в тесной связи с деятельностью ряда центральных научных учреждений (прежде всего, Севэкспедиции и Государственного института опытной агрономии), Мурманской железной дороги и местных органов власти при активном участии пионеров полярного земледелия — Г. М. Крепса, А. А. Гостева, И. Г. Эйхфельда и М. М. Хренниковой.

Хибинский агропункт в 1920-е гг. прошёл путь от временной опытной точки Севэкспедиции до опорного сельскохозяйственного научного учреждения Мурманского колонизационно-промышленного и транспортного комбината, располагавшего 15 га культурных площадей (как на минеральной почве, так и на осушенном болоте) и имевшего отделения в Коле и Лоухах, а также примерно десяток различных построек (среди них выделим дома для персонала и агрохимической лаборатории, агрометеорологической станции, музея).

Небольшой группой энтузиастов под руководством И. Г. Эйхфельда за короткий период были заложены основы земледельческого освоения Кольского Севера. К началу 1930-х гг. пионерам полярного земледелия удалось изучить 4 тыс. образцов мировой коллекции растений, подобрать

[1] Дюжилов С. А. К истории возникновения Полярной опытной станции (1920–1923) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 10. 2016. № 8 (42). С. 56–72; Дюжилов С. А. Полярная опытная станция в годы Великой войны // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 8. 2015. № 7 (33). С. 86–110.

ассортимент почти всех основных культур, которые могли быть пущены в практику сельскохозяйственного производства как в Мурманском округе, так и в других аналогичных зонах Севера[1].

На основе исследовательских и опытных работ, проведённых под началом и при материальной поддержке Колонизационного отдела Мурманской железной дороги, были сделаны первые шаги по развитию сельского хозяйства как основы «быта колонизационного населения Карело-Мурманского края». С рождением апатитовой промышленности на основе практических результатов ПОВИР возникло первое на Кольском полуострове многоотраслевое сельскохозяйственное предприятие — совхоз «Индустрия».

Природно-ресурсный потенциал и древнее наследие обитателей земли Кольской стали предметом пристального внимания и неподдельного интереса со стороны научного сообщества Полярной опытной станции, направившего свою социальную энергию на культурное и промышленное освоение Севера. Романтизм и практичность соединились в едином творческом порыве пионеров полярного земледелия, которые изучали, осваивали и изменяли этот суровый край в контексте его глубокой модернизации в 1920–1930-х гг.

Военная перестройка внесла существенные изменения в работу научных учреждений Заполярья: новая чрезвычайная обстановка продиктовала необходимость максимально использовать их научные достижения в производстве региона.

В условиях снабженческого кризиса на первый план вышла задача решения проблемы сельскохозяйственного производства. Переориентация полярного земледелия на поиски внутренних резервов выдвигала перед учёными ПОСВИРа в качестве приоритетных такие направления, как семеноводство, борьба с вредителями сельскохозяйственных культур, агротехника высоких урожаев, огородничество. Как показывает положительный опыт научно-производственной деятельности Полярной опытной станции, планово-мобилизационная система управления выявила способность эффективно действовать в самых тяжёлых условиях войны.

Сложившуюся в годы войны практику внедрения в производство научных результатов не следует оценивать однозначно: устойчивость и эффективность этих связей определялась совокупностью объективных и субъективных факторов, действующих имманентно. Поиски рычагов их аккумуляции со стороны властных структур прослеживаются на протяжении всей войны. Выработанный и апробированный в военное лихолетье механизм взаимодействия власти, науки и производства в целом показал

[1] Дюжилов С. А. Полярное земледелие: постановка проблемы и её решение в 1920-е годы на Кольском Севере // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 9. 2016. № 3 (37). С. 71–88.

свою силу и жизнеспособность, дал возможность ПОСВИР успешно выполнить свои обязанности перед страной. Опыт, приобретённый сотрудниками Полярной опытной станции в период войны, не только ценен сам по себе, но и полезен сегодня.

Теоретические и практические аспекты формирования научной политики в странах Северной Европы

Изучены теоретические аспекты формирования научной политики в странах Северной Европы. Установлено, что теоретической базой рассматриваемых процессов выступали положения национальной и региональной инновационной систем, которые формировали основное направление зарубежных научных исследований по вопросам территориального развития производственных сил экономики знаний.

В самом общем виде теория НИС, основоположником которой считается профессор Орхусского университета Б. О. Лундвалл (Швеция), обосновывает идею о том, что экономическое развитие обеспечивается не собственно инновациями, а тем синергетическим эффектом, достигаемым в результате инновационной деятельности в условиях соответствующей институциональной среды, которая объединяет производителей и потребителей инноваций и является объектом государственного регулирования.

РИС-подход определял регион как самый эффективный уровень для коммуникации и обмена знаниями. Его ядро составляет идея, что успех местной экономики зависит от того, как компании, исследовательские институты, общественный сектор взаимодействуют между собой для создания, распространения и коммерциализации знания. И именно на региональном уровне это взаимодействие может осуществляться наиболее эффективным образом в силу компактности и устойчивости региональных связей. Теория РИС обеспечила окончательный переход в европейской науке от сугубо технологичного понимания инновации к пониманию её социального значения как творческого процесса единой природы с предпринимательством и художественным творчеством.

Установлено, что страны Северной Европы — мировые лидеры в процессах формирования экономики знаний, что обеспечивалось практикой развития региональных инновационных систем сетевого типа.

Характерной особенностью региональных инновационных систем данного типа являлся сетевой подход при формировании соответствующей инновационной инфраструктуры, то есть создание и стимулирование стабильных горизонтальных связей между различными участниками инновационного процесса (промышленными компаниями, организациями НИОКР, малым и средним бизнесом, органами управления и т. д.) на уровне региона. Региональные системы сетевого типа в мировой практике считались инновационными системами совершенного типа

и являлись результатом вмешательства государства с целью повышения инновационного потенциала территорий и развития сотрудничества на уровне регионов.

Проанализирована роль национальных Академий наук в формировании научной политики в странах Северной Европы. Изучен опыт создания, развития и современного функционирования Академии наук и литературы Финляндии. Проанализированы практики развития международной научной кооперации в Норвежской академии наук и искусств.

Академии наук в Северной Европе — организации, объединяющие на выборной основе наиболее выдающихся учёных, а также иностранных членов, внёсших значительный вклад в развитие науки данной страны. Североевропейские Академии наук не проводят научных исследований, а выступают в качестве высших экспертных органов в определении приоритетных направлений развития национальной науки. Их миссия — поддержка высококвалифицированных исследований через распределение долгосрочного финансирования, выделяемого на основе экспертных оценок качества научных разработок, и содействие в формировании условий для организации и проведения этих работ в научных учреждениях. Академии наук регулируют финансирование грантовых проектов, научных программ, а также специальных программ повышения квалификации исследователей и развития международного сотрудничества.

Выполнен ряд локальных исследований, направленных на анализ конкретных практик реализации научной политики в странах Северной Европы. Описан опыт формирования национальной инновационной системы Финляндии, которая сделала огромный рывок в своём экономическом развитии и превратилась из периферийной, преимущественно аграрной, страны в одного из европейских лидеров инновационного развития. Показано, что данный феномен объясняется исключительно сбалансированной и продуманной инновационной политикой, основой которой служат научные исследования и разработки[1].

Рассмотрены особенности организации международной научно-исследовательской кооперации в Баренц-регионе. Выявлены основные формы международного научного сотрудничества, получившие развитие в рамках БЕАР; проанализированы их трансформации в течение 20-летней истории содружества. Выявлены современные тренды Баренц-кооперации в научно-исследовательской сфере[2].

---

[1] Виноградова С. Н. Северное измерение инновационного развития: опыт Финляндии // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 6. 2014. № 6 (25). С. 60–70.

[2] Виноградова С. Н. Институциональные основы организации научно-исследовательского сотрудничества в Баренцевом/Евро-Арктическом регионе // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 10. 2015. № 8 (33). С. 52–63.

Проанализированы институциональные особенности Лапландского регионального научно-образовательного кластера, на его примере показано, как развитие науки обеспечило лидирующее положение самой северной, слабо развитой в прошлом, губернии Финляндии в общемировых процессах формирования арктической политики и культуры освоения регионов циркумполярного Севера.

Основные тренды развития европейской науки в регионах Севера и Арктики в начале XXI в.

Выделены основные тренды современного развития европейской науки в регионах Севера и Арктики, направленного на преодоление периферийности:

1. Периферийность региональных научных и образовательных организаций в странах Северной Европы преодолевается развитием научной мобильности, в том числе и трансграничной.

На основе анализа деятельности национальных Академий наук и отдельных научно-образовательных организаций северных/арктических регионов установлено, что в странах Северной Европы прикладываются активные усилия по развитию различных форм научной мобильности. Причём делается это как в рамках государственной политики по развитию науки и образования, так и на уровне отдельных научно-образовательных организаций. Мобильность учёных и студентов, в том числе трансграничная, рассматривается как необходимое условие успешной реализации научных проектов, так как позволяет не только повышать их личные компетенции, но и способствует преодолению региональной периферийности, а значит, и развитию региона в целом.

2. Высокая востребованность результатов научных исследований, следовательно, и их инновационность на Севере Европы в значительной степени обеспечивается за счёт их ориентации на региональные особенности, которые связаны в первую очередь с местными сообществами и местной идентичностью.

Установлено, что характерной особенностью развития научных исследований на Севере Европы, является глубокая их привязанность к региональным реалиям и вопросам местной специфики. Характерно, что при этом вектор развития науки и образования направлен не только на интересы промышленных или производственных кластеров, но и в значительной степени на местные сообщества и особенности жизни людей.

На основе анализа деятельности североевропейских университетов по развитию исследований вопросов, связанных с жизнедеятельностью коренного населения (Saami studies), показано, как ориентация на местные сообщества повышает не только местные компетенции и укоренённость

инноваций в региональных системах, но вместе с тем обеспечивает востребованность региональных научных проектов[1] на местном уровне и в глобальных процессах.

Формирование региональной социальной политики Мурманской области в начале XXI века

Изучены вызовы и противоречия региональной социальной политики Мурманской области в начале XXI в., возникавшие в связи с принятием нового пакета федеральных законов об Арктической зоне Российской Федерации.

Выявлены две категории угроз социальной безопасности региона:

1) угрозы, вызываемые объективно развивающимися процессами: ухудшением состояния популяционного здоровья населения Мурманской области (инвалидность как качественный показатель), обусловленным, в том числе реальным снижением уровня (качества) здоровья;

2) угрозы общенациональным интересам, порождённые ошибками властных структур в определении жизненно важных интересов, мер их защиты, а также в оценке опасности существующих и потенциальных угроз. Одну из таких угроз представляет собой недооценка уровня реальной инвалидности населения региона[2].

Как особая угроза для популяционного здоровья населения региона была определена устойчивая тенденция к сокращению объёмов и качества медицинской помощи, предоставляемой в муниципальных медицинских учреждениях.

Процессы «оптимизации» медицинского обслуживания, а на деле — фактическое тотальное сокращение медицинских работников и коечного фонда муниципальных больниц и перевод высокотехнологичных видов медицинского обслуживания в региональный центр лишали значительную часть населения возможности получения своевременной и адекватной медицинской помощи. В этом отношении не менее напряжённой представлялась ситуация с больницей Кольского научного центра, условия дальнейшего функционирования, финансирования и ведомственной принадлежности которой на тот момент были не определены.

---

[1] Виноградова С. Н. Основные тренды современного развития науки в странах Северной Европы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 10. 2016. № 8 (42). С. 41–55.

[2] Каспарьян Ж. Э. Современные вызовы, векторы развития и противоречия социальной политики Мурманской области как региона АЗРФ // Вестн. Кольского научного центра РАН. 2014. № 4. С. 112–120.

Сокращение уровня доступности и качества медицинских услуг, предоставлявшихся по месту жительства в Мурманской области как регионе Крайнего Севера в первое десятилетие нового века — одна из актуальных проблем здравоохранения, вызывавших существенный рост социального напряжения, а при определённых обстоятельствах — грозившая социальным взрывом и возможным ростом заболеваемости и инвалидности в будущем.

Обоснован тезис о необходимости нового научного осмысления исторического опыта разработки адекватной и эффективной социально-экономической политики, направленной на сохранение и преумножение человеческого капитала северного региона на основе изучения механизмов принятия и реализации эффективных мобилизационных мер социальной политики советского периода освоения Арктики.

Исследование проводилось в целях разработки наиболее эффективных механизмов и методов реализации социальной политики в Мурманской области как регионе Арктической зоны Российской Федерации в соответствии с задачами современной демографической политики, социального развития региона и страны в целом. При этом была обоснована необходимость дальнейших исследований исторической ретроспективы данного вопроса для изучения прорывного и мобилизационного опыта строительства и развития социальной инфраструктуры на Кольском Севере в период его активного освоения и индустриального развития[1].

История научно-технологического обеспечения цивилизационного освоения и развития Кольского Севера

В 2017–2018 гг. в рамках темы НИР «История науки и научно-технологического обеспечения цивилизационного освоения и развития Евро-Арктического региона России» (рег. № НИОКТР АААА-А17-117020110068-3, руководитель д-р геол.-минерал. наук В. П. Петров, ответственный исполнитель темы канд. ист. наук О. В. Шабалина, исполнители: д-р экон. наук М. В. Иванова, канд. ист. наук Е. И. Макарова, канд. экон. наук Ж. Э. Каспарьян, канд. ист. наук К. С. Казакова, канд. ист. наук С. А. Дюжилов, науч. сотр. А. Г. Саморукова, зав. сектором Е. Я. Пация, зав. сектором А. Д. Токарев, инж.-иссл. И. А. Травин, ст. лаборант К. В. Мулин, ст. лаборант Н. С. Гусак), выполнявшейся в ЦГП КНЦ РАН в соответствии с приоритетным направлением фундаментальных исследований Программы ФНИ ГАН на 2013–2020 гг., была проведена следующая исследовательская работа.

---

[1] Каспарьян Ж. Э. Историческая ретроспектива исследований проблемы разработки и реализации социальной политики в условиях Кольского Севера: к постановке проблемы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 6. 2014. № 6 (25). С. 49–59.

Изучен и обобщён генезис российской государственной политики активного присутствия в Арктике, её преемственности и стратегий академической науки в решении проблем освоения природных ресурсов Кольского Севера Арктической зоны РФ (СССР) в 1926–1988 гг. в ситуациях меняющихся общественно-политических и технико-экономических условий. Установлены степень воздействия геополитических констант на характер и формы взаимодействия государства и промышленности при определении приоритетных направлений научных исследований, их экономического обеспечения и практической реализации в условиях плановой экономической системы.

Изучены аспекты участия ХИГС — КБАН СССР в освоении Хибинских апатитонефелиновых руд в 1926–1938 гг. и опыт решения Горным институтом КФАН СССР крупных технологических проблем развития комбината «Апатит», рассмотрена роль институтов КФАН в решении проблемы комплексного использования апатитонефелинового сырья в части разработки методов переработки концентратов эгирина, сфена, титаномагнетита.

Проведён анализ приоритетов, достижений и проблем институционализации аграрной науки в Кольском Заполярье.

Рассмотрена динамика экономических процессов в евро-арктическом социуме, особенности и закономерности их изменений, в исторической ретроспективе через призму хозяйственной деятельности коренного и старожильческого населения исследованы различные стороны общественной жизни.

Выявлен комплекс источников по истории первых церковно-приходских школ Кольского Севера, на основе анализа которого определены этнокультурные особенности организации образовательного процесса у различных этнических групп населения региона.

Выявлен и вовлечён в научный оборот значительный объём ранее неиспользованных архивных документов и других источников по истории науки, освоению природных ресурсов и динамике социально-экономических процессов в Арктической зоне РФ.

Осуществлялось сохранение и изучение историко-культурного наследия, включая научное: выявление, систематизация, научное описание, репрезентация и введение в научный оборот в качестве исторических источников материалов фондов Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН[1], в том числе директора Геологического института КФАН СССР, д-ра геол.-минерал. наук

[1] Петров В. П. К 100-летию со дня рождения Г. И. Горбунова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 14. 2018. № 7 (9). С. 102–116; Дюжилов С. А. Хибинская эпопея И. Г. Эйхфельда: материалы для биографии (к 125-летию со дня рождения учёного) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 14. 2018. № 7 (9). С. 42–59.

И. В. Белькова (1917–1989) и председателя Президиума КФАН СССР, акад. А. В. Сидоренко (1917–1982)[1].

Роль государственных и партийных органов в истории организации научного обеспечения Хибинского горнопромышленного комплекса

Для изучения приоритетной роли государства в организации научного обеспечения создаваемого в контексте решения важнейших народнохозяйственных проблем страны Хибинского горнопромышленного комплекса на основе целевых задач и решений директивных органов был проведён расширенный поиск источников по периоду 1926–1934 гг., их анализ и систематизация[2]. В результате в научный оборот введены ранее не публиковавшиеся архивные документы: хранящаяся в НА ФИЦ КНЦ РАН стенограмма Конференции по обсуждению и согласованию научно-исследовательских работ в Мурманском крае, проходившая 17–19 февраля 1931 г. в Ленинграде; отложившийся в ГОКУ в г. Кировске протокол Совещания начальников исследовательских партий, работавших летом в 1931 г. в Хибинах. Оба мероприятия способствовали широкой консолидации научных исследований на Кольском полуострове в начале 1930-х гг., позволившей в дальнейшем проводить научно-исследовательские работы различных ведомств и организаций по единым программам изучения и промышленного освоения природных богатств Кольского полуострова[3].

---

[1] Шабалина О. В. Материалы персонального фонда академика А. В. Сидоренко Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН // Труды XIV Всерос. (с междунар. участием) Ферсмановской науч. сессии ГИ КНЦ РАН, посвящённой 100-летию со дня рождения акад. А. В. Сидоренко и д. г.-м. н. И. В. Белькова (3–4 апреля 2017 г., Апатиты). 2017. № 14. С. 52–56; Макарова Е. И. Игорь Владимирович Бельков в истории Кольского Севера: к 100-летию со дня рождения // Труды XIV Всерос. (с междунар. участием) Ферсмановской науч. сессии, посвящённой 100-летию со дня рождения акад. А. В. Сидоренко и д. г.-м. н. И. В. Белькова (Апатиты, 4–5 апреля 2016 г.) / гл. ред. Ю. Л. Войтеховский. 2016. С. 62–65.

[2] Токарев А. Д., Петров В. П. Новые материалы по истории научных исследований на Кольском полуострове в 1931 году (протокол совещания нач. полевых отрядов 26 августа 1931 г.) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 15. 2018. № 11 (9). С. 53–61.

[3] Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. Материалы Конференции по обсуждению и согласованию научно-исследовательских работ в Мурманском крае, 17–19 февраля 1931 г. в Ленинграде — как источник по истории освоения Кольского полуострова // Труды Кольского научного РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 14. 2018. № 7 (9). С. 59–75.

Источниковая база была дополнена материалами партийных съездов и конференций, съездов Советов СССР, решениями директивных органов, определивших задачи приоритетного развития химической промышленности, производства минеральных удобрений для сельского хозяйства страны. Основными документами явились решения: IV и V съездов Советов СССР (апрель 1927 г., май 1929 г.); XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.), провозгласившего курс на коллективизацию сельского хозяйства; XVI партийной конференции ВКП(б) (апрель 1929 г.); президиума Госплана РСФСР (октябрь 1929 г.). Принятие этих целевых государственных решений позволило заложить основу научного обеспечения по развитию Хибинского горнопромышленного комплекса.

Раскрыта роль Научно-исследовательского сектора Наркомата тяжёлой промышленности (НИС НКТП) в организации и координации исследований по комплексной переработке апатитонефелиновых руд и создании научной базы Хибинского горно-химического комплекса.

Изучение и анализ решения проблем комплексного освоения природных ресурсов Кольского Севера позволили выявить общую картину научно-исследовательских, опытных и проектных работ, обеспечивающих потребности становления и развития треста «Апатит» на раннем этапе его развития. Установлено, что решающую роль в обеспечении этих потребностей сыграло организованное 18 октября 1931 г., при активном участии акад. А. Е. Ферсмана, специальное Научно-исследовательское бюро по вопросам комплексного использования хибинской апатитонефелиновой породы при НИС ВСНХ СССР (с 1932 г. — НИС НКТП). Бюро решало задачи по объединению, планированию и координированию научно-исследовательских работ, рассматривало решения новых возможностей использования апатитонефелиновых руд и организации работ по внедрению достижений институтов в промышленность. Обсуждалась необходимость созыва съездов и конференций, издания специального печатного органа; проводились консультации, осуществлялось содействие обмену опытом.

Бюро НИСа только за первые два года своей деятельности (по октябрь 1933 г.) провело две Полярные конференции (г. Хибиногорск) и тридцать совещаний с участием ведущих учёных, руководителей и специалистов промышленных предприятий.

К решению задач по обеспечению работ комплекса к началу 1933 г. привлечено 75 институтов, лабораторий, фабрик и заводов всей страны. Была создана его научная база. Научно-производственная деятельность была нацелена на выполнение девяти основных задач: геологоразведка, технико-экономические обоснования, технология редких элементов и сфена, технология апатита, технология нефелина, агрономия, проектирование, технология отходов и побочных продуктов, обогащение. Общее количество вопросов, решаемых по выполнению основных задач комплекса, достигло шестидесяти.

Вклад академической науки в развитие производительных сил региона

Установлено, что с момента организации Хибинской горной станции в 1930 г. до её преобразования в 1934 г. в Кольскую базу АН СССР, наряду с геолого-геохимическими и химико-аналитическими работами, изучался широкий круг вопросов, связанных с обеспечением жизнедеятельности человека в условиях начала промышленного освоения Севера. В процессе изучения архивных материалов, отражающих деятельность Хибинской горной станции, было обращено внимание на широкий спектр изучаемых проблем, связанных с обеспечением жизнедеятельности человека в условиях окружающей среды Заполярного Севера. Например, созданный в 1931 г. Ботанический сад занимался проблемами озеленения вновь создаваемых горных посёлков и нового города Хибиногорска, включая обеспечение кормовой базой создаваемого животноводческого комплекса и продовольствием для населения с учётом сбора дикоросов. Были начаты климатические, биоценотические исследования, обусловленные наличием большого количества комаров, мошки и гнуса в районах проживания населения. Важное место занимала культурно-просветительская деятельность. Установлено, что сотрудничество академической науки и производства было высокоэффективно именно в условиях государственной экономики и централизованной системы управления в Советском Союзе.

Обнаружение ранее неиспользованных документов НА КНЦ РАН и ГОКУ ГАМО в г. Кировске и их анализ в качестве потенциальных исторических источников позволили на примере Хибинского горнорудного района начать изучение технологической истории Хибин и вклада академической науки в развитие производительных сил региона[1]. Были рассмотрены реализованные горные технологии на хибинских рудниках (горные удары, рудоспуски), направленные на обеспечение безопасности проведения горнодобычных работ. Изучена история решения вопроса научно-технологического и организационно-технического обеспечения социально-экономической и экологической проблемы водооборота при переработке апатитонефелиновых руд Хибин[2]. Выявлена роль

[1] Саморукова А. Г., Петров В. П. Советский опыт создания регионального академического кластера на Крайнем Севера (на примере Кольского филиала АН СССР) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 15. 2018. № 11 (9). С. 62–72; Мулин К. В. Кадровая политика периода восстановления КБАН СССР (1944–1949 гг.) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 14. 2018. № 7 (9). С. 139–144.

[2] Саморукова А. Г., Петров В. П. История решения проблемы водооборота при переработке руд Хибинского месторождения в 1970-е годы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 13. 2018. № 2 (9). С. 29–41.

институтов КФАН в решении вопросов переработки концентратов эгирина, сфена, титаномагнетита как части проблемы комплексного использования апатитонефелинового сырья[1].

Установлено, что формы сотрудничества институтов Кольского филиала АН СССР с ПО «Апатит» обусловлены спецификой конкретных научных и технологических проблем, стоявших или возникавших перед производством[2]. Сам процесс сотрудничества либо инициировался руководством промышленного предприятия, либо идейно рождался в ходе фундаментальных исследований и технологических испытаний в исследовательских академических учреждениях. Выявлены формы, механизмы взаимодействия и сотрудничества[3] институтов КФАН СССР, союзных научно-исследовательских институтов и ПО «Апатит», а также роль и участие местных органов власти в решении проблем. Отмечено проявление элементов конкурентных взаимоотношений между академическими и отраслевыми институтами, что определялось ведомственными интересами.

Научное обеспечение развития полярного земледелия в 1920–1930-е годы

Рассмотрены предпосылки перехода Советского государства к планомерному сельскохозяйственному освоению северных территорий.

Проанализированы работы Н. И. Вавилова, который обосновал целесообразность «осеверения» земледелия. Выявленные данные содержат: а) научное обоснование основных факторов, влияющих на возможность осуществления земледелия на Севере; б) обоснование и оценку возможностей продвижения земледелия к северу, базирующиеся как на мировом опыте, так и на практических результатах географических посевов, организованных учёным в 1923 г.; в) рекомендации органам власти и аграрной науке, призванные создать устойчивое земледелие и в перспективе обеспечить продовольственную безопасность страны (в то время — СССР).

---

[1] Макарова Е. И., Петров В. П., Токарев А. Д. История послевоенного развития академической науки по материалам сессии Учёного совета Кольской научно-исследовательской базы АН (1948–1949) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 11. 2017. № 4 (8). С. 18–35.

[2] Саморукова А. Г., Петров В. П. Опыт организации сотрудничества академической науки и производства: Кольский филиал АН СССР — комбинат «Апатит» (1960–1980 гг.) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 11. 2017. № 4 (8). С. 30–40.

[3] Саморукова А. Г. Из истории интеграции науки и практики: на примере Кольского филиала АН СССР // Интеграция науки и практики в современных условиях: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (19 февраля 2017 г.) / гл. ред. И. А. Рудакова. М., 2017. С. 14–20.

Изучены материалы I Всесоюзной конференции по размещению производительных сил Севера (24 февраля 1932 г.), лёгшие в основу концепции «северного измерения» ГосПлана и ставшие, по существу, для властных структур мобилизационной программой действия по вопросам развития в регионе сельского хозяйства на ближайшие годы.

Пристальное внимание уделено установкам и решениям, исходившим, прежде всего, от таких партийных лидеров, как И. В. Сталин и С. М. Киров, поддержавших приоритетные в то время направления советской науки.

Проведено комплексное исследование, позволившее выявить место и роль Полярного отделения ВИР в научном обеспечении развития полярного земледелия на новом историческом этапе форсированного строительства социализма в нашей стране.

Рассмотрен вопрос реорганизации Хибинского опытного пункта Мурманской железной дороги в Полярное отделение ВИР и развёртывания его работы по организации на научной основе в районах промышленных новостроек Крайнего Севера местной продовольственной базы. Установлено, что коренная перестройка работы научно-исследовательского учреждения в Хибинах к середине 1930-х гг. привела к существенному обновлению его материально-технической базы, складыванию здесь постоянных квалифицированных кадров, а также основных научных направлений и соответствующих им структурных подразделений. Результативная научно-производственная деятельность Полярного отделения ВИР позволила во второй пятилетке социалистического строительства непосредственно приступить к организации на Севере местной продовольственной базы для развернувшихся к тому времени крупных промысловых и промышленных строек.

На пути к комплексному освоению Севера Полярное отделение ВИР провело большую консультационную работу по совхозному строительству и созданию на Крайнем Севере сети сельскохозяйственных опытных учреждений, включая работу по составлению грандиозного плана, намеченного Главным управлением Северного морского пути, по развитию сельского хозяйства в Арктике[1].

Изучен вопрос участия Хибинского опытного пункта в процессах начального этапа модернизации Кольского Заполярья в 1920-е гг., дана оценка его многогранной деятельности в социально-экономическом и культурном развитии региона того времени.

На основе анализа первоисточников сделан следующий вывод: в 1920-е гг. Хибинский опытный пункт являлся одним из важнейших

[1] Дюжилов С. А., Богдан Я. Е. Полярное отделение ВИР на рубеже 1920–1930-х годов: новые векторы развития в научной деятельности // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 11. 2017. № 4 (8). С. 35–55.

факторов модернизации Кольского Севера. Выявленные факты служат ключом к пониманию того, что первый научный центр полярного земледелия в России активно содействовал вовлечению переселенцев Карело-Мурманского края в сельхозосвоение колонизационного отвода и тем самым добился того, что к концу 1920-х гг. огороды и пробные посевы кормовых растений были практически в каждом переселенческом посёлке. Он сыграл важную роль в постановке и продвижении апатитовой проблемы[1]. Стал признанным центром большой культурной и общественной работы на Мурмане, создав сеть опорных сельскохозяйственных пунктов Мурманской железной дороги в посёлках Кола и Лоухи. Внёс посильный вклад в решение экологических проблем Севера.

Публикационная и источниковедческая деятельность ЦГП КНЦ РАН по темам истории научного изучения и промышленного освоения Арктики и Субарктики

Центр гуманитарных проблем (МЦНКО) КНЦ РАН традиционно осуществляет широкую публикаторскую работу. Так, в 2011 г. его сотрудниками было подготовлено и опубликовано информационно-справочное издание «Кольский научный центр. Летопись 1930–2010»[2]. На основе значительного по объёму и разнообразного фактического материала был составлен своеобразный хронограф, представляющий основные события в истории становления и развития академической науки на Кольском полуострове в 1930–2010 гг. В нём нашли отражение процессы формирования структуры научных институтов, кадрового потенциала, создания производственной материально-технической базы и социально-бытовой инфраструктуры, а также успехи, достижения и проблемы в научно-производственной и общественной деятельности, роль и значение региональной науки в разные исторические периоды.

Сотрудники Центра приняли участие в многолетнем проекте по подготовке и публикации «Кольской энциклопедии» — регионального универсального научно-справочного издания[3], в котором содержится систематизированная информация, в том числе об истории и культуре

---

[1] Дюжилов С. А., Богдан Я. Е. Роль Хибинской агростанции в борьбе за апатит: взгляд на проблему // Труды XIV Всерос. (с междунар. участием) Ферсмановской науч. сессии, посвященной 100-летию со дня рождения акад. А. В. Сидоренко и д. г.-м. н. И. В. Белькова (Апатиты, 3–4 апреля 2017 г.) / гл. ред. Ю. Л. Войтеховский. Апатиты, 2017. С. 25–28.

[2] Летопись Кольского научного центра 1930–2010 / Е. И. Макарова [и др.]; Российская академия наук. Апатиты: КНЦ РАН, 2011. 320 с.

[3] Кольская энциклопедия: в 5 т. / авт. ст. Т. В. Агаркова [и др.]. СПб., 2008–2016.

Мурманской области, развитии науки и социальной сферы, о месте и роли региона в истории России, о значимых персоналиях в истории изучения и освоения Кольского полуострова.

При проведении исследований по проблеме истории научного изучения и промышленного освоения Арктики и Субарктики широко используются архивные источники, но предпочтение отдаётся официальным документам, научно-исследовательской и управленческой документации.

Применение историко-культурного и антропологического подхода подразумевает привлечение для работы личных (эго-) документов. Постоянно действующая выставка «Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера» Центра гуманитарных проблем Баренц региона — филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук» хранит и экспонирует документальные материалы персональных фондов и коллекций отечественных учёных, деятелей науки, чьи исследовательские интересы были связаны с Европейской Арктикой и Субарктикой. Поэтому работа по подготовке и осуществлению разного рода публикаций аккумулированных в них разнообразных творческих и научных материалов, документов, сопровождающаяся научными комментариями, происходила в течение ряда лет и была направлена, прежде всего, на обеспечение исследовательского интереса специалистов разнообразного профиля малодоступными историческими источниками.

Среди них особое место занимают фонды В. В. Чарнолуского, В. К. Алымова, Я. А. Комшилова, обогативших в 1920–1930-х гг. отечественную этнографию фольклором кольских саамов и обширными сведениями об их культуре и хозяйственной деятельности. Эти материалы[1]

[1] Шабалина О. В., Пация Е. Я. Письма Василия Кондратьевича Алымова // Живая старина. 2005. № 4. С. 47–50; Шабалина О. В. Из истории этнографических исследований В. В. Чарнолуского: рисунки и письма учёного из фондов Музея-Архива ЦГП РАН // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI века: сб. ст. / Кольский научный центр РАН. Апатиты: КНЦ РАН, 2007. С. 146–170; Шабалина О. В. Материалы персональных фондов В. В. Чарнолуского, Я. А. Комшилова Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН как источники по истории этнографических исследований на северо-западе России // Труды Объединённого науч. совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2014. Т. 2013. С. 13–28; Шабалина О. В. Урбанистический пейзаж Я. А. Комшилова: штрихи к историческому социокультурному портрету г. Мурманск // Труды Кольского научного центра РАН. Вып. 9. 2016. № 3 (37). С. 134–144. Шабалина О. В. Страницы истории этнографических исследований Кольского полуострова: Из фондов Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук. Апатиты: Изд-во Кольского науч. центра, 2022. 158 с.

аннотировались и публиковались неоднократно и, как показала практика, остаются наиболее востребованными фондами данного собрания.

При работе с фондами постоянно действующей выставки «Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера» ЦГП КНЦ РАН для решения приоритетной задачи сохранения культурно-исторического наследия Арктики сотрудниками Центра: изучена история создания Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера РГО СССР и его фондов[1]; определены особенности формирования фондов, типы, виды и разновидности потенциальных исторических источников, отложившихся в Музее-Архиве; расшифровано и проанализировано содержание документов, выявленных при работе над темами НИР; отобраны и подготовлены документы для археографической публикации по теме в соответствии с действующими требованиями и научно-справочный аппарат к ним; осуществлена археографическая публикация документов ряда фондов.

На материалах персонального фонда Марии Алексеевны Лавровой (1887 — после 1969 г.), проф., д-ра геол.-минерал. наук, специалиста в области изучения оледенений, рассмотрена история деятельности подкомиссии по изучению Новой Земли Полярной комиссии Императорской академии (с 1917 г. — Российской академии наук) в 1923–1924, 1926 гг. Результаты деятельности этих комиссий, зафиксированные на бумажных носителях и составляющие значительную часть персонального фонда М. А. Лавровой, как то: протоколы заседаний комиссии, планы, программы, сметы и отчёты научных исследований, — представляют собой часть научного наследия самого плодотворного периода 1920–1930-х гг. в деятельности этих академических структур и являются источниками по истории арктических исследований. Часть документов опубликована[2].

Одним из тех, кто стоял у истоков отечественной океанологии и внёс значительный вклад в развитие этой области знаний, был акад. Лев

---

[1] Петров В. П., Пация Е. Я., Шабалина О. В. История организации и создания Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН (1970–2012) // Вестн. Кольского научного центра РАН. 2012. № 4 (11). С. 24–36.

[2] Шабалина О. В. Документы по истории изучения Новой Земли из персонального фонда М. А. Лавровой Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН: к 100-летию со дня организации Полярной комиссии Академии наук // Труды Кольского научного центра РАН. Вып. 5. 2014. № 2 (21). С. 210–223; Шабалина О. В. Материалы академических архивов как источники к биографии арктического исследователя: Мария Алексеевна Лаврова (1887 — после 1969) // Труды Кольского научного центра РАН. Вып. 12. 2017. № 9 (8). С. 46–60; Шабалина О. В. История арктических экспедиций в материалах персональных фондов Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН // Вестн. Кольского научного центра РАН. 2014. № 2 (17). С. 3–18.

Александрович Зенкевич. К сожалению, в Архиве РАН не сформирован личный фонд этого крупного учёного и деятеля науки. Некоторые документы личного происхождения, фотоматериалы Л. А. Зенкевича хранятся в его персональном фонде Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН: после почти трехлетних переговоров его вдова Валентина Сергеевна в 1978 г. согласилась передать на постоянное хранение часть личных документов и экспедиционных фотографий.

В дар Музеем-Архивом были приняты в том числе: фотографии периода работы Л. А. Зенкевича на Мурманской биологической станции, судах «Малыгин», «Персей» и «Савва Лошкин»; бланковая карта Северного полярного бассейна с маршрутом полёта на СП-3 и СП-4; альбом фотографий будней экспедиций, работавших на этих станциях. Этот период активной научно-исследовательской деятельности академика наиболее полно представлен фотодокументами персонального фонда учёного[1], которые являются ценными источниками по истории организации океанологических, в том числе биогеографических, полярных исследований в 1920–1930-е гг.

Серьёзный исследовательский интерес представляют также материалы персональных фондов учёных-полярников[2] А. Ф. Трешникова, В. П. Кальянова и И. С. Песчанского, которые являются потенциальными источниками по истории изучения и освоения Арктики и Севморпути, социально-антропологическим исследованиям субкультуры полярников.

Фотоотпечатки, автографы, оттиски статей, вырезки из газет, которые сейчас хранятся в персональном фонде А. Ф. Трешникова Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН, переданы Алексеем Федоровичем в 1980-х гг. лично при встрече с сотрудниками музея.

Материалы Виктора Петровича Кальянова были предоставлены его вдовой в 1975 г. Полевые дневники арктических экспедиций авторства В. П. Кальянова представляют собой интересные информативно насыщенные источники по истории организации и проведения арктических научных полевых исследований в первой половине XIX в.

Персональный фонд почётного полярника, д-ра геогр. наук, проф. Ивана Степановича Песчанского (1911–1972) содержит разнообразные личные и творческие документы.

---

[1] Шабалина О. В. Материалы персонального фонда академика Л. А. Зенкевича Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН как источники по истории организации полярных океанологических исследований в 1920–1930-х гг. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 8. 2015. № 7 (33). С. 111–125.

[2] Шабалина О. В. Материалы персональных фондов А. Ф. Трешникова, В. П. Кальянова и И. С. Песчанского Музея-архива ЦГП КНЦ РАН как источники по истории изучения и освоения Арктики // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 10. 2016. № 8 (42). С. 73–88.

Представление данных материалов[1] персональных фондов Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН арктических исследователей различных научных специальностей Г. Д. Рихтера, А. Ф. Лактионова, Г. В. Горбацкого и др. в качестве потенциальных поливидовых источников по истории арктических экспедиций стало возможным после проведения источниковедческих исследований в рамках научно-исследовательских тем ЦГП КНЦ РАН и при грантовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда.

Видовое разнообразие документального наследия технического руководителя йодного производства в 1930–1933 гг. на острове Кильдин П. Б. Шаскольского и гидроэнергетика С. В. Григорьева, представленное в персональных фондах интереснейшими источниками по истории развития промышленности Кольского полуострова, также было частично опубликовано и использовано в работе над соответствующими исследовательскими темами[2].

Завершённые исследования сотрудников ЦГП КНЦ РАН были направлены на обеспечение источниковедческих интересов исследователей истории научного изучения материковой части и островов российского сектора Арктики и Субарктики в конце XIX — первой половине XX вв. через максимальное приближение материалов фондов постоянно действующей выставки «Музей-Архив истории изучения и освоения

---

[1] Шабалина О. В. Литературно-изобразительные материалы персональных фондов Г. Д. Рихтера и В. В. Чарнолуского как источники по истории организации и проведения арктических и субарктических экспедиций в аспекте их финансового и продовольственного обеспечения // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 11. 2017. № 4 (8). С. 66–82; Шабалина О. В. Персональный фонд Г. Д. Рихтера Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН как исторический источник // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 17. 2019. № 7 (10). С. 94–103; Шабалина О. В. Материалы персонального фонда А. Ф. Лактионова Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН как источники по истории изучения и освоения Арктики // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 14. 2018. № 7 (9). С. 76–83; Шабалина О. В. Материалы персонального фонда Г. В. Горбацкого музея-архива ЦГП КНЦ РАН как источники по истории арктических исследований // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 15. 2018. № 11 (9). С. 72–82; Материалы архивов РАН по истории организации и проведения экспедиционных исследований Арктических и субарктических зон в конце XIX — первой половине XX вв.: отчёт о НИР № 17-11-51004 / Шабалина О. В.; Российский гуманитарный научный фонд. 2018.

[2] Шабалина О. В. Из истории йодного производства в Кольском Заполярье // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 6. 2014. № 6 (25). С. 43–54; Шабалина О. В., Казакова К. С. Персональный фонд гидроэнергетика С. В. Григорьева Музея-архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. № 4 (12). С. 28–36.

Европейского Севера» ЦГП КНЦ РАН к исследователю посредством их подготовки к публикации и осуществления её по возможности.

Опубликована коллекция живописных и графических работ художников — участников экспедиций на Крайний Север[1], замечательные образцы локального экспедиционного творчества полярников и арктических исследователей[2], отдельные документы руководителей и научных сотрудников КНЦ РАН разных лет[3], экспедиционные дневники[4].

---

[1] Художники-участники экспедиций на Крайний Север (Artists-participants of the expedition to the Far North): из собрания Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера КНЦ РАН / сост. ст., коммент.: Е. Я. Пация, О. В. Шабалина. СПб.: ГАМАС, 2008. 207 с.

[2] Шабалина О. В. Комплексная высокоширотная экспедиция «Восток» на ледоколе «Северный полюс» 1946 г. в локальных песенно-поэтических текстах // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации. Апатиты: КНЦ РАН, 2008. С. 146–163; Шабалина О. В. «Кукиш» в Кандалакше. Июнь 1933 г. // Исторический архив. 2009. № 6. С. 206–209.

[3] Шабалина О. В. К 130-летию со дня рождения А. Е. Ферсмана: стихи о камнях с посвящением академику // Труды Кольского научного центра РАН. 2013. № 6 (19). С. 177–188; Шабалина О. В., Пация Е. Я. Персональный фонд академика А. Е. Ферсмана Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН // Вестн. Кольского научного центра РАН. 2013. № 4 (15). С. 3–8; Шабалина О. В., Иванова М. В. «…От лопарской вежи до дворца науки»: источники по истории организации и строительства «Тиэтты» (ХИГС — КБАН СССР) из фондов Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН // Труды Кольского научного центра РАН. Вып. 19. 2020. № 6 (11). С. 8–19; Шабалина О. В. Материалы персонального фонда академика А. В. Сидоренко Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН // Труды Ферсмановской науч. сессии ГИ КНЦ РАН. 2017. № 14. С. 52–55; Шабалина О. В. Личные документы персонального фонда геолога Б. М. Куплетского Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук // Труды Кольского научного центра РАН. Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 98–103.

[4] Шабалина О. В. Из истории организации метеорологических и гидрологических наблюдений на о. Диксон в 1916 г. (по материалам Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 7. 2015. № 1 (27). С. 76–90. Шабалина О. В., Казакова К. С. Экспедиционный дневник как источник по истории организации и проведения российских арктических экспедиций начала XX века // Проблемы Арктики и Антарктики. 2022. Т. 68, № 1. С. 76–86.

ГЛАВА 7
ШКОЛЫ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА В XX ВЕКЕ: СОЦИАЛЬНЫЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ

Школьная образовательная среда в архивных материалах и устной истории

Среди социальных институтов образование играет одну из важнейших ролей. Не случайно в современной научной мысли активно продвигаются концепции общества знаний и информационного общества. Применительно к советской истории некоторые исследователи говорят о становлении особого типа социальности — «общества образования», подчёркивая, что социальная история образования — это своего рода ключ социальной истории общества[1]. Проблемы становления и трансформации системы образования чрезвычайно актуальны для Кольского Севера как региона с развитой научно-образовательной инфраструктурой. История школьного образования может быть рассмотрена через понятие образовательной среды, которая представляет собой совокупность условий, в которых происходит воспитание, обучение и развитие человека[2]. На разных жизненных этапах сосуществуют различные образовательные среды, образуя для каждого динамичное индивидуальное культурно-образовательное пространство. То же справедливо в отношении семей, локальных и прочих групп, учреждений и организаций и т. д. Социальный ракурс истории образования касается положения в обществе и социального самочувствия групп, вовлечённых в сферу культурного производства и воспроизводства: научной и творческой интеллигенции, работников образования и культуры.

Исторический контекст развития школы в XX в. составляют общественные трансформации рассматриваемого периода на макроуровнях, сопровождающие их институциональные, демографические, этнические и прочие изменения. На микроуровнях эти изменения особым образом преломляются через биографический опыт вовлечённых в образовательный процесс людей. Кроме того, влияние на формирование образовательной среды оказывает и специфическое положение региона в стране, связанное с такими его объективными и субъективными характеристиками,

---

[1] Андреев А. А. Образование и образованность в социальной истории России: от Средневековья к Новому времени. М.: ВГИК, 2014. 310 с.; Андреев А. Л. Российская модель модернизации: «Общество образования» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2010. № 6. С. 111–126.

[2] Казакова К. С. Образовательная среда: основные исследовательские подходы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 2. 2011. № 3 (6). С. 65–72.

как «крайняя северность», приграничность, «провинциальность», «периферийность», относительная «молодость» и др.

Изучение истории развития образования на Кольском Севере было начато ещё в 1940-х гг. Работы А. Г. Базанова, Н. Г. Казанского, М. П. Геллис представляют собой очерки развития школьного образования[1] в первой трети XX в. Интерес представляют работы М. И. Андрианова-Верхнева и А. И. Белошистой, в которых рассмотрен процесс развития школьного образования[2] в 1920–1940-е гг. Вопросы культурных трансформаций советского периода в среде коренного населения[3] освещали А. А. Киселев и З. Е. Черняков.

Изучению советского периода становления школьного образования на Кольском Севере посвящена фундаментальная работа[4] В. В. Дранишникова, В. П. Мухина и Е. Ф. Дудакова, но в ней подробным образом представлен процесс развития учебных заведений г. Мурманска, тогда как история образовательных учреждений других районов области рассмотрена лишь фрагментарно. Попытка биографического описания карьеры учителя на Кольском Севере представлена в издании «Педагогическая энциклопедия Мурманской области XX в. История в лицах»[5]. Несомненно, что история развития образования на Кольском Севере нуждается в более детальном изучении и не только в институциональном аспекте. Применение антропологического подхода в изучении истории образования, на наш взгляд, открывает широкие возможности для исследования социального компонента образовательной среды на Кольском Севере. Исторические ракурсы в изучении образовательной среды представляют социально-историческую и личностно ориентированную (биографическую) перспективу.

Исследование было проведено в рамках научно-исследовательской темы ЦГП КНЦ РАН «Человек в контексте советской и постсоветской

---

[1] Базанов А. Г., Казанский Н. Г. Школа на Крайнем Севере. Л.: Учпедгиз, 1939. 208 с.; Геллис М. П. Народное образование Мурманской области за 30 лет // Методический сборник в помощь учителю. Мурманск, 1947. С. 3–22.

[2] Андрианов-Верхнев М. И. Развитие народного образования в Мурманской области за годы Советской власти // Учёные записки Мурманского гос. пед. ин-та. Мурманск, 1967. Т. 30. С. 5–104; Белошистая А. И. Из истории ликвидации неграмотности на Кольском полуострове (1920–1928 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера: межвуз. сб. Петрозаводск, 1976. С. 56–77.

[3] Киселев А. А. Очерки этнической истории Кольского Севера. Мурманск: Изд-во МГПУ, 2009. 145 с.; Черняков З. Е. Очерки этнографии саамов. Рованиеми, 1998. 126 с.

[4] Дранишников В. В., Манухин В. П., Дудакова Е. Ф. Очерки истории народного образования Кольского края. Мурманск: Пазори, 2001. 624 с.

[5] Педагогическая энциклопедия Мурманской области. XX век: История в лицах. Мурманск: Пазори, 2001. 255 с.

локальной истории: Кольский Север» и предполагало изучение истории советской школы на региональном материале в историческом и социально-антропологическом контексте. Основное внимание было сосредоточено на социальном аспекте развития образовательной среды городской и сельской школы на Крайнем Севере. Практики городской школы рассматривались преимущественно на материалах Кировского района, появление школ в котором обусловлено промышленным развитием региона, вопросы работы школ в сельских районах изучались на основе материалов села Ловозера — в связи с особенностями этнического состава его населения.

В ходе исследования был выявлен и введён в научный оборот комплекс различных исторических источников. Прежде всего, это архивные материалы Государственного архива Мурманской области в г. Кировске. В составе архивных фондов ГАМО в г. Кировске представлены документы отделов образования городов Апатиты, Кировск, Мончегорск, а также районных отделов образования — Ковдорского, Ловозерского, Терского и др. Всего в архиве представлено 14 фондов учреждений образования, которые включают около 5 тыс. документов. Этот широкий круг источников условно можно разделить на несколько групп.

В работе использовались статистические отчёты, включающие сведения о числе школ, учащихся и учителей, делопроизводственная документация: приказы и распоряжения руководителей, отчёты о работе школ, протоколы инспекторских проверок. Если данные статистики рисуют нам картину стремительного роста числа школ от 9 в 1932 г. до 44 к 1956 г., то делопроизводственная документация помогает представить, как происходил процесс школьного строительства. Выявить особенности кадровой политики на местах можно благодаря приказам и распоряжениям гороно по личному составу, в которых отражены приказы об увольнении учителей с указанием причин, перемещения и подготовка педагогических кадров по школам, приказы о премировании и др. Например, в 1930-е гг. документы пестрили приказами об увольнении: «За нетактичное поведение во время урока, которое выразилось в том, что т. Колесова не подчинилась распоряжению зав. школой, с работы снимается», «За хулиганство в школе ночью в Н 15 первомайские дни учитель Виалайнен увольняется с работы», «За невыход на работу после отпуска считать педагога уволенной как летуна»[1].

В приказах по личному составу запечатлены не только проблемы и трудности, но и достижения работников образования, выражавшиеся в приказах о премировании того или иного учителя или директора школы.

[1] ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 3.

Так, в 1932 г. учителей за заслуги премировали окладом и джемпером, что в то время было актуально. Документы фондов отдела образования позволяют представить кадровый состав школ, его количественные и качественные изменения. В отдел образования от каждой школы ежегодно поступали списки педагогического персонала, которые включали сведения о педагогическом стаже, партийности и уровне профессиональной подготовки учителя. Анализ этих документов позволил сделать вывод о том, что кадровый состав школ Кировского района в 1930-х гг. состоял в основном из учителей, закончивших ускоренные курсы или педучилища и имевщих низкий уровень подготовки, и учителей из среды спецпереселенцев, которые получили образование ещё до революции.

Делопроизводственная документация, хранящаяся в фондах отделов образования, включает в себя и отчёты об инспектировании школ. На первый взгляд, они достаточно однотипны и содержат результаты выявленных недочётов в работе школьного руководства, однако среди них есть и те, которые на конкретных примерах позволяют судить о государственной образовательной политике в целом. Довольно интересным в этом отношении, на наш взгляд, представляется отчёт об инспекторской проверке финской школы в посёлке Юкспориок. Кроме конкретных сведений, в деле содержится просьба к областному отделу образования прислать специалиста-инспектора со знанием финского языка для более тщательной проверки работы школы. Архивные документы подтверждают, что на многих учителей, прибывших на Север в 1930-е гг. у НКВД имелись «компрометирующие данные». В составе фонда Кировского совета народных депутатов был обнаружен список лиц, составленный по Кировскому районному отделу народного образования. Таких учителей, по данным НКВД[1], насчитывалось около 100. Учитывая специфику состава населения города Кировска, целый блок документов посвящён работе со спецпереселенцами и «нацменами».

Положение учительства в сельских районах Кольского Севера можно проследить на примере документов районных отделов народного образования. Например, выписка из протокола заседания Президиума Ленинградского облисполкома о запрещении производства чистки учительства, прекращении перегибов в раскулачивании и лишении прав просвещенцев[2] наглядно иллюстрирует, что процесс обеспечения школ кадрами на селе стоял ещё более остро, чем в городе.

Документы отдела народного образования исполнительного комитета Ловозерского районного Совета народных депутатов Мурманской

[1] ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-71. Оп. 2. Д. 43. Л. 39

[2] ГАМО в г. Кировске. Ф. 139. Оп. 1. Д. 3. Л. 179.

области содержат приказы[1] о необходимости восстановления на работе учителей, снятых за отказ от вступления в колхоз, об улучшении материального положения учительства. Из документов Ловозерского районо видно, что учитель не пользовался в 1930-х гг. большим авторитетом на селе, его воспринимали как чужака, использующего материальную выгоду своего положения. Так, на учителя Воронинской школы Соловьёва Андрея Ивановича поступил донос о том, что он злоупотребляет служебным положением, а именно получает продукты на 16 человек, когда учеников числится всего 14, в выходные дни ученикам завтрака не выдает, а продукты присваивает себе, а хлеб сушит на сухари. Множество документов как со стороны учительства, так и со стороны администрации освещают вопрос снабжения учителей продовольствием и промтоварами, на основании которых был сделан вывод о том, что материальное обеспечение 1930-х гг. было яблоком раздора между учительством и сельской общественностью[2].

Документы Ловозерского районного отдела образования освещают процесс ликвидации неграмотности среди коренных народов Севера и проблемы, с которыми сталкивалось государство при проведении образовательной политики в этом районе, а именно: пассивное сопротивление населения проводимой политике, «недопуск детей» в школы, трудности языковой адаптации саамов, безрезультатность общественной работы. В документах особое внимание уделяется необходимости воспитания «из лопаря советского человека», который, не только умел читать и писать, но и знал, как поднять своё хозяйство, как ухаживать за скотом, участвовал в кампаниях советской власти.

В составе материалов фонда Ловозерского райисполкома представлены и документы личного происхождения, которые, в силу объективных причин, редко встречаются в фондах советских учреждений, что придаёт им особую ценность и значимость. Это, например, письма учительницы в районный центр о своей жизни в деревне, хозяйственных проблемах, которые ей приходилось решать, и об отношении к ней населения деревни. В том же фонде представлено письмо молодого учителя из села Краснощелья, в котором он благодарит начальника Ловозерского районо за то, что тот не приукрасил действительности села, а также сообщается о жизни сельского учителя.

Таким образом, разносторонний состав документального фонда по истории образования, представленный в Государственном архиве

---

[1] ГАМО. Ф. Р-139.

[2] Казакова К. С. Особенности документального фонда архивов Мурманской области по истории образования // Государственные и муниципальные архивы — центры хранения и использования информационных ресурсов по истории регионов: материалы науч.-практ. конф. (26 октября 2013 г.). Кировск, 2013. С. 20–26.

Мурманской области в г. Кировске позволяет осветить различные аспекты социальной жизни как городской, так и сельской школы Кольского Севера в советский период.

Ценным источником по истории развития образования в 1930-х гг. являются публикации в городских газетах, например в «Хибиногорском рабочем», которые регулярно освещали процесс школьного строительства и развития народного образования. В 1930-е гг. в стране, а следовательно, и в регионе шла кампания «охвата всеобучем» (всеобщим обучением) со свойственным идеологическим установкам того времени жёстким контролем «сверху» и анализом причин, мешающих внедрению 100 %-го всеобщего обучения детей школьного возраста. Школы были призваны справляться с трудностями организации кампании «всеобуча» при помощи общественности, большая роль в ведении идеологической пропаганды «всеобуча» отводилась именно средствам массовой информации. В частности, на страницах «Хибиногорского рабочего» постоянно велась так называемая «перекличка школ», освещавшая во всех подробностях ход данной кампании. Уже к середине 1930-х гг. охват детей всеобщим начальным обучением достигал 98 %, и Хибиногорск, таким образом, был объявлен городом «сплошной грамотности», имевшим даже группы учащихся, сформированные по национальному признаку, — финскую и татарскую[1]. Что касается публикаций в прессе в военные годы, то она была в основном посвящена помощи школьников фронту и их посильному участию на производстве.

Интерес для исследователя представляют материалы школьных архивов. Например, в представленной работе были использованы документы школьного архива средней общеобразовательной школы № 4 г. Апатиты, сохранившие переписку с учителями и выпускниками школы конца 1930-х гг. Инициатива сбора документов по истории школы принадлежала педагогам, работающим в школе. Некоторые материалы школьного архива использовались также для публикаций в городской газете в 2015 г., чтобы привлечь внимание старожилов к инициативе по сохранению культурной памяти апатитской школы[2]. Здание школы было построено в 1935 г. и выделялось на фоне остальных, так как было первым каменным зданием в городе. Здесь было 10 классных комнат, учительская, пионерская комната, библиотека, кабинет директора. Уместным будет привести воспоминания об апатитской школе довоенных лет, которые принадлежат её первым выпускникам. Из воспоминаний В. Архипова:

Единственное каменное здание школы в два этажа, куда ехали школьники, на фоне бараков выглядело величественно и монументально.

[1] ГАМО в г. Кировске. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

[2] Чернова Н. Кто из «старой» школы? // Дважды Два. 2015. 17 декабря. № 51.

Это казалось, да и в действительности было, самое большое здание на станции Апатиты. Школа всегда была чистой и хорошо оформлена внутри. И мы, учащиеся, понимая, с каким трудом была оформлена школа в те времена, оберегали её убранство, поскольку сами и оформляли и содержали в чистоте пришкольную территорию[1].

Один из учеников вспоминал, что, поскольку здание школы отапливалось дровами, зимой в коридорах было холодно, поэтому ребята на переменах собирались в пионерской комнате, которая одновременно служила и спортзалом, и кто-нибудь из учеников начинал играть на гармони. Сначала девчонки, а затем и ребята выходили в круг и начинали весёлый перепляс. Эти и другие воспоминания помогают «оживить» архивные сведения, дополнить их описанием бытовых деталей жизни советской школы. Использование школьных и семейных архивов для реконструкции истории советской школы имеет, на наш взгляд, большие перспективы. В 2022 г. активная работу по сбору тематических интервью и фотоматериалов была начата в рамках работы «Хибинского бюро краеведения». Подготовленные к публикации сотрудниками Музейно-выставочного центра АО «Апатит» материалы[2] находятся в широком доступе.

Огромные перспективы для изучения социального контекста истории школьного образования представляет собой устная история. В 2010–2011 гг. в рамках работы Центра гуманитарных проблем КНЦ РАН по теме НИР «Этнокультурные факторы социальной динамики на Крайнем Севере в XX–XXI вв. (Кольский Север)» была проведена серия биографических интервью с учителями школ г. Апатиты, в ходе которых были выявлены различные аспекты профессиональных биографий, влияние «кризисных» моментов на формирование их профессиональных траекторий. Полученные материалы заметно различаются по шкале «личное-профессиональное», среди них встречаются как сугубо тематические (профессиональные) биографии, так и личные воспоминания об отдельных периодах жизни, значимых событиях. Стоит подчеркнуть, что выбор профессии учителя в «советской» школе определялся её престижем в обществе. В современной ситуации социальное положение учительства таково, что сфера образования не является привлекательной с точки зрения профессиональной деятельности[3].

В целом, на основании анализа автобиографического опыта учителей, были выявлены факторы, способствующие и препятствующие работе школьного педагога. Факторами стабильности выступали, прежде

---

[1] Из переписки с В. А. Кокшаровым // Архив МБОУ СОШ № 4 г. Апатиты. 17 декабря. № 51.

[2] См., например: Чернова Н. Отцы нас уже не увидели. История школы № 1 1949–1959 // Музейно-выставочный центр «Апатит» (mvc-apatit.ru).

[3] Ильин В. А., Леонидова Г. В., Шабунова А. А. Социальное положение учительства в России // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 123–133.

всего, культурно-психологические и микросоциальные: личные качества самого учителя и ближайшее окружение на работе — ученики и коллеги. Деструктирующими являлись макросоциальные обстоятельства — бюрократизация, неэффективная политика в образовании в целом, в организации труда в частности. В то же время анализ профессиональных биографий педагогов показал, что эта социальная группа демонстрирует определённую устойчивость к внешним факторам[1].

Институт образования тесно связан с институтом семьи. Семья и образование позиционируются как узловые точки возрождения Российского государства и являются объектами его пристального внимания. Между тем, государство гораздо больше сосредоточено на вопросах реформирования самой системы образования, нежели на проблеме взаимосвязи семьи и школы, учёта семейного фактора в образовании подрастающего поколения, тогда как именно семья — основной элемент микроклимата развивающейся личности — выполняет предписанные ей основные функции социализации и воспитания.

Проблема взаимосвязи семьи и системы образования прямо связана с вопросами социального функционирования образования, наследования социального статуса и социальной мобильности, социальных взаимоотношений поколений, воспроизводства культуры и формирования духовного облика молодёжи. В отечественной науке она долго оставалась «территорией» двух наук — педагогики и педагогической психологии. 1960–1980-е гг. были периодом особого интереса к проблеме отношений школы и семьи. В это время появились многочисленные научные работы и публикации, однако большинство из них были направлены на выявление сущности и наиболее эффективных форм взаимодействия субъекта и объекта воспитательного процесса. Таким образом, в работах советских педагогов проблема взаимодействия семьи и школы была достаточно изучена, оба эти социальных института органично были вписаны в воспитательную формулу «школа — семья — общественность — производство». Но на современном этапе эта система утратила свою значимость. В новейшей социологической литературе взаимодействие школы и семьи рассматривается преимущественно как соотношение их социальных заказов или задач, формулируемых с позиции интересов разных субъектов (человечества, государства, нации, класса, группы или личности), или как фактор социальных перемещений[2].

---

[1] Казакова К. С. Образовательные стратегии семей на Кольском Севере: взгляд учителей // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 1. 2010. № 2. С. 53–67.

[2] См., например: Артюхов А. В., Павлов Б. С., Стожаров А. В. Семья северян: традиционность и новации (По материалам социологических исследований семей в городах и поселениях российского Севера / Рос. акад. наук; Урал. отд-ние. Екатеринбург, 1999. 206 с.

С тем чтобы выяснить отношение семей или, по крайней мере, тех их членов, которые активно вовлечены в процесс социализации детей, к проблеме взаимоотношения их со школой, проведена серия интервью с родителями учащихся, в которых выяснялись семейные образовательные стратегии. Анализ полученных данных представлен в научных публикациях[1]. Оценивая современную образовательную ситуацию, респонденты так или иначе опирались на собственный опыт обучения в школе, воспроизводили образовательные стратегии своих родителей, сравнивали образовательное пространство школы, в которой учились они, и той, в которой сейчас учатся их дети. В целом можно констатировать, что сравнение оказывается явно в пользу советской школы, а основными факторами ухудшения ситуации признаются снижение статуса учителя в обществе, социальная дифференциация и смягчение дисциплинарных норм. Такую позицию можно отчасти объяснить возрастом респондентов, которые сами социализировались в «советской школе» и положительно восприняли опыт своих родителей. В представлениях многих людей, в советской школе реализовывались принципы равенства, но также практиковался более жёсткий контроль, с которым ассоциируется большая эффективность образовательно-воспитательной деятельности. В подтексте высказываний, как нам видится, заложено представление о стабильности советской школы. Она контрастирует с современным положением вещей: ситуацией реформ, непредсказуемостью (непоследовательностью), противоречивостью образовательной политики.

Исследование образовательных стратегий современных семей продемонстрировало, что в понимании родителей хорошее образование — фундаментальное. Несмотря на то, что качество образования оценивается как недостаточное, многие родители считают, что у школьников Северо-Запада уровень знаний выше, чем в других регионах России. Сохраняются высокие нравственные требования к учителю, которые выделяют данную профессию из многих других. Родители сомневаются в возможности школы подготовить учащихся к поступлению в вуз и рассчитывают на репетиторство. Семья ориентирует детей не столько на конкретную профессию, сколько на получение высшего образования и связанную с ним сферу деятельности.

Представления о самоценности культуры и образования — устойчивый элемент образовательных стратегий семей. Наблюдается тенденция к положительной переоценке образовательного наследия «доперестроечной» эпохи, когда реализовались принципы равенства, и практиковался более жёсткий контроль, с которым у родителей

[1] Казакова К. С. Образовательные стратегии современной семьи // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история / под ред. В. П. Петрова, И. А. Разумовой. Апатиты: КНЦ РАН. 2009. С. 64–76.

ассоциируется большая эффективность образовательно-воспитательной деятельности.

И архивные материалы, и устные исторические источники представляют собой базу для исследовательского поля как в рамках локальных контекстов, так и для изучения феномена «советского» в целом.

Школа 1930–1940-х годов: формирование учительского состава и трудности военного времени

Изучение образовательных практик советской школы на региональном материале продолжает быть актуальным не только в границах изучения советской локальной истории, но и в более глобальном масштабе, как опыт автономизации образовательных институтов и постепенного процесса гуманизации системы среднего образования, изучение которого необходимо для поиска оптимальной модели образования и воспитания будущих поколений сегодня. В фокусе исследовательского внимания прежде всего оказались такие проблемы, как становление образовательной системы в условиях промышленного развития Кольского края в 1930-х гг., обеспечение школ педагогическими кадрами, организация обучения в условиях военного времени.

В Хибиногорске первые ученики и первые учителя появились осенью 1929 г. Недалеко от оз. Вудъявр, в конце Вудъяврского переулка, ударными темпами был выстроен деревянный барак, ставший Хибиногорской школой № 1, официальное открытие которой состоялось 25 октября 1930 г., к концу года в ней обучалось примерно 400 детей. Уже к концу 1930 г., по данным городского отдела народного образования, действовало три школы: на «13-м», «19-м» и «25-м» километре. Число учащихся в них было соответственно — 176, 560 и 180 человек, что составляло 93 % от общего количества детей школьного возраста; 7 % составляли в основном дети финнов (80 человек), которых не смогли «охватить» из-за отсутствия педагога.

Состав учащихся хибиногорских школ отличался большим разнообразием: приехавшие из разных мест огромной страны, говорящие на разных диалектах русского языка, имеющие различный уровень подготовки и разновозрастные. Среди учеников почти 65 % составляли дети спецпереселенцев. В некоторых школах их было большинство, что определённым образом сказывалось на специфике работы. По архивным данным, из общего количества школьников дети вербованных рабочих составляли 1305 человек, дети спецпоселенцев — 2421. Национальный состав детей спецпереселенцев был следующим[1]: русских — 2606,

[1] Дранишников В. В., Манухин В. П., Дудакова Е. Ф. Очерки истории народного образования Кольского края. Мурманск, 2001. С. 141.

украинцев — 412, финнов — 183, татар — 36, эстонцев — 141, прочих национальностей — 348 человек. Кроме русских групп, в школах Хибиногорска в начале 1930-х гг. были организовано пять финских групп, в которых обучалось 118 человек, и татарская группа из 22 человек.

Таблица 2

Развитие сети школьных учреждений в Кировском районе в 1930-е гг.

Показатель	1930 г.	1932 г.	1935 г.	1939 г.
Число школ	3	9	12	28
Число учеников	1142	2869	5555	7278
Число учителей	25	106	150	290

Примечание. Составлено на основании архивных данных: Кировск в документах и фактах 1920–1945 гг.: [Хрестоматия]. Кировск: [б. и.], 2006. С. 80; ГАМО в г. Кировске. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 21, 34; Ф. 10. Оп. 1. Д. 2. Л. 48; Ф. 10. Оп. 1. Д. 3. Л. 33–34.

Школы размещались в стандартных деревянных домах, а занятия проводились в две смены. Материально-технические условия работы школ в эти годы были тяжёлыми. Большой проблемой была теснота помещений. Так, школа № 3 на «13-м км» помещалась в рубленом доме, с раздевалкой, тремя классными комнатами, врачебным кабинетом, рабочей комнатой и помещением для отдыха. В том же школьном здании три небольшие комнаты были заняты под жильё. В этой школе обучалось пять групп, занятия велись в две смены[1]. Школа № 1 на «19-м км» располагалась в двух стандартных домах. В одном — четыре больших классных комнаты, три — проходные и маленькая учительская. Во втором доме располагались три небольших классных комнаты, врачебный кабинет и рабочая комната. Три комнаты были заняты под жилплощадь, с раздевалкой в коридоре. В школе было 16 групп, занятия велись в две смены, а с 1 марта 1931 г. — в три смены, не было отдельного помещения для занятий физкультурой[2].

Кроме того, все хибиногорские школы по вечерам эксплуатировались под вечерние курсы для взрослых, что препятствовало организации клубно-кружковой работы и введению групп продлённого дня для детей. Быстрому изнашиванию оборудования способствовали часто и сами учащиеся. Учителям требовались огромные усилия, чтобы поддерживать материально-техническое оснащение школ на минимально необходимом уровне. «Оборудование школ скверное (скамейки и столы), парт нет, ребята

[1] ГАМО в г. Кировске. Ф. 10. Оп. 1, Д. 1. Л. 7.

[2] Там же. Л. 7.

сидят по 6 человек на скамейке», — говорилось в отчёте. Судя по документам, здания школ требовали ремонта. Крыши протекали, столовых при школах не было. Дети завтракали в классе на учебных столах. Между тем денег на оборудование школ не хватало, так как первостепенной задачей, в связи ростом числа детей школьного возраста, было увеличение количества школ. Это происходило в первую очередь за счёт открытия малокомплектных начальных школ в небольших посёлках, где дети учились с первого по четвёртый класс. К 1935 г. сеть школ в Кировске составляли: средние — № 1, 2, 3; неполные средние — № 4, 5, 6, 7, 8, неполная средняя финская школа и начальные школы № 9, 10. Кроме того, в рабочих посёлках действовали Апатитская и Зашейковская неполные средние школы, Восточно-губская, Пиренгская, Чирвинская, Африкандская начальные школы и сельские начальные школы — Ёнская, Бабинская, Охтокандская, Хибинская[1]. С появлением станции Апатиты и совхоза «Индустрия» возникла необходимость в создании новой школы[2]. Она открылась в 1935 г. и получила статус неполной средней школы с общим количеством 7 классов на 212 человек, с интернатом на 34 человека для детей, родители которых работали на фермах совхоза «Индустрия».

Ещё одной серьёзной проблемой в 1930-е гг., наряду с материальным оснащением школ, было обеспечение школ учителями. Например, в 1930 г. на 1142 учащихся было всего 25 учителей, один из которых работал в городском отделе народного образования, двое — в библиотеке при клубе, трое были заведующими школ. При этом, согласно материалам обследований обкомовской комиссии за 1931 г.[3], из них 16 % преподавателей не имели специального педагогического образования, педагогический стаж сроком до 1 года имели 20 % преподавателей, сроком до 5 лет — 40 %, до 10 лет — 20 % и более 10 лет — 20 %.

Большинство учителей было отправлено из Ленинградской области в соответствии с приказом Наркомпроса о мобилизации учителей и обеспечении спецпосёлков квалифицированными кадрами. Как свидетельствуют списки учительского персонала за эти годы, многих учителей переводили в Кировский район из Кандалакши. Испытывая острый дефицит кадров, правительство пошло на крайние меры: на основании постановлений Наркомтруда предписывалось снять с работы занятых не по специальности учителей и назначить их в школы. Уже к 1932 г. по школам насчитывалось 106 педагогов, однако и число учащихся выросло до 2869 человек. Поэтому в четырёх школах района занимались в две смены и в пяти — в три смены[4].

---

[1] ГАМО в г. Кировске. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3. Лл. 33, 72.
[2] ГАМО в г. Кировске. Ф. 71. Оп. 1. Д. 52. Л. 111.
[3] Там же. Д. 11. Л. 14.
[4] Кировск в документах и фактах 1920–1945 гг. Кировск, 2006. С. 80.

На основании списков учителей, работающих в школах, можно сделать вывод о том, что большая их часть приехала в Заполярье в 1931–1934 гг. из Новгородской, Вологодской, Ленинградской областей и с юга России. В условиях дефицита кадров иногда в школе оказывались люди некомпетентные, не имеющие должного образования, тем не менее основания для увольнения в условиях дефицита кадров должны были быть очень вескими. Обо всех учителях, снятых с педагогической работы как по мотивам антисоветской деятельности, так и из-за отсутствия соответствующей квалификации, заведующие роно и гороно обязаны были представлять подробные отчёты. Несмотря на принимаемые меры, отсев учителей (так называемая «текучесть» кадров) был достаточно высок. Только за 1934 г. из школы ушли 26 педагогов, 7 из которых были уволены как «несоответствующие своему назначению». В областной отдел народного образования от Кировского районо регулярно поступали заявки с просьбой направить в район подготовленных специалистов. Так, в 1935 г. была отправлена заявка на 90 человек, однако к началу учебного года прислан только один директор для новой школы. В такой ситуации единственным выходом, позволявшим заполнить имеющиеся вакансии, была подготовка учителей-срочников[1].

Еще в 1930-е гг. облоно и Педагогическим институтом им. Герцена была организована областная комиссия по проведению кампании за педагогические кадры, которая заключалась в агитации выпускников школ к поступлению в педагогические техникумы и вузы. Ускоренная подготовка учителей проводилась на вечерних курсах, где преподавали учителя, уже работающие в школе и имеющие педагогическое образование. Отбор кандидатов был не слишком тщательным. Выпускники фабрично-заводских семилеток и школ колхозной молодёжи, то есть неполных средних школ, посылались на пятимесячные курсы обучения для переподготовки на учителей начальных школ. Выпускники полной средней школы отбирались персонально по спискам и отправлялись на полуторагодовые курсы[2]. Уровень кандидатов был настолько низок, а программа поверхностной, что опытные учителя порой отказывались браться за преподавание[3].

Основными задачами массовых краткосрочных курсов были идеологическая подготовка слушателей и сообщение сведений по методике обучения. Курсы ориентировались на решение задач массовой политической пропаганды и обслуживали кампанию по ликвидации неграмотности. Практика краткосрочных курсов помогала быстро подготовить большое количество учителей. Дальнейшим условием работы для молодых

---

[1] Казакова К. С. Становление и развитие системы школьного образования на Кольском Севере в 1930-е гг. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 3. 2012. № 1 (12). С. 111–121.

[2] ГАМО в г. Кировске. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2. Л. 41.

[3] Там же. Д. 1. Л. 42.

малоквалифицированных кадров было заочное обучение, однако, согласно отчёту Института повышения квалификации, в 1933 г. доля охваченных заочным обучением была крайне низка — всего 10 %. Из них активно занимаются только 1 %, а остальные являются лишь подписчиками. Основной причиной такого положения была, вероятно, высокая стоимость обучения. Лишь первое время курсант снабжался необходимыми пособиями в порядке кредитования, а затем должен был погасить задолженность и оплачивать дальнейшее обучение[1]. Заочники должны были пользоваться консультациями методических пунктов, созданных при средней школе № 2 и неполной средней школе совхоза. Было вынесено предупреждение о том, что в случае отказа от обучения учителя будут сняты с работы. Именно с такой формулировкой «полная неграмотность и нежелание повышать свою квалификацию» была уволена учительница М. М. Тупорова. Согласно приказам по личному составу за 1936–1938 гг.[2], этот случай не был единичным.

Проблему «текучки» кадров предлагалось решать за счёт более тщательного отбора кандидатов, при этом основное внимание уделялось не профессиональным качествам, а социальному происхождению и национальности. В делах Кировского роно встречаются приказы об увольнении учителей по причине сокрытия своего социального происхождения[3]: так, например, был снят с работы с лишением предоставленной жилплощади учитель начальных классов неполной средней школы № 2 Николаев А. М.; по этим же причинам в 1936 г. был уволен учитель Зашейковской неполной средней школы Приступский, скрывший при поступлении на работу службу в белой армии офицером и нахождение в концлагере в течение 5 лет. Повышенное внимание было направлено на учителей, получивших педагогическое образование до революции, в первую очередь проверялась их профессиональная компетенция, кроме того, они проходили специально установленный педагогический стаж работы в советской школе, и только после этого приказом по Наркомпросу РСФСР им присваивалось звание учителя[4].

При инспектировании школ специалисты гороно обращали внимание на методику работы таких учителей. Строго критиковалось применение старых методов преподавания, таких как зубрёжка, дореволюционная шкала оценок. Кроме того, учитель должен был достаточно аккуратно применять дисциплинарные меры к ученикам. Статья «Отвратительные явления в школе»[5], напечатанная в газете

---

[1] ГАМО в г. Кировске. Ф. 139. Оп. 1. Д. 3. Л. 39.

[2] ГАМО в г. Кировске. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3. Л. 54.

[3] Там же. Л. 93; Л. 165, об.

[4] Дранишников В. В., Манухин В. П., Дудакова Е. Ф. Очерки истории народного образования Кольского края. Мурманск, 2001. С. 152.

[5] Кировский рабочий. 1935. № 3.

«Кировский рабочий», рисует читателю животрепещущую картину, когда учитель выгнал с урока двух хулиганов, за что получил выговор от директора и широкий резонанс на страницах местной газеты. Причины такого поступка, как сообщала редакция, в том, что учительница была дочерью кулака, а значит, имела «классово чуждые настроения и невысокий политический уровень».

В школе в довоенное время были сильны семейно-родственные связи. Переезжали на Север вынужденно или по воле обстоятельств целыми семьями. Так, директор школы Александр Ильич Лебедев был женат на Аделаиде Георгиевне Лебедевой, учительнице начальной школы, окончившей Петербургскую женскую гимназию. Её сестра, Вера Георгиевна Дартау, окончившая школу II ступени с педагогическим уклоном и трёхмесячные курсы учителей, также преподавала в начальных классах. Все трое были высланы на Север, а их родители были лишены избирательных прав.

В целом, на большинство прибывших в 1930-е гг. на Север учителей у НКВД имелись «компрометирующие данные»[1]. Таким образом, особенности спецпереселенческого контингента населения г. Кировска обусловили появление специальных мер надзора за политической лояльностью и социальным происхождением представителей образования.

Учитель на Севере всегда находился под пристальным вниманием начальства. Его взгляды и убеждения должны были быть «правильными» и не отклоняться от курса партии. В связи с большим количеством спецпереселенцев существовало секретное предписание Мурманского областного исполнительного комитета образования о том, что начальник Кировского отдела образования личным письмом должен был ежемесячно составлять и отправлять в центр характеристики на учителей, докладывая о политических настроениях среди учительства. Несмотря на то, что почти 90 % учителей не состояли в партии, они рассматривались как актив, который в обязательном порядке должен пропагандировать политику партии и проводить разъяснительную работу среди населения. Так, в отчёте о проведении политпросветработы среди спецпереселенцев Хибиногорска указывалось, что учительство, наряду с членами и кандидатами ВКП(б), ВЛКСМ, членами профсоюзов, студентами совпартшкол и комвузов, создаёт крепкую политическую общественную базу для массовой политпросветработы[2]. Тем не менее «неформальные» отношения со спецпереселенцами (в том числе совместное времяпрепровождение, женитьба) строго критиковались. Особому контролю за правильностью взглядов и убеждений подвергались учителя инонационалы (такой термин

[1] ГАМО в г. Кировске. Ф. 71. Оп. 2. Д. 43. Л. 39.
[2] ГАМО в г. Кировске. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1. Л. 45.

использовался в то время). Негласно среди них существовало две группы. Первая — белорусы, украинцы, татары — не испытывала на себе жёсткого контроля и находилась почти в равных условиях с учителями русской национальности. Иначе дело обстояло со второй группой, в которую входили немцы, поляки, латыши, эстонцы, финны. Учителя-финны в основном работали в финской неполной средней школе № 1.

Учитывая необходимость работы с ссыльными семьями, в 1932 г. была создана финская школа, просуществовавшая до 1937 г. Э. Г. Карху, сосланный из Ленинградской области в 1934 г. вместе со своими родителями, писал в воспоминаниях о том, что он, приехав в посёлок Юкспорйок, мог бы ходить в русскую школу-семилетку, располагавшуюся в ста метрах от барака, но без знания языка это было бы бессмысленно. Поэтому он был определён в финскую школу и вынужден был каждый день проделывать путь в 6 км.

Школа размещалась в стандартном одноэтажном бараке, учились в две смены, я — во вторую, с двух часов дня до шести-семи вечера. Осенью и зимой для Хибин это уже тёмное время — светло было, когда я выходил из Юкспора, а через полтора-два часа пути начинались уже сумерки, вечером же я возвращался в полной темноте»[1], — вспоминал он.

Кадровый состав школы представляли в основном этнические финны, в том числе и учителя Хакана и Ахонен, в конце 1935 г. были сняты с работы за «незнание русского языка», который они преподавали в школе[2]. Финскую школу часто проверяли инспекторы гороно. На основании архивных материалов можно сделать вывод о том, что в этой школе проводилась политика частых перемещений и увольнений. За один и тот же проступок учитель в обычной школе получал выговор, в финской — увольнялся с работы. Так, по результатам проверки 2 февраля 1935 г. был снят директор школы Сахамийс, причём одновременно он лишился и должности учителя. Ему предъявляли обвинения в дезорганизации работы школы. Кроме того, в деле содержится повторная просьба к облоно прислать специалиста-инспектора со знанием финского языка для более тщательной проверки школы. Несомненно, что контроль за работой директора финской школы в условиях усиливающихся репрессий был более пристальным, чем в обычной средней школе. Вероятно, поэтому Ольга Томасовна Кемпи, финка по национальности, отказалась принять должность директора школы, за что получила выговор с занесением в личное дело. Дела были временно переданы директору неполной средней школы № 2 Свистунову. Вместе с тем начальник гороно был вынужден

[1] Карху Э. Г. Малые народы в потоке истории. Исследования и воспоминания. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. 255 с.

[2] ГАМО в г. Кировске. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3. Л. 123.

пойти на утверждение специальной должности помощника директора по учебной части с окладом в 100 рублей, на которую и была назначена О. Т. Кемпи. В ноябре 1935 г. на должность директора был назначен этнический финн Арно Александрович Пельве. Основным выводом по результатам проверки учебной части школы было: «При подготовке и проведении любого урока в любом классе — проводить линию партийной выдержанности соответствующим подбором материала и правильным его освещением». Таким образом, основной задачей финской школы до момента её закрытия в 1937 г., когда правительство окончательно пошло по пути проведения репрессий и массовых переселений, было воспитание лояльности политическому режиму, изучение русского языка и насаждение советской культуры и идеологии.

В 1940 г. началась очистка приграничных с Финляндией районов от финского (а также от немецкого) населения. 26 июня 1940 г. бюро Мурманского обкома ВКП(б) приняло постановление о переселении семей инонациональностей с Кольского полуострова в Карелию и Алтайский край[1]. По организациям рассылались письма с грифом «секретно» с просьбой предоставить списки инонациональных сотрудников, которые подлежали депортации по национальному признаку в Карелию. Школы не стали исключением. Согласно архивным данным список учителей-инонационалов, отправленный в НКВД в сентябре 1939 г., включал 19 человек: 8 финнов, 6 немцев, 3 поляков, 1 латыша, 1 болгарку. Уже через год инонационалов, работающих в системе Кировского районо, насчитывалось 13 человек: 7 финнов, 4 немца, 1 латыш, 1 болгарка, причём 7 из них были членами ВЛКСМ. Вступление инонационалов в партийные организации объяснялось тем, что первоначально члены ВЛКСМ и ВКП(б) не подлежали выселению. Таким образом, к концу 1930-х гг. кадровая политика среди учительства становится более жёсткой, проводятся «чистки» работников образования по национальному признаку и социальному происхождению.

Учитель на Севере находился в полной зависимости от начальства. Он не мог выбирать место работы. За отказ принять учительство в школе педагог увольнялся. Учителя не хотели ехать в отдалённые сельские школы, где на одного учителя приходилось по четыре класса. Порой учитель, отправленный в отдалённые районы и проработавший там несколько месяцев, писал заявление об уходе с обязательством выплатить подъёмные деньги и средства, выделенные ему на переезд к месту работы. В любой момент педагога могли по распоряжению начальства перевести из одной школы в другую. Мотивы перевода были совершенно разными. Педагог школы на «19-м км» Е. В. Мохонько был переведён на другое

[1] Киселев А. А. Очерки этнической истории Кольского Севера. Мурманск, 2009. С. 74.

место работы в «целях разрешения нездоровой атмосферы среди педагогического коллектива»[1]. Перевод мог выступать и в качестве дисциплинарной меры: за пьянку и устроенный дебош учителю школы № 4 Мельникову был сделан выговор с предупреждением и переводом на работу в другую школу[2]. Квалифицированные учителя могли быть переведены из городских школ в сельские для повышения там уровня подготовки учащихся.

Строго было и с дисциплинарным режимом. Опоздания, пропуски уроков, отсутствие тематического плана строго фиксировались. Согласно решению ЦИК от 15 сентября 1932 г., учитель мог быть уволен за самовольный прогул без уважительной причины. Однако в условиях дефицита кадров подобная формулировка при увольнении была связана с тем, что человек самовольно уезжал с Севера (так называемая категория «летунов») или систематически нарушал трудовую дисциплину и тогда попадал в категорию «прогульщиков» (как правило, ими становились мужчины, неоднократно получавшие выговор за пьянство). В качестве основных трудностей в 1930-е гг. в деле становления народного образования можно назвать нехватку квалифицированного состава педагогов и большую «текучесть» кадров.

Таким образом, в 1930-е гг. социальный вектор развития образования был связан со спецификой состава населения нового индустриального района. Часть учителей на Севере составляли вынужденные переселенцы, получившие образование до революции, и молодые кадры, окончившие краткосрочные педагогические курсы. Параллельно с курсами на Севере началось создание широкой системы заочного обучения учителей, призванной дать выпускникам курсов законченное педагогическое образование. Дефицит педагогических кадров был связан не только с текучестью кадров, тяжёлым материальным обеспечением учителей и большой нагрузкой, но и с волной массовых репрессий, в ходе которых многие «инонационалы» (в основном финны и немцы) были высланы из района.

* * *

Поступательное развитие советской школы было прервано Великой Отечественной войной. Кировский район с первых дней войны оказался в прифронтовой зоне. Работа системы образования перестраивалась в соответствии с задачами военного времени. Школы № 1 и № 3 г. Кировска были приспособлены под эвакогоспитали. Подвальные помещения школ были переоборудованы под газо- и бомбоубежища.

---

[1] ГАМО в г. Кировске. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

[2] Там же. Л. 8.

Война наложила свой отпечаток на весь строй учебной жизни. Так, 1 сентября в Кировской школе № 1 каждый учитель начал свой урок с беседы о том, что нынешний учебный год начинается в условиях Великой Отечественной войны, которая требует перестроить всю работу школы на военный лад. Все школьники были ознакомлены с правилами поведения во время воздушной тревоги. «У дверей своего класса стоят малыши, некоторые из них первый день пришли в школу. Даже самые маленькие заняты обсуждением злободневных вопросов. Они внимательно слушают товарищей, которые понятным детским языком рассказывают, как выйти из местности, заражённой отравляющими веществами»[1], — так описывается обстановка в школе № 1 г. Кировска в первый сентябрьский день 1941 г. Работа школ осложнялась процессами эвакуации и реэвакуации населения в регионе[2]: за июль-август 1941 г. из Кировска уехало 18 тысяч жителей, в том числе 11,5 тысяч детей. В соответствии с постановлением Мурманского облисполкома об эвакуации детей из городов Мурманской области эвакуация детей до семилетнего возраста производилась с матерями, дети с 8 до 14 лет эвакуировались без родителей и распределялись по детским домам[3]. Работа по эвакуации детей школьного возраста легла на плечи работников образования. Согласно архивным документам, детей эвакуировали в Архангельскую, Вологодскую области, Мордовию, Татарию, где они размещались в интернатах и детских домах.

С самого начала войны детей школьного возраста эвакуировали из Мурманска, так как он особенно пострадал от бомбёжек. На заседании облисполкома 10 августа 1941 г. было принято решение об обязательной эвакуации детей[4] в интернаты в Кандалакшу, Мончегорск, Кировск. Осенью 1942 г. в Кировск прибыла первая партия детей в количестве 90 человек, а с 1 октября еще 160 старшеклассников. С октября 1942 г. заведующей интернатом в Кировске была Александра Петровна Смирнова. Она вспоминала, что под интернат было выделено четыре двухэтажных барака с печным отоплением. В интернате проживало около 450 человек. Количество детей менялось ежедневно: одни прибывали, кто-то уезжал, некоторые убегали.

Первые дни в интернате были настолько трудными, — писала она[5], *— что хаос, который творился кругом, трудно описать. Дети были всех возрастов, начиная с первого класса. Постоянно из Мурманска направляли подобранных детей, родители которых были неизвестно где (или на фронте, или выехали за пределы области), часто дети приезжали*

---

[1] Кировский рабочий. 1941. 3 сентября.

[2] ГАМО в г. Кировске. Ф. 7. Оп. 3. Д. 1. Л. 17.

[3] Кировск в документах и фактах 1920–1945 гг. 2006. С. 205

[4] Очерки по истории народного образования… 2006. С. 365.

[5] Цит. по: Подгорбунская Т. Память сильнее времени // ГАМО в г. Кировске (archive-kirovsk.ru).

сами. Все дети хотели есть, поэтому в столовую ходили бесчисленное количество раз. Во время обеда или ужина столовую брали штурмом, не соблюдая никаких очередей, очередностей, имён.

В связи с увеличением числа детей, эвакуированных из Мурманска в Кировск, в 1943–1944 гг. была расширена сеть школьных учебных заведений: в частности, увеличено число комплектов начальных классов по средней школе № 11, а также 5–7 классов, кроме того, было увеличено число классов в неполной Апатитской средней школе[1]. Интернаты действовали до лета 1944 г., затем все воспитанники, кто имел родственников, вернулись домой. Но осталось и много сирот, которым некуда было возвращаться. Кировский интернат был переформирован в детский дом № 3.

Жизнь в интернате была нелёгкой. В комнатах жили по 2–5 человек. Обустраиваться на новом месте было очень тяжело. Не хватало самого необходимого, кроватей, посуды, с трудом были подобраны воспитатели и обслуживающий персонал. В одном из писем воспоминаний рассказывается, как дети делали для фронта домино из деревяшек и в то же время пытались бежать из интерната домой в Мурманск.

Поезд из Кировска уходил ночью, и мы группой тайком пробирались на вокзал. Прятались под лавку и доезжали до станции Апатиты, а там на другой поезд, до Мурманска. Побудем день у родителей, а другой ночью возвращались в Кировск, а утром шли на учёбу в школу. Учиться старались как можно лучше, считали, что хорошей учебой мы помогаем старшим разгромить врага[2], — писала в воспоминаниях Т. А. Иванова.

У одного из воспитанников Кировского интерната Василия Сахно осталось в памяти, как детей по ночам на телеге возили в баню[3]:

Для страховки сверху одеялами закрывали. Мне очень хотелось посмотреть, что там снаружи? Я откидывал край одеяла, но в темноте видел только звёзды.

Учебный 1942/1943 года школы также встретили в тяжёлых условиях военного времени: тетрадями школы были обеспечены лишь на начало учебного года, в продаже отсутствовали ученические ручки. В школе не хватало электролампочек. Многие учащиеся нуждались в одежде и обуви[4]. Несмотря на столь сложную обстановку, со стороны правительства и местных органов принимались меры для продолжения учебного процесса. Количество запланированных учебных занятий, тем не менее, также сокращалось по объективным причинам. Нормальный ход

---

[1] Кировск в документах и фактах, 1920–1945 гг.: хрестоматия / Арх. упр. Мурманской обл., Гос. арх. Мурманской обл. Кировск, 2006. С. 234.

[2] Цит. по: Дранишников В. В., Манухин В. П., Дудакова Е. Ф. Очерки истории народного образования Кольского края. С. 189–190.

[3] Там же. С. 365.

[4] ГАМО в г. Кировске. Ф. 71. Оп. 1. Д. 51Б. Л. 59.

учебных занятий прерывался в зимнее время из-за отсутствия топлива и электроэнергии. Занятия были вынуждены прекращаться во время вражеских бомбёжек и артиллерийских обстрелов. Свидетельница тех лет Егорова Светлана Андреевна вспоминает, что их семью должны были эвакуировать в г. Иваново. Мама в то время работала в саду, где был карантин по кори, поэтому в эшелон их семью не взяли, так всю войну они прожили в Апатитах, в военное время здесь действовала только начальная школа, где дети учились с 1-го по 4-й класс. Ребята постарше учились в Кировске и жили в интернате. Светлана Андреевна Егорова вспоминает[1], что в начале зимы 1941 г. была сильная бомбёжка. Рядом с интернатом находились зенитки, которые стали стрелять по немецким самолётам, а те, в свою очередь, бросали бомбы по зениткам.

Было слышно, как вначале бомба летит 71 со свистом, а затем взрыв. Дети все были перепуганы, некоторые плакали. А наши родители всю ночь стояли на улице, видели это зарево, слышали взрывы и гул самолётов и не знали, живы ли мы или нет. А наутро приехали и забрали нас, сказали, что если умирать, то вместе.

О вражеских бомбёжках вспоминает и жительница посёлка Апатиты Кучина Валентина Михайловна[2]. Её отец в первый же год войны ушёл на фронт, а мама с четырьмя детьми не решилась ехать в эвакуацию.

Осенью этого страшного года я пошла в школу. Мама уходила на работу очень рано, и до того как отправиться в школу, я и старшая сестра должны были снести малышей в ясли в Тик-Губу. Три раза в день как по расписанию прилетали самолёты и бомбили аэропорт, железнодорожную станцию, депо и летели дальше в Кировск. Днём из школы как по сигнальной тревоге ученики убегали в бомбоубежище, а затем возвращались и снова продолжали учиться. После школы мы собирали золу для полей, макулатуру, металл. Было мало учебников. Давали один на троих или четверых, тетради делали из оберточной бумаги или газет. Хватили мы и голода, и холода.

В военные годы серьёзной проблемой организации учебного процесса являлась острая нехватка школьного инвентаря, учебников и письменных принадлежностей. О необеспеченности школ необходимыми пособиями сообщалось в заметке «Скупка учебников — дело большой важности», опубликованной в газете «Кировский рабочий» 19 июля 1942 г., которая призывала все комсомольские организации оказать помощь в скупке у учащихся и населения подержанных учебников для обеспечения ими школьников[3].

---

[1] Была война. К 60-летию победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Воспоминания детей г. Кировска и Апатитов о войне // Из фондов Архива библиотеки им. Л.А. Гладиной г. Апатиты.

[2] Там же.

[3] Кировский рабочий. 1942. 19 июля.

Особо остро стоял вопрос с организацией питания школьников. Фактически уже зимой 1941 г. Кольский полуостров оказался отрезанным от центра страны. В декабре 1941 г. немцы захватили Петрозаводск, перерезали Кировскую железную дорогу — основную магистраль, связывавшую наш регион с центром страны. Подвоз продуктов практически прекратился. Основными сельскохозяйственными предприятиями в те годы были совхоз «Индустрия» и колхоз «Заполярный труд» в посёлке Тик-Губа. В годы войны увеличилось число подсобных хозяйств, деятельность которых также была направлена на обеспечение жителей продуктами питания. На полях совхоза «Индустрия» работали все: и взрослые, и дети. Во время войны у всех были коза, огороды; ходили в лес за грибами и ягодами. Практически каждая школа имела свой участок, на котором трудились школьники.

Свидетельница тех лет С. А. Егорова вспоминает[1]:

В доме всё стало по-другому: знакомых почти никого не было. Продуктов не хватало, особенно хлеба. Всё выдавалось по карточкам. Есть хотелось всегда. Дома в наши обязанности входило выучить уроки, наносить воды и дров, а также полностью следить за порядком в доме.

В целях обеспечения школьников питанием во всех школах организовывались горячие завтраки за счёт помощи колхозов и выделения картофеля и овощей от подсобных хозяйств предприятий и учреждений. Школьники должны были бесперебойно получать в день 50 г хлеба и 10 г сахара или кондитерских изделий. На предприятия местной промышленности и кооперации была возложена задача изготовления для школьников одежды и обуви. З. Г. Мирохина-Гришина, в 1943 г. поступившая в Кировский интернат, вспоминает:

Когда мы были на кухне, нужно было чистить картошку, а мы ели её сырой, она нам нравилась. На ужин давали кусок хлеба, кусок свиного сала и стакан чая. Сало давали со шкуркой, которую мы жевали весь вечер как жвачку.

Школьница тех лет Пимкина Римма вспоминала[2]:

...Школьный завтрак. Тяжёлый сыроватый брусочек чёрного хлеба, маленькая горка сахарного сероватого песка на клетчатой салфетке. Мы макали хлеб в песок… Как вкусно! До сих пор у меня сохранилось трепетное отношение к хлебу.

Учебный процесс в годы войны в основном осуществлялся в соответствии со сложившимися к концу 1930-х гг. программами, формами и методами обучения. Вместе с тем, в условиях военного времени

[1] Была война. К 60-летию победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Воспоминания детей г. Кировска и Апатитов о войне // Из фондов архива библиотеки им. Л.А. Гладиной г. Апатиты.

[2] Там же.

происходила перестройка содержания и структуры учебно-воспитательной деятельности, в особенности это коснулось допризывной подготовки учащихся. СНК СССР 11 августа 1941 г. издал постановление «Об усилении военной и физической подготовки учащихся в 8–10 классах средней школы». Согласно рекомендациям правительства, Наркомпрос РСФСР увеличил количество учебных часов на военно-физкультурную и военно-санитарную подготовку в восьмых классах — с 1 до 3 часов, в девятых — с 2 до 4 часов, в десятых — с 2 до 5 часов за счёт сокращения часов по истории, географии и литературе. В соответствии с постановлением ГКО СССР от 17 сентября 1941 г. «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР», юноши и девушки, достигшие 16 лет, должны были проходить обязательную военную подготовку. В этих целях в старших классах было введено обязательное военно-физическое обучение. В отчётах о работе школ Кировского района учителя призывались «с особым вниманием отнестись к испытаниям по военному делу, так как они более сложны, чем по другим предметам». Опытные учителя должны были помочь военрукам точно рассчитать время, спланировать и провести проверочные испытания[1]. С начала 1942 г. было введено изучение основ сельского хозяйства как предмет школьного обучения.

Главным делом для школьников оставалась учёба, но после неё старшеклассники осваивали основы производства. При артели «Заполярный артельщик» были открыты специальные мастерские по производственному обучению швейному сапожному делу[2].

З. Г. Мирохина-Гришина, воспитанница Кировского интерната, вспоминала[3], что они с подругой, помимо работы на ферме, решили найти ещё какое-нибудь полезное дело и пошли в госпиталь, располагавшийся в школе № 1, чтобы помогать медперсоналу.

Мы ухаживали за ранеными: писали письма, мыли посуду после еды, по просьбе раненых звали медсестру или санитарку.

Особое внимание уделялось занятости младших школьников в дни летних каникул. Для организованной работы с детьми создавались пионерские лагеря, отличительной чертой которых являлось введение в лагере самообслуживания[4]: дежурство по кухне и в столовой, уборка палат, колка и пилка дров, подноска воды, хлеба, молока из магазина и т. д. В дни каникул школьники посещали с экскурсиями Ботанический сад, Юкспорскую метеостанцию, Ловчорритовый рудник, занимались и общественно полезной работой: было собрано 49 кг мать-мачехи в сыром

[1] Кировский рабочий. 1943. 1 апреля.

[2] Там же. 28 февраля.

[3] Была война. К 60-летию победы в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Воспоминания детей…

[4] ГАМО в г. Кировске. Ф. 71. Оп. 1. Д. 51Б. Л. 46, об.

виде и 1,5 кг в сухом, 13 кг цветов черёмухи в сыром виде, 3 кг толокнянки в сухом виде. Заготовлено на корм скоту для лечхоза 405 шт. веников и 450 кг иван-чая. Собрано 388 кг черники[1].

В годы войны существенно изменилось содержание внеклассной и внешкольной работы с учащимися. Главным стало военно-патриотическое воспитание школьников, использование свободного от учебных занятий времени для посильной работы в сфере производства, участия в общественной жизни. В школе-интернате систематически выпускались бюллетени[2], посвящённые Великой Отечественной войне, и «Боевой листок», рассказывающий о жизни учащихся в школе и помощи, оказываемой фронту.

В местной прессе то и дело появлялись заметки о вкладе юных граждан в дело борьбы с врагом. Так, в статье «Вклад пионерки» рассказывалось о Тамаре Логиновой[3], которая отдала в фонд обороны Родины все свои скромные сбережения — 12 руб. 50 коп., которые она на протяжении нескольких лет собирала в своей копилке. Широкое распространение среди кировских школьников получила организация концертов. В программу входили декламации, художественное чтение, песни, танцы. Школьники выступали не только перед ранеными бойцами в госпиталях, но и перед жителями города, а концерты были даже записаны на радио[4].

Самоотверженный труд многих педагогов Кировского района по воспитанию и обучению подрастающего поколения в тяжёлое военное время был отмечен высокими государственными знаками отличия. К вручению медали «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» было представлено 17 учителей г. Кировска и района[5]. Не только взрослые, но и школьники были представлены к награждению. Так, в список участников обороны Советского Заполярья был включён учащийся средней школы № 1 Струнин Олег Борисович[6], принимавший активное участие в строительстве бомбоубежища школы и тушении пожаров, причинённых налётом вражеской авиации 13 апреля 1943 г.

Таким образом, годы Великой Отечественной войны были для школы, как и для всей страны, огромным испытанием. Первоочередными задачами для школы были обеспечение безопасности детей, социальная опека, организация учебного процесса с акцентом на патриотическое и трудовое воспитание.

---

[1] ГАМО в г. Кировске. Ф. 71. Оп. 1. Д. 51Б. Л. 46, об.

[2] ГАМО в г. Кировске. Ф. 10. Оп. 1. Д. 44. Л. 60.

[3] Кировский рабочий. 1942. 3 октября.

[4] Салимова С. М. Кировские школьники в годы Войны // Кировский рабочий. 2006. 4 мая. С. 4.

[5] ГАМО в г. Кировске. Ф. 71. Оп. 1. Д. 91. Л. 110–111.

[6] Там же. Оп. 9. Д. 77. Л. 6.

Сельская школа в контексте этнической культуры

Широкое развитие сети школьных учреждений в советский период затронуло места компактного расселения коренных народов Севера. Изучение опыта советской школы представляется актуальным по ряду причин. Во-первых, неоднозначная оценка такого опыта со стороны представителей самого коренного населения, во-вторых, существенное влияние, которое школы оказали на процесс передачи традиционной культуры саами. В советской историографии, начиная ещё с работ В. К. Алымова[1], высоко оцениваются успехи образовательной политики по повышению уровня грамотности коренного населения Кольского Севера. Вместе с тем современные исследования показали, что школьная образовательная политика Советского государства по отношению к коренным малочисленным народам Севера была существенным фактором в разрушении их традиционного уклада жизни и утрате языков коренных малочисленных народов[2]. Изучение особенностей школьной образовательной системы, которое было проведено на примере села Ловозеро, позволило проследить изменение практик реализации государственной образовательной политики в отношении коренного населения Кольского Севера[3], а также выявить сложности адаптации саамов к обучению в школах-интернатах, активно действовавших на территории Кольского Севера в советский период.

Исследование образовательных практик в сельских школах базировалось на изучении архивных материалов фондов Государственного архива Мурманской области в г. Кировске. Основной массив документов, использованных нами, представлен в фондах Ловозерского волисполкома за 1920–1927 гг. (Ф. Р.-145), Ловозерского райисполкома за 1928–1993 гг. (Ф. Р.-146) и Отдела народного образования Ловозерского райисполкома, охватывающего период с 1927 по 1990-е гг. (Ф. Р-139).

На основании изучения архивных материалов были сделаны выводы о том, что в конце 1920–1930-х гг. происходил поиск форм национальной школы, способной эффективно работать в условиях Крайнего Севера[4]. Чтобы обеспечить процесс обучения детей коренного населения, был

---

[1] Алымов В. К. О грамотности населения тундры // Полярная правда. 1929. 19 января. С. 3.

[2] Северные интернаты и трансформация традиционной культуры: на примере ненцев Ямала: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / Елена Владимировна Лярская. СПб., 2003. 309 с.

[3] Человек в контексте советской и постсоветской локальной истории: Кольский Север: отчёт о НИР. Апатиты, 2013. С. 11.

[4] Казакова К. С., Пация Е. Я. Проблемы школьной социализации саамских детей: исторический ракурс // Феномен социализации в этнической культуре: материалы XI Этнографических чтений. СПб.: СПГУТД, 2012. С. 140–144.

выработан гибкий механизм функционирования национальной школы, учитывающий кочевой образ жизни детей и их родителей: сокращение учебного года, дополнительные группы, функционирующие в зимнее время. В большинстве случаев школы в погостах были смешанными: в них обучались саами, коми, русские, ненцы. Преподавали в большинстве школ молодые учителя, отправляемые в Ловозерский район по распределению. Обучение саамов и коми-ижемцев в школах велось на русском языке, в отличие, например, от их соседей-финнов, также проживавших в Мурманском округе Ленинградской области. Как показало исследование, именно языковая адаптация была одной из серьёзных проблем школьной социализации.

В ходе исследования внимание было обращено на процесс внедрения советской системы обучения в среду коренного населения. В Ловозере, в отличие от городской школы, наблюдались противоречия между идеалами советской системы обучения и семейными ценностями. В конце 1920-х гг. основное внимание Ловозерского исполнительного комитета было направлено на антирелигиозную пропаганду. Документы свидетельствуют о том, что в конце 1920-х гг. посещение школы в дни религиозных праздников резко падало, дети вместе с родителями соблюдали «посты и церковные обряды»[1]. Система образования была призвана заменить «устаревшие» семейные традиции на новые, такие как кружковая работа и пионерское движение. Содержание пионерской работы в СССР строилось по основным направлениям воспитания — общественно-политическое, интернациональное и атеистическое[2]. Учебная работа в школе была тесно связана с воспитательной, в основе которой лежало внедрение в сознание детей элементов коммунистической идеологии. В отчётах о ходе такой работы по Ловозерскому району признавалось, что она «хромает», в качестве причин называлась «некультурность населения», религия и частично кулачество. Как отмечают исследователи советской школы, пионерия влияла на все аспекты детской жизни, ставя ребёнка в условия выбора между «правдой» школы и «правдой» семьи[3].

В среде коренного саамского населения такая работа в первые годы не пользовалась популярностью и велась только благодаря тому, что через школу происходило снабжение учащихся одеждой и обувью при условии, что обязательства родителей о том, что ребёнок будет посещать школу

---

[1] ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 3. Л. 11–12.

[2] Балашов Е. М. Политика в области школьного, профессионально-технического и среднего специального образования, 1917–1941 // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х — 1930-е годы). М.: НЛО, 2019. С. 476.

[3] Перова М. А. «Всем ребятам пример»: пионерорганизация как механизм создания советского человека // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сб. науч. тр. Екатеринбург: Урал. федер. ун-т, 2018. С. 392–400.

от начала и до конца учебного года, а привлечение детей к пионерской работе исключительно «за угощения». Таким образом, в первые десятилетия советской власти осуществлялся поиск образовательной модели, а привлечение детей в школу происходило благодаря материальной поддержке семей. Пройдя первичную социализацию в рамках школьного пространства, дети должны были впоследствии сами выступать агентами социализации взрослого населения. В 1929–1930 гг. были организованы специальные школьные экскурсии с целью добиться на «лопарской» стороне устройства общественной бани, уборных и свалок мусора. Между классами проводились социалистические соревнования за посещаемость в дни религиозных праздников, антирелигиозная пропаганда и запрет каких-либо обрядов «религиозного дурмана». Следуя учебному циклу, дети постепенно все меньше участвовали в хозяйственной кочевой жизни семьи, постепенно утрачивая навыки традиционного хозяйствования.

Исследователями отмечено, что уже к концу 1920-х гг. оформился механизм реализации национально-культурной политики как мобилизационной, интернационалистской, социально-классовой доктрины с использованием образовательных, пропагандистских и репрессивных ресурсов[1]. Процесс нивелирования культурно-исторической специфики народов прослеживается и в отношении саамского населения.

На основании архивных документов, выявлено, что с начала 1930-х в образовательной политике происходят серьёзные перемены, предполагающие использование универсальной схемы образования. Для воплощения такой политики в 1930-е гг. в с. Ловозеро при школе начинает действовать интернат, где проживают дети из отдалённых погостов, вместе с тем небольшие «карликовые» школы с количеством учащихся не более 10 человек закрываются. Вследствие этого от семьи стали отрывать детей даже «оседлых» родителей. Поскольку к этому времени окончательно прекращают своё действие кочевые школы, интернаты остаются практически единственной формой учебных заведений для коренных народов Севера. Основная задача в этот период видится уже не в том, чтобы развить коренные культуры, сохраняя и используя то уникальное и ценное, что в них существует, а в том, чтобы принципиально их изменить, «поднять» коренное население и его хозяйство до «культурного» уровня. С этого момента целью обучения детей становится уже не подготовка из них грамотных оленеводов и рыбаков, а передача им некоторого стандартного набора формальных знаний, нередко абсолютно не связанных с предыдущим жизненным опытом детей, с образом жизни их родителей.

---

[1] Красовицкая Т. Ю. Советская национально-культурная политика: организационно-правовой аспект (1917–1929 годы) // Расписание перемен: Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи — СССР (конец 1880-х —1930-е годы). М., 2012. С. 675.

Некоторые семьи продолжали брать детей с собой в кочевья, что, по мнению районного начальства, расценивалось как пассивное сопротивление введению всеобуча и ликвидации неграмотности. Таких родителей вызывали на «беседу» в сельский совет, а также под грифом «секретно» обращались в Мурманское окроно с просьбой выслать «обязательное постановление о принятии репрессивных мер»[1]. В целом исследование показало, что в 1930-е гг. саамские дети испытывали трудности в адаптации к школе, являющейся для них качественно иной социальной средой, а родители, продолжающие вести традиционный для саамского населения кочевой цикл хозяйствования, оказывали пассивное сопротивление проводимой образовательной политике.

Изучение практик адаптации коренного населения Кольского Севера к обучению в школах-интернатах было продолжено в рамках регионального проекта РГНФ «Русский Север: история, современность, перспективы», проект № 13-12-51010 «Коренные народы и устойчивое развитие местных сообществ Севера и Арктики РФ». Проект был направлен на исследование современного положения и перспектив коренных народов в контексте развития местных сообществ Севера и Арктики РФ в целом. Теоретическую базу исследования составили положения концепции устойчивого развития, особенностью являлось применение междисциплинарного подхода к изучению местных сообществ коренного населения арктических территорий РФ[2]. Социально-антропологическое исследование, проводившееся в рамках проекта, было направлено на изучение особенностей социализации детей во время обучения в школах-интернатах в позднесоветский период, а также особенностей сохранения таких элементов саамской культуры, как одежда, язык, особенности питания. Исследование включало в себя серию устных интервью с представителями коренного населения, имевших опыт обучения в школах-интернатах[3].

С поступлением ребёнка в школу-интернат у него появлялось новое социальное окружение — дети и учителя. Пространство школы-интерната с. Ловозеро делилось на две составляющие — это собственно школа, которую посещали как воспитанники интерната и дети, живущие вместе

[1] ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 3. Л. 304.

[2] Коренные народы и устойчивое развитие местных сообществ Севера и Арктики РФ: отчёт о НИР № 13-12-51010 / Виноградова С. Н.; Российский гуманитарный научный фонд. 2014.

[3] Казакова К. С. Школьная образовательная система для детей коренного населения Кольского Севера: модели социального взаимодействия // Сибирский сборник — 4: Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой. 2014. С. 523–530.

с родителями в посёлке, и интернат, состоявший из общежития, столовой, приусадебного участка. Пространственное расположение определяло и характер социальных связей. По воспоминаниям информантов, межличностные отношения в детском коллективе были в целом спокойными, но респонденты отмечали, что между воспитанниками интерната и детьми, проживающими в посёлке, существовала определённая конфронтация. Предметом насмешек становилась этническая принадлежность воспитанников интерната, которая проявлялась прежде всего в ношении традиционной одежды. Этническая принадлежность являлась и предметом общешкольных конфликтов, в которых саамские дети объединялись с прочими воспитанниками интерната в столкновениях с «обидчиками», часто предметом стычек выступало использование саамского языка между воспитанниками.

Все воспитанники интерната, независимо от этнической принадлежности, были объединены общими условиями существования. Бытовые трудности сближали саамов и детей неблагополучных родителей. Тем не менее в ретроспективных оценках информантов прослеживается разграничение детского коллектива интерната на «мы», под которыми подразумевались дети коренных народов, родители которых работали в тундре, и «они» — дети из неблагополучных семей, отправленных в интернат. Респонденты высказывали сожаление, что из-за смешанного состава детей на саамов, живущих в интернате, переносилось клеймо социальной неблагополучности.

Основная задача, которая ставилась перед воспитанниками интерната, заключалась в том, чтобы они ничем не отличались от «обычных» детей. Это касалось прежде всего внешнего облика, поведения и языка. Задача привить необходимые навыки возлагалась на воспитателей и учителей. Судя по воспоминаниям информантов, личность учителя во многом определяла процесс приобщения детей саами к советской культуре. Так, воспитанники интерната в посёлке Гремиха Мурманской области с благодарностью вспоминают воспитателя интерната, заботливо учившую девочек завязывать банты, так чтобы они ничем не отличались от детей военнослужащих. Иная ситуация была в интернате в посёлке Ловозеро, где строгость воспитателей была чрезмерной, заставлявшая саамских детей чувствовать себя «людьми второго сорта или даже третьего». В ходе исследования многие респонденты отмечали, что в первые годы испытывали трудности в обучении. Самые обыкновенные для школьника вещи, например, такие, как сидеть с карандашом за письменным столом, были для саамских детей непривычными. Отмечали респонденты и языковые проблемы, из-за слабого владения русским языком некоторые ученики проводили в одном классе по два года. Для того чтобы дети быстрее осваивали русский язык, им запрещалось

разговаривать между собой на саамском. Постепенно слабо владеющих русским языком детей становилась всё меньше, так как с переходом на оседлый образ жизни они большую часть времени жили в посёлке и к моменту зачисления в интернат уже не испытывали языковых проблем.

С поступлением в интернат семейные традиции воспитания, принятые в саамских семьях, вступали в противоречие с новыми социокультурными образцами поведения. Респонденты отмечают, что в саамских семьях родители воспитывали детей, прежде всего, своим примером, а отсутствие наказаний до определённого времени являлось одной из характерных черт их традиционного воспитания. В интернате обязательный общественно полезный труд воспринимался как тяжёлая повинность. Негодование информантовтакже вызывало стремление начальства «приукрасить» жизнь интерната. Так, например, замена жестяной посуды на «нормальную», «человеческую» происходила только в дни инспекторских проверок.

Саамские дети тяжело воспринимали такие обязательные моменты жизни интерната, как питание по режиму, вечернюю линейку, на которой перед всем детским коллективом отчитывали провинившихся и двоечников, а также вечернее пение «Интернационала», им трудно было привыкнуть к тому, что их укладывают спать, когда им ещё этого совершенно не хочется, запрещают лежать на кроватях днём в неположенное время. Чувство замкнутости, обязательности в интернате в оценках респондентов, противопоставлялось «свободной» жизни в тундре, куда воспитанники интерната ездили только летом.

Родители, согласно высказываниям респондентов, занимали по отношению к школе позицию стороннего наблюдателя. Испытывая различные социальные трудности, многие саамские семьи были рады, что их дети находятся на полном государственном обеспечении. Таким образом, ребёнок попеременно находился в совершенно разных системах социальных связей — семейной и общественной. Эти системы друг с другом почти не взаимодействовали.

С ростом национального самосознания саами меняется и взгляд на систему образования. Весьма показательны в этом отношении публикации сторонников и противников школы-интерната в посёлке Ловозеро в местной прессе в начале 1990-х гг., в которых существовавшие на протяжении десятилетий в стенах интерната скрытые конфликты получили огласку и широкий резонанс в местном сообществе.

Биографические данные респондентов в целом позволяют сделать вывод о том, что отношение к школе-интернату зависело от семейных (личных) обстоятельств. Так, в ходе исследования одна из информанток вспоминала, что в интернате проводила почти всё время, любила участвовать в различных общественных мероприятиях и даже на каникулах

«не рвалась домой». Причина заключалась в том, что время учёбы совпало с переселением варзинских саамов в посёлок Ловозеро. Сам процесс происходил довольно тяжело, и многочисленная родня, не имея ни жилья, ни работы, проводила время у родственников в Ловозеро в бесконечных пьянках. На каникулах 12-летняя девочка, чтобы не возвращаться домой, устроилась нянькой в воинскую часть. После окончания интерната уехала из посёлка, поступив по распределению роно в Новосибирск. Во многих саамских семьях, испытывающих социально-экономические трудности, обучение в школе-интернате воспринималось как благо, поскольку дети получали и государственное обеспечение, и возможность выбора между традиционным и «советским» образом жизни. Окончание школы-интерната давало возможность получить профессию, не связанную с традиционным образом жизни. Многие респонденты говорят о своём стремлении изменить традиционный для саамов уклад жизни.

Другая группа респондентов, напротив, отмечала, что интернаты сыграли не последнюю роль в процессе трансформации традиционного образа жизни саамов. Отрыв молодёжи от своих истоков, традиционных занятий повлиял и на снижение уровня занятости молодёжи в этих сферах хозяйствования. Сами же они предпочли остаться в посёлке, несмотря на имеющиеся возможности получения дальнейшего образования. Таким образом, ретроспективный анализ учебного опыта оказывается тесно связан с жизненными установками респондента, стремлением сохранить традиционный для коренного населения образ жизни или с желанием изменить за счёт полученного образования своё социальное положение.

Результаты проведённого исследования созвучны с воспоминаниями саамов, приведёнными в книге Лукаса Аллемана[1]. Автор ставит себе задачу с помощью методов устной истории реконструировать историю переселения кольских саамов. В книге приводятся неоднозначные оценки респондентов советского прошлого. Одни в целом довольны советской властью и ругают только школьную систему, на которую возлагают ответственность за изгнание саамского языка из повседневного обихода, в результате чего младшее поколение не владеет родным языком. Параллельно с этим высказывается мнение, что сами саамы проявили в этом вопросе низкий уровень национального самосознания[2]. В книге

[1] Allemann L. The Sámi of the Kola Peninsula. About the life of an ethnic minority in the Soviet Union. Tromsø: University of Tromsø, Centre for Sami Studies, 2013.

[2] Бодрова О. А. Рецензия на монографию Лукаса Аллемана «Саамы Кольского полуострова. О жизни этнического меньшинства в Советском Союзе» // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 5. 2014. № 2 (21). С. 190–196.

также приводится биография саами, лично пережившей переселение и его трагические последствия для своей семьи, вследствие чего она критически оценивает почти все реалии советской эпохи, но тем не менее хвалит школьную систему, благодаря которой её дети выучили русский язык, что позволило им интегрироваться в новые экономические реалии постсоветского пространства.

В целом, социальное взаимодействие между саамскими семьями и государственными образовательными учреждениями было вынужденным. Поэтому и отношение к интернатам в саамском обществе было неоднозначным. С одной стороны, новые формы государственной социализации привели к утрате этнической культуры, с другой — они способствовали интеграции саамских детей в советское общество. В пространстве школы-интерната кардинально менялись условия и формы социализации детей, что привело к постепенному нивелированию этнических особенностей коренного населения.

В ходе проведённого исследования ретроспективы развития культурно-образовательной среды кольских саамов особое внимание уделялось изучению языковой среды и влиянию образовательной политики на языковые процессы в указанной этнической группе. Вплоть до 1970-х гг. саамский язык не преподавался в школе, а использовался только в домашней обстановке. Как отмечают носители языка, постепенно в молодых семьях русский язык стал вытеснять саамскую речь. Немалую роль в этом процессе сыграло и обучение в школах-интернатах, где воспитанники были лишены возможности говорить на саамском языке. Изучение современной языковой ситуации показало, что в условиях дефицита эффективных государственных программ поддержки языка саами, наиболее эффективным способом ревитализации является использование его в коммуникативной среде семьи, культурно-образовательные установки которой нацелены на сохранение этнической специфики[1].

Таким образом, школьная образовательная политика советского периода не столько привела к увеличению числа грамотных среди коренного населения, сколько запустила трансформацию традиционной культуры коренного населения, изменив процессы и каналы социализации молодого поколения.

[1] Казакова К. С. Специфика процессов языковой и культурной коммуникации в современном саамском сообществе // Вестн. Череповецкого гос. ун-та. 2014. № 4. С. 50–53.

ГЛАВА 8
СЕМЬЯ В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КОЛЬСКОГО СЕВЕРА

Формирование направления и некоторые методологические основания

На сегодняшний день изучение семьи, её культуры и истории, надо признать, как никогда актуально. В первую очередь об этом свидетельствуют острые общественные дискуссии, в которые вовлечены разные группы населения и социальные институты, — от обсуждений в социальных сетях до дебатов на уровне высших государственных структур. От понимания сущности семьи, проблем её функционирования в качестве социального института и малой группы, жизнь в которой влияет на социальное (и не только) самочувствие людей, зависит принятие даже важных политических решений. Не утихает и научная полемика, касающаяся коренной проблемы идентификации того социального образования, которое по-русски принято обозначать как «семья», и вопросов о его исторических и современных типах, структурах, функциях и многом другом. Влияние семьи на общественное развитие связано с тем, что она «ответственна» не просто за воспроизводство человека, но за воспроизводство и производство культуры. В этом отношении её значение «глобально», поскольку касается самосохранения человеческих популяций, социальности человека.

Несмотря на видимую ясность и общеупотребительность понятий «семейная культура», «этнокультура» и подобных, у исследователей того, что принято называть семейными традициями, остаются не до конца решёнными вопросы теоретико-методологического характера. Обращение к этнокультурным аспектам изучения семьи требует прояснения позиции исследователей во всём, что касается объектно-предметной области. В принятом нами определении (расширенном и одновременно специализированном по отношению к объекту) культура семьи — это совокупность моделей поведения и коммуникации, которые оформляют жизнедеятельность группы, и результат культуротворческой деятельности семьи в единстве его овеществлённых и ментальных феноменов.

Семья — коллективный носитель традиции определённого общества, в котором она существует и к которому принадлежит, но в то же время культура каждой семейной группы в чём-то уникальна, так как семья не только использует и передаёт культурные ценности, а также адаптирует, преобразует и сама создаёт их.

С конца 1990-х гг. социологи разрабатывали идею о том, что семья может и должна рассматриваться в качестве самостоятельного социально-политического субъекта, поскольку в тот кризисный пореформенный период она приняла на себя ответственность за образование детей, здравоохранение, экономическое положение, культуру, компенсируя деятельность многих социальных институтов. Само существование семьи предполагает её взаимодействие с другими институтами и наличие своих стратегических целей. В качестве социокультурного института, отвечающего за воспроизводство и создание культурных норм и ценностей, семья не может не иметь собственной культурной политики. Это относится и к семье-институту, и к семье-группе, выстраивающей с обществом свои взаимоотношения. Культурно-политическая функция семьи связана, прежде всего, с социализацией нового поколения и включает как собственно воспитательную деятельность, так и проектирование будущего жизненного пути детей, определяемого образованием.

Отвечая за сохранение и трансляцию этнической и национальной культуры, семья является «очагом сопротивления» глобализации, но может и отказаться от этой роли, а потому есть смысл говорить о том, что у семьи есть своя этнополитика. Она особенно проявляется у гетероэтнических семей и у семей, переселившихся в инокультурную среду. На семейном уровне разворачиваются важные этнокультурные процессы. Семьи определяют свои приоритеты культуропотребления, сохранения собственного и общественного культурного наследия, вырабатывают или поддерживают критерии приемлемости той или иной культурной продукции[1]. Заинтересованная в самосохранении семья нуждается в собственной истории, всегда уникальной, но соотнесённой с национальной историей. Чтобы превратить «память» в «историю» и, может быть, сделать её частью общего достояния, нужна целенаправленная деятельность. Семейная культура воздействует на общественное развитие, поэтому её национальные и региональные особенности, функционирование семьи и родства, а также практические аспекты, связанные с актуальностью семейного опыта и сохранения семейного культурного наследия, приоритетны для гуманитарных наук. Естественно, что проблематика семьи и родства не могла оставаться без внимания при изучении этнокультурной истории и современных социально-культурных процессов на Кольском полуострове. Процесс

[1] Разумова И. А. Культурная политика современной российской семьи: подходы, исследования, практика // Карельская семья во второй половине XIX — начале XXI в.: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций: сб. ст. и материалов / сост. и ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2013. С. 66–86.

колонизации и производственная специализация территории сказались на численном и поколенном составе семьи, гендерных, профессиональных и других особенностях. Этнокультурная специфика связана с традициями аборигенных, старожильческих и мигрировавших групп, а также с их взаимодействиями, которые приводят к созданию гетероэтнических семей. Наблюдается многообразие типов семей и различных культурных конфигураций.

Развитие регулярных исследований истории и культуры современных семей было во многом обусловлено тем, что с 2003 г. в штате МЦНКО начала работать специалист в этой области и автор недавней на тот момент монографии «Потаённое знание современной русской семьи»[1]. Работа была посвящена знаниям и представлениям современного человека о родстве, предках, историях создания и распада семей, о том, как отечественная история отразилась в судьбах родственников, а также другим аспектам семейной культуры, прежде всего, устной словесности российской семьи конца XX в. на материале семей Северо-Запада России. Полевые материалы по Мурманской области к исследованию не привлекались, а публикации к тому времени были немногочисленны. Между тем культура и история семей крайнего северо-западного арктического региона России вызывала большой научный интерес.

Для проведения исследований требовался сбор массового материала. Эту задачу удалось выполнить благодаря сотрудничеству с гуманитарным факультетом Кольского филиала ПетрГУ, прежде всего с кафедрой философии и социологии и кафедрой филологии. Педагоги высшей школы хорошо понимают и научное, и образовательное, и воспитательное значение таких тем. В собирании материала приняли участие: студенты 3–5-го курсов отделения социологии, которые изучали дисциплины «Социология семьи», «Социология культуры», «Социальная антропология», «Этносоциология» и осваивали методику качественных социологических исследований; студенты-филологи, которым на первом курсе преподавалась фольклористика и, соответственно, методы сбора устных текстов; студенты кафедры истории, знакомые с дисциплиной «Этнография» и методами этнографической работы.

Студенты занимались записью текстов путём интервьюирования и бесед, сбором документальных сведений и фотоматериалов, наблюдением во время учебных и производственных практик после проведения обучающих практикумов, а также во внеучебное время, часто в домашней обстановке. В первую очередь они работали в собственных и хорошо знакомых семьях, при необходимости корректируя методику

[1] Разумова И. А. Потаённое знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.

и опросники. Для студентов было разработано специальное учебно-методическое пособие[1]. Многих эта работа увлекла. Кто-то из них выбирал темы курсовых и дипломных работ, связанные с институтом семьи и семейной культурой. На выборе тематики сказывались интересы молодёжи: проблемы брака и его форм, старинная и новая свадебная обрядность, репродуктивное поведение молодых семей, представления о наследственности и наследуемые свойства человека, связь семьи с профессиональным выбором, — далеко не полный перечень тем, согласованных с кафедрой философии и социологии КФ ПетрГУ.

Социологическими аспектами изучения семьи занимались преподаватели кафедры Э. С. Клюкина и О. Н. Попова, научное руководство ряда дипломных проектов осуществляла И. А. Разумова. Некоторые студенческие исследования оказались выполнены вполне профессионально, их авторы опубликовали результаты в статьях в научных изданиях. После открытия в Кольском научном центре аспирантуры по специальности «Этнография, этнология, антропология» историю и культуру семей на материале Кольского Севера начали углублённо изучать и позже успешно защитили по ним кандидатские диссертации О. А. Сулейманова и Е. В. Бусырева. В результате это направление исследований стало одним из ведущих в Центре гуманитарных проблем.

Исполнители исходили из того, что в отечественной науке недостаточно исследований по проблемам концептуализации родства и родственным коммуникациям в современном обществе. Методологически они основывались на том, что семья как институт является агентом социальных преобразований. Несмотря на глобализационные процессы, её роль может возрастать, поскольку семьи и родственные сообщества являются субъектами принятия решений, они определяют свои стратегии — экономические, репродуктивные, воспитательные, образовательные и проч. Семья в новое и новейшее время, постоянно переорганизуясь, выполняет адаптивную функцию и поддерживает динамические общественные процессы. Существует международная и отечественная этносоциологическая традиция в понимании семьи как социокультурной и «микроэтнической» единицы, в функционировании которой выявляются и региональные различия.

Особенности жизнедеятельности российской семьи в изменяющейся социальной реальности на рубеже веков были предметом постоянного внимания в отечественной социологии (труды С. И. Голода и А. А. Клецина,

---

[1] Разумова И. А. Культура семейно-родственных групп: учеб.-метод. пособие по дисциплине «Социология семьи» для студентов 3-го курса гуманитарного факультета, обучающихся по специальности «Социология» / Кольский филиал Петрозаводского гос. ун-та. Апатиты, 2006. 68 с.

О. А. Здравомысловой и М. Арутюняна и др.). Изучению способствовало бурное развитие устной истории и биографического метода, нацеленных, в частности, на выявление жизненных стратегий семейных групп. Критическое положение семей северян в постсоветский период было рассмотрено в коллективном труде екатеринбургских социологов на широком сравнительном статистическом материале различных регионов[1] и в других работах, посвящённых конкретным вопросам и регионам. Данные по Мурманской области занимали в исследованиях о семье очень скромное место, неформализованная информация почти отсутствовала, поэтому антропологический подход оказался очень уместен. Он позволял «укрупнить» объект и учитывать непосредственно наблюдаемые социальные контексты в их динамике, приняв точку зрения самих семей.

Основных задач исследований было немало: выявление роли и описание опыта семейно-родственных групп в сохранении и развитии культуры региона, в формировании региональной идентичности; разработка понятий «семейная культура», «семейные стратегии», «культурные ресурсы семьи» и др.; ревизия и анализ источников по истории семьи и семейного быта аборигенного и старожильческого населения; анализ функционирования родственных сетей в жизнедеятельности семейных и этнических групп и индивидов; анализ культурных практик современной городской семьи; изучение образовательных стратегий современных семей; анализ семейно-биографических траекторий и семейного фактора адаптации населения к Крайнему Северу[2], а также ряд других аспектов семейной культуры и истории.

Культура семей в источниках и историографии Кольского Севера

Объективным фактором, влияющим на российскую семью, выступает комплекс этнических традиций народов, которые живут в определённом регионе. Региональный ракурс исследований предполагал ретроспективное изучение семейной культуры народов, населяющих Кольский Север. В этом отношении мы располагаем обширным кругом работ, посвящённых этнографии коренного и старожильческого населения края, которые и были обобщены.

---

[1] Артюхов А. В., Павлов Б. С., Стожаров А. В. Семья северян: традиционность и новации (по материалам социологических исследований семей в городах и поселениях российского Севера) / Урал. отд-ние РАН, Ин-т экономики. Екатеринбург: СВ-96, 1999. 206 с.

[2] Этнокультурные факторы социальной динамики на Крайнем Севере в XX–XXI вв. (Кольский Север): отчёт о НИР. Апатиты, 2010. С. 3.

В настоящее время историография и источники по этнографии аборигенов (саамов) и старожилов (поморов, ижемских коми, колонистов Мурмана) достаточно репрезентативны, хотя разные стороны семейного быта освещены неравномерно. Классические этнографические труды М. Кастрена, С. В. Максимова, В. И. Немировича-Данченко, и особенно Н. Н. Харузина и А. Я. Ефименко, представляют саамскую семью второй половины XIX — начала XX вв., её уклад, основанный на сезонном образе жизни, материальную и обрядовую культуру, обычно-правовые нормы. Материалы 1920–1930-х гг., когда усилиями Д. А. Золотарева, В. В. Чарнолуского, Ф. Г. Иванова-Дятлова, В. К. Алымова, Н. Н. Волкова был зафиксирован и проанализирован обширный материал по этнографии саамов, отражают ситуацию первых советских десятилетий. Быт, культура саамов ещё сохраняли традиционность, но уже испытывали сильное влияние новой социальной реальности. Обобщающие и специальные труды по саамской этнографии второй половины XX — начала XXI вв. (Т. В. Лукьянченко[1], М. С. Куропятник, М. В. Кучинского) содержат систематизированные данные о системе и номенклатуре родства саамов в широком хронологическом диапазоне (это одно из основных направлений саамоведения), семейно-родовых отношениях и быте, традиционной культуре детства[2]. Показательный документальный материал о культурно-бытовых сторонах жизни саамов в советский период включен в книгу А. А. и Т. А. Киселевых «Советские саамы»[3]. В 1995 г. Госкомстат России в Мурманской области провёл выборочное обследование условий жизни современных саамских семей в местах их компактного проживания[4]. Работы такого рода позволяют соотнести этнокультурные характеристики саамских семей с контекстами их жизнедеятельности.

Вместе с тем вычленение группы «саамы» (как любой другой, выделенной по этническому основанию) в качестве объекта социальных, экономических исследований, по крайней мере, когда речь идёт о второй половине XX в. и последующем времени, не кажется перспективным. Полиэтничны не только поселенческие, но часто и семейно-родственные

---

[1] Т. В. Лукьянченко принадлежит раздел о семье в главе, посвящённой саамам, в энциклопедии о прибалтийско-финских народах России: Лукьянченко Т. В. Семья и обряды жизненного цикла // Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина; Ин-т этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. С. 108–117.

[2] Детализированный обзор см.: Пация Е. Я., Разумова И. А. Саамская семья (кольские саамы) // Российская семья. Энциклопедия. М.: РГСУ, 2008. С.311–326.

[3] Киселев А. А., Киселева Т. А. Советские саамы: история, экономика, культура. Мурманск: Кн. изд-во, 1979. 158 с.

[4] Циркунов И. Б. Социально-экономическая характеристика семей саами // Наука и бизнес на Мурмане. 2000. № 4. С. 31–37.

группы, этническая идентичность очень динамична. Изучение семейной культуры имеет большое значение именно потому, что на уровне семейных общностей происходит определение и самоопределение этнической принадлежности. Например, к «поморам» нередко относят саамские семьи, которые территориально, по способу деятельности и быта включены в поморскую культуру.

Старожилы Кольского полуострова — русские поморы, с одной стороны, родственны большинству современного населения по языку и многим свойствам материальной, социальной, духовной культуры. С другой стороны, хозяйственно-культурный тип всех поморских локальных групп отличается от основного традиционного русского, что сказывалось и на семейных взаимодействиях, и на структурных особенностях семей. Среди трудов о традиционной культуре поморов самыми весомыми остаются работы Т. А. Бернштам[1]. В них проанализирован хозяйственно-культурный облик группы, роль семейной артели в организации хозяйственной жизни, особенности социализации молодёжи и ритуально-праздничные комплексы, из которых лучше всего был разработан свадебный[2]. Ценны сведения о брачном возрасте, добрачном поведении молодёжи и брачных установках.

Большинство аспектов функционирования поморской семьи и динамики семейного быта в XX — начале XXI вв. остаются неосвещёнными. Описывая традиционную семью поморов, историки и бытописатели обычно ограничиваются общей характеристикой семьи патриархального типа, создавая её идеальный образ.

История старожильческих переселенческих групп (ижемских коми, норвежцев, финнов и др.) с последней трети XIX в. объединяется проблемой их поэтапной адаптации к жизни в новых условиях и к социальным переменам. Семейный фактор был одним из самых важных для адаптации ижемских коми к жизни на Кольском полуострове. Состав, структура и тип коми-ижемских семей, их социальная активность, формы

---

[1] Бернштам Т. А. Поморы: Формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. 176 с.; Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX вв.: этнографические очерки. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние. 1983. 233 с.; Бернштам Т. А. Молодёжь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние. 1988. 277 с.

[2] Поморская свадьба — одна из самых любимых тем русской этнографии и фольклористики, и традиция Терского и Кандалакшского берегов занимает в описаниях этого обряда достойное место. См., например: Балашов Д. М., Красовская Ю. Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л.: Музыка, 1969. 168 с.; Бернштам Т. А. Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX — начале XX в. // Русский народный свадебный обряд. Л.: Наука, 1978. С. 48–71.

родственной солидарности были оптимальны с точки зрения потребностей переселенцев. Анализ семейных адаптивных ресурсов этой этнической группы был произведён учёными Республики Коми и отличается теоретической глубиной[1].

История семей колонистов Мурмана, принадлежавших к разным этнокультурам, может быть подробно прослежена на уровне индивидуальных биографий благодаря материалам статистических описаний Мурмана. Первое осуществлено в 1899 г., когда были подробно описаны все населённые пункты и их жители (семьи). Второе обследование выполнено в 1920–1922 гг., благодаря деятельности Северной научно-промысловой экспедиции, и данные сопоставлялись с результатами двадцатилетней давности[2]. Жизненные траектории переселенческих семей складывались под влиянием ряда специфических внешних и внутренних факторов. Существенную роль играла хозяйственная адаптивность семей, которая позволяла или нет занимать свою экономическую нишу и обустраиваться на Мурманском побережье.

Важными факторами, помимо этнокультурных особенностей, были темпы и направленность ассимиляционных процессов, социальные трансформации первых советских десятилетий. На судьбы большинства семейно-родственных групп оказали влияние этнополитические обстоятельства, связанные с государственно-административными мерами российского и советского правительств в отношении жителей приграничных территорий[3].

Семейно-исторические знания молодёжи

Долгое время существовал стереотип, что переселения лишают семью культурной памяти, и это характерно для семей, переселявшихся в Кольское Заполярье в XX в. Для прояснения реальной картины и понимания процессов запоминания и забывания семейной истории

---

[1] Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. X — начало XX в. М.: Наука, 1982. 224 с.; Конаков Н. Д., Котов О. В. Этноареальные группы коми: формирование и современное культурное состояние / АН СССР, Урал. отд-ние, Коми науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории. М.: Наука, 1991. 231 с.

[2] Материалы по статистическому исследованию Мурмана. Т. II, вып. I: Описание колоний Восточного берега и Кольской губы. СПб., 1902. 273 с.; Материалы по статистическому исследованию Мурмана. Т. II, вып. II: Описание колоний на запад от Кольской губы до границ Норвегии. СПб., 1903. 202, 30, IX с.

[3] Подробнее см.: Разумова И. А. Этнокультурные аспекты функционирования семьи на Кольском Севере (по историко-этнографическим материалам) // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история. Апатиты: КНЦ РАН, 2009. С. 37–50.

нужны были исследования. В рамках проекта «Координаты социального самочувствия молодёжи: стереотипы и реалии», поддержанного в 2005 г. грантом Комитета по делам молодёжи администрации Мурманской области, Центр независимых социально-антропологических исследований Европейского Севера совместно с Центром гуманитарных проблем КНЦ РАН выполнили социологическое исследование «Молодёжь и семейная память». Ответственными исполнителями проекта были И. А. Разумова (ЦГП КНЦ РАН) и А. А. Данилина (КФ ПетрГУ). К работе привлекались студенты гуманитарного факультета Кольского филиала ПетрГУ. Проект содержал две части, которые выполнялись разными методами.

Цель анкетного опроса, проведённого на первом этапе, — получить информацию о системе знаний молодёжи об истории своей семьи. Опрос и анализ данных выполнены в ЦНСИс. Целью части исследования, осуществленного качественными методами в Гуманитарном центре, было выявление содержательных характеристик семейно-исторического знания. Объект изучения — молодые люди в возрасте от 17 до 29 лет, принадлежащие преимущественно к студенческой среде. В задачи входило выяснить, является ли молодёжь носителем семейной памяти, ориентирована ли она на сохранение знаний о семейной истории и чем мотивируется к этому.

Одним из показателей объема семейной памяти служит оценка информированности об истории своей семьи. Большинство респондентов сочли себя «информированными» или «знающими» (знали об истории своей семьи «достаточно» 60,0 % информантов; «много» — 14,0 %). Чуть более четверти опрошенных ответили, что «мало» и «ничего не знают» об истории своей семьи (26,0 %). Основными причинами недостатка знаний или полного их отсутствия считается утрата источников информации, неведение родственников или их нежелание говорить о семейной истории, что подтвердилось данными качественного исследования. При этом 23,1 % от числа неинформированных ответили, что их это не интересует. Доля информированной и заинтересованной молодёжи составила 42,7 %, доля незнающей и незаинтересованной — 4,7% от общего числа респондентов (остальные распределились между промежуточными типами). Наличие установки на необходимость сохранения знаний о семейной истории обнаружили 72 % от общего числа опрошенных. В 6,7 % случаев опрошенные не считают необходимым сохранять знания о своих корнях, о прошлом семьи. И, наконец, затруднения при ответе данный вопрос вызвал у 21,3 % респондентов[1].

[1] Отчёт о проведении социологического исследования на тему «Молодёжь и семейная память» по проекту «Координаты социального самочувствия молодёжи: стереотипы и реалии». Апатиты, 2005. Был направлен в Комитет по делам молодёжи администрации Мурманской области.

Материал для расширенного исследования знаний и представлений молодого поколения о семейной истории был собран в 2004–2005 гг. в ходе устного и письменного интервьюирования студенческой молодёжи г. Апатиты — уроженцев различных городов и посёлков Мурманской области. Всего проинтервьюировано 67 человек. Формализованный и нарративный анализ текстов позволил установить глубину семейной памяти, характер и уровень представлений о родословии и событиях семейной истории.

Утверждение о недостаточном знании родословной, независимо от реальных знаний информанта, — это риторическое клише. Распространённость стереотипа связана с утратой такого знания либо с необходимостью переосмыслить его прагматику в диапазоне от доказательства родства с целью подтвердить имущественные права до удовлетворения личного интереса и потребности в самоопределении. В большинстве современных обществ очевиден сдвиг в сторону последнего, обследованная группа не была исключением.

Одно из первых мест среди факторов «забывания» занимает физическое пресечение рода, как следствие военных и социальных катаклизмов, сопровождающееся утратой материальных свидетельств. Это характерно для российской семьи в целом. Региональная специфика обнаруживается, в частности, в значении такого показателя «сбоя» семейной памяти, как переезд на новое место жительства. Знание или незнание родословия зависит от бабушек и дедушек, что соответствует и традиционным представлениям о семейных ролях и универсальной ситуации: трансляция семейной культуры происходит через поколение. У молодёжи Мурманской области прародители чаще проживают в отдалённых местностях, контакты ограничены, поэтому родители в большей степени отвечают за семейное и родословное знание, чем у той же группы респондентов других, в том числе сопредельных, регионов. Семейные архивы либо считаются утраченными, либо имеют специфический (по сравнению с традиционным их пониманием) состав. Единичны утверждения о том, что документы были уничтожены самими членами семьи «за ненужностью», хотя, по данным исследователей, такие факты не редкость. Это свидетельствует о желании респондентов представить свою семью в выигрышном ракурсе, то есть они признают социальную значимость семейного знания. На составе современных семейных архивов сказываются переорганизация коммуникативных сетей, постепенное вытеснение эпистолярной коммуникации и тенденция «увековечить» прошлое в аудиовизуальных, а не рукописных формах. Тем не менее письма родственников продолжают осознаваться как культурная ценность и составлять важную часть семейных архивов. Центральное же место в них занимают фотографии. То, что понимают как «семейные архивы» и «семейные реликвии», часто находится в других родственных семьях,

особенно тех, которые живут на «исторической родине». Одновременно есть тенденция к созданию собственного «фонда памяти» нуклеарной семьи, эмансипированной от «родовых корней».

Устная передача семейного знания затруднена в силу коммуникативных проблем в семье: прежде всего, нежелания родителей разговаривать на семейно-исторические темы. Это мнение согласовалось с тенденциями, отмеченными в 1990-е гг. исследователями российской семьи. Больший интерес к родословию наблюдался у «поколения внуков» 17–25 лет, чем у их родителей 40–50 лет. Такой ситуации обычно способствуют идеологические установки на сохранение семейной памяти как способа утверждения национального культурного наследия, обучение составлению генеалогий и собиранию сведений по истории семьи, практикуемые в школах и других образовательных учреждениях. Социологические исследования подтверждают, что семья устойчиво входит в число основных ценностей россиян (нередко занимает среди них первое место), начиная, по крайней мере, с 1980-х гг. «Уход в семью» рассматривался молодыми людьми в качестве средства «спасения» от социального неустройства. Эта точка зрения характерна в первую очередь для молодых родителей, особенно — для молодых матерей.

Лакуны в семейно-исторических знаниях связаны с содержанием сведений, с осмыслением и оценкой семьёй своей истории. В семьях, как правило, умалчивается о том, что может повредить их репутации. Одновременно выявилась характерная для тех лет тенденция: сужение сферы социально опасной информации. Принадлежность родственников к репрессированным, высланным, раскулаченным, стала расцениваться как дополнительное основание гордиться ими. Вместе с тем равные статусные основания нередко сохраняло и советское прошлое предков — коммунистов, активных строителей социализма и т. п. Если и требовалось «оправдание», оно обнаруживалось в личных качествах родственников, их профессионализме, общественной отдаче.

Категоричные или частичные отказы респондентов от ответов мотивировались ссылками на «обыкновенность» семьи или на то, что родителям «некогда было расспрашивать» бабушек и дедушек. Неосведомлённость связана с функциями семейно-генеалогических знаний, устойчивость которых зависит от необходимости подтверждать легитимность имущественных прав и социальных привилегий, а также со способами мнемотехники, отношением к письменным свидетельствам. Поэтому родословная память значительно глубже, например, в коренных поморских семьях, чем в семьях горожан-мигрантов (за исключением потомственной интеллигенции). В мотивации знания родословия и семейной истории отчётлив прагматизм: знания о родственниках нужны для взаимной помощи. Интерес к генеалогии во многом обусловлен тем,

что индивид не воспринимает общество как основу стабильности, только семья и родня обеспечивают социальную, экономическую, физическую поддержку. Крайне редко семейное знание мотивировалось углублением знаний об отечественной истории или повышением социального престижа индивида или семьи. Большей частью его цели определяются самоценностью для культурного человека, помощью в самоопределении и необходимостью передачи следующим поколениям. Углубление или появление интереса к семейному прошлому характерно для этапа вступления в фазу репродуктивного родительства, эта потребность осознаётся респондентами, которые имеют детей или находятся на стадии создания собственной семьи.

Глубина семейно-исторической памяти молодого поколения северян составила от двух до пяти поколений, а в среднем три поколения, что меньше среднего показателя по другим регионам Северо-Запада России (четырёх-пяти поколений). Этот отрезок генеалогической вертикали (оперативная память) дополняется «памятью предания», которое в подавляющем большинстве случаев относится к периоду «до войны» (Великой Отечественной), но может распространяться на конец XIX — начало XX вв., в заслуживающих особого интереса случаях — до XVI–XVII вв. (верификация сведений не входила в задачи исследования) или к «далёкому прошлому». Глубину оперативной памяти многих семей ограничивает событие переезда родственников на Кольский Север. Полное отсутствие сведений о «предыстории семьи» иногда стимулирует «вторичные реконструкции». Предположения чаще делаются на основании места жительства предков, реже — этнических корней или «социального происхождения».

Датировка в семейной биографии опосредуется событиями, и она приблизительна. Отсутствие зафиксированных данных компенсируется логическими построениями, мифологизацией, субъективными предпочтениями, общеисторическими представлениями. Выбор внешних ориентиров зависит от того, как сказались те или иные исторические обстоятельства на семейном жизненном ритме. Масштаб, способы и направленность связей между внутрисемейными и внешними событиями создают специфические параметры для характеристики семейной группы.

Количественные (хронологическая глубина, число поколений, общее число родственников и др.) и качественные (содержательные) показатели семейно-исторических знаний респондентов, за единичными исключениями, обнаружили отчётливую асимметрию по двум линиям (отцовской и материнской), что подтверждает устойчивую закономерность. Относительно отчимов и мачех точки зрения разнятся. Выяснилось, что для многих респондентов составляют проблему: а) понимание

«поколения» и отсчёт поколений; б) идентификация круга лиц, которые могут быть причислены к «семье» и «родственникам». Первое связано с недостатком генеалогических знаний (которые не являются обязательным предметом изучения на уроках истории). Вторая проблема закономерна: объективное социологическое определение «семьи» не совпадает и не может совпадать с субъективной точкой зрения индивида. В каждом отдельном случае круг лиц определяется им самим, исходя из понимания термина «семья» и оценки той семьи, к которой считает себя принадлежащим. Респонденты могут исключать из состава семьи и рода, например, фактических отцов. Частотность подобных случаев выяснить сложно, поскольку указания на этих лиц могут отсутствовать, что требует фоновых знаний интервьюера.

Результаты исследования давали основание для разработки дальнейших углублённых программ изучения знаний и представлений современной молодёжи, касающихся семейно-родственных связей, взаимоотношений семьи и общества, семейной и отечественной истории, роли семьи в самоопределении личности и других социально значимых проблем. Подтвердилось, что семья на Кольском Севере подлежит самостоятельному изучению в силу демографических, исторических, социально-культурных особенностей региона[1].

Семья и родство в процессе адаптации северян

Адаптивные возможности семьи особенно отчётливо проявляются в периоды социальных трансформаций. Актуализация семейно-родственных и дружеских связей характерна для любой кризисной ситуации. В этом отношении современная семья на Крайнем Севере — показательный феномен. Состояние макросреды (социально-экономическая, культурная, социально-психологическая, идеологическая ситуации в стране) не только соответствует в целом микросредовым условиям (ситуации в регионе и отдельных населённых пунктах), но дополняется и усугубляется кризисностью, связанной с региональными природно-географическими, климатическими, экологическими и иными отличиями.

К стрессовым ситуациям в жизни семьи относится и событие переезда, которому сопутствует пространственное разъединение родственников. Как правило, переезд знаменует новый этап жизненного цикла группы. Устойчивость к стрессам и степень их проявления зависят от того, как семья определяет стрессовый фактор, от отношения к нему

[1] Этнокультурные процессы на Кольском Севере в XX — начале XXI веков и в исторической ретроспективе: отчёт о НИР. Апатиты, 2005.

и от семейных ресурсов — внутренних атрибутов единения. С точки зрения адаптивных возможностей семья на Кольском Севере представляет большой интерес.

Первое эмпирическое исследование по этой проблеме выполнили О. А. Сулейманова и И. А. Разумова в 2006–2008 гг. Оно базировалось на материалах письменных и устных интервью, которые были получены преимущественно у молодых жителей (17–25 лет) городов Мурманской области в 2001–2006 гг. с использованием унифицированной ранее разработанной методики (свыше 100). Другая часть материала — автобиографические интервью 2005–2006 гг. с представителями среднего и старшего поколений, которые являются переселенцами (всего 26). Выявлялись семейные стратегии и практики в ситуации разъединения с родственниками, виды коммуникаций и способы организации семейного культурного пространства.

Семьи переселенцев разных поколений использовали неодинаковые поведенческие стратегии, они по-разному сохраняли, утрачивали либо переорганизовывали родственные коммуникации. Выявились также и стереотипные практики, системы представлений и оценок. Исследование показало, что родственные контакты, осмысление и переживание семейно-родственных отношений существенно влияют на миграционный процесс на всех его этапах: от принятия решения о переезде (если миграция добровольная) до полной адаптации на новом месте жительства (если она происходит)[1].

Судя по материалам 2005–2006 гг., свыше половины информантов приехали на Север к родственникам, то есть вслед за ними. С другой стороны, мотивом переезда части представителей молодого поколения была потребность эмансипироваться от родителей, получить собственное жильё, начать самостоятельную жизнь на новом месте, для некоторых — возможность оказывать материальную помощь родителям. Создание собственной семьи — один из самых важных факторов закрепления молодёжи на территории прибытия. Для лиц же старших поколений, которые по Программам переселения северян получили возможность получить жильё или на прежней родине, или в любом другом городе, одним из основных препятствий к отъезду являются наличие детей, часто вполне укоренённых на новом месте, и могил близких. Поведение определённой категории семей и индивидов отличает установка на то, чтобы дети (внуки) уехали с Севера в более благоприятные климатические условия и/или в «центры», где, по распространённому убеждению, можно получить лучшее образование и хорошо оплачиваемую работу. Установка отослать

[1] Разумова И. А. Роль семьи в процессе адаптации человека на Севере // Живущие на Севере: образы и реальность: сб. науч. ст. / науч. ред. П. В. Федоров. Мурманск: Изд-во МГПУ, 2006. С. 141–148.

от себя детей (в Петербург, Москву или «южные районы», чаще абстрактные) — индикатор экономической и социально-психологической ситуаций в регионе и оценки пространства как «периферийного» и экологически неблагополучного. Одновременно она свидетельствует о неокончательной культурной адаптированности к Северу той части поколения, которая ещё воспринимает территорию как место временного пребывания. Наконец, что наиболее важно, такая установка показывает динамику семейных представлений и ценностей. Старшие, особенно прошедшие опыт миграции, стараются исходить из интереса детей, как они его понимают, то есть дать возможность молодым улучшить условия жизни и посмотреть мир, получить образование по своему выбору. «Родина», родовой дом, родственные связи перестали рассматриваться как ограничители свободы выбора и передвижений. Со своей стороны, взрослые дети, закрепившиеся и имеющие работу на Севере, большей частью положительно отнеслись к решению пожилых родителей переехать в более благоприятные в климатическом отношении места или на «историческую родину». Они руководствовались, с одной стороны, заботой о здоровье старших, с другой — собственными интересами, обретая новое место для отдыха в южных районах или для посещения более «престижных» городов.

Собирание материалов по истории и культуре семей методами устного и письменного интервьюирования и описания семейных архивов в Центре стало постоянным. Совершенствовался и инструмент исследований — категории и методы анализа. Способствовало устойчивое сотрудничество с социологами КФ ПетрГУ. Так, в 2007 г. в ЦГП совместно с Лабораторией социологии ПетрГУ изучались семейные ресурсы и институты социального сопровождения семьи на Кольском Севере. Исследования проводились по нескольким подпроектам в рамках региональной целевой программы «Поддержка семьи в Мурманской области» при содействии департамента экономического и социального развития администрации Мурманской области. Участвовали от ЦГП — И. А. Разумова (научный руководитель) и О. В. Змеева (исполнитель), от КФ ПетрГУ — канд. социол. наук Э. С. Клюкина (ответственный исполнитель), Е. И. Скрябина (исполнитель). В ходе аналитической работы по трем подпроектам[1] «Семья в Мурманской области и социальные

[1] Разумова И. А. Отчёт о выполнении научно-технического задания по исследовательскому проекту «Семья в Мурманской области и социальные системы её поддержки»; Разумова И. А., Клюкина Э. С., Скрябина Е. И. Отчёт о выполнении научно-технического задания по исследовательскому проекту «Особенности жизнедеятельности семьи на Кольском Севере»; Разумова И. А., Клюкина Э. С. Отчёт о выполнении научно-технического задания по исследовательскому проекту «Ресурсный потенциал молодой семьи на Кольском Севере». Апатиты, 2007.

системы её поддержки», «Особенности жизнедеятельности семьи на Кольском Севере» и «Ресурсный потенциал молодой семьи на Кольском Севере» была рассмотрена структура ресурсов семьи в соответствии с факторами, определяющими их формирование. Обоснована возможность использования понятия «ресурсы семьи» для выявления проблем повседневной жизнедеятельности семьи и определения возможностей реализации ею своих основных функций. К категории семейных ресурсов относятся и показатели семейной культуры[1].

По мере накопления и анализа семейно-биографических устных и письменных текстов продолжались исследования по проблеме адаптивных функций семейно-родственной сети. На следующем этапе они органично включились в Программу фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» по направлению «Традиции и новации в культуре народов России» как часть проекта Центра гуманитарных проблем КНЦ РАН «Семейно-родственные общности как агенты культурных инноваций» (2009–2011 гг.).

В 2010 г. О. В. Змеева предприняла исследование родственных коммуникаций жителей Кольского Севера за пределами региона. Была проанализирована одна из практик семейной рекреации — отпуск. Он рассматривался как элемент досуговых практик постоянных жителей городов и посёлков, выезжающих преимущественно летом за пределы Мурманской области, но в России. Основной метод — биографический. Количество отпрошенных — 56 человек. Исследование подтвердило, что есть северный образ жизни, который характеризуется, с одной стороны, высокой мобильностью, с другой — известной привязанностью к месту рождения или «родине предков».

У всех информантов поездки в отпуск или проведение части отпуска были связаны с желанием или необходимостью взаимодействий с родственниками, к которым относятся представители любой степени родства — от родителей, прародителей, братьев, сестёр и до дальних родственников и свойственников, в том числе по предыдущим бракам. Помимо собственно общения, отпуск у родных обеспечивает качество отдыха, которое характеризуется большей «свободой», удовлетворяет потребность в посещении места рождения или просто знакомых мест. Дополнительными аргументами служат «экономичность» пребывания

[1] Клюкина Э. С. Семья и социальные системы её поддержки // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI века. Апатиты: КНЦ РАН, 2007. С. 80–87; Разумова И. А. Культурные ресурсы семьи как фактор устойчивости социокультурного профиля региона // Устойчивое социальное развитие северных территорий России: опыт, проблемы, перспективы: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. (7–9 ноября 2013 г.). Мурманск: Изд-во МГГУ, 2013. С. 33–337.

у родственников, а также обязанности перед ними, особенно старшими, нуждающимся в помощи. Родственное пространство дифференцировано: к одним ездят с удовольствием, к другим — по обязанности, с установленной регулярностью, с третьими контакты минимизируются. Посещения родственников в советское и пореформенное время кардинально различались, прежде всего, по вектору взаимопомощи и по самоощущению северян. Репутация жителей Заполярья как материально обеспеченных людей, привозящих «дары севера» и поддерживающих близких, осталась в прошлом. Приезд в гости родственников из других регионов на Кольский полуостров, в свою очередь, расценивался как показатель исключительной близости отношений. Такой визит предпринимается специально, так как Крайний Север — не самое подходящее место для отдыха[1].

По степени сопричастия к жизни северян родственники подразделяются: 1) на не желающих ехать в край, непригодный, как минимум, для отпусков, 2) на довольствующихся одной ознакомительной поездкой на север («визитом вежливости») и 3) на тех, которые обретают устойчивую связь с местом жительства и домом близких на Кольском полуострове[2].

В результате подтвердилась гипотеза, что стереотип: «переезд на Север способствовал разъединению семейно-родственных групп», — должен быть пересмотрен с учётом всех смыслов понятия «разъединение». Пространственное разъединение не фатальное обстоятельство, напротив, оно функционально направлено на преодоление семейного стресса, оптимизацию взаимоотношений. Распределённые родственные связи при территориальной мобильности и лёгкости других способов коммуникации компенсируют пространственное разъединение и должны восприниматься (что соответствует мнению многих респондентов) как достаточная форма поддержания контактов. Соблюдается необходимый уровень личного общения и в то же время обеспечивается самостоятельность и отдельного человека, и супружеской («малой») семьи. Среди первого поколения мигрантов отделение от родных переживалось как «разделение надвое», а детьми, особенно родившимися на Севере, оно воспринималось уже как нормативный способ существования.

Лёгкость и регулярность перемещений в относительно широком пространстве (физическом, социальном и культурном) в значительной мере снимало фобии «провинциальности». Наличие родственников в других регионах страны стабилизировало социально, экономически и психологически. Территориальное распределение препятствовало

---

[1] Речь идёт о времени, когда Мурманская область ещё не воспринималась как место массового туризма и не была им.

[2] Змеева О. В. «Я поеду в отпуск домой…». Северяне в гостях у родственников // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 2. 2011. № 3 (6). С. 29–41.

концентрации семейно-родственных групп, освобождая от «традиционализма» социального поведения, повышало значимость других социальных сетей. Частота и мотивация взаимных посещений переструктурировали родственную сеть.

В числе дестабилизирующих семью обстоятельств особую группу составляют «вертикальные стрессоры», которые особенно сказываются в периоды смены идеологии, когда младшее поколение склонно отрицать жизненные принципы «отцов». Это служит источником конфликтов, усугубляющихся экономическим кризисом. В такой ситуации оказалась российская семья в трансформационный период. Пространственное разъединение родных при свободе передвижений, скорее, являлось корректирующим механизмом, чем фактором дезинтеграции. Более того, оно способствовало поддержанию ностальгического «родственного чувства», в котором признавались многие респонденты. Само осознание того, что «родовые корни» утрачены, становилось фактором восстановления семейно-исторической памяти.

Таким образом, утверждение о деструктивном влиянии на семью северян пространственного разъединения родственников было, как минимум, оспорено. Анализ показал, что оно может служить стабилизации взаимоотношений в родственной группе и укреплению автономии семьи. Наряду с проблематизацией стереотипа об «исторической беспамятности» семей мигрантов этот вывод можно было отнести к основным результатам текущих исследований.

Родство, брак, семья как институты культурной преемственности

Представления о наследственности и структура наследственных групп

Осмысление людьми социального и биологического в себе происходит в значительной степени в системе отношений родства. Не только в массовых представлениях, но и в научных исследованиях граница между генетическим и внегенетическим наследованием проводится по-разному. Представления о наследственности включают осознание самого факта наследования личностных свойств, способствующих самоопределению личности, и одновременно помогают выявить родственные связи, способы группировки родственников и возможности сетей родственной поддержки.

Задачами исследования 2008 г., эмпирическая часть которого выполнена студенткой 4-го курса отделения социологии КФ ПетрГУ И. Джабаровой (научный руководитель И. А. Разумова), было выявить

представления молодёжи о наследуемых признаках, их трансляции в семейно-родственной группе и на основании этого определить модели передачи свойств, которые формируют соответствующие группы. Одной из задач было сопоставление данных с полученными ранее на ином материале[1].

Объектом исследования были представители молодого поколения (19–22 лет) городских семей (100 респондентов). Методы — анкетный опрос и анализ письменных структурированных интервью, которые проводились в г. Апатиты. Предметом исследования были суждения о генетически наследуемых свойствах в форме утверждений, рассуждений и прецедентных текстов.

Работа подтвердила, что представления о наследственном сходстве и повторяемости обнаруживают устойчивость. Генетические (антропологические) и внегенетически наследуемые (социально-культурные) свойства чаще не разграничиваются, объединяясь понятием «наследственные». Наследуемые признаки могут быть объединены в категории: внешние антропологические признаки, личные качества, способности, «особенности», профессиональная преемственность и болезни.

Из *физических антропологических признаков* отмечаются: 1) цвет и особенности волос и глаз; 2) рост и вес; 3) телосложение (у женщин — «фигура»); 4) особенности лица; 5) особенности кожи (родимое пятно — бесспорный признак принадлежности, наиболее достоверно указывающий на прямых родственников); 6) походка и позы, 7) голос, 8) манера разговора и жесты. Основными, таким образом, являются особенности головы и лица, пропорций тела и кинесики.

В отношении личностных свойств родственников объединяет «характер». К наиболее частотным упоминаниям относятся: 1) характер в целом (в редких случаях с уточнением «тяжёлый»/«лёгкий»); 2) отдельные черты характера, которые условно могут быть разделены на группы по разным критериям; основные области значений качеств — темперамент и коммуникабельность; 3) «отношение к жизни» (ассоциируется с характерологическими качествами).

В ряду наследуемых признаков *высокую значимость имеют «способности».* В ряду способностей отмечаются предрасположенность к художественному творчеству, домохозяйственные занятия, спортивно-досуговая деятельность, интеллектуальное и иррациональное начало (магические способности, интуиция). В свою очередь, среди способностей рассматриваются «интересы» и профессиональные склонности. В этой группе признаков разграничиваются мужские и женские занятия.

---

[1] Разумова И. А. Потаённое знание современной русской семьи. 2001. С. 31–42.

Признаком родственной преемственности считают «закономерности», то есть повторяющиеся события и обстоятельства жизненного цикла семьи и индивидов. К ним относят: а) события, связанные с рождениями; б) обстоятельства, связанные с созданием брачной пары; в) повторяющиеся инициационные события; г) сходство женских судеб — под «женской судьбой» понимается характер супружеских отношений, причём, если эта закономерность отмечается, то судьба, как правило, несчастливая; д) традиции передачи имени. Чаще указывается на то, что отличается от нормативного, желательного (неудачное поступление в вуз, несчастливый брак) или широко распространённого (рождение двойни как редкость). По частоте упоминаний определена значимость признаков в каждой группе. Верификация родственного сходства осуществляется субъектом на основе собственных наблюдений над собой и близкими, семейной точке зрения, мнениях неродственного окружения.

В ходе исследования были составлены модели передачи наследуемых признаков в соответствии с субъектами-носителями. При небольшой вариативности они сводятся к нескольким устойчивым типам. В синхронии: 1) общефамильное единство; 2) сходство по одному линиджу; 3) сходство по полу с учётом одного линиджа; 4) внутрипоколенная общность; 5) сходство двух родственников; 6) супружеская общность (самый редкий, но встречающийся вариант). Наблюдаются закономерности в способах формирования моделей передачи наследуемых признаков. Личностные характеристики родства чётко делятся на «внешние» и «внутренние».

Устойчивы представления о «перекрёстном» отношении между смежными поколениями, сходстве близких одного пола через поколение. В диахронии: а) источником наследуемых свойств (одного свойства) для группы потомков служит какой-то один известный родственник, предок; б) субъект ориентируется на себя или одного из членов семьи как получателя неких свойств от разных родственников; в) признак передаётся от одного из предков одному из потомков; г) передача свойств осуществляется поступенчато из поколения в поколение, обычно с учётом линии родства; д) в утверждении отсутствуют указания и на источник, и на получателя признака, констатируется «общность» получаемых по наследству свойств.

Несмотря на разнообразие моделей передачи наследуемых признаков, существуют определённые закономерности в способах их формирования. Личностные характеристики родства чётко делятся на «внешние» и «внутренние». Устойчиво представление об отношении между смежными поколениями: дочери чаще отмечают сходство с отцами, сёстры подчеркивают отличия от братьев; через поколение обнаруживается сходство близких одного пола[1].

[1] Этнокультурные факторы социальной динамики на Крайнем Севере в XX–XXI вв. (Кольский Север): отчёт о НИР. Апатиты, 2008. С. 11–16.

Таким образом, моделирование родственного сходства по физическим, характерологическим свойствам и частично по биографическим обстоятельствам обнаруживает высокую степень устойчивости и соответствует концептуализации традиционной, исторически сложившейся определённой системы родства. Исследование касающихся наследственных признаков представлений продемонстрировало способы группировки родственников в так называемых наследственных группах (Descent Groups). То, что генетические и внегенетически наследуемые свойства человека чаще всего объединяются понятием «наследственных», характеризует уровень массовых антропологических знаний.

Семья как институт профессиональной социализации

Когда речь идёт о семейной социализации, в первую очередь имеется в виду воспитание и подготовка с жизни в обществе «в целом». Однако в семье могут транслироваться собственно профессиональные знания и навыки, тогда формируется семейное профессиональное сообщество как особый социальный феномен. Оно может быть как династическим, так и внутрипоколенным. Механизмы его формирования изучены недостаточно, и здесь важно каждое конкретное исследование, выполненное на локальном материале.

Работа, нацеленная на выявление возможностей и проблем семьи в отношении профессиональной социализации, проводилась в 2007–2008 гг. в два этапа в городах Апатиты и Кировск. Исполнитель — студентка 5-го курса отделения социологии КФ ПетрГУ М. А. Орлова, научный руководитель И. А. Разумова. На первом этапе объектом исследования стали медицинские работники и студенты Медицинского колледжа г. Апатиты, родители или прародители которых имеют медицинскую профессию. Для сравнения было проведено три интервью с респондентами, не имеющими медицинской специальности, но являющимися детьми медиков. В итоге было опрошено 13 респондентов в возрасте от 17 до 48 лет. Круг медицинских профессий варьировал, как и образование (высшее или среднее специальное).

К предпосылкам выбора профессии относились: намеренное спонтанное включение родителями в процесс семейной социализации образовательных и воспитательных компонентов, связанных с профессией; усвоение элементов профессиональной деятельности; приобщение к профессиональному пространству (игры с использованием шприцев, бинтов и даже фонендоскопа; посещение рабочего места родителей; помощь им в работе; семейные разговоры о профессии. Все эти обстоятельства, так или иначе, присутствовали в семьях.

Мотивами респондентов, изначально выбравших профессию медика, были желание работать с детьми, ориентация на профессию

родителей, осознание своей склонности к профессии, желание угодить требованиям взрослого. Если выбор был сделан не сразу, вариантов больше: осознание своих возможностей или «предопределённости» преемственности, ограниченность вариантов выбора учебного заведения, потребность в медицинском образовании в связи с наличием больных членов семьи, желание получить престижную профессию после окончания медицинского колледжа, интерес к биологии и химии, территориальная близость учебного заведения. Большинство респондентов были ориентированы на выбор родительской (прародительской) профессии, и для всех родители являются образцом для подражания как профессионалы.

Интеграция человека в семейную профессиональную общность зависит от характера взаимоотношений в семье. Родители могли направленно способствовать тому, чтобы их ребёнок выбрал медицинскую профессию, разговаривая с ним на медицинские темы, приобщая к элементам профессии, стимулируя интерес к ней, помогая при поступлении в медицинское учебное заведение и в дальнейшем в работе. В других случаях профессиональная ориентированность является следствием сплочённости семейной группы, в которой родители и дети много времени проводят в совместном общении и профессиональные интересы — органичная часть общих интересов. Строятся взаимоотношения с родителями как с членами профессионального сообщества. В такой ситуации семейная идентификация носит более выраженный характер, чем в семье, члены которой имеют разные профессии. В перспективе возможна типология семей в зависимости от того, какую роль в их самоидентификации и структурировании играет профессиональный фактор.

Согласно общему убеждению, в работе с людьми медику необходимо использовать не только весь образовательный багаж, но учитывать и так называемый человеческий фактор. Респонденты считали, что медицинская профессия предоставила им ряд преимуществ: умение быстро принимать решения в условиях, когда от тебя зависит жизнь людей, выработка терпеливости, вежливости, а также возможность трудоустройства. На первом месте среди преимуществ — возможность помогать людям, в том числе родным.

Отношение к профессии формируется за счёт отношения к родителям и их деятельности. При этом лишь два респондента сочли свою профессию престижной. К снижению престижа приводит плохое финансовое и материальное обеспечение медработников, плохое отношение со стороны врачей к медсёстрам, большие нагрузки на них. Медицинской профессии придаётся и некое «сакральное» значение. Для респондентов-медиков характерен, в первую очередь, взгляд на свою профессию как деятельность, имеющую высокий смысл, а не с точки зрения престижа и материальных оснований.

Представления об «идеальном профессионале» основываются на символическом статусе здравоохранения, которое имеет дело с чем-то непознанным, опасным для человека, соседствующим со сферой смерти, а также требующем особенного сочувствия, понимания «другого», а для этого нужен «дар».

Все респонденты поступили в медицинские учебные заведения и продолжали работать по специальности, несмотря на признание ими непрестижности профессии, следовательно, они руководствовались и данными мотивами. Поскольку материальное вознаграждение невелико, медики приносят обществу безвозмездный «дар», и общество в долгу перед ними. Ещё одним основанием символизации является отнесение профессий сферы здравоохранения к «группе риска»: медики оказываются носителями знаний и умений исключительного значения. В свою очередь, общественная роль наследуемой профессии повышает статус семейной группы.

По интервью с теми, кто не избрал профессию родителей, определялись препятствия для преемственности медицинской профессии. Ими служат: а) негативные воспоминания о рабочем месте родителей; б) мнение родителей; в) склонность к другим наукам или личный интерес к другой профессии; д) отсутствие престижа медицинской профессии; е) трудности при устройстве на работу; ж) свои психологические особенности; з) связанные с доступом к специальному образованию внешние обстоятельства.

На втором этапе работы объектом исследования были представители различных профессиональных сообществ г. Апатиты, родители которых работают либо работали ранее в той же сфере. Вначале были взяты пробные интервью (2), затем проведены 12 интервью с представителями династий и использован метод «круглого стола» по проблеме. Возраст информантов — от 21 года до 67 лет, отбора по профессиональному критерию не производилось. Ключевые вопросы семейной трансляции профессии определили сами респонденты, в ходе обсуждения формировалась сбалансированная точка зрения.

1. Что считать преемственностью профессии? «Наследование» профессии можно рассматривать и изучать на нескольких уровнях: как преемственность, касающуюся, во-первых, профессиональной сферы в целом, во-вторых, квалификационного статуса, в-третьих, специализации, то есть профессии в собственном значении слова.

2. Можно ли рассматривать внутрипоколенную профессиональную общность как преемственную? В данном случае необходимо соотнести все случаи с вариантами семейных структур.

3. Что наследуется? В качестве предмета трансляции может выступать вид деятельности, ценностно-нормативный комплекс, уважение к данной профессии, профессиональные знания и т. п.

4. Свободен ли выбор в профессионально ориентированной семье? Вполне возможна и возникает такая ситуация, когда выбор ребёнка предопределён его кругозором, ограниченным родительскими профессиями, и социальной средой семьи.

5. Социализация в семье — «дотрудовая» или профессиональная? Семья даёт ребенку представление о разных видах деятельности и одновременно вводит в определённую профессию (или круг профессий), и знания о ней во многом более глубоки, чем о других специальностях.

6. Влияет ли сама профессия на способ её трансляции? С одной стороны, есть профессии, которые располагают к тому, чтобы их передавали в семьях, с другой стороны, есть и такие, которые «закрыты» для семьи или представляют альтернативу ей. По итогам интервью можно создать типологию профессий, обозначенных в качестве прецедентных в отношении преемственности. В первую очередь обособлены две профессиональные сферы — медицинская и учительская, для них нужен некий комплекс личностных черт, которые «даны свыше» либо унаследованы. Из профессий, для которых характерна или желательна семейная преемственность, чаще всего указывали следующие: педагог, врач, военный, творческие профессии, квалифицированный рабочий, представитель экономической сферы.

Сам феномен семейной преемственности профессии понимается большей частью как трансляция вида трудовой деятельности, а также способностей, интереса. Чаще имеются в виду или причастность к сфере деятельности в целом (медицине, преподаванию и т. п.), или работа на одном предприятии. При этом все респонденты признали необходимым наличие, как минимум, двух поколений. В целом явление оценивается положительно. Преемственность профессии объединяет семейный коллектив, родительская профессия становится проводником в профессиональный мир. В других случаях преемственность оценивается положительно только в контексте интересов, особенностей, установок индивида. Среди негативных аспектов были отмечены: 1) опасность оказаться в тени родителей; 2) родительская опека; 3) проблема самореализации; 4) повышенная ответственность; 5) протекционизм.

С точки зрения общественных функций семейная преемственность обеспечивает стабильность профессиональной общности и служит залогом надёжности профессионала. Знания, которые передаются прямому потомку, более глубокие. Родственная солидарность призвана поддерживать корпоративное единство, однако ряд информантов отметили, что для общества такая преемственность не важна, другие убеждены, что помешать ей способно государство за счёт снижения заработной платы за определённую деятельность и, как следствие, снижения её престижа; сокращения числа

рабочих мест и бюджетных мест в учебных заведениях, создания барьеров на пути развития целой отрасли хозяйства. Государство может вести борьбу с семейственностью либо запретить индивидам свободный выбор профессии, примеры чего находятся в истории. При всём том 40 % респондентов считали, что государство и общество не могут помешать избрать профессию родителей.

Выбирая профессию, ребёнок ориентируется, прежде всего, на свои интересы и способности, хотя за этим выбором вполне может стоять родительская установка. Только четверть респондентов заявили, что они способствовали или собираются способствовать выбору их профессии ребёнком. Причины нежелания ориентировать на свою профессию: а) сложность профессии, связанная с большими физическими нагрузками и вредом для здоровья; б) низкая заработная плата; в) отсутствие видимых перспектив работы по профилю в регионе, городе. Негативно оценивая ситуацию в своей профессии, родители стараются уберечь от неё детей, несмотря на то, что положительно оценивают династийность. Они вынуждены соотносить социально-экономическую реальность с интересами ребёнка и семьи.

Таким образом, для семьи преемственность профессии играет в целом положительную роль, интегрируя членов семьи в единую семейно-профессиональную общность, укрепляя вертикальные связи и в семье, и в обществе. Семья способна сделать профессиональную социализацию более эффективной, если удастся избежать излишней родительской опеки. Следует считаться с опасностью протекционизма, следствие которого — непрофессионализм работников. То и другое осознаётся обществом и представителями династий, как необходимость баланса интересов семьи, личности и общества. Семья взаимодействует с разными институтами в отношении профессиональной социализации и выступает полноправным, однако не единственным агентом принятия решений[1].

Интерпретации и модели брака

Функционирование семьи во многом определяется обстоятельствами её создания, то есть, в первую очередь, осмыслением значения брака, его формами и способами легитимации.

В 2009–2010 г. в несколько этапов было проведено социально-антропологическое исследование в г. Апатиты, нацеленное на изучение традиционного и инновативного в интерпретации брачных практик.

[1] Результаты представлены в статье: Орлова М. А. Профессиональная социализация в семье: проблемы и аспекты // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации. Апатиты: КНЦ РАН, 2008. С. 191–205.

Значительную часть эмпирической работы выполнила студентка отделения социологии КФ ПетрГУ Т. С. Левенец (научный руководитель И. А. Разумова).

Отбор информантов на первом этапе работы осуществлялся с учётом экспертных знаний в области семейно-брачных отношений в молодёжной среде: их мнения являются показателем тенденции общественной нормы. Дополнительными источниками информации послужили запись общественного мероприятия, посвящённого «гражданскому» браку, фрагменты автобиографических и семейно-биографических интервью, пресс-публикации, эмпирические данные, касающиеся отдельных случаев. Выявлялись ключевые проблемные моменты, которые обсуждаются и осмысливаются в связи с брачными союзами. Так, суждения о значении государственной регистрации брака не были категоричными. Женщины придают большое значение символическому, посвятительному аспекту заключения брака, свадьбе как «красивому» событию, удостоверяющему «женственность».

Заключение брака — женское дело и рассматривается как часть женской культуры даже безотносительно к торжественным формам регистрации. С точки зрения педагогов и родителей, одним из главных оснований регистрации является рождение детей.

Мнения о необходимости официальной регистрации брака зависят от возраста. С точки зрения молодёжи, например, этот акт соответствует определённому уровню материального благосостояния и социального статуса, а «брак как таковой» (то есть фактический) означает взаимную привязанность супругов. По мнению людей старшего поколения, предпочтительна вначале официальная регистрация, а потом «строительство семьи». В отдельных рассуждениях сексуальные отношения как «биологические» противопоставляются отношениям «духовного» свойства, в отсутствие которых усматривается причина снижения официальной брачности. Когда молодёжь упрекают в отсутствии морали и духовных ценностей, это касается прежде всего брака. Как материальный расчёт, так и внимание к «совместимости» супругов не входили в социалистический «брачный» кодекс, включавший диффамацию материальных и сексуальных ценностей. Господствующая семейная идеология признавала «дружбу» более высокой ценностью, чем индивидуальная любовь, поэтому возникало непонимание, почему расходятся «дружные» семьи. При очевидных идеологических различиях, советская идея приоритета «дружбы» над «любовью» совпадает с теорией свободного «ассоциативного» брака как перспективной модели супружества[1].

[1] Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. С. 235–236.

Определились противоречия: к примеру, респонденты-эксперты критиковали молодёжь, с одной стороны, за расчётливость в браке, с другой — за легкомыслие. Рассказы об «идеальных» браках соответствовали литературно-романической традиции в противоречии с утверждениями о рациональности заключения брачных договоров.

Критерием оценки значимости брака служит ответственность субъектов отношений. Как и в юридических документах, она рассматривается в двух ракурсах: супругов друг перед другом и супругов перед детьми, рождёнными в браке. Во втором случае ответственность разделяют партнёры совместно и каждый в отдельности. С точки зрения социальных педагогов, существует проблема готовности юношей к отцовству и ещё более важная — готовности девушек к материнству. Фактический брак молодой пары интерпретируется как свидетельство «неготовности» к семейной жизни. Основными факторами «неготовности» считаются тип родительской семьи или её отсутствие как таковой и семейное воспитание. С позиции воспитателей, педагогов, социальных работников — носителей «нормативных» представлений, брак и семья нераздельны. Нормативная репродуктивная семья рассматривается как брачная пара с ребёнком вне зависимости от того, живут супруги в зарегистрированном или фактическом браке. Государственная регистрация обеспечивает права ребёнка, и в том числе право иметь обоих родителей — такова позиция большинства респондентов. Закон осуществляет контроль за самыми «ненадёжными» участниками брачных отношений, то есть мужчинами, с точки зрения женщин. Вместе с тем обязательства мужчины как мужа не подчёркивались, в отличие от основного долга — отцовского. Это означает, что взаимные права и обязательства супругов друг перед другом уравниваются.

Категория «ответственности» имеет этическую интерпретацию. Она воплощается в точке зрения, что «ответственность не имеет связи с актом регистрации». Такая позиция соответствует положительной, терпимой или двойственной оценке фактического брака. «Этика ответственности» вступает в прямое противоречие или более сложные отношения с юридической ответственностью. Сами понятия ответственности, прав, обязанностей приобретают нравственно-психологические значения. С этой точки зрения брак поддерживается только личной, внутренней установкой и фактический союз не означает «свободы», в смысле лёгкости его расторжения. По этому основанию разграничиваются понятия «гражданского» (фактического) брака и «сожительства». В противоречии с официальными обозначениями выстраивается иерархия партнёрских союзов в зависимости от понимания «свободы отношений». Низший уровень занимает «сожительство», высший — брак, определяемый «настроем» на партнёра и личностной общностью.

Такое понимание брака кардинально отличается от традиционного — как союза, который приводит к созданию семьи патриархального типа и базируется на экономических основаниях. Союз, который держится на внешнем контроле, занимает на этой шкале невысокую позицию. При всей противоречивости мнения информантов о значении регистрации брака в целом тяготеют к антропоцентричности, приоритет отдаётся внутренней мотивации отношений.

Существенный аспект интерпретации брака — временной. Длительность фактических брачных отношений — важный показатель брака как такового. Чем более кратковременны взаимоотношения, тем более они подпадают под определение «сожительства», как «несерьёзного», сугубо физиологического или коммерческого союза. Фактический брак занимает определённую нишу в биографическом времени и может рассматриваться как этап в жизненной траектории индивида и семьи. Так или иначе, все респонденты сочли, что на определённом этапе отношений регистрация брака необходима как условие существования семьи. Допустимое или желательное время пребывания в фактическом браке имеет разную продолжительность. Если срок фактического брака людей среднего и старшего возрастов практически неустановим, то для молодёжи он все-таки ограничен и определяется не столько оптимальным интервалом времени, сколько функционально: как время, необходимое для того, чтобы были выполнены те или иные условия устойчивых брачных и семейных отношений.

Обстоятельства жизни партнёров в период фактического брака включаются в систему матримониального поведения. Здесь позиции расходятся. Традиционалистская (религиозная, аскетическая) точка зрения состоит в том, что отношения партнёров до регистрации должны быть исключительно платоническими. На практике же начало совместной жизни без оформления брака является своего рода переходным этапом от платонических и романтических отношений к реальным супружеским.

В зависимости от того, каким образом определяется временной интервал от начала реальных сексуальных отношений (как правило, с совместным проживанием) до оформления брака, устанавливается несколько позиций:

1. Фактическому браку не место в нормативной брачной жизни, то есть времени для него не отводится. Такой принцип утратил свою распространённость среди молодёжи, более характерен для лиц старшего поколения, при этом ни одним из респондентов данная позиция не разделялась полностью.

2. Длительность фактического брака определяется тем, сколько времени потребуется партнёрам для того, чтобы «узнать» друг друга. Как известно, с точки зрения патриархальных брачно-семейных отношений, «познание» супруга происходит после заключения брака. Согласно

распространённым современным взглядам, «узнать» друг друга следует до вступления в брак. Первый этап брачных отношений (эмоциональный) сменяется этапом реалистической оценки (рациональное принятие решения о регистрации брака). Категория «узнавания» коррелирует с понятием адаптации. Длительность зависит от самих партнёров и их уверенности в серьёзности своих намерений создать семью.

3. Длительность фактического союза до регистрации определяется временем: а) принятия решения иметь ребёнка, б) его зачатия или в) рождения. Это типичная «родительская» позиция. В настоящее время в реальной брачной практике её, наряду с детоцентристской моделью создания семьи, следует признать самой распространённой.

4. Длительность фактического брака определяется временем становления гражданской или «духовной» зрелости супругов, родителей по достижении определённого возраста. Нередки случаи, когда брак заключается по прошествии достаточно долгого супружества, родителями с уже подросшими детьми. В таких ситуациях, по имеющимся материалам, регистрация часто сопровождается венчанием. То и другое рассматривается партнёрами как символический акт, который фиксирует важный этап становления их личности. Одним из мотивов является потребность, связанная с гендерной идентичностью, фактором служит также принятие религиозных взглядов и точки зрения церкви.

5. Длительность фактического брака определяется временем, необходимым для достижения: а) уровня материального благосостояния, необходимого для создания официальной семьи; б) социального статуса, минимально — «самостоятельности», в частности, приобретения профессии, постоянной работы. Патриархальные нормы предполагают исходную «обеспеченность», прежде всего мужчины. Практика «откладывать на свадьбу» сохраняется и в наши дни. Материальный фактор способен надолго отсрочить брак, и фактический союз является способом адаптации к ситуации. Это особенно важно, во-первых, для социально не защищённых и экономически не обеспеченных пар, во-вторых, для молодёжи из очень благополучных семей, стремящейся к эмансипации.

6. Фактический брак длится до тех пор, пока не сложатся некоторые обстоятельства, когда регистрация открывает дополнительный доступ к материальным и социальным благам («ситуативная» позиция). Регистрация осуществляется потому, что есть социальные привилегии для законных супругов. Партнёры, или фактическая семья, могут не столкнуться с такой ситуацией, и продолжительность фактического брака теоретически оказывается неограниченной.

Таким образом, основаниями регистрации брака являются: а) репродуктивное событие, обеспечение прав ребёнка и родительских обязанностей; б) потребность стабилизировать супружеские отношения; в) обеспечение наследственных и имущественных прав супругов, детей, родственников; г) соблюдение традиции; д) повышение символического

статуса супружеского союза; е) повышение социального статуса каждого из партнёров; ж) получение дополнительных социально-экономических ресурсов от государства.

Причины не регистрировать брак: а) возможность «проверить свои отношения» и оптимизировать брачный выбор; б) формальное отсутствие взаимных обязательств и «супружеских прав» на партнёра; в) возможность «разбежаться без проблем», минуя процедуру развода; г) сохранение индивидуальных имущественных прав; д) сохранение имущественных и наследственных прав третьих лиц; е) индивидуализм как свойство личности и образа жизни; ж) избыточность действий по формализации отношений, отсутствие потребности в ней. Каждое из этих оснований в реальности далеко не всегда разделяют оба фактических супруга, однако высказывается это крайне редко. Успешность или неуспешность брачно-семейных отношений не коррелирует с наличием регистрации. Приоритет в интерпретациях брака отдаётся качеству отношений. Гражданская регистрация имеет инструментальное или символическое значение. Даже самый главный аргумент в пользу регистрации брака — защита прав детей — в отдельных случаях подвергается сомнению.

Процессы трансформации представлений о браке и реальных практик противоречивы, разные модели отношений находятся не только в мирном сосуществовании, но и в борьбе друг с другом. Высказывания разных людей, с разным жизненным и профессиональным опытом, установками в большинстве своём обнаружили двойственность оценок и интерпретаций фактического брака. Противоречивость своих утверждений далеко не всегда осознавали даже носители «экспертного» знания. Они проявляли демократичность в общих суждениях, в отношении других и себя, но, когда речь заходила о собственных детях, позиция менялась, склоняясь в сторону традиционной интерпретации брака, в соответствии с которой стабильность межличностных отношений и их гражданский статус зависят от «высшего» гаранта. Гарантами выступают государство и церковь. Сказываются детоцентристские установки личности, семьи, общественности.

В целом, изучение интерпретаций основных форм брака (фактического и с государственной регистрацией), характерных для современного состояния институтов брака и семьи в российском обществе, даёт возможность осуществлять расширенные исследования процессов формирования семьи, в том числе на региональном уровне[1].

---

[1] Результаты исследования в статьях: Разумова И. А., Левенец Т. С. Способы интерпретации фактического брака // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 1. 2010. № 2. С. 24–39; Разумова И. А. Брачный статус и проблема типологии брака // Учёные зап. Петрозаводского гос. ун-та. Общественные и гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 38–45.

Новые формы бракосочетания.

Полевое исследование новых форм брачной обрядности было проведено в Кировске О. В. Змеевой и соискателем Ю. П. Новомлинской[1] в апреле 2012 г. На основе собранного материала выполнено аналитическое описание деятельности Ледового дворца бракосочетаний, действующего с 2010 г. на территории экскурсионно-туристического центра «Снежная деревня». Открывшаяся зимой 2008/2009 г. «Снежная деревня» вначале спонтанно стала одним из мест для фотосессий после регистрации брака. Это усложнило её деятельность как экскурсионно-туристического центра. Следствием была предпринимательская инициатива построить отдельное сооружение для проведения свадебной церемонии на основе договорённости о сотрудничестве с Кировским отделом ЗАГСа. Выявилось, что многие новобрачные возможность оригинально провести свадьбу поддержали, а родители, напротив, проявили консерватизм. Первая церемония состоялась 2 апреля 2011 г. При проведении бракосочетания происходит фактическое дублирование процедуры торжественной регистрации брака. Формальная регистрация, в соответствии с законодательством, осуществляется в помещении ЗАГСа, в данном случае — при участии только самих новобрачных и государственной служащей. Символическая регистрация проходит в зале Ледового дворца, в присутствии гостей и в торжественной обстановке, когда молодые супруги повторяют (разыгрывают) все этапы регламента, в том числе и «роспись».

Сделан ряд выводов, касающихся функционирования символической атрибутики бракосочетания и отношения участников к самой процедуре. Такой элемент ритуала, как обмен кольцами, в присутствии свидетелей имеет для вступающих в брак значительно большее символическое значение, чем собственно регистрация. Именно это действие воспринимается как сочетание браком.

Показательным «брендом» организаторов является широкое использование локальной («ледовой», северной, зимней) символики и сценарных элементов. Особое внимание уделено световому, акустическому, изобразительному оформлению празднества, которое даёт основание участникам высоко оценивать его эстетическую сторону. Данная церемония и текстовый материал в целом свидетельствуют об усилении праздично-игрового значения бракосочетания, когда даже государственный акт становится частью представления, и о тенденции к развитию оригинальных форм свадьбы, потребности в их разнообразии. В то же время наблюдалась «традиционализация» оригинального начинания, поскольку проведение

[1] Тема о современных городских свадебных обрядах предполагалась в качестве диссертационной Ю. П. Новомлинской, но соискатель прекратила обучение, сделав выбор в пользу работы школьного педагога.

свадьбы в зимний период в Ледовом дворце по описанному сценарию становилось очень популярным. Потребительский спрос на тот или иной свадебный сценарий при наличии выбора означает включение современного обряда бракосочетания в сферу массовой культуры, которая кардинально отличается от традиционной по смыслам, функционированию и социальным показателям её носителей. Подобные «нетрадиционные», но стандартизованные сценарии проведения бракосочетания представляют по отношению к разработанному в советский период официальному торжественному ритуалу типологически иную ступень в развитии свадебной обрядности. Их существование подтверждает, что для значительной категории населения потребность в общественных свадебных торжествах сохраняет актуальность[1].

Репродуктивное поведение современных семей

В марте 2013 г. в г. Кандалакша было проведено социологическое исследование репродуктивного поведения супружеских семей. По данным статистики, численность постоянного населения города, как и всей России, с 1989 по 2010 гг. уменьшалась. За этот период в Кандалакше она снизилась от 54 080 до 35 654 человек, смертность почти вдвое превысила рождаемость[2]. Это побудило студентку кафедры социологии и уроженку Кандалакши Е. В. Коростину взяться за изучение проблемы (руководитель И. А. Разумова).

Объектом исследования были состоящие в зарегистрированном браке супруги, проживающие в Кандалакше, в возрасте от 19 до 44 лет, всего 100 человек (по 50 женщин и мужчин). Три четверти опрошенных семей имели детей.

По результатам, 50 % респондентов считали, что дети в семье должны быть обязательно, 40 % респондентов полагали иначе, остальные затруднились ответить, причём наличие или отсутствие детей в семье существенно не влияло на распределение ответов. Больше влиял гендерный фактор: положительно ответили 62 % женщин, 36 % мужчин. В качестве основных причин, из-за которых дети не планировались, респонденты отнесли финансово-материальные проблемы, плохие жилищные условия и плохое состояние здоровья. Из тех, у кого уже были дети, ещё хотели бы их иметь 45 % респондентов, 27,5 % респондентов больше детей иметь

[1] Человек в контексте советской и постсоветской локальной истории: Кольский Север: отчёт о НИР. Апатиты, 2012. С. 23–24.

[2] Численность, размещение и возрастно-половой состав населения Мурманской области. Итоги Всероссийской переписи населения: стат. сб. / Федер. служба госстатистики, Территориальный орган Федер. службы госстатистики по Мурманской области. Мурманск, 2012. Т. 1. 75 с.

не хотели, столько же респондентов затруднились ответить. Ещё одного ребёнка хотели бы иметь 45 % респондентов, двух детей — 60 %. Причины нежелания иметь ещё детей: уже имеют столько, сколько хотелось; «возраст уже не тот»; «здоровье не позволяет». В среднем, идеальным числом детей считается два-три. Планы респондентов в достаточной мере были реализованы, хотя и не всегда совпадали с идеальными установками.

Основными мотивами рождения первого ребёнка (для женщин и мужчин соответственно) были желание иметь ребенка от любимого человека (70 и 72 %); возможность проявить к ребёнку свою любовь (52 и 48 %); желание почувствовать себя по-настоящему семейным человеком (48 и 40 %). Первый мотив лидировал независимо от того, сколько детей хотели иметь супруги. Помимо этого, к мотивам рождения второго ребёнка относились надежда на поддержку в старости (20 и 18 %), необходимость иметь помощника в доме, желание родить ребёнка определённого пола, желание имеющегося ребёнка иметь сестру или брата (по 16 %). Рождение третьего ребёнка дополнительно мотивировалось возможностью получить материальную помощь от государства (8 % — только у женщин). Для рождения четвёртого ребенка и у женщин, и у мужчин оставались два основных мотива: желание иметь ребенка от любимого человека и возможность получить материальную помощь от государства.

Установлены соответствия между социальными характеристиками респондентов и репродуктивными установками. Уровень репродуктивных установок выше у тех, кто имеет высшее и незаконченное высшее образование. Планы респондентов, имеющих низкий профессиональный статус, совпали с их идеальными установками — в отличие от тех, у кого такой статус высокий. Чем больше детей в родительской семье, тем ниже показатели их идеального и ожидаемого числа. Как оказалось, мало что зависит от оценки материального положения семьи. Ни одна из доходных групп не имела установок ни на трёхдетную, ни на однодетную семью, норма двухдетности довлеет во всех социальных слоях. Имеют значение только жилищные условия в иерархии в порядке снижения: собственный дом, проживание с родителями, собственная квартира, съёмное жильё. Таким образом, проживание вместе с родителями, не влияло отрицательно на репродуктивные установки, скорее, напротив. В ходе исследования выяснялись также проблемы, с которыми сталкиваются семьи, и иерархия семейных ценностей. Вопреки исходной гипотезе, выяснилось, что дети и счастливая семейная жизнь более значимы для молодых респондентов (19–24 лет), чем для людей старшей возрастной группы.

Результаты многочисленных исследований показывали, что семьи в России переходят к модели однодетности. В этом случае кандалакшские семьи обнаружили известную консервативность. Более чем в половине случаев у женщин и в большинстве случаев у мужчин проявилось отношение к незапланированной беременности как норме и отрицательное

отношение к аборту, при том что треть из них не пользовались средствами контрацепции[1].

На втором этапе работы уже с опорой на эти данные был предпринят анализ мнений женщин фертильного возраста с учётом их биографического опыта (из 15 респонденток 6 замужних, 6 незамужних и 3 разведённых). Половина из них в юности не испытывали рефлексии по поводу того, что будут иметь собственных детей, неосознанно усвоив нормативный порядок вещей. Мотивация аборта связывалась исключительно с угрозой жизни и здоровью женщины и ребёнка или с социальными аномалиями: преступностью (в случае изнасилования) и бедностью. Семьи не надеются ни на систему здравоохранения, ни на правоохранителей, ни на социальную защиту (в случае рождения ребенка-инвалида). К добровольной бездетности строго отрицательно отнеслись все респонденты, считая медицинские противопоказания единственным оправданием. Положительное отношение к одинокому материнству обосновывалось вполне эгоистично: ограниченностью фертильного возраста и тем, что ребёнок создаёт для женщины «личную жизнь». Идеалом считается, когда ребёнок (дети) рожден(ы) в официально зарегистрированном браке, у ребёнка есть мать и отец. В то же время роли мужа и отца «переменны», ядро «правильной» семьи — мать и ребёнок. Институты брака и родительства отчасти разграничиваются: за бывшими мужьями признаются права отцов.

Многодетность воспринимается неоднозначно. Большая часть опрошенных, в согласии с «традиционной» нормой, оценили её положительно, меньшая — отрицала многодетность, исходя из интересов, прежде всего, детей, которым требуются внимание и комфортные условия жизни. По существу, воспроизводилась структура «полной семьи» в патриархальном варианте: девочка — «хозяйка», мужчина — «работник». Желание иметь больше двух детей связывалось, скорее всего, с адопцией, а не с рождением собственного малыша. Третий ребёнок даёт возможность дополнительной самореализации в материнстве, а главное — это благодеяние, которое полная семья может сделать для обделённого судьбой ребёнка. По всем позициям не выявилось зависимости установок от биографических обстоятельств (репродуктивной истории) респонденток.

Таким образом, довлеют традиционные нормы, к которым адаптирована социальная норма двухдетности. Интерпретировать результаты можно лишь при условии сопоставимых данных по другим городам области. Можно было лишь предположить, что среди прочего имеют значение социально-культурные особенности Кандалакши, где выше, чем в других городах, доля укоренённого населения, сохраняющего связи с поморской сельской культурой, и сильнее влияние православия.

---

[1] Коростина Е. В. Особенности репродуктивных установок супружеских семей (на примере города Кандалакша) // Наука и бизнес на Мурмане. 2014. № 1 (76). С. 69–72.

Между тем о высоком уровне традиционализма поведения, связанного с рождением ребёнка, свидетельствовало другое исследование, выполненное в 2011 г. как пилотное и, к сожалению, не получившее продолжения. Исследование предприняла соискатель Центра гуманитарных проблем КНЦ РАН Е. Васильева. Полевая работа проводилась в Кировске, Апатитах, отчасти в Мурманске. Предметом изучения была культура материнства и младенчества.

На фоне обилия этнографических исследований о традиционной родильной обрядности разных народов, представлений и практик, связанных с рождением ребёнка, крайне малочисленны были работы, выполненные на основе полевых данных, собранных в городской среде. Исключение составляло получившее известность в конце 1990-х гг. социально-антропологическое исследование Е. А. Белоусовой, в котором всё, что связано с рождением ребёнка в современных городских условиях, рассматривалось в сопоставлении с известными ритуальными формами и в аспекте взаимодействия традиционной культуры материнства с культурой современных родовспомогательных учреждений (российский эмпирический материал собран в основном в Санкт-Петербурге)[1].

Информантами Е. Васильевой были женщины, рожавшие в последние несколько лет. Материал составляли автобиографические рассказы, мнения и представления в форме развернутых суждений и рассуждений, нормативные тексты (предписания, запреты, приметы).

Традиционная мифо-ритуальная культура материнства обнаружила в заполярных городах очень высокую степень сохранности и продуктивности, о чём свидетельствовало широкое распространение примет, слухов, мифологических рассказов, а также использование мантики, результаты которой часто противоречат данным медицинской диагностики, однако доверие вызывают. В контексте кризисной ситуации наделяются мифологической семантикой современные предметы (например, если беременная женщина носит мобильный телефон в области груди — молоко прокиснет, если держат в кармане — ребёнок родится уродом и т. п.). Традиционные предписания, в частности, скрывать особенности состояния беременных, распространяются на область взаимодействия с представителями медицинских учреждений (существует рекомендация «не говорить врачам всей правды»). Женщины предпочитают следовать советам своих матерей и бабушек больше, чем рекомендациям медицины.

[1] Белоусова Е. А. «Наш малыш»: Социализация новорождённого в современной городской культуре // Живая старина. 1998. № 2. С. 24–25; Белоусова Е. А. Родильный обряд // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 339–369. Аналогичный подход в американской социальной антропологии был представлен в работах Р. Дэвис-Флойд.

В свою очередь, некоторые женщины — работницы медучреждений сами склонны к соблюдению мифо-ритуальных предписаний (развязывание узлов, распускание волос на роженице и др.).

На принятие решения о месте родов влияют репутация медицинского учреждения, репутация конкретных врачей, место жительства роженицы и её родственников. На момент исследования самую низкую репутацию имела больница г. Кировска (родовспомогательное отделение), о которой больше всего бытовало «страшных историй» и слухов; достаточно низкая она была также у больницы г. Апатиты. Наблюдалась тенденция уезжать рожать либо в областной центр, либо в город или село, где проживают мать, бабушка роженицы (например, из Апатитов — в Кандалакшу, Чупу и проч.)[1]. Таким образом, внешние обстоятельства способствовали укреплению веры в традиционные установления и доверию опыту старших поколений больше, чем профессионалам, в одной из самых ответственных и критических ситуаций жизни женщин и семей.

Ритуалы прощания

Выполняя функции воспроизводства человека, его интеграции в общество и приобщения к культуре, психологической стабилизации и заботы о здоровье, семья отвечает и за то, как происходит прощание с ним после ухода из жизни. Обряды погребения и поминовения, будучи самыми архаическими по происхождению и устойчивыми по ритуальным формам, одновременно соответствуют уровню развития и структуре общества, типу культуры и во многом являются зеркалом меняющейся социальной реальности. Трансформации российских ритуальных практик во многом соответствуют мировым тенденциям. На них влияют глобальные процессы[2]: разделение труда и рынок, состояние институтов, изменение статусных иерархий, миграции, индивидуализм, информационные технологии, рациональность и др. В то же время национальные историко-культурные особенности очень существенны.

В отличие от традиционных крестьянских, обряды российских гражданских, городских похорон начали изучаться достаточно поздно[3],

---

[1] Человек в контексте советской и постсоветской локальной истории: Кольский Север: отчёт о НИР. Апатиты, 2011. С. 8–10.

[2] См., например: Walter T. Why different countries manage death differently: a comparative analysis of modern urban societies // The British J. Sociology. 2012. No. 63. P. 123–145.

[3] Пионерскими можно считать статьи московских этнографов, опубликованные с большим интервалом: Полищук Н. С. Обряд как социальное явление (на примере «красных похорон») // Сов. этнография. 1991 № 6. С. 25–39; Соколова А. Д. Похороны без покойника: трансформации традиционного похоронного обряда // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 187–202.

а особенно активно лишь с начала 2010-х гг., когда стали появляться публикации о современных погребальных практиках в отдельных городах.

В это направление включились исследования Центра гуманитарных проблем КНЦ РАН. В большей части они выполнялись благодаря программам фундаментальных исследований Президиума РАН. В 2009–2011 гг. был поддержан проект «Семейно-родственные общности как агенты культурных инноваций» по программе «Культурное наследие и духовные ценности России», в 2012–2014 гг. — проект «Погребально-мемориальная культура “советских” городов в XX — начале XXI вв.» по программе «Традиции и инновации в истории и культуре». Отдельные аспекты разрабатывались в рамках темы государственного задания «Человек в контексте советской и постсоветской локальной истории: Кольский Север» (2011–2013 гг.).

На первый взгляд было неожиданным, что темами похорон, поминовений, функционирования городских кладбищ заинтересовалась молодёжь и этот интерес нашёл поддержку на кафедрах социологии и истории КФ ПетрГУ. Первые эмпирические исследования и публикации, посвящённые городским некрополям, были выполнены студентками старших курсов Е. В. Васильевой, Э.Д. Агамирзоевой, Л. А. Барабановой и аспиранткой Т. С. Лукиной под руководством И. А. Разумовой[1]. В собирании информации помогали и другие студенты. В Центре разработкой темы занималась также О. В. Змеева, в собирании материала принимали участие Е. В. Бусырева, К. С. Казакова.

Источниками служили данные наблюдений, опросов, записи устных бесед и интервью, фотоматериалы, архивные документы, региональные пресс-публикации, интернет-публикации, разнообразные литературные тексты. Использовался весь спектр антропологических методов, но основным стал метод исследования случая. Рассматривались случаи как частных похорон, так и общественно значимых — на уровне города и даже области. Например, были углублённо проанализированы несколько резонансных трагических случаев с последующими ритуальными мероприятиями, различными по составу участников.

Первый случай связан с трагическим событием, которое произошло в Кировске 11 декабря 2008 г.: на Расвумчоррском руднике в результате

---

[1] Агамирзоева Э. Д., Разумова И. А. «Город мёртвых» в городе воинской славы // Наука и бизнес на Мурмане: [науч.-практ. альм.]: Города Заполярья: социально-антропологические и социально-экономические аспекты. Мурманск, 2009. № 2 (67). С. 37–41; Лукина Т. С. Современные надгробные сооружения: к вопросу об изучении // Наука и бизнес на Мурмане: науч.-практ. альм. 2009. № 2 (67). 43–48; Васильева Е. В. Некрополи Кировско-Апатитского района Мурманской области: история, современное состояние // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 1. 2010. № 2 (2). С. 181–195.

взрыва погибли 12 рабочих[1]. Обстоятельства гибели и длительность процесса опознания тел погибших привели к тому, что похоронные мероприятия проводились в два этапа, с интервалом более чем в полгода — 16 декабря 2008 г. и 21 мая 2009 г. В Кировске и Апатитах широко обсуждались причины гибели и вопрос о статусе погибших, а также ритуальные аспекты погребения: место, способ захоронения и оформление могилы. Выбор из трёх предложенных вариантов был за семьями: хоронить индивидуально на разных кладбищах по месту жительства, в одной братской могиле или в персональных захоронениях в общем месте. Захоронили в отдельных могилах, расположенных в ряд, на Аллее воинской славы. Через год был оформлен «мемориальный комплекс, который состоит из двенадцати надгробий, выполненных в одном стиле. Ограда сделана таким образом, что одновременно разделяет индивидуальные захоронения и подчёркивает их целостность <…>. В мемориал входит общий памятник. У памятника проводят коллективные поминовения, у могил — индивидуальные»[2].

То, что избранный способ погребения представляется оптимальным (компромиссным) для ситуаций массовой гибели людей, подтвердили беседы с жителями города Полярного в 2009 г. Город является военно-морской базой Северного флота. На «старом» кладбище, которое появилось в 1940-е гг., есть участок братских воинских захоронений, в том числе моряков, погибших в мирное время, он называется «кладбищем воинской славы». За этим участком, в отличие от остальной территории некрополя, осуществляется уход. Мнения горожан о братских захоронениях разделились по символическим и прагматическим основаниям. Положительное отношение, высказанное большей частью мужчинами, мотивировалось тем, что так сохраняется идея воинского братства. Кроме того, тела погибших бывают не опознаны, их невозможно переправить родственникам. Аргументами против братских могил служили «потеря индивидуальности» погибших, затрудненный доступ родственников к захоронению и плохой уход за общественными могилами. Из интересов родных и необходимости ухода за могилой исходят, в первую очередь, женщины. Общественное значение героической и жертвенной смерти для них менее существенно[3].

Другой случай был связан с гибелью в автомобильной аварии четырёх молодых людей, юноши-студента из Апатитов и трёх девушек

---

[1] Дни с 12 по 21 декабря 2008 г. были объявлены днями Памяти и Скорби в Кировске и Апатитах, а 16 декабря — днём траура в Мурманской области.

[2] См.: Змеева О. В., Разумова И. А. Герои — виновники — жертвы: проблематизация смерти и захоронения в случае коллективной гибели людей // Труды Карельского научного центра РАН. Петрозаводск, 2013. № 3. С. 121.

[3] Агамирзоева Э. Д., Разумова И. А. «Город мёртвых» в городе воинской славы. 2009. С. 41.

из Кировска, членов местной команды КВН, возвращавшихся из Мурманска 28 ноября 2010 г. Организатором похоронных мероприятий стало ОАО «Апатит». «Между производственным объединением и университетом фактически распределились функции как между крупной и меньшей по возможностям организациями и в соответствии с числом погибших, которых они представляли»[1]. Большую сплочённость проявило неформальное молодёжное сообщество. Его представители занимались оперативным информированием, транспортировкой «неорганизованных» участников мероприятия между двумя городами и, в первую очередь, взяли на себя физическую и психологическую помощь родителям погибшего друга[2].

Анализ именно этого случая хорошо показал, что «в погребальной ситуации чётко очерчиваются сети социальной поддержки и выявляются различия между формальными, полуформальными и неформальными (дарообменными, дружескими) отношениями»[3], и что «в процессе трансформации процедур погребения меняется структура посреднического социального пространства, которое существовало в традиционном ритуале»[4]. В полном согласии с традиционными нормами и субъектно-объектными отношениями в похоронном обряде «члены семьи оказываются более объектом помощи, чем действующими лицами. Когда в рассказах об участии в погребении заходит речь о родных умершего, акцент делается не столько на их действиях, сколько на состоянии» («ни живы, ни мертвы») людей, которых нельзя оставлять без помощи[5].

Таким образом, в контексте ритуала семья находится в двойственной позиции. В целом, она «занимает ключевое положение в системе коммуникаций и её позиции во многом определяют характер погребения, его конкретную форму, даже в тех случаях, когда “всё берут на себя” организации, они соотносят свои действия с интересами ближайших родственников покойного»[6].

---

[1] См.: Разумова И. А. Динамика городского погребального обряда: глобальные социальные факторы и локально-антропологические контексты // Этнографическое обозрение. 2014. № 2. С. 31. Погибшие девушки работали на ОАО «Апатит».

[2] Барабанова Л. А., Разумова И. А. Современный погребальный ритуал с позиций его участников // Учёные зап. Петрозаводского гос. ун-та. Общественные и гуманитарные науки. 2013. № 5 (134). С. 48–49.

[3] Разумова И. А. «Чем проще, тем лучше» (отношение современной молодёжи к погребальному обряду) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 5. 2014. № 2 (21). С. 112.

[4] Разумова И. А. Динамика городского погребального обряда: глобальные социальные факторы и локально-антропологические контексты. 2014. С. 28.

[5] Барабанова Л. А., Разумова И. А. Современный погребальный ритуал с позиций его участников. 2013. 46–47.

[6] См.: Разумова И. А., Барабанова Л. А. Ситуация погребения и похоронный ритуал с точки зрения взаимодействия социальных институтов // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 3. 2012. № 6 (13). С. 56.

Основными взаимодействующими институтами в ситуации погребения являются семья, родство, государство и церковь. Ритуальный сервис создал новое посредническое пространство. В соответствии с концепцией исполнителей темы, при погребении формируются особые сферы практик, в которых осуществляются сотрудничество и соперничество участников. *Культурная сфера* включает обычное право, религию, идеологию, «неомифологию», ритуальные нормы; здесь сталкиваются смыслы смерти и погребения, традиции захоронения, ценности этноконфессиональных и социальных общностей, поколений, локальные традиции. *Экономическое поле* связано с профессионализацией похоронного дела и с распределением расходов на погребение; в нём происходит конкурентная борьба ритуальных служб между собой и с церковью, «борьба за экономию», распределение затрат (финансов, усилий, времени и проч.). *В социально-статусной сфере* происходит соперничество за общественный престиж, определяются роли и статусы участников в соответствии с их значимостью; этот вид взаимодействия проявляется в неформальной помощи родственникам умершего, в ранжировании по степени причастности к основному объекту (умершему); выявляются специфические средства демонстрации статуса. *Политический аспект* предполагает, что погребальные действия и атрибуты, само участие в похоронах могут выражать политическую позицию и означать принадлежность к ней; примерами служат дифференцированное отношение государства к погребению погибших военнослужащих, описанные в источниках похороны лиц, высоко оценённых или, напротив, отверженных властью[1].

По поводу погребения семья вступает в непростые отношения с государством, церковью, ритуальными службами. Например, существуют противоречия между возможностями города и административным регулированием похоронного дела, с одной стороны, и потребностями семей, с другой стороны, которые «касаются выбора места захоронения. Родственники ориентируются на семейную форму захоронений из соображений удобства посещения кладбища и ухода за могилами, а также по культурно-психологическим основаниям. Состояние городских кладбищ далеко не всегда позволяет это сделать, что заставляет либо выкупать места “про запас”, либо прибегать к нелегитимным практикам и связям»[2]. Сталкиваются ценности и практические интересы семей и церкви, несмотря на то, что в настоящее время церковное погребение или включение его элементов в ритуал являются, скорее, правилом.

[1] Барабанова Л. А., Разумова И. А. Современный погребальный ритуал с позиций его участников. С. 57–59.

[2] См.: Разумова И. А. «Чем проще, тем лучше» (отношение современной молодёжи к погребальному обряду). 2014. С. 113.

Наблюдения неоднократно выявляли несоблюдение религиозных норм ритуала родственниками умерших неестественной смертью. Как известно, церковь запрещает хоронить самоубийц, делая исключение только для специально оговорённых случаев. Однако родственники идут на прямой обман священнослужителей. Специальное полевое исследование провела О. В. Змеева для того, чтобы выяснить отношение священников к гражданско-церковной церемонии прощания, в частности к отпеванию, и возможности адаптации к конкретным ситуациям и обстоятельствам. «По мнению священников, отпевания часто являются формальными для родственников, которые не связывают церковный обряд с заботой о душе умирающего», «таинства соборования и отпевания могут рассматриваться как дань “массовой традиции”», к которой священнослужители вынуждены приспосабливаться. Они стараются войти в положение людей, «осознают и принимают роль “исполнителя услуг”. Для них главное, что человек, пусть даже в роли заказчика, приходит в церковь»[1].

Что касается известной идеи (или стереотипа) о сплочении самой родственной общности перед лицом смерти близкого, то при всей её справедливости необходимо учитывать, какие именно взаимодействия становятся более интенсивными и эмоциональными. Здесь могут высветиться конфликты, которые в других случаях не выражены. Например, одна из информантов рассказала о потрясении, которое испытала, пронаблюдав на похоронах острый конфликт родственников по поводу наследства[2].

Связь похорон как преимущественно с семейной, так и с широкой общественной сферой обусловливает многообразие и остроту проблем, которые способна прояснить ситуация погребения. Недавно в русском переводе опубликована статья, соавтор которой Т. Уолтер — один из ведущих специалистов в мире по современной культуре погребения. Выводы этой работы разрушают некоторые «западные» стереотипы «индивидуалистической культуры» и вместе с тем побуждают к дискуссиям, сопоставительным исследованиям и убеждают в актуальности изучения темы в настоящем и в перспективе[3].

Одной из важных для семьи, педагогов и психологов является проблема приобщения младшего поколения к сфере смерти. Информанты разного возраста склонялись к тому, что детей, по возможности, лучше

---

[1] См.: Змеева О. В. Гражданско-церковная церемония: позиции священников // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 10. 2016. № 8 (42). С. 120.

[2] Разумова И. А. «Чем проще, тем лучше» (отношение современной молодёжи к погребальному обряду). С. 112.

[3] Уолтер Т., Бейли Т. Как похороны воплощают понимание семьи: данные массового наблюдения // Социол. журн. 2023. Т. 29, № 1. С. 130–140.

оберегать от наблюдения и переживания ситуации погребения. Страх, пережитый в детстве, у многих остался в памяти и в дальнейшем ассоциировался с похоронной атрибутикой. В ходе исследований одной из задач было выяснить отношение молодых людей к обрядам прощания. Опрос молодёжи 18–22 лет показал, что от первого посещения похорон самые наблюдательные делали вывод о том, что этика скорби направлена на оберегание эмоционального мира других, прежде всего, родных умершего. В целом, «можно утверждать, что участие в погребении знаменует новый этап социализации человека, связанный с включением в специфическое социальное поле, с освоением новых социальных ролей и с более глубоким пониманием различных социокультурных противоречий»[1].

Выявились типы отношения молодёжи к погребальной ритуалистике: 1) прагматичное, характерное больше для мужчин, считающих, что участие в похоронах необходимо для физической, материальной и психологической помощи родственникам покойного; 2) «философское», связанное с рефлексией о посмертной судьбе человека и его физической субстанции, прежде всего собственной; 3) традиционалистское, основанное на доверии традиции, обычаям местности, старшим. Большинство за кремацию, в пользу которой «компактность захоронения урны, отсутствие памятника («чтобы не заморачиваться»), упрощённость процедуры погребения и минимизация всяких усилий, в том числе по уходу за могилой, а также возможность избежать вандализма. Погребально-поминальная атрибутика воспринимается молодёжью как «пережиточная», бутафорская и показная; так же некоторые оценивают и формы выражения скорби в социальной сети (оформление аватарок ВКонтакте, выставление личных фотографий, ритуальные тексты-статусы), хотя визуальная символизация в соцсетях приемлема и распространена[2]. Более того, прощальные мероприятия можно осуществлять в виртуальном пространстве, как показал анализ персональной страницы погибшего в ноябре 2013 г. в ДТП кировского журналиста[3]. Сразу после сообщения о гибели на его странице ВКонтакте стали размещаться сообщения с риторическими обращениями и «вопрошениями» к погибшему, с характерными для прощальных речей формулами и непосредственными эмоциональными репликами. Пользователи выражали также соболезнования родным, размещали фотографии погибшего разных лет, создававшие эффект

[1] Уолтер Т., Бейли Т. Как похороны воплощают понимание семьи: данные массового наблюдения. 2023. С. 115.

[2] Там же. С. 118.

[3] Змеева О. В. «Был в сети вчера…»: смерть журналиста в малом городе // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре / сост. А. Д. Соколова, А. Б. Юдкина; отв. ред. Д. В. Громов. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2015. С. 217–240.

присутствия, и музыкальные файлы, которые отражали предпочтения покойного. То, что в ВКонтакте отражается последнее время пребывания в сети, было дополнительным источником стресса. Общение с умершим продолжалось и после похорон: спустя более чем месяц его поздравляли с днем рождения, а после с Новым годом. Создавалось впечатление, что на протяжении поминального цикла «пользователи как бы ждут чуда не реального воскрешения, а виртуального появления в сети»[1].

Семейное поминовение

В 2011 г. были обобщены имевшиеся и собраны новые материалы о семейной традиции поминовения. В задачи входило выявить её наличие или отсутствие, значение, виды ритуальных действий, соотнести с описанными в этнографической литературе формами поминания умерших и определить, что считается социальной нормой в отношении ритуалов памяти[2]. Число респондентов — 185, их возраст — от 16 до 87 лет, семейно-родственных групп — 142; территориальный охват — города Апатиты, Кандалакша, Кировск, Ковдор, Мончегорск, Мурманск, Оленегорск, Полярные Зори, Полярный, Снежногорск, посёлки Ловозеро и Ревда, а также н. п. Титан.

Почти все утверждали, что традиция поминовения в семье есть. Сама констатация факта призвана свидетельствовать об этнической принадлежности семейно-родственной общности, её культурном уровне. Ритуальным действиям, выполнения которых требует культурная норма, до некоторой степени противопоставляется, особенно у молодых информантов, сопричастие живых и умерших, которое не регулируется обрядовыми предписаниями. В дискурсе поминовения «внешняя» регламентация противопоставлена «внутренней» эмоциональной связи с ушедшими близкими, «поминки» — «памяти», значение которой важнее. Ритуальная поминальная традиция может пресекаться из-за избегания всего связанного со сферой смерти, хотя поводы называются разные. Во многих безрелигиозных семьях поминальные действия считаются избыточными, поскольку они связаны с психологическим дискомфортом.

---

[1] Змеева О. В. «Был в сети вчера…»: смерть журналиста в малом городе // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре. 2015.С. 238.

[2] Результаты исследования подробно отражены в статьях: Разумова И. А. Поминальные обряды: типология, сценарии, функционирование (на примере современных семей Кольского Заполярья) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 2. 2011. № 3. С. 5–18; Разумова И. А., Змеева О. В. Ритуальное поминовение в культуре современных семей // Историко-культурное наследие и духовные ценности России / отв. ред А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. В. Тишков; Отд-ние ист.-филол. наук РАН. М.: РОССПЭН, 2012. С. 391–399.

С одной стороны, память приватна, связана с личными привязанностями, с другой — её стимулируют традиционные ориентиры и социальные потребности. Отдельную и относительно немногочисленную категорию составляют воцерковлённые семьи (индивиды), которые следуют каноническим правилам поминовения усопших в дни, установленные церковью, и в молитвах.

Девятый и сороковой поминальные дни и первая годовщина индивидуального цикла представляются самыми важными и составляют обязательный минимум ритуальных мероприятий. В эти дни наблюдаются разного рода знамения, видения, символические контакты с умершими. Вряд ли можно интерпретировать рассказы об этом как проявление «веры в сверхъестественное». Многократные наблюдения во время индивидуальных поминок 9-го и 40-го дней позволяют сделать вывод об исключительной устойчивости ритуальной речи в виде рассказов и упоминаний, приличествующих случаю. Поминальная риторика, включая семейно-мифологические сюжеты, — одна из самых стабильных и продуктивных форм современной ритуалистики.

Наблюдается распространение частных непериодических поминовений за рамки ритуально предписанного времени. Согласно «канонической» традиции, по истечении года после смерти покойный окончательно переходит в разряд «предков», но в пределах семейной памяти он, как правило, продолжает сохранять имя, личностные свойства, родственный статус. Сроки периодических поминовений переключаются на персональные биографии тех, кого поминают. Соблюдение поминовений ставится в зависимость от знания дат не столько смерти, сколько рождения, которые обычно помнятся лучше, чем даты смерти, в силу традиции их празднования в течение жизни. Граница этого знания является «дрейфующей» от поколения к поколению. По мере отделения нуклеарных семей от ориентационных меняется и конфигурация мемориально-обрядовой культуры. К основным её компонентам относятся время (отмеченные дни, их периодичность), объект (кого поминают), участники и место осуществления. На каждом этапе семейной биографии все компоненты меняются. Дней поминовения то больше, то меньше — в зависимости от того, на какое число ушедших распространяется оперативная память представителей поколений и семейной группы в целом. Поминальная традиция встроена в систему семейно-родственных коммуникаций и симптоматична для её динамики. Она связана с категоризацией и восприятием родственного пространства.

Единичность объекта ритуального поминовения не означает, что о других умерших в семье не помнят. Для поддержания семейно-родственной идентичности одного индивидуального «дня памяти» вполне достаточно. В качестве объекта персонального поминовения обычно фигурируют близкие, которые: а) умерли относительно недавно, б) являются

ближайшими родными (родители), в) являются «знаковыми» личностями семейной истории: например, героически погибли в годы войн, г) если их смерть сопряжена с трагическими или неожиданными обстоятельствами (более редкий случай по причине болезненности воспоминаний).

Что касается общекалендарных поминовений, то «семейная выборка» из него включает одну или несколько поминальных дат. То же касается обрядовой семантики, которая в целом утрачивает значения, связанные с конкретными праздниками и датами, сохраняя лишь общий смысл: «в этот день надо помянуть усопших». Первое место по значению и частоте упоминаний принадлежит Троице (23 % от числа всех респондентов и 70 % от числа тех, кто отмечает даты народно-религиозного календаря); далее следуют Радуница, «родительские дни», Пасха, остальные — значительно реже. Жители разных областей, переселяясь на север, привозили с собой знания о том, когда и как правильно поминать умерших. На Кольском Севере многие столкнулись с обычаями, которые не соответствуют принятым в их местности, больше всего противоречий в проведении Троицы.

Полный поминальный сценарий начинается с посещения церкви, затем следуют посещение кладбища и домашняя трапеза. «Если суммировать утверждения, церковное поминовение практикуется в 27 % случаев (семей), из них 15 % “делегируют” для этого одного представителя — обычно женщин второго-третьего поколений. Несколько чаще встречаются случаи, когда само посещение церкви (в частности, с экскурсионными целями) инициирует поминальное действие: поставить свечку, подать заупокойную записочку»[1].

Уход за могилой — главная цель посещения кладбища. Поддержание семейного захоронения в надлежащем виде поддерживает культурную репутацию родственников. Боязнь общественного осуждения является важным основанием поминовения на кладбище. При этом в подавляющем большинстве случаев соблюдается обычай поминать пищей и алкоголем, исключая тех, кто строго придерживается религиозно-церковных норм, относит себя к «неправославным» группам либо руководствуется психологическими и гигиеническими мотивами. Во время посещения кладбища практикуется обход могил. Северяне, у которых нет родственников в Мурманской области, в течение года не имеют возможности поминать близких в месте их упокоения, но для многих посещение кладбища является естественной частью жизни.

[1] См.: Разумова И. А. Поминальные обряды: типология, сценарии, функционирование (на примере современных семей Кольского Заполярья). 2011. С. 10.

Они участвуют в поминовении в семьях друзей, соседей, самостоятельно посещают могилы умерших коллег по работе, воспринимая это как поминовение усопших вообще.

Помимо дат народно-религиозного календаря, в поминальный цикл включаются дни общенациональных и локальных, прежде всего воинских, поминовений. День 9 Мая многие называли «святым». В этот день (26 апреля по старому стилю) установлено церковное поминовение усопших воинов. 9 Мая в семьях поминают не только погибших, но и переживших войну и умерших позже родственников, при возможности посещают их могилы. Поминовение включает участие в общественных мероприятиях, при наличии посещение семейного и застолье. Поминальная символика характерна также для профессиональных праздников различных родов войск. Если идентичность семьи включает такую профессиональную принадлежность, эти даты осмысливаются и отмечаются и как дни памяти. Члены семей военных моряков в перечень поминальных дат включают День Военно-Морского флота. Характер поминовений приобретают общественные мероприятия, приуроченные к событиям военной истории и связанные с прочими обстоятельствами коллективной гибели людей: День вывода советских войск из Афганистана, Дни памяти жертв чеченских войн, даты гибели кораблей и подводных лодок (в Мурманске, городах-ЗАТО), горняков (в Кировске). Они объединяют семьи погибших, профессиональные и локальные общности.

В ряду главных факторов, влияющих на ритуальное поведение, можно рассматривать религиозно-конфессиональную ситуацию и состояние общественных институтов, выполняющих мемориальные функции, религиозно-этническую принадлежность семьи, её миграционную историю и местожительство, типы смерти и погребения тех, кого поминают, структуру и состав семейно-родственной группы и ряд других. Особый случай составляют дни памяти родственников, которые погребены на недоступной для посещения или неизвестной территории (в силу драматических исторических причин) или не имеют индивидуальных могил. Два самых типичных случая — это гибель на войне или вследствие репрессий. Братские захоронения и мемориальные сооружения, памятники, призванные увековечить национальную память, часто принимают на себя функции кладбищ[1].

Анализ культуры поминовения современных семей показал, что её ритуальные формы являются функциональными, поскольку отвечают духовным потребностям семьи, стабилизируют её как общность.

[1] Это закономерное и кросскультурное явление в Советском Союзе стало особенно заметным с начала 1960-х гг., когда принялись активно сооружать мемориальные комплексы, посвящённые победе в Великой Отечественной войне.

Вариативность поминальных сценариев — следствие объективных условий, семейных установок, структуры семьи и принадлежности — этнической и религиозной. Большое значение имеет образ жизни семей, связанный с местом жительства. Традиция адаптируется к семейно-биографическим обстоятельствам. Обрядовые действия означают «уважение традиции», которая соблюдается по мере возможностей. В мотивации же поминовения основное значение приобретает «память» как этическая категория и ценность.

В целом, исследования различных аспектов истории и культуры семей Кольского Севера показали, что социально-исторический опыт родственных общностей, семейные традиции и культурный потенциал представляют собой ресурс, который может быть значительно эффективнее использован обществом.

ГЛАВА 9
ИЗУЧЕНИЕ КОЛЬСКИХ СЕМЕЙ С ФИНСКИМ И НЕМЕЦКИМ РОДОСЛОВИЕМ

Семьи с финской родословной на Кольском Севере до 1930-х годов

Первые сведения о кольских финнах появились ещё в дореволюционный период в работах Н. Н. Харузина, В. Н. Никольского, а также чиновников Д. Н. Островского, А. П. Энгельгардта и А. К. Сиденснера[1]. Процессы колонизации западного побережья освещены в трудах мурманских и финских историков И. Ф. Ушакова, А. А. Киселева и Е. А. Ореховой, Ю. К. Нюссонена, В. П. Лехтола, А. В. Эрвасти[2]. Интерес к этнической группе финнов вызван тем, что они относятся к старожилам Кольского Севера. Как известно, первые поселения финнов на территории

[1] Харузин Н. Н. Очерк истории развития жилища у финнов. М.: Товарищество А.А. Левинсон, 1895. 99 с.; Никольский В. Н. По горам и рекам Кольского полуострова. Архангельск: Губерн. топография, 1913. 28 с.; Путеводитель по Северу России (Архангельск. Белое море. Соловецкий монастырь. Мурманский берег. Новая Земля. Печора). [Изд. Товарищества Архангельско-Мурманского пароходства] / сост. Д. Н. Островский. СПб.: Тип. А. Бенке, 1898. 146 с.; Энгельгардт А. П. Русский Север: путевые записки. М.: ОГИ, 2009. 256 с.; Сиденснер А. Сведения о Мурманском береге, собранные летом 1896 года контр-адмиралом Сиденснером. СПб.: Тип. Морского Министерства, 1897. 102 с.; Он же. Описание Мурманского побережья. СПб.: Тип. Морского Министерства, 1909. 272 с.

[2] Ушаков И. Ф. Кольская земля: очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск: Кн. изд-во, 1972. 672 с.; Киселев А. А. Очерки этнической истории Кольского Севера. Мурманск: Изд-во МГПУ, 2009. 145 с.; Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX — первой трети XX вв.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Екатерина Александровна Орехова. СПб., 2009; Орехова Е. А. Колонизация Мурмана между двумя мировыми войнами (1914–1940 годы) // Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов / под общ. ред. О. В. Змеевой. М.: Наука, 2022. С. 16–75; Nyyssönen J. The Finnish Presence on Murman Coast — The Era of Petsamo 1920–1944 // North My Nest is Made: [Studies in the history of the Murman Colonization 1860–1940] / eds. A. Yurchenko, J. P. Nielsen. St. Petersburg: European University of St. Petersburg; University of Tromsø, 2006. P. 197–238; Nyyssönen J. The Finnish historical inquiry on Petsamo and the changes in the Soviet Union // Russian-Finnish relations: Inter-textual and contextual analysis of two texts. Murmansk: State Humanities University, 2008. P. 19–26; Lehtola V.-P. Petsamon kolttasaamelaiset. Turjanmeren maa // Petsamon historia 1920–1944 / eds. J. Vahtola, S. Onnela. Rovaniemi: Petsamoseura, 1999; Ervasti A. V. Suomalaiset jaameren rannalla: Matkamuistelmia. Oulussa: Kirjot tajan kustannuksella, 1884. 348 p.

современной Мурманской области возникли в 1840 г. в районе Бабинского погоста (село Ёна). С конца 1850-х гг. начинается постепенное заселение Западного Мурмана выходцами из Улеаборгской губернии.

Исследования семей с финской родословной начались в Центре гуманитарных проблем КНЦ РАН с 2009 г. Во многом они были продиктованы этнографическим интересом и обусловлены тем, что финское население в разные исторические периоды в большей или меньшей степени являлось субъектом межэтнических взаимодействий на Кольском Севере, участвовало в формировании поликультурного облика региона. Между тем этнокультурные процессы в их динамике и многообразии на региональном уровне изучены ещё недостаточно[1]. Авторы предыдущих трудов практически не касались семейного аспекта функционирования этнокультур. Исследования основывались, как правило, на материалах государственных архивов. Кроме того, в публикациях не были отражены процессы последних десятилетий XX в.

Наша работа базировалась, в первую очередь, на комплексе этнографических источников личного происхождения и преследовала несколько целей:

1) изучить историю финских семей, которые в разное время и по разным обстоятельствам обосновались на Кольском полуострове;

2) определить общее и особенное в осмыслении семейной истории;

3) рассмотреть динамику этнических традиций в границах семейно-родственных общностей и способы сохранения семейного культурного наследия.

Любое этнографическое исследование начинается со сбора полевых материалов, которые собирались с 2009 по 2021 гг. в Мурманской области: городах — Мурманск, Апатиты, Кировск, Мончегорск, Полярные Зори, Ковдор; посёлках — Зеленоборский, Кильдинстрой, Верхнетуломский, Ревда, Африканда; сёлах — Ёна, Княжая Губа (рис. 2).

Основную часть материала составили устные источники — сведения, полученные от информантов в ходе интервью. Для этих целей был разработан программно-опросный инструмент. При поиске информантов использовался так называемый метод «снежного кома», то есть когда кто-то из знакомых указывал на человека как на финна или имеющего финские корни. Удалось провести интервью с 37 информантами, происходившими из финских семей (табл. 3). Они различались по социальным характеристикам и имели различный индивидуальный биографический опыт. Возрастной диапазон был значительным. Самый старший информант родился в 1922 г., самый младший — 1984 года

[1] Бусырева Е. В. Судьбы финских семей в памяти их потомков // Кольский Север XX–XXI вв.: культура, наука, история. Апатиты: КНЦ РАН, 2009. С. 53.

рождения. Естественно, что наиболее ценные исторические сведения были получены от информантов старшего возраста, поскольку они являлись непосредственными участниками (свидетелями) знаковых событий в истории нашего государства. Пол и социальный статус участников существенно не повлияли на характер материала.

Рис. 2. Карта Мурманской области (подчеркнуты населённые пункты, где проводился сбор материалов)

Таблица 3

Сведения об информантах с финской родословной

И.Ф.	Пол	Год		Место жительства (выезда) предков	Место проживания информанта	Идентификация родителей/прародителей	Самоидентификация
		рождения	записи (ПМА)				
Потомки выходцев из северной Финляндии							
В.С.	Ж	1939	2014	Улеаборгская губерния	Мурманск	Финны	Финка
Г.К.	Ж	1949	2015	Улеаборгская губерния	Полярные Зори	Отец — ижора; мать — финка	Финка
Т.Х.	Ж	1950	2009	Улеаборгская губерния	Апатиты	Отец — финн; мать: отец — карел, мать — русская	Финка
Г.Л.	Ж	1953	2013	Улеаборгская губерния	Верхнетуломский	Отец — финн, мать — русская	Биэтническая
А.К.	Ж	1955	2009	Улеаборгская губерния	Апатиты	Отец — карел; мать: отец — финн, мать — карелка	Карелка
В.С.	М	1955	2015	Ёно-Бабинский погост	Африканда	Отец: отец — саами, мать — финка; мать — русская	Саами
О.Т.	Ж	1959	2015	Улеаборгская губерния	Ковдор	Отец: отец — финн, мать — русская; мать — русская	Финка
Ю.С.	М	1964	2013	Сайда-Губа	Апатиты	Отец — финн, мать — русская	Финн
С.У.	Ж	1965	2016	Улеаборгская губерния	Ёна	Отец — русский; мать: отец — саами, мать — финка	Амбивалентная

Продолжение таблицы 3

И.Ф.	Пол	Год		Место жительства (выезда) предков	Место проживания информанта	Идентификация родителей/прародителей	Самоидентификация
		рождения	записи (ПМА)				
С.П.	Ж	1975	2021	Цып-Наволок	Мурманск	Отец: отец — русский, мать — финка; мать — русская	Финка
О.К.	М	1979	2015	Руовеси, Финляндия	Мурманск	Финны	Финн
В.Л.	М	1980	2014	Улеаборгская губерния	Апатиты	Отец: отец — карел, мать — финка; мать — русская	Амбивалентная
Потомки выходцев из южной Финляндии							
А.Л.	Ж	1927	2010	Тамерфорс, Финляндия	Апатиты	Отец — финн, мать — карелка	Финка
А.Х.	М	1935	2014	Хельсинки	Кировск	Отец — карел, мать — финка	Карел
В.А.	М	1959	2011	Хельсинки	Кировск	Отец — финн, мать — русская	Финн
Ю.П.	М	1973	2016	Выборг	Апатиты	Отец — русский; мать: отец — русский, мать — карелофинка	Русский
П.И.	М	1984	2010	Сердобольский уезд* Выборгской губернии	Кильдинстрой	Отец: отец — финн, мать — русская; мать: отец — русский, мать — чукча	Русский
Финны-ингерманландцы							
А.Х.	М	1922	2011	Шлиссельбургский уезд ЛО	Мурманск	Финны	Финн

Продолжение таблицы 3

И.Ф.	Пол	Год		Место жительства (выезда) предков	Место проживания информанта	Идентификация родителей/прародителей	Самоидентификация
		рождения	записи (ПМА)				
Е.Л.	Ж	1931	2013	Куйвозовский район ЛО	Апатиты	Финны	Финка
А.Х.	Ж	1932	2009	Куйвозовский район ЛО	Апатиты	Финны	Финка
Р.К.	Ж	1936	2010	Куйвозовский район ЛО	Мончегорск	Финны	Финка
Н.Я.	Ж	1943	2010	Гатчинский уезд ЛО	Апатиты	Отец — финн, мать — русская	Русская
Т.Р.	Ж	1945	2009	Гатчинский уезд ЛО	Апатиты	Отец — финн, мать — русская	Русская
В.Х.	Ж	1946	2009	Гатчинский уезд ЛО	Апатиты	Финны	Финка
Н.Х.	Ж	1947	2010	Куйвозовский район ЛО	Апатиты	Отец — русский, мать — финка	Биэтническая
И.П.	Ж	1948	2010	Куйвозовский район ЛО	Апатиты	Финны	Финка
Т.М.	Ж	1951	2011	Лужский район ЛО	Апатиты	Отец — русский, мать — финка	Русская
Г.В.	Ж	1951	2014	Волосовский район ЛО	Апатиты	Отец — финн; мать — белоруска	Русская
Г.С.	Ж	1952	2015	Мгинский район ЛО	Кировск	Отец — карел, мать — финка	Финка
А.Х.	Ж	1958	2010	Куйвозовский район ЛО	Апатиты	Отец — русский; мать: отец — ижора, мать — финка	Русская

Окончание таблицы 3

И.Ф.	Пол	Год		Место жительства (выезда) предков	Место проживания информанта	Идентификация родителей/прародителей	Самоидентификация
		рождения	записи (ПМА)				
В.Л.	М	1968	2015	Кингисеппский район ЛО	Апатиты	Отец — финн, мать — русская	Финн
Т.Х.	Ж	1981	2011	Гатчинский уезд ЛО	Кировск	Отец: отец — финн, мать — русская; мать: отец — карел, мать — русская	Финка
Потомки американских финнов							
Э.А.	Ж	1927	2009	США	Княжая Губа	Отец — финн, мать — карелка	Финка
Л.К.**	Ж	1942	2018	Канада/Выборг	Апатиты	Отец — финн; мать: отец — карел, мать — финка	Русская
Л.М.	Ж	1956	2011	США	Апатиты	Отец — финн, мать — карелка	Финка
В.Л.	М	1972	2015	США	Ревда	Отец — финн, мать — русская	Русский
Локальная группа неизвестна							
Т.Н.	Ж	1960	2017	?	Зеленоборский	Отец: русский; мать: отец — финн, мать — карелка	Амбивалентная

* Сердоболь до 1918 г. (финское название Сортавала) // Большая энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова. СПб.: Просвещение, 1904. Т. XVII. С. 308.

** Информант происходит из двух локальных финских групп: отец — из канадских (американских) финнов, мать — из южных.

То, что в собирательской работе применялись технические средства (диктофон и фотоаппарат), никогда не скрывалось от информантов. Если собеседник не давал согласия на запись рассказа (сталкиваться с такой проблемой приходилось в единичных случаях), то содержание его рассказа записывалось в тот же день по памяти.

В ходе исследования было установлено, что на территории Мурманской области проживают потомки четырёх локальных финских групп. Из тех, с кем мы общались, двенадцать человек являлись потомками северных финнов, четыре относились к американским финнам, пять — потомки финнов из южной Финляндии, пятнадцать — ингерманландцы. Лишь одна из информанток не знала, откуда её дед мигрировал на территорию Кандалакшского района. Деление на локальные группы проводилось в зависимости от «места исхода» предков, которое совпадало с самоидентификацией информантов по критерию «происхождения» — своего, родителей или прародителей. Сопоставление частных источников, полученных в ходе исследования, с опубликованными историко-этнографическими источниками подтвердило, что различные локальные финские группы значительно отличались друг от друга по культуре и даже по языковым особенностям.

В работе, помимо устных источников, использовались данные семейных архивов информантов. Семейные архивы, с которыми удалось ознакомиться, есть у двадцати восьми информантов с финской родословной и у двенадцати — с немецкой родословной[1]. Естественно, семейные архивы отличаются по объёму. В состав семейных архивов входят биографические документы, генеалогические схемы, материалы СМИ, эго-документы и другие источники. Под эго-документами понимаются источники личного происхождения: мемуары членов семейно-родственной общности, автобиографии, эпистолярные тексты. В трёх семьях наших информантов имеются мемуары, в том числе и неопубликованные.

Большую помощь в исследовании истории, культуры и быта семей как с финским, так и с немецким родословием оказали визуальные и вещественные источники. К этим категориям относятся фотографии, изобразительные материалы и семейные реликвии. При анализе визуальных источников, по возможности, указывалась точная атрибуция изображения: место и дата съёмки, анализировалось содержание фотографий и рисунков. Если на предмет указывали как на реликвию, о нём записывалась возможно более полная информация, история предмета, по возможности — сюжетные рассказы.

---

[1] Изучение архивов семей, принадлежащих (сейчас или в предыдущих поколениях) к этническим общностям дисперсного расселения, составляло специальную задачу исследований, поэтому оно не ограничивалось только теми семьями, члены которых идентифицируют себя финнами.

В работе применялся сравнительный метод: информация, полученная в результате интервьюирования, сопоставлялась с данными документов семейных и государственных архивов, Книг Памяти. В отдельных случаях применялся метод триангуляции, когда была возможность получить дополнительную информацию о семье от других родственников или людей, давно знавших интересующую нас семью. Характер совпадений и различий позволял определить степень достоверности информации.

При изучении историй семей с финским родословием использовалось схематизированное построение миграционных траекторий семьи — передвижений её части или отдельных членов с разъединением и воссоединением в различных географических точках. Это предоставляло возможность проследить линии жизни отдельных представителей рода и семейных групп[1]. Изучались обстоятельства жизни на территории выезда, причины переезда, дальнейшие судьбы потомков переселенцев, а также условия жизни и быта на новом месте.

Первыми из финских локальных групп появились на Кольском Севере северные финны — выходцы из Улеаборгской губернии Великого княжества Финляндского. Основной приток приходится на 1860-е гг. Причина миграций заключалась в том, что в эти годы в Финляндии несколько лет подряд продолжался голод[2]. Тогда на своей родине финские переселенцы были батраками, и мотивом для переселения послужил именно голод. Эту причину подтверждают информанты, получившие устные сведения от своих предков: «*Они перебрались сюда из-за голода, в Финляндии несколько лет подряд тогда был сильный голод. Люди умирали от голода, вот и шли сюда*» (информант В.С., 1939 г.р.)[3]; «*Голод был в Финляндии. Все искали работу. А там, на побережье, рыба. Сельским хозяйством немного занимались. Выживали, как могли*» (информант Г.Л., 1953 г.р.)[4].

Семеро информантов могут подтвердить своё происхождение от первых финских поселенцев благодаря архивным справкам из Финляндии, которые в настоящее время хранятся в семейных архивах.

---

[1] Бусырева Е. В. Миграционные траектории современных кольских семей с финскими корнями // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 2. 2011. № 2. С. 19–29.

[2] Энгман М. Финляндцы в Петербурге / пер. со шв. А. И. Рупасова. СПб.: Европейский Дом, 2008. С. 69; Поленов А. Д. Отчёт по командировке на Мурманский берег. СПб.: Тип. В. Демакова, 1876. С. 36; Ушаков И. Ф. Кольская земля: очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. С. 321; Nyyssönen J. The Finnish Presence on Murman Coast — The Era of Petsamo 1920–1944. P. 209.

[3] ПМА 2014 г.

[4] ПМА 2013 г.

Финские переселенцы жили на Мурмане обособленно, своими национальными общинами, стараясь не смешиваться с соседними народами: «*Финны жили на одном берегу речки, а саамы на другом*» (информант В.С., 1955 г.р.)[1]. Финские поселения носили хуторской тип расселения, который сохранился до коллективизации[2]: «*Они все жили в одном месте, но у каждого был свой дом, когда ребята стали взрослыми. Хуторского типа*» (информант Т.Х., 1950 г.р.)[3].

Участие России в Первой мировой войне вынудило царское правительство начать строительство Мурманской железной дороги. Это было необходимо для обеспечения центра России с незамерзающим морским портом на побережье Кольского залива, поскольку в военное время западные и южные порты блокировались противниками[4]. Сооружение железной дороги подтолкнуло часть финнов завербоваться на строительство в качестве рабочих[5]. Среди них был прадед информанта П.И. (1984 г.р.), который до ареста работал старшим путевым обходчиком десятой дистанции пути в посёлке Шонгуй.

Согласно историческим исследованиям, установлено, что следующая массовая миграция финского населения произошла после подавления в Финляндии социалистической революции. В революционные годы основным фактором миграции был политический. Просоветски настроенные финны были вынуждены спасаться от лахтарей на территории Советской России: «*Дед и его товарищи ушли из Финляндии из-за того, что лахтари насильно вербовали людей в свои отряды*» (информант Г.Л., 1953 г.р.)[6]. Презрительным термином «лахтари» (фин. lahtari — мясник) называли белофиннов из-за массового террора во время финской гражданской войны в отношении попавших в плен «красных» финнов. По информации семейных устных и письменных источников было установлено, что члены некоторых семей информантов нелегально перешли демаркационную

---

[1] ПМА 2015 г.

[2] Бусырева Е. В. Судьбы семей финских колонистов Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 7. 2015. № 1. С. 61.

[3] ПМА 2009 г.

[4] Змеева О. В. От станционных посёлков до промышленных городов: историко-этнографический профиль региона // Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов / под общ. ред. О. В. Змеевой. М.: Наука, 2022. С. 177–178.

[5] Орехова Е. А. Колонизация Мурмана между двумя мировыми войнами (1914–1940 годы) // Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов / под общ. ред. О. В. Змеевой. М.: Наука, 2022. С. 22.

[6] ПМА 2013 г.

линию между Финляндией и Советской Россией, в частности, дед и отец информанта Т.Х. (1950 г.р.) со своими братьями.

После образования в 1920 г. Карельской трудовой коммуны активисты из числа советских финнов стали проводить агитацию в США и Канаде среди местных (американских) финнов, склоняя их к переезду в Карелию. Многие из числа американских финнов, которые в самом начале XX в. переехали из Финляндии в США и Канаду в поисках «лучшей жизни», поддались на уговоры. Они верили в «светлое будущее» в социалистической России. Кроме того, притоку американских финнов способствовала начавшаяся в 1929 г. Великая депрессия[1]. Как известно, до образования в 1938 г. Мурманской области Кандалакшский район входил в состав Автономной Карельской Социалистической Советской Республики. Поэтому после административного передела территорий часть американских финнов оказалась на юге Мурманской области. В их числе был и отец информанта Э.А. (1927 г.р.)[2], прибывший в 1922 г. из Америки в Княжую Губу «*легальным путем по призыву*».

Финны, оказавшиеся на Кольском Севере, успешно адаптировались на новом месте. Этому способствовал комплексный хозяйственный уклад. Переселенцы преимущественно занимались рыбной ловлей. Это относилось к финнам, проживающим на побережьях Западного Мурмана и Белого моря. Во внутренних районах было распространено речное и озерное рыболовство. Вспомогательными видами деятельности предков информантов было разведение коров, оленей и баранов, а также охота и, в незначительной степени, огородничество. Об этом вспоминали информанты со слов своих предков: «*Моя прапрабабушка умерла от брюшного тифа, поэтому прадед женился на своей служанке, так как надо было за детьми присматривать, и она у них коров доила*» (информант С.У., 1965 г.р.)[3]; «*Папа был профессиональным охотником, частенько переправлял революционеров через границу. "Большевиков", как он говорил. Он ещё занимался рыбалкой. Картошку выращивали*» (информант Т.Х., 1950 г.р.)[4]; «*Они все занимались рыбной ловлей. Они все вместе выходили в залив*

[1] Киселев А. А. Очерки этнической истории Кольского Севера. Мурманск: Изд-во МГПУ, 2009. С. 67; Такала И. Р. Финны Советской Карелии и их вклад в развитие республики (1920-е — первая половина 1930-х годов) // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века / науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. Вып. 3. С. 109; Такала И. Р. Североамериканские финны в довоенной Карелии // Устная история в Карелии: сб. науч. ст. Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. Вып. II. С. 38, 49–50; Такала И. Р. Финны в Карелии и в России: история возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002. С. 7.

[2] ПМА 2009 г.

[3] ПМА 2016 г.

[4] ПМА 2009 г.

Мотовский. А затем артель превратили в колхоз», «*У них корова была*» (информант Г.К., 1949 г.р.)[1]; «*Отец часто ходил на охоту. Приносил зайцев, боровую дичь. Кроме того, была своя картошка и молочные продукты. У нас корова была*» (информант Э.А., 1927 г.р.)[2]. Все эти данные известны благодаря семейной коммеморации[3].

Этнологический интерес представляла динамика брачности в семьях финских переселенцев. Во-первых, он был вызван тем, что до 1930-х гг. у финнов преобладали эндогамные браки, поскольку они проживали компактно. Лишь в Кандалакшском районе, где среди местного населения была значительной доля карельского населения, встречались межэтнические браки. С течением времени они стали преобладать, так как финны подверглись «рассеянию» и дисперсному расселению. Этот процесс было вызван политикой власти: раскулачиванием, депортациями по национальному признаку. После Второй мировой войны, за редким исключением, наблюдается полное преобладание гетероэтнических браков. Таким образом, в брачности отразились ключевые исторические события 1930–1940-х гг. Во-вторых, от типа брака зависит сохранность родовой этнической идентичности и сохранность финских культурных традиций. Естественно, эндогамные (моноэтнические) браки являются важным фактором этнической стабильности. Семья передаёт последующему поколению знание родного языка, культурных (бытовых, религиозных) традиций.

В результате локального исследования полностью подтвердилось, что до начала 1930-х гг. браки в финских семьях были преимущественно моноэтническими. Затем в послевоенные годы в результате дисперсного расселения стали распространены так называемые смешанные браки. Вступление в межнациональный брак в определённых условиях служило способом адаптации к критическим обстоятельствам. Наиболее частыми были браки финнов с русскими, что обусловлено преобладанием русского окружения. Межнациональным бракам сопутствовало активное усвоение языка и культуры доминирующего народа[4]. Преобладание межэтнических и межконфессиональных браков было одним из главных факторов, которые привели к языковой ассимиляции и утрате лютеранских традиций.

---

[1] ПМА 2015 г.

[2] ПМА 2009 г.

[3] Семейная коммуникация, речевая и поведенческая, одна из сфер деятельности семьи, направленная на сохранение и трансляцию памяти о прошлом. См.: Megill A. History, memory, identity // History of the human sciences. 1998. Vol. 11 (3). P. 37–62.

[4] Бусырева Е. В. Браки в истории и памяти семей финских переселенцев // Вестн. Тамбовского гос. ун-та. Гуманитарные науки. Вып. 11 (115). 2012. С. 323–326.

Судя по полевым материалам, большинство переселенческих финских семей в прошлом придерживались лютеранских традиций. Как правило, ответственность за религиозную ориентацию и соответствующую культурную политику семьи возлагалась на бабушек, иногда религиозные традиции поддерживались старшими мужчинами. В семьях было принято отмечать религиозные праздники по Григорианскому календарю, практиковались регулярное чтение Евангелия в домашнем кругу, пение молитв: «*Бабушка по воскресеньям надевала торжественную одежду, брала толстый молитвенник и пела на финском языке молитвы*» (информант В.Х., 1946 г.р.)[1]; «*Когда был жив отец, отмечали лютеранское Рождество*» (информант Т.Р., 1945 г.р.)[2]. Именно с этими практиками в первую очередь ассоциировались у информантов «лютеранские традиции». Дополнительным идентификатором являются обряды жизненного цикла: крещение, бракосочетание и погребение «по лютеранскому обряду»: «*Если русские покойника головой кладут на восток, то мы наоборот; крест ставят в ногах, то у нас в голову*» (информант И.П., 1948 г.р.)[3].

Обследованные семейно-родственные общности имеют сложную структуру по основанию религиозно-конфессиональной принадлежности их членов. Смена религиозной ориентации в обычном варианте для потомков финских семей — с лютеранской на православную — происходила вследствие смены этнической среды и межэтнических браков. В смешанных браках с православными финны не придерживались традиций лютеранской церкви, кроме празднования лютеранского Рождества. Таким образом, сохранность финских религиозных традиций зависела от культурной политики семьи, которая, в свою очередь, определялась совокупностью факторов. Главными следует признать советское воспитание в духе атеизма, браки с православными и атеистами. Для потомков финнов факт принадлежности к лютеранству стал элементом семейной мемориальной культуры[4].

Межэтнические браки отрицательно повлияли и на знание финского языка. Однако, по нашим материалам, если мать — финка, то ребёнок, как правило, всё-таки владел финским языком: «*Я финский язык впитал с молоком матери. И с бабушкой по-фински говорил*» (информант А.Х., 1935 г.р.)[5]. Это показывает, что культурное влияние матерей в семьях

---

[1] ПМА 2009 г.

[2] Там же.

[3] ПМА 2010 г.

[4] Бусырева Е. В. Религиозные традиции в жизни финских переселенцев // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 4. 2013. № 6. С. 82.

[5] ПМА 2014 г.

преобладает. На основе устной информации определялись ещё несколько причин. Одна из них — русскоязычное окружение: «*Я могу разговаривать. Если три-четыре дня — то я вспомню. Когда разговаривают финны, то я понимаю*» (информант А.Л., 1927 г.р.)[1]. Было также отмечено, что на владение родным языком особенно негативно повлияло воспитание в детском доме: «*Я говорила по-фински до одиннадцати лет. Я помню, что, когда попала в детский дом в Мончегорске, мне задавали вопросы, и я машинально отвечала по-фински. Потом до меня доходило: а что же я говорю? Потом переходила на русский. И, всё. За пять лет я всё забыла*» (информант Р.К., 1936 г.р.)[2]. Другой важной причиной утраты знания языка было обучение в русской школе. Кроме того, финский язык имел низкий статус и многие хотели скрыть или, по крайней мере, не подчёркивать, что они финны[3]. Помимо всего перечисленного, боязнь говорить на родном языке вызывали репрессии против финнов: «*Нас финскому и не учили даже, потому как финнов притесняли хорошо. Поэтому отец и не хотел, чтобы мы знали, нас от этого оберегали*» (информант Т.Х., 1950 г.р.)[4]; «*Не очень-то разрешалось. Даже в шестидесятых годах, были здесь бабушки… И одна здоровается сердито: "Нечего, давай, по-русски говори". Боялись, потому что прохожие идут, услышат. Нельзя.*» (информант Р.К., 1936 г.р.)[5]. И драматические внешние обстоятельства, и естественные ассимиляционные процессы привели к тому, что большинство потомков финских семей не знают языка[6].

При этом можно утверждать, что определяющим фактором знания или незнания финского языка является культурная политика семьи и личная заинтересованность человека своими финскими корнями[7]. Как показало исследование, финская идентичность и сохранность материнского языка более всего проявляются в финно-карельских семьях, что объясняется этнической близостью обеих групп. Именно семья выступает гарантом сохранения и трансляции социальной памяти семей, в том числе с финской этнической родословной.

---

[1] ПМА 2010 г.

[2] Там же.

[3] Бусырева Е. В. Сохранность родного языка в переселенческих семьях с финскими корнями // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 6. 2014. № 6. С. 92.

[4] ПМА 2009 г.

[5] ПМА 2010 г.

[6] Busyreva E. Cultural identity in families with "the Finnish origin", living in a Russian speaking environment (according to material of Murmansk region) // Human and Societal Security in the Circumpolar Arctic. V. 1. Leiden: Brill Academic Publishers, 2018. P. 341.

[7] Бусырева Е. В. Сохранность родного языка в переселенческих семьях с финскими корнями. 2014. С. 91–92.

Что касается материальной культуры, то к настоящему времени в семьях с финскими корнями не сохранилось каких-либо отличительных этнических особенностей, при этом у представителей старшего поколения есть знание, а у некоторых и память об отдельных «показательных» элементах материальной культуры финнов в целом или даже локальных типах, например, жилищ[1].

Миграции и смешанные браки закономерно приводили к трансформации этничности у представителей семей с финской родословной. По полевым материалам оказалось возможным выявить формы гибридной этнической самоидентификации. Во-первых, это биэтническая идентичность. Особенностью этничности данного типа является то, что её носители обладают особенностями двух этнических групп, осознают своё сходство с ними. Во-вторых, присутствует амбивалентная (неопределённая) этническая идентичность[2].

Исследование показало, что на этническую идентичность, помимо смешанных браков, оказывала влияние «бумажно-бюрократическая», формальная ассимиляция. Иногда паспортистки по собственной инициативе старались изменить национальность финнам: у матери информанта В.Х. до замужества в документах указана финская фамилия Икатти, которую впоследствии переделали на русскую Иготова. Как пояснила мать, «*её заставили так написать»*. Старшей сестре информанта «*паспортистка предложила указать национальность в паспорте "русская"*» (информант В.Х., 1948 г.р.)[3].

В советский период многие финны и немцы добровольно скрывали своё этническое происхождение из-за негативного отношения к их национальности. В последние десятилетия после принятия Закона «О реабилитации репрессированных народов»[4] тенденция изменилась. Для людей характерно манипулировать своей этничностью, если их к этому вынуждают обстоятельства или это сулит какую-то выгоду. Например, репрессированные и получившие официальную реабилитацию имели право на различные льготы (рис. 3).

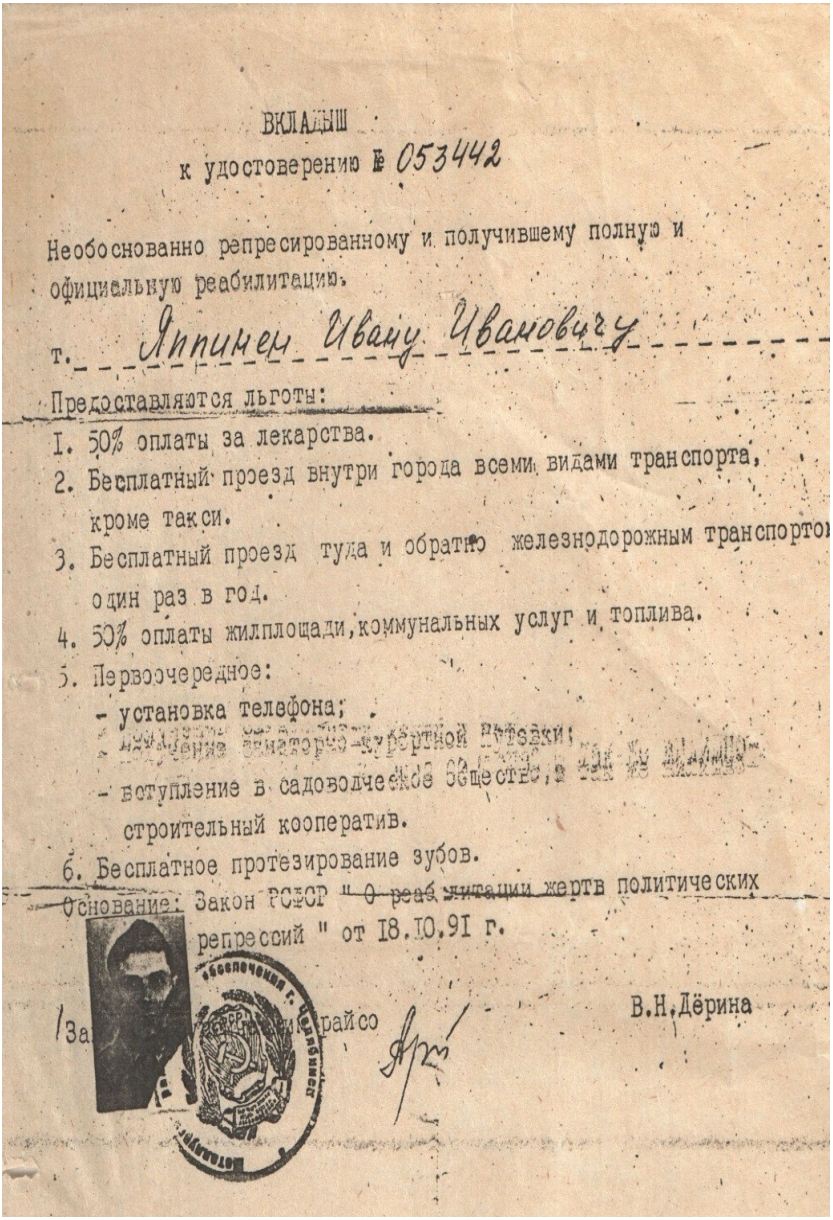
---

[1] Бусырева Е. В. Национальная материальная культура в жизни финских переселенцев Кольского полуострова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 5. 2014. № 2. С. 86.

[2] Бусырева Е. В. История семей с финскими корнями в контексте этносоциальных процессов (на примере Мурманской области) // Вестн. Удмуртского гос. ун-та. История и филология. Вып. 1. 2016. С. 71–72.

[3] ПМА 2009 г.

[4] О реабилитации репрессированных народов: закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107 // Гарант: сайт. URL: http://base.garant.ru/10200365 (дата обращения: 15.01.2023).

ВКЛАДЫШ

к удостоверению № 053442

Необоснованно репрессированному и получившему полную и официальную реабилитацию.

т. Яппинен Ивану Ивановичу

Предоставляются льготы:

1. 50% оплаты за лекарства.
2. Бесплатный проезд внутри города всеми видами транспорта, кроме такси.
3. Бесплатный проезд туда и обратно железнодорожным транспорто один раз в год.
4. 50% оплаты жилплощади, коммунальных услуг и топлива.
5. Первоочередное:
   - установка телефона;
   - [illegible] санаторно-курортной путевки;
   - вступление в садоводческое общество, в [illegible] строительный кооператив.
6. Бесплатное протезирование зубов.

Основание: Закон РСФСР "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18.10.91 г.

[illegible] райсо В.Н.Дёрина

Рис. 3. Справка о льготах, выданная отцу информанта Н.Я. (1943 г.р.). Семейный архив

Наличие финской или немецкой родословной становится фактом родовой памяти, частью «наследия», а в некоторых случаях — инструментом социальной мобильности, дающим основание для эмиграции в Финляндию или Германию[1]. Некоторые члены семей наших информантов стали идентифицировать себя с финнами. Есть случаи, когда внук финна брал девичью финскую фамилию своей матери или внучка финна передала свою девичью финскую фамилию не только своей дочери, но и её русскому мужу, который предпочёл финскую фамилию жены в качестве «пропуска» для планируемой эмиграции в Финляндию[2].

Таким образом, полевые материалы и документы семейных архивов углубили знание и понимание истории и этнокультурного облика финнов, проживающих на территории Мурманской области, их миграций и расселения на Кольском полуострове.

Вынужденные переселения как основа семейной истории и этничности

Объект и материал исследования.

Дальнейшая работа была направлена на изучение вынужденных переселений в результате процессов раскулачивания, репрессий конца 1930-х гг. и депортации по национальному признаку. Именно это время, события и процессы имели исключительное значение в истории семей с финскими и немецкими корнями (табл. 4) и кардинальным образом сказались на основаниях их этнической идентификации. Воспоминания советских финнов и немцев о 1930–1950-х гг. выделяются по исключительному влиянию событий тех лет на судьбы их семей. Практически в каждой семье события и обстоятельства этого периода представляют основное семейное историческое знание.

Процессы раскулачивания и политических репрессий достаточно широко изучались в постсоветской исторической науке, не говоря уже об исследованиях политологического характера. Данная тематика стала активно разрабатываться после принятия Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов».

---

[1] Busyreva E. Cultural Identity in Families with “The Finnish Origin”, Living in a Russian Speaking Environment (According to Material of Murmansk Region) // Human and Societal Security in the Circumpolar Arctic. Local and Indigenous Communities / ed. by K. Hossain, J. Roncero Martín, A. Petrétei. Leiden; Boston: Brill Nijhoff, 2018. Vol. 1. P. 353.

[2] Бусырева Е. В. История семей с финскими корнями в контексте этносоциальных процессов (на примере Мурманской области). 2016. С. 72.

Таблица 4

Сведения об информантах с немецкой родословной

И.Ф.	Пол	Год		Место жительства предков	Место проживания информанта	Идентификация родителей/ (прародителей)	Самоидентификация
		рождения	записи (ПМА)				
М.Ф.	Ж	1938	2019	Пригород Санкт-Петербурга	Апатиты	Отец — русский, мать — немка	Русская
А.Ф.	М	1940	2019	Пригород Санкт-Петербурга	Апатиты	Немцы	Немец
В.И.	М	1946	2018	Украина	Апатиты	Немки — прабабушки с обеих сторон	Русский
В.А.	М	1947	2022	Ростовская обл.	Апатиты	Немцы	Биэтническая
Е.Д.	Ж	1949	2022	Санкт-Петербург	Апатиты	Отец: отец — немец, мать — еврейка; мать — русская	Амбивалентная
Э.В.	Ж	1951	2018	Закарпатье	Апатиты	Немцы	Амбивалентная
Г.К.	М	1953	2021	НП АССР	Апатиты	отец: отец — немец, мать — тат./рус.; мать — немка	Немец
А.Р.	М	1955	2021	Украина	Мурманск	Отец — казах; мать — немка	Амбивалентная
В.Д.	М	1957	2018	Пригород Санкт-Петербурга / НП АССР	Апатиты	Немцы	Амбивалентная
Е.В.	Ж	1960	2017	Латвия	Апатиты	Отец: русский; мать: отец — немец, мать — русская	Русская

Окончание таблицы 4

И.Ф.	Пол	Год		Место жительства предков	Место проживания информанта	Идентификация родителей/ (прародителей)	Самоидентификация
		рождения	записи (ПМА)				
В.А.	М	1961	2019	Латвия	Апатиты	Отец: отец — латыш, мать — немка; мать: отец — русский, мать — карелка	Латыш
И.Ф.	Ж	1972	2019	Ростовская обл.	Апатиты	Отец — немец, мать — русская	Русская
М.Э.	Ж	1976	2023	Ростовская обл.	Мурманск	Отец — русский, мать — немка	Биэтническая
С.Ш.	М	1978	2020	Украина/ Молдавия	Апатиты	Отец — немец, мать — русская	Немец
И.К.	Ж	1979	2018	Грозный	Апатиты	Отец: мать — немка отец — даргинец (?); мать — русская	Немка

Значительный вклад в её изучение внесли работы В. Я. Шашкова, Н. Ф. Бугая, Л. И. Вавулинской, С. И. Старостина и многих других историков, чьи методологические и политические позиции нередко расходятся[1]. Различается и охват материала. В частности, исследования Н. Ф. Бугая дают возможность воссоздать историю депортаций народов СССР в целом, труды В. Я. Шашкова основываются на материалах Мурманской области, работы Л. И. Вавулинской относятся к Карелии и т. д. Все историки оперируют преимущественно документами архивов, дополняя их воспоминаниями свидетелей событий.

Работа, проводившаяся в Центре гуманитарных проблем КНЦ РАН, основана на антропологическом подходе. В основу исследований легли, прежде всего, полевые материалы: интервью и документы семейных архивов информантов. Интервью имеет большое значение как источник, который, во-первых, свидетельствует о ретроспективной оценке событий с точки зрения отдельного человека или, как в нашем случае, пропущенной сквозь призму истории семьи, во-вторых, содержит знание, пережитое как семейный опыт и прошедшее через «запоминание» и «забывание». Для историка-антрополога это очень важно. Однако для получения более достоверной информации, а также для понимания того, что именно запоминается, а что «забывается», необходима разнообразная сверка данных: устных — с документами, семейных версий событий — с информацией, которая имеется в других источниках. Интервью были в основном нарративными, то есть представляли собой рассказы информантов об истории рода (генеалогические знания), личные или семейные воспоминания об обстоятельствах жизни в то или иное время, событиях семейной истории (браках, рождениях, смертях, переездах).

---

[1] Шашков В. Я. Спецпереселенцы на Мурмане. Роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове (1930–1936 гг.). Мурманск: Изд-во МГПИ, 1993; Шашков В. Я. Спецпереселенцы в Хибинах: Спецпереселенцы и заключённые в истории освоения Хибин: кн. воспоминаний / Хибин. добровол. ист.-просветит. благотворит. о-во «Мемориал». Апатиты, 1997; Шашков В. Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области: К 65-летию Мурманской области. Мурманск: Максимум, 2004. URL: https://helion-ltd.ru/victor-shashkov/ (дата обращения: 15.01.2023); «Мобилизовать немцев в рабочие колонны… И. Сталин»: сб. документов (1940-е годы) / сост. Н. Ф. Бугай. М.: Готика, 2000; «По решению правительства Союза ССР…»: [Депортация народов: документы и материалы] / сост. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. Нальчик: Эль-Фа, 2003; Вавулинская Л. И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х — середине 1950-х гг. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2013; Старостин С. И. Массовые депортации и система спецпоселений в Вологодской области в 1930–1950-е годы // Historia Provinciae: [журн. региональной истории]. 2019. Т. 3, № 1. С. 212–317. https://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-4.

В методологическом отношении мы опирались на разработки И. А. Разумовой[1], корректируя опросник применительно к конкретным задачам и ситуации интервью.

Наиболее ценными являются нарративы представителей самого старшего поколения, поскольку они были непосредственными свидетелями процессов раскулачивания и депортаций. Повторяется информация о том, что члены исследуемых групп подвергались репрессиям как по классовому (принадлежность к кулакам), так и по этническому (финны, немцы) признакам, при этом репрессировали не конкретное лицо, а целые семьи. Под «властью» в воспоминаниях понимается и высшая государственная власть, и подчинявшиеся ей представители местной администрации, а также руководители ведомств, производств и хозяйств[2].

При изучении процессов раскулачивания и политических репрессий на материале истории семей мы попытались объединить в один объект советских финнов и немцев. В этнической самоидентификации тех и других выражена принадлежность к репрессированным народам. Определённое, на первый взгляд, сходство обнаруживали модели семейной истории («судьбы» семьи и поколений). В результате выявились как общие черты, так и различия в линиях жизни между финскими и немецкими семьями.

Раскулачивание и политические репрессии в истории семей.

Как известно, в конце 1920-х гг. был взят курс на ускоренное промышленное освоение Севера, однако край столкнулся с дефицитом собственной рабочей силы. Данная проблема была решена при помощи использования труда раскулаченных и переселенных крестьян. Процесс раскулачивания проходил по социальному принципу (ликвидация кулачества как класса), а не по этническому. Крестьяне, имевшие крупное хозяйство и использовавшие наёмный труд, подлежали раскулачиванию и выселению в отдалённые регионы[3]. В частности, часть раскулаченных

---

[1] Разумова И. А. Потаённое знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. 2001. 376 с.; Разумова И. А. Письменные традиции современной семьи: проблемы собирания и изучения // «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. М.: [б. и.], 2001. С. 93–115; Разумова И. А. Время в семейном историческом нарративе. URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/razumova6.htm (дата обращения: 30.08.2023) и др.

[2] Разумова И. А. О динамике социальных границ: власть в воспоминаниях подневольных тружеников // Учёные зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2021. Т. 43, № 2. С. 107.

[3] Шашков В. Я. Спецпереселенцы на Мурмане: роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове (1930–1936 гг.). 1993. С. 50; Шашков В. Я. Спецпереселенцы в Хибинах: Спецпереселенцы и заключённые в истории освоения Хибин: кн. воспоминаний. 1997. С. 196.

семей из северо-западных областей РСФСР отправили в Мурманский округ, так как освоение Хибин являлось частью программы индустриализации страны. Решение о направлении на спецпоселение принималось местными органами исполнительной власти и, по существу, представляло собой вид административной репрессии[1]. Наибольшее количество раскулаченных семей было отправлено в 1931 г. несколькими этапами[2]. Хибинские спецпоселения отличались от других: они не были закрытыми[3], как большинство спецпоселений, в них жили и спецпереселенцы, и вольнонаёмные.

Среди семей наших информантов финского происхождения подверглись раскулачиванию десять, из них девять относились к ингерманландской этнолокальной группе и лишь одна семья — к финским колонистам. Как уже указывалось, финские колонисты не были зажиточными, поскольку происходили из батраков. Что касается немецких семей, то таких было три: две семьи из пригорода Ленинграда и одна из Азово-Черноморского края (в настоящее время территория Ростовской области). Естественно, многих раскулаченных крестьян из пригородов Ленинграда выселяли в Мурманский округ, который до 1938 г. входил в состав Ленинградской области.

Вынужденные переселения начала 1930-х гг. были вызваны, прежде всего, экономическими потребностями государства. Оно нуждалось в освоении сырьевых ресурсов, которые находились на малоосвоенных территориях, в том числе и на Кольском полуострове. Эта проблема решалась при помощи использования труда раскулаченных крестьян[4].

Политические репрессии в годы «Большого террора».

Начиная со второй половины 1930-х гг. отношения между Финляндией и Советским Союзом ухудшились. Это было вызвано тем, что в окружении Маннергейма давно велись разговоры о желании присоединить северо-западные территории России к Финляндии[5]. Кроме

---

[1] Вавулинская Л. И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х — середине 1950-х гг. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. С. 31.

[2] Карху Э. Г. Малые народы в потоке истории: исследования и воспоминания. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. С. 165; Шашков В. Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области: к 65-летию Мурманской области. С. 109.

[3] Бусырева Е. В. Влияние властных структур на судьбы финских и немецких спецпереселенцев Мурманской области // Журнал региональной истории = Historia provinciae / Череповецкий гос. ун-т. 2022. Т. 6, № 4. С. 1167.

[4] Бусырева Е. В. Судьбы раскулаченных немцев (на примере двух семей из Мурманской области) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 17. 2019. № 7 (10). С. 89.

[5] Шлыгина Н. В. Финны // Народы России. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 372.

того, правительство Финляндии поддерживало дружественные отношения с фашистской Германией. В обсуждении этого вопроса на одной из недавних конференций в Петрозаводске д-р ист. наук С. Г. Веригин (специалист по истории Второй мировой войны на севере Европы) подтвердил, что, хотя официального военного договора между Германией и Финляндией не было, де-факто она была союзником Германии. Правительство Германии рассматривало территорию Финляндии как плацдарм для нападения на СССР. В связи с этим возникла необходимость принятия Постановления о мероприятиях по усилению охраны границы с Финляндией[1]. А в 1937 г. Пленум ЦК ВКП(б) санкционировал начало «большого террора». Последовала серия приказов Н. И. Ежова, комиссара госбезопасности, направленных против этнических меньшинств, в том числе против финнов и немцев. В частности, финнам были предъявлены обвинения в шпионаже, антисоветской деятельности и в связях с заграницей. Многие финские колонисты осуждались за нелегальный переход границы. Слово «финн» в Советском Союзе стало ассоциироваться с понятием «враг народа»[2].

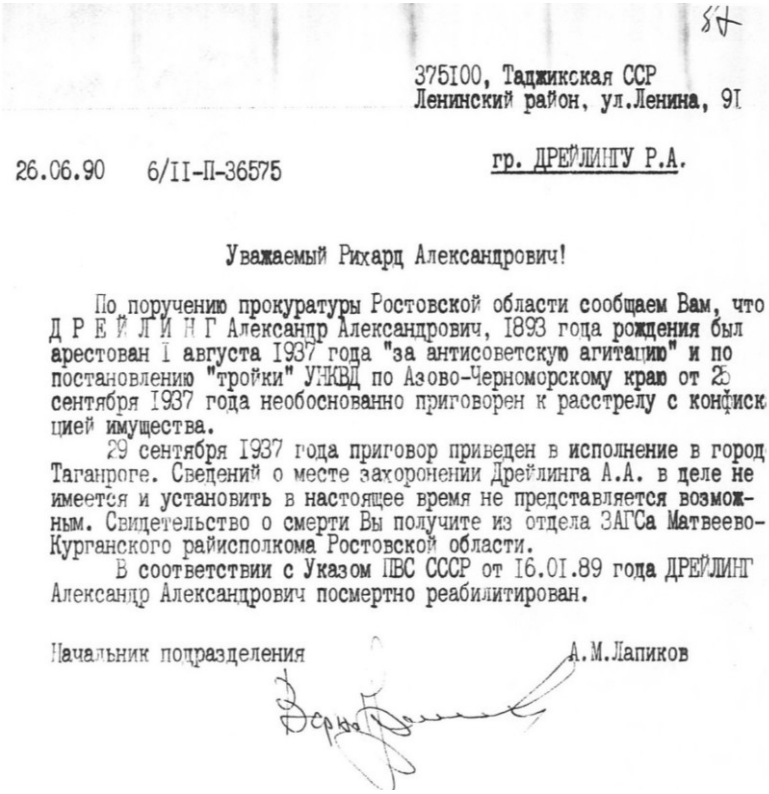
На Кольском Севере была «раскрыта» финская контрреволюционная националистическая шпионская организация. По сведениям, полученным от наших информантов, в причастности к этой организации были обвинены и расстреляны ближайшие родственники в шести семьях северных финнов[3] (члены семей информантов Т.Х., Г.К., Г.Л., А.К., Ю.С. и С.П.). В семьях информантов В.С. и В.Л. ближайшие родственники получили различные сроки заключения. Также подверглись высшей мере наказания: представители двух ингерманландских семей (Г.В. и В.Л.); члены двух семей из американских финнов (отец Э.А. — ВМН, дедушка и бабушка В.С. — отбывали срок в лагере, где и погибли); представители пяти семей, чьи предки были выходцами из южной Финляндии (члены семей информантов А.Л., Л.К., П.И. получили ВМН и А.Х., В.А. — различные сроки). Высшей мере наказания были подвергнуты и женщины. Например, бабушки информантов Г.В. (из ингерманландской семьи) и Л.К. (по материнской

[1] Центр и Северная окраина Российского государства в XVI–XX вв.: динамика стратегических связей (на материалах Кольского Заполярья): дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Павел Викторович Федоров. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2009. С. 263.

[2] Конькова О. И., Кокко В. А. Ингерманландские финны. Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 17.

[3] Бусырева Е. В. Влияние приграничного проживания на судьбы северных финнов Мурманской области // Studia borealis: осмысляя региональное (российский регион XVI–XX вв. в фокусе междисциплинарных исследований): сб. материалов III Междисциплинарной науч. конф. (чтения памяти А.В. Камкина) с междунар. участием / Мин-во науки и высшего образования РФ / под ред. А. В. Всеволодова, Н. В. Алексеевой, И. В. Спасенковой. Вологда: ВоГУ, 2022. С. 58.

линии из южных финнов). Многим финнам были предъявлены обвинения за связь с родственниками, проживающими в Финляндии и США, некоторым — за нелегальный переход границы.

375100, Таджикская ССР
Ленинский район, ул.Ленина, 91

26.06.90 6/II-П-36575

гр. ДРЕЙЛИНГУ Р.А.

Уважаемый Рихард Александрович!

По поручению прокуратуры Ростовской области сообщаем Вам, что Д Р Е Й Л И Н Г Александр Александрович, 1893 года рождения был арестован 1 августа 1937 года "за антисоветскую агитацию" и по постановлению "тройки" УНКВД по Азово-Черноморскому краю от 25 сентября 1937 года необоснованно приговорен к расстрелу с конфискацией имущества.

29 сентября 1937 года приговор приведен в исполнение в городе Таганроге. Сведений о месте захоронении Дрейлинга А.А. в деле не имеется и установить в настоящее время не представляется возможным. Свидетельство о смерти Вы получите из отдела ЗАГСа Матвеево-Курганского райисполкома Ростовской области.

В соответствии с Указом ПВС СССР от 16.01.89 года ДРЕЙЛИНГ Александр Александрович посмертно реабилитирован.

Начальник подразделения А.М.Лапиков

Рис. 4. Справка, подтверждающая, что к деду (по материнской линии) информанта В.А. (1947 г.р.) была применена высшая мера наказания

По сведениям информантов с немецкой родословной, случаи расстрела ближайших родственников, обвинённых в контрреволюционной деятельности, выявлены в двух семьях. В семье информанта В.Д., 1957 г.р.[1]: «*Дедушку, отца матери, расстреляли в тридцать седьмом*». В семье информанта В.А. были приговорены к ВМН оба деда и старший брат отца.

Надо отметить, что все осуждённые родственники наших информантов были впоследствии реабилитированы. Как сказала с горечью

[1] ПМА 2018 г.

во время нашей встречи информант Э.А., читая справку о реабилитации своего отца (из семейного архива)[1]: «*Они все были необоснованно репрессированы*».

Депортация по национальному признаку.

Выселение по национальному признаку является значимым событием в истории семей с финской и немецкой родословной, так как депортация целого народа имеет глубокие деструктивные последствия в материальной и духовной сферах как для всего этноса, так и для отдельного человека[2]. Депортации (насильственные миграции) — одна из разновидностей политических репрессий. Превентивные депортации — это наказание за «принадлежность к национальности, с зарубежными соплеменниками которой ведётся или может вестись война»[3]. Именно по этой причине советские финны и немцы подверглись в годы Второй мировой войны депортации превентивного характера.

Первая депортация по национальному признаку, которую испытали семьи информантов, произошла ещё летом 1940 г. В ходе «зачистки» погранзоны от «нежелательных элементов» вышел Приказ НКВД СССР № 00761 «О переселении из города Мурманска и Мурманской области граждан инонациональностей». Согласно этому приказу, немцы были депортированы в Алтайский край[4]. Финские семьи сначала оказались в Карело-Финской ССР, а дальнейшем в связи с военными действиями на этой территории их отправили подальше от границы, в тыловые области СССР, преимущественно в Архангельскую область и Коми АССР.

Не подвергались выселению финки и немки, вышедшие замуж за мужчин иной национальности. К таким относились, например, мать информанта Н.Х. из ингерманландской семьи, мать информанта Г.К. из семьи финских колонистов, мать информанта М.Ф. из немецкой семьи. Однако мать информанта М.Ф., несмотря на то, что была замужем за русским (отец в это время учился в медицинском институте в г. Свердловске), уехала вместе с остальными родственниками: «*Она могла не ехать, но… их всех увезли, не оставаться же здесь одной*». Такой поступок объясняется тем,

---

[1] ПМА 2009 г.; Бусырева Е. В. История одной немецкой семьи (по материалам семейного архива) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 33.

[2] Черказьянова И. В. Депортация российских немцев: психологические последствия и влияние на гражданскую идентичность и внутренний мир // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII Междунар. науч. конф. М.: МСНК-пресс, 2011. С. 77.

[3] См.: Полян П. М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 11–12, 30.

[4] Бугай Н. Ф., Гонов А. М. «По решению правительства Союза ССР…». Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 170–171.

что единство семьи всегда было залогом выживания в тяжёлые времена, и нередко те члены семьи, которые имели возможность избежать выселения, предпочитали остаться с родственниками, даже жертвуя собственной свободой[1].

Жизнь и немецких, и финских семей, помимо тяжёлых бытовых условий, осложнялась политической дискриминацией. Немцев и финнов часто воспринимали как фашистов. Такие факты подтверждались в рассказах информантов: «*Их* <немцев> *дразнили фашистами. Хотя прадед за Советский Союз воевал*» (информант И.К., 1979 г.р. из немецкой семьи)[2]; «*Дразнили всё по национальности*» (информант Н.Я., 1943 г.р. из ингерманландской семьи)[3]. Ругательство «фашист» сохранялось долгие годы при выяснении отношений на бытовом уровне[4], особенно между детьми и подростками. Информанты вспоминали: «*Меня в детстве пацаны в пылу ссор обзывали не иначе, как «фриц»* (В.А., 1947 г.р.)[5]; «*Дразнили фашистами. Везде, при всяком удобном случае*» (А.Ф., 1940 г.р.)[6] и т. п. Такое отношение вызывало ощущение закомплексованности: «*Было общество немецкое, а я постеснялась. Не русский по национальности, вот и жмёшься. У многих немцев взяты фамилии жены. У меня советское воспитание. Иногда бывает даже стыдно, что у тебя такая национальность*» (Э.В., 1951 г.р.)[7]. Кроме того, знаком отверженности становилось имя, подчеркивающее этническое происхождение: «*Я матери всегда говорила: "Зачем ты мне имя такое дала!"*»[8].

Это был единственный случай в практике, когда информант стыдилась своей этнической принадлежности и призналась в этом. Такое переживание своего происхождения является следствием социальной стигмы и психологической травмы, перенесённой в детстве: информант родилась на спецпоселении и взрослела с осознанием того, что причастна к репрессированному народу.

После депортации по национальному признаку последовала мобилизация в трудовую армию. Мобилизация в трудовую армию спецпереселенцев, в том числе немцев и финнов, началась с осени 1941 г.

---

[1] Разумова И. А. Семейный фактор интеграции исторической общности спецпереселенцев // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 14. 2018. № 7. С. 22.

[2] ПМА 2018 г.

[3] ПМА 2010 г.

[4] Черказьянова И. В. Депортация российских немцев: психологические последствия и влияние на гражданскую идентичность и внутренний мир. 2011. С. 84.

[5] ПМА 2022 г.

[6] ПМА 2019 г.

[7] Бусырева Е. В. Воспоминания потомков российских немцев о годах войны (по материалам этнографических исследований) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 18. 2020. № 1 (11). С. 178.

[8] ПМА 2018 г.

Мобилизация была вызвана дефицитом рабочих кадров в военные годы[1]. Были мобилизованы мужчины от 15 до 55 лет и женщины от 16 до 45 лет (кроме беременных и имеющих детей в возрасте до 3 лет)[2]. Основную часть трудармейцев составляли немцы, причём не только мужчины, но и женщины. Среди них оказались матери информантов М.Ф. и Г.К. Информации о том, что в трудовую армию забирали женщин финской национальности, нами не обнаружено.

В числе трудармейцев были и члены финских семей информантов. На строительстве Челябинского металлургического завода трудилось трое мужчин из финских семей (А.Х., 1922 г.р., отцы Н.Я. и Г.Л.), тёти информанта М.Ф. из немецкой семьи; в Буржелдорлаге в посёлке Умальта Верхне-Буреинского района Хабаровского края — отец информанта Г.В. из ингерманландской семьи; на строительстве Богословского алюминиевого завода и обслуживания Североуральских бокситовых рудников (Богословский исправительно-трудовой лагерь НКВД) находился дед информанта И.Ф. из немецкой семьи[3].

Также оказались в трудовой армии отец матери информанта Г.К. (1953 г.р.)[4]: «*Дедушку забрали в трудармию. Он там и умер*», — и двоюродный брат матери. Информантка М.Ф. вспоминала[5]: «*Маму, уже когда на Алтай приехали, взяли в трудармию. А сначала она в зверосовхозе работала фельдшером, а потом в совхозе чуть ли не на тракторе пока в трудармию не взяли. И деда моего тоже забрали в трудармию. И он там и умер. Дедушку и маму взяли в трудармию, а меня с бабушкой оставили. Вот тёть моих тоже в трудармию забрали в Челябинск. Какого-то родственника комиссовали из лагеря из-за туберкулёза. А дядя мой на Колыванстрое работал, он горный техникум окончил*».

---

[1] Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х — начале 50-х гг. XX в.: автореф. дис. … д-ра ист. наук: 07.00.02 / Андрей Борисович Суслов. Екатеринбург, 2004. С. 12–15.

[2] Герман А. А. Российские немцы в годы Великой Отечественной войны: вклад в Победу // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII Междунар. науч. конф. М.: МСНК-пресс, 2011. С. 16; Чернова-Деке Т. Депортация и судьбы кавказских немцев: трагедия 1941 года // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII Междунар. науч. конф. М.: МСНК-пресс, 2011. С. 115–116; Эйхельберг Е. А. Депортация советских немцев: взгляд из Германии // Вестн. Тюменского гос. ун-та. 2012. № 2. С. 98.

[3] Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага 1941–1946. URL: http://bogoslovlag.rusdeutsch.ru/?bogoslov=5&text=21074.

[4] ПМА 2021 г.

[5] ПМА 2019 г.

Только в 1991 г. трудовая армия стала официально признанной формой трудового вклада в борьбу с фашистской Германией[1].

Спецпоселения для бывших кулаков и других лиц были ликвидированы[2] в 1954 г. Немцы, жившие на спецпоселении, были освобождены из-под административного надзора[3] в начале 1956 г. согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» от 13 декабря 1955 г. и Приказу МВД СССР № 0601 от 16 декабря 1955 г. Однако возвращаться на прежнее место жительства было запрещено, да и некуда было. Если жильё и сохранилось, то за столь долгий срок оно давно уже было занято другими людьми.

В 1940-е гг. принудительные переселения финнов и немцев происходили по этническому признаку, и это основание депортации стало объединяющим фактором для российских немцев и финнов, сформировало осознание единства исторической судьбы. Дисперсное расселение, разрыв семейных связей, утрата традиций негативно повлияли на численность финского и немецкого народов. Трагические судьбы представителей семей с финским и немецким родословием аккумулировались в категорию «репрессированный народ», при этом полученные результаты подтвердили, что советские немцы и финны, несмотря на трагичность судеб, и на фронте, и в тылу в подавляющем большинстве демонстрировали патриотизм и внесли свой заметный вклад в общие усилия для достижения победы.

Характерной чертой поведения многих поколений российских финнов и немцев было нежелание вспоминать о тяжёлых страницах своей жизни и семейной истории. Это один из важных защитных механизмов — стараться не «оживлять» память, дабы не навредить разговорами ещё больше себе и детям. По этой причине большинство потомков лишь фрагментарно знают об историях родительских и прародительских семей. Некоторые информанты с финской родословной по собственной инициативе затрагивали в беседе тему о несправедливом отношении к своему народу. Информанты с немецкой родословной данную тему замалчивали. В этом наблюдается различие между группами в представлении семейной истории, хотя уверенно утверждать сложно.

Полученные интервью показали, что общим глубоко пережитым драматическим событием и для финнов, и для немцев была депортация по национальному признаку. Различие переселений заключается в том, что

---

[1] Герман А. А. Российские немцы в годы Великой Отечественной войны: вклад в Победу. 2011. С. 20.

[2] Шашков В. Я. Спецпереселенцы в истории Мурманской области: к 65-летию Мурманской области. URL: https://helion-ltd.ru/victor-shashkov.

[3] Старостин С. И. Массовые депортации и система спецпоселений в Вологодской области в 1930–1950-е годы. С. 250–257.

финнов, как правило, отправляли в Архангельскую область и в Коми АССР, а немцев в более отдалённые восточные районы — в Сибирь и Казахстан.

Полученные нами материалы помогли расширить круг знаний о процессах раскулачивания, депортации по национальному признаку и политических репрессиях. Это позволило выявить как общие черты, так и различия политики властных структур в отношении советских финнов и немцев. При этом для тех и других принудительные переселения стали фактором известного переопределения оснований своей этнической идентификации.

Предварительные итоги.

В ходе многолетних поэтапных исследований, начатых в 2009 г., были собраны и обобщены данные по семейной истории и культуре кольских финнов и немцев, рассмотрены этносоциальные процессы, в которые они вовлекались.

Проведён анализ миграций финнов и немцев на территорию Кольского Севера в разные исторические периоды. Кольские финны, в особенности старожилы-колонисты, которые в советское время стали тружениками колхозов, в немалой степени повлияли на формирование этнокультурного облика региона. Проанализированы исторические судьбы ингерманландских семей в сравнении с судьбами финских колонистов Мурмана и зарубежных иммигрантов. Государственная политика в отношении ингерманландцев была более «мягкой», поскольку они воспринимались в качестве «наших советских» граждан. В послевоенный период переезд отдельных представителей финских и немецких семей в Мурманскую область был вызван, прежде всего, трудовой миграцией, в том числе принятой в советское время системой распределений трудовых мест после окончания учебных заведений.

Миграция, ассимиляция, межнациональные браки оказали закономерное воздействие на динамику идентичности в последующих поколениях, стали факторами размывания финской и немецкой идентичности в переселенческих семьях. Были проанализированы статистические данные итогов переписей населения. Для послевоенного времени гетероэтнические браки — норма жизни. Их преобладание привело к быстрому уменьшению численности финнов и немцев. Значительной ассимиляции способствовало и дисперсное расселение.

Рассмотрена трансформация лютеранских традиций. Большинство семей, из которых вышли наши информанты, в прошлом придерживались лютеранского вероисповедания. Только одна немецкая семья из Закарпатья в прошлом придерживалась католицизма. На время исследования только трое информантов из моноэтнических финских семей и один информант из моноэтнической немецкой семьи имели лютеранское вероисповедание. Утрата лютеранских традиций произошла по естественной причине —

жизни в иноэтническом окружении и, как в случаях прочих конфессий, под воздействием государственной политики в отношении церкви. При этом выявлена неоднолинейность культурно-ассимиляционных процессов. В частности, можно определённо утверждать, что степень сохранности материнской культуры зависит от культурной политики семьи и личной заинтересованности человека. Культурная политика семьи предполагает, что каждая семья имеет свои установки в сфере культуры, культурную стратегию, а также использует определённые способы их реализации. Она связана с сохранением, трансляцией и модификацией культурной идентичности членов семьи.

Коммеморативные практики в семьях с финскими и немецкими корнями

На определённом этапе работы с семейными источниками появились основания углублённо рассмотреть вопрос о том, как и в каких формах в семьях с финским и немецким родословием потомков сохраняется социальная память[1]. Коммеморация нами рассматривалась как сознательный акт передачи значимой информации путём увековечивания памяти об определённых родственниках и событиях семейно-родственных общностей с финскими и немецкими корнями.

Безусловно, наиболее распространёнными практиками передачи знаний об истории рода и отдельных родственниках выступают устные воспоминания представителей старшего поколения. Однако, поскольку устные истории имеют субъективный характер, да и человеческая память не может хранить все детали тех или иных событий, во многих семьях существуют семейные архивы (СА). И. А. Разумова обращает внимание на то, что «глубина памяти и объём знаний об истории семьи находятся в прямой зависимости от наличия семейного архива», соблюдение «письменной традиции способствует самоидентификации семьи»[2].

Информация, полученная в результате интервьюирования, сопоставлялась с данными документов из семейных архивов информантов (и с внешними источниками). Данный метод позволил более достоверно реконструировать судьбы не только отдельных людей, но и семейно-родственной общности в целом[3]. Удалось ознакомиться с 39 семейными

---

[1] Бусырева Е. В. История семей с финскими корнями в контексте этносоциальных процессов (на примере Мурманской области). 2016. С. 69.

[2] См.: Разумова И. А. Письменные традиции современной семьи: проблемы собирания и изучения. 2001. № 129. С. 95–97.

[3] Busyreva E. Le cas des familles russes d'origine finnoise dans l'*oblast'* de Murmansk: Ego-documents en Russie du Moyen Âge à nos jours / Sous la direction de Sarah Gruszka et Eugène Priadko // Revue des études slaves. 2021. T. 92, fascicule 1. P. 163.

архивами (всего было получено 52 интервью у представителей семей с финскими и немецкими корнями).

Как правило, комплектование СА происходит в семьях стихийно, под влиянием социально-бытовых и индивидуально-психологических потребностей. Чаще всего домашние архивы возникают спонтанно, с накоплением различных документов, фотографий и т. д. Некоторые документы собираются и хранятся по необходимости.

В работе приходилось сталкиваться с проблемой доступности информации, так как на сведения, касающиеся истории семьи, долгое время накладывалось табу: «*Я про папиных родственников ничего не знаю. Отец на эту тему не говорил никогда*»[1]; «*Я никогда никому ничего не говорила. Вы сами понимаете, какие времена были. А мама смогла и себя, и детей от репрессий уберечь*»[2]; «*Папа молчаливый был. Время такое было: не пикни*»[3]; «*Всё, что отец пережил, он хранил в себе. Нельзя было ничего говорить*»[4]; «*Бабушка после войны пыталась наладить связь с родственниками в Финляндии, но пришли из милиции, стали расспрашивать, и она перестала больше писать. Такие времена были, что люди боялись*»[5]; «*Дед про свою семью никогда не рассказывал*»[6].

Проблема доступности информации о предках существовала и в немецких семьях. Так, информант С.Ш., 1978 г.р.[7], утверждал: «*Бабушка и дедушка были очень немногословны и в силу менталитета того времени очень скупо рассказывали о прошлом*»; информант М.Э., 1976 г.р.[8], был более краток: «*У нас на эту тему было табу*». У отдельных информантов старшего поколения боязнь сохранилась по сей день. Некоторые из них отличались подозрительностью и очень тяжело шли на контакт: «*А зачем Вам это*?»[9]; «*Мама предпочитала на эту тему не говорить. Сегодня дружба между народами, а завтра запишут в шпионы. Отца никогда не вспоминали*»[10]. Осторожность и подозрительность вполне понятны и объяснимы, они усвоены с детства[11]. К сожалению,

[1] ПМА 2010 г. Информант А.Л., 1927 г.р.
[2] ПМА 2018 г. Информант Л.К., 1942 г.р.
[3] ПМА 2010 г. Информант Н.Я., 1943 г.р.
[4] ПМА 2013 г. Информант Г.Л., 1953 г.р.
[5] ПМА 2011 г. Информант Л.М., 1956 г.р.
[6] ПМА 2011 г. Информант Т.Х., 1981 г.р.
[7] ПМА 2020 г.
[8] ПМА 2023 г.
[9] ПМА. Информант 22. 1943 г.р.
[10] ПМА. Информант 36. 1943 г.р.
[11] Илюха О. П. Повседневность советско-финляндского пограничья 1930-х годов в воспоминаниях о детстве // Труды Карельского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 3. 2012. № 4. С. 126.

некоторые информанты отказались предоставить доступ к своим архивам, но, к счастью, таких оказалось мало.

Помимо доступности существует проблема сохранности архивов. Учитывая то обстоятельство, что финские и немецкие семьи вынуждены были часто переезжать, документы, фотографии, семейные реликвии утрачивались. Отмечен один случай, когда информант из семьи с финской родословной избавился от старых фотографий и документов своей бабушки. Они оказались ему не нужны. В таком отношении к семейным ценностям, вероятно, есть доля вины старшего поколения, которое не смогло или не захотело внушить, что старые документы и фотографии имеют нематериальную ценность, что «нельзя их выбрасывать вместе со старой обувью»[1].

В ходе работы информантов спрашивали, какие материалы, документы из СА наиболее ценны и почему, какие документы помогли воссоздать историю семьи, и как эта история связана с «большой» и официальной историей. Мы старались выяснить, что из документальных свидетельств семейного прошлого имеет значение для этнической самоидентификации человека.

Состав документов, фотографий и других материалов, хранящихся в СА, свидетельствует о том, какие факты семейной истории и биографий родных имеют значение для потомков. Исследование позволило сделать следующий вывод: более всего ценятся документы и фотографии дореволюционного периода. Например, информант из ингерманландской семьи В.Х., 1946 г.р., хранит пропуск деда, лесника императорской охоты, выданный начальником Дворцовой полиции. Дореволюционные документы, помогают воссоздать биографию родственника в определённый период. Такие документы есть в семейных архивах информантов с немецкими корнями: В.И, 1946 г.р., Е.Д., 1949 г.р. и Е.В., 1960 г.р.

Особо почитаются дореволюционные фотографии. Такие снимки хранятся у двух информантов с финскими корнями: Л.К., 1942 г.р. и Г.В., 1951 г.р. Из семей с немецкой родословной старинные фотографии есть у восьми информантов: М.Ф. (1938 г.р.), А.Ф. (1940 г.р.), В.И. (1946 г.р.), В.А. (1947 г.р.), Е.Д. (1949 г.р.), А.Р. (1955 г.р.), Е.В. (1960 г.р.) и В.А. (1961 г.р.). Фотографии предков помещались в семейный альбом, который с конца XIX в. стал выполнять функцию визуального семейного архива[2].

Одной из наиболее эффективных практик передачи знаний об истории рода последующим поколениям считается написание мемуаров. Опубликованные мемуары родственников есть у нескольких семей.

---

[1] См.: Чудакова М. О. Беседы об архивах. М.: Молодая гвардия, 1975.

[2] Smith Sh. Baby's Picture is Always Treasured: Eugenics and The Reproduction of Whiteness in the Family Photograph Album, American Archives: Gender, Race and Class in Visual Culture. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1999. P. 118.

Особый интерес представляют неопубликованные мемуары, которые хранятся в семье с немецкими корнями. Воспоминания отца[1] информанта В.А., 1961 г.р., ценны тем, что содержат комментарии и дополнения сына. Отец информанта «*записывал историю своей жизни в тетрадку. Эту тетрадку он вёл с 1957 по 1978 годы, и она сохранилась в семейном архиве. В 2010-е я отсканировал её, теперь она существует и в электронном виде*»[2]. Отметим, что семья информанта В.А. не подвергалась репрессиям. Опубликованная книга воспоминаний есть в немецкой семье информанта В.А., 1947 г.р. В ней представлены сведения о двух родах — со стороны отца и матери информанта. В основу истории наследственной группы легли материалы семейного архива. При анализе материалов СА информанта В.А. были выявлены некоторые расхождения в документах.

Для представителей семей, подвергшихся репрессиям, толчком к созданию эго-документов (автобиографий, мемуаров) послужило принятие в 1991 г. Закона «О реабилитации репрессированных народов». Несомненно, изменение курса государственной политики в отношении репрессированных народов, в том числе финнов и немцев, побудило к публикациям свидетельств о репрессиях 1930–1940-х гг. К ним относятся воспоминания отца информанта Г.Л., 1953 г.р. В мемуарах даны жизнеописания как отдельных родственников, так и событий, непосредственным участником которых был автор. Большую историческую ценность представляют описанные им эпизоды повседневной жизни финских колонистов, бытовые детали и драматические события периода переселений.

Помимо мемуаров к эго-документам относится статья двоюродного племянника информанта Т.Х. (1953 г.р.) под красноречивым названием «Красная паранойя», опубликованная в 1992 г. в газете «Рыбный Мурман». Резко негативное отношение автора статьи к властным структурам объясняется тем, что его дед в годы «большого террора» был расстрелян. В основу публикации легли воспоминания матери автора. Воспоминания, написанные на документальном материале с мемориальными целями, имеют и литературные свойства.

В одном семейном архиве нашелся такой необычный документ, как школьная стенгазета, созданная сыном информанта А.Х. (1958 г.р.). Она посвящена истории раскулаченной ингерманландской семьи и создавалась в рамках конкурса, проводившегося обществом «Мемориал» в 2006 г. Историю семьи школьник узнавал по устным воспоминаниям родных и по документам из семейного архива. В этой семье память сохраняют и устным путём (рассказы старшего поколения), и в виде документальных свидетельств.

---

[1] Автор озаглавил их как «Краткий автобиографический очерк».

[2] ПМА 2019 г.

В семейных архивах собираются эпистолярные материалы. Например, информант из ингерманландской семьи И.П. (1948 г.р.) хранит письмо, в котором мачеха записала со слов отца информанта незадолго до его смерти краткую историю их семьи. В письме описаны только основные события без «лирических отступлений» и оценочных суждений. Поскольку долгие годы финны старались скрыть сведения о семье, эго-документы, уцелевшие и созданные в относительно недавнее время, воспринимаются в семьях как историческая ценность для последующих поколений. К таким относятся письма с фронта, в частности, отца информанта В.Х. (1946 г.р.). Отец служил в армии офицером, имеет награды. Его семьи не коснулись репрессии, по всей видимости, не возникало сомнений в его лояльности и служебной необходимости. Историко-культурный интерес представляют поздравительные открытки 1930-х гг. из Америки от кузин отца информанта Л.М. (1956 г.р.). Почтовые открытки дореволюционного периода хранятся в семье информанта В.И. (1946 г.р.).

Исследование показало, что для информантов из раскулаченных семей ценными документами являются описи раскулаченного имущества, справки о раскулачивании и выселении, справки о реабилитации. Такие документы были обнаружены в семейных архивах информантов с финской родословной А.Х. (1932 г.р.), Р.К. (1936 г.р.), Н.Я. (1943 г.р.), А.Х. (1958 г.р.), С.П. (1975 г.р.) и в семейных архивах информантов с немецкой родословной А.Ф. (1940 г.р.) и В.А. (1947 г.р.). Смена государственной власти в начале 1990-х дала импульс к собиранию документов, связанных с репрессиями в сталинские годы. К этой группе документов относятся справки о реабилитации родственников, копии протоколов допроса, анкеты арестованных, выписки из приговора Военного трибунала, постановление о предъявлении обвинения, справки из мест лишения свободы, справки о приведении в исполнение приговора. Такие документы выявлены в архивах финских семей Э.А. (1927 г.р.), А.Х. (1932 г.р.), Р.К. (1936 г.р.), Н.Я. (1943 г.р.), Г.К. (1949 г.р.), Т.Х. (1950 г.р.), Г.В. (1951 г.р.), А.К. (1955 г.р.), А.Х. (1958 г.р.), В.А. (1959 г.р.), Ю.С. (1964 г.р.), Ю.П. (1973 г.р.), С.П. (1975 г.р.) и у информантов с немецкой родословной М.Ф. (1938 г.р.), А.Ф. (1940 г.р.), В.А. (1947 г.р.), А.Р. (1955 г.р.), И.Ф. (1972 г.р.) и М.Э. (1976 г.р.).

Одной из распространённых семейных коммеморативных практик является составление генеалогических схем, визуально отображающих историю рода и его этнические корни. Нам известны схемы, созданные в пяти семьях с финской родословной (в семьях информантов В.С., 1939 г.р.; А.Х., 1958 г.р.; О.Т., 1959 г.р.; С.У., 1965 г.р. и В.Л., 1980 г.р.) и в шести семьях с немецкой родословной (в семьях информантов В.А., 1947 г.р.; Е.Д., 1949 г.р.; Э.В., 1951 г.р.; А.Р., 1955 г.р.; Е.В., 1960 г.р. и М.Э., 1976 гр.).

Существенную помощь потомкам при составлении родословной оказывали метрические книги, данные из церковных приходов.

Восстановление истории рода осуществляется на основании документов и по воспоминаниям старших. Обычно глубина памяти о предках не распространяется далее прадедов, однако в нашей работе мы столкнулись со случаем более глубоких знаний о родословии. В моноэтнической немецкой семье информанта В.А. (1947 г.р.) сведения о конкретных предках прослеживаются с 1837 г. В собирании данных об истории рода принимали участие пять братьев (включая самого информанта), а также их дети и внуки. Таким образом, генеалогическая схема является результатом коллективного творчества.

В документах из семейных архивов были обнаружены ошибки, в том числе грамматические. Например, в свидетельстве о рождении матери информанта П.И. (1984 г.р.) национальность бабушки указана как «лоуроветланка». В 2012 г. на Одиннадцатых Санкт-Петербургских этнографических чтениях в РЭМе мне, начинающему исследователю, пояснил опытный коллега, что правильно писать «луораветланка» (самоназвание чукчей). Очень полезным бывает не только обсуждение докладов, но и неформальное общение с коллегами на конференциях. На одной из последних конференций, XXI Санкт-Петербургских этнографических чтениях 2022 г., после выступления ко мне подошла коллега. Она уточнила, что на фотографии, которая, по мнению информанта, запечатлела её отца с «няней», на самом деле кормилица. Это видно по внешнему облику женщины, так как кормилицы имели особую традиционную одежду — они носили сарафан и кокошник. Важная этнографическая подробность, лишний раз подтверждающая информационную ценность фотографий домашних архивов.

Формирование архива происходит в семьях как стихийно, то есть под влиянием социально-бытовых и индивидуально-психологических потребностей, так и целенаправленно — если собрание документов осмысливается как сохранение памяти для потомков. Отмечено, что интерес к истории рода возникает у информантов старшего поколения, гендерная принадлежность значения не имеет, а культурный уровень очень важен: как правило, комплектование семейного архива характерно для интеллигентных семей и информантов.

По результатам исследования был сделан вывод о том, что комплектование семейных архивов имеет и практическое, и культурное значение. Архив выполняет двоякую функцию: хранящиеся в нём документы одновременно служат семейно-историческим источником и необходимы для юридических процедур. Например, справка о реабилитации — исторический документ, который необходим для подтверждения льгот. Материалы архивов используются не только членами семьи, когда появляется потребность воссоздать историю семьи, подтвердить этническое происхождение и т. п. К ним все чаще обращаются представители общественных институтов: историки, краеведы, образовательные

и культурно-просветительские учреждения. Из этого следует, что семейный «культурный продукт» социализируется, расширяет сферу применения, становится общественным достоянием[1].

К семейной коммеморативной деятельности можно отнести хранение и передачу по наследству реликвий. Такая практика способствует сохранению памяти как об отдельных представителях семьи, так и о семейно-родственном обществе в целом. В работе, связанной с поиском мемориальных предметов в семьях, мы столкнулись с препятствиями, причины которых хорошо понятны. Семьям приходилось неоднократно переезжать, причём по большей части вынужденно, когда миграции «проходили хаотично и в экстренном порядке»[2].

Финские и немецкие семьи, подвергшиеся выселению, практически не имели возможности взять с собой не только реликвии, но и просто необходимые вещи. Утрата семейных реликвий напрямую связана с процессами коллективизации и депортации[3]. Так что из 52 исследованных семей только в 12 сохранились единичные памятные предметы. Это семьи с финским родословием информантов В.А. (1959 г.р.), Е.Л. (1931 г.р.), И.П. (1948 г.р.), Т.М. (1951 г.р.), А.Х. (1958 г.р.) и С.У. (1965 г.р.) и с немецким родословием информантов М.Ф. (1938 г.р.), А.Ф. (1940 г.р.), В.И. (1946 г.р.), В.А. (1947 г.р.), Е.В. (1960 г.р.) и М.Э. (1976 г.р.). Только в двух семьях с немецкими корнями есть значительное количество реликвий. Это объясняется тем, что одна из них не подверглась насильственным переселениям благодаря бракам с русскими, а представители другой семьи смогли сохранить свои ценности у родственников в блокадном Ленинграде[4].

Необходимо также учитывать, что большинство семей наших информантов относилось к крестьянам, у которых почти не было «особо ценных» предметов. Поэтому в семьях роль памятных предметов зачастую имеют орудия труда, связанные с домашним хозяйством и семейными обязанностями. Чаще всего среди бытовых предметов фигурирует швейная

---

[1] Разумова И. А. Культурная политика современной российской семьи: подходы, исследования, практика // Карельская семья во второй половине XIX — начале XXI вв.: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций: сб. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. С. 81–82.

[2] См.: Сулейманова О. А. «Узелочек личных вещей» (из быта спецпереселенцев) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 5. 2014. № 2 (21). С. 60.

[3] Коншин-Рачинский А. Семейные реликвии — это история нашей страны! URL: https://proza.ru/2016/07/18/2027.

[4] Бусырева Е. В. Мемориальные предметы в семьях с немецкой родословной // Труды Кольского научного центра РАН. Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 43.

машинка. Она высоко ценилась, считалась хорошим приданым и, как сообщали информанты, помогала выжить в тяжёлые времена. Изделия из текстиля, особенно выполненные родными собственноручно, как правило, считаются наследуемой ценностью у женщин: *«Есть салфетка моей родной бабушки Софьи, она свой вензель на ней вышила готическим шрифтом»* (М.Ф., 1938 г.р.)[1]; в семье информантки Е.В. (1960 г.р.) сохранилось свадебное платье её матери, в другой семье в качестве ритуального предмета в поколениях передаётся чёрная косынка из вологодских кружев, которую надевали на похороны (И.П., 1948 г.р.)[2].

Есть реликвии, которые представляют этнически маркированный вещественный мир. Так, ёмкость для сосисок в семье информанта В.И. служит напоминанием о немецких корнях. В некоторых семьях сохранены религиозно-культовые предметы, также свидетельствующие об этнической принадлежности семьи. Это книги, относящиеся к лютеранской церкви, — память о прошлом в семьях информантов Е.Л. (1931 г.р.), Е.В. (1960 г.р.) и М.Э. (1976 г.р.). Как сказала информантка: «*Книжечка вся распадалась, так как старенькая была. Первые девяносто пять страниц потерялись во время войны. Я её несколько раз переплетала, чтоб сохранить*»[3].

Почитаемыми реликвиями являются боевые награды предков. Они есть в семьях информантов А.Х. (1922 г.р.), Э.А. (1927 г.р.), Т.Р. (1945 г.р.), В.Х. (1946 г.р.), О.Т. (1959 г.р.), Е.В. (1960 г.р.). А информант А.Х. (1958 г.р.) хранит медаль бабушки из раскулаченной семьи «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

Старинные мемориальные вещи символизируют связь поколений, помогают воссоздать атмосферу и исторические события прошлого[4]. Примером того, как реликвия символически аккумулирует память о человеке, знание о семейной истории ценность родовой преемственности, может служить наставление отца сыну, информанту В.А. (1959 г.р.)[5]: «*Прадед был серебряных дел мастер у Фаберже. Этот серебряный подстаканник с ложечкой с личным клеймом прадеда передаётся в семье по наследству. Перед отъездом в Финляндию отец сказал мне: «Сохрани», — потому что сохранили в блокаду и в остальное время*».

Коммеморативные практики способствуют консолидации семейно-родственной общности. Важно также то, что в эту практическую деятельность вовлекаются потомки. В этом проявляется нацеленность

[1] ПМА 2019 г.

[2] ПМА 2010 г.

[3] ПМА 2023 г.

[4] Сулейманова О. А. Мигранты и вещи: опыт переезда и материально-бытовая адаптация городских семей Кольского Севера. М.: Наука, 2021. С. 76–77.

[5] ПМА 2011 г.

на преемственность традиций и трансляцию семейного знания как неотъемлемую часть культурной политики семьи.

* * *

Результаты изучения истории и культуры семей кольских финнов большей частью были обобщены в опубликованной в 2019 г. монографии «Судьбы финнов Мурманского региона: семейная история и культура»[1]. В ней проанализированы основные истоки формирования финского населения современной Мурманской области. Выделены четыре основных потока переселенцев со своей культурной спецификой: переселенцы с севера Финляндии, из Южной Финляндии, американские финны и финны-ингерманландцы. Сделан вывод, что в истории и культуре края финны занимают свое особое место, имеют собственный голос в полиэтническом «многоголосии» региона. Их можно с полным правом относить и к старожилам Кольского полуострова, и к переселенцам.

Как отметил в рецензии на книгу заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра РАН, д-р ист. наук Ю. П. Шабаев, «приведённый в монографии материал и его интерпретации очевидным образом заставляют усомниться в позиции тех финских авторов, которые пишут о российских финнах как о разрушенной или исчезнувшей диаспоре. Материалы, представленные в книге «Судьбы финских семей» свидетельствуют, что упрощённые и апокалипсические интерпретации культурной эволюции недоминантных или переселенческих групп не отражают сложной культурной эволюции этнических меньшинств в полиэтничных сообществах, переживавших к тому же болезненные политические и социальные трансформации на протяжении длительного исторического периода». Ю. П. Шабаев согласился с тем, что в монографии депортация рассматривается как отдельное миграционное явление, поскольку она представляет собой особый тип колонизации российского Европейского Севера, «что опровергает представление о том, что колонизация Русского Севера полностью завершилась к концу XIX столетия».

В книге раскрываются проблемы истории и этносоциального развития финнов Кольского Севера, способы их адаптации в новых условиях; описаны хозяйственная деятельность и материальная культура, брачные отношения, религиозные традиции и трансформация ритуально-праздничной культуры. Особое внимание уделено динамике этнической самоидентификации представителей семей с финской родословной. Фактически впервые была сделана попытка рассмотреть в контексте истории и памяти семейно-родственных коллективов сохранение

[1] Бусырева Е. В. Судьбы финнов Мурманского региона: семейная история и культура. Апатиты: Изд-во Кольского науч. центра РАН, 2019. 176 с.

и трансформацию этничности у финнов на протяжении всего пребывания на территории Мурманской области.

В продолжение исследований на основе полевых материалов были рассмотрены истории семей советских немцев, которые оказались на Кольском Севере в результате депортаций 1930–1950-х гг. Изучение проводилось в рамках тех же аспектов и теми же методами, как и семей с финским родословием. У представителей обоих народов была сходная судьба, отличавшаяся лишь с отдельными вариациями, связанными с частично дифференцированным отношением власти к этническим группам. При этом если некоторые выходцы из финских семей негативно отзывались о советской власти, то среди таковых с немецкой родословной с таким отношением (высказываниями) сталкиваться не приходилось.

С советскими финнами и немцами происходили сходные культурные изменения, которые касались этнической идентификации. Несмотря на длительно насаждавшуюся фиксированную этническую идентичность, для многих графа «национальность» в паспорте (под которой понималась и отмечалась этническая принадлежность) не совпадала с самовосприятием его обладателя. Вместе с тем исследование показало различие в этнической самоидентификации между финнами и немцами: в отличие от информантов из моноэтнических немецких семей, все информанты из моноэтнических финских семей однозначно идентифицировали себя как финны. Это ещё раз подтверждает исключительную динамичность этничности даже при действии одинаковых факторов в похожих обстоятельствах.

ГЛАВА 10
ВЕЩЬ В ТРАНСЛЯЦИИ СЕМЕЙНЫХ И ЭТНИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

В период с 2008 по 2022 гг. в рамках выполнения заданий по плановым темам НИР ЦГП КНЦ РАН и отдельным проектам[1] осуществлен комплекс социально-антропологических исследований, которые были направлены на изучение различных аспектов материально-бытовой культуры и вещевого поведения жителей Кольского Севера в процессах миграций и социокультурных трансформаций этнических традиций, а также особенностей презентации и популяризации материальной культуры кольских саамов и продвижения в реальном социальном и виртуальном пространствах.

Материально-предметный мир семьи

Материальная культура и вещный мир всегда находились в фокусе интересов отечественных этнографов. В исследованиях материальной культуры тщательно описывались и типологизировались вещи, конкретные предметы и классы предметов в системе традиционной культуры определённого этнической общности, также традиционно рассматриваются предметы, участвующие в магических и религиозных ритуалах. В конце XX — начале XXI вв. в этнологии, антропологии и социологии происходит постепенное смещение тематических приоритетов с углублённого изучения крестьянской культуры на интерес к постиндустриальным культурным формам и практикам. Социологи акцентируют внимание на временных и социальных аспектах функционирования различных типов вещей, например, старинных, антиквариата (труды О. Бредниковой, Е. Васильевой, О. Гуровой, Н. Касенковой, И. Копытоффа и др.). Вещь как элемент повседневности описывается в работах С. Махлиной, И. Утехина, О. Гуровой, Е. Дейхиной, М. Елютиной, О. Ечевской и мн. др. Однако, несмотря на своеобразный «бум» исследований предметного мира и «вещи», проблемы материально-предметной среды современных семей оказались изучены мало. Среди немногочисленных работ, посвящённых семейному предметному миру, следует отметить труды И. А. Разумовой, Е. В. Бусыревой, Н. С. Душаковой,

[1] Работа выполнялась по проектам: «Семейно-родственные общности как агенты культурных инноваций» (2009–2011 гг.) при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»; «Мемориальная культура переселенческих семей Крайнего Севера» (2012 г.) при поддержке РГНФ; «Северяне-“старожилы” и северяне-“мигранты”: миграционный опыт и коммуникационные сети современных жителей Мурманской области» (2014–2015 гг.) при поддержке РФФИ.

А. Н. Сперанской. Большего внимания удостоились семейные фотографии (работы О. Ю. Бойцовой, В. Л. Круткина, В. П. Чистяковой, Р. Чалфена [Chalfen], Дж. Монтегю [Montague], Дж. Руби [Ruby] и др.)[1]. Вместе с тем много вопросов вызывали понятие «семейные вещи», их типологизация и особенности функционирования в пределах и за пределами жилища современной городской семьи, что требовало проведения специальных исследований.

Семейные вещи и память: социально-антропологический подход

Интерес к теме «семейных вещей» возник в 2008 г. после посещения мероприятия, организованного в Центральной городской библиотеке города Апатиты, под названием «Выставка-ярмарка семейных реликвий». В России 2008 г. был отмечен как Год семьи, в связи с чем активизировалась работа в педагогических и культурных учреждениях, СМИ по пропаганде семейных традиций, ценностей и сохранения памяти рода. В течение года во всех регионах России, не исключая и Мурманскую область, проходили различные конкурсы, мероприятия, выставки, посвящённые семье, генеалогии, семейным традициям и т. п. Собственно, название данного мероприятия вызвало некоторое недоумение, поскольку «ярмарка» — это «большой торговый съезд и привоз товаров», «годовой торг», «сельский базар»[2], наконец, просто купля-продажа, и с чем она ассоциируется меньше всего, так это с семейными реликвиями. Под «ярмаркой» в данном случае понимался символический обмен семейным знанием, а не собственно вещами.

В рамках мероприятия «Выставка-ярмарка семейных реликвий» каждый желающий мог поделиться историей о своей семейной реликвии (историей появления той или иной вещи в семье; её символическим

---

[1] См., например: Разумова И. А. Семейные реликвии // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы: сб. / МАЭ. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. Т. XLVII. С. 63–70; Бусырева Е. В. Культурные практики в семьях с карельскими и вепсскими корнями // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 12. 2017. № 9 (8). С. 85–95; Бусырева Е. В. Мемориальные предметы в семьях с немецкой родословной // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 42–53; Душакова Н. С. Материальность миграции: Вещи в устных историях о переселениях старообрядцев // Культура славян и культура евреев: Диалог, сходства, различия. 2019. № 21. С. 232–245; Бойцова О. Ю. Изображения в домашнем интерьере // Журн. социологии и социальной антропологии. 2007. № 10. С. 87–95; Chalfen R. Snapshots “r” Us: the Evidentiary Problematic of Home Media // Visual Studies. 2002. Vol. 17, No. 1. P. 141–149; Montague J. Family Photographs as a Topic for Conversation // Narrative and Memory. University of Huddersfield, 2007. P. 63–71 и др.

[2] Ярмарка // Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. URL.: https://dal.slovaronline.com/44600-YARMARKA (дата обращения: 03.05.2023).

значением для членов семьи и т. п.). Сами организаторы признались, что не ожидали такого количества откликов на их просьбу принести семейные реликвии для всеобщего обозрения, а тем более выступить публично. Некоторые из из представленных на данной выставке семейных реликвий описаны в статье «Семейные реликвии как социальная собственность»[1].

Экспозиция семейных реликвий и их уникальные «биографии», вписанные в историю города, края, страны, стали отправной точкой для возникновения интереса к этой теме. Изучение функционирующих в семье вещей позволяет проследить, как биография вещи переплетается с биографией семьи или её отдельных представителей[2].

С 2008 по 2011 гг. выполнялся сбор полевых материалов с целью выявления социальных значений вещей, особенностей их семиозиса в контексте семейной истории и культуры и в макроконтекстах отечественной социальной истории — в рамках работы по плановой теме НИР и проекту «Семейно-родственные общности как агенты культурных инноваций» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН. В теоретико-методологических основаниях изучения жизни вещей в культуре к тому времени не было недостатка[3].

На первом этапе было выполнено исследование функционирования вещей в семье и предложена их классификация на основе семиотического подхода. Начальный материал составили интервью с представителями 15 семей, проживающих в городе Апатиты. Использовались также данные наблюдений и дополнительная информация об истории семей. Интервью носили семейно-биографический характер.

---

[1] Сулейманова О. А. Семейные реликвии как социальная собственность // Наука и бизнес на Мурмане. 2009. № 2 (67). С. 49–53.

[2] Отображать жизнь вещей через биографию предложили в своё время британские антропологи Архун Аппадурай и Игорь Копытофф. См.: Appadurai A. Introduction: Commodities and the politics of value // The Social Life of things. Commodities in Cultural Perspective. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1996. P. 3–63; Kopytoff Y. The cultural biography of things: commoditization as a process // The social life of things / Ed. by A. Appadurai. Cambridge: Univ. press, 1996. P. 65–91. Согласно этой концепции, вещи — это не только товар, они включены в социальную жизнь наряду с людьми и проживают её как люди, начиная с момента их производства и попадания в пользование человека. Они функционируют в практиках взаимодействия с ними человека. Вещь обладает памятью, которая накапливалась на протяжении всей ее биографии, под которой можно понимать перемещение в пространстве социальных значений.

[3] См. краткий обзор концепций: Сулейманова О. А. Изучение вещей, функционирующих в семье, позволяет проследить, как биография вещи переплетается с биографией семьи или ее отдельных представителей // Мигранты и вещи: Опыт переезда и материально-бытовая адаптация городских семей Кольского Севера. М.: Наука, 2021. С. 19–31.

Семьи различались по типу, структуре и по характеристикам (этнокультурным и биографическим); в их числе были переехавшие на Кольский Север из разных регионов России и стран бывшего СССР.

Были определены основные значения понятия *«семейные вещи»*[1]. Это вещи, которые: 1) существуют в семье и составляют её материально-предметную среду; 2) так или иначе характеризуют эту среду (например, являются показателем социально-экономического положения семьи); 3) воссоздают особенности быта семей различных этнических групп; 4) помогают через реконструирование быта семьи воссоздать бытовой стиль эпохи; 5) символизируют и помогают сохранять семейную историю и память конкретных семей; 6) составляют семейную собственность; 7) принадлежат отдельным членам семьи в пределах общей жилой среды (дома, дачи и т. д.), находятся в их личном пользовании; 8) являются «значимыми» для одного её представителя по семейно-культурным основаниям.

На основе эмпирического материала[2] нам удалось сформировать классификацию вещей, функционирующих в семейной культуре современных горожан. Основанием классификации послужило разделение вещей по степени семиотичности. Исследование показало, что домашние и личные вещи под влиянием различных факторов могут иметь высокий или низкий семейный статус. Вещь является не только частью семейной материальной культуры, но и наделяется дополнительными символическими значениями, включается в культуру мемориальную, аккумулируя память общности. Семейные вещи могут иметь высокий статус в качестве символических или быть сугубо утилитарными, а также наделяться как утилитарными, так и знаковыми функциями одновременно, но в разном соотношении в зависимости от конкретных обстоятельств. Статус вещи в семье напрямую зависит от её мемориальной функции. Чем больше памяти аккумулирует в себе вещь, тем выше её роль в семье. «Ценность прожитой жизни сложным образом связана с формированием цены вещи»[3]. Если вещь используется, сохраняется и передаётся на протяжении нескольких поколений, она приобретает все более высокий статус.

Истории появления таких вещей являются частью истории семьи. Семиотический статус вещи подвержен динамике; одна и та же вещь

---

[1] Сулейманова О. А. «Семейные вещи»: к интерпретации понятия // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 1. 2010. № 2 (2). С. 68–79.

[2] Материал собран в ходе эмпирических исследований, проводившихся в 2009–2015 гг. в городах Мурманской области (Апатиты, Кировск, Кандалакша).

[3] См.: Гаврилина С. Биография людей и вещей. URL.: http://www.nvspb.ru/stories/biografiya_lyudej_i_veshej (дата обращения: 03.05.2023).

в пределах одной семьи может по-разному означиваться и восприниматься. Выявился ряд оснований оценочных различий.

Процессу семиотизации вещи в семейной культуре присуща своя специфика, связанная с формами жизнедеятельности семьи, семейной ролевой структурой, событиями жизненного цикла, межличностными и внешними коммуникациями, эмоциональной составляющей внутрисемейных отношений и другими основаниями. Факторами семиотизации чаще всего выступают временной, событийный и личностный.

Определились поколенные, гендерные (связанные с семейными ролями) и индивидуальные различия в отношении к семейным вещам разных категорий.

Семейные реликвии. Есть вещи, которые обладают самым высоким статусом в семье. В самом общем представлении и практике семейными реликвиями являются предметы[1]: а) длительное время сохраняющиеся в семье; б) передающиеся по наследству; в) имеющие особое символическое значение как воплощение идеи рода. По типу предметов среди реликвий выделяются: культовые вещи, украшения, одежда, текстильные изделия, посуда и кухонные принадлежности, орудия труда, книги, музыкальные инструменты и некоторые другие.

В 2005 г. в Апатитах сотрудниками Центра гуманитарных проблем КНЦ РАН и Центра независимых социологических исследований было проведено исследование «Молодёжь и семейная память» в рамках проекта «Координаты социального самочувствия молодёжи: стереотипы и реалии». Целью исследования было получение информации о системе знаний молодёжи об истории своей семьи. Проводился опрос молодёжи возрасте от 18 до 29 лет методом стандартизированного интервью (150 человек).

Одной из задач было изучение предметно-вещественного наполнения пространства семейной памяти, иными словами, выяснение того, что именно хранится в семье в качестве свидетельств прошлого и памяти о предках. Иерархия хранимых в семье предметов представлена ниже (табл. 5), из чего следует, что в каждой семье участников исследования в качестве свидетельств прошлого хранились фотографии. Данный социальный факт свидетельствовал о том, что хранение фотографий в семье имеет систематизированную форму.

Особый интерес заключался в выяснении факта наличия/ отсутствия в семье каких-либо семейных реликвий (табл. 6) и того, что именно выступает в качестве реликвии и хранится в семье (табл. 7).

---

[1] Разумова И. А. Семейные реликвии // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы: сб. / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. Т. XLVII. С. 63.

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Что хранится в Вашей семье как свидетельства прошлого?»

Варианты ответа	(N = 150)*, %
Фотографии	92,7
Документы	34,0
Письма	30,0
Открытки	21,3
Рукописные свидетельства (дневники, записки)	11,3
Ничего не хранится	0,7

* Сумма по столбцу превышает 100 %, так как респонденты могли выбирать несколько вариантов ответа.

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Можно ли сказать, что в Вашей семье есть семейные реликвии?»

Варианты ответов	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
(N = 150), %	32,0	43,3	24,7

Таблица 7

Иерархия предметов — реликвий, хранимых в семье

Реликвии	($n_{хран}$ = 48)*, %	(N = 150), %
Драгоценности	31,3	10,0
Домашняя утварь	25,0	8,0
Иконы, религиозные вещи	18,8	6,0
Медали, ордена	18,8	6,0
Документы	10,4	3,3
Старинные монеты	10,4	3,3
Картины	8,3	2,7
Одежда	2,1	0,7
Музыкальные инструменты	2,1	0,7

* Сумма по столбцу превышает 100 %, так как респонденты могли выбирать несколько вариантов ответа.

Данные свидетельствовали о том, что в качестве семейных реликвий — носителей информации о прошлом семьи — выступают в основном драгоценности, предметы домашней утвари, иконы, а также медали и ордена.

Материал, собранный нами позже в ходе изучения темы семейных вещей, подтвердил неоднозначность интерпретации понятия «семейная реликвия» разными категориями информантов. Одни оценивают семейные реликвии с материальной точки зрения и ассоциируют их с антиквариатом, для других — это вещи, имеющие исключительно символическую ценность.

Типология мемориальных вещей. В 2012 г. в результате выполнения эмпирического исследования в рамках проекта «Мемориальная культура переселенческих семей Крайнего Севера», поддержанного РГНФ[1], в пределах предметного мира семьи выделены «мемориальные вещи» — группа предметов, основной функцией которых является сохранение памяти о событиях, местах, людях и т. п. Такого рода вещи функционируют как в пределах жилища на «видном», «почётном» месте, или, напротив, в труднодоступном (например, на антресолях), так и за его пределами (в подсобных помещениях, на даче). Наличие таких вещей играет важную роль в самоопределении семьи и личности. В распространённой практике «мемориальными» становятся какие-то мелкие безделушки, удобные для хранения и транспортировки, особенно если семья часто переезжает. В этом качестве могут выступать вещи, привлекательные эстетически, уникальные в технологическом отношении или дорогие в материальном.

Основным результатом исследования стало выделение разных типов «мемориальных вещей». Ранее все «памятные вещи» семейно-родственного сообщества рассматривались исключительно в качестве «реликвий», в то время как исследование показало, что они значительно многообразнее.

К основным типам «памятных вещей»[2], помимо реликвий, относятся: 1) индивидуальные памятные вещи; 2) памятные вещи родственников; 3) вещи, связанные с общественными достижениями членов семьи, 4) вещи, символизирующие этническую, национальную, религиозную принадлежность; 5) вещи, связанные с локальной идентичностью, пространственными траекториями, значимыми локусами; 6) вещи, связанные с важными событиями истории страны, региона.

Интерес представляет тот факт, что когда мы имеем дело с «памятными вещами», то физические и функциональные характеристики предметов могут отступать на второй план. Например, они могут иметь

---

[1] В рамках данного исследования опрошены представители 50 семей, проживающих в городах Мурманской области.

[2] Сулейманова О. А. Памятная вещь в семейной культуре // Живая старина. 2013. № 4 (80). С. 36–39.

только символическую ценность, которая определяется особым к ним отношением. Например, у одного из наших информантов в качестве памятной вещи хранилась пустая коробка от подарка с дарственной надписью. «Индивидуальность вещи может эксплицироваться не только внешне, но и функционально, то есть проявиться в специфике её использования: дырявый лапоть перестает использоваться в прямом предназначении, а становится вместилищем домового, выполняя сугубо семиотические функции; обрядовая рубаха с вышивкой, приобретя линялость и потёртости от долгого ношения, исключается из праздничной жизни и превращается в повседневную одежду и т. д.»[1]. Если говорить об индивидуальных памятных вещах (а не о семейных реликвиях), то они связаны с биографическими обстоятельствами, этапами жизни индивида и значимыми для него личностями. Количество таких вещей определяется личностно-психологическими факторами. Среди этой категории больше всего нефункциональных и материально «незначительных» предметов (вплоть до автобусных билетов и фантиков), а также много подарков от «значимых других».

Многие люди считают «неприкосновенными» любые подарки, сделанные им матерями или другими родственниками, в этом случае высокий статус вещи имеет «семейное» обоснование. Из таких вещей создаются личные домашние «музейные фонды». Отношение других членов семьи к этим предметам служит показателем отношения к владельцу.

В отдельную категорию выделяются вещи, которые напоминают о различных местностях: прежнего жительства, временной работы, рекреации, проживания родных и т. д. Основная функция таких предметов — обозначение системы пространственных координат семьи и её членов. Распространённый тип таких вещей — сувениры (особо популярны магниты с изображением мест).

Семиотические путешествия вещей. Для того чтобы проследить механизмы трансформации статуса вещи, необходимо обратиться к её «биографии». Рассказы об истории семейных вещей естественным образом переплетаются с историей самой семьи. По своей структуре они повторяют семейные исторические нарративы и являются автобиографичными. Сюжет развивается во времени и пространстве: история появления вещи в семье, этапы её и использования и значение для семьи. Полнота биографии зависит от глубины знаний об истории вещи и от свойств рассказчика, который может немного и присочинить для украшения рассказа. Какие-то сюжеты могут додумываться в ходе повествования. Не зная деталей, рассказчик может выдвигать свои предположения.

[1] Баранов Д. А. Об этнографическом измерении материальности // Петербургские славянские и балканские исследования. 2018. № 2 (24). С. 42.

Излагать биографию старых семейных вещей всегда сложнее, поскольку чаще всего они появились в семье задолго до рождения их нынешних хозяев[1]. Отношение к вещи «зависит от степени пережитости и осмысленности данной вещи, от того, насколько освоена она в духовном опыте владельца. Если в ней угаданы какие-то существенные смыслы и запечатлены в подписи, в комментарии к ней, то такая вещь вполне достойна стать экспонатом лирического музея»[2]. Вещь включается в такой словесный контекст, где её прямая бытовая функция получает переносный и обобщённый смысл. И в этом плане «лирический музей представляет собой совокупность текстов, извлекающих, “вытягивающих” из вещей все возможные смыслы — исторические, биографические, символические, ассоциативные»[3]. Значение имеет не товарная цена, а жизненная стоимость вещи, тот смысл, который она приобрела для людей за время служения им. Религиозные предметы, в связи с их высокой символической ценностью, часто переходят в разряд семейных реликвий или памятных вещей, трепетно хранятся в семье на протяжении нескольких поколений. Кроме того, иконы были в числе тех предметов, которые при малейшей возможности переселенцы забирали с собой при переезде[4].

В целом, «памятные вещи» способствуют сохранению и передаче семейного знания, конструированию общей и индивидуальных биографий, поддержанию семейно-родственного единства, а в ряде случаев — локальной и этнической идентичности. Если говорить о гендерном факторе, то стереотип, что женщины склонны хранить вещи и наделять их дополнительными мемориальными смыслами, а мужчины выбрасывать, — также далеко не всегда оправдывается.

Выявлена склонность к «собиранию» семейного предметного фонда не только индивидуальной, но и семейной памяти у представителей младшего поколения семей. Один из важных факторов такого поведения — контрпозиция по отношению к родительскому (иногда и прародительскому) поколению, не сохранившему семейную историю.

---

[1] Сулейманова О. А. «История одного топора и двух стульев»: биография вещей в современной культуре // Живая старина. 2017. № 1. С. 50–53.

[2] См.: Эпштейн М. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков. Раздел IV. В поисках целого. Вещь и слово. О лирическом музее. М., 1988. URL.: http://www.booksite.ru/localtxt/epsh/tein/epshtein_m/parad_nov/index.htm (дата обращения: 10.06.2023).

[3] Там же.

[4] Давыдова А. С., Сулейманова О. А. Материальные и духовные аспекты адаптации переселенцев к арктическому пространству в период строительства социалистического города // Полярные чтения — 2018 (Технологии и техника в истории освоения Арктики): материалы Шестой Междунар. науч.-практ. конф. URL.: http://polarconf.ru/index.php/tezisy (дата обращения 10.06.2023).

Работа с переселенцами показала, что во многих семьях реликвии были утрачены, но о них помнят и рассказывают (свидетельство мемориального бытия вещи). Нередко реликвия хранится у родственников, которые живут в отдалении. Утрата реликвии часто становится частью семейного предания. Обращаясь к той или иной семейной реликвии, информанты в первую очередь вспоминают, кому она принадлежала, рассказывают об истории появления вещи в семье. Личные вещи, оставшиеся от умерших или отсутствующих родственников, как правило, не используются в быту, но сохраняются «в память» о них и из «жалости», в отличие от реликвий, хранящихся «с почётом». Такие вещи потенциально могут стать реликвиями, но отмеченные случаи единичны. К категории вещей, связанных с общественными достижениями семьи, относятся различные награды (предметы и знаки отличия) за успехи в учёбе, спорте, работе и т. д. Особую значимость они имеют для родителей и прародителей награждённых, поэтому часто передаются им, имея меньшую ценность для самих лауреатов (независимо от возраста). Данные вещи могут перейти в разряд семейных реликвий после смерти награждённых (многие информанты высоко ценят медали, грамоты, дипломы родителей и прародителей).

Таким образом, «памятные вещи» любой категории могут перейти в разряд семейных реликвий. Предмет, так или иначе «выделяющийся» из повседневных вещей, получает возможность обрести высокий символический статус. Так или иначе, памятные вещи способствуют сохранению и передаче семейного знания, конструированию общей и индивидуальных биографий, поддержанию семейно-родственного единства, а в ряде случаев — локальной и этнической идентичности. Как показало исследование, наличие у индивидов и семьи такого рода вещей играет важную роль в локальном, семейном, религиозном, этническом и ином самоопределении. Установлено, что мемориальные вещи выполняют адаптивную функцию при обживании нового места. На вопрос о том, согласились бы они передать какие-то памятные вещи на хранение в музей, все информанты ответили отрицательно. Исключение делается для вещей, которые символизируют определённую эпоху, традиции страны, но прямо не связаны с памятью о предках или личной биографией, то есть являются «историческими» или «этнографическими».

«Советские» вещи. В 2013 г. на основе текстов интервью проанализированы характеристики «советских» вещей, выявлены их функции и способы использования. Исследование показало, что в квартирах городских семей Мурманской области продолжают существовать и функционировать самые разнообразные вещи советского периода, начиная от мелких безделушек и заканчивая крупногабаритной мебелью. В советское время многие занимались собиранием вещей, которые

символизировали достижения страны (например, предметы с изображением олимпийской символики). Как правило, такие вещи выставлялись на видном месте и служили знаком сопричастия к историческим событиям, происходящим в стране. В ряде семей традиция сохраняется, в том числе это касается предметов, связанных через биографию и деятельность членов семьи с историей заполярных городов и предприятий и указывающих на место семьи в истории региона, города. Советская вещь в пространстве жилища может функционировать в разных значениях — как утилитарная и как памятная (мемориальная)[1].

«Национальные» вещи этнических мигрантов. Предметы, которые символизируют причастность семьи к определённой культуре, религии, национальности, были рассмотрены в рамках специального исследования, объектом которого были семьи этнических мигрантов последней волны[2], в основном выходцев из Средней Азии, Казахстана, других регионов бывшего СССР. Всего в 2011–2012 гг. были опрошены 12 представителей семей из числа этнических мигрантов. Проблемы этой категории населения в настоящее время приобретают особую остроту, в том числе в регионе. Этническим мигрантам пришлось кардинально изменить образ жизни, включая предметную среду, бытовые привычки. Национальные предметы интерьера, утвари, одежды часто, не используясь, просто присутствуют в их квартирах как память о родине и свидетельство этнической принадлежности, о которой не должны забывать дети. В иных случаях они используются во время праздников и ритуалов.

Домашняя жилая среда и история повседневности

В 2008–2010 гг. в ЦГП КНЦ РАН в соответствии с задачей плановой темы НИР осуществлялись разработка понятийного аппарата, изучение теории, историографических аспектов и проблем изучения культуры повседневности и современной домашней жилой среды в этнографическом ракурсе.

---

[1] Сулейманова О. А. Советские вещи в современном быту (северян): долгая жизнь и последний путь // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 6. 2014. № 6. С. 141–157.

[2] Результаты исследования отражены в публикациях: Сулейманова О. А. Истории переселения на Кольский Север: материально-бытовые проблемы этнических мигрантов // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 3. 2012. № 1 (12). С. 31–42; Сулейманова О. А. «Национальные вещи» переселенческих семей (к проблеме социализации в иноэтничной среде) // Феномен социализации в этнической культуре: материалы Одиннадцатых этнографических чтений. СПб.: СПГУТД, 2012. С. 473–477; Сулейманова О. А. Багаж переселенцев (к вопросу о жизни вещей в культуре) // Учёные зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2011. № 7–1 (120). С. 27–30.

«Повседневность» — одна из категорий, объединяющих различные гуманитарные и общественные дисциплины. Всё более осознаётся необходимость в осмыслении рутинных практик и обыденных вещей, окружающих человека. Повседневность предстаёт формой действительности, где материальный мир существует как предметная данность сквозь призму ежедневного восприятия. Телесное предметное переживание реальности, её вещей и предметов, согласно концепции А. Шюца, — и составляет её преимущество по сравнению с другими конечными областями значений, поэтому повседневность является «верховной реальностью»[1]. В сфере повседневности происходит то, что принято называть процессом «обживания». Конструирование повседневности оказывается важнейшей составляющей процесса адаптации любого рода, а рутинизация быта — его интегральным индикатором. Повседневность имеет свою структуру, в которую включаются различные элементы бытовой культуры, привычные формы взаимодействия людей, обыденные представления, предметы и способы их использования и т. д.

Жилище — ключевой объект исследований повседневности. Жилая среда включает в себя «материальную среду», которая составляет интерьер определённого типа жилища. Независимо от типа («дом», «квартира», «дача» и др.), жилище вместе с заполняющими его предметами, их структурными и функциональными взаимосвязями между собой и с жилищем в целом определяется понятиями «жилая среда», «домашняя материальная среда», «домашний пространственно-предметный мир». Предметом изучения могут выступать: а) объективные свойства жилой среды — способы организации домашнего пространства, характеристики предметов; б) реальное использование пространства и предметов, определяемое совокупностью культурных контекстов. Теоретическому осмыслению категории «жилая (домашняя, материальная») среда» и «жизненное *пространство*» уделяется внимание в социологических и социально-антропологических исследованиях[2].

Домашняя жилая среда как предмет изучения. Домашняя жилая среда в отечественной этнографии и социологии начинает изучаться с конца 1950-х — начала 1960-х гг. Разрабатывались проблемы анализа городской социально-пространственной среды, городских процессов, городского планирования. В 1950–1960-х гг. группа сотрудников Института этнографии АН СССР провела исследования быта рабочих на Урале, в котором были сделаны интересные выводы об особенностях и динамике

---

[1] Шюц А. Структура повседневного мышления / пер. Е. Д. Руткевич // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 130.

[2] См., например: Климова С. В. Социально-философские аспекты анализа архетипических функций дома. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/klimova/function.html (дата обращения: 01.05.2023); Овсянников В. Социально-психологическое обоснование концепции развития жилой среды // Политический журнал. 2014. 2 мая. URL: https://museliesch.clan.su/news/politicheskij_zhurnal/2014-05-02-154 (дата обращения: 01.05.2023).

жилой среды рабочих промышленного региона с описаниями жилой среды на историческом материале и с учётом социальных различий семей[1]. Это исследование относится к числу редких — по этнографической обстоятельности, с которой обычно описывались лишь особенности «традиционной» культуры и крестьянского жилища. Советские исследования в целом опирались на представление о жилье как среде, формирующей образ жизни. В условиях ускоренной урбанизации принцип, по которому происходила организация городского жилья, должен был сформировать у деревенских жителей соответствующий стиль жизни и отучить от деревенских привычек.

Основные направления исследований жилой среды: а) эмпирические социологические, нацеленные преимущественно на выявление «жилищных потребностей» и степени их удовлетворённости населением; б) социально-антропологические, базирующиеся почти исключительно на концептуализации «приватного» и «публичного» в советской и постсоветской реальности (исследования И. В. Утехина, С. Бойм, Е. Ю. Герасимовой); в) собственно этнографические, в которых традиционные методы описания и интерпретации применяются к качественно новому, городскому, материалу. Последнее из названных направлений представлено единичными работами и, по сути, в последние десятилетия не развивается.

В 2009 г. в рамках реализации научно-исследовательской работы по изучению культуры повседневности и современной домашней жилой среды была подготовлена статья «Жилая среда и семейная культура: проблематика и направления исследований»[2], в которой определялись перспективы изучения жилой среды на региональном уровне. В рамках осуществляемых нами исследовательских задач под «материальной средой» подразумевался тот предметный мир жилища, в которую погружается семья[3]. Когда группа, называемая «семья», располагает совместным жилищем (или жилым комплексом), можно говорить о наличии семейной культуры жилища или о семейной (домашней) жилой среде.

Под понятием «семья» с точки зрения жилищных потребностей и их реализации в перспективе, на наш взгляд, следует понимать группу родственников (или неродственников — в соответствии с многообразием типов современной семьи) в том составе, в котором они совместно проживают, или отдельно живущего индивида. Существуют не только формальные (структурные), но также и социокультурные типы семей,

---

[1] Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.).: М.: Наука, 1971. 288 с.; Крупянская В. Ю. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917–1970) / В. Ю. Крупянская [и др.]. М.: Наука, 1974. 320 с.

[2] Сулейманова О. А. Жилая среда и семейная культура: проблематика и направления исследований // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история. Апатиты: КНЦ РАН, 2009. С. 77–89.

[3] Там же. С. 79.

которые можно идентифицировать в аспекте жилищных проблем, существующих в Мурманской области. При изучении жилой среды необходимо учитывать не только объективные свойства этой самой среды (способы организации домашнего пространства, характеристики предметов и т. п.), но и тот факт, что реальное использование пространства и предметов не только определяется совокупностью культурных контекстов, но в высшей степени субъективно. Учёт дифференцированных социально-демографических потребностей семей, их требований к своему жилищу необходим, поскольку именно семья является «единицей потребления жилища».

Данные исследований показывают, что жилище по шкале ценностей в первую очередь оценивается обобщённо: как кров, место обитания человека и семьи, когда имеет принципиальное значение его наличие или отсутствие вообще. Затем существенное значение приобретают поочерёдно размеры жилой площади, степень её изолированности (общежитие, комната в коммунальной квартире, отдельная квартира и др.), далее идут градостроительные условия и т. д.

Семьи в Мурманской области преимущественно городские. Необходимость их этнографического изучения обусловлена не только интенсивным развитием урбанизационных процессов, но и той ролью, которую играет город как центр постоянно модернизирующейся национальной культуры. По данным статистики, жилищные условия в Мурманской области по сравнению со среднероссийскими показателями считаются достаточно благополучными. Принципы демографической дифференциации квартирного фонда в настоящее время основаны на абстрактных представлениях о семье, без учёта её реальных потребностей и предпочтений. На практике заселения они не выдерживаются и способны влиять лишь на количественную дифференциацию типов квартир, но не на их качественное разнообразие.

В природно-климатических и социально-экономических условиях Крайнего Севера, как показало исследование, семьи по-разному создают и индивидуализируют своё жилище («личное пространство»). Представления по поводу использования пространства, осуществляемой самими жителями перепланировки жилья (не всегда с официального разрешения) по своим предпочтениям, эстетическим вкусам могут расходиться в нормативных представлениях между архитекторами, строителями и обитателями построенного ими жилья. С практической точки зрения важно изучить: типы квартир и прочих жилых помещений, характерные для различных городов и местностей Мурманской области; как распределяются части жилища между его обитателями; их функциональное назначение; какие типы жилья необходимы семье с учётом её численности, структуры, потребностей, в настоящее время и в перспективе, и, в конечном счёте, какие меры в области жилищной политики представляются желательными.

Анализ современной ситуации требует также учесть процесс субурбанизации. Существует широкий спектр потребностей, не реализуемых в квартире и требующих выхода на придомовую территорию, во дворы, за пределы городского жилища (например, пространство дачи) и в так называемые подсобные помещения (гаражи, сараи и др.). Биография семейных вещей не заканчивается с прекращением их функционирования в пределах жилища, она может быть продолжена в пространстве музея, дачи, гаража и т. п. Региональной специфике становления дачной культуры на общем фоне субурбанизационного процесса посвящено исследование[1] И. А. Разумовой и М. Нахшиной. Авторы сделали заслуживающий внимания вывод о том, что «становление и развитие дачных практик в условиях Крайнего Севера служит показателем достаточной степени адаптации недавних мигрантов к природно-климатическим условиям и новой социокультурной среде, создаваемой ими самими»[2].

Повседневный быт северян в 1930-е, 1950–1980-е гг. В период с 2009 по 2016 гг. проведён ряд исследований по изучению повседневного быта и условий материально-бытовой адаптации жителей Мурманской области в советские годы.

Урбанизация, начавшаяся на Кольском Севере в 1930-е гг., привела к резкому скачку населения и радикальным структурным изменениям в его составе. Повседневной жизни первых строителей промышленных городов Кольского Севера, в том числе жилищно-бытовым условиям, отводилось самое скромное место в трудах по истории региона, исследования единичны (работы А. А. Киселева, О. Е. Куруч, В. Я. Шашкова). На основе архивных материалов ГОКУ ГАМО в г. Кировске[3], периодики и мемуарной

---

[1] См. Нахшина М., Разумова И. А. «Дача — это просто когда дом строится, дом на земле»: дачные практики и представления северян // The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area / Eds. N. Baschmakoff, M. Ristolainen. Joensuu: Gummerus Printing, 2009. P. 417–446.

[2] Там же. P. 444.

[3] ГОКУ ГАМО. Ф. 194. Оп. 1. Архивная коллекция документов об освоении Кольского полуострова и строительстве г. Кировска (бывшего Хибиногорска); ГОКУ ГАМО. Ф. 194. Д. 8. Лл. 3, 4: [Сведения о зарождении строительства и жизни Хибиногорска (Кировска), 1930. 1957. 35 л.]; ГОКУ ГАМО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 36. Л. 6: [Воспоминания И. Л. Тартаковской (вдовы Кондрикова о строительстве Хибиногорска и комбината «Апатит». 14 мая 1965 г. 26 л.]; ГОКУ ГАМО. Ф. 194. Оп. 1. Д. 63. Л. 10: [Воспоминания ветеранов комсомола Хибин: Л. Язева, А. А. Смирнова, Э. И. Белицкой, П. Быстрова, А. Поляковой за 1920–2010 гг. 80 л.]; ГОКУ ГАМО. Ф. Р. 179. Оп. 1. Д. 2993. Лл. 22, 39, 96: [ордена Ленина, ордена Октябрьской революции производственное объединение «Апатит» им. С. М. Кирова г. Кировск]; ГОКУ ГАМО. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 1105; Д. 1112; Д. 1127; Д. 2290: [Коллекция фотодокументов по истории населенных пунктов].

литературы были рассмотрены жилищно-бытовые условия жителей Хибиногорска[1] 1930-х гг. Обстановка жилищ рабочих (землянки, палатки, шалманы) была скудной, темпы роста жилищного строительства безнадёжно отставали от темпов роста населения. В условиях Крайнего Севера требовалось незамедлительное решение жилищно-бытовых проблем. Меры по их устранению принимались в достаточно короткие сроки, учитывая время и обстоятельства. Чтобы решить сложный жилищный вопрос, хибиногорцы создавали добровольческие бригады, работавшие на сооружении жилья в нерабочее время. Днём люди трудились на основном рабочем месте, а по вечерам и в выходные дни строили деревянные дома барачного типа. Если человек отрабатывал на строительстве дома определённое количество часов, то его семья имела право на комнату в нём. Дома заселяли, не дожидаясь окончания работ. В 1933 г. был полностью ликвидирован временный жилой фонд (шалманы, землянки). На их месте появились стандартные рубленые дома, началось строительство каменного фонда жилья.

Развивалась инфраструктура и сельских поселений. Вот как описывает бытовые условия жизни того периода член колхоза имени Ворошилова Териберского становища Сергей Иванов[2]: *«До 1929 г. все мы, сегодняшние колхозники, жили в старых хибарках, больше пригодных под складскую клетушку, чем под жилье <…>. Сейчас колхоз им. Ворошилова имеет 25 двухэтажных восьмиквартирных, недавно отстроенных домов <…>. Вновь выстроенные дома электрифицированы, в большинстве домов имеется радио. <…> До того как я с семьёй вступил в колхоз, я не имел не только выходного костюма, не имел даже рабочей робы. Сейчас у меня есть и то и другое. Хорошо одета и моя семья. Впервые только в колхозе я получил возможность купить постельное бельё, до этого о простынях я даже не мечтал. В этом году я купил своей хозяйке швейную машину, собираюсь купить граммофон, имею козу и самовар»*.

С конца 1930-х гг., благодаря ускоренным темпам жилищного строительства, положение стало заметно улучшаться ценой грандиозных усилий, прежде всего рабочих-строителей. Пережитые тяготы труда и быта, которыми было оплачено индустриальное развитие Севера, стали основанием для высокой самооценки бывших первопоселенцев.

Был рассмотрен также ряд вопросов, связанных с особенностями обустройства быта северян в послевоенные годы, в частности, модели

---

[1] Сулейманова О. А. Материально-бытовые аспекты повседневной жизни жителей Хибиногорска 1930-х годов // Вестн. Орловского гос. ун-та. Новые гуманитарные исследования. 2015. № 3 (44). С. 489–492.

[2] Иванов С. Богатеет колхозная Териберка // Карело-Мурманский край. 1933. № 9–10. С. 64.

потребительского поведения в условиях советского дефицита, оценка материально-бытового уровня жизни[1]. Проанализирован биографический опыт переселенцев 1950–1960-х гг. на материале воспоминаний с использованием других источников информации о социально-бытовом развитии Мурманской области в изучаемый период. Выделены и типологизированы основные группы вещей, которые использовались при организации жилищ.

Установлено, что жилищный вопрос в 1950–1960-х гг. оставался достаточно сложным. В новых индустриальных городах Мурманской области, где строились крупные промышленные предприятия, бараки и общежития были основными типами жилья рабочих и служащих. На расселение их в благоустроенное жильё требовались средства и время. В начале 1960-х гг. многие из числа переехавших продолжали жить в бараках, но старались обустроить жилище как можно уютнее, индивидуализировать свой быт. В 1960-е гг. возникали перебои не только с товарами широкого потребления, но даже с продуктами. Власти использовали разные способы привлечения людей на строительство новых промышленных городов в неблагоприятных природно-климатических условиях, в первую очередь высокую заработную плату и возможность получения жилья. В 1967 г. за Мурманской областью был закреплён статус района Крайнего Севера и установлены дополнительные льготы и надбавки с целью не только привлечь переселенцев, но и удержать их здесь. Притоку людей в область способствовало также быстрое развитие социальной и коммунально-бытовой инфраструктуры, относительно хорошее снабжение населения потребительскими товарами.

По советским меркам, северяне считались обеспеченными людьми. Не случайно в отношении тех, кто уезжал на заработки на Север, использовали фразеологизм «поехали за длинным рублём». Данное обстоятельство не сказалось на материально-бытовых условиях и качестве жизни населения, оно стало одной из причин, по которым большая часть переселившихся переезжали «налегке», почти без вещей. В советские годы не была распространена практика съёма жилья, поэтому большинство молодых людей до переезда на Север жили либо с родителями, либо в общежитиях и ещё не успели «обрасти» вещами, мебелью. На то, что багаж был невелик, оказала влияние и соответствующая миграционная установка: многие переезжавшие не планировали надолго здесь оставаться, намереваясь лишь «подзаработать и вернуться на родину». Таким образом, значительному числу переселенцев приходилось обустраивать свой быт

[1] Сулейманова О. А. История повседневного быта северян в 1950–1980-е годы (по воспоминаниям жителей Мурманской области) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 9. 2016. № 3 (37). С. 22–30.

с нуля. Этот процесс осложнялся советской экономической системой распределения товаров и услуг. Исследователи сходятся в том, что ситуацию со снабжением в СССР в конце 1960-х — начале 1980-х гг. можно назвать постоянным дефицитом.

Несмотря на сложившийся стереотип Севера как территории материального благополучия и хорошего снабжения, ретроспективно информанты отмечали, что испытывали дефицит в определённых товарах, как правило импортных и модных. В 1960-х гг. появилась мода на книги. Книги, особенно престижных серий, наравне с такими предметами быта, как хрусталь, ковры и фарфор, свидетельствовали об уровне достатка владельца жилища и его способности достать дефицит. Северяне часто выезжали за пределы области — в командировки, к родственникам, в отпуск — и старались отовсюду везти необходимые вещи, книги и др. Переселенцы из числа интеллигенции отмечали, что, переезжая на Север, обязательно перевозили книги, нередко в ущерб необходимым бытовым вещам. В середине 1970-х гг. начался бум на «стенки» («гэдээровские», чешские, румынские) и импортные мебельные гарнитуры. Люди копили деньги, записывались в очередь и долго ждали, чтобы их приобрести. Во многих семьях покупка импортной мебели считалась очень и практичным вложением денег. Северяне ездили за покупками не только в крупные города — Москву, Ленинград, но даже в страны социалистического содружества. Ассортимент дефицита сильно изменялся в зависимости от населённого пункта (деревня, город, областной центр) и союзной республики. Как и на других территориях страны, в Мурманской области города снабжались по-разному. Жители ездили за покупками в близлежащие города: в одном можно было приобрести технику, в другом — строительные материалы и т. п. В связи с дефицитом товаров появился фразеологизм «достать вещь», в том числе «по блату». Массовое жилищное строительство способствовало улучшению быта жителей Крайнего Севера. Наличие собственной квартиры стимулировало потребность заполнить её новыми предметами обихода. В целом, несмотря на сложившуюся в стране «систему дефицита», в 1970–1980-е гг. материальное положение северян было вполне благополучным.

Вещь в процессе миграций

Переезд и вещевое поведение

В период с 2008 по 2021 гг. в рамках плановых тем НИР ЦГП КНЦ РАН был осуществлён комплекс исследований, направленных на изучение вещевого поведения жителей Кольского Севера в контексте миграционных процессов. Для большинства северян «опыт переезда» представляет собой

часть биографии и семейной истории. Анализ текстов интервью показал, что в нарративах миграции, связанных с сюжетом о переселении и обустройстве на новом месте жительства, особое место отводится материальному миру и вещевым практикам. Ситуация переезда как кризисное событие в биографии индивидов и семей, вызывающая необходимость пересобрать быт заново на новом месте жительства, позволила обратиться к материально-вещной среде повседневности под новым углом зрения.

Осуществлялся анализ содержания письменных интервью, документов, опубликованных текстов. Использовались архивные материалы Государственного архива Мурманской области, документы органов законодательной и исполнительной власти федерального и регионального уровня, материалы переписей населения, статистические данные, публикации в периодических изданиях и опубликованные мемуарные источники.

Полевые материалы автора составили основной массив источников. Сбор материала осуществлялся в 2009–2019 гг., проинтервьюировано 75 человек (представители семей городов Апатиты, Кировск, Кандалакша, Мончегорск, Мурманск). Основной критерий, по которому отбирались информанты — наличие опыта переезда: в недавнем прошлом и/или в истории семьи. Возраст информантов — от 1931 до 1997 г. р. В числе опрошенных были как переезжавшие в пределах Мурманской области (в том числе представители коренного саамского населения), так и прибывшие на Кольский Север из других областей России и стран бывшего СССР (среди последних большинство составляют этнические мигранты). Временные рамки полученных нами миграционных текстов варьируют от 1930-х гг. до настоящего времени, поскольку среди информантов были переселенцы разного времени, исторических периодов, поколений и категорий. В связи с этими переменными характеристиками выстраивались многообразные сюжеты переездов.

Мигранты и вещи: основные категории и подходы к изучению. «Материальный мир мигрантов», «Материальность миграции» — с такими заглавиями за последние годы был опубликован целый ряд статей (К. В. Головиной, В. М. Пешковой, П. Басу [Basu], С. Колеман [Coleman] и многих других). Специалисты изучают различные стороны и способы взаимодействия людей и вещей в контексте миграционных процессов, что свидетельствует об актуальности проблем, связанных с отношением «человек — вещь» в современном движущемся, мобильном мире.

В современных гуманитарных науках возрос интерес к вопросам трансграничной миграции. Трансмиграция предполагает расширение пространственных границ мигрантов за счёт постоянного циркулирования между двумя или несколькими сообществами. «Транснационализм работает на уровне повседневности и вместе с людьми перемещаются

вещи, идеи, мода, паттерны поведения и проч.»[1]. Происходит своеобразный «миграционный обмен» людей и вещей. В работах исследователей выявляются особенности конструирования идентичности мигрантов посредством материальных предметов и практик их использования. В частности, авторы статей на конкретных примерах показывают, как определённые материальные объекты в иноэтничной среде могут выступать одним из маркеров этнической идентичности.

Различным аспектам миграционных процессов на Кольском полуострове посвящено немало работ, но материально-бытовым проблемам мигрантов и вещевому поведению в процессе переезда отводится незначительное место, связи с чем был предпринят комплекс исследований, нацеленных на анализ динамических аспектов жизни вещей, их смысловых и функциональных изменений в процессе переезда, который всегда сопряжён с переорганизацией старого и обустройством нового быта.

Систематизация и анализ разного типа источников и текстов интервью позволили описать обстоятельства и вариации вещевого поведения людей, добровольно или вынужденно ставших переселенцами в разные исторические периоды, представителей разных поколений и социальных групп. Информация, содержащаяся в памяти людей, существенно отличается от тех сведений, которые обычно отражены в письменных источниках (даже если это личные дневники, мемуары и автобиографии). Индивид, как очевидец определённых событий, может рассказать о тех фактах своей биографии и истории семьи, которые мы не сможем обнаружить в документах.

Интервью дали богатую информацию о бытовой стороне жизни северян в разные периоды времени. Информанты охотно рассказывали о первом купленном телевизоре или магнитофоне и о том, с какими трудностями пришлось столкнуться в процессе переезда и т. п. Собранные интервью являются уникальным материалом, который помогает пролить свет на повседневно-бытовые аспекты жизни северян. Естественно, в ходе повествований могут искажаться некоторые события или даты, что связано со свойствами индивидуальной памяти. Впрочем, ценность воспоминаний не в том, чтобы с точностью реконструировать какие-то исторические моменты, важнее передать особый эмоциональный фон тех или иных событий или периодов. Например, рассказы, которые касались темы принудительного переселения, были очень эмоциональными, людям вновь приходилось мысленно переживать прошлый негативный опыт. Однако именно такие личные беседы с очевидцами событий помогают глубже погрузиться в материал.

[1] См.: Бредникова О. Е. (Не)возвращение: могут ли мигранты стать бывшими // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 38.

Особенности вещевого поведения определялись в соответствии с основными категориями мигрантов разных исторических периодов. Во-первых, это спецпереселенцы 1930-х гг., которые с исторической точки зрения хорошо изучены В. Я. Шашковым, а с социально-антропологической — И. А. Разумовой, О. В. Змеевой, Е. В. Бусыревой. В их и некоторых других работах есть фрагментарные сведения о материально-бытовой стороне жизни спецпереселенцев Мурманской области. Во-вторых, это коренное саамское население, которое претерпело переселения в связи с модернизационными преобразованиями[1]. Часть саамов переселились в города, изменив образ жизни. В-третьих, это добровольцы и вольнонаёмные строители городов и производств. В-четвёртых, этнические мигранты[2]. Наконец, это внутренние мигранты. Население Мурманской области в целом характеризуется высокой мобильностью. В связи с особенностями региональной инфраструктуры жители достаточно активно перемещаются между городами в поисках работы или с целью получения образования.

Особенности вещевого поведения мигрантов. Выявлено, что взаимодействие с вещами в процессе переезда регулируется комплексом факторов, связанных, с одной стороны, с особенностями конкретной миграции и миграционного процесса в целом, с другой стороны, с особенностями семейной культуры и различных традиций. На взаимоотношения людей и вещей, семьи с её предметным окружением влияют объективные обстоятельства переезда и субъективные установки. В случае экстренного, насильственного или вынужденного переселения основное значение имеют внешние факторы. Однако даже в этих случаях очень важна роль субъективных, в нашем случае — семейных и личных решений. В критических, стрессовых ситуациях люди и семьи должны были определяться в своих отношениях с вещами.

Исследование показало, что переселенцы используют разные тактики отбора и транспортировки вещей, которые будут сопровождать их в процессе переезда и будущего обустройства (а кого-то — и выживания), руководствуясь свойствами самих вещей. Одни перевозили всё сразу, сохраняя цельность своего домашнего предметного мира, другие постепенно, распределив его на категории в зависимости от степени нужности, материальной и нематериальной ценности. Если на территории выезда остался доступный для периодических возвращений родной (родительский) дом, перемещение вещей из него может продолжаться в течение всей жизни мигрантов.

---

[1] Этот процесс исследован, прежде всего, С. Н. Виноградовой, Н. Н. Гуцол, Л. А. Рябовой, А. Г. Саморуковой. См. в главе 2.

[2] См. в главе 5.

Основными факторами вещевого поведения являются материальное и социальное положение, возраст и состав членов семьи, отдалённость территории выезда, мотивы переселения, установка на временное либо постоянное проживание на территории прибытия, представления о жизни на новом месте, социокультурный, психологический, этнический, а также другие факторы.

В процессе переезда происходит полная или частичная трансформация предметного мира семьи. Вещи, которые находятся в пути, на это время утрачивают статус «домашних», обретая переходный статус в виде «багажа». Их символика и функции временно утрачиваются или могут дополняться, меняться, то есть происходит переозначивание вещей. Предметы быта, которые до этого использовались исключительно в утилитарном назначении или выполняли декоративные функции, могут стать семейными реликвиями. В биографии вещей это очень важное событие. Как правило, символическая значимость вещи тем более возрастает при переезде, чем дальше расстояние или чётче граница, разделяющая родственников. Одно дело — переезд в пределах области, другое — эмиграция в другую страну. Этнические мигранты, проживающие в городах Кольского Севера, отмечали, что привычные для них в быту вещи в новой, иноэтничной среде становились больше чем просто бытовыми предметами, — они напоминали о родине, уходящем в прошлое образе жизни, о людях, приходивших в дом, и о многом другом, то есть становились вещами памяти. Выяснилось, что, чем больше сложностей возникает в процессе транспортировки вещи, тем более возрастает её символическая ценность и усиливается мемориальная функция.

Анализ показал, что при создании нового интерьера жилища (дома, квартиры) меняется отношение новосёлов к предметному миру в целом, отдельным вещам и категориям предметов. Привычные вещи, которые переезжают вместе с владельцами, должны сделать новое, необжитое пространство освоенным. По этой причине многие, переезжая на новое место жительства, берут с собой такие личные и семейные вещи, которые, казалось бы, не имеют практического значения. Однако «практичность» имеет не только материально-потребительское измерение. Исследование показало, что переселенцы привозят с малой родины или других обжитых ими мест вещи различного типа. Это и предметы повседневного обихода, и семейные фотографии, реликвии, и другие разновидности памятных вещей, которые ассоциируются с «частью родового дома», его историей, а также с историей места, где он находился когда-то или ещё находится. Такие вещи выступают в функции культурно-психологического «стабилизатора», они нужны для общения с собственным прошлым и с теми людьми, с которыми физически разъединил переезд. Иными словами, они служат коммуникации и автокоммуникации, помогают

привыкнуть к новым условиям и преодолеть разрыв с прежним местом и временем жизни.

Отношения с вещами зависят от типа переезда, определяемого по действию властного фактора (насильственный или добровольный) и критерию времени (подготовленный или экстренный). Если рассматривать переезд как переструктурирование жизненного пространства и нарушение повседневного уклада, особенно в тех случаях, когда миграция вызвана экстренными факторами (вынужденные переселения из-за репрессий, военных конфликтов, экономической нестабильности и т. п.), то это всегда кризисное событие в биографии индивидов и семей. Если индивид остаётся без вещей или с их минимумом, это, безусловно, сказывается на его социально-бытовом и психологическом самочувствии. Кризис, независимо от того, чем он обусловлен — переездом или экономической нестабильностью в стране, — приводит, в частности, к изменению вещевого поведения, сопряженного с актуализацией или переосмыслением значения вещей и их функций.

В случае насильственного переселения вещевое поведение детерминировано жёстким административным регулированием, в других случаях — возможностью согласования личного (группового) выбора с объективными обстоятельствами. Обстоятельства вынужденного переселения формируют типовые и специфичные стратегии и способы бытовой адаптации, а также сюжеты миграционных историй семей и вещей. Особенностью спецпереселения как миграционного процесса являлось то, что сборы происходили состоянии семейного стресса, хаотично и в экстренном порядке. Как правило, люди узнавали о предстоящем отъезде незадолго до отправления и к этому времени их лишали всего или большей части имущества. Тем ценнее во всех отношениях была каждая вещь, которой было позволено отправиться в дорогу вместе с настоящими владельцами. При обустройстве на новом месте жительства она помогала выжить и даже могла спасти жизнь.

Во многом сходными были обстоятельства переселения у вынужденных этнических мигрантов (в том числе русских, которые уезжали из бывших национальных республик Советского Союза). Все без исключения, кто переезжали вследствие военных конфликтов, оказывались не готовыми к ситуации, в которой им приходилось покинуть дом, тем более страну, поэтому сборы проходили стихийно, приходилось вынужденно расставаться с вещами, делать скоропалительный и болезненный выбор в пользу самого нужного и ценного. Каждый случай в чём-то уникален, связан с индивидуальными особенностями, установками, семейными ресурсами, отнюдь не только экономическими, но культурными и психологическими. Утрата вещей при переезде, как правило, не просто констатируется информантами, а выражается эмоционально. Память о брошенных, проданных, спрятанных, украденных,

разграбленных мародёрами вещах — это особый сюжет семейной истории вынужденных переселенцев.

Различия в отношении к разным типам вещей, обыденных и мемориальных, и в обращении с ними очевидны на всех стадиях подготовки и осуществления переезда. Более бережное отношение проявляется к мемориальным вещам, чем к повседневным. Критерии, по которым сортируются при отъезде те и другие, разные, как и процесс транспортировки. Обиходные вещи отбираются на основе рациональных соображений: их стоимости, функциональности, удобства в использовании, степени сохранности. Мемориальные вещи меньше всего подвержены такой сортировке. Бережнее всего люди относятся к семейным реликвиям, так как восполнить их потерю будет нельзя. Таким образом, практики обращения с вещами в процессе переезда зависят не только от обстоятельств переезда, но и от ценности вещи для семьи и отдельных её членов. При селекции вещей и выборе способов транспортировки переселенцы ориентируются не только на практическую, материальную, но также и на символическую и мемориальную ценность предметов.

Вещи на новом месте

Обустройство и вещевое поведение городской молодёжи на новом месте жительства. Вещи играют большую роль в процессе адаптации на новом месте, помогая достичь физического и эмоционального комфорта. Это хорошо показало проведённое в 2011 г. исследование, объектом которого были представители молодёжи, переезжавшие на новое место жительства (в съёмное или собственное жилище) в пределах города Апатиты. Впервые были выявлены основные варианты стратегий и «тактик» обустройства представителями молодёжи собственного жилого пространства.

Внимание было сосредоточено на процессе организации жилища с помощью вещей (вещевом поведении) и функционировании вещей в пределах жилища. Ключевые вопросы были связаны с тем, какими предметами, способами, в какой последовательности, в какие сроки люди обустраивают своё новое жилище. Проинтервьюировано 10 человек (от 22 лет до 31 года), переезжавших на новое место жительства максимум три года назад. Использовались данные из других биографических интервью (из архива сектора исторической и социальной антропологии ЦГП).

Суммированы мнения о технологических сложностях переезда. Переезд — это стрессовая ситуация, нарушающая привычное течение повседневной жизни и создающая дискомфорт. Трудности сопутствуют всем этапам: сбору/отбору вещей, упаковке, транспортировке, разбору и расстановке на новом месте (созданию нового интерьера). По мнению

женщин, при транспортировке и расстановке вещей необходима физическая сила, то есть доступность мужской помощи, что свидетельствовало о недостаточном развитии сферы услуг. В ряде случаев сложность составляли упаковка и выбор способа транспортировки вещей. Практические знания приобретались от старших родственников и из Интернета.

Определены вещи первой необходимости в представлениях и бытовой практике. Молодые люди, которые поселялись в общежитие или на съёмную квартиру, переезжали поэтапно. Из родительской семьи выделялся набор вещей, которые считаются самыми необходимыми для начала самостоятельной жизни. Это предметы для сна и сидения (кровать или диван/кресло-кровать), приёма пищи (стол, холодильник), труда и досуга (компьютер, ноутбук). В силу многофункциональности компьютер вышел на первое место (обеспечивает работу, учёбу, рекреацию, коммуникации), постепенно вытеснив музыкальные центры, видеомагнитофоны (DVD-проигрыватели) и т. п. из быта молодёжи. В процессе обустройства меняются представления о самых необходимых вещах, поскольку в кризисной ситуации повседневность начинает рефлексироваться. Различаются две категории обустраивающихся: для одних современная бытовая техника (микроволновые печи, кухонные комбайны и др.) является неотъемлемым атрибутом обустроенного быта, другие же считают её роскошью и покупают только по мере появления «лишних» средств.

Выявлены модели вещевого поведения при отделении от родителей. Несмотря на территориальное отделение от родителей, часть молодёжи продолжает пользоваться вещами, которые находятся в родительском доме. Самой распространённой вещью «общего пользования» при таком проживании (даже в разных городах) членов семьи является стиральная машина. Другая модель поведения — «быстрая эмансипация», когда молодые люди стараются не обращаться за помощью к родственникам, самостоятельность компенсирует им бытовую неустроенность. Важен тип нового жилища: к примеру, общежитие или съёмная квартира чаще не воспринимаются как «дом», для них не считается нужным приобретать предметы мебели. Основанием минимализма является «ненадёжность» съёмного жилья и вероятность частой его смены. Эта модель характерна для иногородних студентов, которые забирают с собой только личные вещи: одежду, компьютер (ноутбук) и предметы символического характера (игрушки, талисманы и т. п.). Бытовые потребности на новом месте удовлетворяются чужими вещами, поэтому предпочтительна меблированная съёмная квартира. Третий случай — когда ни у родителей, ни у детей нет материальных возможностей. Распространённый вариант — использование предметов-«заместителей». Вещь используется в роли другого предмета или в «забытой», реликтовой функции. Такая практика универсальна, в советский период она была следствием дефицита, так что опыт может

передаваться старшими поколениями в семьях, а может и приобретаться самостоятельно в ходе адаптации к условиям жизни. При покупке новых вещей предпочтение отдаётся тем, которые могут использоваться в нескольких функциях: диван предпочтительнее кровати, исключается функциональное разнообразие столов на этапе обживания. Фактором минимализма и предпочтений в пользу разборной мебели является и отсутствие достаточного пространства.

Роль вещей в процессе адаптации на новом месте жительства. В рамках нескольких исследований была рассмотрена роль вещей в процессе адаптации переселенцев на новом месте жительства. Среди информантов были как внутренние (переезжающие в пределах области), так и внешние (из соседних областей и стран бывшего Советского Союза) переселенцы. Всего было опрошено 35 человек от 23 до 77 лет.

При переезде на новое место жительства, люди сталкиваются с проблемой восприятия нового места как «необжитого» или «чужого». Приходится заново выстраивать свой быт и привыкать к нему. Если переезжать приходится часто, то это ощущение ослабевает и может сформироваться модель «дом там, где я в данный момент». Предметы, символизирующие родной дом, связывают со старым местом жительства, выступая в роли оберегов и коммуникантов.

Молодёжь легче адаптируется на новом месте. Она лабильнее и менее привязана к вещам. Этническая миграция из «инонациональных» регионов — самый сложный случай. К обязательным условиям успешной социальной адаптации этнических мигрантов относится постепенная трансформация материально-предметной среды жизни на новом месте. Наличие ценных в материальном отношении предметов позволяет переселенцам чувствовать себя более или менее экономически защищёнными, а наличие тёплой одежды способствует физическому комфорту в условиях Крайнего Севера. Этническим мигрантам нередко приходится полностью отказаться от национальной одежды и предметов быта, тем не менее для привыкания к месту, среде и сохранения этнической идентичности необходимо хотя бы частично воспроизводить привычный быт. В автобиографических рассказах очень устойчив мотив несоответствия взятых с собой предметов одежды и обуви северным условиям жизни. В связи с тяжёлым материальным положением не все могли себе позволить сразу приобрести самое необходимое, даже тёплую одежду. В домах этнических мигрантов присутствуют национальные предметы интерьера, утварь, одежда. Чаще всего они не используются по своему прямому назначению, а просто хранятся как память о родине и свидетельство этнической принадлежности.

Переезд коренного населения (саамов) в город предполагает утрату культурной самобытности. Национальные вещи препятствуют этому процессу. Они поддерживают линию связи с малой родиной и позволяют

воспроизводить этническую идентичность, но уже в новых формах и с иной прагматикой. «Саамская» вещь искусственно помещается в городской быт, и у неё, с одной стороны, появляются новые функции, а с другой — сужается функциональное поле: орудия труда используются в основном только мастерами, национальные костюмы демонстрируются на праздниках. Изменяются и технологии создания вещей. В то же время национальные вещи, утратившие утилитарную функциональность, переходят в разряд мемориальных вещей.

В процессе обустройства меняются представления о самых необходимых вещах и, в целом, о «необходимости» и «ценности» вещи, так как в «переходной» ситуации повседневность начинает рефлексироваться. Существуют универсальные типы вещей, которые используются при первичной организации пространства на новом месте жительства, тем не менее представления о вещах «первой необходимости» вариативны. Если предметы, ценные в материальном отношении, предоставляют переселенцам экономическую защиту, а обладающие специфическими потребительскими свойствами — физический комфорт, то отдельные вещи могут выступать исключительно в коммеморативной функции, ассоциируясь с прежним местом жительства.

Технологии обживания варьируются в зависимости от типа жилья. На съёмной квартире решающим фактором является нестабильное положение проживающего, переезд в собственную квартиру сопровождается стремлением новосёлов минимизировать присутствие старых вещей, нередко он является поводом избавиться от старых, надоевших, неиспользуемых предметов. В общежитие, напротив, забирают из дома то, что похуже. Были выделены и типологизированы основные группы вещей, которые используются при организации нового жилища, помогающие освоить необжитое пространство, удовлетворить материальные и духовные потребности в быту, тем самым способствуя успешной адаптации.

Статус семейных вещей в процессе переезда. Выявлено изменение семиотического статуса семейных вещей в процессе и результате переселений и переездов. Исследования показали, что абсолютное большинство переселенцев, независимо от обстоятельств переезда, состава семьи, возраста и индивидуального отношения к вещам, стремились сохранить при себе предметы, которые относили к семейным реликвиям. Особенно это касается фотографий и семейных альбомов. Такое поведение рассматривается как само собой разумеющийся факт.

В процессе переезда семейные вещи могут менять свой статус. Предметы, которые до этого в семье использовались исключительно в утилитарном назначении или выполняли декоративные функции, становились семейными реликвиями (обратных случаев не отмечено). Чем больше сложностей в процессе транспортировки вещи, тем более возрастает её символическая ценность и усиливается мемориальная функция.

Переезд — самая вероятная причина утраты реликвии или расставания с ней, отданной «на хранение» (родным, в музей и т. д.). История мемориальных вещей не завершается с их исчезновением из материального мира семьи. Память и рассказы об оставленных (брошенных, проданных, спрятанных и т. д.) вещах создают один из сюжетов семейной истории, особенно это касается вынужденных переселенцев и беженцев.

Отдельно рассматривались ситуации, когда переселяется/«отселяется» один из членов семьи. В этом случае происходит частичная или полная трансформация организованной материально-предметной среды семьи в связи с выделением «доли» уезжающему. Одновременно происходит пересемантизация каких-то предметов из числа оставленных им личных вещей (они особенно важны для матерей), с одной стороны, и взятых из родительского дома семейных вещей, с другой стороны.

В целом, изучение транзита вещей с учётом переменных обстоятельств переезда членов семьи позволило проследить процессы семиозиса и выявить ряд факторов семантизации и мемориализации семейной материальной культуры.

Основные результаты и выводы многолетних исследований по изучению вещевого поведения городского населения Кольского Севера в контексте миграционных процессов отражены в монографии «Мигранты и вещи: опыт переезда и материально-бытовая адаптация городских семей Кольского Севера»[1].

Вещь в процессе трансформации этнических традиций

Материальная культура кольских саамов в частном городском быту и общественном экспонировании

Изучение особенностей сохранения и трансформации элементов материально-бытовой культуры кольских саамов в процессе адаптации к городскому образу жизни[2] было начато в 2016 г. В 2017–2019 гг. в рамках выполнения заданий по новой теме НИР[3] впервые была выявлена роль предметов материальной культуры как фактора этнической и региональной

---

[1] Сулейманова О. А. Мигранты и вещи: опыт переезда и материально-бытовая адаптация городских семей Кольского Севера / Кольский научный центр РАН. М.: Наука, 2021. 191 с.

[2] Сулейманова О. А., Пация Е. Я. Повседневно-бытовые аспекты адаптации саамов к городскому образу жизни (на материалах Мурманской области) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 10. 2016. № 8 (42). С. 89–106.

[3] Исследование выполнено по теме № 0226-2016-0003 «Историко-культурные факторы развития арктической территории: Мурманская область».

идентичности городского саамского населения. На сегодняшний день исследования, посвящённые изучению современных городских саамов Мурманской области немногочисленны. С 2020 г. и по настоящее время группа сотрудников Центра гуманитарных проблем продолжает изучать особенности трансформации элементов материально-вещной культуры коренного населения арктического региона в условиях современной информационно-технологической среды, а также роль информационных технологий в культурно-трансформационных процессах[1].

Основная цель изучения материальной культуры коренного населения Кольского полуострова (саамов) — определение её значения как фактора этнической и региональной идентичности, а также особенностей экспонирования и использования предметов материально-бытовой культуры: 1) в быту представителей городских саамов; 2) во время проведения культурно-массовых мероприятий различного уровня. В первом случае объектом исследования были представители группы городских саамов, предметом исследования — их вещевое поведение и материально-бытовые аспекты жизни в современных условиях. По второму направлению рассматривались особенности экспонирования и использования предметов материальной культуры, имеющих этнический колорит, в публичной деятельности и дискурсе: на ярмарках, праздниках, в сувенирных лавках Мурманской области, где представлены реальные этнографические экспонаты, национальные ремесла, реконструированные традиционные национальные вещи, этнические сувениры и др. Изучались «саамские вещи», то есть предметы материальной культуры, которые реально либо ассоциативно связываются с культурой кольских саамов.

Актуальность и новизна исследования обусловлены тем, что материально-бытовая культура современных городских саамов Мурманской области ранее не становилась предметом этнографического изучения, а между тем, согласно данным Всероссийской переписи населения, более 40 % коренного населения проживает в городах Мурманской области. С одной стороны, совершенно очевидно, что городская среда отнюдь не благоприятствует сохранению этнической самобытности, с другой — активное развитие этнокультурного туризма в регионе и огромный интерес к аутентичной культуре аборигенного населения способствуют формированию и воспроизведению новых форм конструирования и репрезентации этнической идентичности.

---

[1] Исследования осуществляются по теме № FMEZ-2022-0028 «Социокультурное и научно-техническое развитие северо-западной части Арктической зоны РФ в XIX–XXI вв.: исторический и антропологический ракурсы» (ответственные исполнители разделов: канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Бодрова О. А., канд. ист. наук, науч. сотр. Давыдова А. С., канд. ист. наук, науч. сотр. Сулейманова О. А., исполнитель ст. лаборант Тарова Л. А.).

Любая культура многогранна и проходит определённые этапы в своём развитии. Так и саамская культура в условиях перехода к урбанизированному быту не «исчезает» и не «умирает», хотя это может происходить с её отдельными элементами (например, с диалектами саамского языка). Культура трансформируется в соответствии с современными обстоятельствами, приобретая новые формы. Основная задача этнографа и социального антрополога — успеть запечатлеть эти новые и быстро меняющиеся разновидности культуры. Этничность очень динамична, она приобрела новые формы развития, в том числе в киберпространстве (киберэтничность)[1]. В современных реалиях информационные технологии служат средством коммуникации и формирования разных идентичностей индивидов, семей, групп. Вклад в изучение тематики, связанной с этнической символикой кольских саамов и особенностями её экспонирования и использования в публичной деятельности, внесли работы О. А. Бодровой и И. А. Разумовой[2].

Материальная культура и «национальные» вещи современных городских саамов. Материально-бытовая культура выступает одним из маркеров идентичностей (этнической, региональной и т. п.), и её изучение позволяет прояснить механизмы формирования этнического самосознания саамов на современном этапе.

В процессе исследования повседневно-бытовых аспектов жизни коренного населения Мурманской области шёл сбор полевого эмпирического материала в городах Мурманск, Кировск и Апатиты. Большое внимание, помимо интервьюирования, уделялось сбору визуального материала: фотографиям национальных вещей, хранящихся в семьях информантов, предметов, используемых во время проведения мероприятий. Главными информантами были десять представителей семей кольских

---

[1] Белоруссова С. Ю., Головнев А. В. Виртуальная этничность — новация на фоне традиции? // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 37.

[2] См. например: Бодрова О. А. Саамские этнокультурные артефакты в региональной туристской и культурно-массовой деятельности (на материале Мурманской области) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 54–63; Бодрова О. А., Разумова И. А. Интернет-технологии в этнокультурном брендировании (на примере Мурманской области) // Учёные зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2022. Т. 44, № 8. С. 105–110.; Бодрова О. А., Разумова И. А. О современных технологиях репрезентации и сохранения этнической культуры кольских саамов // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 172–178; Bodrova O. A., Razumova I. A. Ethnic branding technologies of the Arctic zone of Russia (on the example of the Murmansk region) // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science: 5th International Conference “Arctic: History and Modernity” 18–19 March 2020, Saint-Petersburg, Russia, Saint-Petersburg. Saint-Petersburg: Institute of Physics Publishing, 2020. Vol. 539. P. 012090.

саами в возрасте от 16 до 82 лет. Троих можно считать своего рода профессионалами, формирующими «то лицо городской аборигенной культуры, которое наблюдается во время массовых публичных акций — они шьют костюмы, репетируют действия, взаимодействуют со СМИ»[1]. Среди них мастер — Сергей Васильевич Захаров, владеющий различными саамскими ремеслами, работы которого экспонируются на мероприятиях и выставках, посвящённых саамской культуре, и две женщины, активно занимающиеся сохранением саамского языка и культуры, — Екатерина Ивановна Мечкина и Нина Елисеевна Афанасьева. В качестве эксперта выступила сотрудник Центра гуманитарных проблем — заведующая музейным сектором Музея-архива истории изучения и освоения Европейского Севера КНЦ РАН Евгения Яковлевна Пация, которая на протяжении многих лет занималась изучением саамской культуры и быта, непосредственно общалась с её представителями, в том числе с проживающими в городах Мурманской области саамами.

Национальные вещи, используемые в пространстве квартиры городских саами, сгруппированы: 1) национальная одежда (или элементы национального костюма); 2) утварь (посуда, предметы интерьера и т. п.); 3) орудия домашнего труда (веретёна, чески, инструмент для выделывания шкур, игольницы); 4) ритуальные вещи (обереги); 5) декоративные вещи различного назначения (кулоны, сумки и т. п.).

Исследование показало, что традиционная вещь, искусственно помещаясь в городской быт, меняет функции, сферу использования, технологии создания.

Функции национальных вещей: 1) утилитарная — некоторые вещи продолжают использоваться по прямому назначению, например, традиционная обувь; 2) декоративная — многие предметы материальной культуры используются для украшения квартиры, костюма и проч; 3) демонстрационная — национальный костюм служит для обозначения этнической принадлежности; 4) мемориальная — ряд вещей хранится на протяжении длительного времени как память о родственниках, малой родине и т. д.; 5) трансляция знаний о традиционной культуре и языке; 6) коммерческая — в силу брендирования саамской культуры «саамские» вещи (сувениры, украшения и проч.) успешно продаются.

«Национальные» саамские вещи чаще не используются по прямому назначению, а выполняют демонстрационную и декоративную функции, не говоря уже о коммерческой. В то же время, утрачивая утилитарную функциональность, они переходят в разряд мемориальных. Наблюдается очень бережное отношение к вещам, — особенно к сделанным руками родственников, — они хранятся на протяжении достаточно долгого времени.

---

[1] См.: Хаховская Л. Аборигены в городе: этнокультурный облик жителей Магадана // Сибирские исторические исследования. 2014. № 2. С. 50.

Впервые рассмотрены особенности появления и функционирования в публичном дискурсе «псевдоэтнических» саамских вещей — предметов, которые ошибочно отнесены к традиционной материальной культуре саамов. Основная причина появления таких вещей — высокая коммерческая ценность саамской культуры в условиях развития регионального этнографического туризма, когда она становится своеобразным «брендом» и предметом активного использования со стороны ремесленников — изготовителей сувенирной продукции и представителей туристической индустрии.

Особенности презентации этнических традиций кольских саами в культурно-массовой деятельности. В Мурманской области по инициативе регионального правительства и общественных организаций саамов реализуется довольно большое количество культурно-массовых мероприятий (национальные праздники, фестивали, выставки и т. п.), основная цель которых — репрезентация материальной и духовной культуры коренных жителей региона. В то же время отсутствуют конкретные исследования, освещающие их структуру, функции и социокультурное значение. Посвящённые праздничной культуре кольских саамов исследования в целом немногочисленны, чем также обусловлена актуальность их изучения.

В 2017–2018 гг. определялись свойства презентации этнических традиций в дискурсе и практике культурно-массовой деятельности в Мурманской области. О. А. Бодрова и О. А. Сулейманова, исполнители темы, посетили и проанализировали следующие культурно-массовые мероприятия, организованные на территории Мурманской области: выставка-ярмарка «Каменный цветок» (г. Апатиты, 8 февраля 2017 г.; 7 февраля 2018 г.); «Саами приглашают» (г. Кировск, 11 февраля 2017 г.); «Масленица» (г. Кировск, 26 февраля 2017 г.); «Праздник Севера» (с. Ловозеро, 25 марта 2017; г. Мурманск, 24 марта 2018 г.); «Праздник поморской козули — 2017» (д. Кузрека, 5 августа 2017 г.); «День Терского берега» в рамках проведения торгово-промышленной выставки «Имандра-2017» (г. Апатиты, 21 апреля 2017 г., 20 апреля 2018 г.). В результате были составлены программно-методические разработки по критериям описания и анализу структуры и функций культурно-массовых мероприятий: региональных, национальных, культурных, коммерческих.

Схема анализа современного культурно-массового мероприятия на примере национального праздника: дата и место проведения, «идея» мероприятия (название, цель и задачи, реклама, форма проведения); субъекты мероприятия (организаторы, ведущие, участники — организаторы и активисты, зрители, журналисты, представители администраций, их количество); объекты мероприятия — материальные предметы, обладающие важными символическими смыслами (национальные костюмы, пища, музыкальные инструменты); оборудование для проведения мероприятия,

призы. Важнейшие функции подобных мероприятий: развлекательная, коммуникативная, интегративная, познавательная, брендовая.

Выводы касались неравномерности уровня освещения и презентации этнических традиций различных этнических групп, проживающих в Мурманской области. Основной акцент делается на представление культуры коренного населения — саамов, которые являются обязательным «символом» почти на всех мероприятиях, посвящённых этнокультурным традициям региона. Саамские фольклорные коллективы, предметы материальной культуры используются в том числе в сценариях мероприятий, тематически с саамами не связанных: на поморских праздниках, где саамская культура представлена как культура народа-побратима, а также на торгово-развлекательных мероприятиях, этнически не маркированных. Одна из ключевых ролей в подавляющем большинстве случаев отводится сюжетам саамской мифологии и фольклора, в первую очередь связанных с шаманизмом и нойдами.

Вначале детально были проанализированы структура и функции городского мероприятия — национального праздника «Саами приглашают», приуроченного к празднованию Международного дня саамов, на этом основании разработана методика. В 2017–2018 гг. осуществлялся сбор этнографического материала по традиционному Празднику Севера с использованием включённого наблюдения, фото-, аудио- и видеофиксации. Были использованы материалы из региональных газет («Дважды Два», «Ловозерская правда», «Мурманский вестник»), освещающие структуру и сценарий «Праздника Севера» в 2017 и 2018 гг. Неофициальное название праздника — «Полярная Олимпиада». Это ежегодно организуемое в Мурманской области культурно-массовое мероприятие связано с проведением спортивных соревнований по зимним видам спорта. В селе Ловозеро в рамках Праздника Севера отмечают получивший широкое распространение День оленевода. Особый интерес вызывают включённые в программу празднования национальные соревнования коренных жителей (саамов) — гонки на оленьих упряжках, метание аркана на рога, стрельба из арбалета и др. Кроме того, в рамках культурной программы уже традиционно выступают фольклорные коллективы малочисленных народов Севера, организуются выставки-ярмарки изделий ручного труда.

Культурно-массовые мероприятий являются одной из эффективных и доступных форм приобщения к культуре коренного населения. Основная цель любого национального праздника — продемонстрировать культуру и традиции той или иной этнической общности. Исследование показало, что эта цель достигается главным образом через включение в праздничное действо различных материальных объектов (маркеров этнической идентичности) — национальной одежды, национальных музыкальных инструментов, орудий труда и др.

Тот факт, что саамская атрибутика присутствует на всех мероприятиях, посвящённых этнокультурным традициям Кольского Севера, свидетельствует о её ведущей роли при формировании культурной политики региона. Культура саамов стала «символическим брендом» территории. Поддержка и развитие культурно-массовой деятельности с акцентом на традиции и культурные особенности региона способствуют повышению туристической привлекательности Кольского полуострова, что имеет огромное значение в перспективе развития арктических территорий[1].

Образы материальной культуры саамов в виртуальном пространстве

Саамские веб-сообщества. В настоящее время изучение новых практик виртуального взаимодействия и специфика развития этничности в Интернете («киберэтничности») является одним из актуальных научных направлений. Виртуальные объединения играют значимую роль в повседневной и общественной жизни индивидов и сообществ, включая этнические. На сегодняшний день опубликован целый ряд работ, посвящённых виртуальным этническим сообществам (труды Д. Р. Гимадеевой, А. П. Глухова и Г. А. Окушовой, А. А. Головнева, С. Ю. Белоруссовой, Т. С. Киссер, З. А. Махмутова и Г. Ф. Габдрахмановой, Э. И. Шарафиева и многих других).

В 2019 г. в Центре гуманитарных проблем КНЦ РАН впервые было предпринято исследование, посвящённое изучению саамских виртуальных групп в социальной сети «ВКонтакте». Выделены типы сообществ по организационному основанию, рассмотрены их основные функции[2]. Сообщества, позиционирующие себя как саамские, полифункциональны. Текстовый, аудио- и визуальный контент групп разносторонне, хотя и неравномерно, демонстрирует традиционный этнокультурный комплекс и систему современных представлений о нём. В Центре современными социокультурными процессами у кольских саамов, в том числе такими аспектами как культурные практики и репрезентации этнического образа,

[1] Сулейманова О. А., Бодрова О. А. «Саами приглашают»: культурно-массовые мероприятия как форма сохранения культурного наследия коренного населения Кольского Севера // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 11. 2017. 4 (8). С. 83–96; Сулейманова О. А. «Праздник Севера и традиционный День оленевода»: к проблеме изучения культурно-массовой деятельности как формы актуализации этнокультурных традиций аборигенного населения Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 15. 2018. 11 (9). С.42–52.

[2] Разумова И. А., Сулейманова О. А. Саамские сетевые сообщества в «этническом Интернете» России // Учёные зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2019. № 2 (179). С. 114–122.

киберэтничность, функции сетевых сообществ, занимаются О. А. Бодрова, И. А. Разумова, О. А. Сулейманова, Л. А. Тарова (Кузнецова)[1].

Утверждение и трансляция кибер-этничности являются основной функцией всех типов групп, исключая рекламно-коммерческие, для которых она также необходима. Цель достигается через актуализацию родного языка, фольклорно-мифологических сюжетов и образов, ландшафтных, растительных и животных символов (неоспоримое первое место здесь занимает олень), элементов материальной культуры и других известных идентификаторов, которые активно «обыгрываются» на страницах виртуальных сообществ

Поскольку сокращается количество людей, говорящих на родном языке, а следовательно, и сказителей, поддерживающих устную традицию передачи текстов, это способствует тому, что материальная культура со временем для многих становится единственной возможностью трансляции знаний предков. Во всех рассмотренных группах особое внимание уделяется вопросам, связанным с материальной культурой саамов. Контент одной из них — «Саамский костюм: язык, узоры, музыка, сказки» — полностью посвящён саамскому костюму во всём его разнообразии. На странице сообщества обсуждаются вопросы, начиная от истории традиционного саамского костюма и заканчивая особенностями его пошива. Группа обладает богатым визуальным этнографическим материалом по этнической материальной культуре. В ней собраны 16 альбомов с изображениями элементов саамского костюма, в том числе из коллекций Российского этнографического и Мурманского областного краеведческого музеев. Самопознание и самопрезентация этнической культуры происходит через традиционные предметы и их реконструированные модели, знакомящие с особенностями традиционной материальной культуры. В сообществах поднимаются вопросы, связанные с историей саамского народа. История воспроизводится через упоминание и обсуждение конкретных исторических фактов, а также путём демонстрации старых фотографий, материалов семейных архивов.

---

[1] Кузнецова Л. А., Разумова И. А. Образовательный и культурно-просветительский компонент саамских этнических интернет-сообществ // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 18. 2020. № 1 (11). С. 5–24; Сулейманова О. А. Саамские веб-сообщества глазами модераторов (на примере социальной сети «ВКонтакте» // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 21. 2021. № 4 (12). С. 141–153; Кузнецова Л. А. Анализ динамики функционирования саамских сетевых сообществ России и Мурманской области // Учёные зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2022. Т. 44, № 6. С. 99–109; Бодрова О. А., Разумова И. А. Интернет-технологии в этнокультурном брендировании (на примере Мурманской области) // Учёные зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2022. Т. 44, № 8. С. 105–110.

Традиционная культура на сегодняшний день представляет удобный носитель, который наполняется новым современным значением. Воссоздание этнических ценностей часто сводится к внешней атрибутике, чему способствуют социальные сети. Особенность, уникальность культуры воспринимается посредством внешних атрибутов и символов. Репрезентация идентичности большей частью визуальная, поэтому акцент делается на яркие, визуально воспринимаемые элементы культуры. Через определение своей связи с объектами и отдельными элементами культуры и показ этой связи окружающим строится идентичность человека сетевой культуры.

Визуальные образы материальной культуры саамов. В 2019 г. по разделу «Функционирование традиционной и современной материальной культуры семейно-родственных и этнических общностей» темы НИР была поставлена задача — выявить особенности трансформации элементов материально-вещной культуры населения арктического региона в условиях современной информационно-технологической среды. Впервые были рассмотрены особенности презентации материальной культуры коренного населения Мурманской области в социальной сети «ВКонтакте». Актуальность исследования обусловлена необходимостью восполнения пробела в изучении практик использования новых технологий для репрезентации материально-вещной среды как фактора сохранения и трансляции культурного опыта семейных, локальных и этнических общностей Арктической зоны Российской Федерации. Материально-вещная среда и информационные технологии выступают средствами коммуникации и формирования разных типов идентичностей индивидов, семей и этнических общностей.

Выявлены новые формы этнической самопрезентации, которые отражают динамику визуальных образов материальной культуры саамов[1]. В современной культуре коренного населения Кольского Севера информационные технологии играют важную роль и выступают средством презентации их материальной культуры.

На основе систематизации визуальных материалов саамского сегмента российского Интернета и комментариев к ним (21 виртуального саамского сообщества и 10 личных страниц представителей саамов в социальной сети «Контакте»), виртуального включённого наблюдения, интервьюирования модераторов и участников саамских веб-сообществ, контент-анализа текстового и изобразительного материала предложена типология фотографий, демонстрирующих традиционную, современную материальную культуру саамов Мурманской области и саамскую

[1] Сулейманова О. А. Презентация культуры кольских саамов в социальной сети «ВКонтакте»: динамика визуальных образов материальной культуры // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 169–199.

символику. Выделены разные типы визуальных источников, которые репрезентируют элементы материальной культуры коренного населения в виртуальном пространстве. Исследование показало, что в презентациях саамской культуры преобладают материально-предметная (элементы национальной одежды, утварь, жилище), природно-ландшафтная и животная (олень) символика.

В зависимости от типа визуальных источников варьируют и их функции. Посредством аватаров и личных фотографий, на которых участники социальной сети запечатлены в этнически маркированных вещах, демонстрируется принадлежность к этническому сообществу. Визуальные источники из музейных коллекций позволяют приобщиться к традиционной материальной культуре этнического сообщества, что способствует трансляции традиционных знаний. Исследование показало, что некоторые визуальные источники, репрезентирующие материальную культуру саамов, вызывают у участников социальных сетей не только одобрение в виде «лайков», вокруг них разворачиваются оживлённые дискуссии, что позволяет выделить еще две функции визуального саамского контента — коммуникативную и интегративную. Также выявлена коммерческая функция, которая заключается в реализации изделий ручного труда саамов и предоставлении туристических услуг. В современном контексте, в связи с пандемией, обнаружены новые формы этнической самопрезентации, отражающие динамику визуальных образов материальной культуры саамов (в частности, в 2020 г. это проявилось в появлении фотографий людей в «антиковидных» масках с этнической символикой).

Таким образом, презентация материальной культуры посредством фотографий и комментариев в социальной сети представляет специфический способ этнической самоидентификации и выполняет функцию самопрезентации саамской культуры, являясь особой формой визуальной коммуникации.

Бренд-сувенир и «профанация» саамской культуры

В 2022 г. в развитие продолжающихся исследований материальной культуры саамов в условиях новых технологий и коммодификации культуры впервые была рассмотрена проблема функционирования «саамских» сувениров в качестве этнобренда Мурманской области.

Кольский полуостров на протяжении последних лет позиционирует себя как активно развивающийся туристический регион. Приоритетный интерес с точки зрения этнокультурного направления региональной туристической деятельности представляет историко-культурное наследие коренного населения. О. А. Бодрова в 2014 г. провела исследование, в котором при помощи дискурс-анализа рассмотрела репрезентации образа

региона на сайтах различного типа и их этнокультурную составляющую, которая играет значительную роль в процессе формирования этнического и историко-культурного профиля региона[1]. Анализ источников показал, что из всего разнообразия культур многонационального населения Мурманской области центральное место в репрезентациях занимают аборигены края (саами), которые в интернет-источниках позиционируются как этнический символ и туристический бренд региона, в то время как старожильческая культура поморов презентируется слабее.

В 2015 г. О. А. Бодровой проанализирована этническая символика, связанная с аборигенным населением Мурманской области[2]. Выделены экзосимволы, отражающие представления о саамах в различных источниках, и эндосимволы, среди которых были рассмотрены национальные символы (саамский язык, национальный костюм). Один и тот же символ может одновременно относиться как к экзо-, так и к эндосимволам, например, олень, символизирующий группу кольских саами. Выявлено также, что в настоящее время актуальной является этническая символика, связанная с материалом. Так, этническим символом кольских саамов является камень, отражающий широко тиражируемый в массовых источниках древнесаамский культ сейдов, в отношении которых используется метафора В. В. Чарнолуского «летучий камень».

В сегодняшних реалиях активное развитие этнокультурного туризма на Кольском полуострове вызывает необходимость разработки новых эффективных стратегий для создания качественных туристических продуктов. Этому способствуют субсидирование и грантовая поддержка этнокультурных проектов, проведение культурно-массовых мероприятий, активность представителей из числа коренного населения и местных ремесленников в виртуальном пространстве. «В контексте развития туристско-рекреационных кластеров и этнографического туризма историко-этнографическое наследие саамов выступает как туристский ресурс, обладающий высокой аттрактивностью показа»[3]. С этой целью используются как реальные этнографические экспонаты и традиционные предметы, так и их современные реконструкции: этнические сувениры и вещи с саамской символикой.

---

[1] Бодрова О. А. Этнокультурная специфика Кольского Севера в Интернет-дискурсе // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 6. 2014. № 6. С. 71–86.

[2] Бодрова О. А. Этнокультурный облик Кольского Севера в периодических печатных изданиях (на материале журналов посперестроечного периода) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 7. 2015. № 1 (27). С. 29–46.

[3] См.: Бодрова О. А., Разумова И. А. О современных технологиях репрезентации и сохранения этнической культуры кольских саамов. 2020. С. 176.

Саамские сувениры являются важной культурной, экономической и символической составляющей регионального туристического продукта. В настоящее время в Мурманской области активно возрождается и развивается традиционное декоративно-прикладное искусство коренного населения. Представители саамского сообщества ведут активный диалог с производителями туристических продуктов с целью улучшения качества сувенирной продукции.

Исследование показало, что сувениризация саамской культуры имеет неоднозначные последствия. С одной стороны, она способствует презентации культуры коренного населения, возрождению саамских ремесёл, местному и этническому предпринимательству, продвижению бренд-стратегии региона, с другой — приспособление этнического сувенира под запросы туристического рынка приводит к трансформации традиции и различным искажениям саамской культуры. Трансформация осуществляется вследствие применения саамскими ремесленниками и местными мастерами новых техник и стилей для того, чтобы приспособить этнический сувенир под запросы туристического рынка. Поскольку массовым спросом пользуются недорогие и функциональные сувениры, природный материал саамских изделий нередко заменяют на искусственный с целью оптимизации затрат и ускорения процесса производства.

На сегодняшний день не существует единого определения понятия «сувенир» в достаточно обширной научной литературе, рассматривающей это культурное явление (работы И. И. Акинфеева и О. Е. Железняк, Т. Ю. Быстровой, Е. И. Владимировой и О. В. Береговой, И. В. Леонова и В. Л. Соловьевой, Е. В. Переваловой, Т. С. Киссер и Ю. С. Коньковой).

В ходе работы мы определили понятие «саамского» сувенира как современной реконструкции национальных предметов/вещей по традиционным мотивам[1]. К саамским сувенирам относятся различные виды утвари (ножи, чашки из капа и т. п.), ритуальные вещи (амулеты и обереги), декоративные предметы различного назначения (кулоны, сумки и т. п.) и элементы национального костюма (бурки, пояса и т. п.).

Среди сувениров, функционирующих в туристической индустрии, особую группу представляют этнические (этнотрадиционные) сувениры. В Мурманской области традиционными площадками выставки и продажи саамских изделий являются сувенирные лавки, городские и областные выставки-ярмарки и историко-краеведческие музеи. Популярной онлайн-платформой для самопрезентации и продвижения товаров и услуг

[1] Сулейманова О. А. «Саамский сувенир» как этнотовар и бренд Мурманской области: к постановке проблемы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 22. 2022. № 2 (13). С. 24.

за пределы региона стали на сегодня интернет-ресурсы (официальные сайты, форумы, социальные сети).

Вопрос об особенностях презентации и продвижения сувенирной продукции с саамской символикой в социальной сети «ВКонтакте» рассматривался нами особо: с использованием виртуального включённого наблюдения, экспертного интервью, контент-анализа материала (текстового и визуального). Проанализирована официальная группа «Ловозерский сувенир» в социальной сети «ВКонтакте».

Экспертное интервью с администратором сообщества показало цели создания группы, особенности функционирования и взаимодействия с целевой аудиторией. Основная стратегия, которая используется администраторами для продвижения этнотоваров, — публикация на стене сообщества постов с фотографиями изделий с северной и саамской тематикой. Особенность презентации этносувениров в онлайн-пространстве — широкий охват целевой аудитории. Аудитория и покупатели сувениров — местные жители, туристы, жители их разных регионов страны. Активность пользователей рассмотренного сообщества ограничивается в основном потребительским интересом к этнически маркированным вещам.

Комментарии под фотографиями, размещёнными в группе «Ловозерский сувенир», свидетельствуют о том, что презентируемые изделия привлекают внимание и пользуются спросом. Чаще всего комментарии содержат просьбу уточнить стоимость и условия доставки изделий, практически отсутствуют оценочные высказывания об изделиях, хотя в разделе отзывов покупателей на странице группы встречаются весьма интересные комментарии. По контенту веб-сообщества можно заключить, что, помимо коммерческой функции, присутствуют познавательная, брендовая и популяризации этничности. Для реализации остальных возможностей ресурса нужны дополнительные презентационные технологии[1].

Проблема профанации и «фейков» саамской культуры. Ориентированность туристической индустрии на коммерческую прибыль и ожидания туристов приводит к тому, что культуру коренного населения подчас превращают в яркую имитацию традиций. Саамские активисты отстаивают своё право принимать участие в развитии местного этнотуризма и выражают недовольство по поводу использования этнической символики в коммерческих целях непредставителями саамского сообщества. Заимствование и плагиат символов материальной

[1] Сулейманова О. А. Особенности презентации «саамских» сувениров в виртуальном пространстве (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 64–69.

культуры различных этносов (в социологии явление получило название «культурная апроприация») принято рассматривать как отрицательное явление, поскольку замена аутентичного продукта модной имитацией наносит ущерб национальной идентичности.

Саамская общественность регулярно обращается к местным властям с предложениями взаимодействовать по вопросам сохранения и развития культуры. В 2013 г. председатель Саамского парламента Андрей Данилов написал заявление в прокуратуру с просьбой провести экспертизу выступления творческого коллектива «Радость» на юбилейном концерте, посвящённом 75-летию Мурманской области. По впечатлению активиста[1] от увиденного, *«…коллектив "Радость" показал шамана, который танцевал под бурятское горловое пение, на голове была одета шапка или бурятских, или калмыкских шаманов, девочки бегали оленями в стилизованных костюмах норвежских саамов, причём на голове (у них были) мужские шапки, а сверху — меховые капюшоны с ушками, на ногах — шароварчики, как у узбечек*».

В настоящее время информационные технологии позволяют представителям коренных народов не только популяризировать свою культуру в медиапространстве, но и применять различные стратегии для борьбы с распространением фейковой информации о культуре и традициях своего народа. Для обозначения недостоверной информации в медиадискурсе широко используется понятие «фейк».

Анализ контента саамских веб-сообществ показал, что наиболее острые дискуссии вызывают коммерциализация саамской символики и её «профанация». Одна из тактик борьбы с фейками, активно применяемая саамским сообществом, — распространение информации о различных искажениях саамской культуры посредством постов и репостов на страницах популярных социальных сетей («ВКонтакте», Facebook и др.). На сетевых платформах активно проявляется общественная позиция коренных жителей при обсуждении проблемы корректности использования саамской символики. Саамские общественники пристально наблюдают за событиями в туристической сфере и при обнаружении каких-либо нарушений в использовании саамской символики сразу выкладывают информацию в социальные сети или передают её в местные СМИ. Тематические посты обычно сопровождаются изображениями либо фотографиями с целью привлечения внимания целевой аудитории.

В 2017 г. кольские саамы по инициативе жительницы Мурманска Светланы Каценельсон запустили в социальных сетях акцию по борьбе

[1] Саами обвинили мурманские власти в оскорблении их чувств // Национальный акцент: [офиц. сайт]. 2013. 12 июля. URL: https://nazaccent.ru/content/8404-saamy-obvinili-murmanskie-vlasti-v-oskorblenii.html (дата обращения: 11.04.2023).

с фейковой культурой, которая выдаётся за саамскую, под хештегом #осторожнофуфло. Данное мероприятие не потеряло своей актуальности и на сегодняшний день. Саамы являются успешным примером того, как при помощи различных репрезентационных технологий и платформ и в сотрудничестве с региональными властями и представителями туристической сферы можно бороться со стереотипами образа своего народа. Самая активная роль в формировании интереса к аутентичному историко-культурному наследию и в борьбе с искажениями саамской культуры принадлежит саамским лидерам и общественным организациям.

В целом, исследования 2016–2022 гг. позволили дополнить этнокультурный портрет современных кольских саами, культура которых до недавнего времени описывалась вне контекста изменений, произошедших в их быту в связи с переходом к городскому образу жизни и в условиях новых технологий.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В ходе работы над монографией мы имели возможность убедиться в том, что история одной малой научной организации, описанная «изнутри», может прояснить ход институциональных макропроцессов в науке. Академическая наука относится к достаточно консервативным и стабильным институтам, в которых внешние потрясения могут быть отчасти сбалансированы за счёт внутренних профессиональных ресурсов.

История гуманитарного подразделения имеет разные векторы. Прежде всего, это история исследований, которая равно состоит из достижений и неудач, реализованных проектов и нереализованных планов. С одной стороны, есть «социальный заказ» в виде актуальных проблем динамичной реальности, с другой — существует объективная логика развития теории и методологии, аспектов той или иной темы, технологий исследования. С новыми информационными технологиями изменились не только состав и тип исторических и антропологических источников, но и общие представления о них и инструменты исторических, этнографических, архивоведческих, музейных исследований, а также появились новые области знания, например, киберэтнография. При этом многое по-прежнему зависит и будет зависеть от случая. Разработка темы всегда может повернуть в незапланированное русло, если вдруг найден новый источник, оказался под угрозой уничтожения ценный объект или произошло событие, которое необходимо срочно зафиксировать для истории.

На наш взгляд, отдельные главы монографии позволяют судить не только о результатах работы, но и о том, как продвигались направления, темы и конкретные исследования. Время от времени они отклонялись от заявленной в теме магистрали, оставляя в стороне тупиковые гипотезы и не обеспеченные источниками аспекты, замедляясь в силу недоступности информации, догоняя упущенные из виду факты и обстоятельства, следуя за неожиданно открывшимися возможностями. Если это не высказано прямо, многое можно понять по описанию исследований. В официальных отчётах этот путь почти невидим.

Излагая историю исследований, мы говорили меньше об их актуальности и «практической значимости», чем это требуется в официальной отчётности. Думается, что то и другое прочитывается в самой постановке

проблем, выборе объектов, аспектов изучения, а также в самом характере профессиональной деятельности, направленной на понимание человека в обществе, на анализ наследуемой и создаваемой им (нами) культуры, на выявление фактов национальной истории и сохранение культурных ценностей и преемственности научного знания.

Так оправдалось ли предприятие по созданию Гуманитарного центра? По мнению авторского коллектива, безусловно субъективному, опыт удался. Можно по-разному оценивать научное, общественно-культурное значение деятельности Центра гуманитарных проблем Кольского научного центра РАН, как и его «показатели эффективности», но нельзя не признать, что работа по изучению и популяризации отечественной и региональной истории и культуры не может не принести пусть отсроченные, но полезные плоды.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЗРФ — Арктическая зона Российской Федерации
АН — Академия наук
АН СР — Академии наук союзных республик
АН СССР — Академия наук СССР
АРАН — Архив Российской академии наук
АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
БЕАР — Баренцев/Евро-Арктический регион
вед. науч. сотр. — ведущий научный сотрудник
ВИР им. Н.И. Вавилова — Всесоюзный институт растениеводства имени Н.И. Вавилова
ВКП(б) — Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи
ВМН — высшая мера наказания
г.р. — год рождения
ГАМО — Государственный архив Мурманской области
ГАМО в г. Кировске — Государственный архив Мурманской области в городе Кировске
ГИ КФАН СССР / КНЦ РАН — Геологический институт Кольского филиала Академии наук СССР / Кольского научного центра Российской академии наук
ГКО СССР — Государственный комитет обороны СССР
ГНУ ГНЦ РФ ВИР — Государственное научное учреждение государственного научного центра Российской Федерации «Всероссийский институт генетических ресурсов растений имени Н.И. Вавилова»
ГО СССР — Географическое общество СССР
ГОК — горно-обогатительный комбинат
ГОКУ ГАМО — Государственное областное казенное учреждение «Государственный архив Мурманской области»
гороно — городской отдел народного образования
ГУЛАГ — Главное управление лагерей
ГЭС — гидроэлектростанция
д. — деревня
д-р геол.-минерал. наук — доктор геолого-минералогических наук
д-р ист. наук — доктор исторических наук
д-р филос. наук — доктор философских наук
ДТП — дорожно-транспортное происшествие
ЕУ СПб — Европейский университет в Санкт-Петербурге
ЗАТО — закрытое административно-территориальное образование

ИИЯЛ УрО РАН — Институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук

ИНИОН РАН — Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук

ИПМ — факультет информатики и прикладной математики Кольского филиала Петрозаводского государственного университета

ИРЛИ РАН — Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом)

ИЭП КНЦ РАН — Институт экономических проблем им. Г.П. Лузина — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук»

ИЯЛИ КарНЦ РАН — Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук

канд. ист. наук — кандидат исторических наук

канд. социол. наук — кандидат социологических наук

канд. физ.-мат. наук — кандидат физико-математических наук

канд. филол. наук — кандидат филологических наук

канд. экон. наук — кандидат экономических наук

КАЭС — Кольская атомная электростанция

КБАН СССР — Кольская база Академии наук СССР

мл. науч. сотр. — младший научный сотрудник

КНЦ РАН — Кольский научный центр Российской академии наук

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза

КФ ПетрГУ — Кольский филиал Петрозаводского государственного университета

КФАН СССР — Кольский филиал Академии наук СССР

ЛКН — лицо кавказской национальности

ЛО — Ленинградская область

МАГУ — Мурманский арктический государственный университет

МАЭ РАН — Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

МГГУ — Мурманский государственный гуманитарный университет

МГРЭ — Мурманская геологоразведочная экспедиция

Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН — постоянно действующая выставка «Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера» Центра гуманитарных проблем Баренц региона — филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук»

МФ ГЭНИИ ЛГУ — Мурманский филиал Географо-экономического научно-исследовательского института Ленинградского государственного университета

МЦНКО — Международный центр науки, культуры и образования

МЧС — Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

науч. сотр. — научный сотрудник

НА КНЦ РАН / ФИЦ КНЦ РАН — Научный архив Кольского научного центра Российской академии наук / Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук»

НИОКР — научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы

НИР — научно-исследовательская работа

НИС — национальная инновационная система

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

НП АССР — Автономная Социалистическая Советская Республика Немцев Поволжья

ОАО — открытое акционерное общество

облоно — областной отдел народного образования

оз. — озеро

ОИФН РАН — Отделение историко-филологических наук Российской академии наук

окроно — окружной отдел народного образования

пгт — поселок городского типа

ПетрГУ — Петрозаводский государственный университет

ПИНРО — Полярный научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии имени Н.М. Книповича

ПМА — полевые материалы автора

ПО — производственное объединение

ПОВИР/ПОСВИР — Полярное отделение Всесоюзного института растениеводства / Полярная опытная станция Всесоюзного института растениеводства

проф. — профессор

р. — река

РАН — Российская академия наук

РАО ЕЭС — Российское акционерное общество «Единая энергетическая система России»

РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет

РГНФ — Российский гуманитарный научный фонд

РИС — региональная инновационная система
роно — районный отдел народного образования
РОССПЭН — Российское научное издательство «Политическая энциклопедия»
Росстат — Федеральная служба государственной статистики
РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований
РЭМ — Российский этнографический музей в Санкт-Петербурге
с. — село
ст. науч. сотр. — старший научный сотрудник
СМИ — средства массовой информации
СНК СССР — Совет народных комиссаров СССР
СП-3 и СП-4 — «Северный полюс-3» и «Северный полюс-4» (полярные станции)
СПб — Санкт-Петербург
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
ст. лаборант — старший лаборант
СФ ГО СССР — Северный филиал Географического общества СССР
США — Соединённые Штаты Америки
ФЗС — фабрично-заводская семилетка
ГНУ ГНЦ РФ ВИР — Государственное научное учреждение «Государственный научный центр Российской Федерации Всероссийского научно-исследовательского института растениеводства имени Н.И. Вавилова Российской академии сельскохозяйственных наук»
ФИЦ КНЦ РАН — Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр Российской академии наук»
ФРГ — Федеративная Республика Германия
ХИГС — Хибинская исследовательская горная станция
ЦГП КНЦ РАН — Центр гуманитарных проблем Баренц региона — филиал ФИЦ КНЦ РАН
ЦИК — Центральный исполнительный комитет СССР
ЦК — Центральный Комитет
ШКМ — школа колхозной молодёжи

Валентин Петрович Петров

Первый и бессменный с 1995 до 2019 гг.
директор МЦНКО–ЦГП КНЦ РАН

Владимир Владимирович Дядик

И.о. директора ЦГП КНЦ РАН,
первый заместитель генерального
директора ФИЦ КНЦ РАН

Светлана Николаевна Виноградова

Учёный секретарь ЦГП КНЦ РАН
с 2005 по 2014 гг.

Жанна Эдуардовна Каспарьян

Учёный секретарь ЦГП КНЦ РАН
с 2015 по 2022 гг.

Ольга Александровна Бодрова

И.о. учёного секретаря ЦГП КНЦ РАН,
старший научный сотрудник

Евгений Иванович Усачев

Заместитель директора МЦНКО–ЦГП
КНЦ РАН по общим вопросам

Виктория Викторовна Старикова

Главный бухгалтер ЦГП КНЦ РАН

Евгения Яковлевна Пация (1945–2022)

Основатель и руководитель Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера России, заведующая сектором изучения и сохранения научного наследия

Наталья Николаевна Гуцол

И.о. заместителя директора МЦНКО по научной работе (в 1995–2003 гг.)

Ирина Алексеевна Разумова

И.о. заместителя директора ЦГП КНЦ РАН по науке (в 2004–2019 гг.), руководитель сектора исторической и социальной антропологии, главный научный сотрудник

Александр Дмитриевич Токарев (1947–2019)

Заведующий сектором формирования цифровой информации (в 2016–2019 гг.)

Илья Александрович Травин

Заведующий сектором формирования цифровой информации

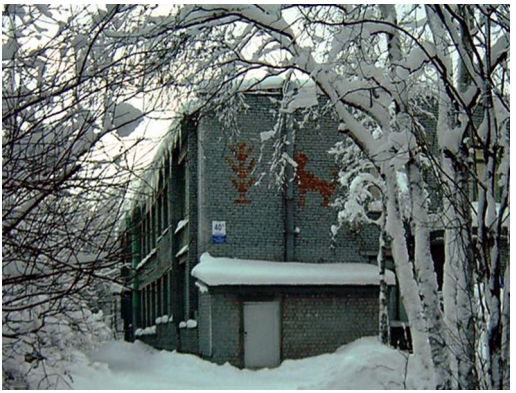
Основатели музея
Б. И. Кошечкин
и Е. Я. Пация беседуют
с акад. И. Г. Эйхфельдом.

Апатиты, 1970-е гг.
Фото из архива ЦГП

А. Г. Саморукова
показывает посетителям
музея экспозицию.

Апатиты, 1980-е гг.
Фото из архива ЦГП

Здание ЦГП КНЦ РАН
под снегом.

1997 г.
Фото из архива ЦГП

Е. Я. Пация (первая слева) и Н. Н. Гуцол (в центре) на совещании по международному проекту.

Ловозеро, октябрь 1997 г.
Фото из архива ЦГП

С. Н. Виноградова и Н. Н. Гуцол в экспедиции.

Нотозерский погост, август 1998 г.
Фото из архива ЦГП

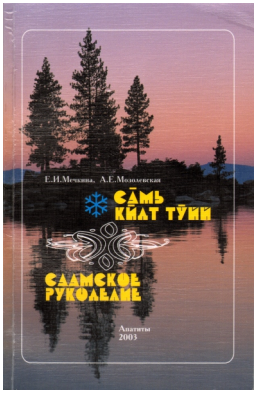
Е. Я. Пация проводит экскурсию по Музею-Архиву.

Сентябрь 2000 г.
Фото из архива ЦГП

Р. А. Кравченко-Бережной в своём рабочем кабинете.

Февраль 2003 г.
Фото из архива ЦГП

2003 год. Первое книжное издание, подготовленное Е. Я. Пацией

Д. А. Федотов, студентка О. В. Змеева, Н. Н. Измоденова.

Апатиты, 2003 г.
Фото из архива ЦГП

Первый выпуск кафедры социологии КФ ПетрГУ.

Апатиты, июнь 2004 г.
Фото из архива ЦГП

Студентка О. В. Змеева, руководитель практики И. А. Разумова, стажёр-исследователь М. Л. Нахшина на рыболовецкой тоне в Терском районе.

Июль 2004 г.
Фото Э. Зверевой

Экспедиция сотрудников ЦГП со студентами исторического отделения КФ ПетрГУ.

Терский район,
июль 2004 г.
Фото из архива ЦГП

Е. Я. Пация (слева)
и И. А. Разумова (справа)
беседуют о прошлом
Умбы с местной
жительницей.

Октябрь 2004 г.
Фото И. А. Травина

И. А. Разумова работает
с личным фотоархивом
жителей Терского берега.

Октябрь 2004 г.
Фото Е. Я. Пации

Е. Я. Пация знакомится
с семейным архивом
жительницы с. Чаваньга.

Октябрь 2004 г.
Фото И. А. Разумовой

И. А. Травин
в экспедиции на берегу
р. Чаваньга.

Октябрь 2004 г.
Фото Е. Я. Пации

И. А. Разумова
и Е. Я. Пация
с жителями села Чаваньга.

Октябрь 2004 г.
Фото И. А. Травина

Е. Я. Пация
и И. А. Разумова
помогают местным
жителям в хозяйственных
делах.

Терский район,
Мурманская область.
Октябрь 2004 г.
Фото И. А. Травина

Участники экспедиции
И. А. Травин, Е. Я. Пация,
И. А. Разумова
в д. Погост, Терский
район.

Октябрь 2004 г.
Фото из архива ЦГП

Участники
этнографической
экспедиции
КФ ПетрГУ и ЦГП
в Музее поморского быта
села Умба.

2004 г.
Фото из архива ЦГП

Преподаватели
гуманитарного факультета
КФ ПетрГУ.

Апатиты, октябрь 2004 г.
Фото из архива ЦГП

2004 год.
Сборник трудов ЦГП.
Выпуск 1

И. А. Разумова.

Кировск, 2005 г.
Фото О. В. Змеевой

С. Н. Виноградова
и А. Г. Саморукова
в парке Академгородка.

Апатиты, октябрь 2005 г.
Фото И. А. Травина

Заведующая научным архивом Е. И. Макарова на рабочем месте в КНЦ РАН.

Октябрь 2005 г.
Фото из архива ЦГП

В. В. Старикова,
И. А. Разумова,
М. Л. Нахшина,
К. С. Казакова,
Н. П. Исаева,
О. В. Шабалина
в конференц-зале ЦГП.

Октябрь 2005 г.
Фото И. А. Травина

Награждение
Р. А. Кравченко-Бережного
в связи с 75-летием
КНЦ РАН.

Апатиты, ноябрь 2005 г.
Фото из архива ЦГП

2005 год.
Сборник трудов ЦГП.
Выпуск 2

О. В. Змеева в городе
Усолье Пермского края.

2010 г.
Фото из архива ЦГП

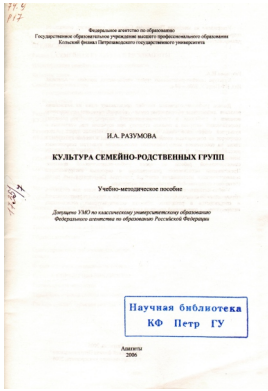
И. А. Травин,
Л. П. Новицкая,
С. И. Соколова,
А. Г. Саморукова,
Р. А. Кравченко-Бережной,
Н. П. Исаева на фоне
экспозиции Музея-Архива.

Май 2006 г.
Фото из архива ЦГП

Е. Я. Пация проводит
экскурсию
в Музее-Архиве.

2006 г.
Фото из архива ЦГП

2006 год.
Учебное пособие
И. А. Разумовой
для студентов КФ ПетрГУ

2006 год.
Сборник трудов ЦГП.
Выпуск 3

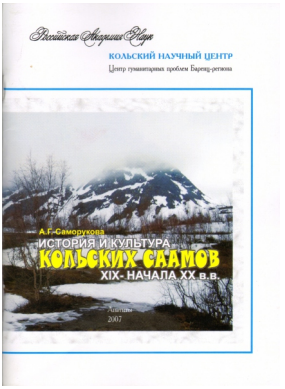
Встреча И. А. Разумовой
с читателями
в библиотеке
им. Л.А. Гладиной.

Апатиты.
Сентябрь 2007 г.
Фото О. В. Змеевой

С. Н. Виноградова
(слева), Т. В. Лукьянченко
(в центре), И. А. Разумова
и Е. Я. Пация (справа)
на конференции
в Норвегии.

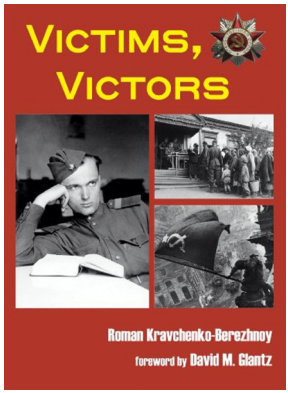
Ноябрь 2007 г.
Фото из архива ЦГП

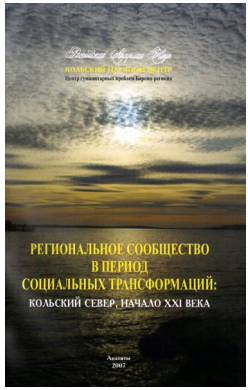
2007 год.
Учебное пособие
для студентов КФ ПетрГУ
А. Г. Саморуковой

2007 год.
Первая научная коллективная монография ЦГП

2007 год.
Обложка автобиографической книги Р. А. Кравченко-Бережного, изданной в США

2007 год.
Сборник трудов ЦГП.
Выпуск 4

О. В. Змеева
в экспедиции.

Умба, июнь 2008 г.
Фото И. А. Разумовой

Мария Степановна
Селезнёва, руководитель
знаменитого
Териберского поморского
хора, принимает
участников экспедиции.

Териберка, июль 2008 г.
Фото И. А. Разумовой

Беседа с учительницей
бывшей териберской
школы.

Териберка, июль 2008 г.
Фото О. В. Змеевой

И. А. Разумова
и Е. Я. Пация
перед выходом
в этнографическое поле

Териберка, июль 2008 г.
Фото О. В. Змеевой

В. П. Петров
и И. А. Разумова
на торжественном
мероприятии в ЦГП.

Сентябрь 2008 г.
Фото О. В. Змеевой

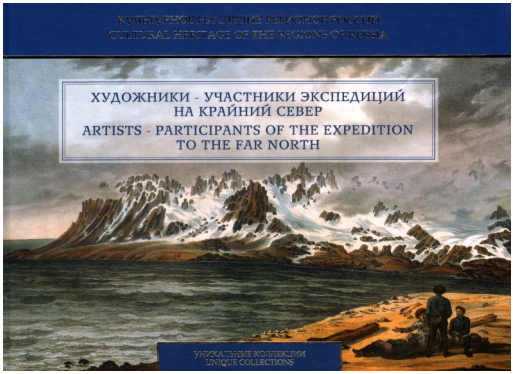

А. Г. Саморукова
получает награду
от администрации города
Апатиты.

Сентябрь 2008 г.
Фото из архива ЦГП

2008 год.
Обложка книги
А. М. Оранжиреевой,
подготовленной
к изданию в ЦГП

2008 год.
Обложка альбома
«Художники-участники
экспедиций на Крайний
Север», изданного
по материалам Музея-
Архива истории изучения
и освоения Европейского
Севера России

2008 год.
Обложка книги
Р. А. Кравченко-Бережного,
изданной
в Санкт-Петербурге

2008 год.
Сборник трудов ЦГП.
Выпуск 5

В. П. Петров
и Т. М. Писарева
на торжественном
мероприятии в ЦГП.

Октябрь 2009 г.
Фото А. Д. Токарева

Защита О. А. Бодровой
в МАЭ РАН (Кунсткамера).
Фото с научным
руководителем.

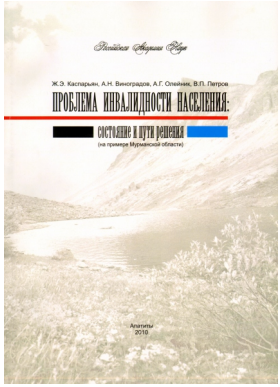
29 декабря 2009 г.
Фото из архива ЦГП

2009 год.
Обложка монографии
И. А. Разумовой

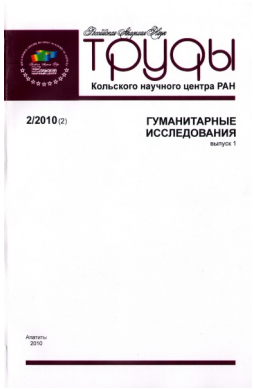
2009 год.
Сборник Трудов ЦГП.
Выпуск 6 (последний)

2010 год.
Обложка коллективной
монографии сотрудников
МЦНКО–ЦГП

2010 год.
Обложка подготовленного Е. Я. Пацией издания по саамскому семейному фольклору

2010 год.
Первый выпуск серии «Гуманитарные исследования» Трудов КНЦ РАН

В зале истории Кольского научного центра РАН в Центре гуманитарных проблем. На фото: С. Н. Виноградова, О. В. Шабалина, И. А. Разумова, В. П. Петров, Е. Я. Пация, К. С. Казакова, Ж. Э. Каспарьян.

Апрель 2011 г.
Фото из архива ЦГП

Коллектив
ЦГП КНЦ РАН.

Апрель 2011 г.
Фото из архива ЦГП

И. А. Разумова
с информантами
Г. Ф. Белошицкой
и В. И. Коневой.

Кандалакша, июнь 2011 г.
Фото О. В. Змеевой

2011 год.
Обложка монографии
О. В. Змеевой

Заседание Мурманского
отделения РАЕН
в ЦГП КНЦ РАН.

Февраль 2012 г.
Фото из архива ЦГП

П. В. Федоров
(д-р ист. наук, МГГУ),
О. В. Змеева,
И. А. Разумова,
Е. В. Васильева
на семинаре о культуре
некрополя.

Мурманск,
сентябрь 2012 г.
Фото из архива ЦГП

На выставке
Музея-Архива.

Декабрь 2012 г.
Фото И. А. Травина

2012 год.
Обложка монографии
С. Н. Виноградовой

С. Н. Виноградова
и Е. Я. Пация
открывают выставку
саамской живописи
в Музее-Архиве.

Ноябрь 2013 г.
Фото из архива ЦГП

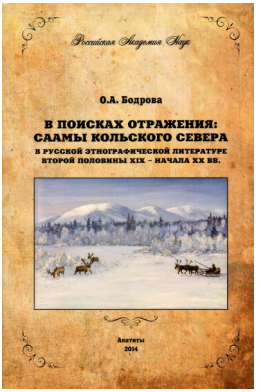

2013 год.
Обложка
монографического
издания об истории
и культуре поморской
семьи, подготовленного
И. А. Разумовой
и О. В. Змеевой

Е. В. Бусырева работает
в семье информантов.

Март 2014 г.
Фото из архива ЦГП

2014 год.
Обложка монографии
О. А. Бодровой

О. В. Змеева в библиотеке
Мончегорска.

Март 2015 г.
Фото И. А. Разумовой

Участники XI Конгресса антропологов и этнологов России Е. В. Бусырева, Н. Н. Измоденова, А. С. Давыдова.

Екатеринбург, июль 2015 г.
Фото из архива ЦГП

Участники делегаций Карельского и Кольского научных центров РАН на XI Конгрессе антропологов и этнологов России. Слева направо: Е. Ю. Дубровская, И. Ю. Винокурова, И. А. Разумова, О. В. Змеева, Е. В. Бусырева.
Екатеринбург, июль 2015 г.
Фото из архива ЦГП

Участники одной из научных конференций в ЦГП КНЦ РАН.

Декабрь 2015 г.
Фото из архива ЦГП

А. С. Давыдова
и О. А. Бодрова
встречают участников
юбилейной конференции
по антропологии города
в ЦГП КНЦ РАН.

Апрель 2016 г.
Фото из архива ЦГП

На конференции
ЦГП КНЦ РАН
по антропологии города.

Апрель 2016 г.
Фото О. В. Змеевой

Доклад Е. В. Бусыревой
на конференции
по антропологии города
в ЦГП.

Апрель 2016 г.
Фото из архива ЦГП

О. А. Сулейманова
на конференции
в МАЭ РАН.

Санкт-Петербург,
сентябрь 2016 г.
Фото И. А. Разумовой

Сотрудники ЦГП КНЦ
РАН на этнографической
выставке в Музее-Архиве
ЦГП КНЦ РАН.

2016 г.
Фото из архива ЦГП

О. А. Бодрова,
О. А. Сулейманова,
К. Я. Коткин,
И. А. Разумова,
О. В. Змеева
на проводимой в ЦГП
в 2017 г. конференции
по антропологии города

Фото из архива ЦГП

Выпуск первых социологов-бакалавров. На фото: В. В. Стрельников (стоит первый слева), Н. Н. Измоденова (стоит в центре), Л. А. Кузнецова (стоит вторая справа), сидят: Э. С. Клюкина, И. А. Разумова, Т. П. Скуфьина.

Апатиты, июнь 2017 г.
Фото из архива ЦГП

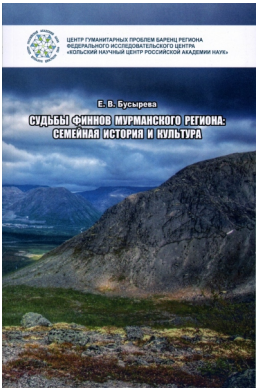
О. В. Змеева
и И. А. Разумова
на XII Конгрессе
антропологов и этнологов
России.

Ижевск, июль 2017 г.
Фото Н. Н. Измоденовой

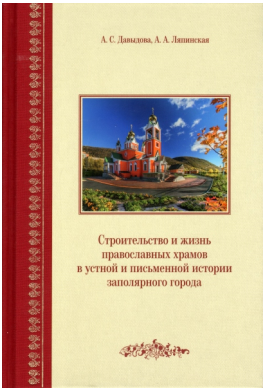

М. В. Иванова,
В. П. Петров,
О. А. Бодрова,
О. А. Сулейманова,
К. С. Казакова,
А. С. Давыдова
у кабинета директора ЦГП.

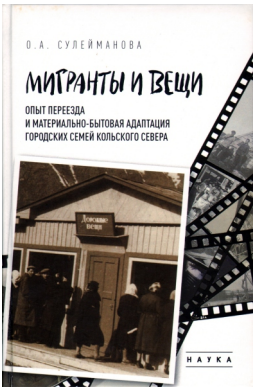
Май 2018 г.
Фото И. А. Травина

2019 год.
Обложка
монографии
Е. В. Бусыревой

2020 год.
Обложка монографии
А. С. Давыдовой
и А. А. Ляпинской

2021 год.
Обложка монографии
О. А. Сулеймановой

О. А. Сулейманова
в национальном
саамском костюме.

Февраль 2020 г.
Фото И. А. Травина

2020 год.
Обложка книги
Е. Я. Пации

2020 год.
Обложка научного
издания книги
Е. А. Каменева,
подготовленного
О. В. Змеевой

О. А. Бодрова,
О. В. Шабалина,
К. С. Казакова
на методологическом
семинаре в ЦГП.

Апрель 2022 г.
Фото из архива ЦГП

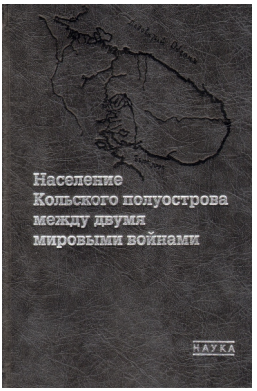

Экскурсию
со школьниками проводит
И. А. Травин.

Октябрь 2022 г.
Фото Ю. Л. Гиляровой

2022 год.
Обложка популярного
сборника саамских
сказок, выполненного
Е. Я. Пацией

2022 год.
Обложка коллективной монографии, выполненной по проекту РФФИ под руководством О. В. Змеевой

2022 год.
Обложка монографии О. В. Шабалиной

2023 год.
Первый выпуск серии «Естественные и гуманитарные науки» Трудов Кольского научного центра РАН

АВТОРЫ

Ирина Алексеевна Разумова

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН.

Фото из личного архива автора

Ольга Васильевна Змеева

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН.

Фото из личного архива автора

Ольга Вячеславовна Шабалина

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН.

Фото из личного архива автора

Ксения Сергеевна Казакова

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН.

Фото из личного архива автора

Елена Владиславовна Бусырева

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН.

Фото из личного архива автора

Олеся Анатольевна Сулейманова

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН.

Фото из личного архива автора

ЦГП КНЦ РАН. СПИСОК ТРУДОВ[1]

Монографии

Гуцол, Н. Н. Переселённые группы кольских саамов / Н. Н. Гуцол, С. Н. Виноградова, А. Г. Саморукова. Апатиты : КНЦ РАН, 2007. 86 с. ISBN 5-91137-043-3.

Разумова, И. А. Культурные ландшафты Кольского Севера: города у «Большой воды» и Хибин: социально-антропологические очерки. Санкт-Петербург, 2009. 160 с. ISBN 978-5-91519-006-0.

Проблема инвалидности населения: состояние и пути решения (на примере Мурманской области) / Ж. Э. Каспарьян, А. Н. Виноградов, А. Г. Олейник, В. П. Петров. Апатиты : КНЦ РАН, 2010. 146 с. ISBN 978-5-91137-143-2.

Змеева, О. В. «Новый дом» вдали от родины: этнические мигранты на Кольском Севере. Апатиты : КНЦ РАН, 2011. 95 с. ISBN 978-5-91137-168-5.

Виноградова, С. Н. Коренные малочисленные народы Севера: социально-экономические аспекты государственной политики. Апатиты : КНЦ РАН, 2012. 139 с. ISBN 978-5-91137-191-3.

Бодрова, О. А. В поисках отражения: саамы Кольского Севера в русской этнографической литературе второй половины XIX — начала XX вв. Апатиты : КНЦ РАН, 2014. 160 с. ISBN 978-5-91137-291-0.

Жуковская, Т. Н. Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века / Т. Н. Жуковская, К. С. Казакова. Москва : Новый хронограф, 2018. 576 с. ISBN 978-5-94881-421-6.

Бусырева, Е. В. Судьбы финнов Мурманского региона: семейная история и культура. Апатиты: Изд-во Кольского науч. центра, 2019. 177 с. ISBN 978-5-91137-406-8.

Давыдова, А. С. Строительство и жизнь православных храмов в устной и письменной истории заполярного города / А. С. Давыдова, А. А. Ляпинская. Мурманск : РУСМА, 2020. 360 с. ISBN 978-5-905917-20-2.

Сулейманова, О. А. Мигранты и вещи: опыт переезда и материально-бытовая адаптация городских семей Кольского Севера. Москва : Наука, 2021. 191 с. ISBN 978-5-02-040868-5.

Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов / О. А. Бодрова, Е. Ю Дубровская, О. В. Змеева [и др.] ; под общей редакцией О. В. Змеевой. Москва : Наука, 2022. 366 с. ISBN 978-5-02-040912-5.

---

[1] Монографии и прочие книжные издания приводятся в хронологической последовательности для соблюдения исторического принципа; статьи и материалы конференций даются в алфавитном порядке по общепринятым правилам.

Научные книжные издания, сборники материалов

Художники — участники экспедиций на Крайний Север : [Из собрания Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Кольского научного центра РАН] / составители, статья, комментарии: Е. Я. Пация, О. В. Шабалина. Санкт-Петербург : ГАМАС, 2008. 207 с. ISBN 978-5-91519-007-7.

Мифологические рассказы Архангельской области / составители Н. В. Дранникова, И. А. Разумова. Москва : ОГИ, 2009. 304 с. ISBN 978-5-94282-515-7.

Мечкина, Е. И. Фольклорные традиции в культуре саамской семьи / редакционная коллегия: В. П. Петров, И. А. Разумова; автор вступительной статьи, составитель Е. Я. Пация. Апатиты : КНЦ РАН, 2010. 54 с. ISBN 978-591137-145-6.

История семьи Жидких на фоне поморской культуры: исследование и публикация по материалам Г. Ф. Белошицкой / общая редакция и вступительная статья И. А. Разумовой ; подготовка текстов, составление и комментарии О. В. Змеевой, И. А. Разумовой. Апатиты : КНЦ РАН, 2013. 184 с. ISBN 978-5-91137-216-3.

Каменев, Е. А. Имена на карте / научная редакция, комментарии, вступительная статья О. В. Змеевой ; биографическая справка и послесловие Е. Е. Каменевой. Москва : Наука, 2020. 207 с. ISBN 978-5-02-040823-4.

Шабалина, О. В. Страницы истории этнографических исследований Кольского полуострова: [Из фондов Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук]. Апатиты : Изд-во Кольского науч. центра, 2022. 158 с. ISBN 978-5-91137-477-8.

Мемуарные и научно-популярные издания

Кравченко-Бережной, Р. А. Между белым и красным: Стоп-кадры моего XX века. Санкт-Петербург : ГАМАС, 2008. 423 с. ISBN 978-5-91519-005-3.

Пация, Е. Я. Кольское застолье. Санкт-Петербург : Геликон Плюс, 2020. 248 с. ISBN 978-5-00098-265-5.

Саамские сказки Кольской Лапландии / автор-составитель Е. Я. Пация. Мурманск : РУСМА, 2022. 140 с. ISBN 978-5-905917-15-8.

Учебно-методические пособия

Мечкина, Е. И. Саамское рукоделие : методическое пособие / Е. И. Мечкина, А. Е. Мозолевская ; ответственный редактор Е. Я. Пация. Апатиты : КНЦ РАН, 2003. 112 с.

Разумова, И. А. Культура семейно-родственных групп : учебно-методическое пособие. Апатиты : Изд-во КФ ПетрГУ, 2006. 68 с.

Саморукова, А. Г. История и культура кольских саамов XIX — начала XX веков : учебно-методическое пособие. Апатиты : Изд-во КФ ПетрГУ, 2007. 67 с.

Мозолевская, А. Е. Саамское рукоделие : методическое пособие / А. Е. Мозолевская, Е. И. Мечкина ; ответственный редактор Е. Я. Пация. Апатиты : КНЦ РАН, 2008. 111 с. ISBN 978-5-91137-060-2.

Сборники научных статей

Этнокультурные процессы на Кольском Севере : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2004. 194 с.

Человек в социокультурном пространстве: Европейский Север России : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2005. 205 с.

Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова : сборник / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2006. 161 с.

Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI века : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2007. 183 с.

Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации: сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2008. 221 с.

Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2009. 164 с.

Научные статьи, материалы конференций

Авдеев, А. Г. Колвицкий камень: новый памятник русской эпиграфики на Кольском полуострове / А. Г. Авдеев, М. М. Шахнович // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 8–15. DOI:10.15393/uchz.art.2022.796.

Агамирзоева, Э. С. «Город мертвых» в городе воинской славы / Э. С. Агамирзоева, И. А. Разумова // Наука и бизнес на Мурмане : научно-практический альманах. Города Заполярья: социально-антропологические и социально-экономические аспекты. Мурманск : Кн. изд-во, 2009. С. 37–41.

Барабанова, Л. А. Современный погребальный обряд с позиций его участников / Л. А. Барабанова, И. А. Разумова // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 5 (134). С. 45–50.

Белевских, Т. В. Креативная экономика арктических территорий: испытание холодом / Т. В. Белевских, М. В. Иванова // Север и рынок:

формирование экономического порядка. 2018. № 1 (57). С. 140–150. DOI:10.25702/KSC.2220-802X-1-2018-57-140-150.

Белевских, Т. В. Освоение арктических территорий: геополитика или геоэкономика? / Т. В. Белевских, М. В. Иванова // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 3 (54). С. 144–153.

Белевских, Т. В. Туристская привлекательность прибрежных поселений Арктической зоны (на примере села Териберка Мурманской области) / Т. В. Белевских, М. В. Иванова, А. А. Бертош // Арктические берега: путь к устойчивости : [материалы XXVII Междунар. береговой конф.] / ответственный редактор Е. А. Румянцева. Мурманск : Изд-во МАГУ, 2018. С. 366–369.

Бертош, А. А. Арктический туризм: концептуальные черты и особенности // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 7 (17). С. 169–180. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.169-180.

Бертош, А. А. Институционализация советской системы туризма на Кольском Севере // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 55–60. DOI:10.15393/uchz.art.2021.584.

Бертош, А. А. Материальное историко-культурное наследие в развитии туристской индустрии Арктической зоны РФ (на примере Мурманской области): общая постановка проблемы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 11 (15). С. 145–153. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.145-153.

Бертош, А. А. Особенности использования историко-культурного потенциала Кольского Севера в туристско-экскурсионной деятельности (1920–1930 гг.) // Общество: философия, история, культура. 2022. Т. 98, № 6. С. 193–199. DOI:10.24158/fik.2022.6.33.

Бертош, А. А. Ретроспективный анализ культурного ландшафта прибрежных территорий Российской Арктики как ресурс развития туризма (на примере Мурманского берега Баренцева моря) // Историческая география России: концептуальные основы комплексных полимасштабных исследований регионов : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. / ответственные редакторы Д. А. Субетто, Л. Б. Вампилова, А. А. Соколова. Санкт-Петербург : Астерион, 2020. С. 335–339.

Бертош, А. А. Трансформации культурного ландшафта Восточного Мурмана в XIX–XXI веках // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 2 (13). С. 42-47. DOI:10.15393/uchz.art.2021.584.

Бодрова, О. А. Влияние колониальной идеологии на подходы к этнографическому описанию автохтонных народов Российской империи // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2009. С. 90–99.

Бодрова, О. А. Влияние образов «Калевалы» на описания саамов в русской этнографической литературе второй половины XIX — начала XX в. // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры : материалы Междунар. науч. конф., посвящённой 160-летию полного издания «Калевалы» / редакционная коллегия: И. Ю. Винокурова, Н. Г. Зайцева, С. В. Ковалёва [и др.]. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2010. С. 307–313.

Бодрова, О. А. Всероссийские научные чтения «Мир образов фольклора: памяти Неонилы Артемовны Криничной» // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Т. 12, № 1 (20). С. 162–165. DOI:10.37614/2307-5252.2021.1.20.011.

Бодрова, О. А. «Диалог» этнографов: к проблеме интертекстуальности научного этнографического текста о саамах второй половины XIX — начала XX в. // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 276–294.

Бодрова, О. А. Жанр этнографической литературы в русской письменной традиции второй половины XIX века // Сборник научных трудов КФ ПетрГУ / ответственный редактор В. А. Путилов. Апатиты : Изд-во ПетрГУ, 2006. Вып. 2. С. 109–111.

Бодрова, О. А. Застолье у народов Карелии // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследования, источники, историография / научный редактор и составитель И. Ю. Винокурова. Петрозаводск : Карельский науч. центр РАН, 2010. С. 46–54.

Бодрова, О. А. Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии в деле изучения саамской этнографии (к 150-летию со дня основания ИОЛЕАЭ) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2013. № 6 (19). С. 189–194.

Бодрова, О. А. Интернет-технологии в этнокультурном брендировании (на примере Мурманской области) / О. А. Бодрова, И. А. Разумова // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 8. С. 105–110. DOI:10.15393/uchz.art.2022.841.

Бодрова, О. А. Колонизация Кольского полуострова через призму колониальной идеологии в отечественной этнографии второй половины XIX — начала XX вв. // Инновации в науке : материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. (25 марта 2013 г.). Новосибирск : Сибак, 2013. Ч. 1. С. 106–112.

Бодрова, О. А. Кольские саамы в иллюстрированных изданиях XVIII–XIX вв. // Освоение Арктики. История и современность : материалы науч.-практ. конф. (14 –15 ноября 2013 г.). Мурманск : ГАМО, 2013. С. 90–95.

Бодрова, О. А. «Культурное наследие и трансформация культурного ландшафта Российской Арктики в процессе освоения территорий»: о работе секции II Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием «Будущее Арктики начинается здесь» на площадке ЦГП КНЦ РАН // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 7 (14). С. 117–120. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.117-120.

Бодрова, О. А. Летопись Кольского научного центра. 2011 год / О. А. Бодрова, Я. А. Стогова // Вестник Кольского научного центра. 2020. Т. 12, № 1. С. 56–61. DOI:10.37614/2307-5228.2020.12.1.007.

Бодрова, О. А. Летопись Кольского научного центра. 2012 год / О. А. Бодрова, Я. А. Стогова // Вестник Кольского научного центра. 2020. Т. 12, № 2 (12). С. 69–78. DOI:10.37614/2307-5228.2020.12.2.008.

Бодрова, О. А. Летопись Кольского научного центра. 2013 год / О. А. Бодрова, Я. А. Стогова // Вестник Кольского научного центра. 2020. Т. 12, № 3. С. 55–66. DOI:10.37614/2307-5228.2020.12.3.007.

Бодрова, О. А. Летопись Кольского научного центра. 2014 год / О. А. Бодрова, Я. А. Стогова // Вестник Кольского научного центра. 2020. Т. 12, № 4. С. 59–70. DOI:10.37614/2307-5228.2020.12.4.006.

Бодрова, О. А. Летопись Кольского научного центра. 2015 год / О. А. Бодрова, Я. А. Стогова // Вестник Кольского научного центра. 2021. Т. 13, № 1. С. 62–74. DOI:10.37614/2307-5228.2021.13.1.004.

Бодрова, О. А. Локализация устных нарративов саамского фольклора на территории Кольского полуострова (к вопросу о географическом принципе составления указателя саамских фольклорных сюжетов) / О. А. Бодрова, И. А. Разумова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 7 (33). С. 126–142.

Бодрова, О. А. Мурманская область в поисках региональных брендов: к вопросу о теории и практике территориального брендирования // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 2 (16). С. 20–42. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.20-42.

Бодрова, О. А. Научно-практическая конференция «Полярные чтения на ледоколе «Красин» — 2016. Культурное наследие в Арктике. Вопросы изучения, сохранения и популяризации» // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (37). С. 176–179.

Бодрова, О. А. Новогодние ёлки в заполярном академическом центре / О. А. Бодрова, И. А. Разумова // Прекраснейшей: сборник памяти Елены Душечкиной. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2022. С. 409–420. DOI:10.31754/4469-2068-6.45.

Бодрова, О. А. О международной корейско-российской конференции «Традиции и актуальное состояние малочисленных народов Арктической зоны России» и современных праздниках кольских саамов // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Т. 12, № 4 (21). С. 183–189. DOI:10.37614/2307-5252.2021.4.21.015.

Бодрова, О. А. О современных технологиях репрезентации и сохранения этнической культуры кольских саамов / О. А. Бодрова, И. А. Разумова // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. Т. 1, № 52. С. 172–178. DOI:10.20874/2071-0437-2021-52-1-16.

Бодрова, О. А. Образ змеи в фольклоре, обрядах и современных практиках населения Мурманской области // Учёные записки

Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 5. С. 95–99. DOI:10.15393/uchz.art.2020.504.

Бодрова, О. А. Образ саамов в русской этнографической литературе второй половины XIX века (к проблеме субъективности этнографического описания) // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2006. С. 36–41.

Бодрова, О. А. Образ саамов в трудах М. А. Кастрена // Сборник научных трудов КФ ПетрГУ / ответственный редактор В. А. Путилов. Апатиты: Изд-во ПетрГУ, 2007. Вып. 3. Т. 2. С. 86–87.

Бодрова, О. А. «Община — мир»: система общественных отношений у кольских саамов (на материале этнографических источников второй половины XIX — начала XX вв.) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2013. № 6 (19). С. 85–96.

Бодрова, О. А. Особенности репрезентации визуальных аспектов культуры кольских саамов (на материале этнографических источников XVIII — начала XX вв.) // Вестник Кольского научного центра РАН. 2013. № 3 (14). С. 56–62.

Бодрова, О. А. «Поморский бренд» в культурно-массовой деятельности Мурманской области. К вопросу о социокультурном потенциале и практике регионального брендинга // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 11 (15). С. 32–41. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.32-41.

Бодрова, О. А. Проблемы изучения фольклора кольских саамов // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (37). С. 116–122.

Бодрова, О. А. Проблемы описания культуры кольских саамов в этнографических источниках второй половины XIX — начала XX вв. // Вестник Кольского научного центра РАН. 2014. № 4 (19). С. 121–125.

Бодрова, О. А. Путешествие сквозь призму этнографии // Ориентир и путь : сборник научных статей / научные редакторы В. М. Воронов, К. Я. Коткин. Мурманск : Изд-во МАГУ, 2017. С. 171–172.

Бодрова, О. А. Рецензия на монографию Лукаса Аллемана «Саамы Кольского полуострова. О жизни этнического меньшинства в Советском Союзе» // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (21). С. 190–196.

Бодрова, О. А. Саамская культура сквозь призму «колониальной этнографии» (к проблеме жанровой природы этнографической литературы) // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2008. С. 164–180.

Бодрова, О. А. «Саамские сказки 1980 года: о структуре сборника, жанровых и сюжетных особенностях саамского прозаического фольклора,

его собирателях и о двух известных исследователях // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 19–28. DOI:10.37614/2949-1185.2023.2.1.002.

Бодрова, О. А. Саамские этнокультурные артефакты в региональной туристской и культурно-массовой деятельности (на материале Мурманской области) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 54–63. DOI:10.37614/2949-1185.2022.1.1.005.

Бодрова, О. А. Саамы глазами В.И. Немировича-Данченко. К проблеме специфики этнографического описания // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI века : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты: КНЦ РАН, 2007. С. 135–146.

Бодрова, О. А. Специфика описания культуры саамов в русской этнографической литературе второй половины XIX века // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 9. С. 8–11.

Бодрова, О. А. Традиционные и новые промыслы экостровских саамов при переходе к оседлости в XIX — начале XX вв. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2022. Т. 13, № 2 (22). С. 7–20. DOI:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.001.

Бодрова, О. А. Традиционные промыслы, миграции и переход к оседлости коренного населения Кольского полуострова на примере истории саамской семьи К. Архипова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 7 (17). С. 69–83. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.69-83.

Бодрова, О. А. Фольклорные сказки и предания кольских саамов в трудах российских исследователей XIX–XX вв. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (21). С. 89–108.

Бодрова, О. А. Формирование образа саамов в русской этнографической литературе второй половины 19-го века // Естественнонаучные проблемы Арктического региона : материалы VII Региональной науч. студенч. конф. Мурманского государственного технического университета / научный редактор С. М. Черняков. Мурманск : Изд-во МАГУ, 2006. С. 122–125.

Бодрова, О. А. Шаманские легенды кольских саамов // Живая старина. 2017. № 1. С. 47–49.

Бодрова, О. А. Эволюция визуального образа кольских саамов в российской этнографии // Труды XIII Всероссийской (с междунар. участием) Ферсмановской научной сессии, посвящённой 50-летию Дня геолога (Апатиты, 4–5 апреля 2016 г.). Апатиты, 2016. С. 33–35.

Бодрова, О. А. Этническая символика в контексте регионального брендинга (на примере Мурманской области) // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2017. № 14. С. 19–22.

Бодрова, О. А. Этнические стереотипы в этнографическом описании саамов (на материале исследований М. А. Кастрена) // Народные культуры Европейского Севера : материалы Республиканской науч. конф. (Архангельск, 15–17 октября 2007 г.) / ответственный редактор Н. В. Дранникова. Архангельск : Поморский университет, 2008. С. 140–146.

Бодрова, О. А. Этнографический манекен как средство репрезентации этнического: к 150-летию Этнографической выставки 1867 года / О. А. Бодрова, О. А. Сулейманова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 8, № 9 (12). С. 76–85.

Бодрова, О. А. Этнокультурная специфика Кольского Севера в интернет-дискурсе // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 6 (25). С. 64–77.

Бодрова, О. А. Этнокультурный облик Кольского Севера в периодических печатных изданиях (на материале журналов постперестроечного периода) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 1 (27). С. 29–46.

Бородина А. С. Религиозные представления современной городской молодёжи Мурманской области // Северяне: проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2006. С. 117–127.

Бусырева, Е. В. Архивация и «музеефикация» как формы семейной культуротворческой деятельности // Социокультурные механизмы повседневности в Приполярном мире : материалы регионального науч.-практ. семинара с междунар. участием (29 ноября 2011 г.) / ответственный редактор А. А. Сауткин. Мурманск : Изд-во МГГУ, 2013. С. 43–47.

Бусырева, Е. В. Браки в истории и памяти семей финских переселенцев // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 11 (115). С. 322–327.

Бусырева, Е. В. Браки в истории финских переселенческих семей: биографический аспект // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2012. № 2 (9). С. 18–30.

Бусырева, Е. В. Влияние властных структур на судьбы финских и немецких спецпереселенцев Мурманской области // Журнал региональной истории = Historia provinciae : сетевой научный журнал. 2022. Т. 6, № 4. С. 1161–1209. DOI.org/10.23859/2587-8344-2022-6-3-1.

Бусырева, Е. В. Влияние политических преобразований на этническую идентификацию финно-угорских этнодисперсных групп Мурманской области // Этнокультурные процессы в многонациональном государстве (к 100-летию Революции 1917 года в России) : материалы XVI Междунар. Санкт-Петербургских этнограф. чтений. Санкт-Петербург : ИПЦ СПГУТД, 2017. С. 109–115.

Бусырева, Е. В. Влияние приграничного проживания на судьбы северных финнов Мурманской области // Studia borealis: осмысляя

региональное (российский регион XVI–XX вв. в фокусе междисциплинарных исследований) : сборник материалов III Междисциплинар. науч. конф. (чтения памяти А. В. Камкина) с междунар. участием / под редакцией А. В. Всеволодова, Н. В. Алексеевой, И. В. Спасенковой. Вологда : ВоГУ, 2022. С. 55–61.

Бусырева, Е. В. Воспоминания одного из первых сотрудников Горно-металлургического института КФАН СССР // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2020. Т. 11, № 6 (19). С. 127–137. DOI:10.37614/2307-5252.2020.6.19.010.

Бусырева, Е. В. Воспоминания потомков российских немцев о годах войны (по материалам этнографического исследования) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2020. Т. 11, № 1 (18). С. 173–185. DOI:10.37614/2307-5252.2020.1.18.012.

Бусырева, Е. В. Из истории лютеранских приходов Мурманской области (по материалам полевых исследований) // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт : материалы VII Шёгреновских чтений. Санкт-Петербург : РЭМ, 2015. С. 248–252.

Бусырева, Е. В. История и память современных кольских семей с финской родословной // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2010. № 2 (2). С. 79–93.

Бусырева, Е. В. История и причины миграций современных кольских семей с финской родословной // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2012. № 2 (22). С. 285–288.

Бусырева, Е. В. История одной немецкой семьи (по материалам семейного архива) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 29–43. DOI: 10.37614/2949-1185.2023.2.1.003.

Бусырева, Е. В. История семей из южной Финляндии, проживающих на территории Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (37). С. 31–45.

Бусырева, Е. В. История семей с финскими корнями в контексте этносоциальных процессов (на примере Мурманской области) // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия: История и филология. 2016. Т. 26, № 1. С. 68–75.

Бусырева, Е. В. Конгресс антропологов и этнологов России // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 7 (33). С. 200–202.

Бусырева, Е. В. Конференция «Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт» / Е. В. Бусырева, А. С. Давыдова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 1 (27). С. 169–173.

Бусырева, Е. В. Культурная политика семьи и динамика этничности на примере кольских семей с финскими корнями // Феномен социализации в этнической культуре : материалы XI этнограф. чтений. Санкт-Петербург : ИПЦ СПГУТД, 2012. С. 113–118.

Бусырева, Е. В. Культурные практики в семьях с карельскими и вепсскими корнями // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 8, № 9 (12). С. 85–95.

Бусырева, Е. В. Мемориальные предметы в семьях с немецкой родословной // Труды Кольского научного центра РАН. Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 42–53. DOI:10.37614/2949-1185.2022.1.1.004.

Бусырева, Е. В. Миграции финских семей в истории края // Материалы III Областной научно-практической конференции, посвящённой 80-летнему юбилею Кировского историко-краеведческого музея. Кировск : ГОКУ ГАМО, 2015. С. 46–52.

Бусырева, Е. В. Миграционные траектории современных кольских семей с финскими корнями // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2011. № 3 (6). С. 19–29.

Бусырева, Е. В. Национальная материальная культура в жизни финских переселенцев Кольского полуострова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (21). С. 76–88.

Бусырева, Е. В. О XIII Конгрессе антропологов и этнологов России // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 7 (17). С. 207–210. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.207-210.

Бусырева, Е. В. Проблема сохранения этнической самоидентификации у представителей семей с финской и немецкой родословной (на примере Мурманской области) // Социальные, экономические, технологические и экологические аспекты устойчивого развития регионов России : сборник научных статей всероссийской науч. конф., посвящённой 30-летию СНИЦ РАН и СГУ. Сочи : Оптима, 2018. С. 107–112.

Бусырева, Е. В. Проблемы этнической самоидентификации представителей прибалтийско-финских групп Мурманской области // Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее : сборник материалов III Междунар. науч. конф. (27–29 сентября 2018 г., г. Псков) / под редакцией Н. В. Большаковой, А. Г. Разумовской. Псков : Логос, 2020. С. 131–141.

Бусырева, Е. В. Процесс трансформации этничности в семьях с финскими корнями // IX Ушаковские чтения : сборник научных статей / научный редактор П. В. Федоров. Мурманск : Изд-во МГГУ, 2013. С. 263–268.

Бусырева, Е. В. Рассказы о переездах 1930–1940-х годов по воспоминаниям представителей семей с финскими и немецкими корнями (из полевых материалов) // Труды Кольского научного центра РАН.

Гуманитарные исследования. 2022. Т. 13, № 2 (22). С. 49–61. DOI:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.004.

Бусырева, Е. В. Религиозные традиции в жизни финских переселенцев // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2013. № 6 (19). С. 75–85.

Бусырева, Е. В. Роль властных структур в жизни спецпереселенцев Кольского Севера в 1930–1950-х гг. на примере финских и немецких семей // Личность, сообщество, регион в российских моделях управления XVII–XX вв.: светское и конфессиональное» : сборник материалов II Всероссийских междисциплинарных науч. чтений памяти д-ра ист. наук, проф. Александра Васильевича Камкина / под редакцией А. В. Всеволодова, Н. В. Алексеевой, И. В. Спасенковой. Вологда : ВоГУ, 2021. С. 30–37.

Бусырева, Е. В. Семейные архивы как хранилище памяти об истории рода (на примере финских и карельских семей Мурманской области) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16, № 1. С. 100–111. DOI:10.35634/2224-9443-2022-16-1-109-120.

Бусырева, Е. В. Сохранность родного языка в переселенческих семьях с финскими корнями // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 6 (25). С. 98–112.

Бусырева, Е. В. Судьбы приграничного финского населения Мурманской области // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт — 3. Девятые Шёгреновские чтения с междунар. участием : [К 75-летию Ольги Михайловны Фишман] : сборник статей / научный редактор д-р ист. наук О. М. Фишман. Санкт-Петербург : Своё Издательство, 2022. С. 159–168.

Бусырева, Е. В. Судьбы раскулаченных ингерманландских семей (на примере Мурманской области) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 7 (33). С. 143–157.

Бусырева, Е. В. Судьбы раскулаченных немцев (на примере двух семей из Мурманской области) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 7 (17). С. 83–93. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.83-93.

Бусырева, Е. В. Судьбы семей финских колонистов Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 1 (27). С. 59–75.

Бусырева, Е. В. Судьбы финских женщин (на примере северо-западной части Арктической зоны РФ) // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего : материалы XII Междунар. науч. конф. : в 2 ч. Ч. 1 / ответственные редакторы Н. Л. Пушкарева, И. О. Дементьев, М. Г. Шендерюк. Москва : ИЭА им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. С. 411–414.

Бусырева, Е. В. Судьбы финских семей в памяти их потомков (на примере двух семей из Мурманской области) // Кольский Север в XX–

XXI вв.: культура, наука, история : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2009. С. 51–64.

Бусырева, Е. В. Трансформация этничности у представителей современных кольских семей с финской родословной // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2011. № 3 (17). С. 213–217.

Бусырева, Е. В. Формирование культурной идентичности в переселенческих семьях (на примере Мурманской области) // «Своё» и «чужое» в культуре : материалы XI Междунар. науч. конф. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2017. С. 39–41.

Бусырева, Е. В. Этническая идентичность представителей семей с финской родословной (Мурманская область) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11, № 3. С. 78–89.

Бусырева, Е. В. Этнографические исследования финнов Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 8 (42). С. 106–116.

Васильева, Е. В. Некрополи Кировско-Апатитского района Мурманской области: история, современное состояние // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2010. № 2 (2). С. 181–195.

Васильева, Е. В. Становление и развитие здравоохранения в Кировске в 1930-е гг. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2012. № 2 (9). С. 122–130.

Виноградов, А. Н. Опыт Центра гуманитарных проблем в исследовании региональных аспектов проблемы инвалидизации / А. Н. Виноградов, Ж. Э. Каспарьян, В. П. Петров // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2008. С. 5–15.

Виноградов, А. Н. Приоритетные задачи Кольского регионального научного центра Российской академии наук по организации междисциплинарных комплексных исследований на современном этапе освоения Арктической зоны России / А. Н. Виноградов, В. Т. Калинников, В. П. Петров // Вестник Кольского научного центра РАН. 2014. № 4 (19). С. 3–10.

Виноградов, А. Н. Социальная политика в отношении инвалидов в Баренц-регионе: гармония целей и дисгармония практики / А. Н. Виноградов, Ж. Э. Каспарьян // Этнокультурные процессы на Кольском Севере : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2004. С. 166–180.

Виноградова, С. Н. Институциональные основы организации научно-исследовательского сотрудничества в Баренцевом / Евро-Арктическом регионе // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 7 (33). С. 52–63.

Виноградова, С. Н. Институциональные основы сохранения традиционного хозяйства кольских саамов / С. Н. Виноградова, Н. Н. Гуцол // Наука и развитие технобиосферы Заполярья: опыт и вызовы времени : материалы междунар. конф. Апатиты : КНЦ РАН, 2005. С. 7–10.

Виноградова, С. Н. К 20-летию Центра гуманитарных проблем Баренц региона КНЦ РАН: история становления и развития / С. Н. Виноградова, А. Г. Саморукова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (21). С. 197–210.

Виноградова, С. Н. К вопросу о реализации прав коренных малочисленных народов // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI века : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2007. С. 56–68.

Виноградова, С. Н. Коренное население Кольского полуострова: к вопросу о сохранении традиционного хозяйства // Живущие на Севере: опыт и прогнозы : сборник статей / редактор П. В. Федоров. Мурманск : Изд-во МГПУ, 2008. С. 66–73.

Виноградова, С. Н. Коренные малочисленные народы Севера в условиях рыночной экономики (на примере Кольских саамов) // Север: проблемы периферийных территорий : монография / координатор и ответственный редактор В. Н. Лаженцев. Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2007. С. 317–338.

Виноградова, С. Н. Коренные народы в городской среде: проблемы и интересы (на примере Мурманской области) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. № 4 (41). С. 10а-12.

Виноградова, С. Н. Коренные народы Севера в исследованиях МЦНКО и ЦГП КНЦ РАН // Вестник Кольского научного центра РАН. 2012. № 4 (11). С. 3–7.

Виноградова, С. Н. О некоторых особенностях устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. № 6 (37). С. 28а–35.

Виноградова, С. Н. Общины коренных малочисленных народов Севера на территории Мурманской области // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2008. С. 15–24.

Виноградова, С. Н. Основные принципы регулирования положения коренного населения Севера: международный опыт // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2006. С. 29–36.

Виноградова, С. Н. Основные тренды современного развития науки в странах Северной Европы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 8 (42). С. 41–55.

Виноградова, С. Н. Оценка территориальной неоднородности рынка труда Мурманской области на основе методов кластерного анализа // Наука и развитие технобиосферы Заполярья: опыт и вызовы времени : материалы междунар. конф. Апатиты : КНЦ РАН, 2005. С. 5–7.

Виноградова, С. Н. Положение коренных малочисленных народов Севера // Стратегические перспективы социально-экономического развития Мурманской области : коллективная монография. Москва : Экономика, 2010. С. 73–77.

Виноградова, С. Н. Саамы Кольского полуострова: основные тенденции современной жизни // Формирование основ современной стратегии природопользования в Евро-Арктическом регионе : сборник / ответственный редактор А. Н. Виноградов. Апатиты : КНЦ РАН, 2005. С. 424–434.

Виноградова, С. Н. Северное измерение инновационного развития: опыт Финляднии // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 6 (25). С. 54–63.

Виноградова, С. Н. Формирование государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: ретроспективный анализ // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2010. № 2 (2). С. 127–139.

Гашкова, Я. Е. Кольский филиал Петрозаводского государственного университета в освещении местной прессой (1994–2014 гг.) / Я. Е. Гашкова, И. А. Разумова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 7 (33). С. 27–52.

Гуцол, Н. Н. Исторические условия и социально-экономические последствия переселений кольских саамов в советский период (на примере трёх саамских погостов) / Н. Н. Гуцол, С. Н. Виноградова, А. Г. Саморукова // Человек в социокультурном пространстве: Европейский Север России : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2005. С. 97–114.

Гуцол, Н. Н. Кольские саамы в процессе социально-экономических трансформаций 1990-х годов / Н. Н. Гуцол, Л. А. Рябова, С. Н. Виноградова // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2002. № 3 (9). С. 49–64.

Гуцол, Н. Н. Обычное право российских саамов в XIX веке в работе А. Я. Ефименко / Н. Н. Гуцол, А. Г. Саморукова // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI века : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2007. С. 122–134.

Гуцол, Н. Н. Отчёт об интервьюировании по памятникам культуры Нотозерского и Мотовского погостов, проведённых в 1997 году // Сотрудничество в области охраны памятников культуры под эгидой Норвежско-российской Комиссии по охране окружающей среды : отчёт : Интервьюирование и регистрации 1997–1998. Памятники культуры

в восточно-саамских погостах. Киркенес : Саамский совет по охране культурных памятников, 2000. С. 57–58.

Гуцол, Н. Н. Современное положение кольских саамов как результат социально-экономических трансформаций 1990-х годов / Н. Н. Гуцол, Л. А. Рябова, С. Н. Виноградова // Этнокультурные процессы на Кольском Севере : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты, 2004. С. 22–38.

Гуцол, Н. Н. Современное состояние памятников культуры восточных саамов в Кольском районе Мурманской области // Природопользование в Евро-Арктическом регионе: опыт XX века и перспективы : труды междунар. конф. / под редакцией В. Т. Калинникова. Апатиты : КНЦ РАН, 2004. С. 441–458.

Гуцол, Н. Н. Современное состояние памятников культуры восточных саамов / Н. Н. Гуцол, С. Н. Виноградова, А. Г. Саморукова // Этнокультурные процессы на Кольском Севере : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН. Апатиты, 2004. С. 126–141.

Давыдова, А. С. Анализ структуры и проповеднической деятельности религиозной организации свидетелей Иеговы (на примере общины г. Апатиты) // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI века : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2007. С. 96–104.

Давыдова, А. С. Воображая Гиперборею: представления жителей Мурманской области о развитии туризма в городе Ковдоре // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 55–66. DOI:10.37614/2949-1185.2023.2.1.005.

Давыдова, А. С. Воспроизведение сакрального ландшафта Териберки в контексте развития туризма в Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Т. 12, № 4 (21). С. 126–140. DOI:10.37614/2307-5252.2021.4.21.009.

Давыдова, А. С. Духовная история молодого города: храмы Полярных Зорей в рассказах горожан // Сборник материалов III Областной краеведческой конференции, посвящённой 80-летнему юбилею Кировского историко-краеведческого музея. Кировск, 2015. С. 65–68.

Давыдова, А. С. История некоторых храмов на Кольском Севере в XVIII–XIX // Церковь в истории и культуре России : сборник материалов Междунар. науч. конф. , посвящённой памяти преподобного Трифона Вятского (1546–1612), г. Киров (Вятка), 22–23 октября 2010 г. Киров : Изд-во Вят ГГУ, 2010. С. 124–126.

Давыдова, А. С. История храмов города Кировска в устных преданиях // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 1 (27). С. 146–161.

Давыдова, А. С. История храмостроения на Кольском Севере в XV–XVII веках. Проблемы историографии // Вестник Орловского

государственного университета. 2013. № 5 (34). С. 216–221. (Новые гуманитарные исследования).

Давыдова, А. С. Кольский Север как территория для храмостроения: отношения и оценки // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (21). С. 166–180.

Давыдова, А. С. Конфессиональная ситуация в Кировско-Апатитском районе Мурманской области (по материалам прессы) // Материалы VIII Междунар. науч. конф., 11–12 февраля 2009 г. : в 2 частях. Ч. 2. Иваново: Ивановский государственный университет», 2009. С. 57–59.

Давыдова, А. С. Культурные объекты в городском пространстве // Ориентир и путь : сборник научных статей / научный редактор В. М. Воронов, К.Я. Коткин. Мурманск : МАГУ, 2017. С 104–105.

Давыдова А. С. «Люди, занимающиеся духовным туризмом, должны путешествовать самостоятельно!»: представления гидов о туристических дестинациях Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 70–83. DOI:10.37614/2949-1185.2022.1.1.007.

Давыдова, А. С. Молодёжь в поисках веры // Молодёжь и социальные проблемы Северо-Западного региона : материалы междунар. науч.-практ. конф. Мурманск : Изд-во МГТУ, 2009. С. 347–349.

Давыдова, А. С. Новые культовые постройки в оценках и интерпретациях жителей Кировского и Апатитского районов / А. С. Давыдова, И. А. Разумова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 7 (33). С. 171–183.

Давыдова, А. С. О XII Конгрессе антропологов и этнологов России // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 8, № 4 (11). С. 121–136.

Давыдова, А. С. О конструировании биографий священнослужителей одного прихода // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 4 (181). С. 75–82. DOI:10.15393/uchz.art.2019.333.

Давыдова, А. С. Особенности северного храмостроения: на примере Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2010. № 2 (2). С.159–168.

Давыдова, А. С. Полярно-альпийский ботанический сад-институт как особо охраняемая природная территория и место для развития туризма: представления жителей Кировско-Апатитского района / А. С. Давыдова, Д. А. Давыдов // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. Т. 26, № 1 (79). С. 133–149. DOI:10.37614/2220-802X.1.2023.79.009.

Давыдова, А. С. Представления жителей городов Кольского Севера о жизни православных храмов // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2014. Т. 17, № 4. С. 669–674.

Давыдова, А. С. Природный парк как часть стратегии развития устойчивого туризма в селе Териберка (Мурманская область) // Север

и рынок: формирование экономического порядка. 2021. Т. 24, № 4 (74). С. 114–127. DOI:10.37614/2220-802X.4.2021.74.009.

Давыдова, А. С. Религиозная ситуация в Кировско-Апатитском районе Мурманской области (по материалам прессы) // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2009. С.125–135.

Давыдова, А. С. Религиозные практики и представления молодёжи Мурманской области как индикатор отношения к вере // Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета. 2012. Т. 15, № 1. С. 254–258.

Давыдова, А. С. Рецензия на книгу «Природа и коренное население Арктики под влиянием изменения климата и индустриального освоения: Мурманская область» / А. С. Давыдова, Д. А. Давыдов // Вестник Кольского научного центра РАН. 2020. Т. 12, № 3. С.75–81. DOI:10.37614/2307-5228.2020.12.3.008.

Давыдова, А. С. Рецензия на книгу «Природа и коренное население Арктики под влиянием изменения климата и индустриального освоения: Мурманская область» / А. С. Давыдова, Д. А. Давыдов // Труды Карельского научного центра РАН. 2020. № 8. С. 126–127.

Давыдова, А. С. Русский Север: утопии и мобильности. О четвёртых научных чтениях памяти К.В. Чистова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 8, № 9 (12). С. 121–124.

Давыдова, А. С. Сакральное и профанное в пространстве арктических городов // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 11 (15). С. 24–32. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.24-32.

Давыдова, А. С. Специфика православной традиции на Кольском Севере в этнографических источниках конца XIX — начала XX века // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт. Седьмые Международные Шегреновские чтения : сборник статей. Санкт-Петербург : РЭМ, 2016. С. 204–209.

Давыдова, А. С. Строительство православного храма как событие локальной истории северного провинциального города // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы Междунар. науч. конф., посвящённой 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, 28–30 октября 2015 г.) / под редакцией Т. К. Щегловой. Барнаул : АлтГПУ, 2015. Вып. 9. С. 330–334.

Давыдова, А. С. Строительство православных храмов: легенды и представления жителей малых городов Мурманской области (на примере г. Кировска) // Ситуация постфольклора: городские тексты и практики : сборник материалов конф. Москва : ФОРУМ, 2015. С. 154–166.

Давыдова, А. С. Строительство церквей в устной традиции арктических городов // Живая старина. 2017. № 1. С. 53–56.

Давыдова, А. С. Участники возведения церквей в представлениях городского населения Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 8, № 9 (12). С. 96–106.

Давыдова, А. С. Храм «под звёздами» или «на перекрёстке»? Церковь как часть культурного пространства в городе «атомщиков» // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 6 (25). С. 136–146.

Давыдова, А. С. Церкви Кольского Севера в конце XX — начале XXI веков // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 8 (42). С. 128–137.

Давыдова, А. С. Церковь в культурном пространстве малого арктического города // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (37). С. 145–152.

Давыдова, А. С. Шестая Международная научно-практическая конференция «Полярные чтения 2018»: Технологии и техника в истории освоения Арктики / А. С. Давыдова, О. А. Сулейманова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 7 (14). С. 124–126. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.124-126.

Давыдова, А. «Это, говорят, ваше местное место силы»: духовный туризм на Сейдозере глазами проводников по Кольскому полуострову / А. Давыдова, С. Штырков // Антропологический форум. 2022. № 55. С. 257–296. DOI:10.31250/1815-8870-2022-18-55-257-296.

Дранникова, Н. В. Город и фольклорист: проблемы собирательских технологий / Н. В. Дранникова, И. А. Разумова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 1. С. 130–134.

Дранникова, Н. В. Демонологические рассказы в архангельской локальной традиции / Н. В. Дранникова, И. А. Разумова // Языковая картина мира поморов : коллективная монография. Архангельск : Поморский ун-т, 2010. С. 18–35.

Дранникова, Н. В. Исторический город в современном фольклоре / Н. В. Дранникова, И. А. Разумова // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2008. С. 131–145.

Дранникова, Н. В. Исторический город в современном фольклоре / Н. В. Дранникова, И. А. Разумова // Славянская традиционная культура и современный мир : сборник статей междунар. науч.-практ. конф. Вып. 13: Традиционная культура современного города / составители: М. Д. Алексеевский, В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова. Москва : Гос. республиканский центр русского фольклора, 2010. С. 9–27.

Дранникова, Н. В. Образ Архангельска в современном фольклоре / Н. В. Дранникова, И. А. Разумова // Живая старина. 2011. № 1. С. 34–37.

Дранникова, Н. В. Образ Архангельска в устной практике горожан / Н. В. Дранникова, И. А. Разумова // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира : сборник научных трудов / ответственный редактор Т. В. Симашко. Москва ; Архангельск : ПГУ ; Институт языкознания РАН, 2009. Вып. 4. С. 23–32.

Дюжилов, С. А. «Хибинская эпопея» И. Г. Эйхфельда: материалы для биографии (к 125-летию со дня рождения учёного) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 7 (14). С. 42–59. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.42-59.

Дюжилов, С. А. А. Е. Ферсман и апатитовая проблема: полемические заметки по поводу статьи Б. Н. Ржевского «Роковая ошибка академика» // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2016. № 13. С. 35–38.

Дюжилов, С. А. Институционализация науки на Кольском Севере в 1920–1930-е годы: приоритеты, достижения и проблемы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 1 (27). С. 100–109.

Дюжилов, С. А. К биографии горного инженера Э. А. Купффера: малоизвестные страницы // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2018. № 15. С. 8–11. DOI:10.31241/FNS.2018.15.002.

Дюжилов, С. А. К истории возникновения Полярной опытной станции // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 8 (42). С. 56–72.

Дюжилов, С. А. Полярная опытная станция в годы Великой войны // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 7 (33). С. 86–111.

Дюжилов, С. А. Полярное земледелие: постановка проблемы и её решение в 1920-е годы на Кольском Севере // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (37). С. 71–88.

Дюжилов, С. А. Полярное отделение ВИР на рубеже 1920–1930-х годов: новые векторы развития в научной деятельности / С. А. Дюжилов, Я. Е. Богдан // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 8, № 4 (11). С. 35–55.

Дюжилов, С. А. Преображённый Север (о роли ПОСВИР в модернизации Кольского Заполярья, 1920–1930-е годы). Часть 1. 1920-е годы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 8. № 9 (12). С. 30–46.

Дюжилов, С. А. Роль науки в освоении и развитии северных территорий (на примере деятельности ПОСВИРа, 1920–1930-е годы) // Ключевые факторы развития северных территорий России: духовность, социальная сфера, экология, промышленность : сборник докладов

Региональной науч.-практ. конф. в рамках общественного форума «Всемирный Русский Народный Собор». Мурманск : Изд-во МАГУ, 2018. С. 113–116.

Дюжилов, С. А. Роль Хибинской агростанции в борьбе за апатит: взгляд на проблему / С. А. Дюжилов, Я. Е. Богдан // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2017. № 14. С. 25–28.

Еремеева, А. А. Образы города Мончегорска в стихах непрофессиональных авторов // Человек в социокультурном пространстве: Европейский Север России : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2005. С. 77–85.

Еремеева, А. А. Строительство комбината «Североникель» (период до начала Великой Отечественной войны) в г. Мончегорске Мурманской области // Этнокультурные процессы на Кольском Севере : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2004. С. 79–100.

Еремеева, А. А. Формирование городской среды и пространственного образа Мончегорска // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2006. С. 87–95.

Жуковская, Т. Н. Как жили студенты Петербургского университета в первой половине XIX в. / Т. Н. Жуковская, К. С. Казакова // Санкт-Петербургский университет. 2009. № 2–3. С. 23–29.

Жуковская, Т. Н. Русский студент дореформенной эпохи: нормы и практики корпорации / Т. Н. Жуковская, К. С. Казакова // Отечественная история. 2007. № 6. С. 63–76.

Жуковская, Т. Н. Университетская политика в 1820–1850-х гг. и студенчество столичного университета / Т. Н. Жуковская, К. С. Казакова // Культура и менталитет России Нового и Новейшего времени. К 80-летию А. Е. Иванова / редактор Ю. А. Петров. Москва : Институт российской истории РАН, 2018. С. 93–104.

Жуковская, Т. Н. Профессиональные и жизненные траектории выпускников университета на Европейском Севере в первой половине XIX в. / Т. Н. Жуковская, Е. А. Калинина, К. С. Казакова // Педагогика. 2021. Т. 85, № 4. С. 102–112.

Жуковская, Т. Н. Система инспектирования и контроля деятельности училищ светского и духовного ведомств в XIX веке: цели, формы, эффективность / Т. Н. Жуковская, Е. А. Калинина, К. С. Казакова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 2 (16). С. 77–92. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.77-92.

Зайцев, А. А. «Древнейшие верования» кольских саамов в работах советских этнографов В. В. Чарнолуского и Н. Н. Волкова // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 2. С. 105–111. DOI:10.15393/uchz.art.2020.454.

Зайцев, А. А. Духовные росписи как источник по истории этнорелигиозных процессов в среде кольских саами в XIX — начале XX веков // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 7 (17). С. 157–168. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.157-168.

Зайцев, А. А. Личный архив Н. Н. Волкова как источник по изучению верований саамов // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 3 (164). С. 72–77.

Зайцев, А. А. «Лопарские приходы» в церковно-приходской системе Кольского Севера в XIX — начале XX веков // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 11 (15). С. 154–166. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.154-166.

Зайцев, А. А. Н. Н. Волков как исследователь культуры кольских саами // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2017. № 14. С. 28–31.

Зайцев, А. А. Религиозные процессы в среде саами Бабинского погоста: отражение в архивных источниках и литературе // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (37). С. 159–169.

Змеева, О. В. А. Е. Ферсман на Кольском полуострове: хибинские перспективы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Т. 12, № 1 (20). С. 25–33. DOI:10.37614/2307-5252.2021.1.20.002.

Змеева, О. В. А. Е. Ферсман на Кольском полуострове: экспедиционная работа и формирование историко-этнографического профиля региона // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2020. Т. 11, № 6 (19). С. 20–29. DOI:10.37614/2307-5252.2020.6.19.002.

Змеева, О. В. Альтернативная история города глазами школьников: Романов-на-Мурмане — Мурманск // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (37). С. 122–134.

Змеева, О. В. «Был в сети вчера…»: смерть журналиста в малом городе // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре / составители А. Д. Соколова, А. Б. Юдкина ; ответственный редактор Д. В. Громов. Москва : ИЭА РАН, 2015. С. 217–240.

Змеева, О. В. Вперёд... к посёлку городского типа! // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2006. С.82–86.

Змеева, О. В. Гендерные и сексуальные роли как средство адаптации этнических мигрантов // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации : сборник

статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2008. С. 69–79.

Змеева, О. В. Герои — виновники — жертвы: проблематизация смерти и захоронения в случае коллективной гибели людей / О. В. Змеева, И. А. Разумова // Труды Карельского научного центра РАН. 2013. № 3. С. 113–123.

Змеева, О. В. Город в Хибинах: культурная периферия или центр культуры / О. В. Змеева, И. А. Разумова // Рябининские чтения — 2007 : материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера / Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи». Петрозаводск, 2007. С. 44–46.

Змеева, О. В. Гражданско-церковная церемония: позиции священников // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 8 (42). С. 116–127.

Змеева, О. В. Диаспора — основа для сохранения этничности? // Живущие на Севере: опыт и прогнозы : сборник статей / научный редактор П. В. Федоров. Мурманск : Изд-во МГПУ, 2008. С. 99–103.

Змеева, О. В. Динамика этнического стереотипа // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2009. С. 113–120.

Змеева, О. В. «Добровольная заложница заполярной стороны»: к 15-летию работы И. А. Разумовой на Кольском полуострове // Живая старина. 2018. № 3 (99). С. 58.

Змеева, О. В. Должностная инструкция для стражников военно-стратегического объекта (Российский север. 1915–1916 годы) // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 30–41. DOI:10.37614/2949-1185.2022.1.1.003.

Змеева, О. В. Жертвы «дороги смерти»: история и следствия одного ДТП // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (21). С. 123–136.

Змеева, О. В. «Зона этнической бесконфликтности» и особенности регионального самосознания «северян» (по материалам Мурманской области) // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 6. С. 28–31.

Змеева, О. В. Игры и развлечения поморских детей в середине XX в. // Живая старина. 2013. № 4 (80). С. 21–25.

Иванова, М. В. Извоз и содержание почтовых станций как вид экономической деятельности коренного населения Кольского полуострова (саамов) в XIX в. / М. В. Иванова, О. В. Шабалина // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 2 (16). С. 42–53. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.42-53.

Иванова, М. В. Институт высшего образования как инструмент обеспечения доминирования России в Арктическом регионе / М. В. Иванова,

О. В. Шабалина // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2016. № 4 (51). С. 199–209.

Змеева, О. В. Кавказцы в Мурманской области: миграционный опыт и особенности адаптации (вторая половина XX — начало XXI вв.) // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. История России. 2012. № 4 (84). С. 202–209.

Змеева, О. В. Кавказцы на Кольском Севере: к проблеме трансформации этнической идентичности // Живущие на Севере: вызов экстремальной среде : сборник статей / редколлегия: П. В. Федоров, Ю. П. Бардилева, Е. И. Михайлов. Мурманск : Изд-во МГПУ, 2005. С. 50–54.

Змеева, О. В. «Кавказцы» на Кольском Севере: поиск себя в полиэтничном пространстве // Вестник Евразии. 2008. № 2 (40). С. 181–200.

Змеева, О. В. Кто такой среднестатистический «кавказец»? // Наука и бизнес на Мурмане: научно-практический альманах / главный редактор И. Б. Циркунов. 2009. № 2 (67): [Города Заполярья: социально-антропологический и социально-экономический аспекты]. С. 17–21.

Змеева, О. В. Материалы фонда № 1 «Президиум КНЦ РАН» НА КНЦ РАН как источники по изучению миграционных процессов в Мурманской области в XX в. // Документальное наследие России: теория и практика сохранения и использования научных фондов : сборник научных статей к 60-летию Научного архива Коми НЦ УрО РАН / ответственный редактор акад. А. М. Асхабов. Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 111–115.

Змеева, О. В. Международная научная конференция «Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность» // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 7 (14). С. 126–129. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.126-129.

Змеева, О. В. Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы устойчивого развития российских арктических городов» // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 8 (42). С. 138–140.

Змеева, О. В. «Места памяти» в семейных биографиях этнических мигрантов — жителей Заполярья // VI Ушаковские чтения : сборник научных статей / ответственный редактор А. В. Воронин. Мурманск : Изд-во МГПУ, 2010. С. 235–239.

Змеева, О. В. «Места памяти» г. Оленегорска // Российская наука и освоение Евро-Арктического Севера: история, перспективы : сборник материалов всерос. науч. конф. молодых учёных / ответственный редактор Д. П. Беляев. Мурманск : Изд-во МГУ, 2012. С. 16–20.

Змеева, О. В. Мурманская железная дорога: установление и трансформация социального порядка // Учёные записки Петрозаводского

государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 107–113. DOI:10.15393/uchz.art.2019.379.

Змеева, О. В. X научная конференция «Краеведческие чтения» // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (37). С. 170–172.

Змеева, О. В. «Наш мир — это Титан» (из истории одного локального сообщества) // Texts and communities: Soviet and Post-Soviet Life in Discourse and Practice / Edited by N. Baschmakoff, P. Fryer, M. Ristolainen. Helsinki : Aleksanteri Papers, 2007. P. 159–167.

Змеева, О. В. Оленегорск в истории и памяти // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2012. № 2 (9). С. 5–18.

Змеева, О. В. Оленегорск — особый город // Антропология города. Вып. 1: Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность. Сыктывкар : Институт ЯЛИ, 2013. С. 102–117.

Змеева, О. В. «…Они просто оккупировали наш город» // Конфликты в социальной сфере и их регулирование : сборник материалов всерос. конф. Казань : Печатный двор, 2008. С. 399–408.

Змеева, О. В. «Остров в «море» тайги»: поселок Коашва и его жители // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2013. № 6 (19). С. 49–64.

Змеева, О. В. Отношение жителей малого промышленного города к мигрантам // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 6 (25). С. 87–98.

Змеева, О. В. «Отцы и дети»: проблема сохранения этничности и возможности адаптации «кавказцев» на Кольском Севере // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI века : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2007. С. 116–121.

Змеева, О. В. «По дороге в отпуск»: жители Кольского Севера в других регионах России // Труды Кольского научного центра. Гуманитарные исследования. 2010. № 2 (2). С. 40–53.

Змеева, О. В. Полевой сезон геолога и практики мобильности: к истории минералогических исследований Хибинских тундр // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 5 (174). С. 91–96.

Змеева, О. В. «Полевые» ориентиры исследователя в городе: этнический и миграционный аспекты // Поле как жизнь: к 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / ответственный редактор и составитель Е. А. Пивнева. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. С. 239–250.

Змеева, О. В. Представления северян о «лицах кавказской национальности» (на материале Кировско-Апатитского района) // Человек в социокультурном пространстве: Европейский Север России : сборник

статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2005. С. 66–77.

Змеева, О. В. Рабочие Мурманской железной дороги: идентичность, адаптация, землячество // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований : материалы XI Всероссийской науч. конф., посвящённой 90-летию со дня рождения З. И. Файнбурга (Пермь, ноябрь 2012). Пермь : ПНИПУ, 2012. С. 216–219.

Змеева, О. В. Рец. на кн. «Разумова И. А. Культурные ландшафты Кольского Севера: города у “Большой воды” и Хибин. Социально-антропологические очерки. Санкт-Петербург : ГАМАС, 2009. 160 с.» // Труды Карельского научного центра РАН. 2012. № 4. С. 224–226.

Змеева, О. В. Рукопись Е. А. Каменева «Имена на карте»: о феномене краеведческого текста // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 7 (17). С. 39–53. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.39-53.

Змеева, О. В. Саамское предание как «источник» по истории борьбы с лавинами в Хибинах / О. В. Змеева, И. А. Разумова // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 1 (162). С. 67–73.

Змеева, О. В. «Север подставил плечо»: размещение и трудоустройство украинских «братьев» в Мурманской области / О. В. Змеева, О. А. Сулейманова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 1 (27). С. 7–29.

Змеева, О. В. Сексуальные роли в контексте миграционной ситуации // Женщины и мужчины в контексте исторических перемен : материалы Пятой Междунар. науч. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2012 г., Тверь. Москва : ИЭА РАН, 2012. Т. 2. С. 167–170.

Змеева, О. В. Система взаимодействий в полиэтническом сообществе строителей Мурманской железной дороги // Труды Кольского научного центра РАН. 2022. Т. 13, № 2 (22). С. 62–75. DOI:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.005.

Змеева, О. В. Спецпереселенцы Хибиногорска: динамика идентичностей / О. В. Змеева, И. А. Разумова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. №7 (168). С. 7–14.

Змеева, О. В. Социальный порядок на Мурманстройке. Часть 1: Этнические группы — акторы социальной системы // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 70–78. DOI:10.15393/uchz.art.2021.695.

Змеева, О. В. Социальный порядок на Мурманстройке. Часть 2: Этнокультурные модели и социальная девиация // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 8. С. 111–118. DOI:10.15393/uchz.art.2022.842.

Змеева, О. В. Социокультурные проблемы малых городов Кольского Севера (по материалам Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН) // Устойчивое социальное развитие северных территорий России: опыт, проблемы, перспективы : сборник материалов межрегиональной науч.-практ. конф. Мурманск : Изд-во МГГУ, 2013. С. 285–289.

Змеева, О. В. «Старожилы» и «мигранты»: опыт взаимодействия на Крайнем Севере // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2010. № 6 (14). С. 51–54.

Змеева, О. В. «Старый» — «новый» Мурманск: город и его жители // Антропология города / ответственные редакторы Ю. П. Шабаев, И. Л. Жеребцов. Москва ; Сыктывкар : РГГУ, 2020. Вып. 2. С. 51–80.

Змеева, О. В. Стражники Мурманской железной дороги: регулирование отношений и формирование этносоциального порядка (1915–1916 гг.) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 2 (16). С. 53–67. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.53-67.

Змеева О.В. Стражники на строительстве Мурманской железной дороги: инструкции и функции, идентичность и адаптация // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы междунар. науч. конф. : в 2 т. / ответственный редактор В. А. Веременко. Санкт-Петербург : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. Т. 1. С. 283–288.

Змеева, О. В. «Трудно терпеть особый мир их нации…» // Сборник научных трудов КФ ПетрГУ / ответственный редактор В. А. Путилов. Апатиты : Изд-во ПетрГУ, 2007. Вып. 3, Т. 2. С. 58–59.

Змеева, О. В. «Украинские беженцы» в региональных СМИ (Мурманская область) / О. В. Змеева, О. А. Сулейманова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 7 (33). С. 7–27.

Змеева, О. В. Фольклорно-этнографические реалии в системе локальной символики (на материале северных «исторических» городов) / О. В. Змеева, И. А. Разумова // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры : материалы Междунар. науч. конф., посвящённой 160-летию полного издания «Калевалы» / редакционная коллегия: И. Ю. Винокурова, Н. Г. Зайцева, С. В. Ковалёва [и др.]. Петрозаводск : КарНц РАН, 2010. С. 313–319.

Змеева, О. В. «Чёрные братья» в представлениях молодёжи Мурманской области // Молодёжь, политика, идеология: Межрегиональные молодёжные социологические чтения : сборник научных статей / составители В. Г. Попов, Е. А. Краснова. Екатеринбург : УрАГС, 2005. Вып. 3. С. 17–18.

Змеева, О. В. «Чужая» смерть в моногороде: к истории одного несчастного случая // Некрополи Кольского Севера: изучение, сохранение, коммуникация : сборник научных статей / научные редакторы П. В. Федоров, И. А. Разумова. Мурманск : Изд-во МГГУ, 2013. С. 162–170.

Змеева, О. В. Этнические и миграционные процессы на Кольском Севере в конце XX — начале XXI вв. // Живущие на Севере. 2010. Вып. 1. С. 62–64.

Змеева, О. В. «Я думаю у нас тут все, кто на карте есть…» (об адаптации «кавказцев» в условиях Заполярья) // Тексты докладов III Всероссийского социологического конгресса. Москва, 2008. URL: https://www.isras.ru/publications_bank/1227988173.pdf.

Змеева, О. В. «Я поеду в отпуск домой…» (северяне в гостях у родственников) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2011. № 3 (6). С. 29–41.

Змеева, О. В. «Я решил жить здесь»: адаптация азербайджанцев в заполярном городе в 2010-е гг.» / О. В. Змеева, И. А. Разумова // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 5 (142). С. 13–17.

Иванова, М. В. Будущее арктических трудовых ресурсов: о сохранении населения Российской Арктики / М. В. Иванова, Э. С. Клюкина // Материалы VII Международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях» / ответственный редактор А. В. Кулешова ; Всероссийский центр изучения общественного мнения. Москва, 2017. С. 1497–1501.

Иванова, М. В. Круговая экономика: универсальные возможности развития Мурманской области / М. В. Иванова, Н. Г. Дяченко, Ю. Л. Гилярова // Многофакторные вызовы и риски в условиях реализации стратегии научно-технологического и экономического развития макрорегиона «Северо-Запад» : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. / редакторы С. В. Кузнецов, С. А. Иванов, М. Ф. Замятина. Санкт-Петербург, 2018. С. 270–277.

Иванова, М. В. XXVII Международная береговая конференция «Арктические берега: путь к устойчивости» в Мурманске // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 11 (15). С. 135–137. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.135-137.

Иванова, М. В. Некоторые аспекты социальной политики в Арктической зоне Российской Федерации / М. В. Иванова, Ж. Э. Каспарьян // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 3 (54). С. 97–108.

Иванова, М. В. Некоторые особенности традиционного домохозяйства Кольского полуострова конца XIX — первой половины XX вв. / М. В. Иванова, Е. Я. Пация, О. В. Шабалина // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 2 (13). С. 31–36. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.2.30-37.

Иванова, М. В. «Неписаные правила» экономики традиционного домохозяйства в саамском фольклоре / М. В. Иванова, О. В. Шабалина // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 8. С. 109–117. DOI:10.15393/uchz.art.2020.555.

Иванова, М. В. Нетрадиционный комплексный источник по истории изучения и освоения Арктики и Субарктики Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН / М. В. Иванова, О. В. Шабалина // Арктические берега: путь к устойчивости : материалы XXVII Междунар. береговой конф. / ответственный редактор Е. А. Румянцева. Мурманск: Изд-во МАГУ, 2018. С. 415–418.

Иванова, М. В. Об арктическом рынке труда / М. В. Иванова, Т. В. Белевских, Д. В. Зайцев // Проблемы развития территории. 2017. № 1 (87). С. 145–157.

Иванова, М. В. Опыт социо-экономического и культурного развития Арктической зоны РФ в начале XVIII — начале XX вв.: к разработке источниковой базы исследования / М. В. Иванова, К. С. Казакова, О. В. Шабалина // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 8, № 9 (12). С. 61–76.

Иванова, М. В. Особенности торговой деятельности саамов на территории Кольского полуострова в XIX веке / М. В. Иванова, О. В. Шабалина // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 7 (17). С. 54–68. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.54-68.

Иванова, М. В. Роль высшего образования в реализации государственной политики / М. В. Иванова, О. В. Шабалина // Университет в глобальном мире: новый статус и миссия : сборник материалов XI Междунар. науч. конф. Москва : МАКС Пресс, 2017. С. 788–790.

Иванова, М. В. Пищевые традиции коренного населения Кольского Севера / М. В. Иванова, Е.Я. Пация // Сбережение коренного населения в Арктической зоне РФ в условиях трансформации образа жизни и изменения климата : сборник трудов по материалам Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием / составители Е. Н. Богданова, М. Ю. Задорин. Архангельск, 2018. С. 138–142.

Иванова, М. В. Современные предпосылки будущего арктических трудовых ресурсов / М. В. Иванова, Э. С. Клюкина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6 (142). С. 180–198.

Иванова, М. В. Социально-экономические аспекты исторического освоения Кольского полуострова / М. В. Иванова, О. В. Шабалина // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 4 (55). С. 50–59.

Иванова, М. В. Территория Арктики: социально-политическая трансформация во времени / М. В. Иванова, Т. В. Белевских, О. В. Шабалина // Социальные и культурные трансформации в контексте современного глобализма : сборник научных трудов II Междунар. науч. конф.,

посвящённой 85-летию профессора Х. И. Ибрагимова. Томск, 2019. С. 307–311.

Иванова, М. В. Условия пространственной организации среды жизнедеятельности населения АЗРФ // Управление инновационным развитием Арктической зоны Российской Федерации : сборник избранных трудов по материалам Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием / составители Е. Н. Богданова, И. Д. Нефедова. Архангельск, 2017. С. 84–87.

Иванова, М. В. Формирование механизма взаимодействия социально ответственного бизнеса и региональных органов власти в Арктической зоне РФ / М. В. Иванова, У. Е. Якушева // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 1. С. 56–69. DOI:10.15838/esc.2020.1.67.3.

Иванова, М. В. Экономика саамов Кольского полуострова в XIX в.: домохозяйство, социальная справедливость, новые практики / М. В. Иванова, О. В. Шабалина // Прибыль не ради прибыли? Экономические практики коренных народов Севера России / Е. А. Пивнева, О. П. Коломиец, Е. П. Батьянова [и др.]. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2021. С. 318–355.

Иванова, М. В. Экономические аспекты социальной справедливости в практиках традиционных домохозяйств Кольского полуострова / М. В. Иванова, О. В. Шабалина // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 2. С. 79–88. DOI:10.15393/uchz.art.2020.452.

Иванова, М. В. Этническая экономика: подходы к определению // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 7 (14). С. 6–13. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.7-13.

Измоденова, Н. Н. Социолог на периферии: востребованные траектории профессии / Н. Н. Измоденова, М. В. Иванова, Э. С. Клюкина // Материалы VIII Международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии», 18–19 апреля 2018 г. / ответственный редактор А. В. Кулешова. Москва : ВЦИОМ, 2017. С. 82–85.

Исаева, Н. П. к изучению процессов адаптации ижемских коми на Кольском Севере // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2006. С. 42–47.

Казакова, К. С. Архивы как агенты университетской истории [рецензия на кн.: Биографии университетских архивов. Под ред. Е. А. Вишленковой, К. А. Ильиной, В. С. Парсамова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017] // Клио. 2017. № 10 (130). С. 218–221.

Казакова, К. С. Быт русского студенчества первой половины XIX в. // Человек в социокультурном пространстве: Европейский Север России : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2005. С. 172–182.

Казакова, К. С. «В видах пользы обучения детей...»: особенности организации церковно-приходских школ на северных окраинах Российской империи в конце XIX — начале XX вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2023. № 111. С. 84–101. DOI:10.15382/sturII2023111.84-101.

Казакова, К. С. Взаимодействие Русской православной церкви и коренного населения северо-западных арктических территорий в деле народного просвещения в конце XIX — начале XX веков // Религиоведение. 2023. № 1. С. 5–14. DOI:10.22250/20728662_2023_1_5.

Казакова, К. С. Деятельность Академии наук СССР на Кольском полуострове в 1930-е годы в документах Государственного архива Мурманской области в г. Кировске // Наука и техника: Вопросы истории и теории : материалы XLIII Междунар. годичной науч. конф. Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук «Академия наук и научные центры союзных республик (К 100-летию образования СССР)» (24–28 октября 2022 года) / Ответственный редактор Н. А. Ащеулова ; СПбФ ИИЕТ РАН. Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2022. Вып. XXXVIII. С. 265–266.

Казакова, К. С. История одной сельской школы как индикатор социально-экономических перемен в стране / К. С. Казакова, О. В. Змеева // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2008. С. 44–59.

Казакова, К. С. История церковно-приходских школ Кольского Севера в конце XIX — первой трети XX века в архивных документах // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 121–129. DOI:10.37614/2949-1185.2022.1.1.011.

Казакова, К. С. «Культурный уровень» коренного населения Кольского Севера в оценках этнографов второй половины XIX — начала XX веков // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2017. № 14. С. 31–34.

Казакова, К. С. Механизм социальной опеки дореформенного университета над студентами и выпускниками (на примере Санкт-Петербургского университета первой половины XIX в.) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы междунар. науч. конф. : в 2 томах / ответственный редактор В. А. Веременко. Санкт-Петербург : ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2018. Т. 2. С. 121–127.

Казакова, К. С. «Моё отрицательное счастье...»: воспоминания Б. И. Гуревич / К. С. Казакова, О. В. Шабалина // Труды Кольского научного

центра РАН. Гуманитарные исследования. 2020. Т. 11, № 6 (19). С. 118–126. DOI:10.37614/2307-5252.2020.6.19.009.

Казакова, К. С. Некоторые особенности учебного процесса в русских университетах первой половины XIX века // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2009. № 5 (98). С. 30–37.

Казакова, К. С. О Первом международном женском форуме в Мурманске // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 2 (16). С. 146–149. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.146-149.

Казакова, К. С. О XLII Международной научной годичной конференции «Наука и техника в годы бурь и потрясений» (к юбилеям А. П. Карпинского и Л. С. Берга) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Т. 12, № 4 (21). С. 190–197. DOI:10.37614/2307-5252.2021.4.21.016.

Казакова, К. С. Образовательная среда: основные исследовательские подходы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2011. № 3 (6). С. 65–72.

Казакова, К. С. Образовательные стратегии семей на Кольском Севере: взгляд учителей // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2010. № 2 (2). С. 53–67.

Казакова, К. С. Образовательные стратегии современной семьи // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2009. С. 64–76.

Казакова, К. С. Особенности документального фонда архивов Мурманской области по истории образования // Государственные и муниципальные архивы — центры хранения и использования информационных ресурсов по истории регионов. К 75-летию Мурманской области и 55-летию государственного архива Мурманской области в г. Кировске : материалы областной науч.-практ. конф. (25 октября 2013 г.) / составитель Т. И. Подгорбунская. Кировск : ГАМО, 2013. С. 20–26.

Казакова, К. С. Особенности обучения и воспитания советских школьников в 1930-е годы (на примере образовательных учреждений Мурманской области) // XI Масловские чтения. Сборник научных статей / Ред. О.В. Пожидаева, М.В. Наумлюк, Н.А. Шевченко. Мурманск: МГГУ, 2014. С. 37–40.

Казакова, К. С. Первоначальное обучение детей коренного населения Кольского Севера в конце XIX — начале XX вв. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 2 (13). С. 23–30. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.2.23-30.

Казакова, К. С. Переписка Кольского уездного училищного отделения по организации работы Кильдинской церковно-приходской школы (1892–1902) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные

исследования. 2019. Т. 10, № 7 (17). С. 103–113. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.103-113.

Казакова, К. С. Повседневная жизнь русского студенчества 1800–1850-х гг. // Ante annum : сборник научных работ студентов и аспирантов исторического факультета. Вып. IV. Петрозаводск, 2008. С. 39–55.

Казакова, К. С. Полярная «Одиссея» инспектора училищ Николая Козмина в 1911 году // Парадигма: философско-культурологический альманах. 2018. № 28. С. 140–147.

Казакова, К. С. Притяжение Севера: язык, литература, социум. О I научно-практической конференции в Петрозаводске / К. С. Казакова, А. С. Давыдова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 7 (14). С. 120–123. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.120-123.

Казакова, К. С. Проблема грамотности населения Кольского Севера в этнографических источниках конца XIX — начала XX вв. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 8, № 4 (11). С. 97–106.

Казакова, К. С. Проблемы школьной социализации саамских детей: исторический ракурс / К. С. Казакова, Е. Я. Пация // Феномен социализации в этнической культуре : материалы Одиннадцатых этнографических чтений / ответственные редакторы В. М. Грусман, Е. Е. Герасименко. Санкт-Петербург : СПГУДТ, 2012. С. 140–144.

Казакова, К. С. Профессиональные траектории школьных учителей (на примере Мурманской области) // Устойчивое социальное развитие северных территорий России: опыт, проблемы, перспективы : сборник материалов межрегиональной науч.-практ. Конф. (7–9 ноября 2013 г.) / ответственный редактор В. Р. Цылев. Мурманск : Изд-во МГГУ, 2013. С. 290–294.

Казакова, К. С. Профессиональные траектории школьных учителей // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2013. № 6 (19). С. 65–75.

Казакова, К. С. Региональная система образования в представлении её участников (на материалах Кольского Севера) // Общество. Гендер. История : сборник статей и тезисов докладов II Всероссийской науч. конф. с междунар. участием (22 ноября 2012 г., Липецк, Россия). Липецк : Гравис, 2012. С. 30–33.

Казакова, К. С. Рец. на кн.: Сулейманова О. А. Мигранты и вещи: опыт переезда и материально-бытовая адаптация городских семей Кольского Севера // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 114–116. DOI:10.15393/uchz.art.2021.700.

Казакова, К. С. Современная образовательная среда в Арктике: особенности коммуникационного взаимодействия её участников (на примере

Мурманской области) // Освоение Арктики. История и современность. К 75-летию образования Мурманской области : материалы науч.-практ. конф. (14–15 ноября 2013, г. Мурманск) / составитель С. А. Заборщикова ; ГАМО. Мурманск, 2013. С. 171–174.

Казакова, К. С. Социокультурный облик петербургских студентов первой половины XIX в. // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст : материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 23–25 июня 2009 г.) / ответственные редакторы А. Ю. Дворниченко, И. Л. Тихонов. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2009. С. 45–57.

Казакова, К. С. Специфика отношений профессоров и студентов в русском университете первой половины XIX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 2. С. 72–79.

Казакова, К. С. Специфика процессов языковой и культурной коммуникации в современном саамском сообществе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 4 (57). С. 50–53.

Казакова, К. С. Становление и развитие системы школьного образования на Кольском Севере в 1930-е гг. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2012. № 2 (9). С. 111–121.

Казакова, К. С. «Стипендию имени Пушкина назначить...»: качество жизни и материальное обеспечение студента XIX века // Вестник Кольского научного центра РАН. 2020. Т. 12, № 3. С. 34-44. DOI:10.37614/2307-5228.2020.12.3.004.

Казакова, К. С. Студенты и инспекторы: от «семейного стиля» к нравственно-политическому надзору (на материалах Педагогического института и Петербургского университета 1800–1850-х гг.) / К. С. Казакова, Т. Н. Жуковская // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 2. С. 68–79. DOI:10.15688/jvolsu4.2020.2.5.

Казакова, К. С. Студенты Петербургского университета в первой половине XIX в.: оформление корпорации и осознание корпоративности» // Уроки истории — уроки историка : сборник статей к 80-летию Ю. Д. Марголиса (1930–1996) / составитель Т. Н. Жуковская, ответственный редактор А. Ю. Дворниченко. Санкт-Петербург : Нестор-история, 2012. С. 250–258.

Казакова, К. С. Университетские связи Петербурга и Дерпта в первой половине XIX в. и проблема единства академического пространства Российской империи // Запад — Восток. 2018. № 11. С. 83–99. DOI:10.30914/2227-6874-2018-11-83-98.

Казакова, К. С. Учитель на Кольском Севере в 30-е годы XX века: личность и профессия // Роль архивного и музейного документа в образовательном процессе. Проблемы взаимодействия и сотрудничества

архивов, музеев и образовательных учреждений : материалы науч.-практ. конф. (Кировск, 26 октября 2012 г.). Кировск, 2012. С. 90–95.

Казакова, К. С. «Человек в истории»: о Первом международном Петербургском историческом форуме / К. С. Казакова, О. В. Шабалина // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 7 (17). С. 211–216. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.211-216.

Казакова, К. С. Школы города Кировска в годы Великой Отечественной войны // Единство фронта и тыла в разгроме немецко-фашистских войск в Заполярье : материалы науч.-практ. конф. (24 октября 2014 г.) / составитель Т. И. Подгорбунская. Кировск, 2014. С. 95–102.

Казакова, К. С. Школы Кольского Севера в годы Великой Отечественной войны (К 70-летию освобождения Заполярья от немецко-фашистских захватчиков) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (21). С. 68–77.

Казакова, К. С. Школьная образовательная система для детей коренного населения Кольского Севера: модели социального взаимодействия // Сибирский сборник — 4: Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой / ответственные редакторы В. Н. Давыдов, Д. В. Арзютов. Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2014. С. 523–530.

Каспарьян, Ж. Информационная среда поддержки социальной политики в отношении инвалидов / Ж. Каспарьян, А. Олейник // Информационные ресурсы России. 2008. № 6 (106). С. 8.

Каспарьян, Ж. Э. Анализ инвалидности населения Арктического Севера Европейской части России по некоторым социально-медицинским критериям / Ж. Э. Каспарьян, И. П. Карначёв, А. Н. Никанов // Безопасность и охрана труда. 2014. № 3 (60). С. 60–63.

[*Каспарьян, Ж. Э.*] Влияние социально-экономических условий на оценку качества жизни представителей городского и сельского населения Кольского Севера / Н. К. Белишева, Ж. Э. Каспарьян, Д. А. Петрашова [и др.] // Труды Кольского научного центра РАН. 2015. № 1 (27). С. 119–135.

Каспарьян, Ж. Э. Воздушные замки федерального законотворчества и зыбкие почвы региональной действительности в контексте проблемы социальной поддержки инвалидов на севере России / Ж. Э. Каспарьян, С. В. Соковников // Человек в социокультурном пространстве: Европейский Север России : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2005. С. 138–152.

Каспарьян, Ж. Э. Выявление региональной специфики инвалидности с целью разработки эффективных мер социально-экономической политики в Мурманской области // Социальная работа в XXI веке: современные методы и технологии : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. /

редколлегия: М. В. Ромм, Л. А. Осьмук, Л. М. Зябрева ; Новосибирский государственный технический университет. Новосибирск, 2008. С. 101–107.

Каспарьян, Ж. Э. Динамика инвалидности населения Мурманской области: разработка и построение системно-динамической модели // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2012. № 2 (9). С. 138–145.

Каспарьян, Ж. Э. Задачи информационной поддержки региональной социальной политики в отношении инвалидов / Ж. Э. Каспарьян, А. Г. Олейник // Труды Института системного анализа Российской академии наук. 2008. Т. 39. С. 184–194.

Каспарьян, Ж. Э. Здоровье населения Мурманской области на этапе рыночных трансформаций // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2008. С. 25–44.

Каспарьян, Ж. Э. Инвалидизация населения Мурманской области как угроза социальной безопасности региона // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2013. № 6 (37). С. 52а–60.

Каспарьян, Ж. Э. Инвалидность в контексте регионального экономического развития // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2007. № 1 (17). С. 142–146.

Каспарьян, Ж. Э. Историческая ретроспектива исследований проблемы разработки и реализации социальной политики в условиях Кольского Севера: к постановке проблемы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (21). С. 49–59.

Каспарьян, Ж. Э. Исторические аспекты академических исследований, посвящённых вопросам состояния здоровья населения Европейского Севера России // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2012. № 2 (9). С. 131–138.

Каспарьян, Ж. Э. Конференция ASANOR. XV Российско-Финляндский культурный форум. Встреча в Арктик-центре, Рованиеми // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 6 (25). С. 161–164.

Каспарьян, Ж. Э. Оценка и пути повышения эффективности функционирования региональной системы социальной защиты людей с инвалидностью // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2011. № 3 (6). С. 129–137.

Каспарьян, Ж. Э. Перспективы трудоустройства людей с инвалидностью в Мурманской области // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2009. С. 136–143.

Каспарьян, Ж. Э. Проблема инвалидизации общества: Мурманская область на пороге XXI века / Ж. Э. Каспарьян, А. Н. Виноградов // Наука

и развитие технобиосферы Заполярья: опыт и вызовы времени : материалы междунар. конф. Апатиты : КНЦ РАН, 2005. С. 13–17.

Каспарьян, Ж. Э. Проблема оценки эффективности региональной социальной политики // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2010. № 2 (2). С. 152–158.

Каспарьян, Ж. Э. Развитие моделей инвалидности в контексте региональной социально-экономической политики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2006. № 2 (16). С. 73–81.

Каспарьян, Ж. Э. Современные вызовы, векторы развития и противоречия социальной политики Мурманской области как региона АЗРФ // Вестник Кольского научного центра РАН. 2014. № 4 (19). С. 112–120.

[*Каспарян, Ж. Э.*] Функциональное состояние организма различных возрастных групп населения села Краснощелья как индикатор здоровья в комплексной оценке качества жизни / Н. К. Белишева, А. А. Мартынова, С. В. Пряничников [и др.] // Вестник Кольского научного центра РАН. 2014. № 2 (17). С. 19–33.

Каспарьян, Ж. Э. Экспедиционные врачи и их роль в изучении и освоении Кольского Севера // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2013. № 6 (19). С. 137–151.

Клюкина, Э. С. Социальная несправедливость в социологическом измерении: вызовы современного мира / Э. С. Клюкина, М. В. Иванова // XII Международная научная конференция «Сорокинские чтения — 2018» : сборник материалов. Москва : МАКС Пресс, 2018. С. 1209–1211.

Кожевникова, Ю. Н. Благочинный на Кольском Севере в начале XIX века (по документам Кемского духовного правления Национального архива Республики Карелия) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2023. № 1 (59). С. 67–73. DOI:10.19110/1994-5655-2023-1-67-73.

Кожевникова, Ю. Н. Документы по истории приходов Кольского Севера в фонде Кемского духовного правления Национального архива Республики Карелия // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2022. Т. 13, № 2. С. 109–119. DOI:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.008.

Кожевникова, Ю. Н. К вопросу о материальном достатке сельского священника на Кольском Севере в начале XIX века: опись вещей Андрея Адрианова // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 81–85. DOI:10.37614/2949-1185.2023.2.1.007.

Кожевникова, Ю. Н. Кольское благочиние Архангельской епархии в первой половине XIX века: сельские приходы и клир // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 5. С. 15–22. DOI:10.15393/uchz.art.2023.917.

Кожевникова, Ю. Н. Материальное обеспечение приходского духовенства Кольского Севера в последней трети XIX века // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 130–135. DOI:10.37614/2949-1185.2022.1.1.012.

Кравченко-Бережной, Р. А. Дневник Ромы Кравченко-Бережного // Детская книга войны. Дневники 1941–1945. Москва : Аргументы и факты, АиФ. Доброе сердце, 2015. С. 329–350.

Кравченко-Бережной, Р. А. Реферирование пресс-публикаций, относящихся к российской части Баренцева региона: опыт анализа тенденций в актуальности ряда тематик / Р. А. Кравченко-Бережной, М. Л. Нахшина // Этнокультурные процессы на Кольском Севере : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты, 2004. С. 156–159.

Кузнецова, Л. А. Анализ динамики функционирования саамских сетевых сообществ России и Мурманской области // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 99–109. DOI:10.15393/uchz.art.2022.803.

Кузнецова, Л. А. Образовательный и культурно-просветительский компонент саамских этнических Интернет-сообществ / Л. А. Кузнецова, И. А. Разумова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2020. № 1 (11). С. 5–23. DOI:10.37614/2307-5252.2020.1.18.001.

Кузнецова, Л. А. Роль епархий Мурманской области во взаимодействии религиозного и светского образования / Л. А. Кузнецова, И. А. Разумова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 11 (15). С. 7–24. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.7-24.

Кузнецова, Л. А. Установки жителей Мурманской области на получение высшего образования // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 7 (17). С. 181–194. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.181-194.

Кузнецова, Л. А. Установки различных слоёв населения Мурманской области на получение высшего образования // Будущее Арктики начинается здесь : сборник материалов Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием. Апатиты : Изд-во МАГУ, 2019. С. 214–229.

Кучинский, М. Г. Саами Мурманской области: очерк современного положения // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2011. № 3 (6). С. 114–128.

Кучинский, М. Г. Социальная роль облагаемых угодий для саами Кольского уезда в XVI–XVIII вв. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2010. № 2 (2). С. 140–152.

85 лет К. В. Чистову / В. Кисляков, В. Баевский, Т. Иванова, [И. Разумова] [и др.] // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 384–405.

Лукина, Т. С. К вопросу об изучении религиозной ситуации (на примере Северо-Запада России) // Кольский Север в XX–XXI вв.:

культура, наука, история : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2009. С. 121–125.

Лукина, Т. С. Практика православного паломничества: опыт социологического изучения // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2008. С. 94–106.

Лурье, М. Л. Указатель сюжетов устных демонологических рассказов: принципы выявления и структура описания / М. Л. Лурье, И. А. Разумова // Проблемы структурно-семантических указателей : сборник статей / составитель А. В. Рафаева. Москва : РГГУ, 2006. С. 72–92.

Макарова, Е. И. Академия наук в истории индустриализации северных территорий СССР (1917–1940) / Е. И. Макарова, В. П. Петров, А. Д. Токарев // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2012. № 2 (9). С. 61–73.

Макарова, Е. И. Архивные документы в научно-просветительской деятельности Кольского научного центра РАН (1930–1940): к 130-летию академика А.Е. Ферсмана // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2013. № 6 (19). С. 128–136.

Макарова, Е. И. Деятельность Академии наук на Кольском полуострове: к реконструкции истории промышленного освоения Евро-Арктического/Баренц региона (1920–1940 гг.) / Е. И. Макарова, В. П. Петров // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2010. № 2 (2). С. 94–114.

Макарова, Е. И. Игорь Владимирович Бельков в истории геологии Кольского Севера: к 100-летию со дня рождения // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 8, № 9–12. С. 143–150.

Макарова, Е. И. История послевоенного развития академической науки по материалам сессий ученого совета Кольской научно-исследовательской базы АН (1948–1949) / Е. И. Макарова, В. П. Петров, А. Д. Токарев // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 8, № 4–11. С. 18–35.

Макарова, Е. И. Источники по истории институционализации науки в Евроарктическом регионе: от ХИГС до КФАН СССР (1930–1950-е гг.) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 1 (27). С. 110–118.

Макарова, Е. И. Кольские учёные в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / Е. И. Макарова, В. П. Петров, А. Д. Токарев // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2010. № 7. С. 182–186.

Макарова, Е. И. Материалы конференции по обсуждению и согласованию научно-исследовательских работ в Мурманском крае

(Ленинград, 17–19 февраля 1931 г.) — новый источник по истории освоения Кольского полуострова / Е. И. Макарова, В. П. Петров, А. Д. Токарев // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 7–14. С. 59–75. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.59-75.

Макарова, Е. И. Опыт институционализации науки в Евро-Арктическом регионе: от ХИГС до КФАН СССР (1930–1950) / Е. И. Макарова, В. П. Петров // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (21). С. 6–31.

Макарова, Е. И. Роль А. Е. Ферсмана в концептуальном развитии академической науки в Кольском Заполярье в 1939–1941 гг. Часть 1: 1939 г. / Е. И. Макарова, В. П. Петров, А. Д. Токарев // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 7 (33). С. 75–86.

Макарова, Е. И. Роль А. Е. Ферсмана в концептуальном развитии академической науки в Кольском Заполярье в 1939–1941 гг. Часть 2: 1940–1941 гг. / Е. И. Макарова, В. П. Петров, А. Д. Токарев // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (37). С. 45–59.

Макарова, Е. И. Сохранение культурного наследия природного парка «Хибины» в условиях северной экстремальности путём формирования экомузея на базе Музея-библиотеки г. Апатиты / Е. И. Макарова, В. П. Петров // Живущие на Севере: опыт и прогнозы : сборник статей / редактор П. В. Федоров. Мурманск : Изд-во МГПУ, 2008. С. 205–208.

Макарова, Е. И. Стенограмма первой полярной конференции 1932 г.: опыт моноиздания / Е. И. Макарова, В. П. Петров // Отечественные архивы. 2009. № 5. С. 36–41.

Макарова, Е. И. «Трудные моменты» в деятельности Кольской базы АН СССР в 1936–1939 гг. / Е. И. Макарова, В. П. Петров, А. Д. Токарев // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2011. № 3 (6). С. 92–113.

Макарова, Е. И. Хроника послевоенного развития академической науки на Кольском Севере: от КБАН до КФАН СССР (1944–1949) / Е. И. Макарова, В. П. Петров, А. Д. Токарев // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 8 (42). С. 14–30.

Минкин, Н. Н. Образ Терского берега Белого моря в зеркале прессы // Северяне: проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2006. С. 102–116.

Мулин, К. В. Кадровая политика периода восстановления КБАН СССР (1944–1949 гг.) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 7 (14). С. 139–144. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.139-144

Мулин К. В. Новые страницы в истории КНЦ РАН (Обзор рассекреченных материалов за 1939–1959 годы) // Труды Кольского

научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 8, № 9 (12). С. 107–112.

Нахшина, М. Л. Поморы Терского берега: перспективы историко-культурного исследования // Этнокультурные процессы на Кольском Севере : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2004. С. 38–51.

Нахшина, М. Л. Концептуализация «своего» пространства жителями Терского берега Белого моря на примере села Кузомень. Предварительный анализ полевых материалов // Северяне: проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2006. С. 95–102.

Нахшина, М. Л. «Дача — это просто когда дом строится, дом на земле»: дачные практики и представления северян / М. Л. Нахшина, И. А. Разумова // The Dacha Kingdom: Summer Dwellers and Dwellings in the Baltic Area / Ed. Natalia Baschmakoff and Mari Ristalainen. Helsinki : Aleksanteri Institute, 2009. P. 417–445. (Aleksanteri Series 3).

Носкова, В. Д. Пять историй военной юности / В. Д. Носкова, И. А. Разумова // Человек в социокультурном пространстве: Европейский Север России : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2005. С. 183–192.

Обухов, Я. В. История религиозной жизни Кандалакши в советский период в воспоминаниях старожилов города // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (37). С. 152–158.

Обухов, Я. В. Личный архив как важнейший источник исторических данных. История Никольской церкви с. Ковда по данным личного архива В. И. Коневой // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 7 (33). С. 183–189.

Обухов, Я. В. Особенности религиозной жизни г. Кировска в период 1940–1990 гг. в представлениях прихожан // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 1 (27). С. 162–168.

Обухов, Я. В. Православные религиозные сообщества Кольского Севера в отечественной историографии 1930-х–2000 гг. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (21). С. 180–189.

Обухов, Я. В. «Этот дух терпения и выносливости, смирения — вот это есть у северного народа»: об особенностях православной приходской культуры Кировско-Апатитского района (по материалам интервью с протоиереем Василием (Данильцем) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 6 (25). С. 148–153.

Островская, О. М. Экономика как часть универсальных знаний: арктический аспект / О. М. Островская, О. В. Шабалина // Социальные и культурные трансформации в контексте современного глобализма : сборник научных трудов II Междунар. науч. конф., посвящённой 85-летию

профессора Х. И. Ибрагимова (Грозный, 14–15 июня 2019 г.). Грозный : СибИздатСервис, 2019. Т. 3. С. 342–347.

Пация, Е. Я. Музеи Севера третьего тысячелетия // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 6 (25). С. 164–165.

Пация, Е. Я. Научно-исследовательская и просветительская деятельность Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера МЦНКО КНЦ РАН / Е. Я. Пация, В. П. Петров // Этнокультурные процессы на Кольском Севере : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2004. С. 159–166.

Пация, Е. Я. Памяти Татьяны Васильевны Лукьянченко (04.04.1932–12.03.2016) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (37). С. 183–184.

Пация, Е. Я. Пища населения Кольского Севера: опыт аккультурации // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2008. С. 117–130.

Пация, Е. Я. Поморское село: снова на переломе времён (проблемы социальной адаптации современных терчан) / Е. Я. Пация, И. А. Разумова // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI века : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2007. С. 41–56.

Пация, Е. Я. Саамская семья (кольские саамы) / Е. Я. Пация, И. А. Разумова // Российская семья. Энциклопедия. Москва : Изд-во РГСУ, 2008. С.311–326.

Пация, Е. Я. Сохранение научного и культурного наследия в музеях Кольского научного центра / Е. Я. Пация, В. П. Петров // Природопользование в Евро-Арктическом регионе: опыт XX века и перспективы / ответственный редактор акад. В. Т. Калинников. Апатиты : КНЦ РАН, 2004. С. 468–474.

Пация, Е. Я. Традиционная саамская пища в восприятии и оценках переселенцев на Кольском полуострове // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2009. С. 99–112.

Пация, Е. Я. Genius loci (А.Е. Ферсман) / Е. Я. Пация, И. А. Разумова // Северяне: проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2006. С. 60–69.

Пация, Е. Я. Genius loci / Е. Я. Пация, И. А. Разумова // Тиетта. 2012. № 3. С. 40.

Петров, В. Европейский Север: история освоения в документах / В. Петров, Е. Пация, О. Шабалина // Наука в России. 2014. № 3 (201). С. 97–104.

Петров, В. П. Академик А. Е. Ферсман и создание горно-химической промышленности на Кольском полуострове: к 130-летию со дня рождения А. Е. Ферсмана / В. П. Петров, Е. И. Макарова, А. Д. Токарев // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2013. № 10. С. 7–12.

Петров, В. П. Е. К. Козлов — личность своей эпохи, учёный, геолог, организатор науки на Кольском Севере // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 11 (15). С. 121–131. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.121-131.

Петров, В. П. Идеи А. Е. Ферсмана о комплексном освоении Кольского Заполярья: 80 лет спустя // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2009. № 6. С. 2–7.

Петров, В. П. Из опыта подготовки изданий по истории освоения Баренцева Евро-Арктического региона в XX в. / В. П. Петров, Е. И. Макарова, А. Д. Токарев // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия : материалы междунар. науч. конф. / ответственный редактор В. Ю. Афиани ; Архив Российской академии наук. Москва, 2013. С. 417–422.

Петров, В. П. Исследования Академии наук на Кольском Севере: взаимоотношения с властью, 1920–1940 гг. / В. П. Петров, Е. И. Макарова, А. Д. Токарев // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2012. № 9. С. 33–44.

Петров, В. П. История организации и создания Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН (1970–2012) / В. П. Петров, Е. Я. Пация, О. В. Шабалина // Вестник Кольского научного центра РАН. 2012. № 4 (11). С. 24–36.

Петров, В. П. К анализу исторического опыта решения проблемы рационального использования минеральных ресурсов Кольского полуострова // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2009. С. 5–15.

Петров, В. П. К истории академической науки на Кольском полуострове: капитальное строительство / В. П. Петров, А. Д. Токарев // Вестник Кольского научного центра РАН. 2014. № 4 (19). С. 11–21.

Петров, В. П. К истории восстановления Кольской базы АН СССР и строительства Академгородка Кольского филиала АН СССР (1944–1961) / В. П. Петров, А. Д. Токарев // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2013. № 6 (19). С. 110–126.

Петров, В. П. К истории развития гуманитарных исследований в Кольском научном центре РАН / В. П. Петров, И. А. Разумова // Человек в социокультурном пространстве: Европейский Север России : сборник

статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2005. С. 5–17.

Петров, В. П. К 100-летию со дня рождения Г. И. Горбунова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 7 (14). С. 102–116. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.102-116.

Петров, В. П. Кольский Север: к истории взаимоотношений государства и науки / В. П. Петров, Е. И. Макарова, А. Д. Токарев // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2012. № 3 (31). С. 47–56.

Петров, В. П. Некоторые штрихи к портрету А. В. Сидоренко и его роли как созидателя академической науки на Кольском Севере (к 100-летию со дня рождения) / В. П. Петров, А. Д. Токарев // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 8, № 9 (12). С. 131–143.

Петров, В. П. Одно из нереализованных направлений комплексного использования полезных ископаемых Кольского полуострова — плавленые магниевые фосфаты: от идеи до опытно-промышленных испытаний / В. П. Петров, А. Г. Саморукова, А. Д. Токарев // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 1 (27). С. 91–99.

Петров, В. П. Роль Е. К. Козлова в развитии академического научного центра на Кольском полуострове // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2008. № 5. С. 9–12.

Петров, В. П. Современный взгляд на исторический опыт реализации идей А. Е. Ферсмана о рациональном использовании минеральных ресурсов Кольского полуострова // Вестник Кольского научного центра РАН. 2009. № 1. С. 113–118.

Петров, В. П. Центр гуманитарных проблем ЦГП РАН: история становления и современные приоритеты / В. П. Петров, С. Н. Виноградова, И. А. Разумова // Вестник Баренц-центра МГПУ. Вып. 7. Мурманск : Полиграфист, 2008. С. 113–126.

Пигин, А. В. К юбилею С. М. Лойтер / А. В. Пигин, И. А. Разумова // Живая старина. 2014. № 2 (82). С. 56.

Попов, С. В. Поморское литьё (по материалам коллекции Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера МЦНКО КНЦ РАН) // Этнокультурные процессы на Кольском Севере : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2004. С. 142–149.

Разумова, И. А. «Аборигены» и «мигранты»: проблемы аккультурации и культурной дистанции коренного и городского населения Крайнего Севера // Народные культуры Европейского Севера : материалы республиканской науч. конф. (Архангельск, 15–17 октября 2007 г.) / ответственный редактор Н. В. Дранникова. Архангельск : Изд-во Поморского университета, 2008. С. 28–33.

Разумова, И. А. Актуальные вопросы изучения народной культуры (постоянно действующая конференция «Народные культуры Европейского

Севера») // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2009. № 1. С. 114–117.

Разумова, И. А. Биографии «строителей социализма» в советской областной очерковой литературе // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 8 (42). С. 5–14.

Разумова, И. А. Биография советского учёного: прагматика текста // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 8, № 4 (11). С. 5–17.

Разумова, И. А. Брачный статус и проблема типологии брака // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2011. № 1 (114). С. 38–45.

Разумова, И. А. В условиях «духовного кризиса» и «информационной войны»: о ритуале прощания с моряками «Курска» // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 1 (27). С. 47–58.

Разумова, И. А. Время и пространство в поэтической летописи заполярного города (об одном жанре региональной детской литературы) // Восток – Запад: пространство русской литературы и фольклора. Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2006. С.239–246.

Разумова, И. А. Время Севера // Фольклор, постфольклор, быт, литература. Сборник статей к 60-летию А. Ф. Белоусова / редакторы А. К. Байбурин, В. В. Головин, Е. В. Душечкина, Г. А. Левинтон. Санкт-Петербург : СПбГУКИ, 2006. С. 178–191.

Разумова, И. А. Всероссийская научная молодежная школа по изучению традиционной культуры // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 8, № 9 (12). С. 125–130.

Разумова, И. А. Гендерная стереотипия в контексте этнокультурной ситуации: женщины-саами в русской этнографии // Вестник Кольского научного центра РАН. 2013. № 3 (14). С. 50–55.

Разумова, И. А. «Гражданский брак»: понятие, статус, исследования // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2010. № 2 (2). С. 9–24.

Разумова, И. А. Деятельность Русской православной церкви по увековечению памяти погибших моряков «Курска» // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2016. № 5 (158). С. 7–12.

Разумова, И. А. Динамика городского погребального обряда: глобальные социальные факторы и локально-антропологические контексты // Этнографическое обозрение. 2014. № 2. С. 26–35.

Разумова, И. А. Документальная литература учёных-геологов (О дискурсивных аспектах профессии) // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 91–98. DOI:10.15393/uchz.art.2022.802.

Разумова, И. А. Жанрово-видовые особенности книги воспоминаний Е. Б. Халезовой. Часть 1. Автобиография / И. А. Разумова, А. Г. Саморукова //

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2022. Т. 13, № 2 (22). С. 32–48. DOI:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.003.

Разумова, И. А. Жанрово-видовые особенности книги воспоминаний Е. Б. Халезовой. Часть 2. Генеалогия и история семьи // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1. №. 1. С. 5–19. DOI:10.37614/2949-1185.2022.1.1.001.

Разумова, И. А. Заметки об этнографическом поле в его пространственном и личностно-биографическом измерениях // Поле как жизнь: К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / ответственный редактор и составитель Е. А. Пивнева. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. С.155–166.

Разумова, И. А. Заполярный город на рубеже XX–XXI вв.: проблемы изучения культурной памяти // Историко-культурное наследие Русского Севера: проблемы изучения, сохранения и использования : материалы IX Каргопольской науч. конф. (15–18 августа 2006 г.) / составитель Н. И. Тормосова ; Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей. Каргополь, 2006. С. 489–499.

Разумова, И. А. «Зеркала» Елены Владимировны Душечкиной // Е. В. Душечкина. «Строгая утеха созерцанья». Статьи о русской культуре. Москва : Новое литературное обозрение, 2022. С. 12–18.

Разумова, И. А. Идентификация общности «спецпереселенцы» сквозь призму мемуарных текстов // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 2 (16). С. 5–20. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.5-20.

Разумова, И. А. История рода и места в проекции жизненного пути карельского фольклориста и этнографа // Словесность и история. 2021. № 2. С. 155–169. DOI:10.31860/2712-7591-2021-2-155-169.

Разумова, И. А. К истории одной национальной трагедии: литературные источники и интерпретации // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 6 (25). С. 97–107.

[*Разумова, И. А.*] К 100-летию со дня рождения Б. Н. Путилова. Из воспоминаний коллег / Г. А. Левинтон, А. К. Байбурин, Е. В. Иванова [и др.] // Живая старина. 2019. № 3 (103). С. 47–55.

Разумова, И. А. Карнаухова Ирина Валерьяновна // Поморская энциклопедия : в 5 томах. Т. 4: Культура Архангельского Севера / главный редактор Т. С. Буторина. Архангельск : Изд-во САФУ, 2012. С. 225.

Разумова, И. А. Книга Р. А. Кравченко-Бережного «Между белым и красным» как исторический источник и авторский текст // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2020.Т. 42, № 6. С. 32–39. DOI:10.15393/uchz.art.2020.514.

Разумова, И. А. Коллеги говорят о К. В. Чистове // К. В. Чистов. Забывать и стыдиться нечего… Воспоминания. Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2006. С.232–233.

Разумова, И. А. Кольские саамы в этнокультурном пространстве / И. А. Разумова, С. Н. Виноградова // Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2006. № 69. С. 49.

Разумова, И. А. Конструирование истории в поэтической летописи города // «Кирпичики»: Фольклористика и культурная антропология сегодня : сборник статей в честь 65-летия С. Ю. Неклюдова и 40-летия его научной деятельности / составители А. С. Архипова, М. А. Гистер. Москва : РГГУ, 2008. С. 147–158.

Разумова, И. А. Конференция, посвященная 100-летию Татьяны Владимировны Станюкович // Антропологический форум. 2017. № 2. С. 249–259.

Разумова, И. А. Краеведческий текст в социальном поле исторической науки (размышления над книгой А. А. Киселева «Записки краеведа») // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2013. № 6 (19). С. 5–19.

Разумова, И. А. Круглый стол «Что такое фольклор?» (Навстречу Первому всероссийскому конгрессу фольклористов) // Традиционная культура. 2005. № 4. С. 3–5.

Разумова, И. А. Культурная память семьи как фактор локальной идентичности жителей Кольского Севера / И. А. Разумова, О. А. Сулейманова // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI века : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2007. С. 69–79.

Разумова, И. А. Культурная политика современной российской семьи: подходы, исследования, практика // Карельская семья во второй половине XIX — начале XXI в.: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций : сборник статей и материалов / составитель и редактор О. П. Илюха. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2013. С. 66–86.

Разумова, И. А. Культурные ресурсы семьи как фактор устойчивости социокультурного профиля региона // Устойчивое социальное развитие северных территорий России: опыт, проблемы, перспективы : сборник материалов межрегиональной науч.-практ. конф. (7–9 ноября 2013 г.) Мурманск : Изд-во МГГУ, 2013. С. 332–337.

Разумова, И. А. Леонтьев Николай Павлович // Поморская энциклопедия : в 5 томах. Т. 4: Культура Архангельского Севера / главный редактор Т. С. Буторина. Архангельск : Изд-во САФУ, 2012. С. 289.

Разумова, И. А. Линия жизни учёного-фольклориста в автобиографической проекции // Фольклор и этнография. К девяностолетию со дня рождения К. В. Чистова : сборник научных статей / ответственные

редакторы А. К. Байбурин, Т. Б. Щепанская. Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2011. С. 8–21.

Разумова, И. А. Литературное наследие Р. А. Кравченко-Бережного: историко-культурное значение и общественный резонанс // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2020. Т. 11, № 6 (19) С. 103–117. DOI:10.37614/2307-5252.2020.6.19.008.

Разумова, И. А. Материалы дискуссии // Народные культуры Европейского Севера : материалы Республиканской науч. конф. (Архангельск, 15–17 октября 2007) / ответственный редактор Н. В. Дранникова. Архангельск : Изд-во Поморского университета, 2008. С. 187–190.

Разумова, И. А. Международная конференция памяти Татьяны Владимировны Станюкович // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 8 (42). С. 143–147.

Разумова, И. А. Миграционный опыт и формирование локальной идентичности жителей Кольского Севера // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / ответственные редакторы А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков. Москва : РОССПЭН, 2010. С. 290–298.

Разумова, И. А. «Миф о Севере» в стихах поэтов Кольского края / И. А. Разумова, А. В. Тарабукина // «Во глубине России…». Статьи и материалы о русской провинции. XIX Фетовские чтения (Курск, 7–9 октября 2004 г.) / под редакцией Н. З. Коковиной, М. В. Строганова, А. Ф. Белоусова. Курск : Курский государственный университет, 2005. С. 106–122.

Разумова, И. А. «Мурманчане» или «северяне»? (Параметры социокультурной идентификации жителей Кольского Севера) // Модель мира коренных малочисленных народов Арктического региона: динамика взаимодействия языка и культуры в условиях глобализации и регионализации : материалы междунар. науч.-практ. семинара (29–31 октября 2012 г.). Мурманск : Изд-во МГГУ, 2013. С. 70–79.

Разумова, И. А. Некрополь как социальное пространство: функциональные аспекты // Некрополи Кольского Севера: изучение, сохранение, коммуникация : сборник научных статей / научные редакторы П. В. Федоров, И. А. Разумова. Мурманск : Изд-во МГГУ, 2013. С. 4–16.

Разумова, И. А. Несказочная проза провинциального города // Современный городской фольклор. Москва : РГГУ, 2003. С. 544–559.

Разумова, И. А. Никифоров Александр Исаакович // Поморская энциклопедия : 5 томах. Т. 4: Культура Архангельского Севера / главный редактор Т. С. Буторина. Архангельск : Изд-во САФУ, 2012. С. 365.

Разумова, И. А. О динамике социальных границ: власть в воспоминаниях подневольных тружеников // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 2. С. 106–114. DOI:10.15393/uchz.art.2021.591.

Разумова, И. А. О междисциплинарном подходе в изучении и собирании устных нарративов // Экология культуры. 2005. № 1 (35). С. 145–150.

Разумова, И. А. О междисциплинарном подходе в собирании и изучении устных нарративов // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология : материалы VI Междунар. школы молодого фольклориста (22–24 ноября 2003 г.). / ответственный редактор Н. В. Дранникова. Архангельск : Изд-во Поморского университета, 2004. С. 19–25.

Разумова, И. А. От «эго-документа» к «литературному факту»: об одной книге воспоминаний // История и словесность : журнал филологических и историко-культурных исследований. 2020. № 2. С. 156–181. DOI:10.31860/2712-7591-2020-2-156-181.

Разумова, И. А. Памяти выдающихся исследователей народной культуры // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2019. № 7 (10). С. 195–204. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.195-206.

Разумова, И. А. Памяти двух выдающихся филологов и антропологов // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 5–18. DOI:10.37614/2949-1185.2023.2.1.001.

Разумова, И. А. «Под вечным шумом Кивача…» (Образ Карелии в литературных и устных текстах) // Геопанорама русской культуры: Провинция и её локальные тексты. Москва : Языки славянской культуры, 2004. С. 101–121.

Разумова, И. А. «Правда жизни, подтверждённая собранным материалом». К столетию со дня рождения А. П. Разумовой // Традиционная культура. 2011. № 2 (42). С. 155–161.

Разумова, И. А. Поминальные обряды в современных городских семьях (малые города Заполярья) // Праздники и обряды как феномены этнической культуры : материалы Десятых Санкт-Петербургских этнографических чтений. Санкт-Петербург : СПБГУТД, 2011. С. 222–224.

Разумова, И. А. Поминальные обряды: типология, сценарии, функционирование (на примере современных семей Кольского Заполярья) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2011. № 3 (6). С. 5–18.

Разумова, И. А. Про академика Ферсмана, «обманный камень» и «лунный пейзаж»: современный фольклор заполярного города // Живая старина. 2004. № 1. С. 16–19.

Разумова, И. А. Проблемы и перспективы социально-антропологических исследований этнокультурной ситуации на Кольском Севере / И. А. Разумова, В. П. Петров // Формирование основ современной стратегии природопользования в Евро-Арктическом регионе / ответственный редактор А. Н. Виноградов. Апатиты : КНЦ РАН, 2005. С. 408–418.

Разумова, И. А. Проблемы функционирования городских кладбищ (по материалам социально-антропологических исследований городов Мурманской области) // Экологические проблемы северных регионов и пути их решения : материалы V Всероссийской науч. конф. с междунар. участием : в 3 частях / ответственные редакторы Г. А. Евдокимова, О. И. Вандыш. Апатиты : КНЦ РАН, 2014. С. 196–200.

Разумова, И. А. Путь фольклориста. Памяти А. П. Разумовой // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2011. № 3 (116). С. 118–119.

[*Разумова И. А.*] Размышления об этнографическом интервью: комментарии / Д. А. Баранов, Д. М. Колядов, П. С. Куприянов [и др.] // Этнографическое обозрение. 2022. № 3. С. 88–123. DOI:10.31857/S086954152203006X.

Разумова, И. А. Региональная научная конференция по антропологии арктического города // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (37). С.173–176.

Разумова, И. А. Репрезентация Севера в устных и письменных текстах современной городской культуры Заполярья // XVII Ломоносовские междунар. чтения. Вып. 2: Поморские чтения по семиотике культуры : сборник научных докладов и статей / ответственный редактор Н. М. Теребихин. Архангельск : ПГУ, 2006. С. 25–32.

Разумова, И. А. Ретроспективное осмысление переселения и миграционные сценарии северян: Кольский Север, начало XXI в. // Историческая демография / главный редактор Ю. А. Поляков ; Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Москва ; Сыктывкар, 2007. Вып. 2. С. 179–183.

Разумова, И. А. Ретроспективное осмысление переселения и миграционные сценарии северян: Кольский Север, начало XXI века // Историческая демография. 2007. № 1. С. 179–184.

Разумова, И. А. Рецепция региональной истории в рассказах горожан Кольского Севера // III Ушаковские чтения : сборник научных статей / научный редактор А. В. Воронин. Мурманск : Изд-во МГПУ, 2006. С. 5–11.

Разумова, И. А. Рец. на кн.: Дубровская Е. Ю. Российская революция 1917 года и Гражданская война в памяти населения Карелии. — Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2016. — 110 с. // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 1 (162). С. 116–117.

Разумова, И. А. Рец. на кн.: Душечкина Е. В. Русская ёлка. История, мифология, литература // Антропологический форум. 2012. № 17. С. 275–280.

Разумова, И. А. Ритуальное поминовение в культуре современных семей / И. А. Разумова, О. В. Змеева // Историко-культурное наследие

и духовные ценности России / ответственные редакторы А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. В. Тишков. Москва : РОССПЭН, 2012. С. 391–399.

Разумова, И. А. «Родина — это минимум край…»: к проблеме локальной самоидентификации жителей севера // Европейский Север в судьбе России. XX век (К 80-летию профессора А. А. Киселева) : сборник научных статей / ответственный редактор А. В. Воронин. Мурманск : Изд-во МГПУ, 2006. С. 39–45.

Разумова, И. А. Родословие: семейные истории России // Семейные узы: Модели для сборки : сборник статей / составитель и редактор С. Ушакин. Москва : НЛО, 2004. Кн. 1. С. 90–112.

Разумова, И. А. Роль саамской топонимии в формировании культурных ландшафтов Кольского Севера // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. конф. (Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г.) / ответственный редактор Е. Л. Березович. Екатеринбур г: Изд-во Уральского ун-та, 2009. С. 233–234.

Разумова, И. А. Роль семьи в процессе адаптации человека на севере // Живущие на севере: образы и реальность : сборник научных статей / научный редактор П. В. Федоров. Мурманск : Изд-во МГПУ, 2006. С. 141–148.

Разумова, И. А. Рыбников Павел Николаевич // Поморская энциклопедия : в 5 томах. Т. 4: Культура Архангельского Севера / главный редактор Т. С. Буторина. Архангельск : Изд-во САФУ, 2012. С. 465.

Разумова, И. А. Саамские сетевые сообщества в «этническом Интернете» России / И. А. Разумова, О. А. Сулейманова // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 2 (179). С. 114–122. DOI:10.15393/uchz.art.2019.299.

Разумова, И. А. «Свобода» как один из ключевых определителей Севера // Живущие на Севере: опыт и прогнозы : сборник статей / П. В. Федоров. Мурманск : Изд-во МГПУ, 2008. С. 5–12.

Разумова, И. А. «Север» — категория времени // Северяне: проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2006. С. 5–14.

Разумова, И. А. Северный «миграционный текст» постсоветской России // Этнокультурные процессы на Кольском Севере : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2004. С. 5–21.

Разумова, И. А. Северный уездный город в зеркале демографической истории // Историческая демография. 2011. № 1 (7). С. 94–95.

Разумова, И. А. Северный уездный город в зеркале исторической демографии // Арктика и Север. 2011. № 1. С. 138–139.

Разумова, И. А. Семейные военные рассказы // Фольклор Великой Отечественной войны : сборник научных трудов / под редакцией О. Е. Лебедевой, М. В. Строганова. Тверь : Золотая буква, 2005. С. 81–89.

Разумова, И. А. Семейный фактор интеграции исторической общности спецпереселенцев // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 7 (14). С. 14–28. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.14-28.

Разумова, И. А. Семейный фольклор // Современный городской фольклор / Российский государственный гуманитарный университет. Москва, 2003. С. 573–580.

Разумова, И. А. Семиотические парадоксы музея индустриального города // АБ-60. Сборник статей к 60-летию А. К. Байбурина / редакторы Н. Б. Вахтин, Г. А Левинтон. Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 359–374.

Разумова, И. А. Семья и профессия: пространство взаимодействия // Частное и общественное: гендерный аспект : материалы 4-й Междунар. конф. РАИЖИ и ИЭА РАН, 20–22 октября 2011 г. Ярославль : ЯрГПУ, 2011. Т. 2. С. 339–343.

Разумова, И. А. Семья спецпереселенцев как социальная и символическая общность // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы междунар. науч. конф. : [в 2-х томах] / ответственный редактор В. А. Веременко. Санкт-Петербург : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. С. 88–93.

Разумова, И. А. Ситуация погребения и похоронный ритуал с точки зрения взаимодействия социальных институтов / И. А. Разумова, Л. А. Барабанова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2012. № 2 (9). С. 42–60.

Разумова, И. А. Смирнов (Смирнов-Кутаческий) Алексей Матвеевич // Поморская энциклопедия : в 5 томах. Т. 4: Культура Архангельского Севера / главный редактор Т. С. Буторина. Архангельск : Изд-во САФУ, 2012. С. 497.

Разумова, И. А. Современный фольклор в школьном образовании как фактор социокультурной адаптации // Педагогические чтения памяти Л. Ю. Бобкова : материалы V региональной науч.-практ. конф., 21–22 марта 2006 г. Мурманск : Изл-во МГПУ, 2006. Т. II. С. 131–134.

Разумова, И. А. Создание и реконструкция общности: случай спецпереселенцев // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8 (185). С. 102–110. DOI:10.15393/uchz.art.2019.419.

Разумова, И. А. «Созидательное устройство семейной жизни»: Путь семьи учёных-геологов / И. А. Разумова, А. Г. Саморукова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Т. 12, № 4 (21). С. 7–28. DOI:10.37614/2307-5252.2021.4.21.001.

Разумова, И. А. Способы интерпретации фактического брака / И. А. Разумова, Т. С. Левенец // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2010. № 2 (2). С. 24–39.

Разумова, И. А. Становление и развитие гуманитарного направления исследований в Кольском научном центре РАН / И. А. Разумова, В. П. Петров // Вестник Кольского научного центра РАН. 2012. № 4 (11). С. 37–45.

Разумова, И. А. Социалистический город в памяти жителей // Texts and Communities: Soviet and Post-Soviet Life in Discourse and Practice / Ed. N. Baschmakoff, P. Fryer, V. Ristolainen. Helsinki : Aleksanteri Institute, 2007. P. 145–158. (Aleksanteri Series 4).

Разумова, И. А. Социальная антропология: на пути к пониманию / Наука и бизнес на Мурмане : научно-практический альманах. Города Заполярья: социально-антропологические и социально-экономические аспекты. Мурманск : Кн. изд-во, 2009. С. 5–10.

Разумова, И. А. Стереотипное и уникальное в образах заполярных городов // Культурное разнообразие в эпоху глобализации : материалы междунар. конф. (Мурманск, март 2006 г.) / ответственный редактор Н. И. Курганова. Мурманск : Изд-во МГПУ, 2006. Ч. 1 С. 32–35.

Разумова, И. А. Танатологические мотивы в документальных текстах о времени социалистического строительства в Заполярье // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре / ответственный редактор Д. В. Громов. Москва : ИЭА РАН, 2015. С. 111–131.

Разумова, И. А. Творчество городских самодеятельных поэтов как индикатор региональной общности // IV Масловские чтения : сборник научных статей / научный редактор С. А. Антошина. Мурманск : Изд-во МГПУ, 2006. С. 46–49.

Разумова, И. А. Тема эвакуации в биографических рассказах старожилов Петрозаводска // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 3 (124). С. 7–12.

[*Разумова, И. А.*] Фольклорист на чужом поле: форум / С. Е. Никитина, Н. В. Петров, И. А. Разумова [и др.]. // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2020. Т. 3, № 2. С. 15–48. DOI:10.28995/2658-5294-2020-3-2-15-48.

Разумова, И. А. Фольклорно-этнографические реалии в системе локальной символики (на материале северных «исторических» городов) / И. А. Разумова, О. В. Змеева // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры : материалы междунар. науч. конф., посвящённой 160-летию полного издания «Калевалы». Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2010. С. 313–319.

[*Разумова, И. А.*] Форум: исследования города / В. Абашев, М. Алексеевский, М. Ахметова [и др.] // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 148–156.

Разумова, И. А. Формирование ландшафта памяти (на примере АПРК «Курск») // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (37). С. 8–21.

Разумова, И. А. Хроника жизни учёного-геолога как исторический и социально-антропологический источник / И. А. Разумова, А. Г. Саморукова

// Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Т. 12, № 1 (20). С. 5–25. DOI:10.37614/2307-5252.2021.1.20.001.

Разумова, И. А. «Чем проще, тем лучше». (Отношение современной молодёжи к погребальному обряду) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (21). С. 108–123.

Разумова, И. А. «Чтобы потомки знали…». Письменная хроника поморской семьи как этнографический источник // Живая старина. 2013. № 4 (80). С.18–21.

Разумова, И. А. «Экстремальность» как фактор локальной идентичности жителей Кольского Севера // Живущие на Севере: вызов экстремальной среде / редколлегия: П. В. Федоров, Ю. П. Бардилева, Е. И. Михайлов. Мурманск : Изд-во МГПУ, 2005. С. 91–95.

[*Разумова, И. А.*] Этические проблемы полевых исследований / С. Абашин, Д. Арзютов, М. Ахметова [и др.] // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 6–166.

Разумова, И. А. Этнографические исследования в Центре гуманитарных проблем КНЦ РАН // Живая старина. 2017. № 1 (93). С. 45–47.

Разумова, И. А. Этнокультурная ситуация на Кольском Севере в конце XX — начале XXI вв. // Этнокультурные аспекты социальной стратегии России (интересы и уклад жизни народов Севера, финно-угорское измерение российской политики) : материалы III Северного социально-экологического конгресса «Социальные перспективы и экологическая безопасность» (Сыктывкар, 18–20 апреля 2007 г.) / Коми республиканская академия госслужбы при Главе Республики Коми. Сыктывкар, 2008. С. 158–167.

Разумова, И. А. Этнокультурная ситуация на Кольском Севере: проблемы, аспекты и методы исследования // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона : сборник материалов междунар. науч. конф. / составитель О. П. Илюха. Петрозаводск : КарНЦ РАН. 2005. С. 51–56.

Разумова, И. А. Этнокультурные аспекты функционирования семьи на Кольском севере (по историко-этнографическим материалам) // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2009. С. 37–50.

Разумова, И. А. Этнологические и социально-антропологические исследования этнокультурной ситуации на Кольском Севере / И. А. Разумова, В. П. Петров // Наука и развитие технобиосферы Заполярья: опыт и вызовы времени : материалы междунар. конф. / ответственный редактор А. Н. Виноградов. Апатиты : КНЦ РАН, 2005. С. 28–30.

Саморукова, А. Г. Архивные материалы по истории коренного населения Кольского полуострова // Исследования Арктики в документах, памятниках и собраниях : материалы Первой заочной науч.-практ. конф. /

составители И. Н. Ильина, М. Ю. Киселев. Москва : Архив Российской академии наук, 2016. С. 137–142.

Саморукова, А. Г. В. И. Немирович-Данченко: Виденное и слышанное в Хибинах // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2010. № 7. С. 215–217.

Саморукова, А. Г. «В те блокадные годы»: воспоминания Т. А. Козупеевой // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2020. Т. 11, № 1 (18). С. 162–173. DOI:10.37614/2307-5252.2020.1.18.011.

Саморукова, А. Г. Из истории интеграции науки и практики на примере Кольского филиала АН СССР // Интеграция науки и практики в современных условиях : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. ООО «НОУ «Вектор науки» (Пятигорск, 19 февраля 2017 г.) / научный редактор И. А. Рудакова. Москва : Перо, 2017. С. 14-20.

Саморукова, А. Г. Из истории освоения Хибин в 30-е годы: гендерный аспект // Наука и развитие технобиосферы Заполярья: опыт и вызовы времени : материалы междунар. конф. / ответственный редактор А. Н. Виноградов. Апатиты : КНЦ РАН, 2005. С. 34–35.

Саморукова, А. Г. Из опыта пропаганды и популяризации научных знаний в Кольском филиале АН СССР // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 6 (25). С. 17–26.

Саморукова, А. Г. История изучения и освоения Европейского Севера / А. Г. Саморукова, Е. Я. Пация // Живая Арктика. 1999. № 3–4. С. 32–34.

Саморукова, А. Г. История решения проблемы водооборота при переработке руд Хибинского месторождения в 1970-е годы / А. Г. Саморукова, В. П. Петров // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 7 (14). С. 29–41. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.29-41.

Саморукова, А. Г. К вопросу о роли государственных и региональных властных структур в формировании кадровой политики Кольского филиала АН СССР в 1945–1957 гг. / А. Г. Саморукова, В. П. Петров // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2012. № 2 (9). С. 73–86.

Саморукова, А. Г. К вопросу о роли местных органов власти в развитии науки на Кольском полуострове в период деятельности Мурманского совнархоза в 1957–1965 годах / А. Г. Саморукова, В. П. Петров // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2011. № 3 (6). С. 80–92.

Саморукова, А. Г. К вопросу об опыте взаимодействия партийно-советских региональных властных органов и академических научных учреждений: на примере работы Кольского филиала АН СССР в 1945–1965

годах / А. Г. Саморукова, В. П. Петров // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2010. № 2 (2). С. 115–126.

Саморукова, А. Г. Кольская база Академии наук СССР в первые послевоенные годы // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2009. С. 15–21.

Саморукова, А. Г. Кратковременный, но поучительный эпизод в истории кольской академической науки (1961–1963 годы) / А. Г. Саморукова, В. П. Петров // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 8 (42). С. 30–40.

Саморукова, А. Г. Научно-просветительская деятельность как социальная функция науки: на примере Кольского филиала АН СССР в 1947–1991 годах / А. Г. Саморукова, В. П. Петров // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 7 (17). С. 7–21. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.7-21.

Саморукова, А. Г. О работе аспирантуры Кольского филиала АН СССР в 1945–1985 гг. / А. Г. Саморукова, В. П. Петров // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2013. № 6 (19). С. 96–108.

Саморукова, А. Г. О формировании кадрового научного потенциала Кольского филиала АН СССР в 1957–1985 годах / А. Г. Саморукова, В. П. Петров // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 6 (25). С. 7–17.

Саморукова, А. Г. Опыт взаимодействия академической науки, властных и хозяйственных структур Мурманской области в организации и практической реализации научных исследований (1930–1965 гг.) / А. Г. Саморукова, В. П. Петров // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 7 (33). С. 64-75.

Саморукова, А. Г. Опыт организации сотрудничества академической науки и производства: Кольский филиал АН СССР — комбинат «Апатит» (1960–1980 гг.) / А. Г. Саморукова, В. П. Петров // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 8, № 9 (12). С. 20–30.

Саморукова, А. Г. Организация советской науки на Крайнем Севере: Кольский филиал Академии наук СССР в 1963–1988 годах / А. Г. Саморукова, В. П. Петров // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 2 (16). С. 92–109. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.92-109.

Саморукова, А. Г. Основные комплексы источников по истории Кольского филиала АН СССР // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2009. № 6. С. 74–77.

Саморукова, А. Г. Советский опыт создания регионального академического кластера на Крайнем Севере (на примере Кольского филиала АН СССР) / А. Г. Саморукова, В. П. Петров // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 11 (15). С. 62–72. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.62-72.

Саморукова, А. Г. Социалистическое соревнование трёх северных филиалов АН СССР как опыт координации межрегиональных академических исследований / А. Г. Саморукова, В. П. Петров // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (37). С. 59–70.

Саморукова, А. Г. Учёные Кольского филиала АН СССР в жизни Кировска // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2012. № 9. С. 110–112.

Старовойтова, К. В. Отражение проблемы качества жизни в местных печатных СМИ / К. В. Старовойтова, Э. С. Клюкина // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (21). С. 147–165.

Стрельников, В. В. Мурманская область, 1941 год в «Дневнике войны» М. И. Старостина // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарная серия. 2020. Т. 11, № 6 (19). С. 153–163. DOI:10.37614/2307-5252.2020.6.19.012.

Стрельников, В. В. Мурманская область в предвоенный период (на примере города Кировска) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарная серия. 2020. Т. 11, № 1 (18). С. 195–204. DOI:10.37614/2307-5252.2020.1.18.014.

Сулейманова, О. А. Багаж переселенцев (к вопросу о жизни вещей в культуре) // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2011. Т. 1, № 7 (120). С. 27–30.

Сулейманова, О. А. Быт на новом месте: к вопросу о вещевом поведении // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2011. № 3 (6). С. 54–64.

Сулейманова, О. А. Вещевое поведение переселенцев Кольского Севера // Материалы III Областной краеведческой конференции, посвящённой 80-летию Кировского историко-краеведческого музея. Кировск, 2015. С. 115–121.

Сулейманова, О. А. Вещевое поведение при переезде (на примере мигрантов Кольского Севера) // Общество. Гендер. История : сборник статей и тезисов докладов II Всероссийской науч. конф. с междунар. участием. Липецк : Гравис, 2012. С. 98–101.

Сулейманова, О. А. Вещь как средство адаптации на новом месте жительства (на примере переселенцев Кольского Севера последней трети XX — начала XXI вв.) // Перспективы науки. 2015. № 6 (69). С. 43–47.

Сулейманова, О. А. Десятая конференция «Антропология. Фольклористика. Социолингвистика» в Европейском университете в Санкт-

Петербурге // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2022. Т. 13, № 2 (22). С. 153–158. DOI:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.012.

Сулейманова, О. А. Жилая среда и семейная культура: проблематика и направления исследований // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2009. С. 77–89.

Сулейманова, О. А. Истории переселения на Кольский Север: материально-бытовые проблемы этнических мигрантов // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2012. № 2 (9). С. 31–42.

Сулейманова, О. А. «История одного топора и двух стульев»: биография вещей в современной культуре // Живая старина. 2017. № 1. С. 50–53.

Сулейманова, О. А. История повседневного быта северян в 1950–1980-е годы (по воспоминаниям жителей Мурманской области) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (37). С. 22–30.

Сулейманова, О. А. Материально-бытовые аспекты повседневной жизни жителей Хибиногорска 1930-х годов // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2015. № 3 (44). С. 489–492.

Сулейманова, О. А. «На Севере — жить?»: опыт переезда и миграционные установки молодёжи Мурманской области // Труды Кольского научного центра. Гуманитарные исследования. 2020. Т. 11, № 6 (19). С. 179–189. DOI:10.37614/2307-5252.2020.6.19.014.

Сулейманова, О. А. «Национальные вещи» в культуре городских саамов Мурманской области // Вещи. Экспедиции. Музеи. К 100-летию со дня рождения Т. В. Станюкович (1916–1992) / ответственные редакторы Н. П. Копанева, Л. С. Лаврентьева, М. В. Станюкович. Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2019. С. 227–238.

Сулейманова, О. А. «Национальные вещи» переселенческих семей (к проблеме социализации в иноэтничной среде) // Феномен социализации в этнической культуре : материалы Одиннадцатых этнографических чтений. Санкт-Петербург : СПГУТД, 2012. С. 473–477.

Сулейманова, О. А. «Новые горожане» Кольского Севера: вещевое поведение переселенцев из сельской местности // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2013. № 6 (19). С. 35–49.

Сулейманова, О. А. О первом образовательном семинаре по сценарному прогнозированию «Будущее народа саами в условиях глобальных изменений» // Труды Кольского научного центра. Гуманитарные исследования. 2020. Т. 11, № 1 (18). С. 205–208. DOI:10.37614/2307-5252.2020.1.18.015.

Сулейманова, О. А. Особенности презентации «саамских» сувениров в виртуальном пространстве (на примере социальной сети «ВКонтакте») // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 64–69. DOI:10.37614/2949-1185.2022.1.1.006.

Сулейманова, О. А. Памяти Константина Кузьмича Логинова (1952–2020) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Т. 12, № 1 (20). С. 155–161. DOI:10.37614/2307-5252.2021.1.20.010.

Сулейманова, О. А. Памятная вещь в семейной культуре // Живая старина. 2013. № 4 (80). С. 36–39.

Сулейманова, О. А. Переезд на новое место жительства: к проблеме семантизации вещей в современной культуре (на материалах Кольского Заполярья) // Арктика и Север. 2017. № 27. С. 30–51. DOI:10.17238/issn2221-2698.2017.27.30.

Сулейманова, О. А. Повседневно-бытовые аспекты адаптации саамов к городскому образу жизни (на материалах Мурманской области) / О. А. Сулейманова, Е. Я. Пация // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 8 (42). С. 89–106.

Сулейманова, О. А. «Праздник Севера и традиционный День оленевода»: к проблеме изучения культурно-массовой деятельности как формы актуализации этнокультурных традиций аборигенного населения Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 11 (15). С. 42–52. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.42-52.

Сулейманова, О. А. Презентация культуры кольских саамов в социальной сети «ВКонтакте»: динамика визуальных образов материальной культуры // Этнография. 2020. № 3 (9). С. 169–199. DOI:10.31250/2618-8600-2020-3(9)-169-199.

Сулейманова, О. А. «Путь в цивилизованную жизнь»: к проблеме адаптации кольских саамов к городскому быту // Вестник ЛАИС «Ориентир и путь» : сборник научных статей / под редакцией В. М. Воронова, К. Я. Коткина. Мурманск : Изд-во МАГУ, 2017. Вып. 2. С. 184–187.

Сулейманова, О. А. «Равнодушных у нас нет»: отношение жителей Мурманской области к мигрантам с Украины // Миграция и мигранты в России и мире: опыт социально-антропологических и этнографических наблюдений / редактор В. В. Степанов. Москва : ИЭА РАН, 2015. С. 118–123.

Сулейманова, О. А. «Саами приглашают»: культурно-массовые мероприятия как форма сохранения культурного наследия коренного населения Кольского Севера / О. А. Сулейманова, О. А. Бодрова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 8, № 4 (11). С. 83–96.

Сулейманова, О. А. Саамские веб-сообщества глазами модераторов (на примере социальной сети «ВКонтакте» // Труды Кольского научного

центра РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Т. 12. № 4 (21). С. 141–153. DOI:10.37614/2307-5252.2021.4.21.010.

Сулейманова, О. А. «Саамский сувенир» как этнотовар и бренд Мурманской области: к постановке проблемы // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2022. Т. 13, № 2 (22). С. 21–31. DOI:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.002.

Сулейманова, О. А. Семейные вещи в миграционном опыте жителей Кольского Севера // Гуманитарные науки в XXI веке : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. (10 апреля 2013 г.). Москва : Спутник+, 2013. С. 15–18.

Сулейманова, О. А. Семейные вещи в пространстве «дома» и «дороги»: этнографический ракурс» // ДОМ : сборник научных статей / научные редакторы В. М. Воронов, К. Я. Коткин. Мурманск : Изд-во МАГУ, 2016. С. 149–156.

Сулейманова, О. А. «Семейные вещи»: к интерпретации понятия // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2010. № 2 (2). С. 68–79.

Сулейманова, О. А. Семейные реликвии как социальная собственность // Наука и бизнес на Мурмане. Мурманск. 2009. № 2 (67). С. 49–53.

Сулейманова, О. А. Советские вещи в современном быту (северян): долгая жизнь и последний путь // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 6 (25). С. 141–157.

Сулейманова, О. А. Территориальная и локальная идентичность индивида на фоне родственных связей (на примере жителей Кольского Севера) // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2008. С. 181–191.

Сулейманова, О. А. «Узелочек личных вещей» (из быта спецпереселенцев) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (21). С. 58–66.

Сушко, Е. О. Британские солдаты на станции Имандра в 1919 г.: исторический комментарий к одной фотографии // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Т. 12, № 4 (21). С. 171–177. DOI: 10.37614/2307-5252.2021.4.21.013.

Сушко, Е. О. Непродолжительная история существования республик-фантомов Вологдаче и Беломорье в западных СМИ // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 149–158. DOI:10.37614/2949-1185.2022.1.1.014.

Сушко, Е. О. Особенности и классификация источников, используемых при изучении Гражданской войны и интервенции на Мурмане // Учёные записки МАГУ. Исторические науки : сборник научных статей / под научной редакцией С. А. Никонова. Мурманск : Изд-во МАГУ, 2020. С. 37–43.

Сушко, Е. О. «Под пятой интервентов», или Неудачная попытка освоения Хибинских горных ресурсов британцами // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 8. С. 56–63. DOI:10.15393/uchz.art.2021.693.

Сушко, Е. О. Политические отношения между Мурманским краем и Северной областью: август 1918 — октябрь 1918 // Клио. 2022. № 6 (186). С. 134–140. DOI:10.51676/2070-9773_2022_06_134.

Сушко, Е. О. Село Ловозеро и Ловозерские тундры в годы революции, Гражданской войны и интервенции // Сборник Региональной научно-практической конференции — студенческой научной школы филиала МАГУ в г. Апатиты / ответственный редактор И. В. Вицентий. Апатиты : Изд-во МАГУ, 2021. С. 298–306.

Сушко, Е. О. Территория Хибин в период 1917–1920 гг. в исторической литературе о городах Кировск и Апатиты // Первопроходцы Крайнего Севера : [Четырнадцатые Феодоритовские чтения: к 450-летию блаженной кончины преподобного Феодорита Кольского, в начале XVI века просветившего Евангельским светом земли Кольского Севера] : материалы историко-краеведческой конф. / Мурманская епархия. Мурманск, 2022. С. 471–483.

Сушко, Е. О. Хибины и Имандра в годы гражданской войны и союзнической интервенции: страницы истории // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарная серия. 2020. Т. 11, № 1 (18). С. 186–195. DOI:10.37614/2307-5252.2020.1.18.013.

Сушко, Е. О. Экономическое положение трудящихся Мурмана в годы Гражданской войны на примере станции Имандра // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 6. С. 83–90. DOI:10.15393/uchz.art.2022.800.

Тарова (Кузнецова), Л. А. Изучение саамского сегмента российского Интернета в контексте проблематики киберэтнографии // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 84–97. DOI:10.37614/2949-1185.2022.1.1.008.

Тертышная, К. А. Проблемы этнографических и историко-краеведческих музеев: взгляд исследователей // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарная серия. 2020. Т. 11, № 1 (18). С. 149–161. DOI:10.37614/2307-5252.2020.1.18.010.

Тертышная, К. А. Региональная идентичность населения Мурманской области в свете российских социологических исследований // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 2 (16). С. 139–145. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.139-145.

Тертышная, К. А. Формы проведения свободного времени жителями города Кировск // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9. № 2 (13). С. 66–72. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.2.66-72.

Токарев, А. Д. К истории строительства Кольского филиала АН СССР — Кольского научного центра РАН в 1962–1971 годах / А. Д. Токарев, В. П. Петров // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (21). С. 31–48.

Токарев, А. Д. К истории строительства Кольского филиала АН СССР — Кольского научного центра РАН в 1971–1998 годы / А. Д. Токарев, В. П. Петров // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 6 (25). С. 26–42.

Токарев, А. Д. Новые материалы по истории научных исследований на Кольском полуострове в 1931 году (протокол совещания начальников полевых отрядов 26 августа 1931 г.) / А. Д. Токарев, В. П. Петров // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 11 (15). С. 53–61. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.53-61.

Токарев, А. Д. Первая поездка А. Е. Ферсмана на Кольский полуостров в 1920 г. (о дате поездки и составе делегации) / А. Д. Токарев, Е. А. Каменев // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2010. № 7. С. 220–222.

Токарев, А. Д. Роль академика А. В. Сидоренко и его сподвижников в создании академического городка на Кольском Севере / А. Д. Токарев, В. П. Петров // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2017. № 14. С. 48–51.

Токарев, А. Д. Создание апатитовой промышленности в Хибинах (Кольский полуостров) как исторический раннесоветский опыт хозяйственного освоения Заполярного региона в 1920–1930-х гг. / А. Д. Токарев, В. П. Петров, Е. И. Макарова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 8, № 9 (12). С. 5–19.

Травин, И. А. Введение образа северного оленя в бытие и быт древнесаамского населения // Человек и культура. 2021. № 2. С. 12–21. DOI:10.25136/2409-8744.2021.2.35406.

Травин, И. А. Изучение исторического городского ландшафта в рамках визуальной антропологии // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2010. № 7. С. 223–225.

Травин, И. А. К вопросу места и времени начала процесса формирования культуры саамского народа на примере культурной преемственности декоративно-прикладного искусства // Культура и искусство. 2020. № 10. С. 17–28. DOI:10.7256/2454-0625.2020.10.34092.

Травин, И. А. К вопросу об антропоморфных изобразительных мотивах саамского орнамента // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9, № 2 (1). С. 66–73.

Травин, И. А. Культура протосаамского населения в вопросе разделения изображений по месту нанесения: керамика, природные камни // Гуманитарные, естественно-научные и технические решения современности

в условиях цифровизации : материалы XII Междунар науч.-практ. конф. Ростов-на-Дону : Изд-во Южного университета ИУБиП, 2021. С. 169–171.

Травин, И. А. Культурная преемственность декоративных узоров как маркер проживания древнесаамского населения на территории между Верхней Сухоной и Верхней Волгой // Человек и культура. 2019. № 5. С. 45–53. DOI:10.25136/2409-8744.2019.5.31156.

Травин, И. А. Культурная преемственность простых геометрических узоров — вопрос вовлечённости поколений в культуру прошлого // Модернизация науки и образования: современные реалии, пути совершенствования : материалы XXXIV Всероссийской науч.-практ. конф. (15 июля 2021 г.). Ростов-на-Дону : Изд-во Южного университета ИУБиП, 2021. С. 402–405.

Травин, И. А. Преемственность культурного наследия в наблюдаемых элементах домовой резьбы северо-запада Костромской области (Буйский район) // Культура и искусство. 2019. № 9. С. 1–10. DOI:10.7256/2454-0625.2019.9.30353.

Травин, И. А. Проблематика восприятия изображения отсканированного бумажного листа как аутентичного образа объекта // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Т. 12, № 4 (21). С. 154–161. DOI:10.37614/2307-5252.2021.4.21.011.

Травин, И. А. Разделение изображения бытия и быта в культуре протосаамов на примере экспозиционных материалов Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера России ЦГП КНЦ РАН, г. Апатиты // Первопроходцы Крайнего Севера : [Четырнадцатые Феодоритовские чтения: к 450-летию блаженной кончины преподобного Феодорита Кольского, в начале XVI века просветившего Евангельским светом земли Кольского Севера] : материалы историко-краеведческой конф. / Мурманская епархия. Мурманск, 2022. С. 551–554.

Травин, И. А. Саамы. Маркеры культурной преемственности от Верхней Волги до Кольского полуострова // Наука и образование в современном вузе: вектор развития : сборник материалов науч.-практ. конф. / ответственный редактор Е. А. Шмелева. Шуя : Изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2020. С. 188–190.

Травин, И. А. Трансформация геометрического узора в антропоморфный как маркер изменения культуры народа в глубокой древности // Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых учёных : материалы XIII Междунар. науч. конф. (Москва — Иваново — Шуя, 25 сентября 2020 г.) / ответственный редактор А. А. Червова. Иваново : Изд-во Ивановского государственного университета, 2020. С. 216–217.

Травин, И. А. Элементы саамского орнамента в декоре строений северо-запада Костромской области как проявление преемственности в культурном наследии региона // Культура и искусство. 2019. № 10. С. 1–6. DOI:10.7256/2454-0625.2019.10.30875.

Шабалина, О. В. Арктические берега в работах экспедиционных художников из коллекции Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН / О. В. Шабалина, К. С. Казакова // Арктические берега: путь к устойчивости : материалы XXVII Междунар. береговой конф. (Мурманск, 24–29 сентября 2018 г.) / ответственный редактор Е. А. Румянцева. Мурманск : Изд-во МАГУ, 2018. С. 431–435.

Шабалина, О. В. Архивные документы по истории российской угольной промышленности на архипелаге Шпицберген во второй половине XIX в. по 1941 г. // IV Ушаковские чтения : сборник научных статей / ответственный редактор П. В. Федоров. Мурманск : Изд-во МГПУ, 2007. С. 216–220.

Шабалина, О. В. Документы по истории изучения Новой Земли из персонального фонда М.А.Лавровой Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН: к 100-летию со дня организации Полярной комиссии Академии наук // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (21). С. 210–223.

Шабалина, О. В. Документы фонда № 1 Научного архива КНЦ РАН как источники по истории международного научного сотрудничества // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2012. № 2 (9). С. 101–110.

Шабалина, О. В. Из истории йодного производства в Кольском Заполярье // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 6 (25). С. 43–54.

Шабалина, О. В. Из истории организации метеорологических и гидрологических наблюдений на о. Диксон в 1916 г. (по материалам Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 1 (27). С. 76–90.

Шабалина, О. В. Из истории российской угледобычи на Шпицбергене (конец XIX — начало XX вв.) // Вестник Государственной полярной академии. Санкт-Петербург : Изд-во ГПА, 2004. С. 30–36.

Шабалина, О. В. Из истории этнографических исследований В. В. Чарнолуского: рисунки и письма учёного из фондов Музея-Архива ЦГП РАН // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI века : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2007. С. 146–170.

Шабалина, О. В. Изобразительные материалы персонального фонда Альберта Николаевича Бенуа (1852–1936) Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН как источники по истории изучения Европейского Севера / О. В. Шабалина, Е. Я. Пация // Актуальные проблемы источниковедения и текстологии в контексте современных информационных технологий : материалы Всероссийской науч. конф.: [к 100-летию со дня основания Государственного

музея Л. Н. Толстого (1911–2011), 16–18 ноября 2011 г., Москва] / редактор-составитель Т. Т. Бурлакова. Москва, 2011. С. 183–188.

Шабалина, О. В. Историко-краеведческий текст как форма наррации (некоторые аспекты истории малых индустриальных городов Кольского полуострова) // Северяне: проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2006. С. 48–60.

Шабалина, О. В. Историческая конференция к юбилею столицы Кольского края // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 8 (42). С. 141–143.

Шабалина, О. В. История арктических экспедиций в материалах персональных фондов Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2014. № 2 (17). С. 3–18.

Шабалина, О. В. История довоенной советской угледобывающей промышленности на архипелаге Шпицберген в документах государственных архивов // Наука на Шпицбергене: История российских исследований / В. Г. Захаров, О. В. Шабалина, В. Ф. Старков [и др.]. Санкт-Петербург : Гамас, 2009. С. 129–162.

Шабалина, О. В. История формирования Музея-архива ЦГП КНЦ РАН на примере комплектования фондов полярных исследователей / О. В. Шабалина, К. С. Казакова // Наука и техника: Вопросы истории и теории : материалы XLII Междунар. годичной науч. конф. Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук (Санкт-Петербург, 25–29 октября 2021 г.). Санкт-Петербург, 2021. С. 259–260.

Шабалина, О. В. К 130-летию со дня рождения А. Е. Ферсмана: стихи о камнях с посвящением академику // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2013. № 6 (19). С. 177–188.

Шабалина, О. В. Комплексная высокоширотная экспедиция «Восток» на ледоколе «Северный полюс» 1946 г. в локальных песенно-поэтических текстах // Население Кольского Севера в период социальных трансформаций: проблемы и практики культурной адаптации : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2008. С. 146–163.

Шабалина, О. В. «Кукиш» в Кандалакше. Июнь 1933 г. // Исторический архив. 2009. № 6. С. 206–209.

Шабалина, О. В. Литературно-изобразительные материалы персональных фондов Г. Д. Рихтера и В. В. Чарнолуского как источники по истории организации и проведения арктических и субарктических экспедиций в аспекте их финансового и продовольственного обеспечения // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 8, № 4 (11). С. 66–82.

Шабалина, О. В. Личные документы персонального фонда геолога Б. М. Куплетского Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 98–103. DOI:10.37614/2949-1185.2022.1.1.009.

Шабалина, О. В. Материалы академических архивов как источники к биографии арктического исследователя: Мария Алексеевна Лаврова (1887 — после 1969) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. Т. 8, № 9 (12). С. 46–60.

Шабалина, О. В. Материалы Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера МЦНКО КНЦ РАН как источник по истории науки // Музеи Российской Академии наук. Москва : Научный мир, 2000. С. 187–200.

Шабалина, О. В. Материалы персонального фонда А. Ф. Лактионова Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН как источники по истории изучения и освоения Арктики // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 7 (14). С. 76–83. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.76-83.

Шабалина, О. В. Материалы персонального фонда академика А. В. Сидоренко Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2017. № 14. С. 52–55.

Шабалина, О. В. Материалы персонального фонда академика Л. А. Зенкевича Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН как источники по истории организации полярных океанологических исследований в 1920–1930-х гг. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2015. № 7 (33). С. 111–125.

Шабалина, О. В. Материалы персонального фонда Г. В. Горбацкого Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН как источники по истории арктических исследований // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 11 (15). С. 72–82. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.72-82.

Шабалина, О. В. Материалы персонального фонда помощника капитана ледокола «Ермак» Тульского Николая Ильича (1875–1932) Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН как источники по истории арктических экспедиций // Роль архивного и музейного документа в образовательном процессе. Проблемы взаимодействия и сотрудничества архивов, музеев и образовательных учреждений : материалы науч.-практ. конф. (26 октября 2012 г., г. Кировск) / составители: Т. И. Подгорбунская, Т. В. Пивоварова. Кировск, 2012. С. 95–99.

Шабалина, О. В. Материалы персональных фондов А. Ф. Трешникова, В. П. Кальянова и И. С. Песчанского Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН как источники по истории изучения и освоения Арктики // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 8 (42). С. 73–88.

Шабалина, О. В. Материалы персональных фондов В. В. Чарнолуского, Я. А. Комшилова Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН как источники по истории этнографических исследований на северо-западе России // Труды Объединённого научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2014. Т. 2013. С. 13–28.

Шабалина, О. В. Материалы персональных фондов Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН как источники по истории арктических экспедиций // Освоение Арктики. История и современность. К 75-летию образования Мурманской области (Мурманск, 14-15 ноября 2013 г.). Мурманск : ГАМО, 2013. С. 69–76.

Шабалина, О. В. Материалы фонда В. В. Чарнолуского «Музея-архива истории изучения и освоения Европейского Севера» ЦГП Кольского НЦ РАН как источниковая база для исторических исследований академической экспедиционной деятельности на Кольском полуострове // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2008. № 2. С. 83–92.

Шабалина, О. В. Материалы фондов Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН как источники по истории становления и развития фундаментальной науки в Баренцевом Евро-Арктическом регионе // Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 4–7 июня 2013 г.) / ответственный редактор В. Ю. Афиани. Москва : Архив Российской академии наук, 2013. С. 517–522.

Шабалина, О. В. Международная научная конференция «Миллеровские чтения — 2018: Преемственность и традиции в сохранении и изучении документального академического наследия» в Санкт-Петербурге // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 11 (15). С. 132–134. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2018.9.11.132-134.

Шабалина, О. В. Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН в системе культурно-исторической памяти / О. В. Шабалина, Е. Я. Пация // Труды Ферсмановской научной сессии ГИ КНЦ РАН. 2010. № 7. С. 233–237.

Шабалина, О. В. Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН как элемент системы накопления, хранения и использования культурно-исторической памяти // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия

на современном этапе : доклады и сообщения на Шестой Всероссийской науч. конф. Москва : Росархив, ВНИИДАД, 2009. С. 305–311.

Шабалина, О. В. Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем ЦГП КНЦ РАН: опыт интеграции форм культурно-исторической памяти в рамках академического учреждения // Документальное наследие России: теория и практика сохранения и использования научных фондов : сборник научных статей : [к 60-летию Научного архива Коми НЦ УрО РАН] / ответственный редактор А. М. Асхабов. Сыктывкар : Коми научный центр УрО РАН, 2013. С. 88–94.

Шабалина, О. В. Мурманский художник Шевнин Анатолий Николаевич. К 70-летию со дня рождения // Труды Кольского научного центра РАН. 2021. Т. 12, № 4 (21). С. 178–182. DOI:10.37614/2307-5252.2021.4.21.014.

Шабалина, О. В. О Международной научно-практической конференции «Полярные чтения — 2019» в Санкт-Петербурге / О. В. Шабалина, М. В. Иванова, К. С. Казакова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 2 (16). С. 149–153. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.149-153.

Шабалина, О. В. «Он сын князя, и ему не место в семье советских художников»: жизненный путь художника-иллюстратора В. М. Голицына в контексте событий первой половины XX века // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2023. Т. 2, № 1. С. 67–80. DOI:10.37614/2949-1185.2023.2.1.006.

Шабалина, О. В. От лопарской вежи до «дворца науки»: источники по истории организации и строительства «Тиэтты» (ХИГС — КБАН СССР) из фондов Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН / О. В. Шабалина, М. В. Иванова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2020. Т. 11, № 6 (19). С. 8–19. DOI:10.37614/2307-5252.2020.6.19.001.

Шабалина, О. В. Персональный фонд академика А. Е. Ферсмана Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН / О. В. Шабалина, Е. Я. Пация // Вестник Кольского научного центра РАН. 2013. № 4 (15). С. 3–8.

Шабалина, О. В. Персональный фонд Г. Д. Рихтера Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН как исторический источник // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 7 (17). С. 94–103. DOI:10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.94-103.

Шабалина, О. В. Персональный фонд гидроэнергетика С. В. Григорьева Музея-архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН / О. В. Шабалина, К. С. Казакова // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Т. 12, № 4 (21). С. 28–36. DOI:10.37614/2307-5252.2021.4.21.002.

Шабалина, О. В. Письма Василия Кондратьевича Алымова / О. В. Шабалина, Е. Я. Пация // Живая старина. 2005. № 4. С. 47–50.

Шабалина, О. В. Политические и экономические инициативы России на Шпицбергене (до начала Великой Отечественной войны, 1941 г.) // Этнокультурные процессы на Кольском Севере : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2004. С. 62–79.

Шабалина, О. В. Проблема участия женщин в процессе формирования науки региона как важной составляющей культуры, социального института (на основе материалов научного архива КНЦ РАН) // Природопользование в Евро-Арктическом регионе: опыт XX века и перспективы / ответственный редактор В. Т. Калинников. Апатиты : КНЦ РАН, 2004. С. 464–467.

Шабалина, О. В. Проблемы выявления и использования архивных документов по истории угольной промышленности в Европейской Арктике (Архипелаг Шпицберген) во второй половине XIX века по 1941 год // Человек в социокультурном пространстве: Европейский Север России : сборник статей / редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2005. С. 153–171.

Шабалина, О. В. Путевой дневник И. К. Тихомирова как источник по истории организации метеорологических и гидрологических наблюдений на о. Диксон в 1916 г.: по материалам Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН // Исследования Арктики в документах, памятниках и собраниях : материалы Первой заочной науч.-практ. конф. (Москва, 15 марта 2016 г.). Москва : Архив Российской академии наук, 2016. С. 202–210.

Шабалина, О. В. Русские на Шпицбергене в исторической ретроспективе (с древних времен до середины XX в.) // История и культура Европейского Севера : сборник авторских программ. Апатиты : Изд-во Кольского филиала ПетрГУ, 2009. С. 43–55.

Шабалина, О. В. Становление предприятий советской угольной промышленности на архипелаге Шпицберген по документам РГАЭ и ГАМО // Отечественные архивы. 2010. № 6. С. 38–48.

Шабалина, О. В. Стенгазета «Кукиш» геоморфологических отрядов № 3 и 5 Карело-Мурманской комплексной партии экспедиции ЛОГИДЭП 1933 г. как исторический источник // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история : сборник статей редакторы В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты : КНЦ РАН, 2009. С. 22–36.

Шабалина, О. В. Творчество художников — участников российских научных экспедиций (По материалам Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН) / О. В. Шабалина, Е. Я. Пация // Музеи Российской Академии наук. Москва : Научный мир, 2011. С. 272–289.

Шабалина, О. В. Тульский Николай Ильич (1875–1932) — капитан ледокола «Ермак» (1921–1922) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2009. № 4 (8). С. 20–31.

Шабалина, О. В. Урбанистический пейзаж Я. А. Комшилова: штрихи к историческому социокультурному портрету г. Мурманска // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (37). С. 134–144.

Шабалина, О. В. Финляндские исследователи Кольского полуострова. 1820–1917 // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2011. № 3 (6). С. 72–79.

Шабалина, О. В. Фонд редкой книги Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН как комплексный источник по истории Российской Арктики и Субарктики // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2016. № 13. С. 62–65.

Шабалина, О. В. Художественное творчество участников российских научных экспедиций. По материалам Музея-Архива истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН // Архив Академии наук — достояние национальной и мировой науки и культуры : материалы междунар. науч. конф. (Москва, 10–14 ноября 2008 г.) / ответственный редактор И. Н. Ильина. Москва, 2009. С. 467–485.

Шабалина, О. В. Художник Пинегин // Живая Арктика. 1999. № 3–4. С. 28–29.

Шабалина, О. В. Экслибрисы, автографы, маргиналии из коллекции Музея-Архива Истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП КНЦ РАН // История полярных библиотек : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. (13–16 апреля 2009 года, г. Мурманск, ЗАТО г. Заозёрск) / составитель Л. А. Семенова. Мурманск : Кн. изд-во, 2009. С. 34–38.

Шабалина, О. В. Экспедиции А. Ф. Гебеля и Г. Ф. Гебеля и их роль в освоении Европейской Арктики во второй половине XIX — начале XX века / О. В. Шабалина, К. С. Казакова // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 161, № 2 (3). С. 150–160. DOI:10.26907/2541-7738.2019.2-3.150-160.

Шабалина, О. В. Экспедиции К. М. Бэра на Новую Землю (1837) и Кольский полуостров (1840) // Государственные использования информационных ресурсов по истории регионов : материалы областной науч.-практ. конф. (25 октября 2013 г., г. Кировск) / составитель Т. И. Подгорбунская. Кировск, 2013. С. 66–79.

Шабалина, О. В. Экспедиционный дневник как источник по истории организации и проведения российских арктических экспедиций начала XX века / О. В. Шабалина, К. С. Казакова // Проблемы Арктики и Антарктики. 2022. Т. 68, № 1. С. 76-86. DOI:10.30758/0555-2648-2022-68-1-76-86.

Шабалина, О. В. «...Я — музейный работник, я выработала в себе это призвание» (к юбилею Евгении Яковлевны Пации) // Вестник Кольского научного центра РАН. 2020. № 2 (12). С. 58–68. DOI:10.37614/2307-5228.2020.12.2.007.

Шахнович, М. М. Археологические работы в Русской Лапландии в 2017 и 2019 годах // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 175–184. DOI:10.37614/2949-1185.2022.1.1.017.

Шахнович, М. М. Археологическое изучение реки Варзуга (Терский берег Белого моря) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Т. 12, № 1 (20). С. 48–72. DOI:10.37614/2307-5252.2021.1.20.004.

Шахнович, М. М. Валунные кенотафы Восточной Фенноскандии: к вопросу об одной разновидности православного погребального обряда в позднем Средневековье // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 3. С. 152–160. DOI:10.55355/snv2022113202.

Шахнович, М. М. Валунные сложения Восточной Лапландии // Первопроходцы Крайнего Севера : [Четырнадцатые Феодоритовские чтения: к 450-летию блаженной кончины преподобного Феодорита Кольского, в начале XVI века просветившего Евангельским светом земли Кольского Севера] : материалы историко-краеведческой конф. / Мурманская епархия. Мурманск, 2022. С. 485–493.

Шахнович, М. М. Валунные ямы Беломорья // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2021. Т. 12, № 4 (21). С. 104–125. DOI:10.37614/2307-5252.2021.4.21.008.

Шахнович, М. М. Позднесредневековое смолокуренное производство на озере Верхнее Куйто. К вопросу о «лопарских древностях» в Западном Прибеломорье // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2022. Т. 13, № 2 (22). С. 130–142. DOI:10.37614/2307-5252.2022.2.13.22.010.

Belevskikh, T. Creative economy: barriers and opportunities / T. Belevskikh, E. Ganitch, M. Ivanova // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 4th International scientific conference “Arctic: history and modernity” (Saint Petersburg, 17–18 April 2019). Saint-Petersburg, 2019. P. 012143. DOI:10.1088/1755-1315/302/1/012143.

Bodrova, O. A. Ethnic Branding Technologies of the Arctic Zone of Russia (on the Exemple of the Murmansk region) / O. A. Bodrova, I. A. Razumova // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science : 5th International Conference “Arctic: History and Modernity”, 18–19 March 2020. 2020. Vol. 539. P. 012090. DOI:10.1088/1755-1315/539/1/012090.

Busyreva, E. Cultural identity in families with “the Finnish origin”, living in a Russian speaking environment (according to material of Murmansk region) // Human and Societal Security in the Circumpolar Arctic. Vol. 1. Leiden : Brill Academic Publishers, 2018. P. 339–357. DOI:10.1163/9789004363045_016.

Busyreva, E. Le cas des familles russes d’origine finnoise dans l’oblast′ de Murmansk // Revue des études slaves. 2021. Vol. 92, fascicule 1 : [Ego-documents en Russie du Moyen Âge à nos jours]. P. 161–172. DOI.org/10.4000/res.4193.

Eremeeva, A. The history of the construction “Severonikel” smelter (before the World War II) in Monchegorsk, Kola Peninsula, Russia // Subarctic Mining II. Papers presented at a symposium in Lulea, June 15th 2001 / Ed. Kenneth Awebro and Lennart Klang. Stockholm : Jernkontoret, 2002. P. 127–136.

Gutsol, N. Arctic Barriers Within: Colonization and Industrialization of the Kola Peninsula around 1900 / N. Gutsol, J. Bjorklund // Euro-Arctic Curtains / Ed. Jan Ake Dellenbrant, Ulf Wiberg. Umea : CERUM, 1997. P. 7–35.

Gutsol, N. Yhteis kunnallisen politiikkan yleispiirteet Lovozeron piirikunnassa 1990 — luvulle tultaessa / N. Gutsol, E. Patsia // Without the reindeer the nation will vanish: Jos ei ole poropaimenia, kansa hääviä. Koulan poronhoitajien sosiokultuurinen adapt. 20 vuosisadalla / J. Pennanen. Jyväskylä : SKS Suomalaisen kirjall.seuran toimituksia, 2000. No. 779. S. 70–74.

Gutsol, N. Kola saami and regional development / N. Gutsol, L. Riabova // Conflict and cooperation in the north. Umeå : Norrlands Universitetsforlag i Umea AB, Bookshop TAJU, University of Tampere, 2002. P. 313–343.

Ivanova, M. V. The concept of social justice in the economy of traditional households of the Kola Peninsula / M. V. Ivanova, O. V. Shabalina, K. S. Kazakova // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science : 5th International Conference “Arctic: History and Modernity” 18–19 March 2020. Saint-Petersburg : Institute of Physics Publishing, 2020. P. 012183. DOI:10.1088/1755-1315/539/1/012183.

Kasparyan, Z. Health, indigenous food security and social politics in the Arctic region (with the special focus on Murmansk oblast) // Czech Polar Reports. 2017. Vol. 7, No. 2. P. 271–279. DOI:10.5817/CPR2017-2-26.

Kazakova, K. S. From St. Petersburg to Dorpat and back: on academic migrations and communications between universities in the first half of the 19th century / K. S. Kazakova, T. N. Zhukovskaya // Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum. 2018. Vol. 6, No. 2. P. 161–170.

Kravchenko-Berezhnoy, R. A. Exploration age // Живая Арктика. 1999. № 3–4. С. 99.

Patsia, E. History of Mining as Displayed in Museums of the Murmansk region // Subarctic Mining II. Papers presented at a symposium in Lulea, June 15th 2001 / Ed. Kenneth Awebro and Lennart Klang. Stockholm : Jernkontoret, 2002. P. 45–54.

Razumova, I. On the problems of local identity and contemporary Russian "migratory text" (with reference to the Northwestern region of Russia) // Moving in the USSR. Western anomalies and Northern wilderness / Ed. by Pekka Hakamies. Helsinki : Finnish Literature Society, 2005. P. 110–129.

Shabalina, O. Russian Coal Mining in the Arctic // Subarctic Mining II. Papers presented at a symposium in Lulea, June 15th 2001 / Ed. Kenneth Awebro and Lennart Klang. Stockholm : Jernkontoret, 2002. P. 111–126.

Shabalina, O. V. Inter-academic cooperation in the Arctic during the 1898–1901 Swedish-Russian Arc-of-Meridian expedition: Based on materials from the Russian Academy of Sciences Archives / O. V. Shabalina, K. S. Kazakova // Polar Record. 2022. Vol. 58, No. 55. P. 14. DOI:10.1017/S0032247422000146.

Shabalina, O. V. Little-known resource expeditions of A. F. Gebel and G. F. Gebel on the Kola Peninsula in the late 19th — Early 20th centuries / O. V. Shabalina, K. S. Kazakova // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science, Saint Petersburg, 17–18 April 2019. Saint Petersburg : IOP Publishing, 2019. Vol. 302. P. 012008. DOI:10.1088/1755-1315/302/1/012008.

Vinogradov, A. Reflection of exploration and development of the Euro-Arctic region in the archives of the Russian Academy of Science / A. Vinogradov, E. Makarova, O. Shamina (Shabalina) // Proceedings of the 15th Polar Libraries Colloquy. Published for Polar Libraries Colloquy Steering Committee by Bluntisham Books. Cambridge : Bluntisham Books, 1995. P. 182–188.

[*Vinogradova, S*.] Legal protection of Sami traditional livelihoods from the adverse impacts of mining: a comparison of the level of protection enjoyed by Sami in their four home states / T. Koivurova, V. Masloboev, K. Hossain [et al.] // Arctic Review on Law and Politics. 2015. Vol. 6, No. 1. P. 11–51.

Vinogradova, S. Russian Sami in context of indigenous security // Studies in international minority and group rights. 2016. Vol. 13. P. 190–210. DOI:10.1163/9789004314399_013.

Wheelersburg, R. P. Babinski and Ekostrovski: Saami pogosty on the Western Kola Peninsula, Russia from 1880 to 1940 / R. P. Wheelersburg, N. Gutsol // Arctic anthropology. 2008. Vol. 45, No. 1. P. 79–96. DOI:10.1353/arc.0.0004.

Wheelersburg, R. P. Traditional Saami reindeer herding village resource territories on the Western Kola Peninsula, Russia / R. P. Wheelersburg, N. Gutsol // Polar record. 2010. Vol. 46, No. 3. P. 222–232. DOI: 10.1017/S0032247409990106.

Zmeyeva, O. "Hypersexuality" and Ethno-National Stereotyping in the Kola North: An example of Caucasian Men) // Ethnosexual processes: Realities, Stereotypes and Narratives. Aleksanteri Series 6 / Ed. Joni Virkkunen, Pirjo Uimonen, Olga Davydova. Helsinki : Aleksanteri Institute, 2010. P. 111–120.

Научное издание

Гуманитарные исследования в Кольском научном центре РАН:
история и основные направления

Редактор С.А. Шарам
Технический редактор В.Ю. Жиганов
Корректор С.А. Шарам
Подписано в печать 28.12.2023. Формат бумаги 70×90 1/16.
Усл. печ. л. 41,32. Тираж 600 экз. Заказ № 71

Федеральный исследовательский центр «Кольский научный центр РАН».
184209, Мурманская область, Апатиты, ул. Ферсмана, 14

ISBN 978-5-91137-501-0

